

9

ВАЛЕНТИН КАТАЕВ

9

ВАЛЕНТИН КАТАЕВ



ВАЛЕНТИН КАТАЕВ

**Собрание сочинений
в десяти томах**



МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1986

ВАЛЕНТИН КАТАЕВ

Собрание сочинений

ТОМ ДЕВЯТЫЙ

ПЬЕСЫ



МОСКВА

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1986

Оформление художника
Ю. БОЯРСКОГО

Катаев В. П.

К92 Собрание сочинений. В 10-ти т. Т. 9. Пьесы.—
М.: Худож. лит., 1986.— 576 с.

В книгу вошли пьесы, написанные в период с 1927 по 1962 г.: «Растратчики», «Квадратура круга», «Миллион терзаний», «Синий платочек» и др.

К $\frac{4702010200-284}{028 (01)-86}$ подписное

ББК 84Р7
Р2

© Состав, оформление. Издательство «Художественная литература», 1986 г.

РАСТРАТЧИКИ

**Пьеса
в четырех действиях**

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

- Филипп Степанович Прохоров, бухгалтер.
Янина, его жена.
Коля, его сын.
Зоя, его приемная дочь.
Ванечка Клюквин, кассир.
Никита, курьер.
Член правления.
Изабелла, пожилая молодящаяся дама легкого поведения.
Середа, булочник, как две капли воды похожий наружностью на императора Николая Второго.
Кашкадамов, агент по распространению.
Шольте Цезарь Николаевич, инженер, бонвиван, растратчик.
Дама, ее сын средних лет.
Множество прочих персонажей — артельщики, дамы и господа, киношники, железнодорожники, мужики, пассажиры в поезде, шлюхи из бара, аристократы и прочее.

События разворачиваются в разгар нэпа.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Внутренность учреждения. Слева — загородка бухгалтера, справа — кассира.

ЯВЛЕНИЕ I

Н и к и т а. Газетку, Филипп Степанович, просматривать будете?

П р о х о р о в. А что в ней может быть интересного, Никита?

Н и к и т а. Например, Филипп Степанович, бывает напечатана довольно интересная критика советской власти.

П р о х о р о в. Какая может быть критика?

Н и к и т а. Да ведь вы и сами знаете, Филипп Степанович... Насчет бегов... критика...

П р о х о р о в. Бегов? Курьер, ты просто пьян. Каких бегов?

Н и к и т а. Бега у нас теперь известно какие. Бегут один за другим, и все тут.

П р о х о р о в. Да кто бежит-то?

Н и к и т а. Уж бегут.

П р о х о р о в. Ну, именно?

Н и к и т а. Растратчики же и бегут. Дело ясное. Садятся, знатца, с казенными суммами на извозчика и едут. А куда едут — неизвестно. Надо полагать, по городам разным ездют. Пока, значит, не проезжаются окончательно. Тогда, значит, возвращаются на отсидку. Лет, значит, пять посидят, а потом, значит...

П р о х о р о в. Чушь какая-то...

Н и к и т а. А вот и не чушь! Я сегодня, например, такую критику вычитал, что за октябрь месяц кругом по Москве из различных учреждений не менее как полторы

тысячи человек таким образом выехало. Что же это будет, Филипп Степанович, вы мне скажите? Если все кассиры таким образом разъедутся? Очень скучная тогда служба получится. Возьмите, к примеру, хоть нашу Мясницкую улицу. Конечно, сколько на ней приходится различных учреждений, в точности неизвестно, но что касается, то в нашем угловом доме есть всего пять, а вместе с нами — шесть. Считайте, знатца, первый этаж, главная контора «Уралкварц» и «Все для-ради», второй...

Прохоров. Для чего ты мне все это говоришь?

Никита. А для того, что весь второй этаж занимает «Электромаш», итого три, третий этаж — мы и трест «Трострест», итого пять, и четвертый этаж...

Прохоров. Никита, замолкни!

Никита. «Промкуст». Итого шесть.

Прохоров. Никита, я что тебе сказал? Замолкни.

Никита. Теперь примите во внимание, товарищ бухгалтер, что «Уралкварц», «Все для-ради», «Электромаш» и «Трострест» уже растратились на прошлой неделе, а из «Промкуста» только-только кончили вывозить седни на рассвете. В семь часов аккурат последняя, знатца, подвода отъехала...

Прохоров. Никита, что ты мелешь? Что за подвода? Почему подвода?

Никита. Дело известное: на извозчике осьмнадцать тыщ медной монетой с четвертого этажа на вокзал не упрешь.

Прохоров. Кто же это держит такую крупную личность в медной монете? Ты просто все выдумываешь, Никита, уходи.

Никита. Не я это выдумал. Председатель ихнего правления выдумал для того, чтобы казенные суммы, знатца, предохранить. Надо быть, думал, что как начнут они, то есть кассир, извините, с бухгалтером мешки с четвертого этажа по лестницам таскать, тут их, голубчиков, кто-нибудь и пристигнет. Оказывается, и ничего подобного. Да я сам, едва стало развидняться, вдруг слышу на лестнице шум. Накинул шинельку, выхожу. Вижу, тащат мешок. У меня и подозрения никакого на этот мешок не явилось. Мало ли что. Может, они какую-нибудь кустарную продукцию на рынок выбрасывают. Или же, допустим, простая картошка. Я себе немного постоял и ушел с лестницы. Ах ты боже мой. А там, значит, у подъезда уже подводы — и на вокзал. Через это у них сегодня жалованье сотрудникам не выдают. Потому что, знатца, нечего выда-

вать. Одни мы нерастраченными на весь угловой дом и остались...

Прохоров. Ну иди, Никита.

Никита. Филипп Степанович, и вы обратите внимание на то, что как у нас на этой неделе собираются выплачивать жалованье, то ни у кого из сотрудников нету денег, а которые числятся по шестому разряду сетки, так у тех, могу сказать про себя и про уборщицу Сергееву, ни копейки не осталось от прошлой получки...

Прохоров. Ступай, Никита. Ты мне своей болтовней мешаешь работать.

Никита (*уходя нерешительно*). Болтовней... А то ведь это что же такое, ежели все разъедутся... Очень тогда скучноватая служба получится без жалованья... (*Ушел.*)

ЯВЛЕНИЕ II

Прохоров один.

Прохоров. Ну-с. (*Углубляется в работу. Пауза. Часы бьют два. Мечтательно.*) Вот все говорят: бухгалтер, бухгалтер. А знаете ли вы, товарищи, что такое бухгалтер? Ого. Орел. Генерал. Главнокомандующий. Вождь, который мужественно и тонко руководит с возвышенности некими военными операциями, имеющими величайшее, государственное значение. На вид вот простейшая бумажонка, а всмотришь в нее повнимательнее. Ого. Диспозиция... Диверсия... Дислокация... Правый фланг — производство, левый фланг — бухгалтерия, в центре — председатель правления. Контрщики — кавалерия, машинистки — пулеметчики. Батальон, в цепь. Пулеметы — беглый огонь. За мной, братцы, ур-ра... (*Закашлялся.*) Эх, разве это жизнь. То ли дело, помню, во время японской кампании под Ляоляном... В пикете. Заберешься с горстью храбрецов в Ляолян, выставишь караул, вытащишь из кармана роман «Великосветская красавица Изабелла» или «Граф Гвидо — покоритель сердец»... Да... Не то что теперешние, которые... До сих пор жжет... «Прекрасная Изабелла пошатнулась... Ланиты ее покрыл смертельный румянец... Волосы ее, черные, как кипящая смола, рассыпались змеями по мрамору обнаженных плеч... Разбойники помчались по направлению к ближайшей роще. Граф Гвидо вскочил на коня». Да... Вот это жизнь! «Граф Гвидо вскочил на коня». Вот это был человек... А теперь что? Мура всякая... мура...

Входят артельщики.

Первый артельщик. Получать можно, что ли? Ванечка (из кассы). Подождите-с.

Второй артельщик. Этак мы, Ванечка, сегодня и в банк не попадем.

Ванечка. С нашим удовольствием-с... Аблимант... Только это не от меня зависит-с... Не имею распоряжения из бухгалтерии.

Первый артельщик. Ох-хо-хо-хо. Папиросочки не желаете?

Ванечка. Не потребляю.

Первый артельщик. Что так?

Ванечка. Не приучился. Как в детстве не курил, как на военной службе не курил, так и вовсе не курю.

Второй артельщик. Ванечка у нас тихий. Верно, Ванечка?

Первый артельщик. В тихом омуте, говорят, черти водятся.

Ванечка. Хи-хи. Тоже скажете. Зачем нам черти — мы и без всяких чертей.

Первый артельщик. А все-таки небось скучно сидеть целый день в кассе?

Ванечка. Зачем скучно. У меня тут целое хозяйство. Вещи разные интересные. Среди них не поскучаешь. Шкап, например, несгораемый. Во. Триста пятьдесят пудов весу в голубчике. Ничего себе дядя. Опять же электрическая матушка-лампочка, полуваттная, на сто свечей. Во, как солнышко все равно светит... Ножницы вот. Баночка с гуммиарабиком, кисточка, ножик перочинный. Все это, товарищи, понимать надо. За всем этим присматривать надо, чтоб в аккурате все находилось, чтоб, чего доброго, не утащили. Имущество казенное.

Первый артельщик. Хо-хо. Ишь какой службист.

Второй артельщик. А как Александр Сидорович поживает?

Ванечка. Мерси-с. Ничего себе. Все птички ставит.

Первый артельщик. Это кто же будет такой Александр Сидорович?

Второй артельщик. А ну, Ванечка, покажи ему Александра Сидоровича.

В а н е ч к а. Вот-с. Карандашка, Александром Сидоровичем звать. Хи-хи.

П е р в ы й а р т е л ь щ и к. Простой карандаш, а свое имя-отчество имеет. Это к чему же, например?

В а н е ч к а. Как же иначе? Ему без имени-отчества неудобно все-таки. Красная половинка — Александр, а синяя — Сидорович-с... Вот и выходит — Александр Сидорович...

Все смеются.

ЯВЛЕНИЕ IV

П р о х о р о в. Ванечка.

В а н е ч к а (*артельщикам*). Виноват. Зовут. Сейчас, наверное, распоряжение получу, буду выдавать. Тогда, значит, Александром Сидоровичем на ордере поставлю птичку — раз, и готово. Аблимант. (*Закрывает окошечко кассы.*)

П е р в ы й а р т е л ь щ и к. Касса, а наоборот — Ассак.

В а н е ч к а (*напевая*). Ассак, Ассак, Ассак... (*Идет к Прохорову.*)

В т о р о й а р т е л ь щ и к. Золотой человек. Ласковый. Одно слово — Ванечка. Его все в учреждении иначе как Ванечка и не называют.

П р о х о р о в. Вот что, Ванечка. Какая у тебя наличность?

В а н е ч к а. Тысячи полторы, Филипп Степанович. По счетам сегодня платить будете? А то люди там дожидаются.

П р о х о р о в. Надо бы часть мелких заплатить. Кроме того, вот что, Ванечка: завтра надо будет выплачивать сотрудникам жалованье. Но там у нас есть несколько просроченных векселей. Ну, конечно, и по остальным счетам. Словом, надо завтра так или иначе развязаться с этим делом.

В а н е ч к а. Так-с.

П р о х о р о в. Потом вот что. Артельщик у нас заболел. Так тебе, Ванечка, значит, надо будет сходить в банк.

В а н е ч к а. Тэк.

П р о х о р о в. По чеку получить тысяч двенадцать. Да ты вот что, Ванечка... Отпусти сначала людей, а потом загляни ко мне. А я пойду к члену правления, чек чтоб подписал.

Ванечка уходит, открывает кассу и ласково кричит.

В а н е ч к а. Будьте любезны, товарищи, расписывайтесь по очереди, кто по ордерам. Сумма прописью.

Артельщики подходят к кассе и становятся в очередь, получают деньги и расплачиваются.

ЯВЛЕНИЕ V

Ч л е н п р а в л е н и я и П р о х о р о в.

Ч л е н п р а в л е н и я (*размахивая перед лицом чеком*). Все это очень хорошо, но зачем же именно посылать кассира? Знаете, теперь такое время, когда каждую минуту ждешь сюрпризов. И потом, откровенно говоря, не нравится мне этот Ванечка. Между прочим, откуда он взялся?

П р о х о р о в. Ванечка откуда взялся? Как же — у нас полтора года служит, а порекомендовал его, если помните, сам товарищ Туркестанский.

Ч л е н п р а в л е н и я. Полтора года? Не знаю. (*Кисло поморщился.*) Может быть. Но понимаете, он мне не внушает доверия. Войдите, наконец, в мое положение, ведь я же за все отвечаю. Как хотите... в конце концов... Не как начальник подчиненного, а как человек человека... Одним словом, я вас убедительно прошу отправиться вместе с ним в банк... Лично... А то, знаете, Ванечка, Ванечка, а потом и след этого самого Ванечки простыл. После истории с «Промкустом» я положительно не знаю, что и делать... Хоть стой возле кассы на часах с огнестрельным оружием.

П р о х о р о в. Как угодно, конечно. Только, по-моему, напрасное беспокойство.

Ч л е н п р а в л е н и я. Глаза у этого Ванечки, глаза... Вы обратили внимание?

П р о х о р о в. Глаза обыкновенные. Впрочем, если хотите, схожу. Марья Васильевна, у вас печать? Пристукните-ка.

Марья Васильевна достает печать и пристукивает.

Вот сюда. Поаккуратнее. Хлоп. И нет двенадцати тысяч. Ванечка, отпустил людей?

В а н е ч к а. Последнему выдаю.

П р о х о р о в. Тогда запирай кассу и пойдем в банк.

В а н е ч к а. И вы тоже пойдете?

П р о х о р о в. И я, Ванечка, пойду. Отчего бы мне и в самом деле не пройтись? Для моциону. Хотя на дворе

и дождь, но погода прекрасная... за компанию, так сказать... А? (*Уходит за загородку и надевает пальто, калоши, берет зонтик, закуривает и рассыпает спички.*)

Н и к и т а. К деньгам, Филипп Степанович. К большим деньгам...

П р о х о р о в. Какие там деньги. Если будут спрашивать — мы вернемся к концу дня. Ну-с, Ванечка...

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ VI

Н и к и т а, потом у б о р щ и ц а.

Н и к и т а. Ушли, так и есть. Ну и ну. Уборщица, живо пиши доверенность на жалованье.

У б о р щ и ц а. Неужто платят?

Н и к и т а. Пиши, говорю, и не спрашивай. А то пиш с маслом получишь.

У б о р щ и ц а. Не пойму я тебя, Никита. Ушли, что ли, они?

Н и к и т а. Нас с тобой не спросились. У них на руках чек на двенадцать тысяч.

У б о р щ и ц а. Не вернутся, значит, что ли?

Н и к и т а. Это уж как бог даст! Доверенность-то писать будешь? А то, чего доброго, упустишь их, тогда пиши пропало. В Москве, чай, одних вокзалов штук до десяти; побежишь на один, а они в это время с другого выедут. Пиши, Сергеевна, пиши, не задерживай.

У б о р щ и ц а. Ах боже ты мой. Чужало мое сердце, всю ночь будто наш председатель снился... Ну, думаю...

Н и к и т а. Подписывай. Не можешь? Ну, ставь крест.

У б о р щ и ц а. А может, вернутся?

Н и к и т а. Дура ты, баба. Обязательно разъедутся.

У б о р щ и ц а. А деньги мои ты не пропьешь?

Н и к и т а. Подписывай, я тебе добра желаю. А то как хочешь...

У б о р щ и ц а. Ну уж, ну уж. (*Подписала и крестится.*) Так ты ж, Никитушка, смотри.

Н и к и т а (*складывая бумагу в боковой карман*). Ладно, поеду теперь, знатца, по банкам. Если в Промбанке не найду, так наверняка они в Московской конторе получают. А ежели в Московской конторе не найду, тогда, знатца, прямо на квартиру. А если на квартире нету, тогда, знатца, по вокзалам поеду. А если и на Савеловском нету, тогда, знатца... (*Уходит.*)

Уборщица. Никита. Слышь, Никита. *(Бежит к двери, в дверь.)* Смотри, Никита. Тово... Денег моих не пропей. Чужло мое сердце. Всю ночь снилось, будто председатель правления в бухгалтерии пол мыл черной тряпкой.

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

ЯВЛЕНИЕ I

Банк.

Прохоров. В портфель, Ванечка, суммы класть неудобно и опасно. Того и гляди хулиганы вырежут. Мы сделаем так: шесть тысяч ты у себя размести по внутренним карманам, а шесть я у себя размещу. Верней будет.

Никита *(вошел)*. Вот-вот. Подоспел-таки. Делются. С получкой, Филипп Степанович. *(К кассиру.)* И вас также, товарищ кассир.

Прохоров. Почему ты здесь, Никита?

Никита. Я, знатца, так рассчитывал, что ежели в Промбанке не застану, тогда прямо в Московскую контору. Вот оно и выходит. Ну, а если, думаю, в Московской конторе нету, тогда непременно по вокзалам придется ехать. Перво-наперво, конечно, на Казанский, если же нету на Казанском, ну, тогда на Ярославский... Если же нету на Ярославском, тогда, думаю, не иначе как надо ехать на Савеловский...

Прохоров. Какой Савеловский? Что ты мелешь? Кто тебя прислал?

Никита подает бумагу.

В чем дело? Нуте-с? *(Надевает пенсне, читает.)* «Доверяю... подателю... сего... получить причитающееся... по сетке... жалованье...» Прошу быть свидетелем, товарищ кассир, до чего обнаглели в наше время курьеры. *(Дает Ванечке бумагу.)* Нет, ты видел что-нибудь подобное?

Ванечка. А что-с? *(Читает.)* Как же так, Никита. Разве ж можно к людям до такой степени приставать, чтоб ходить за ними даже в банк? Завтра все будут получать, и уборщица Сергеева получит, с удовольствием.

Никита. Дозвольте получить сегодня как за себя, так и за уборщицу. Сделайте исключение из правила.

Прохоров. Это еще что за новость? А вот я на тебя за такие штучки в местком пожалуюсь... Распустился...

Никита. Пожалуйста, Филипп Степанович.

Прохоров. Я даже разговаривать с тобой не нахожу нужным, такая наглость. (*Укладывает деньги в карман.*) Пойдем, Ванечка.

Выходят на улицу.

ЯВЛЕНИЕ II

Улица.

Никита (*забегает вперед*). Выдайте, Филипп Степанович.

Прохоров. Что за нетерпенье, я не понимаю. Во всем нужен хоть какой-нибудь порядок. Ведь если за мной все сотрудники начнут бегать таким образом по улицам, так что ж из этого получится?

Никита. Не будут, Филипп Степанович, бегать. Сотрудникам что? Сотрудники не меньше как по двенадцатому разряду получают, перетерпят. Выдайте, товарищ Прохоров.

Прохоров. Завтра, Никита, завтра. Не помрете же вы с Сергеевой до завтра.

Никита. Сегодня — это, Филипп Степанович, одно, а завтра может быть совершенно другое. Выдайте.

Прохоров. Фу, черт. Да что ж, в конце концов, вот тут, осеред улицы, без ведомости, под дождем, в темноте вынимать суммы и выплачивать? Уж если тебе действительно так приспичило, то ты поскорей иди в учреждение, а мы с Ванечкой сейчас подъедем на извозчике. Там и выдадим. Время теперь темное, а у нас казенная наличность. Иди, Никита.

Никита (*в испуге*). Это зачем же, товарищи, на извозчика садиться с казенной наличностью... Ни к чему это, товарищи... Пока пятое, десятое... И вы также, товарищ кассир, войдите в положение людей. А что касается выдавать под дождем, так тут за углом, в двух шагах, есть тихая столовая с подачей. Займет не больше двух минут времени, а тогда хоть и на извозчиков, хоть и на вокзал, в час добрый, а я себе пойду. Вон она светится. Сделайте снисхождение.

Прохоров. Ну что с ним сделаешь, Ванечка. Выдать сумму, конечно, не долго, но ведь если бы ведомость

была, а то, главное, ведомости нету. Никита, никак невозможно без ведомости.

Н и к и т а. Чего там без ведомости... Ничего, что без ведомости. Дело вполне возможное. Всем известно: шестой разряд по тарифной сетке, за полмесяца и без вычетов есть двенадцать рублей и пятьдесят копеек и столько же причитается уборщице Сергеевой по доверенности. А товарищ кассир пускай потом птичку Александром Сидоровичем в ведомости сделают, и дело с концом.

П р о х о р о в. Это незаконно.

В а н е ч к а. Куда ты ведешь нас, курьер? У меня сапоги насквозь мокрые, ни черта не видно. Тьфу, опять в лужу угодил. Всюду вода...

Н и к и т а. Будьте покойны. Уже подошли. Тут через дом. И можно обсушиться. Держитесь, Филипп Степанович, правее. Займет пустыки. Товарищ кассир, правее держитесь. Такая собачья погода, будь она трижды. Пожалуйте.

Подошли к двери пивной, освещенная витрина.

П р о х о р о в. Ну уж, ну уж... Ну уж ты... (*Читает надпись наоборот.*) Икар, овиц.

Н и к и т а. Сюда-с, сюда-с.

ЯВЛЕНИЕ III

Уголок пивной.

Н и к и т а. Пожалуйте, пожалуйста. Сюда вот, за этот столик, под елочку. Здесь будет вроде как в лесочке.

П р о х о р о в. Пожалуй, и не следовало бы заходить... Но раз уж зашли... Отчего бы не распить бутылочку пива с подчиненными сослуживцами... Гм...

Н и к и т а (*хлопочет возле Прохорова и Ванечки*). Сюда-с... Вот так, вот так... и вы, товарищ кассир... Вот-с... Стульчик... Такая погода... Зонтичек пожалуйста...

П р о х о р о в. В былое время сам старик Саббакин иногда захаживал со своими конторщиками в трактир Львова, что у Сретенских ворот... Машину послушать... И водки дернуть... А ведь какой человек был!.. Орел! Нуте-с...

О ф и ц и а н т. Что прикажете?

П р о х о р о в. Сделай-ка ты нам, братец, гм... поросенка с хреном, селедочки с гарниром, грибков соленьких, огурчик и графинчик очищенной.

О ф и ц и а н т. Водкой не торгуем, только пивом. Пакета не имеем.

Прохоров. Что же это за трактир, если нету водки.

О ф и ц и а н т. Без водки трактиру не полагается. Это точно, только время теперь не то-с.

Прохоров. Гм. В таком случае ты нам дай, братец, парочку пивка, да раков камских по штучке, да воблы любительской порцию нарежь, если хорошая, да печеных яиц подбрось, только почернее.

О ф и ц и а н т. Слушаю-с.

Никита (*Ванечке*). Вот это человек! Все понимает.

Прохоров. Ну те-с? Товарищ курьер, я вас слушаю, изложите.

Никита (*встает, руки по швам*). Так что разрешите получить как за себя, так и за уборщицу Сергееву по доверенности. Выдайте.

Прохоров. Я, Никита, в принципе против авансовых выдач, но в исключительных случаях это возможно при наличии в кассе свободных сумм. Товарищ кассир, какая в кассе наличность?

Ванечка. Хватит, Филипп Степанович: тысяч двенадцать. Можно выдать.

Прохоров. В таком случае выдайте под расписку.

Ванечка. Получите, товарищ. Распишитесь вот здесь. И здесь. Ровно двадцать пять рубликов. Аблимант.

Никита. Покорнейше благодарю.

Прохоров. А расписку подшей, чтоб потом никаких разговоров, где, что, почему... И выпьем по этому поводу. Ваше здоровье.

Ванечка. Будем здоровы. Дай боже, чтоб завтра тоже.

Никита. Ваше здоровье. (*Выпил, потряс пустыми бутылками.*) Дозвольте по случаю получки поставить парочку.

Прохоров. Ну что ж... можно.

Никита. Пару.

Официант приносит. Пьют.

Ванечка. Дай боже, Филипп Степанович... Обратите внимание, какие тут лампочки висят интересные... Вроде как облупленные яйца... Вроде как желтенькие цыплятки из них вылупляются... и по потолку бегают... цып, цып, цып...

Смеются, слегка опьянев.

Прохоров. Кассир. *(Грозит ему пальцем.)*

Никита. Товарищ бухгалтер, разрешите ради случая... Половинку горькой... Тут за углом в МСПО, в два счета.

Прохоров. Н... Никита. *(Грозит ему пальцем.)*
Н... но...

Никита. Ей-богу, Филипп Степанович... Половинку, и ничего такого... в два счета...

Прохоров. Ну что ж... пожалуй.

Никита убегает за водкой.

Ваше здоровье.

Ванечка. Дай боже, чтоб завтра тоже.

Прохоров. Ты, Ванечка, смотри... Ты не думай... Я все это ясно понимаю... Ты думаешь: Прохоров, Прохоров. А знаешь ли ты, кассир, на что способен бухгалтер Прохоров? У меня вот, может быть, в душе огонь горит. Во. Черт-те что. Веришь ли, под Ляолянм... со взводом стрелков... С одним-единственным взводом... Эх, да что говорить. Чудеса храбрости... Золотое оружие... Полторы тысячи пленных... Выпьем по этому поводу... Ваш... здоров...

Ванечка. Дай боже...

Прохоров. А как женился бухгалтер Прохоров, вам известно? Что-о-о-о?.. Неизвестно?.. Ха-ха... Щенок... Спроси любого старого московского бухгалтера — как женился Прохоров? И он тебе скажет. Не как-нибудь так себе, просто, а по объявлению женился. Во... постой... Могу сказать. Виноват. *(Роняет бутылку.)* Вот... *(Роется в бумажнике и достает вырезку.)* Вот... Вырезка из московской брачной газеты за тысяча девятьсот восьмой год, номер двенадцатый. Библиографическая редкость, Румянцевская библиотека. На сердце храню... Как талисман безумных лет... Виноват... *(Надевает пенсне, читает.)* «Откликнись, ангел». Это крупным прифтом. «Воин, герой Порт-Артура и кавалер орденов, вышедший в запас в чине капитана, трезвый и положительный, а равно лишенный физических дефектов, решил перековать меч на орало с целью посвятить себя финансово-счетной деятельности, а также тихой семейной жизни. Сын Марса ищет подругу жизни». А, Ванечка. Сын Марса ищет подругу жизни. Вот это стиль. «Желательно пышную вдову, блондинку, обеспеченную небольшим состоянием или же делом, с тихим, кротким характером. Цель — брак. Анонимным интриганкам не отвечу. Предложения только серьезные, адресовать

до востребования предъявителю трехрублевой ассигнации номер 8563421». А, Ванечка?

Н и к и т а (*входит с водкой*). Половиночка, она не повредит. И ничего такого... Пожалуйте стаканчики. И все шито-крыто. (*Наливает под столом стаканы.*) Будем здоровы. С получкой, значит!

Прохоров крикает.

В а н е ч к а. Дай боже, ух.

П р о х о р о в. Закуси воблой. И что же ты думаешь, кассир. Нашлась пышная вдова. Ей-богу, невероятно, но факт. Сейчас же и нашлась. Из Лодзи приехала... Правда, с двухлетней дочкой неизвестного происхождения, но... нашлась, факт. И дело небольшое имела... Бандажи, корсеты и бюстгальтеры... Пронзительная женщина... Яничочка... Живем, слава богу, до сих пор... Даже сам старик Саббакин одобрил. Глава торговой фирмы. «Вы, говорил, господа, теперь с Филиппом Степановичем не шутите, ибо он у нас помощник главного бюстгальтера». Замечательный был старик. Через два «б» — Саббакин.

В а н е ч к а. Виноват. (*Опрокидывает рукавом бутылку.*)

Н и к и т а. Товарищ бухгалтер, дайте я вам выскажу... Теперь как при вас наличность... и как на вокзал вам надо не опоздать...

П р о х о р о в. Постой, Никита, дай мне высказать все и не лезь мне в ухо усами... Постой... Я тебе, Ванечка, скажу, что наша жизнь не что иное, как сон... А прежде! Возьмем к примеру старика Саббакина. Ты меня понимаешь, Ванечка? Ах, Ванечка, ах ты мой кассир, какая была жизнь. Какая жизнь. Ты об этом понятия не имеешь. Сон. Упоительный сон.

Начинается музыка.

Звенели тройки... Тройки, понимаешь... Фонари... Кафешантаны... Лакеи во фраке... Толстая бутылка в салфетке... Бац — пробка в потолок... и пена ш-ш-ш... Будьте любезны, мадам, поднимаю бокал... Пью за ваши глаза... Черт-те что... «Смотрите здесь, смотрите там — нравится ль все это вам...» Цилиндр на затылок... Ля-ля-ля-ля. Падí. К Яру... К цыганам... А теперь что... Тоска... Мура какая-то вокруг... Пепел, мрак... Эх, Ванечка, кассирушка мой. Прошла молодость, прошла стороной... Виноват, кто сказал, что прошла? Вздор!

Н и к и т а. Пойду я. Счастливого пути.

П р о х о р о в. А? Что такое?

Н и к и т а. Счастливого пути, говорю, товарищи. И вам счастливого пути, товарищ кассир. Приятного путешествия.

П р о х о р о в. Постой. Что ты врешь? Разве мы куда-нибудь едем? Вздор... Никита... ты просто пьян. Я это ясно понимаю... Скажем, Никита... Вот он тут сидит совершенно пьяный и замышляет растратить жалованье курьерши Сергеевой... Я вижу его насквозь... Что такое Никита и что такое Саббакин — ясно. А? То-то я и говорю: ничтожный Никита, червь, хам — и великий Саббакин. Ха-ха. Так и говорил: ты у меня, говорил, главный бухгалтер. Ха-ха-ха. Ванечка, мы... ведь... никуда не едем? а?

В а н е ч к а. Никуда-с.

Н и к и т а. Разрешите для последнего знакомства одну разгонную.

В а н е ч к а. Валяй.

П р о х о р о в. Никита. Ни-ки-та.

Официант налил из бутылки. Все встали и пьют.

Человек, счет. Кассир, выдай. Расписки подшей.

В а н е ч к а. Аблимант. *(Платит.)*

Н и к и т а *(подавая зонтик и шляпу)*. А теперь, Филипп Степанович, хоть и на извозчика.

П р о х о р о в. Ванечка, поедем. Нельзя ж так вдруг ни с того ни с сего разойтись... Так приятно все начинается. Душевно... Едем...

В а н е ч к а. Куда же мы, Филипп Степанович, поедем?

П р о х о р о в. Ко мне. Я тебя приглашаю к обеду. Милости просим. Жена будет очень рада. Захватим по дороге закусочки, коньячку, корнишончиков... Увидишь мое семейство. Все будут ужасно рады.

В а н е ч к а. А может быть, ваша супруга будут недовольны?

П р о х о р о в. Если я говорю, что все будут рады, значит, будут. И корнишончиков... Приедем, а я сейчас же скажу ей: приготовь ты нам, Яниночка, такую селедочку с лучком и поросеночка с хреном. Суаре интим в тесном кругу... Как говорил старик Саббакин... Роскошная столовая... Крахмальная скатерть... Стол на шесть кувертов... Горный хрусталь... Серебро... Дубовые зайцы на буфете... Блеск... Красота... Водка во льду... Ве-

черные туалеты... Цветы и шампанское... А после обеда не угодно ли кофе... с ликером... Шерри-бренди... Будьте любезны.

Выходят на улицу.

ЯВЛЕНИЕ IV

На улице.

Прохоров. Извозчик. Чистые Пруды.

Уезжают.

Никита (*один*). Разъехались. Такая, знатца, им написана планида, чтоб ездить теперь по разным городам и ездить. Двенадцать тысяч. Легко ли их одолеть? Пойти, что ль, дернуть для такого случая?

Занавес

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Одна из двух комнат в квартире бухгалтера Прохорова.

ЯВЛЕНИЕ I

Управдом, Янина и сын Коля.

Управдом. Гражданка, но у вас задолженность за три месяца.

Янина. Але, боже мой, товарищ управдом.

Управдом. За воду не плачено со второй половины июля. Нельзя же так, гражданка Прохорова.

Янина. Неужели невозможно подождать до пятнадцатого?

Управдом. Мы передаем в нарсуд о выселении.

Янина. Но что же делать, если нету денег. Нету и нету. Поверите ли, товарищ управдом, я просто схожу с ума. Рассчитайте сами. Жалованье — сто сорок пять, в союз — три, за рабкредит — тридцать. Дочка стенографию изучает — двенадцать...

Коля (*входя*). Мама, там молочница пришла.

Янина. Але, боже мой. Скажи, чтоб она пришла пятнадцатого.

Коля уходит.

Вы видите? И так целый день: то прачка, то молочница, то полотеры, то стенография, то то, то се...

У п р а в д о м. У всех, гражданка, не хватает. Не одни вы дочку стенографии обучаете. А между прочим, супруг ваш в это время преспокойно сидит в пивной, сдувая с кружки пену и требует еще с полдюжины камских раков.

Я н и н а. Что-о? Я очень перед вами извиняюсь. Может быть, кто другой и сидит по пивным с пеной у рта, только не мой супруг. У Филиппа Степановича не в порядке почки. Он третий год ничего такого себе не позволяет.

У п р а в д о м. Да, а между прочим, час назад тому иду я мимо чистопрудной пивной и захожу туда. Посмотреть, конечно, на часы. И что же я замечаю, гражданка? Сидит ваш симпатичный болезненный супруг за столиком и в то время, когда домоуправление изыскивает средства на необходимый ремонт водопроводной сети, заказывает себе еще четыре бутылки пива и пѐлдюжины камских раков.

Я н и н а. Что вы говорите?

У п р а в д о м. А то самое, что вы слышите. И вместе с ним еще одна мелкая личность, пьяная, конечно, как зюзя, которая громко подпевает струнному оркестру: «Тор-реадор, смелее в бой». Такие вещи, гражданка, абсолютно не могут называться — стенография. Я со всей категоричностью заявляю. В противном случае... (*Уходит.*)

Я н и н а. Извольте радоваться. Новое дело. Нет, я таки окончательно сойду с ума от такой жизни. И кто бы мог подумать. Негодный пьяница.

Раздается четыре звонка.

Вот. По звонку даже заметно, что пьяный. Ах, негодяй! Ах, старая свинья. Ах, бродяга. Так вот, значит, какие твои сверхурочные занятия. Погоди же.

Уходит. Часы бьют семь. За сценой слышится звук отворяемой двери и голоса. Голос Прохорова: «Я не один, Яниночка. Мы, Яниночка, вдвоем. Я и наш кассир. Я его прихватил к обеду». Голос Янины: «Какие могут быть обеды в восьмом часу. А ну, дыхни». Голос Прохорова: «Я тут кое-что прихватил. Ну и напитков, конечно, хе-хе. Прошу любить да жаловать». Голос Янины: «Дыхни, тебе говорят». Голос Прохорова: «Суаре интим. И конфеток для дам... В семейном кругу... Яниночка, что же ты плюешься?» Голос Янины: «Пошли вон, пьяные паршивцы, чтоб духу вашего не было».

Звук захлопнувшейся двери. Во время этого разговора вошел К о л я и слушает. Я н и н а вбегает.

Я н и н а. Так и есть, пьян как сапожник, и с ним еще один. Пускай же сидят на лестнице до второго пришествия

вия, не скучая. Але, боже мой. Что это за жизнь. (*Уходит в дверь налево.*)

Пауза. Коля возится возле самодельного радио. Повторяется четыре звонка. Янина выглядывает из дверей.

Колька, ну что же ты сидишь как пень. Ты же слышишь? Пойди открой. (*Скрывается.*)

Коля уходит. Открывается дверь, и через некоторое время входят следом за Колей Прохоров и Ванечка.

ЯВЛЕНИЕ II

Ванечка. Я же вам говорил, Филипп Степанович, что будет не совсем удобно. В другой раз можно бы зайти.

Прохоров. Вздор, вздор. Ты, Ванечка, не обращай внимания. Она у меня, понимаешь ли, страшно нервная женщина, но золотое сердце. Сидит небось на кухне и разогревает обед. Можешь мне поверить.

Ванечка. А может быть, ваша супруга, Филипп Степанович, будут все-таки недовольны?

Прохоров. Если я говорю, что все будут рады, значит, будут... И точка. И корншончиков... она придет, я сейчас же и скажу ей: приготовь ты нам, Яниночка, скажу, такую селедочку с луком и поросенка с хреном. Все будет как нельзя лучше. Суаре интим в тесном кругу. Как у старика Саббакина! Только ты, Ванечка, того. Я ведь вас, молодых людей, хорошо раскусил. Сам небось понимаю. Насчет моей приемной дочки держись. Такая девица, что сейчас же врежешься, как черт в сухую грушу. А после обеда не угодно ли... кофе... с ликерами... шерри-бренди... Шартрез... Будьте любезны... Ты, главное, Ванечка, не скучай. Она любой красавице сто очков вперед даст... Сейчас я вас за обедом познакомлю. «Позвольте представить — моя приемная дочь Зоя, мой кассир Ванечка...» Хе-хе-хе. Я ведь не то что другие сволочи отцы, я понимаю, что идеал молодежи кружиться в вихре вальса.

Ванечка. В вихре вальса?.. Да-с... Я, Филипп Степанович, насчет барышень ничего себе. Не подкачаю.

Прохоров (*замечая Колю*). А, узнаю своего законного сына. Это, Ванечка, позволь тебе представить, мой сын Николай Филиппович, гражданин Прохоров — пионер и радиозаяц. Шаркни кассиру ножкой. Не умеешь? И очень жаль. Чему вас там учат? Где мать?

Коля (*показывая на дверь*). Там.

Прохоров. Ага, гм... А я думал, в кухне. Такое дело. (Ванечке.) Милости просим. Что же, ты уж извини, Ванечка, тут у нас, видишь, этакое неглиже, белье сушится... А то с чердака здорово прут, сукины дети. Присаживайся, клади покупки. А где же Зойка?

К о л я (возясь возле радио). На курсах.

Прохоров. Вот так штуkenция. Не повезло нам с тобой, Ванечка. Она, понимаешь ли, стенографию изучает, на съездах скоро будет работать. Пронзительная девушка. И точка. Но мы сейчас все это устроим.

В а н е ч к а. А может быть, все-таки, Филипп Степанович... Как-нибудь другим разом...

Прохоров. Вздор. (Подходит к двери и ласково скребется в нее зонтиком.) Яниночка, а у нас гость.

Г о л о с Я н и н ы. Пошли вон, пьяные паршивцы.

Прохоров. Что ты скажешь? Такая нервная женщина. Все никак не может успокоиться. Ты покамест посиди, Ванечка. Ничего, не стесняйся, разворачивай пока закуски, открывай коньяк. Сейчас я все устрою.

Прохоров на цыпочках входит в комнату к Янине.

В а н е ч к а (некоторое время лучезарно осматривается по сторонам, замечает радио). Это у вас радио. Очень интересное приспособление-с. Дорого, извините, дали?

К о л я. Собственной конструкции, принимает на осветительную сеть, обыкновенный кристаллический детектор, если нет атмосферных разрядов — Лондон слышать.

В а н е ч к а. Скажите пожалуйста, до чего дошли люди.

К о л я. Это что. Я вот громкоговоритель на две катодные лампы делаю, только катодные лампы дорого стоят, а то бы давно работал. Вот недельки через две непременно достану.

В а н е ч к а. Интересно было бы послушать. Разрешите.

К о л я. Пожалуйста, только настройку не сбейте — осторожно.

Ванечка берет трубку и слушает.

Ну, что слышать?

В а н е ч к а. Слышать, поют.

К о л я. Это со станции МГСПС на длинной волне по трансляции из Большого Академического театра, опера «Кармен», первый акт.

В а н е ч к а. Здорово.

Раздается четыре звонка. Коля уходит отворять дверь. Из левой двери выбегают Прохоров и Янина.

Янина. Вон, вон, негодный пьяница, чтоб духу твоего здесь не было. Вот я перебью сейчас об твою дурную голову все твои бутылки и псам под хвост раскидаю все твои закуски. Дома кушать нечего, в жилтоварищество за три месяца не плачено, Колька без сапог ходит, лампочки в передней нету, а ты, старый алкоголик, по пивным шляешься и дома кутежи устраиваешь. Из каких средств? Я не позволю у себя на квартире делать вакханалию.

Прохоров. Яниночка... Ну право же, Яниночка... *(Шепотом.)* Тсс-с, Яниночка. Ты не смотри, Яниночка... Это наш кассир Ванечка... Неженатый молодой человек... Так что, понимаэ... Для Зойки... Самое подходящее дело. Не прочь жениться... И точка... А ты говоришь, что я о семье не забочусь... Тсс-с...

Янина. Что? Что-о-о-о? Вы слышите? Ах ты, негодник!

Прохоров. Тсс-с, Яниночка, тсс-с.

Янина. Вот тебе подходящее дело — раз. Вот тебе молодой человек — два. *(Бьет его по щекам.)* А вам, молодой человек, довольно стыдно спаивать старика. И вон отсюда оба. Нам тут никаких женихов не требуется, особенно алкоголиков.

Прохоров. А... Так ты так... Так ты так... *(Закрыв глаза от наслаждения, погружает скрюченные пальцы в папилютки жены, судорожно их мнет. Потом нежнейшим шепотом.)* Будешь, стерва, будешь, стерва. *(Все время повышает голос до рычания.)* Будешь, стерва. Получай. *(Раздирает сверху донизу капот жены.)* Вот же тебе, вот же тебе! *(Срывает со стены клетку, этажерочку, стаскивает с комода гарусную скатерть, сбрасывает на пол бюст Пушкина, все это сваливает в кучу и начинает на этом танцевать, притопывая.)* Вот тебе клетка. Раз, два, молчать. Я покажу тебе, кто я.

Янина. Ах, ах!

Прохоров. Прошу, прошу... Накрывай на стол, дрянь! Я приказываю, я требую, и точка.

Янина. А, а, а... *(В истерике убегает, падая в свою комнату, захлопывает дверь.)*

Ванечка. Я же говорил, Филипп Степанович...

Прохоров. Прошу прощения. Дело в том, что моя супруга плохо себя чувствует и не может выйти к столу. Это дамские мигрени. Впрочем — ерунда. Мы поужинаем

сами. *(Роется мрачно в буфете и ставит на стол две кружки, откупоривает бутылки.)* Рюмку коньяку. Вы, кажется, товарищ кассир, чем-то расстроены? Все вздор. Ваше здоровье. В тесной мужской компании.

Пьют.

Ванечка. Б... будет... Филипп Степанович...

Прохоров *(налив по второй)*. Н... но... Без возражений. Ваше здоровье. И колбаски. П... постой, Ванечка, я тебе должен сказать, что ты мне давно ужасно нравишься. Дай я тебя поцелую, Ванечка... И не потому, что пьян, а уже давно.

Целуются.

Ванечка. Вы, Филипп Степанович... Я, Филипп Степанович... Мы... с вами... Филипп Степанович... И я вас... уважаю... во как... По гроб жизни. Вы такой человек, такой человек...

Прохоров *(поет)*. «От бутылки вина не болит голова, а болит голова, кто не пьет ничего». Верно, кассир? И никаких баб. И точка. Ваше здоровье.

Голос Янины *(нудно и длинно)*. Пошли вон, паршивые пьяницы.

Прохоров. Н... н... но! Молчать. *(Бросает в дверь колбасу. Поет.)* «Смотрите здесь, смотрите там — нравится ль все это вам?» *(Падает на плечо к Ванечке.)* Наш идеал — кружиться в вихре вальса... Замучила-таки человека, стерва. Один ты, Ванечка, у меня на свете остался. Заездила, подлая баба. Всю мою жизнь, всю мою молодость съела, чтоб ее черти взяли. А ведь какой человек был Филипп Степанович Прохоров. Боже, какой человек. Орел. Зверь. Граф...

Ванечка. Филипп Степанович, по гроб жизни...

Прохоров. Кассир, могу я на тебя положиться? Не выдашь?

Ванечка. Положитесь, Филипп Степанович, ради бога положитесь, не выдам.

Прохоров. Клянись.

Ванечка. Ей-богу, Филипп Степанович.

Прохоров. Едем.

Янина *(в дверях)*. Куда это вы собираетесь ехать, уголовный преступник?

Прохоров *(срывает с веревки кальсоны)*. Молчать.

Янина. Говори, куда это ехать? Не пущу. *(Хватает его за рукав.)*

Прохоров. А, ты непустишь? Хорошо. *(В бешенстве бьет ее калсыонами.)* Пусти. Молчать. *(Вырывается.)* Вот! Вот!

Янина. Держите его! *(Кричит.)* Не пускайте его. Избивают!

Коля. Папа! Папочка!..

ЯВЛЕНИЕ III

Зоя вошла и стоит у двери.

Прохоров. К черту, Ванечка, за мной. Не теряй связи. Вперед.

Янина. Але, боже мой, боже мой.

Прохоров *(в дверях, увидев Зою)*. Зойка. *(Всматривается в нее и грозит пальцем.)* Зойка.

Зоя *(всплеснув руками)*. Куда это вы, папаша, в таком виде? Без зонтика и без калош.

Прохоров. Но-о. Тебя не спросились. Молчать. Распустилась! За мной, кассир.

Убегают, крича.

Извозчик, в «Прагу».

Ванечка *(на минуту останавливается возле Зои, еле удерживаясь на ногах. Ошеломлен красотой, улыбается)*. Вы... это... вы... Зоя... Филипповна... По гроб жизни... Не забуду... Наш идеал — кружиться в вихре вальса. Аблнмант...

Зоя смеется. За стеной голос Прохорова: «Кассир, сюда! Извозчик, в центр — в «Прагу!» Ванечка уходит.

Янина. Держите его, не пускайте. Что же вы все стоите? Вернись! Филя, вернись! *(Хлопает дверь.)* Ушел... Але, боже мой. Что же это будет?

Занавес

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Купе мягкого вагона в поезде Москва — Ленинград. По обе стороны купе коридор. Поезд идет. При поднятии занавеса на сцене мгла. Слышится беглый грохот и шум колес.

ЯВЛЕНИЕ I

Изабелла, Прохоров, Ванечка.

Прохоров *(лежит с закрытыми глазами на нижней полке. Проснулся, но не открывает глаз)*. Оо-ох-о. М...

м... Глаз не могу открыть... Голова трещит, а в ушах такой шум, точно меня куда-то везут на крыше товарного поезда. М... м-м-м... ох, что такое было? Р... решительно ничего не помню. Позвольте, как же это все, однако, произошло? Во-первых, Ванечка. Почему — Ванечка, откуда он взялся? Впрочем, нет. Во-первых, Никита. Еще более странно. Впрочем, нет. Во-первых, страшный семейный скандал... Яничочка, коньяк, кальсоны... Бр-р... потом «Шато-де-флер». Бумажные какие-то розы, похожие на кукиши... Изабелла. О-ой, кто же меня привез домой? Лежу одетый на диване. Как же это меня угораздило? Небось рублей с... сорок прокутил... Как бы еще на службу не опоздать. Подозрительная тишина в доме. Или очень поздно, или же оч-чень рано... Одно из двух. Однако я вчера хватил через край... До сих пор пьян... Э... открою глаза, будь что будет. Яничочка. (*Открывает глаза.*)

Сцена ярко освещается. Против Прохорова на лавке сидит Изабелла, над Прохоровым лежит, свесив вниз руку, Ванечка.

А? Что такое? Где? Что это происходит? А? Куда мы едем?

И з а б е л л а. Здравсьте — к Ленинграду подъезжаем.

П р о х о р о в. Где Ванечка?

И з а б е л л а. Где же ему быть, вашему Ванечке. На верхней полке, над вами. Тут у нас вполне отдельное купе, вроде семейных бань.

П р о х о р о в (*встает и будит Ванечку*). Ванечка... Что же это такое, Ванечка? Ведь мы, Ванечка, едем...

Ванечка молчит.

И з а б е л л а. Вы их лучше не тревожьте. Они сейчас переживают любовную драму. Ихняя дама в Клину из поезда ночью сошла, как ни в чем не бывало, такая, я извиняюсь за выражение, стерва.

П р о х о р о в. Какая дама?

И з а б е л л а. А такая самая, фактическая, как я вам дама. (*Кокетливо ударяет его ридикюлем по шее.*) Какие они, мужчины, странные. Строят вид, как будто ничего не помнят.

П р о х о р о в. М... м... м... (*В ужасе оглядывает Изабеллу, тоскует.*)

И з а б е л л а. Об чем задумались? (*Игриво подсаживается к Прохорову.*) Не будьте такой задумчивый. Фи,

как это вам не подходит. Берите с меня пример. Давайте будем мечтать за Ленинград...

Ванечка (просыпается). Ох, едем, Филипп Степанович?

Прохоров. Едем, Ванечка.

Ванечка. А я уже думал, может, приснилось, померещилось.

Ванечка слезает сверху с портфелем под мышкой, покрутил взъерошенной головой, обалдело улыбнулся и еще раз охнул.

Изабелла. Вы, Ванечка. Я извиняюсь, молодой человек, что называю вас Ванечка... Вы зря себя не расстраивайте из-за этой гадюки. Это такая, извините за выражение, паскуда, которая совершенно не знает, с какими людьми она имеет дело. И пусть она пропадает в Клину. Пусть ее заберет железнодорожный МУР, а вы не расстраивайтесь из-за нее, молодой человек. Наплюйте на нее раз и навсегда. Вот, даст бог, приедем в Ленинград, в Ленинграде, между прочим, мебель дешевая. И главное, я же их предупреждала насчет девушки и под столом ногой толкала, и ваш сослуживец, который покупал билеты, может это подтвердить.

Прохоров. Кто покупал билеты? Какой сослуживец?

Изабелла. А я знаю, кто они такие? Вы их в «Шато-де-флер» выбрали, а потом они всюду с нами ездили... Будто называли Никита. Вроде курьер из вашего учреждения.

Прохоров. Никита, слышь, Ванечка, Никита. Совершенно верно. Теперь я все помню. Именно Никита. О подлый, подлый безнравственный курьер, который, главное, растратил деньги уборщицы Сергеевой. Вот кто это все наделал.

Изабелла. Он, он, как же. Он и на вокзал посоветовал ехать, он и билеты покупал, он и в купе усаживал. Тоже порядочно подшофе.

Ванечка (щупает боковой карман). Филипп Степанович, я вам что скажу.

Прохоров. Ванечка, пойдем на минуточку. Вивнат.

Берет его под руку и выводит в коридор, к правому углу сцены. Там останавливаются и долго молчат. Изабелла набивает рот едой и жует яблоко.

Прохоров и Ванечка. Пока они стоят в коридоре, Изабелла лихо-радочно наводит красоту и пересчитывает, вынимая из чулка, деньги.

Ванечка. Представьте себе, товарищ бухгалтер, эта моя дама, кажется, вытащила у меня из кармана сто червонцев казенных денег. Будьте свидетелем.

Прохоров. Э, что там свидетелем. Вообще прежде всего, Ванечка, надо проверить наличность. Ну-ка давай.

Они начинают считать, бормоча и оглядываясь.

Полтораستا, три тысячи восемьсот...

Ванечка. Две тысячи, три тысячи... семьсот пятьдесят... Да у меня в кармане своих было девятнадцать рублей.

Прохоров. Девятьсот, тысяча двести, погоди-ка, тысяча триста.

Ванечка. Значит, в наличности имеется десять тысяч семьсот четыре рубля с копейками. Итого, кроме своих, не хватает тысячу двести девяносто шесть рублей.

Прохоров мочит из графина платок и прикладывает к вискам, потом пьет из руки — ковшиком — воду.

Что же это будет? (*Пьет воду.*) Что же это будет?

Прохоров. Ничего не будет. Давай-ка сюда суммы. Вот так. Для удобства пополам. Тебе половина, и мне половина.

Ванечка. Заявим?

Прохоров. Ерунда. Едем и едем. И точка. И в чем дело? (*Крепко берет Ванечку за локоть и щекочет пальцами под ребра.*) В Ленинграде не бывал?

Ванечка. Не бывал.

Прохоров. Я тоже не бывал, но говорят, знаменитый город. Европейский центр. Не мешает обследовать. Увидишь — обалдеешь.

Ванечка. Может быть, как-нибудь покроем? А то ведь это, Филипп Степанович, что же?.. Ведь это же, Филипп Степанович, рас...

Прохоров. Тсс-с... Не произноси этого слова! Молчок. Женщины, говорят, по ленинградским ресторанам сидят за столиками такие, что умереть можно. Все больше аристократки из высшего общества. Бывшие графини, бывшие баронессы, бывшие княгини...

Ванечка. Неужели, Филипп Степанович, и княгини?

Прохоров. Я тебе говорю, Ванечка, обалдеешь. Премированные красавицы. Мы их в первую голову и обследуем.

Ванечка. И как же эта дама в каракулях?

Прохоров. М-м... Тьфу, сократим... И точка. И в чем дело? Пойдем, Ванечка, забирай свою канцелярию.

Идут в купе.

ЯВЛЕНИЕ III

Изабелла, Прохоров, Ванечка.

Изабелла. Где же это вы пропадали? Ах, котик, я так изнервничалась.

Изабелла прижимается к Прохорову. Перья ее шляпки лезут ему в нос. Он чихает и морщится. Она внушает ему отвращение. Она обольщает. Игра.

Прохоров. М-м... Изабеллочка, не надо...

Изабелла. Отчего ты такой скучный, котик? Вчера в «Шато-де-флер» ты был такой определенно веселый. Фи, как это тебе не идет. Не смей на меня смотреть, у меня глаза еще не сделанные. *(Быстро садится в темный угол дивана, подмазывается, хихикая.)* А то ты меня можешь разлюбить.

Прохоров. М-м... м...

Изабелла *(вертится перед Прохоровым, распахивая и запахивая манто, и вдруг садится ему на колени.)* Ай, пусти. Ты мне волнуешь кровь. Ах, я не могу. Я совсем влюбилась — вы такой интересный мужчина. Ах! *(Смеется.)*

Прохоров. Изабеллочка, неудобно же...

Изабелла. Ничего, Ванечка свой человек. Правда, Ванечка? Ванечка, вы у нас будете за незаконного сына, ладно? Наш незаконный сын Ванечка. *(Шлепает Ванечку по заду ридикюлем, поет.)* «В Одессу морем я плыла на пароходе раз, погода дивная была, вдруг буря сорвалась. Шик, блеск, иммерэлегант, на пустой карман, ля-ля-ля-ля». *(Прельщает.)* «Ю капитан любезный был, в каюту пригласил...»

Из соседнего купе выглядывают усатые инженеры и фыркают.

Прохоров. Не мешало бы по рюмашке, опохмелиться. М-м...

Изабелла. Определенно. Только стакан нету. Подождите, я буду за хозяйку... Извиняюсь. *(Выбегает из купе.)* Проводник, проводник. *(Мечется по коридору, делая глазки инженерам.)*

Ванечка. Дамочке, оказывается, вроде как лет сорок — сорок пять, не меньше. А вчера такая показалась молоденькая.

Прохоров. М-м...

Ванечка. Вы заметили, как это она от окна прячется, дневного света боится. Хи-хи.

Прохоров. М-м-м... м... м... *(Кашляет.)*

Изабелла *(достала кружку, вбегает в купе)*. «Налей бокал, в нем нет вина». Насилу достала.

Прохоров. Не мешало бы по рюмашке. Душа горит.

Изабелла. Для настроения. *(Наливает.)*

Прохоров *(выпил, крякает)*. Гм...

Изабелла. Курочкой теперь закуси. *(Дает ему кусочек курицы.)* И вы, Ванечка.

Ванечка. Что ж, будем здоровы. *(Пьют.)*

Изабелла. Эх, за компанию и жид повесился. Будем здоровы. *(Выпивает, скривилась, утирает слезы.)* А ну его. Не переносу я этой водки. Я обожаю дамский напиток — портвейн номер одиннадцать.

Прохоров. Нда-с... Тридцать градусов. Ерундистика. Помню, в свое время в трактире у Львова пили мы со стариком Саббакиным царскую водку. Дух захватывало. Вот это была водка. А тут что, ерундистика. Ни то ни се, а черт знает что. «Рыковка!» *(Закуривает.)* И папиросы тоже ни к черту. Восемьдесят копеек коробка, а козлом пахнут. И это называется жизнь.

Изабелла. Говорят, скоро сорокаградусную выпустят. Определенно. Даст бог, доживем, тогда вместе выпьем. А? Котик? *(Многозначительно пожимает ногой ногу Прохорова, прижимается, щекочет перьями в носу.)*

Прохоров. Гм... *(Освобождается.)*

Изабелла. Фи, какой вы скучный муж. Фи, фи...

Ванечка. И очень даже просто.

Прохоров. Еще по одной. Будем здоровы. *(Пьют.)* Б-р... никакой крепости. Кассир, а?..

Ванечка *(пьет)*. Будем здоровы... *(Впадает в грусть, поет.)* «Позарастали стежки-дорожки, где проходили миленькой ножки...» Эх, по гроб жизни...

Изабелла. А вы, Ванечка, не скучайте. Забудьте эту негодяйку. Приедем в Ленинград — я вас познаком-

лю с одной моей ленинградской подружкой, она вам не даст скучать, определенно.

В а н е ч к а (*машет рукой*). «Где проходили миленькой ножки».

П р о в о д н и к (*подходит к купе*). Граждане, получите ваши билеты. С вас за постельные принадлежности шесть рублей.

П р о х о р о в. Кассир, выдай. (*Ванечка выдает*.) И трешку на чай прибавь.

П р о в о д н и к. Покорно благодарю. (*Уходит*.)

П р о х о р о в. Подшей оправдательный документ к делу — четыре билета и квитанцию, чтоб потом никаких разговоров: где, что и почему... И точка. Посмотрим, какой такой Ленинград. Обследуем...

И з а б е л л а. Останетесь в восторге. Там во Владимирском клубе, можете себе представить, прямо-таки настоящие пальмы в кадках стоят в кабаре до пяти часов утра. В рулетку играют круглые сутки. Одна моя ленинградская подружка, тоже, между прочим, довольно интересная, выиграла четырнадцать червонцев, и, между прочим, на другой день у нее их вытащили в трамвае. Что вы скажете? Между прочим, в Ленинграде — все проспекты. Что у нас в Москве просто улица, то в Ленинграде просто проспект. Закачаешься!

П р о х о р о в. Невский проспект, например, слышали? Для меня этот факт не нов. Увидим, обследуем. Ванечка, а?.. Сенаторская ревизия... Чрезвычайной гос... государственной важности... Строжайшая тайна... Курьерский поезд... Тсс... Со всех сторон шепот. «Кто такой? Кто такой?» Кто? Тайный советник Прохоров и его кассир Ванечка. А, каково? (*Деревянно смеется*.)

И з а б е л л а. Котик, а ты мне купишь в Ленинграде розовую шляпу с крыльями? Я себе думала шить батистовое комбинезон: ажурная строчка с лентами. Ах, не трожьте меня, мужчина, помните мне кружева. (*Играет*.)

П р о х о р о в. М-м... м-м...

П р о в о д н и к (*заглядывая*). Ленинград. Носильщиков не надо?

И з а б е л л а. Какие могут быть носильщики.

Поезд остановился, из купе выходят люди с вещами.

Приехали. Я думаю, котик, мы прямо с вокзала в гостиницу «Гигиена», тут недалеко, у Пяти углов.

П р о х о р о в (*пропуская ее вперед*). Поедем, Ванечка, в гостиницу «Гигиена», что ли?

Выходят в коридор, впереди Изабелла.

Ванечка. Можно и в «Гигиену», Филипп Степанович. (*Шепотом, показывая головой на Изабеллу.*) Ну, как же будет с дамочкой?

Прохоров (*шепотом*). М... прилипла... старуха... Ничего... Как-нибудь из «Гигиены», того... Вещей при нас, слава богу, нету...

Изабелла. Нам бы, котик, поскорей в номер, а там мы определенно скучать не будем.

Прохоров. М-м... мгу... (*Шепотом Ванечке.*) А там мы... того... фьютъ... И бывших княгинь и бывших графинь... и все на свете обследуем...

Уходят.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ПЯТАЯ

Пивная «Бар» в Ленинграде, в доме «Европейской» гостиницы. Вход слева. Справа окна. Посредине дубовая лестница вверх. Там еще много комнат. Оттуда иногда долетают взрывы смеха и шум. Шесть часов вечера. Темновато и пустовато.

ЯВЛЕНИЕ I

Первая девица сидит в одиночестве у окна и пьет кофе. Быстро входит Изабелла в новой шляпе, с зеленым зонтиком, она страшно взволнованна, но шикарна. Нервно осматривается.

Изабелла (*обегая зал*). Ну что ты скажешь. Нет и нет. Ах ты боже мой. Подумай, какая иголка, мужчина.

Первая. О, Дунька, где ты пропадала?

Изабелла. В Москве была. Драсьте... Третий день как из Москвы.

Первая. А ну, покажи шляпу. Красивая, и зонтик новый. И сумочка, все новое. Елки-палки.

Изабелла. Что за выражения.

Первая. А... (*Машет рукой.*) Откуда?

Изабелла. Так... Я теперь с одним москвичом живу... Директор треста...

Первая. Но?..

И з а б е л л а. Определенно. Мы пока остановились в «Гигиене». Только мне что-то в «Гигиене» не нравится. Пф... Я думаю переехать в «Европейскую»...

П е р в а я. Ей не нравится в «Гигиене».

Изабелла в волнении обегает зал еще раз. Тяжело дышит.

Да что ты все время бегаешь. Сядь уж, сядь.

И з а б е л л а. Такая неприятность.

П е р в а я. А что?

И з а б е л л а. Ну что ты скажешь?.. Такая дура. Я ей говорю, седи, говорю, в номере, пока я не приду, и смотри за мужчинами, чтоб они никуда не ушли. «Хорошо, говорит, буду сторожить». Смотри ж, говорю. Беру извозчика и еду в сберегательную кассу — кладу на книжку семьсот пятьдесят рублей, покупаю комбинезон с розоватыми лентами, тороплюсь обратно в «Гигиену». Приезжаю — трах. Нету мужчин. Где мужчины? А эта дура лежит на диванчике, заплаканная, как бревно, и шпилькой вынимает из уха серу. Ну что вы скажете? «Где мужчины?» — «Ушли». — «Так как же ты, дура, допустила их уйти? Куда ж они ушли?» — «А я знаю?» — и рыдает. Тьфу, чтоб ты лопнула, негодяйка.

П е р в а я. Кто?

И з а б е л л а. Да Мурка же... Мурка Эстонка. У, дылда. Там у моего мужчины товарищ... так я ее с ним познакомила на свою голову.

П е р в а я. Мурка Эстонка? Ей разве можно доверять мужчин сторожить? Ей коров пасти, максимум.

И з а б е л л а. Через эту дуру я с двух часов по всему Ленинграду бегаю — ищу их и нигде не нахожу. На вокзалах нету, в «Дарьяле» нету, во Владимирском клубе нету, в «Казбеке» нету, в «Гурзуфе» нету. На одних извозчиков до пяти рублей потратила. Мне на них, может быть, вообще наплевать. Но главное, при них вот такая куча денег.

П е р в а я. Ну и что же? Семьсот пятьдесят рублей на книжку положила. Вещи новые справила. И хватит с тебя. Пускай хоть другие девушки с молодых людей попользуются...

И з а б е л л а. Дули. *(Показывает кукиш. Бегает в волнении.)* Вот через это самое я ненавижу, когда при мужчине деньги. Уже мужчине тогда не сидится на месте. Как вожжа попала под хвост. И то ему не нравится, и это не так. Уж ему непременно хочется каких-нибудь фантазий. И, главное, об чем разговор. Кажется, шикарная женщи-

на... Каждый день в кинематограф, в ресторан, во Владимирский клуб, рулетка, девятка, то, се... Всегда в номере на столе стоит портвейн номер одиннадцать и груши Бера. Так нет же. Сам пьет портвейн номер одиннадцать, а у самого на уме бывшие княгини и бывшие графини. Только и думает, как бы бросить женщину и удрать из гостиницы к другим женщинам. Сам кушает груши Бера, а сам норовит все одним глазом в окно — какие там ленинградские туманы и какие там в ленинградских туманах горят заманчивые фонари. Тьфу.

В это время сверху долетают взрывы криков и смеха.

Что там такое?

Первая я. А кто его знает. Кутят, наверное, какие-нибудь... Я не видела... *(Смотрит в окно.)* Смотри, Дунька, это не твой? Вон те двое...

Изабелла *(подбегает к окну)*. Где? Где?..

Первая я. А вот, на извозчике, возле «Европейской» гостиницы садятся... Пьяные... Гляди.

Изабелла. Постой. Темно, ни черта на улице не разглядишь... Постой, так оно и есть... Кажется. Туман сильный... Кажется, они... Кажется, они... *(Стремительно убегает.)*

Шум кутежа наверху усиливается.

Первая я. Вот уж действительно повезло дуре. А ты тут сиди с пяти часов до двух ночи... И ничего.

ЯВЛЕНИЕ II

По лестнице с криками и шумом сбегают Прохоров с букетом, Ванечка, за ним молодой человек, сдерживая растопыренными руками напор нескольких девиц.

Вторая девица. Мужчины, меня. Мужчины, меня.

Третья девица. И меня возьмите.

Четвертая девица. Меня, меня, меня...

Молодой человек. Отстань, Нюрка. Верка, отлипни. Никого не возьмем.

Вторая девица. Меня.

Молодой человек. Ну вас всех в болото.

Пятая девица. Возьмите хоть Ляльку, Лялька баронесса.

Прохоров. Значит, в высшее общество?

Молодой человек. Определенно.

Прохоров. Без жульничества?

Молодой человек. Ясно.

Прохоров. И увидим... с... самого... государя императора?

Молодой человек. Будьте фотогеничны. И всех министров...

Прохоров. Видал, кассир? Я ж тебе говорил... А, брат, да ты, я вижу, вдребезжу... И никаких... «Гигиен». Довольно. В чем дело... И точка...

Ванечка. И гр... графини...

Молодой человек. Ясно. Я им по телефону уже звонил. Все готово. Ждут вас.

Ванечка (*замечает на столе плакат*). Пиво и раки. Икар и овип... хм... хи-хи...

Пятая девица. Лялька баронесса. Возьмите хоть Ляльку.

Молодой человек. Такая самая баронесса, как я секретарь Малого Совнаркома.

Первая девица. Меня возьмете?

Вторая девица. Миленькие, возьмите меня. Страсть как любопытно.

Молодой человек. А ну вас всех. (*Прохорову и Ванечке.*) Пожалуйте, граждане. Больше жизни. Машина подана. (*Подхватывает Прохорова и Ванечку под руки и увлекает в дверь.*) Шофер, на Каменноостровский.

Третья девица. Ну, погоди, вредный. Ты у меня попомнишь.

Прохоров (*высовывая голову из двери*). Даешь высшее общество. Даешь государя императора. До свиданья, милашки! (*Запускает в девушек букетом.*) Кланяйтесь знакомым.

Исчезает, вслед за тем слышится пальба автомобиля. Девушки бросаются к окнам.

ЯВЛЕНИЕ III

Входит Изабелла.

Изабелла. Ну, что ты скажешь. Разве ж в этом чертовом тумане что-нибудь увидишь? Двух каких-то священников за мужчин приняла. Ах ты боже мой. В «Олимпе» тоже нет. Прямо как сквозь землю провалились. Проклятая дура.

Вторая девица. Дунька.

Третья девица. Здравствуй, Изабелла.

Первая. Опоздала, Дунька, опоздала. Что тут только что без тебя было!

Изабелла. Здравствуйте, девушки. Ну?

Вторая девица. Умереть можно. Являются, представь себе, каких-то двое, пьяные, как зюзи...

Изабелла (*быстро*). Один такой высокий, с усами, барашковый воротник, на носу пенсне, другой такой маленький, в сапогах?

Вторая девица. Вот-вот. Один такой, другой такой.

Изабелла. Где они?

Вторая девица. Подожди, садись. Их даже сначала пускать не хотели. Одеты довольно паршиво.

Третья девица. Ну, монеты при них, понимаешь, вот такая пачка и даже больше.

Четвертая девица. Идут, понимаешь, наверх... Спотыкаются... В седьмую залу... Потеха...

Пятая девица. Где у вас тут, кричат, графини и княгини?

Изабелла. Ну? Ну? (*Всплескивает руками.*)

Пятая девица. Хотим, кричат, заниматься с женщинами-аристократками из высшего общества. А сами аж со стульев падают — до того пьяные.

Изабелла. Где ж они теперь? Куда они девались?

Третья девица. Смотри какая быстрая нашлась. А видала, как лягушки скачут? (*Показывает кукиш.*) Держи черта за хвост. Их Жоржик повез в прокатном автомобиле на Каменноостровский к государю императору Николаю Второму. Теперь пиши пропало. Пока их там окончательно не разденут — не выпустят. Будьте уверены. У них там целый арапский трест вокруг царя организован.

Изабелла. Какой трест? Какой царь?

Вторая девица. Такой самый, Николай Кровавый. Ой, девушки, она ничего не знает. С чего ты сорвалась? У нас тут такие дела творятся, что подохнуть можно от удивления. Такая пошла мода на киносъёмки, что дальше некуда.

Третья девица. Всякий день ставят какие-нибудь исторические картины.

Вторая девица. Представь себе, начали недавно снимать одну картину, называется Николай Кровавый, где царь участвует, и царица, и вся свита, и министры, и разные депутаты.

Пятая девица. Главное, снимаются не какие-

нибудь там артисты, а настоящие бывшие генералы, адмиралы, адъютанты, офицеры.

Ч е т в е р т а я д е в и ц а. Даже митрополит один и тот снимался, чтоб мне не сойти, тьфу, с этого места.

П я т а я д е в и ц а. По три рубля в день получали, а которые на лошади — по восемь.

В т о р а я д е в и ц а. Пораздавали им ихние всевозможные лейб-гвардейские мундиры, галифе, погоны, сабли — нате, надевайте. Вот потеха! Сначала они, конечно, сильно стеснялись переодеваться. Думали, что как только оденут свои старорежимные формы, так их сейчас же за мадам сижу — и в конверт. Но потом, однако, кое-как переоделись. Как-никак все-таки три рубля на земле не валяются. Даже царя Николая для этого дела выкопали настолько подходящего, что многие «бывшие» в обморок падали, до того, говорят, похож. И представьте себе, кто же царь? Один простой, обыкновенный булочник с Петербургской стороны. Пьяница и жулик. По фамилии Середа. У него и борода такая, и усы такие же точь-в-точь, словом, вылитый царский полтинник.

И з а б е л л а. Ну, а дальше, дальше, насчет треста. Дальше.

В т о р а я д е в и ц а. Дальше дело всем известное. Как эти самые генералы-адмиралы надели форму — видят, что их никто не трогает, а даже наоборот, по три рубля в день выплачивают — так им это дело до того понравилось, что они все совершенно раздеваться из костюмов не хотят. Засели все в одной киностудии на Каменноостровском и никак разойтись по домам не хотят: ходят в своих мундирах, носят сабли, водку пьют. Там вместе с ними и булочник, и некоторые бывшие женщины...

И з а б е л л а. Ну а трест?

В т о р а я д е в и ц а. Трест очень простой. Жоржика знаешь?

П я т а я д е в и ц а. Ой, девочки, она не знает Жоржика. Ну как же, конференсье из «Олимпа», известный арап.

В т о р а я д е в и ц а. Он этот трест и устроил. Завел там, говорят, в особняке буфет с напитками, тапера, оркестр, фокстрот, посадил у входа в эту лавочку кассиршу, завел девятку, пульку, чуть ли не рулетку и возит туда дураков иностранцев — весь царизм в полном виде показывает им; по сто рублей с рыла за вход.

П я т а я д е в и ц а. Там, конечно, интересно посмотреть живого царя.

Т р е т ь я д е в и ц а. А там их куют, а там их куют.
И з а б е л л а. Каменноостровский... *(Не говоря больше ни слова, срывается с места и как фурия бежит к выходу.)*

Девушки хохочут. Ш в е д - м о р я к, пьяный, переграждает Изабелле дорогу.

Ш в е д. Русски... женщин... красавис... Один сладкий пасалу... *(Обнимает ее.)* Мадам... кароший шеншин...

И з а б е л л а. Пусти... Что за нахальство... Катись... *(Толкает его изо всех сил в грудь — он задом отлетает через весь зал и садится прямо на колени к девицам.)* Определенно от этих иностранцев нету прохода порядочной женщине... Сволочь... *(Быстро выбегает.)*

З а н а в е с

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Особняк киностудии на Каменноостровском. Роскошная зала, три двери — справа, слева и посередине. Из дверей видны другие залы. Роскошь, свету немного. Сверху — хоры для оркестра. Колонны.

ЯВЛЕНИЕ I

С е р е д а — в костюме Николая II. Старичок со звездой, корнет Гагарин, придворный лакей, адмирал, баронесса, княжна, митрополит, генерал, кинорежиссер, сенаторы, кавалергарды, дамы, девицы, мужчины — словом, высший свет. Гуляют попарно, мирно беседуя. Некоторые играют в шашки. Довольно скучно. Кто-то в глубине выстукивает одним пальцем на рояле «Кирпичики».

К и н о р е ж и с с е р *(хлопает в ладоши)*. Товарищи, внимание. Очередная натурная кино съемка — завтра в двенадцать часов дня в Царском Селе. Прошу всех занятых в шестом эпизоде собраться в половине одиннадцатого на вокзале. За явку в нетрезвом виде — штраф. Это относится главным образом к вам, товарищ Серед а.

С е р е д а *(сосредоточенно играет со старичком в шашки)*. Ну, что, товарищ Серед а? Мокнешь, киснешь целый день на этой самой натуре... Покуда каких-нибудь три метра пропозируешь — все кишки вымотаешь... Конечно. А потом — Серед а, Серед а. А ну-ка, папаша, ходите... Честное слово, я, кажется, плюну на это дело и уйду к чертовой матери. Ищите себе другого Николая Второго.

К и н о р е ж и с с е р. Что ты, что ты, голубушка, да ты с ума сошел. Ведь это же какие убытки? Без ножа за-режешь. Где же мы еще такой типаж найдем?

С е р е д а. То-то что типаж. Так и нечего штрафами пугать. А ну-ка, папаша, ходите дальше. Вот так. А мы его так.

Играют.

С т а р и ч о к. А мы так. Ну-с?

М и т р о п о л и т. Проезд на свой счет или на казен-ный?

К и н о р е ж и с с е р. На казенный. Всем будут вы-даны билеты туда и обратно.

Г е н е р а л (*баронессе, продолжая разговор*). ...Тогда я ему говорю: товарищ, все это прекрасно, но нельзя же все-таки по два часа сидеть в уборной. Надо же считаться и с другими жильцами. Мы все-таки живем в социалисти-ческом государстве. Я могу, наконец, пожаловаться в на-родный суд...

Б а р о н е с с а. Скажите, а он что?..

Проходят.

К о р н е т (*лакею*). Миша, рупь, до завтра.

Лакей разводит руками.

(*Печально.*) Ну, дай хоть папиросу.

Л а к е й. Трест. (*Дает папиросу.*)

К о р н е т. Даешь трест. (*Закуривает.*) Проигрался, понимаешь, в доску. Главное, этот негодяй Жоржик не дает денег, а сам рвет рублей по пятьсот в вечер. Ты зна-ешь, сколько он вчера рванул с немца? Двести червонцев. Факт. Кстати, где немец?

Л а к е й. Дрыхнет в бильярдной.

К о р н е т. До сих пор? Ну и надрался же. Ничего, деточки, отдыхайте, ночью вас докидаем. Интересно, кого этот негодяй сегодня привезет?

Л а к е й. Уж привезут. Дела идут, контора пишет.

Проходят.

Д е в и ц а. Кинорежиссер, так вы говорите, что у меня фотогеничный нос?

К и н о р е ж и с с е р. Очень фотогеничный. Виноват, минуточку. (*Берет ее за подбородок и поворачивает в про-филь.*) Безусловно, фотогеничный.

Д е в и ц а. Так дайте же мне роль.

К и п о р е ж и с с е р. Не все сразу. Сначала эпизод, а потом роль.

Проходят.

К н я ж н а (*проходит с папирсой, декламируя*). «Вновь оснеженные колонны, Елагин мост, и два огня, и шепот женщины влюбленной, и хруст песка, и хрип коня. Две тени слитых в поцелуе летят у полости саней...»

Раздается звонок телефона. Она берет трубку.

Алло. Да, Гагарин, к телефону. «Но не таясь и не ревнуя...» (*Проходит.*)

К о р н е т (*у телефона*). Да. Что ты говоришь? Все в порядке. Вези, вези моментально. (*Вешает трубку.*) Внимание, Жоржик везет из бара двух московских растратчиков.

Шепот: « Попрошу приготовиться... Середа, застегни мундир. Растратчиков везут, растратчиков везут».

С е р е д а. Опять Середа. Ну, что Середа? Не дают с человеком доиграть. А ну, папаша, валяйте.

К о р н е т. Мосье и мадам, прене во пляс. Придворный лакей, к подъезду.

Лакей уходит.

Середа, застегни мундир и проваливай в буфет. Тебя позовут. И вы, папаша, тоже.

С е р е д а. Сейчас. А ну-ка, папаша. Хо-хо-хо-хо. Чья взяла?

С т а р и ч о к (*делает ход*). Опять не поверю. Проиграл.

С е р е д а. Пойдем, папаша.

Берет его под руку, и они уходят к левой двери.

С т а р и ч о к. То есть до чего похож! До чего похож!

Уходят.

К о р н е т (*смотрит в хоры*). Музыканты есть? Есть.

Все приводятся в порядок, рассаживаются. С улицы слышен шум автомобиля и сигналы.

Приехали. Кавалергарды — к дверям. Черкесская княжна — Ирен. Сядь-ка сюда. Вот так. Побегите кто-нибудь к повару. Пусть идет в буфет.

А д м и р а л (*вынимает из заднего кармана сюртука колоду карт*). Давайте их сюда, москвичей.

К о р н е т. Все в свое время. Ну-с, кажется, все. (*Зажигает люстры.*) Музыка, нежный вальс.

Музыка играет «На сопках Маньчжурии».

Л а к е й (*входя*). Путешественники из Москвы.

ЯВЛЕНИЕ II

Молодой человек, Прохоров и Ванечка входят.

Молодой человек. Больше жизни, больше темперамента, джентльмены. За мной, сеньоры. Сейчас я вас введу в самый изысканный из всех салонов СССР. Вперед и выше.

Прохоров. Видал? Ну, что ты теперь можешь сказать, кассир? А еще в поезде говорил: «Покроем, покроем», а чем тут крыть, когда нечем крыть.

Молодой человек. Леди и джентльмены, внимание. (*Делает по воздуху росчерк и все время пританцовывает.*) Разрешите представить вам моих новых друзей, которые прибыли из Москвы в Санкт-Петербург со специальной целью повращаться в высшем свете. Прикажете принять?

Г о л о с а. Просим, просим.

Прохоров (*изысканно и пьяно раскланивается*). Мадам... шерри-бренди... А? Кассир. Там видишь, это... мадам...

К о р н е т. Его императорское величество государь император.

Распахивает дверь. Золотая рама, в раме — Николай II.

В а н е ч к а. Это мошенничество. Он нарисованный.

Молодой человек. Натуральный, будьте уверены.

К о р н е т. Середя.

Середя (*подымает руку*). Здравствуйтесь, господа, очень рад вас видеть. (*Выходит из рамы и идет вдоль придворных.*) Здравствуйтесь, господа. Здравствуйтесь, господа.

С т а р и ч о к. Клянусь честью, клянусь честью, господа. Это что-то феноменальное. Он. Он. Вылитый он. Именно так — «здравствуйтесь, господа». Тютелька в тютельку. Не верю своим глазам. Не верю своим глазам. Не верю своим ушам. Еще раз, умоляю вас, еще раз.

С е р е д а. Ладно. Здравствуйте, господа. *(Меняя голос, хриплым басом.)* Водки, пива, шампанского. Или прямо в девятку?

П р о х о р о в. Ванечка, ты видишь, что делается? Ведь это самому Саббакину не снилось.

Но Ванечка уже давно в столбняке. Трубы и фанфары.
Общее веселье.

К о р н е т. Благородные штатские. Общество требует щедрости и широты. Прикажете распорядиться насчет ужина? Имею честь, лейб-гвардии, конно-гренадерского его величества корнет князь Гагарин-второй.

П р о х о р о в. Очень приятно. А я граф Гвидо со своим кассиром Ванечкой. Ваше величество... Прошу, господа. Суаре интим... Шерри-бренди... Мосье и медам... Я угощаю вас всех... Чем бог послал...

М о л о д о й ч е л о в е к. Только, вы знаете, цены в буфете высокие...

П р о х о р о в. Цены высокие? Вы так думаете? Чуть, вздор. Не жалея затрат, ваше высочество.

С е р е д а. Молодец, валяй. Вот это я люблю. Пойдем в буфет, ударим по стопке.

Подхватывает Прохорова под руку. С другой стороны его подхватывает под руку одна из дам, ведут в буфет.

П р о х о р о в. Господа... прошу вас... Суаре интим...

К о р н е т. Мосье, ангаже во дам. В буфет...

Г о л о с а. В буфет, в буфет.

Музыка играет марш.

Все парами уходят вслед за Прохоровым в буфет. Остаются только Ванечка и княжна в разных концах зала.

ЯВЛЕНИЕ III

Ванечка и княжна.

Ванечка очнулся от столбняка, замечает княжну. Она загадочно и призывно смотрит на него. Он нерешительно приближается к ней; очаровательная игра на паузах и мимике.

В а н е ч к а. Вы, я извиняюсь, княгиня?

К н я ж н а. С вашего позволения — пока еще княжна. *(Пауза.)* И что дальше? *(Встает и, задев Ванечку шарфом, медленно идет, оглядываясь и пуская дым, — в открытую дверь прямо.)*

Ванечка робко, затаив дыхание, идет за ней. Видно, как княжна садится за рояль. Ванечка садится невдалеке на стул. Княжна играет и мелодекламирует из Северянина.

«Каретка куртизанки, в коричневую лошадь по знойному откосу спускается на пляж!»

ЯВЛЕНИЕ IV

Немец взъерошенный, с расстегнутым воротником, дикий, проходит через сцену в буфет, на ходу наполняет из сифона стакан и пьет, крутит головой. Из буфета слышится шум, звон, крики, хохот.

ЯВЛЕНИЕ V

Прохоров вбегает в преображенском генеральском мундире, в руках кинжал, за ним молодой человек, корнет и еще несколько человек.

Прохоров (*дико, но весело хохочет и танцует наурскую лезгинку*). Там-тара-да-рам-там. Там-тара-да-рам-там.

Корнет. Маэстро, «Молитву Шамиля».

Прохоров. Царь, иди сюда. Там-тара-да-рам-там.

Музыка играет наурскую лезгинку. Прохоров с кинжалом в зубах дико танцует. Остальные вокруг хлопают в ладоши. Картина веселья. Вдруг оркестр начинает сбиваться и, вдруг расстроенный, замолкает. Замешательство. На хорах, в оркестре, появляется бушующая Изабелла.

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же и Изабелла. Изабелла на хорах с зонтиком свешивается вниз.

Изабелла. Я извиняюсь, котик, ты здесь? А я тебя ищу по всему городу. Ах ты боже мой, посмотри, на кого ты похож.

Прохоров. Я похож на джигита, Изабеллочка.

Изабелла. Мошенники, бандиты. Нету на вас уголовных агентов. Завлекли в свой арапский трест чужого мужчину, напоили и хотите окончательно раздеть. Я не посмотрю на вас, что вы все здесь генералы-адмиралы. Я на вас в ГПУ донесу. Прошло то проклятое время царизма. А вы, чертовы графини, тьфу на вас всех. А тебе, котик, довольно стыдно поступать так со знакомой женщиной. Я от тебя этого никак не ожидала. Тем более что я нахожусь в положении и на аборт надо минимум восемь

червонцев — пускай женщины подтвердят, или же алименты — одно из двух. А вы все будьте свидетелями. Пойдите, котик.

Прохоров (*в смертельной тоске*). Изабеллочка.

Он хочет убежать, но от страха не находит дверей и нелепо тычется по углам. Изабелла быстро перелезает через перила и по колонне с зонтиком под мышкой съезжает вниз.

Изабеллочка, Яничка, Ванечка, где же ты? Друзья! Ваше императорское высочество, кассир.

Изабелла. Собирайся, котик, домой. Собирайся, детка, пока тебя тут окончательно не раздели. Поедем, дуся, домой из этого притона.

Прохоров (*обессилен, вдруг садится на пол*). Шерри-бренди. Будьте любезны... Мадам, вы прекрасны...

Изабелла. Поедем, котик. Пора баиньки. (*Берет его за эпюлеты и тащит из комнаты.*)

Молодой человек. Деньги, деньги.

Изабелла. Дули.

Бьет зонтиком молодого человека. Корнет бросается ему на помощь, но саблей опрокидывает столик.

Генерал (*без мундира в подтяжках выбегает из буфета*). Мундир мой, мундир.

Изабелла замахнулась на него зонтиком. Генерал уклонился. Удар пришелся по голове Середы, который с бутылкой водки и курицей вышел из буфета.

Изабелла. А, подлый император-булочник. Так тебе и надо, самодержец паршивый. Будешь знать, как завлекать чужих мужчин. Я тебе, кровавому тирану, эксплуататору трудящихся, все твои бессовестные глаза выцарапаю и доставлю в отделение. Определенно. (*Хватает его за бороду.*)

Кинорежиссер. Не троньте бороды, типаж пропадает.

Середя. Товарищи... (*Тонким голосом.*) То-ва-ри-щи... За что же?

Изабелла. Пойдем же, котик, пойдем же. (*Тащит его к двери направо.*)

Молодой человек. Деньги. Деньги.

Изабелла. Дули!

Все, кроме Середы, с шумом скрываются в дверь направо.

Немец (*идет со стаканом из буфета*). Русски царь. Кайзер! О! Колоссалы!

С е р е д а. Това-рищи. За что боролись, я вас спрашиваю, если у честного беспартийного, члена профсоюза последнюю бороду отнимают. (*Увидав немца, ему.*) Я за эту бороду при старом режиме Николая Кровавого репрессиям подвергался... Из-за нее, проклятой, меня царские палачи, может быть, привлекали в административном порядке за оскорбление его величества. И я собственноручно подписку давал в участке — обязательно брить бороду. И что же мы видим теперь, товарищи, когда пролетариат торжествует? Есть мне какое-нибудь удовольствие от бороды? Нету мне от бороды никакого удовольствия. Хотя в административном порядке бриться и не заставляют и даже, наоборот, по три рубля в день за бороду платят, но от нее, проклятой, все мои несчастья и оскорбления. Верите ли, товарищ иностранец, вся моя жизнь загублена от этой контрреволюционной бороды, чтоб она отсохла. И где же тут свобода? И куда смотрит инспекция? И почему такое? Мне разве здесь сидеть? Без меня, может быть, в булочной, на Петербургской стороне, производство стоит. Калач как следует заплести, товарищ, это тебе не то что перед аппаратом бороду заснять. Булка — она не типаж. Ее как следует быть выпечь следует. И можете искать себе другого Николая, я вам больше не тиран.

Н е м е ц. О! Я! О! Я!.. Колоссаль!

ЯВЛЕНИЕ VII

В а н е ч к а и к н я ж н а.

К н я ж н а (*таща за собой об руку Ванечку. Шепотом*). Тсс... Только не сейчас. Вы с ума сошли.

В а н е ч к а. Когда же?

К н я ж н а. Будь пайнкой. Тсс. (*Напевая.*) «Отдай мне эту ночь, забудь, что завтра день». Хорошо. Только не безумствуй. Как тебя зовут?

В а н е ч к а. Ванечка.

К н я ж н а. Ванечка, поедем...

В а н е ч к а. Куда?

К н я ж н а. В «Европейскую». Сегодня у меня сумасшедшее настроение... Сегодня я хочу много музыки, цветов и шампанского. Иван, ты любишь ананасы в шампанском? «От грез кларета в глазах рубины...» А потом... На Острова, Елагин мост. А потом поедем ко мне спать. «И буду тебя я ласкать, об-ни-мать, целовать...»

В а н е ч к а. Ананасы?.. Шикарно... Спать...

Княжна. Тсс... Деньги при вас?..

Ванечка. При мне.

Княжна. Много?

Ванечка. Вагон.

Княжна. Бежим.

Голос Прохорова: «Ванечка, кассир».

Ванечка. А как же Филипп Степанович?..

Княжна. Тсс. Через черный ход. Не стучите сапогами. Тихе... *(Увлекает его в дверь налево.)*

Голос Прохорова: «Ванечка, кассир».

Шум скандала.

Занавес

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Каморка в пригороде Ленинграда. Керосиновая лампочка. За ситцевой занавеской кровать. Оттуда слышен легкий, густой храп. Ночь.

ЯВЛЕНИЕ I

Абсолютно темно. Ванечка и княжна.

Княжна. Тсс...

Ванечка. Ириночка, куколка.

Княжна. Тсс... Ближе к делу, давай деньги.

Ванечка. Вот деньги... сейчас... *(Торопливо вынимает из кармана, считает и дает деньги.)* Сто, триста, пятьсот, аблимант, Ириночка, красавица...

Княжна *(бросается к нему на шею.)* Фу, Иван, какой ты небритый. *(Отскакивает.)*

Ванечка. Куколка, Зочка.

Княжна. Бога ради, тихе.

За пологом храп.

Тсс... Там спит моя бедная больная мамочка.

Ванечка. Княжна тоже? *(Садится на постель и быстро снимает сапоги.)*

Княжна. С вашего позволения, княгиня. *(Нюхает воздух.)* Иван, грязное животное, сию минуту надень сапоги, у вас ноги пахнут, как у солдата. Мне дурно.

Ванечка *(быстро надевает сапоги.)* Ириночка, когда уже мы будем же спать?

К н я ж н а. Не прикасайтесь ко мне, свинья. Ступайте сначала в баню.

В а н е ч к а. Какая же теперь может быть баня?..

К н я ж н а. Это меня не касается. Ищите баню где хотите. *(Прыгает к нему на колени.)* Господи, за что же я такая несчастная. За что эти моральные страдания? Иван, вы парвеню и пьяный самец. Уходите. Я знаю, вы хотите, пользуясь своим богатством, овладеть благородной девушкой, а потом ее бросить... Иван, ведь ты меня не бросишь?..

В а н е ч к а. Нипочем не брошу.

К н я ж н а. Поклянись.

В а н е ч к а. Ей-богу, не брошу... Женюсь...

К н я ж н а. Иван, ты настоящий джентльмен. Мне, право, перед тобой так неудобно... Ты можешь подумать бог знает что обо мне... Клянусь тебе всем святым, клянусь тебе своей большой мамочкой и своим отцом — генерал-адъютантом, что я не профессионалка... Но, Иван, мне нужны деньги, много денег. Ах, я не могу равнодушно видеть, как медленно угасает в этом сыром углу моя мамочка... И папочке надо посылать за границу... Иван, ты теперь мой жених, и я могу быть с тобой откровенца... Мне ужасно тяжело, но, Иван, дай мне еще сто червонцев, и я твоя.

В а н е ч к а *(хрипло)*. Пятьдесят...

К н я ж н а *(горячо)*. Сто! Мы найдем квартирку на Невском... У нас будет такая грушевая спальня... Бай-бай... «И буду я противной, злой, твоею маленькой женой». Сто!

В а н е ч к а. Эх, куколка... Аблимант... Пусть будет сто! *(Считает.)* Триста... эх, шестьсот. Это тыща... Распишитесь в получении суммы прописью.

К н я ж н а. Мерси. *(Относит деньги за полог, возвращается и садится аккуратно на стул возле окошка. Напевает.)* «Индейцы, точно ананасы, и ананасы, как индейцы». *(Зевает.)* «Острил креолка, вспоминая об экзотической земле».

В а н е ч к а. Зоенька. *(Настойчиво обнимает девушку.)*

К н я ж н а. Пардон, только без рук.

Борьба.

В а н е ч к а. Зоенька, куколка.

К н я ж н а. Успокойте свои нервы и уберите руки.

Опрокинув стол, оба падают на пол и садятся. Храп за пологом прекращается. Из-за полога выходит здоровенный некто в подштаниках.

Некто в подштаниках (*негромким басом*).
Гражданин! Вы, кажется, позволяете себе скандалить?

Ванечка. Я... н... н... не... скандаляю...

Некто. Нет, вы скандалите. (*Берет его за шиворот.*)
Что? Не нравится? Так можете жаловаться в милицию.

Ванечка. Зачем же... зачем же в милицию... Не надо в милицию.

Некто. Пожалуйте на свежий воздух. (*Выносит его из комнаты.*)

Пауза.

Княжна. Получите свои принадлежности. (*Бросает на улицу через форточку Ванечкины вещи.*)

Некто возвращается, запирает дверь, и, почесываясь, засыпая на ходу, идет за полог и скрывается.

Ванечка (*заглядывает с улицы в окно*). У-у-у.
Императоры, тудыт вашу мать. Цари. Аристократы паршивые. Жулики, ворюги, хитрованцы, пьяные самцы. Парвеню.

З а н а в е с

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

ЯВЛЕНИЕ I

Слева выдвигается конторка гостиницы «Гигиена». За конторкой портье. Справа входит Кашкадамов и подходит к конторке.

Кашкадамов. Что у вас новенького в гостинице «Гигиена»? (*Здоровается с портье за руку.*)

Портье. Как же, есть. Новенькое. Третьего дня в шестнадцатый номер двое московских растратчиков въехали. Конечно, не очень шикарные растратчики, а так себе, середнячки — тысячи по четыре на брата, не больше. Женщину себе по дороге завели, во Владимирский клуб ездят. Все честь по чести.

Кашкадамов. Так, так, понимаю. Курите. Отлично. Так. Хорошо. Теперь вот что, дорогой мой, не мо-

жете ли вы мне сказать... (*Впал в задумчивость.*) Значит, вы говорите, третьего дня? Ага. Так, так. Значит, вы говорите, из Москвы?

Портье. Из Москвы-с...

Кашкадамов. Ага. Это меня вполне устраивает. Гм... С женщиной... Так вы говорите, в шестнадцатом номере?

Портье. В шестнадцатом. Второй этаж, четвертая дверь.

Кашкадамов. Мерси. (*Уходит.*)

Канторка портье задвигается обратно.

ЯВЛЕНИЕ II

№ 16 в гостинице «Гигиена».

Прохоров лежит в постели. Изабелла возле него.

Изабелла. Что же это такое? И тебе не бессовестно так поступать с женщиной?

Прохоров. М-м-м...

Изабелла. Я от тебя этого, котик, не ожидала, чтобы ты себя так вел. Все равно как вожжа у тебя под хвост попала. Я и туда, я и сюда, на одних извозчиков больше десяти рублей потратила. Так изнервничалась, а он, оказывается, по всяким притонам шляется и червонцами швыряется. (*Свирепея.*) Семьдесят червонцев на земле не валяются. Это еще что за мода? Семьдесят червонцев на всяких арапских аристократов бросать — это ты можешь. А знакомой женщине дать на лечение восемьдесят рублей — это ты не можешь. Я на тебя, миленький, не посмотрю. Вот возьму сейчас, побегу в уголовный розыск и сделаю заявление. Откуда у советского служащего могут быть такие деньги? Арест. Пойду и проинформирую.

Прохоров. Изабеллочка.

Изабелла. И за какие такие грехи я, несчастная, связалась с тобой, алкоголиком, где только были мои глаза. Смотри, свинья, как вывалился. Вся спина белая.

Входит Ванечка.

Вот, господа, полюбуйте, еще один пижон. Хороший друг, нечего сказать. Можете с ним поцеловаться. А вам, Ванечка, должно быть очень стыдно так поступать со своим товарищем — завести его в притон, а потом бросить

на произвол бандитов. Фи, я этого от вас не ожидала. Интересно знать, где вы провожали ночь? Судя по всему, я догадываюсь, что в гостинице «Европейская», где за все дерут в четыре раза. И антрекот метр-д'отель стоит три пятьдесят. Интересно, сколько вы подарили вашей даме?

Ванечка молча вешает пальтишко на вешалку, бледно усмехается.

Кавалер.

Прохоров. Изабеллочка, пить хочется...

Изабелла. Я думаю, пить захочется. Погоди. *(Уходит.)*

Ванечка. Ну?

Прохоров. Вот тебе и ну.

Ванечка. Станный какой-то город все-таки, Филипп Степанович: деньги есть, все дешево, а повеселиться негде.

Прохоров. Это смотря как взглянуть на веселье... Однако же довольно скучно.

Ванечка. Между прочим, я на днях думаю себе приобрести гитару. Приобрегу и буду играть.

Прохоров. Гитару? Народную цитру с нотами было бы лучше. Или мандолину. На мандолинах итальянцы играют серенады.

Ванечка. Можно и мандолину.

Пауза.

Как же все-таки будет с дамочкой?

Прохоров *(крутя головой.)* М-м-м... Как-нибудь... Этак... Тсс...

Изабелла *(входит с содовой водой, наливает, дает Прохорову)*. Выпей, котик. Содовая вода с портвейном номер одиннадцать очень помогает. Посмотри на себя, на кого ты похож. Ай-ай-ай.

Стук в дверь.

ЯВЛЕНИЕ III

Входит, не дожидаясь разрешения, Кашкадамов. Он с пухлым портфелем под мышкой. Строго улыбаясь, он неторопливо осмотрел по очереди все, что есть в комнате, — людей и мебель.

Кашкадамов. Простите, что я прервал вашу дружескую беседу, но не вы ли будете гражданин Прохоров?

Прохоров. Я-с.

К а ш к а д а м о в. Ага. Я так и знал. Очень приятно с вами познакомиться. А этот гражданин в таком случае, вероятно, ваш друг некто Клюквин?

В а н е ч к а. Я. *(Слабо ахнув.)* Я-с.

К а ш к а д а м о в. Ага. Так это, значит, вы? Так, так. А эта гражданка?

И з а б е л л а. За меня, пожалуйста, не беспокойтесь и не имейте в виду. *(Быстро надевает шляпку.)* Поскольку я имею полное право заходить днем на пять минут в гости к знакомым мужчинам, а в ихние мужские дела я не мешаюсь. И прошу меня не задерживать, мне еще надо заехать к портнихе.

К а ш к а д а м о в. Гражданка, не волнуйтесь. Все в свое время. Я с вами поговорю отдельно.

И з а б е л л а. Как же это может быть «не волнуйтесь»? Мне это очень странно слышать от интеллигентного человека. Наконец, мне, может быть, надо пройти в туалет до ветру... И я не могу больше держаться. Безобразие какое, выпустите меня. *(Схватила зонтик и убежала.)*

Без Изабеллы.

К а ш к а д а м о в. Ужасно нервная женщина, не правда ли? Ужасно. Однако не будем отвлекаться. Так, значит, я не ошибся: вы — гражданин Прохоров, а вы — гражданин Клюквин.

В а н е ч к а и П р о х о р о в. Да.

К а ш к а д а м о в. Ага. Тем приятнее. Чего же вы стоите, граждане? Садитесь, не стесняйтесь.

Послушно сели.

У меня есть к вам небольшое официальное дельце. Впрочем, я извиняюсь, что придется вас задержать.

В а н е ч к а. Задержать?.. Так я и знал.

П р о х о р о в. Виноват, товарищ, ви-но-ват-с, как представитель центрального учреждения... то есть мы, как обследователи условий... будучи в некотором роде... собственно, с кем имею честь?

К а ш к а д а м о в. Вы сейчас это увидите. *(Разложил на столе портфель и вынул бумаги.)*

П р о х о р о в. М-м... м... *(Переглядываясь с Ванечкой. Игра.)*

К а ш к а д а м о в. Потрудитесь прочесть. Тут указано все.

Прохоров. Курить... вы мне разрешите... я надеюсь...

Кашкадамов. О, бога ради, ради бога. *(Распахивает портсигар.)* Прошу вас, курите, гражданин Прохоров. А вы, кажется, гражданин Клюквин, не курите вовсе. Я так и знал. *(Предупредительно зажигает спичку и дает огня.)*

Прохоров *(надевает пенсне и, запинаясь, читает бумагу)*. «Удостоверение. Дано сие тов. Кашкадамову Б.К. в том, что он является разъездным агентом и уполномоченным по распространению изданий ЦЕКОМПОМА. Просьба ко всем лицам и учреждениям оказывать тов. Кашкадамову всемерную поддержку и содействие». Так вы... значит...

Кашкадамов. Ясно, все в порядке. *(Быстро вынимает из портфеля две открытки и брошюру в цветной обложке.)* Я надеюсь, что теперь мы с вами быстро договоримся. Конечно, вам не надо разъяснять цели и задачи нашего учреждения. Ближе к делу. Два комплекта наших изданий, состоящих из художественного изображения всероссийского старосты Михаила Ивановича Калинина, художественного портрета композитора Монюшко и популярной сельскохозяйственной брошюры в стихах с картинками о разведении свиней под названием «Свиная симфония» — по тысяче экземпляров в каждом комплекте. Комплект — двести рублей. Обратите внимание на бумагу и печать. Первоклассное исполнение. Может служить украшением любого учреждения и частной квартиры. Посмотрите, например, как сделан композитор Монюшко. Редкое сходство. Живой человек. Возьмите в руки.

Прохоров. Действительно... как живой...

Кашкадамов. Берете?

Прохоров. Ванечка, а как ты думаешь?

Ванечка. Можно взять, Филипп Степанович, отчего же.

Кашкадамов. Прекрасно. Пишу расписку на два комплекта. Итого четыреста рублей. Разрешите получить. Вот квитанция-с.

Прохоров. Ванечка, выдай.

Ванечка. Аблимант. Двести, триста пятьдесят, четыреста. *(Выдавая, подсчитывает на глаз остающуюся сумму, морщится.)* Сумму прописью.

Кашкадамов. Отлично.

Прохоров. А я, знаете, того, принял вас было за

другое лицо. Такой, представьте себе, официальный вид.

К а ш к а д а м о в. Ага. Понимаю. Надеюсь, вы не обижены покупкой. Я извиняюсь, конечно, что так напугал вашу даму. Куда, кстати, прикажете доставить комплекты?

П р о х о р о в. Гм... Ванечка, как твое мнение? Впрочем, доставляйте куда хотите. Нам не к спеху. А вы знаете, вышло совсем даже недурно, что она того...

В а н е ч к а. Дамочка в каракулях...

К а ш к а д а м о в. Будьте уверены, понимаю.

В а н е ч к а. Может, они выпьют с нами портвейн номер одиннадцать? Такой симпатичный гражданин.

П р о х о р о в. Это мысль. Товарищ уполномоченный, рюмку вина.

К а ш к а д а м о в. Это можно.

П р о х о р о в. Для приятного знакомства.

В а н е ч к а. Будем здоровы.

П р о х о р о в. Вам, я думаю, по своей должности много разъезжать приходится?

К а ш к а д а м о в. Все время в разъездах. Скажу определенно, люблю провинцию. Золотое дно, Клондайк. Столица по сравнению с ней — дым. Да. Подъезжаешь к уездному центру на какой-нибудь такой дореволюционной бричке. «А скажи мне, братец ямщик, кто у вас председатель уисполкома и какой он наружности? Толстый? Худой?» Ваше здоровье.

П р о х о р о в. Ваше здоровье.

В а н е ч к а. Будем здоровы. Дай боже, чтоб завтра тоже.

К а ш к а д а м о в. С худым председателем дело иметь трудно. Упорный народ. Нет. С толстым куда легче. Тут дело наверняка. Берешь измором. Входишь, кладешь на стол портфель, подмигиваешь, намекаешь, что в уезде всевозможные злоупотребления, сверлишь глазами, намекаешь вскользь, что специально приехал по официальной командировке, а между тем о себе молчок. Пускай толстяк потеет. Помучишь его часа полтора, вгонишь в полнейшую слабость и уныние, тогда из него хоть веревки вей. Верите ли, когда после всяческих дурных предчувствий, сомнений и угрызений оказывается, что от него требуется всего-навсего купить четыре комплекта композитора Монюшко — толстяк от радости и не знает, что

ему делать. Суется, сам бежит в бухгалтерию, в кассу, проводит по книгам все что угодно, лишь бы поскорей отделиться. Тут и композитору Монюшко, как родному отцу, обрадуешься.

Пьют.

Ванечка. А дамочка-то в каракулях... фью...

Прохоров. По сокращению штатов.

Кашкадамов. Нет людей приятнее, чем уездные председатели. А жизнь какая в провинции. А девицы. А развлечения. Удивляюсь вам, товарищи, чего вы здесь киснете, в этой паршивой «Гигиене»? При ваших да денежках да куда-нибудь в провинцию — это же сплошная красота. Да вас бы там туземцы на руках носили. Да вы бы там, совершенно определенно, светскими львами были. Да там первый ряд в кинематографе тридцать копеек стоит, а обед из трех блюд в ресторане полтинник. А дом, клянусь памятью матери, за восемьдесят рублей купить можно со всеми угодьями, да еще в придачу взять хозяйку, у которой припрятано в сундуке тысячи полторы. Золотой город Укрмутск.

Прохоров. А, кассир?

Ванечка. Не вредно.

Хохочут.

Кашкадамов. Ваше здоровье. Короче. Едем или не едем?

Ванечка. Едем, и даже очень просто.

Прохоров. Что же, не возражаю. Уж если обследовать, так обследовать. И Изабеллочке — кукиш... А, кассир? Сенаторская ревизия. Тайный советник Прохоров едет в провинцию... Строжайшая тайна... Общее смятение... Клуб с опереткой...

Кашкадамов. Ага. В таком случае — едем. Сейчас — два, поезд в четыре. Пока то да се. Билеты. Пообедаем на вокзале. Вещей, конечно, нет. Зовите номерного.

Прохоров. Человек, счет.

Ванечка. Даешь Укрмутск.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

ЯВЛЕНИЕ I

Площадь у вокзала в уездном городе Калинове, извозчики.

Прохоров. У меня шесть, у него семь. У меня семь, у него восемь. У меня восемь — у него девять. Шесть рук подряд побил. Около восьмисот рублей только что снял. Ну и ну. Так и режет, так и режет. Весь вагон обыграл в доску. Прямо не человек, а какой-то демон. Феноменально. Ф-фу.

Ванечка. Филипп Степанович, помяните мое слово, все суммы проиграете. Вы ему не доверяйтесь, не смотрите, что он уполномоченный. Жулик он, а не уполномоченный. У него карты перемеченные.

Прохоров. Однако водки в буфете нету. Рюмашку не мешало бы. Душу сосет. Как-то все не то. Съездить разве в город... Как бы только поезд не ушел без нас.

Ванечка. Погубит он нас, Филипп Степанович. Ведь денег-то, денег-то сколько. Не ходите туда больше. Ну его.

Прохоров. Чепуху ты говоришь, Ванечка. Мне сейчас очередь банк держать. Как же я могу туда не ходить? Здесь, что ли, оставаться?

Ванечка. И очень даже просто. Останемся здесь потихонечку, и пускай он себе дальше едет со своими мошенскими картами дураков обыгрывать, бог с ним...

Прохоров. Что ты такое говоришь? А как же Укрмутск-то?

Два раза звонят в колокол.

Слышишь?

Ванечка. Филипп Степанович. Ради бога, пускай он себе едет, а мы тут в городе Калинове лучше останемся. Две версты от станции до города Калинова. Город что надо. Я сам местный, отсюда родом. Смотрю в окошко и вдруг вижу — станция Калинов... Ах ты боже мой. Тут и сейчас моя мамаша, если не померла, в деревне Верхней Березовке живет, тридцать верст от железной дороги. Ей-богу, Филипп Степанович. А то что же это за наказание такое, все ездить, и ездить, и ездить. Повеситься можно. Останемся? Чего там билеты. Останемся,

и все тут. Смотрите, снежка насыпало. Саночки сейчас возьмем. За полтинник нас духом до самого города Калинова доставят с фасоном прямо в гостиницу. Остаемся?

Звонок.

Филипп Степанович?

Прохоров. А что же — Калинов так Калинов, и гора с плеч.

Свисток и шум уходящего поезда.

Ванечка. Поехал наш жулик. Скатертью дорога.

Прохоров. Обследуем, посмотрим... бр-р... Холодно. Не мешало бы... *(Щелкает по горлу.)*

Ванечка *(извозчику)*. До города Калинова полтинник.

Извозчик. Сорок копеек положите, дорога нетвердая.

Прохоров. Чудак человек, тебе дают полтинник, а ты требуешь сорок. Это что же у вас, такая такса?

Извозчик. Зачем такса? Пускай по таксе другие возют, а я прослышался, думал, вы четвертак говорите, а не полтинник.

Ванечка. Так вези за сорок, если так.

Извозчик. Пускай другие за сорок возют, а я меньше чем за четвертак не поеду.

Прохоров. Экий ты упрямец. Некогда нам с тобой разговаривать, у нас дела есть, нам обследовать надо. То подавай ему полтинник, а то меньше чем за четвертак не соглашается.

Извозчик. Пускай другие за четвертак возют, а я, как уговаривались, меньше чем за полтинник не поеду.

Прохоров. Да ты что, издеваешься надо мной или пьян? То четвертак, то полтинник, сам не знаешь, чего хочешь. Пьяница!

Извозчик. Нешто от пьянства так заговоришься? Вот завтра, как выпустят сорокаградусную, тады да, а теперь, как есть тверезый, говорю — четвертак, а думаю про полтинник. Очень они похожи на выговор — четвертак и полтинник... Я не пьян. Нынче не вышьешь!

Прохоров. Почему такое?

Извозчик. По случаю призыва. На три дня запрещена всякая продажа.

Прохоров Вот так фунт, хорош же ваш город Калинов.

Извоозчик. За распоряжение милиции не отвечаем.

Прохоров. Так, значит, повезешь ты нас все-таки за полтинник или не повезешь?

Извоозчик. Не повезу. Пускай другие за полтинник возют, а я меньше чем за четвертак не возьмусь.

Прохоров. Тыфу. Ну и черт с тобой. Не надо. *(Ходит по площади, останавливается возле табличек и вывесок.)* «Площадь бывшего Дедушкина», «Проезд бывшего Дедушкина», «Кооператив бывшего Дедушкина». Фу ты, что это за бывший Дедушкин такой?

Алешка. А это, гражданин такой-то, калиновской уездной милиции начальник был. Дедушкин фамилия ему. Геройский человек. В его, значит, честь и названо. Думали даже город перекрестить в город Дедушкин.

Прохоров. Да «бывший»-то он почему? Помер, что ли?

Алешка. Зачем помер? Живой... Только ему, значит, выездная сессия губсуда прошлое лето определила три года со строгой изоляцией... По такой-то статье. Как он, значит, суммами уездными пользовался... А уж вывески тогда вывесили... Ну, конечно, стали обдумывать такое дело... Что же, значит, с вывесками делать? Вывески, значит, менять — казенных денег стоит. Жалко все-таки тратить на уголовного человека. Думали, думали, ну, наконец все-таки придумали: повсюду написать «бывшего», и дело с концом. Пожалуйста, за тридцать копеек свезу.

Прохоров. Что ж, валяй. Только, я вижу, хорош же ваш уездный город Калинов. Водка не продается. Народ какой-то скучный. Четвертака от полтинника не отличает. Даже Дедушкин — и тот бывший. Провинция. Мрак.

Алешка. Это, гражданин, верно, что народ скучный, ваша истинная правда. Потому и скучный, что водки дожидается. Даст бог, до завтра доживем — сорокаградусной попробуем. Пожалуйста, садитесь. Н-но...

Прохоров. Значит, у вас тут ничего такого ни-ни?

Алешка. Никак нет. Не успел народ запастись. Не угадали малость. Завтра начнется.

Прохоров. Так что ж у вас люди пьют? Или, может быть, вовсе пить перестали?

Алешка. Которые действительно перестали — дожидаются сорокаградусной, а которые самогон добывают.

Прохоров. Где же они его добывают?

Алешка. А по деревням. Известно. Рупь двадцать бутылка наилучшего первача. Не то чтобы имеет какой-нибудь дух, ну, крепость такая, что все внутри горит — лучше тебе всякой водки, куда там. Вы только прикажите. В два счета слетаю до ближайшей деревни — хоть четверть доставлю. Восемь верст туда, восемь обратно — как раз к обеду вернусь. Прикажете?

Прохоров. А что же?

Ванечка. А еще лучше, Филипп Степанович, прямо в Верхнюю Березовку. Там и мамаша у меня, и родственники, и все на свете. А уж самогон дадут действительно самый лучший. Ведь десять лет не видел мамашу. Может, померла. И заночевать можно будет со всеми удобствами.

Прохоров. А что же? Правильно. Обследовать так обследовать. Чего мы здесь в Калинове не видели! Валяй в Верхнюю Березовку. А? Повезешь?

Алешка. Так точно. Четвертную положите? Что же? Конька покормим и гайда.

Ванечка. Ведь это что же, Филипп Степанович. Десять лет не бывал, а все, как вчера. Вот там Бурьгинский лес и река Калиновка делают крюк, там, значит, аккурат между лесом и лугом стоит она, Верхняя Березовка. И мамаша... соломой избу обкладывает... и все ждет своего сынка, все ждет не дождетя...

Прохоров. И в чем дело? Валяй. Поехали. Будьте любезны, великосветская охота. Рога трубят... Борзые собаки... Тройки. Бубенчики. Ату его. Мадам, стакан горячего пунша. Очень согревает... Валяй.

Алешка. Пожалуйте. Туда и обратно, в два счета. Завтра в обед назад будем. Аккурат к водке попадем. Ноги армяком покройте. Эх, загуляем в деревне. Ну-ка, ну...

Уезжают. Бубенчики.

З а н а в е с

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

Изба в деревне Верхняя Березовка.

ЯВЛЕНИЕ I

Прохоров (*в красном углу, пьяный, продолжает разглагольствовать перед мужиками*). По командировке. Обследовать обстоятельства жизни. Я и мой кассир. В Москве обследовали — мрак. В Ленинграде обследовали — мрак. На железных дорогах — мрак. Всюду мрак, непорядки, упущения, безобразия... Под суд всех. Всякие уполномоченные проходу не дают. У меня шесть — у него семь. У меня семь — у него восемь.

Ванечка (*с отчаянием*). Будет вам, Филипп Степанович, будет.

Прохоров. Ерунда. У меня восемь — у него девять. А? Как вам это нравится. Что же вы не пьете, граждане? Прошу вас, суаре интим в тесном кругу, как говорил старик Саббакин. Рюмку самогона. А?

Голоса. Премного вами довольны. Стаканчик можно. Отчего же. Будем здоровыми.

Мать обносит гостей, гости чинно и мирно выпивают.

Прохоров. Кассир, что же ты не пьешь? Э, это не годится, пей, кассир. Жизнь наша не что иное как сон. Верно я говорю?

Голос. Правильно. Пей, Ванятка. Ишь ты какой стал. А помнишь, вместе гусей с тобой пасли?

Смех.

Первый мужик. Ну-ка, ну-ка, Иван Антонович, поговори с товарищами вообще, насчет делов.

Второй мужик. Не ударь лицом в грязь перед центром.

Третий мужик. И, например, про землемера заметь кое-что.

Голос. А и любят наши старички поговорить. Бывает, как срежутся, как срежутся.

Смех.

Чистая оппозиция.

Первый мужик (*подзадоривает четвертого мужика*). Ну-тка, ну-тка...

Второй мужик. Как вы, товарищи граждане, из самого центра... Мы, извините, люди темные, а вы, значит, как бы это сказать, получившие наивысшее образование.

Г о л о с. Во. Правильно.

Сдержанный смех.

Четвертый мужик. Тут в газете «Беднота» писалось насчет государства какого-то. Франция будто она, как бы это сказать, готовится. Как же это, скажите, следует нам понимать? Война, что ли, какая подготавливается?

П р о х о р о в. Война, безусловно... р-р-р... разбьем...

Четвертый мужик. Так, так, понимаем. А как вы скажете, может, например, мельник при советской власти рабочих и крестьян брать по шести фунтов с пуда или не может?

П р о х о р о в. Не имеет морального права. Ни под каким видом.

Г о л о с. Так и режет, так и режет. Ха-ха.

Первый мужик. Та-ак.

Второй мужик. Ишь, пули какие отливает.

Третий мужик (*четвертому мужику*). Эх, Иван Антонович. Что же это ты перед центром сдал, а? Бейтесь, товарищи.

Мать тяжело и покорно вздыхает.

Четвертый мужик (*подмигивая прочим*). А как вы скажете, гражданин из центра. Как мы, значит, люди необразованные. К примеру, Михаил Иванович Калинин, какой же это, как бы сказать, на нем чин будет, если считать по-старому?

Г о л о с. Ну-ка, ну-ка.

П р о х о р о в (*решительно*). Вице-губернатор. Тайный советник.

Второй мужик (*в восторге*). Хо-хо.

Первый мужик. Ловко. Так и режет.

Третий мужик. Острый гражданин. Сразу видеть, что из самого что ни на есть центра. Спасибо, нам, дуракам, разъяснил.

Четвертый мужик. А как вы скажете...

Г о л о с а. Предсельсовета идет. Пашка Сазонов идет. Сазонова-то пропустите.

Движение. Входит П а ш к а С а з о н о в.

П а ш к а (*здоровается с Прохоровым*). Предсельсовета Сазонов. Будем знакомы. (*Ванечке.*) Будем знакомы. Здравствуйте, мамаша. Поздравить вас можно по случаю сына. (*Садится на подставленный табурет.*)

П р о х о р о в. Оч-чень приятно. Сенатор Прохоров... Со своим собственным кассиром Ванечкой... Чем могу?..

П а ш к а (*смеется*). Познакомиться пришел. Только с объезда вернулся. А тут, говорят, товарищи из центра приехали. На предмет, говорят, обследования. Как же, явился.

М а т ь (*подносит Пашке*). Выкушайте, Павел Семенович.

П а ш к а. Что ж, одну можно. Чтоб общество не обижалось. Целый день в разъезде был. Озяб страсть. Будем здоровы, хозяйшкa. У меня двадцать семь населенных пунктов. Не шутка. Еле управляюсь. А тут, я вижу, у вае целый митинг.

В т о р о й м у ж и к. Пришли поинтересоваться.

Т р е т ь и й м у ж и к. Умные речи приятно слушать.

П а ш к а. Ну-ну. Это правильно. (*Прохорову.*) А вы, значит, товарищ, к нам на какой же предмет центром командированы? Или же просто так приехали, полюбопытствовать?

П р о х о р о в. По командировке. Обследовать обстоятельства. Как и что. Я и мой кассир Ванечка. Всюду обследовали... В Москве — мрак. В Ленинграде — мрак. На железных дорогах — мрак. Непорядки, упущения, безобразия. Под суд. И точка... Всякие, можете себе представить, уполномоченные... У вас тут есть уполномоченные? А, что? У меня шесть, у него — семь, у меня семь, у него — восемь. У меня восемь, у него — девять. Не человек, а какой-то злой дух. Полторы тысячи, как одна копейка.

Г о л о с. Во как.

П а ш к а. Так, так.

В а н е ч к а (*тянет Прохорова за рукав*). Филипп Степанович. Ей-богу, будет. Уймись. А то вы такое наговорите...

П р о х о р о в. Нет. Постой. Двенадцать тысяч на текущем счету. Виноват. (*Пашке.*) Я должен вам как представителю власти на местах открыть под строжайшим секретом... В Ленинграде живет покойный государь император... Тсс-с... И он не кто иной, как товарищ Сере-

да, булочник с Петербургской стороны. Ха-ха-ха. Понимаешь? Как вам это нравится? Факт. *(Деревянно смеется.)*

Общий смех.

Г о л о с а. Так и режет, так и режет.

П а ш к а. Так, так. Понимаем. А засим позвольте пожелать.

М а т ь. Выкушайте еще. Что же так мало посидели?

П а ш к а. Никак невозможно. Двадцать семь населенных пунктов, двенадцать тысяч человек. Отдохнуть надо, завтра чуть свет — выезжать. Приятного веселья, товарищи. Дела еще кой-какие нужно справить. Прощайте, хозяйшка. *(Уходит.)*

П е р в ы й м у ж и к. Пойдем и мы.

М а т ь. Что же так мало посидели?

П е р в ы й м у ж и к. Пора и честь знать. Много довольны. До свидания. *(Прощается за руку. Уходит.)*

В т о р о й м у ж и к. Много довольны. Прощевайте. *(Уходит.)*

Т р е т ь и й м у ж и к. Много довольны.

А л е ш к а. Завтра утречком и поедем. Коли что надо — так вы крикните, я у Петра заночую. *(Уходит.)*

Ч е т в е р т ы й м у ж и к. Много довольны. Много довольны.

Уходят.

В сенях играют на гармонике. Мать зевает, крестит рот, разгоняет полотенцем дым, прибирает со стола, хлопочет.

П р о х о р о в *(засыпая.)* Правильно... положитесь все на меня... Тсс... Жизнь прекрасна... Двенадцать тысяч на текущем счету... Лионский кредит... Вино и женщины, масса удовольствий... *(Засыпает на лавке.)*

В а н е ч к а *(тихо, отчаянно, грустно напевает).* «Позарастила стежки-дорожки, где проходили милого ножки...» *(Груше, которая вошла с перинами, чтобы стелить.)* Груша... тебя, что ли, в этом году Данила берет?

Г р у ш а. Берет... Как бог даст...

Ванечка напевает.

Что это вы такой скучный стали, братец?..

В а н е ч к а. Был веселый, стал скучный. Данила мужик как? Ничего?

Г р у ш а. Да уж какой есть. А вы что же, братец, в городе не ожениться?

Ванечка поет.

Да что вы ровно не в себе? И не пили вовсе с мужиками? Лихорадит, может?

Ванечка. Лихорадит... Эх, Груша... Погубил я себя, сестрица. Стою, а под ногами, гляжу, вдруг черное расступается.

Груша. А вы ложитесь... С дороги это... Проспитесь — полегчает...

Ванечка. Черное расступается... И будто падаешь туда... В черное... И не уйдешь никуда, не убежишь... Все одно... *(Идет к дверям, ведущим в сени.)*

Груша. Ванечка, вы куда?..

Ванечка. Стели, девка, стели... В сенях постою. Под потолком перекладина есть... Пюд ветер голову поставлю... Горит она у меня... *(Уходит.)*

Груша. Голову бы не застудили. *(Стелет на полу постели.)*

Входит мать. Помогает стелить. Поет петух. Мать останавливается подле Прохорова.

Мать *(качает головой)*. Срам-то... Срам-то какой... От людей совестно... Не раздемшись... А еще начальник...

Пауза, поют петухи. Очень далекая гармонь. В сенях раздается странный шум упавшего предмета.

Груша. Мамаша. Там... Ванечка, что-то уронил...

Мать. Ванечка. *(Кричит)*. Ванечка. Ах боже мой. *(Бежит к дверям, раскрывает их — видно ноги висящего в петле Ванечки. Мать бросается к нему.)* Ванечка, господи боже... Груша, нож. Нож давай. Нож.

Груша *(хватает нож и бежит в сени)*. Удавился. Маменька, маменька.

Мать. Ванечка, да что ж это, господи. Нож, давай нож. *(Перерезает веревку, вынимает из петли Ванечку, который жив.)* Ох, жив, жив... Не допустил бог...

Ванечка *(входит вместе с матерью, шатаясь и опрокинуто улыбаясь)*. Мамаша... Зачем вы?..

Мать. Грех-то какой, ах, грех...

Груша. Лягте, братец, лягте... Полегчает. *(Укладывает Ванечку на постель на полу.)*

Мать. Грех-то, грех-то... Ванечка... Что ты... Грех-то...

Ванечка. Ничего вы, мамаша, не понимаете...

Мать. Все как есть понимаю, Ванюша. Ох, все по-

нимаю, грех-то какой. Крепись, Ванечка, терпи. Бог терпел и нам велел...

Груша приносит воды. Ванечка пьет.

В а н е ч к а. Скучно мне, мамаша, засудят...

М а т ь. Терпи, сынок... Терпи... Грех-то какой, грех... Испей водички.

Ванечка стонет. Стук в окно.

В а н е ч к а. А? Стучат... Что такое?.. Милиция?..

М а т ь. Груша, побеги...

Груша убегает отворять дверь.

ЯВЛЕНИЕ II

Вбегает А л е ш к а.

А л е ш к а. Хозяйка, слышь, буди пассажиров. Ехать надо. Пашка-то ваш, Сазонов, предсельсовета, в волость за милицией покатыл. Вот те крест. Вставайте. Вставайте. (*Будит Прохорова.*)

М а т ь. Что ты? Что ты?

П р о х о р о в. А? Что такое? (*Вскочил.*)

А л е ш к а. Ехать надо. Арестовать думает Пашка-то, Сазонов. Я, говорит, подозрение имею на них... Что деньги при них шальные... Я уж запряг. Ну-ка, ну. На дворе тает и тает, кабы дорога не тронулась. Тогда, пожалуй, на полозьях и не выберешься. Ох, сядем мы, кажется, с такими делами, посередине тракта и будем сидеть там...

П р о х о р о в. Кого арестовать? Меня арестовать? Ни под каким видом. (*Суетливо идет к дверям.*) Едем, кассир. За мной. Пашка, Пашка... К черту Машку, вот еще, скажите пожалуйста. Провинция — мрак... Нахальство... Ты Пашка, а я, может быть, граф Гвидо со своим собственным кассиром! (*Идет к дверям.*)

В а н е ч к а. Прощайте, сестрица. Прощайте, мамаша... Пойду я...

М а т ь. Ты, Ванюша, хоть бы письмецо... Ну, с богом...

А л е ш к а. Авось Пашка не догонит. Ну-ка, ну..

Звенят бубенчики.

В а н е ч к а. Зачем брали, Филипп Степанович? (*Тихо дрожит.*) Не надо было пользоваться, Филипп Степанович.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

КАРТИНА ОДИННАДЦАТАЯ

Вокзал в городе Харькове.

ЯВЛЕНИЕ I

Только что прибыл поезд, и в зал входят, проходя в другую дверь, пассажиры. Среди них Прохоров, Ванечка и немного погодя Шольте с носильщиком. Они садятся на лавку в зале ожидания. Виден буфет.

Ванечка *(безучастно)*. Что это за станция?

Прохоров. Харцызск. *(Бодрится.)*

Ванечка. Вон оно куда заехали!

Прохоров. А в Калинове-то? А? Кассир? Было дело под Полтавой. Первый день сорокаградусной. Национальный праздник в уездном масштабе. Общее смятение... Гром... Музыка... Черт-те что. Каким образом в вагон попали, хоть убей не помню. Голова трещит ужасно. Не мешало бы по рюмашке. А?

Ванечка. Ездим и ездим. Теперь куда же?

Садятся.

Прохоров. Куда? Положись на меня... Будьте уверены... Даже в груди сосет... Все как-то не так да не так... Рюмашку бы...

Идет к буфету, пьет водку, крикает. В это время Шольте в сопровождении носильщика помещается против Ванечки, отпускает носильщика и углубляется в чтение книжки.

Ванечка *(напевает)*. «Бывали дни веселые...»

Прохоров. Хорошо. Прилив жизненных сил. Кассир, а? Дерни для настроения.

Ванечка. Не хочется, Филипп Степанович. *(Ложится на лавку и дремлет.)*

Шольте. А вас, знаете, вчера в хорошем-таки состоянии доставили в вагон на станции Калинов. Небось не помните? Ха-ха. Где это вы так с товарищем, а? Простите, не имею чести, позвольте представиться — инженер Шольте, Цезарь Николаевич. С одним поездом сюда прибыли.

Прохоров. Очень приятно. Филипп Степанович Прохоров — ответственный работник по финансово-счетной части, а это мой кассир Ванечка.

Шольте. И далеко изволите следовать?

Прохоров. Так... Туда... (*Неопределенно машет рукой.*)

Шольте. Понимаю-с... Не смею затруднять... По личному делу едете? Или, пардон, по командировке?

Прохоров. По командировке. Из Москвы. Обследуем, знаете ли, различные обстоятельства.

Шольте. А осмелюсь спросить у вас — большими ли вы располагаете суммами, то есть, я хотел сказать, много ли вами получено средств на... обследование?

Прохоров. Да что ж. Не слишком чтоб... тысяч двенадцать, а?

Шольте. О. Это солидная цифра. Весьма, весьма внушительная сумма.

Прохоров (*высокомерно*). Я думаю.

Шольте. С такой суммой и за границу можно катнуть. Половину земного шара объехать.

Прохоров. Н-да. Это возможно. А вы как, тоже по командировке?

Шольте. По командировке, батенька. По командировке. Именно по командировке.

Прохоров. Обследуете тоже?

Шольте. Обследую тоже. Вернее, кончил обследовать. Все обследовал и теперь, как видите, возвращаюсь к родным пенатам, в Екатеринослав.

Прохоров. И большие суммы, извините, при вас были?

Шольте. Гм... Рублей так полтораста своих да примерно тысячи две... гм... командировочных...

Прохоров. Негусто!

Шольте. При известной аккуратности, экономии на такую сумму можно с большим вкусом попутешествовать, ни в чем себе не отказывая, месяца два с половиной — три. Позвольте, когда я выехал? Гм... Да... Месяца три с половиной обследую. Конечно, без особых излишеств, но от хорошей сигары и бутылки доброго заграничного вина никогда не отказываюсь.

Прохоров (*про себя*). Скажите.

Шольте. Мы, исследователи, всегда должны соотноситься со своими финансами. Не так ли?

Прохоров. Вы так думаете?

Ш о л ь т е. Обязательно. Экономия на первом плане. Говорю как опытный человек. Ничего лишнего... Но приличный костюм, дюжина элегантного белья, несессер, французские духи — всегда.

П р о х о р о в (*про себя, с завистью*). Какой жуир.

Ш о л ь т е. Крым обследовали?

П р о х о р о в. Нет-с.

Ш о л ь т е. Напрасно. В этом году виноградный сезон — упоение. Какое море... Какие женщины... Клянусь небом, я никогда в жизни не видел таких женщин. На Кавказе побывали?

П р о х о р о в. Н... (*Мотнул головой.*)

Ш о л ь т е. Милый мой. Вы не были на Кавказе? С вашими средствами? Это неслыханно. Тысяча и одна ночь. Сказка Шехерезады. Поэма... Бог знает что такое... Военно-Грузинская дорога, нечто уму непостижимое. Двадцать рублей — и вас мчат на автомобиле между небом и землей, а вокруг горы, скалы, шашлыки. Черкешенки, аулы, кахетинское вино в бурдюках — симфония ощущений. А какое общество. Клянусь вам небом, я нигде, никогда не встречал таких красавиц. И жизнь стоит гроши, гроши. Немедленно же, Филипп Степанович, немедленно же поезжайте туда и обследуйте. Вы будете там принцем. Вас там туземцы на руках будут носить, клянусь честью.

П р о х о р о в (*про себя*). Что ты скажешь. Крыть его нечем.

Шольте роняет книжечку.

Что это вы за книжечку с собой возите? Я заметил, вероятно, интересный роман?

Ш о л ь т е. Какое... До романов ли мне, посудите сами, если я возвращаюсь к месту службы. Это, батенька, уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Без него как без рук. Усиленно рекомендую приобрести.

П р о х о р о в. Это зачем же?

Ш о л ь т е. Комик! А если ваше дело возьмут вдруг и запустят показательным процессом, тогда что? По крайней мере, предстанете во всеоружии. Главное дело, милейший, хорошенько проработайте последнее слово. Поверьте опытному человеку. В последнем слове есть эффект процесса, вся красота, а остальное — миф, уверяю вас.

Звонит колокол.

Г о л о с. Первый звонок. Екатеринослав, Кременчуг, Пятихатка, Знаменка...

Ш о л ь т е. Ну-с, позвольте пожелать. Носильщик, шесть мест. Так я вам, Филипп Степанович, настоятельно рекомендую — не откладывая в долгий ящик, на Кавказ. Прямое сообщение, Харьков — Минеральные Воды. Советую, конечно, в международном вагоне. При ваших средствах это стоит гроши, но зато какой комфорт. Совершенно европейский способ сообщения. Красное дерево, собственный умывальник, зеркала, вышколенная прислуга, идеальное белье, синий ночник, всегда чай, вагон-ресторан под боком.

П р о х о р о в. Эх, идея. Мерси.

Ш о л ь т е. Еще бы. Будь я на вашем месте, я бы всю жизнь ездил исключительно в международном вагоне. (*Носильщику.*) Шляпную коробку не раздави. Осторожнее. (*Прохорову.*) Но, увы, по одежке протягивай ножки. Впрочем, при известном навыке можно и в жестком вагоне устроиться с некоторым комфортом. Но вам, Филипп Степанович, извините меня за откровенность, должно быть прямо-таки совестно, если в третьем классе...

П р о х о р о в. Один раз мы ехали в мягком...

Ш о л ь т е. Один раз!.. Всегда, всегда... Только в международном — и только на Кавказ. Сперва луга, буйволы, туземцы, туманные очертания горной цепи, там дальше — мох тощий, кустарник сухой.... А там уж и рощи, зеленые сени, где птицы щебечут... (*С упоением.*) Где птицы щебечут, где скачут олени... А там уже и люди гнездятся в горах, и ползают овцы по злачной стремнине...

Колокол.

Г о л о с. Второй звонок. Екатеринослав, Кременчуг, Пятихатка, Знаменка...

Ш о л ь т е. Иду, иду... Всего... Возвращаюсь к пенатам... Мне время тлеть, а вам цвести... Прощайте. (*Утирает слезы.*)

ЯВЛЕНИЕ II

П р о х о р о в. Вставай, Ванечка, вставай, сейчас мы едем на Кавказ. В международном вагоне. Определено. И точка.

В а н е ч к а. На Кавказ... Да...

П р о х о р о в. Прямое сообщение. Экспресс... Харьков — Минеральные Воды. Кавказ, брат, — это нечто

замечательнейшее. Не бывал, я тоже не бывал, но, говорят, черт знает что. Женщины, вино, симфония ощущений, где птицы щебечут и скачут олени. И выпьем по этому случаю по рюмашке коньяку... А?

Ванечка. Не хочется мне коньяку.

Прохоров. Ну, как знаешь, а я дерну. А ты вот что, Ванечка. Сходи ты пока в кассу и возьми два международных билета в Минеральные Воды...

Ванечка. Пойду. *(Косолапо уходит в кассу.)*

Прохоров *(выходит из буфета веселый)*. А? Зеркальные стекла, идеальное белье. Синяя лампочка... Снежные вершины... Кавказ... Ущелья... Канальские водопады... Женщины и вино.... В бурдюках... Башня Тамары... Кинжал... Патронташ... Черт-те что. Граф Гвидо на взмыленном кабардинце, роза на шляпе, глаза — угли, папаха на затылке, женщины падают в обморок, гром... Блеск... Великолепие... Музыка... Общий восторг.

Ванечка подходит.

Прохоров. Путались черт знает где, а о Кавказе-то и не подумали. Чуть какая-то, но теперь кончено. И точка. На Кавказ, и никуда больше. Все зачеркивается. Начинается совершенно новое. Европейский способ сообщения, масса удовольствий... Билеты взял?

Ванечка. Не хватает денег.

Прохоров. Как это не хватает? Не может быть.

Ванечка. Очень просто, не хватает. До Минеральных Вод за международные билеты спрашивают сто двадцать шесть, а у меня на руках четыре рубля сорок пять копеек.

Прохоров. Что? Ты сошел с ума. Дурак. Ведь было же двенадцать тысяч, куда ж они могли деваться? Это вздор. Вздор.

Ванечка. Все, Филипп Степанович. Может, у вас кой-какой остаток?

Прохоров *(хватается за карманы и портфель)*. Вздор. Никакого остатка. Тут три рубля. Вот. Позвольте... Позвольте... Не может этого быть... Куда ж они девались?.. Двенадцать тысяч?..

Ванечка. Проездили, Филипп Степанович.

Прохоров *(дичает, хватается за портфель, за Ванечкино плечо, бегаёт)*. Постой, как это — проездили? Виноват. Ви-но-ват... Надо подсчитать. У тебя четыре, да у меня три — итого семь... А где же остальные? Тут явное недоразумение... Постой. Гостиница — шестьде-

сят, два комплекта брошюры — четыреста. Билеты — двадцать, кинематограф — десять, на чай — три, Алеше — двадцать пять, Изабеллочке зонтик — тринадцать... Так где же в таком случае остальные?

Ванечка. Ехать надо, Филипп Степанович.

Прохоров. Куда ехать? Почему ехать? Нет, ты стой... Билеты двадцать, брошюры — четыреста, раки — семьдесят пять...

Ванечка. Что там считать... В Москву надо ехать, там все подсчитают. На билеты бы хватило.

Прохоров. Ты думаешь, да... да... Именно ехать, как можно скорее... Там, на месте, мы выясним это недо-разумение. Ты, Ванюша, голубчик, сбегай в кассу. Вот тебе три рубля, да смотри, чтоб хватило... Пожалуйста, чтоб непременно хватило...

Ванечка. Пойду. *(Уходит.)*

Голос. Ленинградский поезд опаздывает на две ми-нуты.

Прохоров. Да-да, в Москву. Как же это так? Стой. Номер — двадцать, раки — семьдесят пять... Кинематограф — десять. «Свиная симфония» — четыре-ста... Зонтик — тринадцать... Не может же этого быть... Нет. Надо сначала... По порядку... Зонтик — трина-дцать, раки — семьдесят пять...

Ванечка. Тринадцать рублей не хватает.

Прохоров. Не хватает? Вздор... Тут явное недо-разумение. Ведь было же двенадцать тысяч... Стой... я сейчас все это выясню и устрою... Пусти... Где тут на-чальник станции... Сейчас к коменданту... Телеграмму в центр... Носильщик, где комендант?

Ванечка. Да будет, Филипп Степанович. Какой может быть комендант. В город надо идти, пальто прода-вать, иначе не выберемся.

Прохоров *(убито)*. Пальто... Да... Продать... В город...

Ванечка. Только боюсь, за мое ничего не выручим, вон оно какое. Даже новое не справил...

Прохоров. Не выручим. Да. Пальто. Послушай, кассир... Мое... Оно еще совсем новое. Я его в пятнадца-том году шил... *(Быстро снимает пальто.)* Посмотри, а? Определенно. Шикарная шуба... Двести рублей заплачено, на ватине... Пойдем...

Ванечка. Вы, Филипп Степанович, лучше посиди-те тут... На дворе, поди, дождик... Город все-таки. Совест-но без шубы.

Прохоров. Да... Без шубы... Я посижу...
Голос. Скорый ленинградский.

Движение.

Ванечка. Я быстро, в два счета. Возле вокзала всегда покупатель найдется. Может быть, выручу... Давайте. Вот так. Значит, ждите. Сидите вот тут. Никуда не ходите.

Прохоров. Да. Вот тут.

Ванечка уходит.

Воротник подниму и посижу... Рюмашку не мешало бы. *(Бормочет.)* Гостиница — двадцать, раки — семьдесят пять, «Свиная симфония» — четыреста, зонтик — тринадцать, Алешке — двадцать пять, кинематограф — десять...

ЯВЛЕНИЕ III

Начинают идти пассажиры из ленинградского поезда. Среди них Изабелла под руку с мужчиной. Волочит его через залу в буфет.

Изабелла. Ты ничего не имеешь, котик, мы остановимся прямо с вокзала в гостинице «Америкен». Что же ты, котик, такой скучный? Интересному мужчине не подходит скучать. Фи. Не думайте. Об чем вы думаете?

Прохоров. Изабеллочка. *(Сначала испугался, попытлся, потом пошел ей навстречу.)*

Изабелла *(не замечая его)*. В Харькове будем поселиться. Определенно. В Харькове, между прочим, мебель дешевая.

Прохоров. Изабеллочка, Изабеллочка. *(Предстал перед ней, она отшатнулась.)* Ты на меня не сердись, Изабеллочка? Это все негодяй уполномоченный виноват. Дело в том, Изабеллочка, что нам нужно с Ванечкой ехать в Москву. Произошло явное недоразумение...

Изабелла. Извиняюсь, гражданин.

Прохоров. Это я, Филипп Степанович... Как же... А с шубой Ванечка пошел на рынок...

Изабелла. Что за такое нахальство... Вы ко мне ничего не имеете... И я к вам ничего не имею... Определенно... Сойдите с дороги...

Прохоров. Что ж это... Зачем же сердиться?.. Тут, понимаешь ли, вышло явное недоразумение... Надо только съездить в Москву, там все выяснится. А потом на Кавказ, где птицы щебечут и скачут олени.

И з а б е л л а. Определенно, какой-то сумасшедший. Что вам надо, гражданин? Я вас не знаю. Что же ты стоишь, котик, к женщине пристаешь ненормальный, а ты молчишь. Скажи ему. Такое нахальство...

М у ж ч и н а. Гражданин, я вас отправлю в милицию.

П р о х о р о в. В милицию? Не надо в милицию... Зачем же в милицию... *(Съезжился в панике.)* Изабеллочка, я же ничего... Зачем же это все...

И з а б е л л а. Попрошайка. Работать надо. Эти известные железнодорожные раклы. Пойдем, котик. В «Америкен». Там хорошо! *(Уходит.)*

П р о х о р о в *(шепчет в ужасе)*. Зачем же в «Америкен»... Не надо туда... Я не хочу в «Америкен»... Надо как можно скорее в Москву, там все выяснится... Тут только вышла какая-то ошибка... Изабеллочка... Яниночка... *(Пятится.)* Постой... Раки — семьдесят пять, «Свиная симфония» — двадцать... Тсс... Только чтобы Изабеллочка не видела. *(Лихорадочно шарит по карманам.)*

Набирается пассажиров, едущих в Москву.

В а н е ч к а *(входит без пальто)*. Выручил, Филипп Степанович. Больше пятнадцати никто не давал. Дыра, говорят, под мышкой и воротник потертый. Приобрел билеты. Поедем.

П р о х о р о в. Да. Поедем. Только тсс... чтоб Изабеллочка не узнала... А то она... знаешь... хочет в милицию... Видел Изабеллочку? Она тут... Только что... Грозилась все... Пойдем, пойдем... Вот там. *(Прячется за Ванечку.)*

В а н е ч к а. Будет вам, Филипп Степанович... Бог с вами... Какая может быть дамочка... Показалось вам... Никакой дамочки...

П р о х о р о в. Была, Ванечка, была. Как бог свят. Вот тут. В «Америкен» предлагала...

В а н е ч к а. Беда, совсем беда... Пойдемте, Филипп Степанович, отдохните. *(Ведет его и усаживает на лавку.)*

ЯВЛЕНИЕ IV

Д а м а с сыном выходит. Сын, которому лет тридцать, тащит гигантский зонтик, чайник, баул. Усаживаются против Прохорова.

П р о х о р о в. Тсс... Тсс-с... Ты видишь, вот она. Тсс-с... *(Прячется за Ванечку.)*

Д а м а *(сыну басом)*. Да будет тебе под ногами пу-

таться. Садись на лавку и сиди смирно. Тьфу. Сморчок. Смотреть на тебя противно. И в кого ты только уродился таким поганцем. Прости, господи.

Сын (*одет в полосатые брючки, и галстук у него бабочкой, а на носу пенсне, борода*). Как вы, мамочка, выражаетесь при посторонних. Они могут подумать бог знает что.

Дамы. А вот ты у меня поговори еще, папа. Не смей меня называть мамашей. Какая я тебе мамаша? Добро бы еще был законный. А то, извините, байстрюк.

Сын. Хи-хи-хи-хи. (*Смеется, подмигивая пассажирам — какая, мол, у меня экстравагантная мамаша.*) Вы ее, товарищи, не слушайте.

Дамы. Как это — не слушайте. Извините, пожалуйста. Нет, именно слушайте. Слушайте все, как я из-за этого недоноска третий год сужусь... Все слушайте. И вы слушайте. (*Тыкает Ванечку пальцем.*) И вы там, молодой человек, слушайте. (*Тычет в Прохорова.*) Все слушайте. Такие мне приходится терпеть муки ради этого шмендрика, которого... (*Голос ее дрогнул и перешел на слезливую флейту.*) Которого я, может быть, девять месяцев носила вот тут, под своим сердцем. (*Вытирает глаза платком.*)

Прохоров (*шепчет дико*). Изабеллочка, Яниночка, Ванечка, тсс-с... (*Прячется, корчась, за кассира.*)

Дамы. Слушайте все, какая есть правда на свете. Слушайте все, каких советская власть покрывает негодяев ротмистров, которые соблазняют невинных девушек. А ты можешь не хихикать. Про твоего папашу-подлеца идет речь. Про полтавского ротмистра Попова речь идет. Это он тебя сделал, шмендрика. Сделать ребенка — это они умеют. А чтоб жениться — так маком. Пускай же теперь, старый черт, платит алименты за все тридцать лет. Я этого дела все равно так не оставлю. Всю жизнь буду судиться, пока не высужу с негодя по десять рублей в месяц. Итого за тридцать лет — три тысячи шестьсот рублей с начислением установленной пени и взысканием судебных по ведению дела издержек.

Прохоров. В... вв... в...

Дамы. Всюду подавала, подавала в нарсуд. Из нарсуда в губсуд. Из губсуда в Верхсуд. Из Верхсуда в ВУЦИК. Негодяи. Все одним миром мазаны. Самому товарищу Петровскому. Отказал. Но я этого дела так не оставлю. Теперь еду в Москву. В самый центр. Там разберут, где правда. Без рубашки останусь, а до самого товарища всесоюзного старосты дойду. (*Идет пить воду.*)

Сын (*соседям*). И совершенно напрасно мамаша тратится, я уже, слава богу, не маленький. Мне в киностудию поступать пора-с.

Прохоров. Ты слышал, кассир... Алименты... За тридцать лет. Это с меня... О, Изабеллочка... Тсс... Не увидит... Тсс-с... А вот и не увидит... Тсс... (*Прячется.*)

Ванечка. Будет вам, Филипп Степанович. Никакой дамочки нету. Не расстраивайте себя. Смотреть на вас больно-с.

Прохоров. Постой, кассир. Ведь мы не посчитали корову. Корова — сто двадцать, раки — семьдесят пять...

Дама (*возвращаясь*). Извините, говорит, мадам, но закон обратной силы не имеет. А я ему — как это так не имеет? А ребенок обратную силу имеет? Так я и самому Калинину скажу — а ребенок, скажу, обратную силу имеет? Так пускай, гадюка, платит деньги за это.

Прохоров. Тсс... Тсс... а вот и не заметила... (*Прячется, показывает язык.*)

Колокол.

Голос. Первый звонок. Ускоренный на Курск, Орел, Тулу, Москву... Посадка на Курск, Орел, Тулу, Москву.

Дамы (*сыну*). Забирай вещи, пойдем садиться. Тьфу. Наказание мое. Да глаза зонтиком не выколи... Пачкун...

Ванечка. Пойдем, Филипп Степанович... В Москву теперь, стало быть.

Прохоров. Да, в Москву. (*Идет к выходу.*) Постой. (*Загадочно.*) Прежде всего спокойствие... Тсс...

Ванечка. Беда.

Занавес

КАРТИНА ДВЕНАДЦАТАЯ

Та же обстановка, что и во второй картине, только гораздо меньше мебели; резче заметна нищета.

ЯВЛЕНИЕ I

Коля мастерит громкоговоритель, стучит чем-то.

Янина (*быстро входит*). Что? Кто-то стучал?

Коля. Это я стучу. Громкоговоритель доделываю.

Я н и н а. Матерь божия, даже сердце опрокинулось. (Прислушивается, тяжело дыша, садится к столу.) Але, боже мой, ты видишь. (Роняет голову на угол стола — может быть, плачет, вздрагивает.)

К о л я (сидит на подоконнике). М-м-м... (Желая сдержать слезы, кусает себе руку, затем снова начинает возиться с радио.)

Из громкоговорителя слышится голос: «...запятая предлагается крайним запятая, областным и губотделам труда выработать такие нормы причем должны быть учтены местные условия работы точка абзац при составлении норм...» Четыре звонка.

Я н и н а (вскакивает). Два, три, четыре... Матерь божия, матерь божия. (Убегает открывать дверь.)

Радио говорит: «Следует исходить из положения принятого на все-союзной конференции...» Коля выключает приемник. Пауза.

ЯВЛЕНИЕ II

Т е ж е и П р о х о р о в и В а н е ч к а.

Из левой двери выбегает З о я и останавливается на пороге. Из соседней двери медленно выходит Я н и н а, за нею Прохоров, немного погодя Ванечка.

Я н и н а. Филя, Филечка, дружок. (Припадает к его плечу.)

П р о х о р о в. А вот и я, Яниночка.

Я н и н а. Матерь божия. (Отступая.) Филечка, котик. В каком ты виде. Без калош. Где твоя шуба? Какой ужас. Тебя искали, за тобой приходили. Что же это будет? Все продано: швейная машина, зеркало, самовар. Все... Все... Зоя ходит по чужим людям стирать белье. Мы не имеем, что есть. Я схожу с ума.

П р о х о р о в. Прежде всего спокойствие. Все в порядке. Сейчас Ванечка идет туда... Тсс...

Я н и н а. Вот до чего довели тебя твои друзья и фантазии. (Ванечке.) Полюбуйтесь.

В а н е ч к а (вполголоса Янине). Филипп Степанович все время не в себе и прямо с вокзала, как были, без пальто, хотели ехать на службу... А морозу восемь градусов. Я, значит, доставил... На извозчике... Очень они расстроены... Смотреть на них больно-с... Совсем с ума сошли-с.

П р о х о р о в (деловито и несколько таинственно). Ты вот что, Ванечка, отправляйся ты прямо отсюда, не заходя домой, на службу. У нас сегодня какая наличность в кассе? Впрочем, это не суть важно. Затем, значит, ты

того... Ты там присмотри за ними, чтобы они не напутали. И молчок. Тсс... Никому ни звука. Как ни в чем не бывало. Понятно? А я сейчас. Вот только устрою кой-какие дела. Отчет, знаешь, надо срочно подготовить. Главное — тсс... Чтоб ни одна душа... А шуба — это вздор. На улице воздух сегодня сравнительно тепел, и я ни капли не озяб. Сейчас вот съезжу к портному и закажу новую шубу. Я, представьте себе, без пальто чувствую себя как-то гораздо бодрее, чем в пальто... Надо только воротник поднять и булавочкой его. Булавочкой возле горла — и все в порядке... Так ты, значит, отправляйся, а я это все оборудую... Можешь на меня положиться. К двенадцати я обязательно заеду...

Четыре звонка.

Я н и н а. Четыре... К нам... Это пришли... Наверное... Николай...

П р о х о р о в. Кто пришел? За мной? Вздор... Тсс... Никому ни звука... Главное, чтоб отчет успеть... Тсс... Скажи, Яниночка, что меня дома нет... и точка... А я... пока, Ванечка... Знаешь ли...

ЯВЛЕНИЕ III

Входит Н и к и т а и оставаивается, руки по швам.

П р о х о р о в. Никита. (*Пятится.*) Кто тебя прислал?

Н и к и т а. Как чувствовал, что непременно застану. С приездом, Филипп Степанович. И вас с приездом, товарищ кассир.

П р о х о р о в. Что? Что тебе надо?

Н и к и т а. Не губите меня, товарищи, будьте вместо отцов. Как пойдете под суд — то не сказывайте, что я получал по доверенности деньги уборщицы Сергеевой. Христом богом прошу. Вам что двенадцать рублей пятьдесят копеек больше, что двенадцать рублей пятьдесят копеек меньше — все одно. Верных пять лет, а меня баба со свету сживет. Жизни решит, душу вымотает.

П р о х о р о в (*пятясь в левую дверь*). Что ты, что ты. Пять лет. Ты не смеешь так говорить, Никита. Это очень нехорошо с твоей стороны. Я сейчас отчет, Никита, составлю. Прежде всего спокойствие. Тсс...

Скрывается в левую дверь. За ним идет Зоя.

Я н и н а (*в ужасе*). Вы видите, что делается? (*Идет за ним.*)

ЯВЛЕНИЕ IV

Н и к и т а, В а н е ч к а, К о л я.

Н и к и т а. Не сказывайте, товарищ кассир. Христом богом прошу, не сказывайте. Моя расписка... Она у вас тут должна быть. В портфеле...

В а н е ч к а. Такие дела, Никита. *(Вынимает из портфеля расписку и отдает Никите.)* Получай, Никита. Живи.

Н и к и т а. Покорнейше благодарим, товарищ кассир. Бог вам это не забудет. А я, может быть, когда табачку вам передам или чего. Ну, пойду я, а то хватятся, где курьер, а курьера нету.

В а н е ч к а. Постой, Никита. Скажи мне... Как же там? У нас. Кассир теперь... другой?

Н и к и т а. Временно артельщик сидит... пока нового не прислали.

В а н е ч к а. Постой... скажи мне... как же там все... по-прежнему?.. И несгораемый шкаф по-прежнему? И лампочка полуваттная?

Н и к и т а. А чего же. Все как было.

В а н е ч к а. И ручка на веревочке по-прежнему? И окошечко? И люди на диванчике дожидаются, и... и... и ордера, постой... А как же без Александра Сидоровича? Птичку-то? Без карандашика-то, а? Как же это может быть, Никитушка?

Н и к и т а. Вы, товарищ кассир, не мучьте себя, не скучайте. Даст бог, до половины сократят... Через два с половиной года выйдете на волю.

В а н е ч к а. Два с половиной года... так точно!

Н и к и т а. И вот что я вам, товарищ кассир, скажу... Покуда то да се... вы не ждите... идите сами прямо на Гнездииковский переулочок, МУР спросите. Вам каждый, всякий скажет, это все-таки тоже во внимание принимается.

В а н е ч к а. На Гнездииковский?

Н и к и т а. Ну, пойду я...

В а н е ч к а. Иди, Никита, прощай...

Н и к и т а. Покорнейше благодарим, счастливо отсидеться. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ V

Ванечка, Коля, входит З о я.

В а н е ч к а. Пойду себе и я. На Гнездниковский.

Коля включает громкоговоритель, слышится исполняемая на скрипке «Легенда» Венявского.

З о я. Ах, там... мы не знаем, что делать. Папаша все ехать куда-то собирается... Без пальто... всего трясет... Борода отросла... Такая седая... Страшный... Прямо как сумасшедший.

В а н е ч к а. Вы его не тревожьте, он не в себе с дороги. Пусть полежит... Может, отойдет...

Пауза.

Зоя Филипповна... Пойду я. Только вы против меня не имейте... Зоя Филипповна, как я увидел вас тогда... вот подле этой двери вы стояли... Шапочка на вас была желтенькая, вязанка, а из-под берета локончики... А на бровках ваших будто капельки такие мелкие, от дождика, как бусинки. Хоть я тогда и не в себе был, но как увидел — по гроб жизни. И как ездили мы потом с Филиппом Степановичем по железным дорогам и по городам разным, только об вас и вспоминал все время... Только об вас и болел. С ума прямо сошел, Зоя Филипповна. Хотите верьте, хотите нет... А я весь вот тут перед вами. Гляньте в окошко — хорошо-то как, бело... Снежок везде лежит... Крыши голубые. Мальчишки на коньках катаются, саночки ездют. Бубенчики звенят. А мне идти надо. Пойду себе, Зоя Филипповна... В Гнездниковский. Погубил я себя. Хоть и посторонний я вам человек, однако, может, вспомните когда про меня, калачик мне принесете, а я вас ни-почем не забуду, по гроб...

З о я. Ах, зачем вы такое жалкое говорите. Что же делать... Что же делать!

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же, Прохоров и Янина с дамским плюшевым жакетом в руках.

Прохоров (возбужденный). Ванечка, мы едем. Сейчас же, нельзя терять ни минуты. Немедленно. Я боюсь, что Никита все там напутает. Решено.

Янина. Котик, куда же ты поедешь без пальто, опомнись. Повлияйте на него, Ванечка.

Прохоров. Вздор, вздор — пальто. Кассир, скорее.

Янина. Господи. Он схватит воспаление легких. (Плача.) Надень хоть это.

Прохоров. Воздух сравнительно тепел... Впрочем, давай я надену. Это не суть важно... (Надевает жакет.)

Янина. Филечка, останься.

Прохоров. Нет, нет... И не проси... Важные дела... С нами, Яниночка, произошло там одно недоразумение... Надо все немедленно выяснить. Ведь ты понимаешь сама. А то мы на Кавказ опоздаем.

Четыре звонка, затем сильный стук в двери. Пауза. Стук повторяется. Звонки.

Янина. Николай... Пойди... Это за ним...

Коля выключает радио.

Постой...

Прохоров. А? Что? Почему вы все молчите? Кто за мной?.. Это все штучки Никиты. Я вижу ясно. Подождите. Скажите им, чтобы они подождали пять минут... Не могу же я все сразу вспомнить.

Стук в дверь.

Все вздор. Николай, сейчас мы будем составлять отчет. Возьми бумажку и карандашик и записывай. Ты должен помочь своему пожилому отцу. Сейчас я тебе продиктую все по порядку. А потом мы живенько перепишем. Главное, спокойствие. Зоя, ты же стенографистка... скорей, скорей же записывай. Ну... Железнодорожные билеты — восемьдесят пять, на чай — три, извозчики — семнадцать, раки — семьдесят пять, «Свиная симфония» — четыреста, зонтик — тринадцать... Пиши, пиши... Сейчас это очень важно.

Стук в двери. Звонки.

А?

Янина. Николай... Ступай... Нет, подожди...

Прохоров. Пишите же, пишите... сейчас... погоди... Все это чепуха... На чем бишь я остановился? Кассир. Виноват. А ведь уполномоченный-то оказался гусем. У меня шесть, у него — семь, у меня семь, у него — восемь, у меня восемь, у него — девять. Как вам это по-

правится? Шесть рук подряд. Ха-ха-ха. *(Смеется деревянным смехом.)*

Звонки. Стук.

Я н и н а. Боже мой, боже мой. Николай, пойдн.

Коля, кусая от стыда и горя руку, уходит. Слышатся громкие голоса.

П р о х о р о в. Все вздор. Мура вокруг... Чушь. Дичь. Ничего подобного не было... Они врут... Шерри-бренди. *(Очнулся, стал осмысленным.)* Кто там, в передней? А? В боку. *(Хватается со стоном за бок.)* А... М-м... *(Шатается.)*

Я н и н а *(поддерживая его)*. Филечка, дружок.

Он опирается одной рукой на Янину, другой на Зою и, еле волоча ноги, идет к дивану. Дверь отворяется, там — милиция.

П р о х о р о в *(остановился, оглянулся)*. Яня, мне худо. *(Падает.)*

Короткая пауза, плачет Коля.

З а н а в е с

КВАДРАТУРА КРУГА

Водевиль
в трех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

В а с я }
А б р а м } приятели.

Т о н я.

Л ю д м и л а.

Ф л а в и й.

Е м е л ь я н Ч е р н о з е м н ы й, поэт.

С а ш а, маленький мальчик, совершенно безмолвная фигура, появляющаяся в первом акте.

Г о с т и.

Действие происходит в 20-х годах.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Большая, пустынная запущенная комната в московском муниципализированном доме. Две двери. В левом (или правом) дальнем углу, подобно кровати, продавленный полосатый пружинный матрас, уставленный на четырех кирпичках, — из числа тех, что именуются злобно «прохвостово ложе». На нем ужасающего вида подушка в пятнистом напернике, без наволочки. Рядом стул. На стене висят старые штаны. В правом дальнем (или левом) углу груды книг, газет, брошюр. С середины потолка висит одинокая, но довольно яркого света лампочка без тарелки и абажура, прямо в патроне. Под лампочкой стоит зеленая садовая скамейка на чугунных ножках с вырезанными на ней инициалами и большим пронзенным сердцем. На скамейке толстый том «Политэкономии», видимо заменяющий подушку. Заметно, что скамейка поставлена сюда, чтобы можно было лежа читать. На подоконнике самодельный рупор громкоговорителя и ящичек с катодной лампочкой. Тут же кое-какая посуда. Больше в комнате ничего нет. При поднятии занавеса на стене темно, лишь сквозь замерзшее синее, обледенелое окно проникает сусальный свет уличного фонаря, который, мерцая, как бы висит среди ветвей морозного узора, как елочный орех.

ЯВЛЕНИЕ I

Входит В а с я, за ним Л ю д м и л а.

В а с я. Сюда, Людмилочка, сюда! Не заблудись в коридоре.

Л ю д м и л а. Ай! Я обо что-то зацепилась юбкой.

В а с я. Это о велосипед. Держись за меня.

Л ю д м и л а. Фу, как не стыдно, котик! Коридор две версты, и ни одной лампочки.

В а с я. Перегорела на прошлой неделе.

Л ю д м и л а. Девяносто рублей в месяц получаешь — не мог новую купить?

В а с я. Не сообразил. Не трахнись о шкаф. Все как-то так некогда. Днем на службе, вечером готовлюсь. Входи смело.

Л ю д м и л а. Бить тебя до сих пор было некому. Погоди, дорогой супруг, теперь уж я за тебя возьмусь!

В а с я. Правильно. Возьмись, бери меня в работу. На то и расписывались. Сейчас я зажгу свет. Комната что надо, только мебели маловато.

Л ю д м и л а. Интересно, как ты живешь...

В а с я. Тьфу, лампочку не могу найти! Абрам, ты дома? Нету.

Л ю д м и л а. Как, разве ты не один живешь?

В а с я. Я тебя забыл предупредить. Абрам — это один глубоко свой парень... Но ты, Людмилочка, не беспокойся.

Л ю д м и л а. Так ты живешь вдвоем с товарищем? Здрате! Может, еще и товарищ женатый?

В а с я. Кто? Абрам женатый? Сухой холостяк.

Л ю д м и л а. А он знает, что мы поженились?

В а с я. Постой... Не знает... Но это не важно. Он будет рад. Честное слово! Вот увидишь. Прямо танцевать от радости будет.

Л ю д м и л а. Ох, Васька!

В а с я. Право же... Вот он сейчас придет, а я ему сейчас все и выложу: так и так, мол, женился... И ничего страшного. Ты, главное, Людмилочка, не расстраивайся. В общем, его по целым дням не бывает дома... Где же это чертово электричество?.. Только ночует. Ничего, как-нибудь устроимся. Ну вот, есть. *(Зажигает свет.)* Конечно, нельзя сказать, чтоб очень шикарно. Главное, понимаешь, мебели маловато... Ну как, Людмилочка?

Л ю д м и л а. Чисто как свиньи. И холодюга.

В а с я. Это потому, что окна не замазаны. Но ты, Людмилочка, главное, не того, не поддавайся панике. Мы это все устроим. Погоди, обзаведемся малость. Окна замажем, лампочку в коридор купим, пол выметем — все будет на ять.

Л ю д м и л а. И вы тут вдвоем с товарищем живете, в этой конюшне?

В а с я. Угу.

Л ю д м и л а. На чем же вы спите?

В а с я. Я вот на этой... на тахте. А он — на скамейке... Очень, представь себе, удобная скамейка. С Чистых прудов. Да ты, Людмилочка, не скучай. Может быть,

хочешь, я тебе громкоговоритель включу? Собственной конструкции, принимает на осветительную сеть. Берлин слышать — во! Людмилочка... ну... что ж ты молчишь?.. Не хочешь разговаривать?

Л ю д м и л а. Можешь со своим радио разговаривать. Я тебе не громкоговоритель. Кроме всяких шуток, на девяносто рублей в месяц, кажется, можно было кое-чего приобрести. Где одеяло?

В а с я. Нету.

Л ю д м и л а. Чем же ты укрываешься?

В а с я. Пальтом укрываюсь. Небось на вате.

Л ю д м и л а. Голова у тебя на вате! Глаза б мои не видели! «Людмилочка, Людмилочка!» — а у самого на двоих одна подушка. Такая, что в руки взять страшно... Как же вы с вашим товарищем спите?

В а с я. Так и спим. По очереди. Один день я на подушке, а он на «Политэкономии».

Л ю д м и л а. А грязи-то везде, грязи! Настоящий хлев! Небось комнату целый год не мели? Вот оно сколько сметья! От людей должно быть совестно. Примус есть?

В а с я. Нету.

Л ю д м и л а. Очень приятно слышать! Ну, погоди, миленький муж! (*Ходит по комнате.*) Постель — туда. Сюда стул и сюда стул. Так. Тут — коврик. Тут — полочка.

В а с я. Правильно! Вот это настоящая хозяйка! Подруга жизни. Что надо.

Л ю д м и л а. Сюда тарелочки, сюда занавесочку.

В а с я. Ну, занавеску — это, может быть, лишнее. Мещанство все-таки.

Л ю д м и л а. Что? Коли мещанство, так и нечего было со мной расписываться. Молчи уж! Сюда шкаф для посуды. Так. Ага... Погоди, я сейчас сбегая к сестре, принесу кое-какие вещи, — нельзя же, в самом деле, в такой конюшне почевать. Метла есть?

В а с я. Нет.

Л ю д м и л а. Чтоб была! Понял? Покуда я за вещами буду ходить, чтоб все было выметено!

В а с я. Да.

Л ю д м и л а. Котик... Ты меня любишь?

В а с я. На все сто процентов!

Л ю д м и л а. Так поцелуй меня в носик!

В а с я. Людмилочка! (*Хватает ее в объятия.*)

Л ю д м и л а. Тсс! Ты с ума сошел! Пусти!

В а с я. Людмилочка... Постой... Как же так...
Л ю д м и л а. А так же. Чтоб пол блестел. До свиданья, супруг! *(Ушла.)*

ЯВЛЕНИЕ II

В а с я. Супруг. Во как! Интересно быть женатым, пес бы его взял! *(Стучит в стенку.)* Ни-ка-но-ров!.. Веника нету? Ты дома? Ве-ни-ка?.. Очень жаль.

ЯВЛЕНИЕ III

Входит Т о н я с двумя вязанками книг.

Т о н я *(в дверях)*. Абрам, ты дома?

В а с я. Не приходил. Кузнецова? Сколько лет!..

Т о н я. Вася? Здорово!

В а с я. Тоня... *(Потрясен слегка.)* Ты к Абраму?

Т о н я. К Абраму. Он тебе ничего не говорил?

В а с я. Нет. Я его со вчерашнего дня не видел. Ну, покажись же, покажись, какая ты стала!

Т о н я. Да какая! Такая самая, как тогда, обыкновенная. А ты здесь что делаешь?

В а с я. Я здесь что делаю? Ничего, живу.

Т о н я. Ты здесь живешь? В этой комнате?

В а с я. В этой самой.

Т о н я. Вместе с Абрамом?

В а с я. Да... да... вместе с Абрамом... А теперь...

Т о н я. Он мне об этом ничего не говорил.

В а с я. А то бы давно забежала? Правда?

Т о н я. Да. То есть не совсем... Гм... Это Абрама угол? *(Показывает на угол с книгами.)*

В а с я. Абрама.

Т о н я. Да... Что ж, помещение довольно большое. Абрам на чем спит?

В а с я. На скамейке. Это его половина. А та моя... Да... Такие-то дела, Тонечка.

Т о н я. Я тут пока посижу.

В а с я. Да, да. Ты посиди пока. Абрам, наверное, сейчас придет. Он всегда в это время приходит. Мне тоже с ним нужно поговорить... Одно, знаешь, такое щекотливое дельце... *(Высовывается в коридор.)* Ребята, метелка есть? Нету? Очень жаль... У кого? В девятой квартире? Ладно. *(Тоне.)* Тут, понимаешь, подмести малость надо, а то не особенно... И веника ни у кого нет... Так

ты же смотри... Я же тебя тысячу лет не видел... Никуда не уходи...

Т о н я. Не собираюсь.

В а с я. Сейчас, в два счета! *(Деловито убегает.)*

ЯВЛЕНИЕ IV

Т о н я *(одна.)* Ничего не поделаешь. Хорошо.

ЯВЛЕНИЕ V

Входит А б р а м, таща на плечах козлы, а под мышкой книги.

А б р а м. Кузнецова, ты уже здесь? Плотникова достала?

Т о н я. Максимум до вторника. Под честное слово.

А б р а м. Придется читать вместе. Смотри, я приобрел знаменитые козлы. Между прочим, черт бы его побрал, из-за этого паршивого загса я опоздал на бюро ячейки. Ты не опоздала? Я тебя спрашиваю, для чего это нужно? Как будто бы нельзя без регистрации. Кому от этого холодно?

Т о н я. Уступка мелкой буржуазии.

А б р а м. Ага. Куда ставить козлы?

Т о н я. Я думаю, под лампочку, чтоб можно было читать. Давай я тебе помогу. Вот так. Спасибо. *(Ложится на козлы.)* Да, кстати, кажется, в этой комнате живет еще один товарищ? Ты мне ничего не говорил об этом.

А б р а м. Ой! Совсем из головы выскочило. Что ты скажешь?.. Но ты, Кузнецова, не беспокойся, это ерунда. Он же глубоко свой парень, Васька.

Т о н я. Надеюсь, он не женат?

А б р а м. Кто? Васька — женат? Закоренелый холостяк.

Т о н я. Да, я его знаю.

А б р а м. Он уже приходил?

Т о н я. Побежал за веником. Сейчас придет.

А б р а м. Слушай, Кузнецова... Ты его уже информировала, что мы регистрировались?

Т о н я. Нет. Но он все время на меня смотрел как-то так, что я думаю — догадался.

А б р а м. Ты думаешь — догадался? Ай, как нехорошо! Между прочим, ты сегодня обедала?

Тоня качает головой.

Ужасно жрать хочется. Может быть, у Васьки что-нибудь есть? *(Ищет.)* Колбаса. Кузнецова, как ты думаешь,

если я у него возьму немножко колбасы — это этично или не этично?

Т о н я. Не этично.

А б р а м. Так он же глубоко свой парень.

Т о н я. Да? А мне показалось — наоборот, признаки нездорового обрастания: полосатый галстук, нэпманские штiblеты — в общем, имеет вид сухаревского жениха.

А б р а м. Неужели вид жениха? Я таки, по правде сказать, давно замечаю, что Васька обрастает. Кстати, все-таки надо с ним согласовать вопрос о нашем браке. Я думаю, он может только приветствовать. Так не брать Васькиной колбасы? Или, может быть, взять? А, Кузнецова, как ты думаешь? Или не этично?

Т о н я. Можно сложиться на четыреста граммов краковской. У тебя деньги есть?

А б р а м. После козел осталось двенадцать копеек и восемь завтра на трамвай.

Т о н я. У меня тут тоже что-то... Погоди... Пять, десять... А вот еще... Тридцать девять копеек. Давай свои деньги. Тут, за углом, кажется, ларек. Я сейчас сбегаяю.

А б р а м. Почему именно ты сбегашь, а не я? Я же все-таки твой муж.

Т о н я. Муж? Абрам, я тебя прошу без мещанства. Ты покушал и тащил козлы, а я пойду за пищей.

А б р а м. Взаимное понимание, разделение труда и рабочий контакт?

Т о н я. Именно.

А б р а м. Тогда не возражаю.

Тоня уходит.

ЯВЛЕНИЕ VI

А б р а м (*один.*) Что нужно для прочного брака? Сходство характеров, взаимное понимание, классовая принадлежность, общая политическая установка, трудовой контакт. Сходство характеров? Есть. Взаимное понимание? С полуслова. Классовая принадлежность? Имеется. Общая политическая установка? А что же! Трудовой контакт? Ого! Так в чем же дело? Может быть, любовь? Социальный предрассудок, кисель на сладкое, гнилой идеализм... А между прочим... (*Нюхает воздух.*) Ух! На всю комнату колбасой пахнет... Или не этично? А?

Входит В а с я с метелкой.

В а с я (*увидел Абрама, смущен.*) А! Ты уже пришел. (*Начинает чрезвычайно смущенно подметать. Про себя.*) Надо ему сразу сказать.

А б р а м (*про себя.*) Надо его информировать. (*Ему.*) Здорово!

В а с я. Здорово! Слушай, Абрам. (*Про себя.*) До чего неловко! (*Ему.*) Такое дело, Абрам... Тут тебя Кузнецова, между прочим, дожидалась, видел?

А б р а м (*тревожно*). Так что из этого следует? Ну, дожидалась и дожидалась, а что такое?

В а с я. Да нет, это так, между прочим.

А б р а м. Между прочим?

В а с я. Между прочим... Абрам...

А б р а м. Ну? Она тебе ничего не говорила?

В а с я. Ничего. А что?

А б р а м. Ничего. Это я так, между прочим.

В а с я. Между прочим?.. Ага... Абрам... Ты себе, я вижу, купил козлы?

А б р а м. Ну, ерунда. При чем тут козлы? (*Про себя.*) Надо его информировать. (*Ему.*) Кстати, о козлах... Я должен задать тебе один принципиальный вопрос.

В а с я. Ну? (*Про себя.*) Кажется, догадался.

А б р а м (*с отчаянием и мрачной решимостью*). Васька! Ты допускаешь, чтобы в этой комнате помещалось трое?

В а с я (*отчаянно*). А в чем дело?

А б р а м. Я тебя спрашиваю: этично это или не этично?

В а с я. Ясно, что этично. А куда же иначе деваться? Ты же, кажется, глубоко свой парень. Сам понимаешь.

А б р а м (*в восторге*). Правильно, Васька! Вот за это я тебя люблю! Спасибо, старик! Я знал, что ты не подкачаешь. Даю тебе честное комсомольское слово, что постараюсь тебя не стеснить.

В а с я (*со слезами умиления на глазах*). Спасибо, друг! Спасибо, Абрам! Я всегда говорил, что ты глубоко свой парень. Как бы только я тебя не стеснил.

А б р а м. Ерунда! Ты-то стеснишь?.. Вот только чтоб я...

В а с я. Ну, все-таки... Занавесочки там пойдут всякие, канарейки в клетке... То, се... Она, положим, баба хорошая.

А б р а м. Руку, товарищ! Я так рад, что она тебе понравилась!

В а с я. Спасибо, спасибо! Я был уверен, что ты страшно обрадуешься.

А б р а м. Ну, еще бы, миленький, я думаю! Еще бы! Еще бы!

В а с я. Но все-таки она и потанцевать любит, и хвостом повертеть... В общем, малость мещаночка...

А б р а м. Кто мещаночка?

В а с я. Она.

А б р а м. Кузнецова?

В а с я. При чем тут Кузнецова?

А б р а м (*струсил*). Что ты, что ты! Абсолютно ни при чем. Это я так, между прочим, к слову пришлось. Ты, пожалуйста, не думай. Просто Кузнецова ушла за колбасой в лавку. И ничего такого...

В а с я. За колбасой? Кузнецова?

А б р а м. Ну да. А почему бы ей и в самом деле не пойти за колбасой? Вот кстати и Кузнецова, спроси у нее.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Входит Т о н я.

А б р а м. А мы только что как раз о тебе спорили. Васька говорит, что ты не пошла за колбасой, а я говорю как раз, что ты пошла за колбасой. Хи-хи!.. Такое недоразумение... (*Подмигивает отчаянно Тоне.*) Кстати, ты знакома с Васькой?

Т о н я. Знакома.

В а с я (*слишком старательно подметает*). Встречались.

Т о н я (*негромко, Абраму*). Информировал?

А б р а м (*также негромко*). Не выходит. Язык не поворачивается. Кузнецова, я тебя очень прошу, информируй ты.

Т о н я. Я?

А б р а м. Ну да, а то я стесняюсь.

Т о н я. Я не понимаю: что за феодальные нежности? Дело совершенно простое. Ничего ужасного. Прямо пойдди и все объясни.

А б р а м. Легко сказать — объясни! Иди сама объясни.

Т о н я. Почему? Ты, кажется, муж?

А б р а м. Кузнецова, без мещанства!

Т о н я. Наконец, я ходила за колбасой, а ты должен информировать.

А б р а м. Разделение труда?

Т о н я. Именно.

А б р а м. Значит, прямо пойти и прямо объяснить?

Т о н я. Прямо иди и прямо объясни.

А б р а м. Или не этично?

Т о н я. Этично.

А б р а м. Ух! Прямо пойду и прямо объясню. Ух!
(Идет к Васе.) Слушай, старик... Такое дело... Я должен с тобой серьезно поговорить... Гм... кстати, что это ты сегодня так разоделся? Прямо какой-то жених!

В а с я. Я — жених? Откуда ты взял?

А б р а м. Ну-ну!.. Я пошутил. Я же знаю, что ты закоренелый холостяк... Кстати, о холостяках... То есть, кстати, о женихах... То есть, кстати, о браке вообще...

В а с я (крайне смущенно и угрюмо). Какой может быть брак?

А б р а м. Постой, постой, старик! Ты, главное, не сердись. Поговорим серьезно. Ух!.. Ну, жили вдвоем, а теперь будем жить втроем. Подумаешь, трагедия! Я бы, например, на твоём месте даже радовался.

В а с я. Радовался?

А б р а м. А что же? Гораздо веселей.

В а с я. Абрам! Ты это серьезно?

А б р а м. Самым серьезным образом.

В а с я. Руку, товарищ!

Крепкое рукопожатие.

А б р а м. Как говорится, всерьез и надолго. Даже в загсе регистрировались.

В а с я. Регистрировались, регистрировались... Как же, по всей форме... Там еще такой смешной заведующий столом браков сидит, с такими, понимаешь, усами... Речь сказал.

А б р а м. Верно, верно. Речь сказал. Постой... А ты откуда знаешь?

В а с я. Как это откуда знаю? А кто же, по-твоему, сегодня регистрировался, как не я?

А б р а м. Ты регистрировался? Постой... Это я регистрировался.

В а с я. Ты? Ты тоже регистрировался?

А б р а м. Что значит — я тоже? Не тоже, а главным образом.

В а с я. Абрам! Тогда... значит, мы оба... сегодня ре...

А б р а м. ...гистрировались... Кузнецова, произошел страшнейший крах! Ты слышишь?

Тоня давно стоит с каменным лицом, углубившись в книжку.

Т о н я (*всцело поглощенная книжкой*). Да... Нет... Что такое? Информировал?

А б р а м. Информировал. Ого!

Т о н я. Он возражает?

А б р а м. Возражает. Мало сказать — возражает. Хуже! Он не возражает. Больше того, он солидарен с нами и на все сто двадцать процентов...

Т о н я. Что ж ты вопишь, я не понимаю? Солидарен — и прекрасно. Втроем — так втроем. Очень хорошо!

А б р а м (*почти орет*). Втроем! Она говорит — втроем! Кузнецова!

Т о н я. Что такое? Может быть, ты против того, что мы будем жить втроем?

А б р а м. Будем жить втроем... Кузнецова, брось книгу, вдумайся, что произошло.

Т о н я. Ничего не понимаю.

А б р а м. Она не понимает! Тонька, пойми...

Т о н я. Ну?

А б р а м. Он...

Т о н я. Да.

А б р а м. Язык не поворачивается... Дай мою порцию колбасы. Я хочу лопать, Кузнецова. Ну, поняла?

Т о н я. Ничего не поняла. Не мешай мне, пожалуйста, читать.

А б р а м. В такую минуту — читать, Кузнецова?

Т о н я. Выпей стакан воды.

А б р а м. Хоть целый водопровод! Хоть два водопровода! (*В изнеможении.*)

ЯВЛЕНИЕ IX

Грохот упавшего за сценой велосипеда.

Л ю д м и л а (*из коридора*). Вася! Васюк! Мы тут заблудились. Я себе обо что-то юбку разорвала... Да иди!

В а с я (*в ужасе*). Людмилочка! Товарищи, она меня съест! А ну вас всех... (*Кричит ей.*) Это об велосипед! (*Абраму, свистящим шепотом.*) Надо было сначала думать, а потом регистрироваться! (*Кричит в дверь.*) Сейчас, Людмилочка! (*Убегает. Абраму.*) Чтоб ты пропал! Тсс...

ЯВЛЕНИЕ X

Без Васи.

Т о н я. Что там за шум? Кто пришел?

А б р а м. Это к Ваське... Одна ответственная работница пришла в гости.

ЯВЛЕНИЕ XI

Входит Л ю д м и л а, за ней В а с я и племянник, пионер
С а ш а, с узлами.

Л ю д м и л а. Всю юбку чуть не порвала. Чтоб завтра же была лампочка! Саша, не разбей абажур. Что ж ты на ноги лезешь? Ах ты, господи, какой несносный ребенок! Клади сюда вещи. Лампу не разбей.

Т о н я (*Абраму*). Это ответственная работница?

А б р а м. Ну да... То есть она еще пока не совсем ответственная... Что ты на меня смотришь?

Т о н я. Почему она с вещами?

А б р а м. Какая ты странная, Кузнецова! Все тебе надо знать — почему. Мало ли почему! Может быть, она на дачу переезжает и по дороге зашла со знакомым товарищем попрощаться...

Т о н я. В январе на дачу?

А б р а м. Положим, что через две недели будет февраль. Но это не важно. Ты себе, Кузнецова, читай и ни на кого не обращай внимания.

Т о н я (*смотрит на Людмилу, пожимает плечами*). Пф!.. Хорошо.

А б р а м. Полный крах!

Л ю д м и л а (*Васе*). Это кто такие?

В а с я. Это, Людмилочка, Абрам. Ты с ним не знакома? Абрам, иди сюда, я тебя познакомлю с Людмилочкой.

А б р а м. Ну, здравствуйте. Абрам.

Рукопожатие.

Л ю д м и л а. А это кто такая?

А б р а м. Это...

В а с я. Тсс! Людмилочка... так... одна хорошая знакомая Абрамчика... Пришла, знаешь, посидеть, поговорить... чайку попить. Ты на нее не обращай внимания. Правда, Абрам? (*Делает ему отчаянный знак.*)

А б р а м. Ну да... Хорошая знакомая... Ясно... Вы не беспокойтесь.

Л ю д м и л а. И почему козлы? Откуда они взялись?
В а с я. Почему козлы? Абрам... Почему козлы? (*Отчаянно подмигивает.*)

А б р а м. Почему козлы? Это она козлы с собой принесла. Такая чудачка, на дворе январь, а она на дачу переезжает! Хи-хи!.. Забежала попрощаться.

Т о н я (*услыхав*). Абрам, что это значит?

А б р а м. А? Это значит... Кузнецова... это значит, что произошел потрясающий крах... (*Шепотом.*) Они тоже сегодня регистрировались.

Т о н я (*слегка обалдев*). Где?

А б р а м. В загсе.

Т о н я (*еще не совсем поняла*). Зачем?

А б р а м. Уступка мелкой буржуазии. Ты думаешь, что только мы с тобой такие умные? Кузнецова, ты понимаешь, что произошло? (*Удар грома в ясном небе.*)

Т о н я. Понимаю.

Л ю д м и л а (*Васе*). Вася, что ж она тут разлеглась посередине комнаты? Устраиваться мешает. Скажи ей.

В а с я. Ну, что ты, Людмилочка, что ты! Вот еще, ей-богу... Пускай себе лежит, а ты не обращай на нее внимания.

Л ю д м и л а. Как это — не обращай внимания? Если не обращать внимания, так она сюда, пожалуй, вообще жить переедет. Всю площадь загромодила, нахалка! Я ей сейчас сама скажу — пускай завтра в гости приходит.

В а с я. Людмилочка, ради бога...

Л ю д м и л а. И очень даже просто!

В а с я. Людмилочка! Умоляю тебя... Я тебе должен сказать... Только ты, конечно, не сердись... Дело в том, что Абрам сегодня тоже женился... на ней...

Л ю д м и л а. Чего? (*Гром и молния. Роняет узел и садится на него.*)

В а с я. Такое дело.

Л ю д м и л а. Бессовестный обманщик! Не смей меня трогать!

В а с я. Людмилочка, золото...

Л ю д м и л а. Уйди! Я тебя ненавижу...

В а с я. Милочка!

Л ю д м и л а. Уйди, уйди, уйди, уйди!! (*Топает ногами, рыдает.*)

В а с я. Людмилочка! Людочка! Милочка!.. А ну вас всех в болото, чтоб вы пропали! Милочка, кошечка...

А б р а м. Кузнецова, ты видишь, крах налицо.

Т о н я. Пустяки, поместимся. Ничего ужасного.

А б р а м. Вчетвером — в одной комнате?

Т о н я. Я могу уйти.

А б р а м. Куда? Куда ты можешь уйти? У тебя есть где ночевать? На дворе двадцать градусов мороза. Я тебя не пущу.

Т о н я. Интересно, как это ты меня можешь не пустить.

А б р а м. Брось глупости! Я же твой муж.

Т о н я. Только без мещанства!

А б р а м. Кузнецова, я тебя умоляю! У нас же наконец рабочий контакт. Где я достану Плотникова?

Т о н я. Хорошо.

В а с я. Честное слово, я не знаю, что делать. Кузнецова, может быть, ты на нее повлияешь?

Т о н я (*подходит к Людмиле*). Товарищ, ну что же делать, если произошла такая досадная неувязка? Вы член комсомола?

В а с я (*в отчаянии*). Беспартийная пока.

Тоня отходит.

А б р а м. Я всегда говорил, что у нас работа среди беспартийных ни к черту.

Л ю д м и л а (*сквозь слезы*). Это здесь ни при чем. У меня дедушка герой труда.

А б р а м. Тем более не стоит плакать.

Л ю д м и л а. Он мне, товарищи, вчера весь вечер, как только познакомились, всякими словами голову стал крутить. И конечно, в конце концов закрутил. «Будем, говорит, Людмилочка, жить вместе, по-хозяйски. Переезжай, говорит, ко мне. У меня, говорит, площадь свободная, и громкоговоритель собственной конструкции, и газовая кухня. У меня, говорит, то, у меня се». А я слушала его, слушала, а потом, дурная, побежала регистрироваться. А теперь — здравствуйте! Оказывается, площадь напололам с товарищем, а товарищ сам женатый, и лампочки в коридоре нету, и где еще та газовая кухня, неизвестно.

В а с я. Кухня будет.

Л ю д м и л а. Уйди!

В а с я. Ну, помиримся, Людмилочка...

Л ю д м и л а. Уйди, уйди! Пустите меня, я ухожу! Сейчас же ухожу!

В а с я. Людмилочка... Я же все-таки твой муж...

Л ю д м и л а. Муж! Горе мое...

В а с я. Так остаешься?

Л ю д м и л а. А куда мне идти? У сестры в одной комнате четыре человека. Ясно, что я остаюсь. Только не смей на меня смотреть!

Пауза.

А б р а м. Ну ее...

В а с я. Ну-с!..

А б р а м. Придется жить вместе. Как говорится, вчетвером, да не в обиде. Что-нибудь надо предпринять.

Л ю д м и л а. Разгородиться придется. Как раз от двери напополам.

В а с я. Молодец, Людмилочка! Здорово придумала!

А б р а м. Правильно! Поддерживаю. Кузнецова, ты слышишь?

Т о н я *(занятая книгой)*. Что?

В а с я. Поступило предложение разгородиться.

Т о н я. Не возражаю.

А б р а м. Принято единогласно.

Л ю д м и л а. Пока можно мелом. Васька, мел есть?

В а с я. Есть.

Л ю д м и л а. Рисуи. Вот отсюда прямо досюдова, а вы немножко подвиньтесь. *(Это относится к Тоне.)*

В а с я. В два счета. Чертить — это у нас в институте первое дело. Раз, раз, раз! *(Чертит.)*

А б р а м. Редкий опыт семейного строительства в одной комнате.

В а с я. Во как выходит, во!

А б р а м. Красота! В пять минут — квартира из двух комнат. Американский размах!

Л ю д м и л а. Посмотри, Васюк... У нас будет чудная комнатка, не правда ли?

В а с я. И нечего было шуметь.

Л ю д м и л а. Товарищи соседи, это наша половина, а та ваша. Вася, отодвинь скамейку в ихнюю комнату. Так. Теперь иди сюда. Тут будет постель, тут стол, а тут два стула. Тебе нравится, котик?

В а с я. Симпатично. А тебе нравится?

Л ю д м и л а. Мне ужасно нравится. *(Шепотом.)* А ты меня любишь? Я тебя очень, очень. А ты меня?

В а с я. Я тоже.

Л ю д м и л а. Так поцелуй свою жену в носик. *(Шепотом.)* Они не видят.

Вася целует.

Ну, тебе, Сашка, домой пора.

Г о л о с и з р а д и о. Алло, алло, алло! Говорит Москва. Передает станция Коминтерна на волне тысяча четыреста пятьдесят метров. Транслируется из Большого академического театра опера «Евгений Онегин». Вступительное слово сказал профессор Чемоданов. Сейчас начинается увертюра. Алло! Алло! Включаю зрительный зал.

Слышится звук настраиваемого оркестра и шум людей.
Все смолкают.

Еще не началось. Через пять — десять минут начнется. Не отходите от аппарата. Делайте замечания и сообщайте акционерному обществу «Радиопередача». Пока выключаю.

Саша заслушался.

Л ю д м и л а. Иди, иди! Скажешь маме, чтоб не беспокоилась, все благополучно.

Саша уходит, весь замотанный, как кукла.

ЯВЛЕНИЕ XII

Л ю д м и л а. Ужасно неприятный свет! Я сейчас. *(Закрывает лампочку цветным платочком.)* Правда, маленький, так лучше? *(Шепотом.)* Ты меня любишь? Они не видят...

Т о н я. Нет, вы, товарищи, пожалуйста, нашу половину откройте, читать нельзя.

Л ю д м и л а. Я извиняюсь. *(Открывает.)* Так видно?

Т о н я. Видно. Хорошо. Спасибо. *(Продолжает читать.)*

Абрам читает.

Л ю д м и л а. Вася, какая она красавица, только одета очень бедно.

В а с я. Мгу...

Л ю д м и л а. Ты с ней давно знаком?

В а с я. Мугу... два года...

Л ю д м и л а. И не влюбился?

В а с я. Мугу...

Л ю д м и л а. Скажи своей кошечке «мяу».

В а с я. Мяу!

Л ю д м и л а. Давай поцелуемся. Они не видят...

А б р а м. Ужасно есть хочется. Васька! У тебя нету чего-нибудь полопать?

В а с я. Колбаса есть.

А б р а м. Даешь колбасу!

Л ю д м и л а. Погодите, товарищи. Это непорядок. Я тут от сестры кое-чего принесла. Баранки есть. Можно чай поставить. Чай будете пить?

А б р а м. Ого! Кузнецова, ты слышишь? Поступило предложение пить чай с баранками.

Т о н я. Я, право, не знаю...

Л ю д м и л а. Пожалуйста, не стесняйтесь.

Т о н я. Спасибо, конечно. Только у нас ничего этого нет. Кружек там, ложек... вилок...

Л ю д м и л а. Ах, пожалуйста, пожалуйста! Пока вы себе не заведете, пользуйтесь нашими. Правда, котик? Ты ничего не имеешь против, чтобы они пользовались нашими?

В а с я. Ясно.

А б р а м. Предложение принято.

Л ю д м и л а (*берет примус*). Где у вас кухня?

В а с я. Давай я схожу, поставлю.

А б р а м. Товарищи! Это неверный подход. Я тоже, может быть, хочу принимать участие в строительстве. Давайте примус. Разделение труда. (*Берет примус. Людмиле.*) Вы меня проинструктируйте, как с ним обращаться. Кузнецова, ты тоже себе возьми какую-нибудь нагрузку.

Л ю д м и л а. Ой, какой вы смешной! Вы его держите вверх ногами. Не так надо держать, а так.

А б р а м. А зажигать?

Л ю д м и л а. А разжигать так. Блюдечко видите? На него накачивают помпой керосин. А этот винтик видите? Открывается. Потом берется игла и прочищается головка. Понятно?

А б р а м. Понятно. Берется помпа. Прочищается блюдечко. Покупается керосин...

Л ю д м и л а. Ой! Ничего вы не понимаете. Идемте, я вам все покажу. (*Васе.*) Котик, ты не будешь ревновать? (*Тоне.*) А вы, может быть, пока приготовите посуду?

Т о н я. Да. Только я не знаю, где и что.

Л ю д м и л а. Вася, помоги. (*Абраму.*) Идемте. Где у вас кухня? Я буду за вас держаться, а то там велосипед.

А б р а м (*потрясает примусом*). Держитесь. Помпа... Накачивается... Винтик... Словом, сверхиндустриализация.

Уходят.

Г о л о с и з р а д и о. Алло, алло! Даю зрительный зал.

Радио начинает передавать увертюру из оперы «Евгений Онегин».

Т о н я. Ну, показывай, где тут у вас что.

В а с я. Бери корзинку. Там стаканы. Вытаскивай. Осторожно!

Т о н я. Не беспокойся.

В а с я. Такие-то дела, Тонечка Кузнецова. Сколько лет, сколько зим?

Т о н я. Что-то около года. Баранки где?

В а с я. Около... Баранки можно положить на тарелку. Хорошая была зима...

Т о н я. Что с чайником делать?

В а с я. Сыпь в него чай. На Патриарших прудах бываешь?

Т о н я. И не думаю даже.

В а с я. Не думаешь? Стой, что ты делаешь? Весь чай высыпала. Дай — я. Вот так... А помнишь, Тонька, как мы с тобой на Воробьевых горах с салазок угробились?

Т о н я. Что ты на меня так смотришь?

В а с я. Год. Только год. У меня — жена, у тебя — муж. Ты очень любишь Абрама?

Т о н я. Я думаю, что это мое личное дело. Сахар куда?

В а с я. Чего же ты покраснела?

Т о н я. Я спрашиваю — сахар куда?

В а с я. Сыпь... куда-нибудь.

Т о н я. Перестань на меня смотреть.

В а с я. Такие-то дела, Тонечка. А то дерево на Патриарших прудах помнишь? Десятое с краю, если считать от грелки?.. Я ведь потом всю ночь напролет... Ты знаешь... А на другой день как ошалелый по всей Москве... Снег еще, помню, валил... Всю грудь залепило... и ресницы, знаешь, иголочками такими... Эхма!.. Целый год... Шутка сказать... А ты — такая самая, как была... Да, да, не вертись. Волосы возле уха, из-под косынки.

Тоня быстро убирает волосы под косынку.

Куда ты пропала?

Т о н я. Я работала в деревне...

В а с я. Нежный такой локон...

Т о н я. Перестань. Куда сахар класть, я спрашиваю?

В а с я. А, черт с ним! Куда хочешь. Было, да сплыло, Тонечка... Что ж это было?

Т о н я. Я кладу в вазочку.

ЯВЛЕНИЕ XIV

Л ю д м и л а и А б р а м с примусом и чайником.

А б р а м. С большим трудом, но закипел. Опа, товарищи, меня так проинструктировала, что я могу теперь не то что один примус, а целую фабрику примусов поджечь.

Л ю д м и л а. Ой, не могу! (*Хохочет.*) Он такой смешной, Абрамчик... С ним прямо с ума можно сойти от смеха... Прямо голову можно потерять..

Т о н я (*Васе*). Я положила в вазочку.

Л ю д м и л а. Ну, а у вас как дела? Все сделано?

В а с я. Все. Только неизвестно, куда сахар сыпать.

Л ю д м и л а. И ничего у вас не сделано. Разве так засыпают чай? Колбасу не нарезали. Баранки не развязали. Хлеб не вынули. Никуда не годная парочка. Давайте я сейчас все устрою. Товарищ Абрам, садитесь сюда, вы вполне заслужили.

А б р а м. После трудов праведных.

Л ю д м и л а. А вы, товарищ Тоня, рядом со своим супругом. А я рядышком со своим супругом. Вот так. Теперь будем чаек пить...

ЯВЛЕНИЕ XV

Входит Е м е л ь я н Ч е р н о з е м н ы й, поэт и физкультурник.

Е м е л ь я н. У вас, братва, сегодня переночевать можно? (*Увидел все общество.*) Эге, да у вас тут, я замечаю, целый банкет с девчатами. (*Подходит к Людмиле, потом к Тоне, всматривается в них.*) Ничего себе девчата, подходящие. Честь имею представиться. (*Тоне.*) Демьяна Бедного знаешь?

Т о н я. Знаю.

Е м е л ь я н. Сергея Есенина знаешь?

Т о н я. Знаю.

Е м е л ь я н. Емельяна Черноземного знаешь?

Т о н я. Н-не знаю...

Е м е л ь я н (*гордо*). Так вот, Емельян Черноземный — это я. Поняла? Кого хочешь за пояс стихами заткну. Мою последнюю поэму знаете? Слушайте все!

Называется «Извозчик». «Эх, сглодал меня, парня, город. Не увижу родного месяца. Расстегну я пошире ворот, чтоб способнее было повеситься. Был я буйный, веселый парень, аржаная была голова, а теперь погибаю, барин, потому — засосала Москва...» И-и-и... эхххх... А хотишь, могу и по физкультуре? На, пощупай, не дрейфь, пощупай! Во!

Людмила шупает.

Грудь — во! Кого хотишь по физкультуре за пояс заткну. А что? Может, брешу?

А б р а м. Ну, поехал!

Е м е л ь я н. Так почевать можно?

В а с я. Не угадал, старик. Видишь, у нас какое дело — женились.

Е м е л ь я н. Кто-о-о?

В а с я. Да вот мы. Я и Абрам. Так что, гражданин, нет местоз.

Е м е л ь я н. Нет, серьезно?

А б р а м. Факт.

Е м е л ь я н. Давно?

В а с я. Сегодня. Я — на ней, на Людмиле, а Абрам — на Кузнецовой, вот на ней. Так что...

Е м е л ь я н. Стойте, ребята! Есть экспромт. Слушайте. Гм... «Переженились все ребята и уж довольны, как телята. Лишь Емельян, поэт известный, остался... гм... гм... без невесты...» Гы... Гы...

А б р а м. Неважный экспромт.

Е м е л ь я н. Сочини, дурак, лучше. Ну, прощевайте.

В а с я. Куда же ты? Чаю вышей.

Е м е л ь я н. Куды там! Бегу организационные выводы делать. *(Стремительно исчезает.)*

ЯВЛЕНИЕ XVI

Т е ж е, без Емельяна.

А б р а м. Видели ненормального? Побежал звонить. Всем теперь раззвонит. Ну, заседание продолжается.

Т о н я. Явный упадочник.

Пауза.

Л ю д м и л а. Как хорошо играет радио!

Пауза.

А б р а м. Тихое семейное счастье.

Пауза.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Л ю д м и л а и В а с я слева.

Людмила кончает уборку комнаты. Кладет последние штрихи. Суетится. Любуется. Прибивает портреты дедушки и бабушки. Вася наигрывает на гитаре. Впрочем, оба скучают.

В а с я. Кто это?

Л ю д м и л а. Это моя бабушка — домашняя хозяйка.

В а с я. Бабушка?

Л ю д м и л а. Бабушка.

В а с я. Бабушка?

Л ю д м и л а. Бабушка. А это дедушка — герой труда, выдвиженец.

В а с я. Выдвиженец?

Л ю д м и л а. Выдвиженец, котик. Грязными сапогами на чистое одеяло! Как тебе не бессовестно! Убери ноги.

В а с я (*убирает ноги*). Бабушка и дедушка.

Л ю д м и л а. Котик, ты меня любишь?

В а с я. А ты меня?

Л ю д м и л а. Люблю. А ты?

В а с я. Тоже люблю.

Л ю д м и л а. Очень?

В а с я. Очень.

Л ю д м и л а. Очень-очень?

В а с я. Очень-очень.

Л ю д м и л а. Очень-очень-очень?

В а с я (*слегка раздраженно*). Очень-очень-очень-очень.

Л ю д м и л а. Ну, покажи, как ты меня любишь? Вот так? (*Показывает руками.*)

В а с я. Вот так. (*Показывает.*)

Л ю д м и л а. А я тебя так. (*Показывает.*) А ты меня так?

В а с я (*почти сдерживая рычание*). А я тебя так.

Л ю д м и л а. Ну, так поцелуй меня в носик.

Вася целует ее.

А теперь я тебя поцелую в носик. (*Целует.*) Теплового молочка хочешь?

В а с я. Не хочу.

Л ю д м и л а. А ты все-таки вышей. Будешь толстенький-толстенький.

В а с я. Я не хочу быть толстеньким-толстеньким.

Л ю д м и л а. Фи! А то будешь худенький-худенький. Ну, вышей же молочка. Я тебя прошу.

В а с я. М... м... м...

Л ю д м и л а. Вышей, котик.

В а с я. М...

Л ю д м и л а. Вышей.

В а с я. Я не хочу молока.

Л ю д м и л а. Я, я хочу, чтобы ты выпил.

В а с я. А я не хочу.

Л ю д м и л а. А я хочу.

В а с я. Определенно нет.

Л ю д м и л а. Определенно да.

В а с я. Определенно не выпью.

Л ю д м и л а. Значит, ты меня не любишь.

В а с я. Люблю.

Л ю д м и л а. Определенно не любишь.

В а с я. Определенно люблю.

Л ю д м и л а. Так не любят.

В а с я (*рычит*). А как же любят?

Л ю д м и л а. Во всяком случае, не так.

В а с я (*почти орет*). А как же? Ну?

Л ю д м и л а. Чего ж ты на меня нукаешь? Я тебе не лошадь. Успокойте ваши нервы. Ну, давай мириться. Поцелуй меня в носик. Не хочешь? Фи! Ну, давай я тебя поцелую в носик. Котик, скажи своей кошечке «мяу».

В а с я (*отвратительным голосом*). Амя!

Л ю д м и л а. Ай!

В а с я. Могу еще раз. Аму! (*Впадает в ярость*.) Иди, котик, я тебе откушу носик! Мяу! Вышей молочка! Я не хочу молочка. Мяу! Довольно! Я не могу больше жить среди бабушки — домашней хозяйки и дедушки-выдвиженца. Мяу! Они мне органически противны. Я начинаю разлагаться. А кто виноват? Ты виновата.

Л ю д м и л а. Почему это я?

В а с я. Чей дедушка? Твой дедушка. Чья бабушка? Твоя бабушка.

Л ю д м и л а. Подумаешь!

В а с я. Молчи. Чьи занавески? Твои занавески. Чье молочко? Твое молочко. А кого засасывает мелкобуржуазное болото? Меня... Меня засасывает болото.

Л ю д м и л а. Подумаешь, его засасывает мелкобуржуазное болото! А меня не засасывает? Кто говорил и то и

се: и «будем, Людмилочка, вместе строить новую жизнь, и я тебе, Людмилочка, буду читать книжки, и я тебя, Людмилочка, буду водить в клубы, и ты у меня, Людмилочка, будешь образцово-показательная подруга жизни», — и пятое-десятое? А где все это?

В а с я. Подумаешь!

Л ю д м и л а. Молчи! Где твое все, я тебя спрашиваю? Нету. Забудьте. *(Передразнивая.)* «Пришей, Людмилочка, котикку пуговицу. Дай, Людмилочка, котикку молочка. Котик хочет бай-бай. Мяу! Котик хочет няням. Поцелуй котика в носик... Мяу...» А нет того чтобы научить чего-нибудь хорошему.

В а с я *(срывает с вешалки пальто и стремительно одевается)*. Ах, такое дело...

Л ю д м и л а. Куда же ты, котик?

В а с я *(уходя)*. Тебя не спросился.

Л ю д м и л а. Котик, погоди! Ну, давай помиримся. *(Бежит за ним.)* Котик! Ну, поцелуй меня в носик!

В а с я. Черта лысого! Пусть тебя целует в носик дедушка-выдвиженец. *(Уходит, хлопая дверью.)*

ЯВЛЕНИЕ II

Л ю д м и л а *(одна)*. Скажите пожалуйста, дедушка не понравился! Ф... ф... И очень надо! Скатертью дорожка! *(Вдруг плачет.)* И за что я такая несчастная? *(Отходит в дальний угол и тоскует.)*

ЯВЛЕНИЕ III

За сценой грохот падающего велосипеда. А б р а м и Т о н я входят с книжками.

А б р а м. Ой, мне этот проклятый велосипед! Посмотри, Тонька, порядочная дыра. Не мешало бы урегулировать. У тебя иголки и нитки есть?

Т о н я. Нет.

А б р а м. Образцовая жена!

Т о н я. Абрам, я тебя просила — без мещанства.

А б р а м. Последние штаны у мужа в доску — так это мещанство? Хорошенький тезис... Ну что ж, будем чинить?

Т о н я. Будем.

А б р а м. Даешь...

Т о н я. Абрам, тебе есть не хочется?

А б р а м. А тебе?

Т о н я. Представь себе, хочется.

А б р а м. Представь себе, мне тоже, между прочим, хочется. И главное, в чем дело? Только вчера утром слопали четыреста граммов вареной колбасы, и уже опять хочется. Прямо-таки необъяснимый факт... Ну, уж давай читать...

Т о н я. Давай.

А б р а м. Давай.

Т о н я. Абрам, может быть, у нас все-таки что-нибудь осталось от вчерашней колбасы?

А б р а м. Это идея. Надо посмотреть. (*Ищет.*)

Т о н я. Ну что, осталось?

А б р а м. Осталось. Две страницы из «Луны с правой стороны». (*Показывает листок.*) Можем солидно закупить. (*Печально усмехается.*) Ха!

Т о н я. Хороший муж!

А б р а м. Кузнецова, только без мешанства!

Т о н я. Мешанство здесь при чем? Может быть, я здесь при чем? Но не будем вдаваться в подробности. Читай. На чем мы остановились? (*Ищет по книге.*)

А б р а м. Мы остановились на том, что хочется есть.

Т о н я (*строго*). Абрам! Не забудь, что книжка у нас только до вторника. Читай.

А б р а м. Не хочу.

Т о н я. Я тебя не узнаю, Абрам. Читай.

А б р а м. А я не хочу.

Т о н я. А я хочу, чтоб ты читал.

А б р а м. Определенно нет.

Т о н я. Определенно да.

А б р а м. Определенно не буду читать.

Т о н я. Значит, ты меня не... уважаешь... и не любишь, то есть у нас нет рабочего контакта.

А б р а м. Есть рабочий контакт.

Т о н я. Определенно нет контакта.

А б р а м. Определенно есть контакт.

Т о н я. Когда контакт есть, так не поступают.

А б р а м. А как же поступают?

Т о н я. Во всяком случае, не так.

А б р а м (*свирепея*). А как же? Ну?

Т о н я. Абрам! Не забывай, что я тебе не жена-рабыня, а свободная подруга в жизни и товарищ в работе.

А б р а м. Америка!

Т о н я. Ну ладно, давай прекратим эту дискуссию и будем читать дальше. На чем мы остановились? (*Читает.*) «Экономические эпохи истории. Создание схемы экономи-

ческого развития человечества еще далеко от своего разрешения...» Я думаю...

А б р а м *(в сторону, со вздохом)*. Ух, вола бы съел!

Т о н я. Что?

А б р а м. Ничего.

Т о н я *(продолжает)*. «Не останавливаясь на прошлых попытках, перейдем к одной из последних, принадлежащей немецкому экономисту Карлу Бюхеру...»

А б р а м. Кузнецова!.. Довольно. Я не хочу больше Карла Бюхера. Я хочу большой кусок хлеба и не менее большой кусок мяса. Я хочу грандиозную яичницу из, по крайней мере, шести-семи яиц. Я хочу сала, хочу огурцов... Только ты же все-таки моя жена, так я тебе заявляю совершенно конкретно: я хочу лопать...

Т о н я. Абрам, без крика! У тебя феодальное понятие о браке.

А б р а м. Феодальное понятие? Она меня учит политграмоте...

Т о н я. Тшш! Что подумают соседи?

А б р а м. А соседи — это не феодальное понятие? А когда у мужа продраны последние штаны и некому зашить — это не феодальное понятие? А когда есть нечего — это не феодальное понятие?

Т о н я. Ах, так? *(Срывает с гвоздя шинель и надевает ее.)* Упреки?

А б р а м. Куда же ты, Кузнецова?

Т о н я. Я не обязана давать тебе отчет в своих поступках! *(Уходит.)*

А б р а м. Тонька... Тонечка... Ну, давай уже читать, давай...

Т о н я. Оставь меня. Дай мне успокоиться. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ IV

А б р а м. Факт налицо. Настоящая, стопроцентная феодальная семейная сцена. И главное, в чем дело? Все предпосылки налицо. Сходство характеров? Есть. Рабочий контакт? Есть. Общая политическая установка? Есть. Вместе с тем такая страшная неувязка, а между прочим, зверски кушать хочется. *(Нюхает воздух.)* Ого! На Васькиной половине здорово пахнет. Гм... *(Нюхает. Игра нерешительности.)* Котлеты. Возможно, что котлеты, но я бы даже сказал, что скорее яичница с луком... *(Осторожно стучит по ширме. Еле слышно, очень слабым голосом, почти шепотом.)* Можно?.. Никого... *(Нюхает.)*

Прямо-таки феодальный запах. Или не этично? (*На цыпочках входит в Васькину половину и не замечает Людмилу, которая лежит в самом дальнем углу, уткнувшись носом в сундук.*) Ой, сколько первоклассной жизни! Или этично? А? Или нет? Кажись, котлеты... Или, может быть, да? Или только потрогать руками?.. (*Лезет на полку — посуда с грохотом падает. Абрам обсыпан мукой.*) Ух!

Людмила смотрит на него в оцепенении.

ЯВЛЕНИЕ V

А б р а м и Л ю д м и л а.

Л ю д м и л а (*хохочет*). Ой, не могу!.. Ой, не могу!..
А б р а м. Я извиняюсь, но произошла грандиозная неувязка.

Л ю д м и л а. Неувязка? Ой, не могу!.. На кого он похож... Это вас бог наказал.

А б р а м. Бог — это понятие чисто феодальное.

Л ю д м и л а. А по чужим полкам лазить — это не фи... фу... Ой, не могу даже выговорить... Это не чисто феодальное?

А б р а м (*продолжая стоять, обсыпанный мукой, на табурете, грустно*). Что такое частная собственность?

Л ю д м и л а. Несчастный! Посмотрите на себя в зеркало. Ой, не могу-у! Весь в муке! Голодный, одна штанина порвана... Куда это, интересно знать, смотрит ваша супруга?

А б р а м. К сожалению, моя супруга смотрит исключительно в «Историю общественных форм» Плотникова.

Л ю д м и л а. Ой, бедненький Абрамчик! Какой вы несчастненький! Что же вы стоите на табурете, все равно как памятник? Идите, я вас пожалею.

А б р а м. Ого! Кузнецова! Ты слышишь? Твоего мужа уже начинают жалеть беспартийные товарищи.

Л ю д м и л а. Стойте смирно.

А б р а м. Что это будет?

Л ю д м и л а. Я вам зашью сейчас штанину.

А б р а м. Всегда готов.

Л ю д м и л а (*зашивает*). Вот так. Не болтайте, как маятник, а то уколою. Вот так... Ну и дыра! Ровно собаки зубами трепали.

А б р а м. Это феодальный велосипед, черт бы его подрал.

Л ю д м и л а. Ну, ну... Не вертитесь, а то, серьезно говорю, уколою. Вот так. Вот так. *(Шьет.)*

А б р а м. Это кто висит?

Л ю д м и л а. Это моя бабушка, домашняя хозяйка.

А б р а м. На редкость симпатичная старушка. А это?

Л ю д м и л а. Это мой дедушка.

А б р а м. Тоже первоклассный старик.

Л ю д м и л а. Выдвиженец и герой труда.

А б р а м. Кто б мог сказать! Такой молодой и уже герой труда! До чего ж, наверное, приятно иметь такую симпатичную бабушку и такого многоуважаемого дедушку!

Л ю д м и л а. Оставьте ваши насмешки.

А б р а м. Какие могут быть насмешки, когда я готов прямо-таки от всей души обнять ваших замечательных предков! *(Делает движение, накальвается на иглу.)* Ай!

Л ю д м и л а *(смеясь)*. Я ж вам говорила, чтоб не рыпались,— вот и накололись. Стойте смирно. *(Перекусывает нитку.)* Готово.

А б р а м. Была дыра — и нет дыры. Прямо поразительно! Чудеса науки и техники!

Л ю д м и л а. Ну?

А б р а м. Ну?

Л ю д м и л а. Ну?

А б р а м. Ну? Что ну?

Л ю д м и л а. Ну, что теперь надо сделать?

А б р а м. А я не знаю.

Л ю д м и л а. А кто же знает? Теперь надо поблагодарить, поняли?

А б р а м. Очень благодарен.

Л ю д м и л а. Да кто ж так благодарит даму? Не так. Фи, какой вы плохой кавалер!

А б р а м. Может быть, надо — мерси? Так мерси.

Л ю д м и л а. Да нет же. *(Настойчиво протягивает руку.)* Ну?

А б р а м. Что?

Л ю д м и л а. Надо ручку поцеловать, поняли?

А б р а м. Поцеловать... ручку?..

Л ю д м и л а. Что ж вы оробели? Ну? Живо!

А б р а м *(обалдело целует ручку)*. Ой! *(Стремительно убегает на свою половину и начинает бешено рыться в книгах.)*

Л ю д м и л а *(хохочет)*. Ой, не могу! Ой, умру! Ой, какой он смешной! Куда же вы убежали? Абрамчик!

Постойте. (*Бежит за ним.*) А другую ручку? Другую надо.

А б р а м. Подождите. (*Быстро перебирает книги.*)

Л ю д м и л а. Что вы там ищете?

А б р а м. Книгу об этике ищущу. Постойте, произошел страшнейший крах. Ее кто-то спер.

Л ю д м и л а. Ну и что ж из этого?

А б р а м. А кто мне теперь скажет, этично или не этично, чтобы член ВЛКСМ целовал руку беспартийному товарищу!

Л ю д м и л а. Беспартийному товарищу? Вот комик! Прямо умора! Живехонько целуйте!

А б р а м. Вы думаете, этично?

Л ю д м и л а. Целуйте!

А б р а м. Или, может быть, не этично?

Л ю д м и л а. Да ну вас, в самом деле! Как ручкой брюки зашивать, так этично, а как потом эту ручку поцеловать, так не этично? Ну, целуйте же!

А б р а м. Или этично? А? Или не этично? Или нет? А?

Л ю д м и л а. Целуйте...

А б р а м (*целует*). Или да?

Л ю д м и л а. Теперь эту.

Абрам целует.

Теперь еще раз эту. Теперь эту.

А б р а м. Теперь эту опять, да? (*Целует.*)

Л ю д м и л а. Какой хитрый! Довольно, довольно! (*Смеется, отдергивает руки.*) Будет.

А б р а м. Вполне этично.

Л ю д м и л а. То-то же! Ах вы, мой миленький! Ах вы, мой бедненький, и некому вас пожалеть. Какой же вы худенький-худенький! Вам надо молоко пить. Молочка хотите?

А б р а м. Ого! И хлеба.

Л ю д м и л а. Пейте, Абрамчик, пейте. (*Наливает ему молоко.*) Хотите, я вам положу котлетку?

А б р а м. Хочу котлетку.

Л ю д м и л а. Вот это умница! Ешьте. Поправляйтесь.

А б р а м. Всегда готов.

Л ю д м и л а. На здоровьечко. Будьте у меня толстеньким-толстеньким.

А б р а м (*с полным ртом*). А мне-таки не помешает,

если я буду толстеньким-толстеньким. Кстати, у меня почему-то сегодня солиднейший аппетит.

Л ю д м и л а. Вот и хорошо, Абрамчик, не стесняйтесь. Знаете, Абрамчик, вы мне сегодня, между прочим, всю ночь снились. Ужасно смешно. Будто мы вместе с вами по железнодорожному полотну на коньках бегали. Такая ночь вокруг, страшная, и вдруг за нами по рельсам примус, вроде как паровоз с фонарями... ту-ту-ту... гонится... У-у-у...

А б р а м. Тяжелый случай на транспорте.

Л ю д м и л а. И вдруг вы меня обнимаете...

А б р а м. Что вы говорите!..

Л ю д м и л а. Ей-богу. А потом вдруг я вас обнимаю.

Инстинктивно обнимаются.

И вдруг мы вместе.

Целуются.

А б р а м. Ого.

Л ю д м и л а. Ай! И вдруг мы просыпаемся... То есть я просыпаюсь.

А б р а м. А я не просыпаюсь?

Л ю д м и л а. Вы... тоже... просыпаетесь.

А б р а м. Хорошие шуточки. А целоваться?

Л ю д м и л а. Что целоваться?

А б р а м. Целоваться с женой товарища — это этично или не этично?

Л ю д м и л а. Так это же было во сне.

А б р а м. Во сне?

Л ю д м и л а. Во сне.

А б р а м. Ну, если во сне, тогда, я думаю, скорее этично, чем не этично.

Л ю д м и л а (*со вздохом*). Абрамчик, мне, ей-богу, так совестно. Я не знаю, что такое этично и что не этично.

А б р а м. Она не знает, что такое этично! Куда же, интересно знать, смотрит ваш многоуважаемый муж Васька? Он же должен смотреть, чтобы вы развивались.

Л ю д м и л а. А он только смотрит, чтобы я завивалась.

А б р а м. Какой негодяй!

Л ю д м и л а. И некому меня пожалеть, и некому меня развивать. (*Плачет.*) И некому со мной книжку почитать. И некому меня в Зоологический сад повести...

А б р а м. Ой, бедненькая! Что же вы молчите до сих пор? Давайте я вас буду жалеть, давайте я вас буду развивать. Давайте я вам буду книжки читать. (*Бежит за*

книжкой.) Только, пожалуйста, не плачьте. Когда женщина плачет, в этом есть что-то зверски феодальное. Ну, давайте читать. Можно начать с самого простого. *(Читает.)* «Электромагнитная теория света. Переживаемое нами время представляет собою эпоху глубоких изменений, имеющих характер революционных потрясений во всех областях жизни. Будущему историку нашей эпохи предстоит выяснить ту закономерную связь, которая объединяет в едином историческом законе переживаемые нами социально-политические перемены и те глубокие изменения, которые...»

Л ю д м и л а. Абрамчик! Поведите меня в Зоологический сад.

А б р а м. Всегда готов! Монеты есть?

Л ю д м и л а. Кавалер! Есть, есть.

А б р а м. Так в чем же дело?

Л ю д м и л а. А Вася? Что подумает Вася?

А б р а м. А Тоня? Что скажет Тоня?

Л ю д м и л а. Ах, но это так интересно! Подайте шубку, будьте кавалером. Ну, пошли. *(Уходит.)*

А б р а м. Сейчас, Людмилочка, сейчас. *(Задерживается, берет Васькин галстук, причесывается.)* Сейчас, сейчас... Не мешало бы какой-нибудь паршивенький галстучек. Разве этот взять, Васькин? Этично или не этично? А что такое галстук? А что такое этика? Этика — это понятие феодальное. Вот так.

Голос Людмилы: «Абрам!»

Сейчас. Только немного напудрюсь... Зубной порошок? Даешь зубной порошок. И волосы немножечко... Сейчас, сейчас... Вот так... *(Смотрит в зеркало.)* Этично, а? Ого, еще как этично! Иду... *(Наталкивается на входящую Тоню.)*

ЯВЛЕНИЕ VI

Т о н я. Абрам! Что это значит?

А б р а м. Уступка мелкой буржуазии и зажиточному крестьянству. Адью!

Т о н я. Куда же ты, Абрам?

А б р а м *(гордо)*. Я не обязан давать тебе отчет о своих поступках.

Т о н я. Абрам!

А б р а м. Оставь меня. Дай мне успокоиться. *(Быстро уходит.)*

Т о н я (одна). Ах, так? Пожалуйста! (Берется за книжку и читает.) «Грубый практицизм, служение... служение...» (Падает головой на книгу, беззвучно плачет.)

ЯВЛЕНИЕ VIII

Быстро и нервно входит В а с я.

В а с я. Людмила, ты дома? Шубки нет. Ушла. Тем лучше. Довольно! Дальше так продолжаться не может. Галстук? К черту галстук! Пробор? К черту пробор! Кузнецова, ты дома?

Т о н я (быстро поднимает голову, поправляет прическу и платочек). Вася? Да?

В а с я. Можно?

Т о н я. Сейчас. Минуточку. (Лихорадочно приводит себя в порядок и декоративно углубляется в книжку.) Погоди. Можно.

В а с я (входит на половину Абрама). Абрама нет? Ты одна?

Т о н я. Одна.

В а с я. Это хорошо. Мне надо с тобой серьезно поговорить...

Короткая пауза.

Тоня...

Т о н я. Да?

В а с я (всматривается в нее). Что с тобой? Ты плакала?

Т о н я. Какая чепуха!

В а с я. Тоня...

Т о н я. Да.

В а с я. Ты сегодня что-нибудь ела? Молочка хочешь?

Тоня качает головой.

Кузнецова, я тебя прошу, выпей молочка.

Т о н я. Спасибо, мне не хочется... молока...

В а с я. Кузнецова, как тебе не стыдно! Что это за мещанские церемонии! Я же знаю, что ты сегодня с утра ничего не ела. Выпей же, я прошу тебя. (Идет брать молоко.) Тут целый кувшин. (С удивлением замечает, что в кувшине молока нет.) Пусто. Гм... Кто же это вылакал, интересно знать?.. Тонечка, молока как раз нету. Я тебе сейчас достану котлет, тут у нас было штук шесть. (Замечает, что котлет нет.) Гм... Нету... Исчезли. Очень

странно... Я догадываюсь, чья это работа. Ну, ничего... Неужели ничего не осталось? Ага, колбасы немного есть... и половина булки... Вот. *(Идет к Тоне.)* Съешь, прошу тебя, колбасы.

Тоня берет еду и ест.

Тоня. Спасибо.

Вася. Вот так. Молодец! Будешь у меня толстенная-толстенная... Тоня...

Короткая пауза.

Тоня *(с набитым ртом)*. Да?

Вася. Тоня! Дальше так продолжаться не может. Посмотри мне в глаза.

Тоня. Для чего это?

Вася. Посмотри. Честно.

Тоня. Ну?

Вася. Ты любишь Абрама?

Тоня. Это тебя не касается.

Вася. Нет, касается. Любишь или не любишь, только по-честному?

Тоня. Я не понимаю, что за идеологическая постановка вопроса: любишь — не любишь? Вот еще, в самом деле!

Вася. Тоня... Для меня это очень важно... Любишь или не любишь?

Тоня. Ну, право же, я не понимаю... Я Абрама очень уважаю... Абрам меня тоже уважает... У нас с Абрамом рабочий контакт... Сходство интересов... Общая политическая установка... Мне кажется, что для совместной жизни...

Вася. Стоп! Больше ни слова. Не любишь! Честное слово, не любишь... Не любишь... Кузнецова... Отчего же ты покраснела? Урра! Тонька! Я без тебя жить больше не могу, понимаешь?

Тоня. Ты с ума сошел?

Вася. Правильно! Сошел! И наплевать! Тонька... Тонечка... Любишь? Да?

Тоня. Постой, погоди!

Вася. Любишь! Ей-богу, любишь! По глазам вижу. Уррра! Теперь все пойдет по-другому, по-счастливому. Тонька, будем вместе читать, вместе трудиться, вместе любить, вместе гулять.

Тоня. Ненормальный!

Вася. Уррра!..

Т о н я (*строго*). Погоди, Вася. Постой, сядь. Обсудим объективно создавшееся положение. Хорошо, предположим, ты уйдешь от товарища Людмилы, а я уйду от товарища Абрама, и мы с тобой сойдемся на основе... (*Нерешительно.*) Хорошо ли это будет с точки зрения новой семейной морали?

В а с я. Определенно хорошо.

Т о н я. Определенно плохо. Сегодня зарегистрировалась с одним, завтра развелась, а послезавтра зарегистрировалась с другим... Какой пример подадим мы другим членам нашей организации, а также наиболее активным слоям беспартийной молодежи и беднейшего крестьянства?

В а с я. Авось беднейшее крестьянство не заметит.

Т о н я. Чистейший оппортунизм! Кроме того, нельзя строить свое индивидуальное благополучие и, если хочешь, счастье на несчастье других товарищей. Я имею в виду товарищей Людмилу и Абрама. Я не располагаю никакими данными относительно товарища Людмилы, но что касается товарища Абрама, то его жизнь будет определено разбита.

В а с я. И Людмила жизнь будет тоже разбита.

Т о н я. Товарищ Абрам, если пользоваться устаревшей идеологической терминологией, безумно меня любит. Он не переживет этого.

В а с я. Людмила не переживет тоже. Влюблена, как кошка. Определенный факт. Целый день про своих дедушку и бабушку рассказывает и заставляет молоко лаять.

Т о н я. Вот!

В а с я. Что ж нам делать, Тонька?

Т о н я. Придется поступиться личными интересами ради интересов общих.

В а с я. Какая неприятность...

Т о н я. Мужайся, Вася. Ты видишь мне... мне тоже тяжело. Будем друзьями... Вот тебе моя дружеская рука. (*Протягивает руку.*)

Вася пожимает, но не выпускает ее из своей руки.

В а с я. Какая неприятность!.. А ты мне еще сегодня всю ночь снилась. Будто мы с тобой накрывали на стол. И все время бьются тарелки... Все бьются. А вокруг такая почь... А ветер воет... А тарелки все бьются... У-у-у...

Т о н я. Идеологически невыдержанный сон.

В а с я. И вдруг ты меня обнимаешь...

Т о н я. Что ты говоришь?
В а с я. Ей-богу. И вдруг я тебя обнимаю.

Инстинктивно обнимаются.

И вдруг мы вместе... Тонечка...

Целуются.

Т о н я. Погоди, котик мой золотой... Что мы делаем?
В а с я. И вдруг мы еще раз...

Целуются.

ЯВЛЕНИЕ IX

Во время длительного поцелуя входит Ф л а в и й.

Ф л а в и й. Целуйтесь, ребятки, целуйтесь!

Т о н я. Ах!

В а с я. Ах!

Т о н я. Товарищ Флавий!

В а с я. Флавий!

Ф л а в и й. Ничего, валяйте, валяйте дальше, не стесняйтесь.

В а с я. Котлета!

Т о н я. Товарищ Флавий... Ты можешь черт знает что подумать... Честное слово... Но это чистое недоразумение...

Ф л а в и й. Хо-хо! Васька, как тебе это нравится? Советский брак у нее уже называется чистое недоразумение. И ты не протестуешь в качестве мужа?

Т о н я. Уверяю тебя... что он... что я...

Ф л а в и й. Нет, ребяташки, кроме шуток. Как же это у вас все так быстро произошло? Прямо в ударном порядке. Прибегает наш знаменитый поэт Емельян Черноземный — и бац, без всякого предупреждения, с места в карьер: «Товарищи! Последняя новость: Васька женился. Абрамчик женился, сидят все вместе и пьют чай с булками, — словом, полное разложение». Стой! Кто женился? Когда женился? На ком женился? Почему женился? Так разве ж от этого барана можно чего-нибудь добиться толком? «Бегу, говорит, по этому поводу делать организационные выводы, устраивать вечеринку, ребят звать — и никаких двадцать». Только я его и видел. Так что ждите, ребяташки, гостей, гоните чай, разводите примус.

Т о н я. Примус... *(В изнеможении садится.)*

Ф л а в и й. Нет, ребяташки, кроме шуток, поздравляю. Живите, ребяташки, дружно, не ссорьтесь, работайте вместе... Но, главное, кто меня удивил, так это наш Абрамчик. Кто мог подумать! Абрамчик женился! Хо-хо! Прямо сюжет для Демьяна Бедного. Кстати, где Абрамчик?

Т о н я. Да, в самом деле, где Абрамчик?

В а с я. Абрамчик, это самое... там...

Т о н я. Пошел пройтись с женой...

В а с я. Погода такая приятная... снежок...

Т о н я. Да, снежок такой... Вероятно, они скоро придут.

Ф л а в и й. На ком Абрамчик женился?

В а с я. Да, в самом деле, на ком? То есть я хотел сказать — на этой самой... Кузнецова, на ком женат Абрамчик?

Т о н я. Абрам? На товарище Людмиле...

В а с я. На Людмилке? Хорошие шуточки. То есть я хотел сказать — вот именно, на товарище Людмилочке... Она такая, знаешь, в общем и целом симпатичная...

Т о н я. Не нахожу ничего особенно симпатичного — мешаночка с мелкобуржуазной идеологией... Пр... Впрочем, не будем об этом говорить.

Ф л а в и й. Ну, ну, ребяташки, показывайте вашу территорию, демонстрируйте ваши технические достижения. Вы, собственно, где помещаетесь?

В а с я. Мы... вообще... тут... так, знаешь...

Ф л а в и й. А Абрамчик с семейством?

Т о н я. Абрам... тоже... помещается... Вообще.

В а с я. Тут... вот... этак...

Ф л а в и й. Ага... Гм... Симпатично, симпатично... А это кто? *(Показывает на портрет бабушки.)*

Т о н я. Это? Это так... одна пожилая интеллигентка...

В а с я. Бабушка.

Ф л а в и й. Чья бабушка?

В а с я. Ее бабушка... Домашняя хозяйка... А это дедушка, мой дедушка... Герой труда... Выдвиженец...

Ф л а в и й. Молодцы, ребятаки! А это, значит, ваше техническое оборудование. *(Рассматривает инвентарь и посуду.)* Примус. Ого! Хороший примус. Кастрюли. Что ты скажешь — четыре стакана... Зеркало... Ну-ну, ребяташки, обросли...

Т о н я *(Васе, пользуясь тем, что Флавий занят осмотром)*. Вася... Ну?

В а с я. Сплошной компот!

Т о н я. Какой стыд! Какой позор! Я не могу больше принимать участие в этом пошлом мещанском фарсе. Надо в корне прекратить эту недостойную ложь.

В а с я. Что ты хочешь сделать?

Т о н я. Я сейчас скажу Флавию, что это была шутка.

В а с я. Тонька, ты с ума сошла! Он же видел, как мы целовались.

Т о н я. Все равно.

В а с я. Кузнецова!

ЯВЛЕНИЕ X

Входят ребята и девушки.

Ф л а в и й. Те же и гости.

П е р в ы й. Го! Флавий уже здесь. Здорово, Флавий!

В т о р о й. Первый на месте происшествия.

П е р в а я. Вот это называется организатор — так организатор!

В т о р а я. Прямо не человек, а карета Скорой помощи.

Ф л а в и й. Правильно. Выезжаю немедленно по первому вызову...

П е р в ы й. А ну, которые тут главные, пострадавшие от неосторожной любви? Покажитесь.

П е р в а я. Васька! Смотрите на него. Ай, спасибо!

В т о р о й. Тонька Кузнецова! Не выдержала, спеклась.

П е р в ы й. Товарищи, больше организованности! Не все сразу. Внимание! Раз, два, три!

В с е х о р о м. Да здравствуют красные супруги!

В а с я (*в сторону*). Компот, компот!

Т о н я (*в сторону*). Я не вынесу этого позора!

В т о р о й. Ну, а где же Абрам со своей супругой? Я не вижу Абрама.

Ф л а в и й. Абрамчик будет.

П е р в ы й. А я не вижу чаю и вообще закуски. Это хуже...

П е р в а я. Ну, вы, семейная ячейка, продемонстрируйте свое хозяйство.

В т о р а я. Да, да, не мешало бы чаю. Кузнецова, что ты молчишь? Назвала гостей, а сама прикрылась хвостиком.

В т о р о й. Свинство! Хотим чаю! Товарищи, протестуйте!

П е р в ы й. Внимание! Раз, два, три!

В с е х о р о м. Тре-буем ча-ю! Хо-тим есть!

В т о р а я. В самом деле, что за безобразие. Где ж эта хваленая вечеринка, о которой нам так много говорили?!

Ф л а в и й. Ребятишки! Тишина и спокойствие! Не смущайте молодых супругов. Все будет.

П е р в а я. Смотрите, как ловко разгородились.

В т о р о й. Здорово!

П е р в ы й. А ну-ка, товарищи, долой мелкобуржуазные перегородки! А то нам сегодня веселиться негде. Навались!

Отодвигают ширмы, занавески и шкаф.

Г о л о с а. Сюда его, сюда!

— Волоки ширмы!

— Вот так! Больше простора.

— Эх, раз, еще раз! Девушки, навались...

Отодвигают.

Т о н я. Вася... Что ж это будет?.. Что подумает Абра-рам?

В а с я. Абрам? А что подумает Людмила?

Т о н я. Это ужасно... Он не переживет этого.

В а с я. Она тоже не переживет. Определенный факт.

Т о н я. Что делать?

Ф л а в и й. Ребятишки, внимание! Абрамчик с супругой идет.

В а с я. Гроб! Мрак! Котлета!

Г о л о с а. Прячься, прячься!

— Что ж ты стоишь?

— Вот сюда, за книги.

В т о р а я. Васька, прячься скорей! Вот сюда...

Ф л а в и й. Полнейшая тишина. Могу себе представить Абрамчика в роли мужа...

В а с я. Ребята!

Т о н я. Товарищи! Произошла ошибка... Мы...

П е р в ы й. Тсс! Ни звука... Ш-ш-ш...

За сценой слышен хохот Людмилы.

ЯВЛЕНИЕ XI

Входят Л ю д м и л а и А б р а м.

Л ю д м и л а (*вбегает, хохоча*). Котик, поцелуй меня в носик!

Т о н я. Какая гадина!

А б р а м. А это этично? (*Целует.*) Или, может быть, не этично? (*Целует.*)

В а с я. Паршивый ренегат! И главное — в моем галстуке.

Л ю д м и л а. Котик, скажи «мяу».

Ф л а в и й. Смотрите, Абрамчик уже сделался котиком!

Л ю д м и л а. Ну?

А б р а м. Мяу!

В а с я (*грозно*). Мяу!

Все вскакивают.

В с е х о р о м. Мяу!

Л ю д м и л а. Ай, Вася!

А б р а м. Ух, Кузнецова! Небывалый крах! Как рыба об лед!

В с е х о р о м. Да здравствуют красные супруги! Т о н я (*бросается Васе в объятия*). Я не могу этого больше выносить. Уведи меня отсюда!

А б р а м. Людмила, держи меня, я впадаю в полуморочное состояние. (*Падает ей в объятия.*)

Ф л а в и й. Целуйтесь, ребятки, целуйтесь!

ЯВЛЕНИЕ XII

Грохот падающего велосипеда. Входит Ч е р н о з е м н ы й.

Е м е л ь я н. А ну вас к черту с вашим буржуазным велосипедом! Чуть портки не разорвал в доску.

Ф л а в и й. Емельяна еще тут не хватало для общего торжества.

Е м е л ь я н. Здорово, ребята! (*Остолбенел вдруг, увидя Абрама в объятиях Людмилы, а Тоню в объятиях Васи.*) Стой! Что я замечаю такое? Васька и Тонька... Абрамчик и Людмилка... Удивительно, поразительно! Ша! Слушайте экспромт. «Подобным образом жениться ни в коем разе не годится. И кто уж тут на ком женатый, не разберет медведь рогатый».

Ф л а в и й. Новое дело! Кажется, довольно ясно, кто на ком женат. Абрамчик — на Людмиле, а Васька — на Кузнецовой. Сам же об этом и раззвонил первый. Ты что, пьян?

Е м е л ь я н. Э, нет, братишки, постойте... Может быть, кто-нибудь и пьяный, но только не я. Сам, можно сказать, собственными глазами, видел, кто на ком женатый.

В а с я (*отчаянным шепотом*). Тсс! Молчи!

А б р а м (*тоже шепотом, делая знаки*). Молчи... Это же не этично.

Ф л а в и й. Товарищи, вы тут что-нибудь понимаете? Свадьба на Канатчиковой даче!

Е м е л ь я н. Сами вы все с Канатчиковой дачи. А я еще, слава богу, в здравом уме и твердой памяти и могу кого хочешь за пояс заткнуть. Поэму «Извозчик» знаете? Слушайте. «И-и-и-эх, сглодал меня, парня, город...»

Ф л а в и й. Брось, гений! Надоел твой «Извозчик» хуже горькой редьки. Слышать не могу!

Е м е л ь я н. А что касается вот этих пистолетов... (*Показывает на парочки, они делают знаки.*) Да ну вас! А что касается их, то собственными глазами знаю, что Васька женатый на Людмиле, а вас тут, дураков, разыгрывают.

А б р а м. Ну да. Факт. Конечно, разыгрывают. Людмилочка, подтверди.

В а с я (*деланно смеется*). Ну да, разыграли... А вы что думали? Хи-хи... Флавий, ловко мы тебя с Кузнецовой разыграли, а? Тонька, подтверди.

Т о н я. Товарищи, это все была шутка. И товарищ Людмила может подтвердить.

Л ю д м и л а. Ой, какие вы все смешные, шуток даже не понимаете! Фи! (*Уныло берет Васю за руку.*) Это мой законный, зарегистрированный супруг. Даже удостоверение из загса можем показать.

А б р а м (*уныло идет к Тоне*). Это моя законная, зарегистрированная подруга жизни. Кузнецова, а? Рабочий контакт есть? Есть. Сходство интересов есть? Есть. Политическая платформа есть? Есть.

Т о н я (*печально*). Есть.

А б р а м. Так в чем же дело?

Е м е л ь я н. Ша! Четыре строчки. Слушайте. Экспромт. «Всех разыграли, как баранов, за исключением Черноземного Емельяна, а потому, что Емельян умнее всех — он не баран».

П е р в а я. Плохо.

Е м е л ь я н. Скажи лучше, дура.

Ф л а в и й. Что вы скажете? Как поддели! Но главное, кто меня удивил, так это наша Тонечка Кузнецова. Кто б мог подумать, что такая серьезная девица, с таким солидным общественно-политическим стажем способна на такие игривые штуки? А? Как вы скажете, ребята? Моло-

дец, Кузнецова, ты меня искренне радуешь. Не все же гранит грызть, можно и повеселиться. Правильно?

Первый. Так в чем же дело? Товарищи, заседание продолжается. Вынимай закуску.

Гости вынимают приношения.

Второй. Пятьсот граммов краковской.

Первая. Четыре булки. Четыре яйца.

Первый. Севрюга.

Вторая. Четвертка масла. Две селедки.

Емельян (*ставит три бутылки пива*). «И-эх, сглодал меня, парня, город!»

Тоня. Товарищи, я категорически протестую против алкоголя в комсомольской среде.

Емельян. Подумаешь, алкоголь... паршивое пиво. Флавий, на твое заключение. Три бутылки пива, можно?

Флавий. Ради такого случая? Три бутылки? Валий.

Емельян. Есть! (*Открывает пиво.*)

Первый. Товарищи, внимание. Ну-ка, хором!

Песня.

Абрам. Прощай, Людмилочка.

Вася. Прощай, Тоня.

Людмила. Прощай, Абрамчик.

Тоня. Прощай, Вася...

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Та же комната, но в несколько хаотическом состоянии.

ЯВЛЕНИЕ I

Абрам и Людмила. Каждый на своей половине. Некоторое время прислушиваются и осматриваются — никто их не видит. Потом бегут друг к другу и на середине авансцены поспешно и страстно обнимаются. После некоторой паузы.

Людмила. Что мы делаем?

Абрам. А я знаю, что мы делаем?

Людмила. Нет, нет, не целуй меня больше! У меня есть муж.

Абрам. Легко сказать — муж! Легко сказать — не целуй!

Людмила. Не целуй меня, котик. Не мучь. С ума сойти! Нет, нет!

А б р а м. Так одно из двух — надень на меня на-
мордник.

Л ю д м и л а. Я жить без тебя не могу!

А б р а м. А я могу жить без тебя?

Л ю д м и л а. Что ж это будет?

А б р а м. В загс!

Л ю д м и л а. С ума сойти!

А б р а м. Или не этично? А?

Л ю д м и л а. А Васька?

А б р а м. Не говори мне про Ваську. Когда мне гово-
рят про Ваську, я ему хочу голову оторвать. Что Васька?

Л ю д м и л а. Не вынесет. В один счет жизни себя
лишит. Безусловно.

А б р а м. Любит?

Л ю д м и л а. Ой, Абрамчик, горе мое, до того лю-
бит, что прямо обожает. Просто невозможное дело.

А б р а м. Все равно, одно из двух: или я, или Вась-
ка. В загс? А? Людмилочка, будьте сознательным товари-
щем. Ну?

Л ю д м и л а. Как же так... котик? Сегодня записа-
лась с одним... Завтра расписалась... Послезавтра опять
записалась с другим. Нехорошо. Что скажут люди?

А б р а м. Людмила! Только без мещанства. При чем
здесь люди, если мы жить друг без друга не можем? И глав-
ное, в чем дело? Сходство характеров есть? Есть. Взаим-
ное понимание есть? Есть. Трудовой контакт есть? Есть.
Людмила!.. Ну? Так в чем же дело?

Л ю д м и л а. Ты мне совсем голову закружил.

А б р а м. Ну, Людмила, решайся — в два счета.

Л ю д м и л а. С ума сойти...

А б р а м. Это будет такая жизнь, такая жизнь!

Л ю д м и л а. А, все равно. *(Бросается ему в объ-
ятия.)* Счастье мое!

Поцелуй.

Идем...

А б р а м. Идем!

Л ю д м и л а. Солнышко! *(Берет его об руку.)* Доро-
гой супруг! И тебе ни капельки не жаль Тоню?

А б р а м. Стой! В самом деле, Тоньку я не учел...
Хорошенькое дело: приходит Тонька сегодня после бюро
ячейки домой, усталая, и вдруг замечает, что ее муж уже
не ее муж, а чужой муж. Это этично или не этично?

Л ю д м и л а. Идем, котик, идем...

А б р а м. А Тоня?

Л ю д м и л а. Что Тоня?

А б р а м. Не вынесет.

Л ю д м и л а. Любит?

А б р а м. Ого! Прямо обожает.

Л ю д м и л а. Все равно. Одно из двух: или я, или Тоня. Надевай куртку, а то загс закроют. Будь же сознательным товарищем, ну!

А б р а м. Сегодня записался... Завтра расписался... Послезавтра опять записался. Что подумают ребята из райкома? Что скажет товарищ Флавий?

Л ю д м и л а. Ф... ла... вий... *(Тихо рыдает.)* Не этично?

А б р а м. Определенно.

Л ю д м и л а *(рыдая)*. Солнышко мое... Или... может быть... эт-тич-но?

А б р а м. Безусловно. Принципиально неправильно заниматься построением личного семейного счастья на базе семейного несчастья других товарищей.

Л ю д м и л а. Значит... нам... нельзя.

А б р а м. Нельзя.

Л ю д м и л а. А я думала... А я... Абрамчик... А я... так... *(Рыдает.)*

А б р а м. Людмилочка... Я тоже... Ты видишь, я взял себя в руки. Возьми тоже себя в руки. Будь мужчиной.

Л ю д м и л а. Значит, прощай, Абрам!

А б р а м. Прощай, Людмила!

Л ю д м и л а. Хорошо... Тогда я знаю... *(Порывисто.)* Прощай, котик.

Объятия сквозь слезы.

Скажи... своей кошечке «аму»...

А б р а м. Аму! *(Почти рыдает.)*

Расходятся.

Л ю д м и л а. Абрамчик!

А б р а м. Да.

Л ю д м и л а. Прощай, прощай!

Объятия.

А б р а м. Прощай!

Объятия. Расходятся.

До чего ж это выходит не этично, когда все этично!

Разошлись по своим половинам. Абрам в печали углубляется в книгу, правая часть занавеса задергивается.

Л ю д м и л а (одна на своей половине). Хорошо... Тогда я знаю... Не могу я больше... (Решительно начинает собирать свои вещи. Вдруг в изнеможении садится на пол и роняет голову на узел.) Не могу... я... Не могу...

ЯВЛЕНИЕ II

Грохот велосипеда. Входит решительно В а с я.

В а с я. А ну его к черту с этим проклятым велосипедом! Тоже мне семейное счастье, чтоб оно пропало! Вот. Все слова из головы высыпались... Людмила... Мне с тобой надо серьезно поговорить. Дальше так продолжаться не может... Дело в том, что я... Дело в том, что мы... Дело в том, что наши с тобой отношения... в корне... Только ты, главное, не сердись и постарайся меня понять. Как бы тебе объяснить... Видишь ли, я хочу быть по отношению к тебе до конца порядочным человеком. Может быть, тебе это будет неприятно и даже больно. Но лучше сказать прямо и честно... Зашей мне штаны. (В сторону.) То есть что я такое говорю?

Л ю д м и л а. Только без мещанства.

В а с я. Чего? Чего?

Л ю д м и л а. Без мещанства. Это не этично...

В а с я. Вот как! (С долгим изумлением смотрит, нависывая, на Людмилу. После некоторого молчания, горячо.) Нет, нет, Людмилочка! Ты напрасно говоришь, что это не этично. Если бы я тебя обманывал, лгал, притворялся... Ты меня понимаешь? Тогда это было бы, конечно, гнусно и не этично. Но ведь я же хочу с тобой поговорить просто, честно, по-товарищески.

Л ю д м и л а. Я тебе не раба, а свободная подруга. Сам разорвал штаны, сам и зашей.

В а с я. А при чем здесь штаны? Не о штанах речь.

Л ю д м и л а. А о чем же речь?

В а с я (раздраженно). Совсем о другом. Видишь ли... (В сторону.) Прямо язык не поворачивается... Она не перенесет этого, жизни себя лишит, безусловно. А... (Преувеличенно резко.) Речь идет о тебе и... ну, конечно, ну и об Абраме... О вашем...

Л ю д м и л а. Ой, боже мой! Все знает. С ума сойти...

В а с я. Не перебивай меня. Я говорю... о вашем... то есть о... вышей. Ты меня понимаешь?

Л ю д м и л а. Ой, котик! Ничего не понимаю. Вот истинный крест — ничего не понимаю. *(Про себя.)* Факт, что не перенесет, жизни решит, и глаза у него ненормальные... *(Ему.)* Ничего я не знаю, котик, ничего не понимаю... Об одном только умоляю, котик, не расстраивай себя ты... Сердце мое не мучай... И так оно... *(Роняет голову на узел.)*

В а с я. Вот что, Людмила... *(В отчаянии отворачивается к шкафу.)* Язык не поворачивается. Не перенесет, жизни себя решит... Факт. До того обожает, что страшно делается. *(Машет рукой.)* Куда там! *(Уткнулся в шкаф.)*

Л ю д м и л а *(поднимает голову и видит удрученную фигуру Васи).* Бедненький! До чего страдает... *(Решительно.)* А, все равно... Пускай. *(Начинает опять вязать узлы.)* Все одно, все одно...

В а с я. Что ты делаешь?

Л ю д м и л а. Не спрашивай меня, Вася.

В а с я. Уходишь, что ли?

Л ю д м и л а. Да, ухожу.

В а с я *(с плохо скрытой радостью).* Почему такое?

Л ю д м и л а. Ухожу. Не спрашивай!

В а с я *(лицемерно).* Но все же... Людмилочка...

Л ю д м и л а. Нет, нет! Помнишь, как мы условились? Ничего мне не говори... Не проси. Не держи меня, пусть...

В а с я *(лицемерно).* Что ты, Людмилочка? Как же я могу, кошечка, тебя не пускать? Вот еще... У нас же не какой-нибудь там феодальный брак... Бога ради... Пожалуйста... Я разве что... Я только так, поинтересовался. Конечно, насильно мил не будешь...

Л ю д м и л а. Ну, так вот... Я, значит... *(Поднимает узел.)* Пошла... Прощай...

В а с я. Ну... *(Подходит к ней прощаться, не зная, как себя дальше вести.)*

Л ю д м и л а *(чтоб избежать тяжелой сцены).* Нет, нет, ничего, я еще зайду... Тут кое-что осталось... Прощай, Вася...

В а с я. Прощай, Людмилочка...

Она уходит.

(Еле сдерживая бешеную радость по поводу того, что все так благополучно вышло, идет следом за ней, бормоча не слишком громко.) А может быть, все-таки... Как-нибудь... Осталась бы... Честное слово... Право, Людмилочка... Осторожно, на велосипед не наткнись. *(Идет к двери и начинает пританцовывать.)* Ушла, ушла!.. И очень даже

просто. Ушла... Хи-хи!.. Хо-хо!.. Без всяких драм... Ай, спасибо!.. Тонька, Тонечка моя, Тонька... Тонечка моя... Тонька, ягодка моя... *(Начинает плясать, хохоча. Левая часть занавеса задергивается и скрывает его танцующим.)*

ЯВЛЕНИЕ III

Открывается правая часть занавеса. А б р а м один.

А б р а м *(сидит сгорбившись)*. Сходство характеров есть? Есть. Взаимное понимание есть? Есть. Классовая принадлежность есть? Есть. Трудовой контакт есть? Есть. Все есть — и вместе с тем такой потрясающий крах. В чем же дело? Не понимаю... Сходство характеров? Есть. Трудовой контакт? Есть. Все есть, а в общем и целом мрак. Или все сказать Тоньке прямо? Или не этично? А? Нет, она этого не переживет. Или этично? А? Или нет? С ума можно сойти!

ЯВЛЕНИЕ IV

Входит Е м е л ь я н.

Е м е л ь я н. Здорово, старик!

А б р а м. Здорово.

Е м е л ь я н. Танцуй.

А б р а м. Почему я должен танцевать?

Е м е л ь я н. Потому, что обязан. Танцуй.

А б р а м. Новое дело!

Е м е л ь я н. Танцуй, говорю.

А б р а м. Ты что, пьяный?

Е м е л ь я н. Танцуй, танцуй! Ну? «Отчего ты бедный? Оттого, что бледный...» Ну! *(Напеваёт плясовую и сам притопывает.)*

А б р а м. Видели вы сумасшедшую птицу филин? Так это он.

Е м е л ь я н. От филина слышу. Танцуй!

А б р а м. Почему я должен танцевать?

Е м е л ь я н. Потому, что порядков не понимаешь. У нас такое правило: кому письмо пришло, так тому безусловно полагается по штату танцевать. *(Вынимает письмо.)* Во. Письмо. Танцуй! *(Напеваёт.)*

А б р а м. Кому письмо?

Е м е л ь я н. Тебе, тебе. Танцуй!

А б р а м. Мне письмо? Редкий исторический факт. С семнадцатого года писем не получал. Даже забыл, как это делается. Давай сюда.

Емельян. Танцуй!
Абрам. Кроме шуток, давай

Емельян держит письмо над головой и не дает.

Брось дурака валяты!

Емельян. Танцуй, а то видел? (*Показывает мускулатуру.*) Во! Трогай!

Абрам. Видели ненормального? От кого?

Емельян. От подруги жизни, от супруги.

Абрам. От какой супруги?

Емельян. От такой самой, от твоей. От Тоньки.

Абрам. От Кузнецовой? С ней что-нибудь случилось?

Емельян. Ничего не случилось. Встретились в учраспреде. Просила тебе передать. Танцуй!

Абрам. Не морочь голову. Давай.

Емельян. Шалишь, танцуй!

Абрам. Ой, мой боже! Видели дурака? Семейный крах налицо, а он заставляет танцевать! Я не умею танцевать, понятия не имею. Ну, давай уж, давай!

Емельян. Танцуй!

Абрам. Так не умею же я... Ну, черт с тобой! (*Неуклюже танцует под хлопанье в ладоши и аккомпанемент Емельяна.*) Ну, давай!

Емельян. Танцор из тебя, знаешь, как слон по бутылке. Танцкомик. На.

Абрам. Ух, я уже чувствую — начинаются феодальные штучки! (*Не может разорвать от волнения конверт.*)

Емельян. Пстой, дай мне письмо. У тебя руки дрожат. (*Разрывает конверт.*)

Абрам (*читает*). «Товарищ Абрам! Я долго думала и пришла к заключению, что дальше так продолжаться не может. При созданных объективных условиях...» Ну вот, я говорил, что она докопается до объективных условий...

Емельян. И я говорил то же. Помнишь, когда в баню шли...

Абрам (*с досадой*). Пстой, Емельян, тут не до шуток. (*Продолжает читать.*) «...при созданных объективных условиях наша взаимная семейная жизнь неприемлема. Ты, конечно, понимаешь, о чем я говорю». Крах налицо... (*Читает.*) «Считаю необходимым сделать из этого организационные выводы...» Ой, травиться, кажется, сейчас будет...

Емельян. Нет, топиться, милый, топиться...
(Гладит его по голове.)

Абрам (в бешенстве). Отстань, Емельян. (Читает.)
«Я должна уйти. Собери все свое мужество и не пытайся
меня удерживать... Так надо...» Определенная катастрофа!

Емельян. Жуть! Жуть!

Абрам (читает). «Когда ты будешь читать это
письмо, я уже буду, вероятно...» Только чтоб не в крематории,
только чтоб не в крематории...

Емельян. Нет, в Москве-реке. Там прохладнее...

Абрам (в бешенстве вскакивает). Емельян!

Емельян замолкает. Абрам читает дальше.

«Я уже буду в вагоне...»

Емельян (поправляет его). «В агонии...»

Абрам (со страху поддаваясь). «...в агонии по до-
роге...»

Емельян (читает из-за его плеча). «...в агонии по
дороге в деревню...» Нет, это что-то не то.

Абрам (радостно). «В вагоне по дороге в деревню,
куда меня направляет учраспред на работу на основании
моего личного заявления. Постарайся меня забыть и кни-
ги отдай Соне Огурцовой. С комсомольским приветом.
А. Кузнецова». Ай, Тонька! Молодец! А я думал, бу-
дет что-нибудь ужасно феодальное. Ха! Без никаких драм!
Людмила, ты слышишь? «С комприветом. Кузнецова»!..
«С комприветом. Кузнецова»!.. (Начинает дикую пляску.)

С левой стороны сцены, за занавесом, слышится плясовая музыка,
гитара, топот и резкое пение Васи.

Емельян. Видели, видели? Ишь выкомаривает!
А еще плакался, что не имеет понятия танцевать. Ого!

Абрам (пляшет). Ушла! Ушла! Ушла!

Отдергивается левая половина занавеса и открывает радостно тан-
цующего под гитару В а с ю.

ЯВЛЕНИЕ V

Слева танцует В а с я, справа — А б р а м. Е м е л ь я н тихо
недоумевает. Вася и Абрам в пляске сближаются на середине аван-
сцены, долго смотрят, подмигивают, танцуя, друг другу.

В а с я (поет и танцует). Ушла, ушла, ушла, ушла!

А б р а м (поет и танцует). Ушла, ушла, ушла,
ушла!

Емельян. Болванов видели?

Вася (*остановился, смотрит на Абрама*). Ушла! Ха-ха! Ушла...

Абрам (*остановился, смотрит на Васю*). Ушла! Факт!

Вася (*хохочет, подмигивая*). Ушла..

Абрам (*хохочет, подмигивая*). Ушла!

Вася. Стой! Кто ушел?

Емельян. Стой! Кто ушел?

Абрам. А кто ушел?

Емельян. А кто ушел?

Вася. Ясно, кто: Людмила.

Емельян. Ясно, кто: Людмила.

Абрам. Что... Людмила ушла?.. Ты с ума сошел? Кузнецова ушла!

Емельян. Ты с ума сошел? Кузнецова ушла!

Вася. Что? Ты с ума сошел? Тонька... ушла? Ты шутишь?

Емельян. Ты шутишь?

Абрам. Стой! (*Остолбенел.*)

Вася. Стой! (*Остолбенел.*)

Емельян. Стой не стой, братишки, а дело совершенно простое: обе бабы рванули когти. Ясный факт.

Вася. Стой... Она... совсем... ушла?

Абрам. Совсем ушла.

Емельян. Совсем ушла?

Абрам. Совсем. А что?

Емельян. Совсем. А что?

Вася. Куда?

Емельян. Куда?

Абрам. Уехала работать в деревню. А что?

Емельян. Уехала в деревню. А что?

Вася. В деревню... Как же так? Постой...

Емельян. Как же так? Постой...

Абрам. Стой!.. Людмила... совсем?

Емельян. Совсем?

Вася. Совсем. А что?

Емельян. А что?

Абрам. Куда? Куда? Говори!

Вася. Вообще... Неизвестно... А что?

Абрам (*в отчаянии*). Куда же ты смотрел?

Емельян. Куда же ты смотрел?

Вася. Чего там я! Куда ты смотрел? Как ты ее отпустил?

Емельян. Нет, как ты ее отпустил?

Абрам. Нет, куда ты смотрел?

Емельян. Нет, куда ты смотрел?

Вася. Я куда смотрел? Стой! А ты, собственно, здесь при чем?

Емельян. А ты здесь при чем?

Абрам *(в запальчивости)*. А кто же здесь при чем? Может быть, ты здесь больше при чем?

Емельян. Может быть, он здесь при чем.

Вася. Молчи! До того довел девушку, что она пошла к черту на рога, лишь бы не видеть твоей поганой рожи. Где же ее? Где же ее теперь искать?

Емельян. Где же ее искать?

Абрам. Я довел девушку? А ты? А ты что сидел? А ты до чего Людмилу довел? *(Передразнивает.)* «Котик, поцелуй меня в носик! Котик, скажи «мяу!»!»

Вася. А тебе какое дело?

Емельян. А тебе какое дело?

Абрам. А тебе какое дело?

Вася. У! Видеть тебя не могу равнодушно! Хозяйчик паршивый!

Абрам. От ренегата слышу!

Вася. Это кто ренегат? Я ренегат?

Абрам. Ренегат и оппортунист!

Емельян *(в восторге)*. Я б на твоём месте, Васька, за ренегата обиделся.

Вася. Это кто ренегат? *(Наступает, замазывается.)*

Емельян. Правильно, ребятки, бейтесь, только музыкальный инструмент не повредите.

Вася. Кто ренегат?

Емельян. Это кто ренегат?

Абрам. Брось гитару! *(Отступает за дверь.)*

Емельян *(глядя в дверь)*. Правильно, крой! Хо-хо! Форменный экспромт!

Голос Васи. Кто ренегат?

Грохот падающего велосипеда.

Емельян *(в дверь)*. Ребятки, это не годится — гитару калечить. Бейтесь по всем правилам, как полагается по роману. Во втором этаже в восемнадцатом номере, у Володьки Синицына трофейные денкинские сабли есть. Крой!

Шум.

Валяй! Чтоб дуэль по всей форме. Не иначе!

Г о л о с А б р а м а. Брось гитару!

Г о л о с В а с и. Кто ренегат?

Г о л о с А б р а м а. Брось гитару, а то я за себя не ручаюсь. Пусти!

Г о л о с В а с и. Стой!

Е м е л ь я н (*в дверь*). Сыпьте за саблями! Хо-хо! Бейтесь, ребяташки!

Шум по коридору смолкает.

ЯВЛЕНИЕ VI

Е м е л ь я н (*возвращается, утирая пот, как после тяжелой битвы*). Это называется дотанцевались! Потеха! А мне самому жарко стало. Ну, как теперь бабы отсюда окончательно смылись, можно, слава богу, и переночевать тут. Закуски сколько! (*Ложится.*) Буду сочинять новую поэму. (*Ест, валяется и пишет.*) Нужно только создать подходящие условия для работы. (*Передвигает всю мебель.*) Ну-с, так, начнем заказанное насчет боржома: «Если будем жить боржомом, то мы сразу все заржем». Что-то не выходит...

ЯВЛЕНИЕ VII

Входит Ф л а в и й. С недоумением оглядывает опустошенную комнату и живописно развалившегося Емельяна.

Ф л а в и й. Емельян, ты?

Е м е л ь я н. Мы... Здорово, Флавий! Есть кочешь?

Ф л а в и й. Здорово! Ты чего разоряешься в чужом семейном доме?

Е м е л ь я н. Да, был семейный дом, только весь вышел.

Ф л а в и й (*видя разгром*). Что тут происходит?

Е м е л ь я н. Драма в шести частях. Бабы смылись, а ребяташки в восемнадцатый номер за пашками побежали.

Ф л а в и й. Ты что, пьяный? Говори толком.

Е м е л ь я н. Я ж тебе толком говорю. Тонька с места в карьер втюрилась, как ненормальная, в Ваську. Людмила врезалась в Абрашку. Васька влопался, как тот осел, в Тоньку. Абрамчик влип в Людмилку, аж пищит. И все друг друга до того стеснялись, что сегодня наконец все это лопнуло. Тонька — не выдержала — смылась. Людмила — не выдержала — смылась. Васька и

Абрамчик побежали в восемнадцатый номер рубать друг друга шашками. А я пока что тут думаю поселиться.

Ф л а в и й. Дуэль?

Е м е л ь я н. По всей форме, как у классиков, — шашкой по голове, и ваших нет. До того накалились, что страшное дело. Гы-гы!

Ф л а в и й. Так что ж ты, дубина, ржешь? Два болвана побежали идиотскую дуэль устраивать, организацию позорить, а третий болван валяется с ногами на чужой постели — и гы-гы... Ну! Раз, раз! Покажи свою физкультуру. Чтоб дуэлянты были здесь! Живые или мертвые! В два счета!

Е м е л ь я н. И-эх! (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ VIII

Ф л а в и й. Прямо скандал на весь район. (Многозначительно насвистывает.) Хорошенькое дельце.

Пауза.

Тоже мне советские гусары!

ЯВЛЕНИЕ IX

Входит Т о н я, задыхаясь от слез, собирает вещи и намеревается уходить.

Ф л а в и й (переходит по авансцене на половину Абрама; видит Тоню). Ты куда?

Т о н я. Ухожу я, Флавий.

Ф л а в и й. Куда ж ты уходишь?

Т о н я. На работу. В деревню.

Ф л а в и й. Новое дело! Вдруг ни с того ни с сего загорелось работать в деревне. Почему же это?

Т о н я. Не спрашивай меня, Флавий. Мне очень тяжело. Так надо. Прощай, Флавий.

Ф л а в и й. Э, нет! погоди. Ты мне толком все расскажи. Что-нибудь случилось?

Т о н я. Да... Нет... Ничего не случилось. Ну... прощай.

Ф л а в и й. Кузнецова! Ты мне баки не крути. Говори прямо: что у вас тут случилось?

Т о н я. Ничего.

Ф л а в и й. Ах, ничего?

Т о н я. Ничего. Не знаю.

Пауза.

Во время паузы на свою половину входит с узлом заплаканная
Л ю д м и л а.

Л ю д м и л а (*сдерживая рыдания и сморкаясь*). Бабушку и дедушку забыла... (*Лезет снимать портреты, снимает их и потом по ходу сцены начинает прислушиваться к усиливающимся голосам Флавия и Тони, подходит к перегородке.*)

Ф л а в и й. Ты не знаешь? Так я знаю. Ваську любишь? А ну-ка, посмотри мне в глаза.

Т о н я. Люблю.

Ф л а в и й. Васька тебя любит? Посмотри в глаза.

Т о н я. Любит.

Ф л а в и й. Так что ж ты мне голову морочишь и разводишь тут психологические драмы? Любите друг друга — в чем дело? Так сыпьте в загс, и нечего в деревню ездить.

Т о н я. А как же Абрам?

Ф л а в и й. Думать надо было раньше...

Т о н я. Я думала... Мы думали... Сходство характеров... Рабочий контакт... Общая... политическая платформа. (*Всхлипывает.*) И вот... и вот... (*Сквозь рыдания.*) Нет, нет, товарищ Абрам этого не перенесет. Пойми, товарищ Людмила этого не перенесет. Пойми, Флавий, мы не можем строить свое счастье на несчастье других товарищей... (*Рыдает.*)

Людмила заглядывает в комнату и вдруг роняет на пол портреты бабушки и дедушки, стоит с узлом в руках, ревет и хочет бежать.

Ф л а в и й (*к ней*). Куда?

Л ю д м и л а (*остановилась, колеблется; потом бежит к плачущей над узлом Тоне и обнимает ее. Говорит сквозь слезы*). Ой, Тонечка, ой, мое солнышко...

Т о н я. Товарищ Людмила...

Л ю д м и л а. Кошечка моя, я же все слышала... Не надо же, честное слово, плакать... Бери себе Ваську, только, ради бога, не расстраивайся, потому что мне все равно, а без Абрамчика... не жизнь...

Обе рыдают над узлами счастливыми слезами.

Т о н я. Милочка, деточка, сестричка...

Ф л а в и й (*утешая их*). Ну вот, по-ошли теперь ре-

вечь. Эх, вы, обезьяны мои дорогие! А впрочем, это иногда помогает... Плачьте! Валяйте!

За сценой крики, звон, страшный шум, галдеж, падение велосипеда, скандал.

Т о н я. Что, что случилось?

Л ю д м и л а. А-а... Что такое? Пожар?

Ф л а в и й. Успокойтесь, девочки. Ничего страшного. Это два наших петуха — черный и белый — устраивают свои маленькие семейные делишки.

ЯВЛЕНИЕ XI

Вваливаются неумело дерущиеся **В а с я** и **А б р а м**, причем Вася фехтует шпагой, а Абрам — шашкой в ножнах, пытаясь ее обнажить. За ними, галдя больше всех, **Е м е л ь я н**.

Е м е л ь я н (*неуклюже бегая вокруг фехтующих*). Куда? Куда? Стоп! Легче, легче! С ума посходили, честное слово! Музыкальный инструмент повредите... Васька... Абрамчик...

В а с я. Где Тонька, говорю?

А б р а м. Куда Людмилку девал?

В а с я. А тебе какое дело?

А б р а м. А тебе какое дело?

В а с я. Мелкий хозяйчик!

А б р а м. Пустите меня! Я ему сейчас голову оторву!

Вытаскивает из ножен шашку. Она оказывается со сломанным клинком — торчат только кусочек. Вася подается назад и опрокидывает ширму. За ширмой группа: **Т о н я**, **Л ю д м и л а** и **Ф л а в и й**.

Общее замешательство. Оцепенение.

В а с я. Тонька! Людмилка!

А б р а м. Людмилка! Тонька!

Не знают, что делать и как себя вести.

В а с я. Флавий!

А б р а м. Флавий!

Ф л а в и й. Красота! Тонька, Людмилка, что вы на это скажете? Два сухих идиота фехтуются на музыкальных инструментах. Картина, достойная кисти Айвазовского.

А б р а м (*лживо радуясь*). Кузнецова, ты еще не в деревне? (*Хочет броситься к ней*.)

Тоня останавливает Абрама величественным справедливым жестом и показывает на Людмилу.

В а с я (*лживо*). Людмилочка, ты пришла? Я ужасно рад!

Людмила копирует жест Тони по отношению Васи и Тони.

А б р а м. В чем дело, Тонечка?

Ф л а в и й. Ребятишки! Без дураков! Не крутите вола,— все ясно, все понятно, все известно.

Е м е л ь я н. И все проверено.

Ф л а в и й. Тонька, Ваську любишь?

Т о н я. Люблю.

Ф л а в и й. Людмилочка, Абрамчика любишь?

Л ю д м и л а. Люблю.

А б р а м. Товарищи, это ж не этично? А? Или этично?

Ф л а в и й. Абрамчик, не будь чересчур умным по-пугаем. Ребятки, что же вы стоите?

Все всё поняли. Пауза.

Переженились все как угорелые, не подумав, а потом театр тут устраиваете, а мне за вас отдуваться. У меня, товарищи, другие обязанности. Ну!

Людмила бросается к Абрамчику, а Тоня к Васе.

Т о н я. Васюк!

Л ю д м и л а. Абрамчик, солнышко!

В а с я. Тонька!

А б р а м. Людмилочка!

Объятия.

Ф л а в и й (*Емельяну*). Поднимай якорь, браток. Не будешь ты здесь, как видно, ночевать. Катись!

Е м е л ь я н. Может, экспромт сказать? Хотите?

Ф л а в и й. Катись, катись! Брысь...

Е м е л ь я н. «И-эх! Сглодал меня, парня, город, не увижу родного месяца. Расстегну я пошире ворот, чтоб способнее было повеситься...» И-эх! Пропадает на глазах у всех самородок! Пойду в восемнадцатый номер ночевать. (*Уходит.*)

Ф л а в и й. Ладно. Авось не пропадет. (*Поднимает с полу портреты бабушки и дедушки и отдает один портрет одной паре, другой — другой.*) Ну-с, на основании брачного кодекса делите имущество. Получайте дедушку. Получайте бабушку.

Они берут.

Итак... кажется, все в порядке.

В а с я (Абраму, юмористически). Котик, скажи своей кошечке «мяу».

А б р а м (солнечно). Мяу!

Ф л а в и й. Ничего, ребятки. Любите друг друга, не валяйте дурака.

Г о л о с и з р а д и о (перебывает Флавия). Алло! Алло! Спектакль окончен, слушайте последний номер нашей программы. Даю зрительный зал.

В зрительном зале зажигается свет.

Куплеты.

В с е. Любить, страдать и увлекаться
Нам всем, товарищи, дано!
Так почему б не посмеяться
Над тем, что кажется смешно?

Т о н я и В а с я. В вопросах брака разбираться
Должны мы тонко и умно,
Но почему б не посмеяться
Над тем, что кажется смешно?

Ф л а в и й. Коль будет парень разлагаться,
Курить табак и пить вино,
Вот тут не будем мы смеяться,
Затем, что это не смешно.

Л ю д м и л а и А б р а м. Но если будет целоваться
И бегать к милой под окно,
Так почему б не посмеяться
Над тем, что кажется смешно?

Е м е л ь я н (внезапно выезжает на сцену на велосипеде).

А мне без площади остаться
Сегодня ночью суждено.
Прошу над этим не смеяться,
Ведь это очень не смешно.

Все повторяют первый куплет.

З а н а в е с

„АВАНГАРД“

Пьеса
в четырех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

О р а т о р на съезде Советов.

Л а в р и к, коммунар «Авангарда», самоучка-изобретатель.

П а с т у х

К у з н е ц

С а м о х и н

К о н ю х

Т а т ь я н а И в а н о в н а

П а н и б р а т ц е в, служащий «Авангарда», бухгалтер.

У р у с о в, глубокий старик, политкаторжанин, коммунар «Авангарда».

П о л и н а, его дочь, коммунарка «Авангарда», 35 лет.

Ч о р б а, председатель «Авангарда», муж Полины, 40 лет.

М а й о р о в, заместитель председателя «Авангарда», 40 лет.

С о н я, практикантка в «Авангарде».

М е л ь н и к, сосед «Авангарда».

Л а н г о в о й, секретарь ячейки Гидроэлектростроя.

Ж у к о в, предзавкома Московского тракторного завода.

Ф о р м о в щ и к, старик рабочий из литейного цеха того же за-
вода.

Л и т е й щ и к и, рабочие оттуда же.

М о д е л ь щ и ц а, работница оттуда же.

Г р и г о р и й, крестьянин из соседней с «Авангардом» местности,
работник мельника.

К о м м у н а р ы «Авангарда», мужики, монахи, комсо-
мольцы, толпа, рабочие, дети.

Действие происходит в течение одного года — от осени до осени —
в сельскохозяйственной коммуне «Авангард», на Гидроэлектрострое,
на выселках, в литейном цехе, на станции, в поле и на съезде
Советов.

Посвящается Вс. Мейерхольду

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА I

Центральный съезд Советов. Карта пятилетки.

О р а т о р. Товарищи! Нет никакой возможности даже и в таком длинном докладе с достаточной полнотой исчерпать темы нашей пятилетки. Как ни несовершенно изложение мною пятилетнего плана, думаю, что я все же показал вам, что такой политический план, о котором говорил Владимир Ильич и который действительно может мобилизовать около себя миллионы, вы теперь имеете в своих руках. Прошу осветить карту. Дайте электростроительство. Дайте топливо... Транспорт... Металл... Текстиль... Химию... Дайте всю строительную программу пятилетки...

Бурные аплодисменты. «Интернационал».

Прошу осветить на карте станции, как существующие, так и те, которые уже находятся в постройке. Вспомните про Волховстрой, товарищи! Вспомните, сколько клеветы сыпалось по адресу этой станции! А что оказывается теперь? Взгляните сюда. Это Ленинград. Вы видите возле Ленинграда голубой свет. Это Волховстрой. Он работает. Он несет на своих плечах половину нагрузки Ленинграда. Вы видите, далеко на юге осветилась голубым светом Земо-Авчальская электростанция. Но для того, чтобы можно было очертить всю работу в области электростроительства, я попрошу включить все станции, намеченные к постройке в это пятилетие.

Карта освещается. Бурные аплодисменты. «Интернационал».

Здесь, на этой реке, вы видите, пылает ярким голубым заревом будущий мировой гигант — Гидроэлектрострой. Вы видите, сколько огней! Это целый костер. Мощный комбинат. Металлургия. Чугун. Дорогие сорта стали. Элект-

рическая выплавка ферромарганца. Алюминий. Азотистые удобрения. Фосфор. Все в одном месте, в одном кулаке. Особенно глубокие перемены вызовет Гидроэлектрострой в жизни деревень, прилегающих к порожиному участку. Недостаточное количество осадков вместе с подпочвенным гранитом ставит население всегда перед угрозой засухи. Поэтому население ютится около самой реки, оставляя совсем без обработки сухие возвышенности. Искусственное орошение полей не окупается вследствие дороговизны оросительных приспособлений. Подъем воды в реке вместе с дешевой оросительных приспособлений значительно облегчит населению борьбу с засухой и тем улучшит его положение. Правда, при возведении плотины разливом реки будет затоплено значительное количество гектаров обработанной земли и несколько населенных пунктов, но зато...

Первый голос. Стой!

Оратор. Но зато...

Первый голос. Стой!

Оратор. Но зато...

Первый голос. Я сам делегат оттуда. Я из Нижней Ивановки. Это что же... значит, и нашу Нижнюю Ивановку тоже затопит?

Оратор. Нижнюю Ивановку? Да, затопит...

Первый голос. Стой! И хату мою затопит? И все хозяйство мое затопит?.. Товарищи! Граждане!..

Оратор. Государство отпустило специальные денежные средства, а также строительные материалы для переселения крестьян на новые места. Так что я думаю...

Первый голос. При чем средства? При чем строительные материалы?

Оратор. Я думаю...

Первый голос. Куда народ денется? Куда пойдет? Народ привык к месту! К порядку своему привык! К могилам своим привык!

Второй голос. Тебя мертвецы за ноги держат!..

Оратор. Товарищи!

Первый голос. Куда люди пойдут? Некуда людям идти! Товарищи! Беда...

Шум.

Председатель. Призываю вас к порядку. Попрошу с мест не кричать.

Первый голос. Как это не кричать, когда жизнь заливают?!

Г о л о с а. А ты ныряй скорее — до коммуны доплы-
вешь. У вас там коммуна есть рядом — «Авангард».

— Правильно!

— Зачем же заливать?

— А пусть заливают. Туда и дорога!

— Пора жизнь менять...

— Рано жизнь ломать!

— Самое время!

— Вот у нас в ЦЧО...

О р а т о р. То-ва-ри-щи!..

Первый г о л о с. Заливают Нижнюю Ивановку!
Заливают! Главное — хату мою!

Шум, смех, звонки председателя.

СЦЕНА II

«Авангард». Колокольня.

К о м м у н а р ы. Лаврик!

— Лавруха!

— Эгей!

Л а в р и к (*появляясь в верхнем пролете колокольни*).
Ну, что за паника?

С а м о х и н. Ты чего на колокольне целый день си-
дишь? Думаешь выше всех людей стать?

Л а в р и к. Это не колокольня. Это башня. Это башня
коммуны. В каждой коммуне должна быть башня.

П а с т у х. Зачем башня?

Л а в р и к. Башня необходима. Она над окрестно-
стями возвышается. На башне удобно радио поставить.
Ветряной электрический двигатель можно сконструиро-
вать. Всю коммуну задаром осветить. Мало ли что!

К у з н е ц. Это верно.

Л а в р и к. С башни далеко видно. Человек ходит
внизу, а что он вокруг себя видит? Ровным счетом ничего.
Не дальше своего носа. А я с башни на тридцать верст
вперед смотрю.

П а с т у х. Твое дело — сапоги тачать, а не вдаль
смотреть. Для чего тебе это?

Л а в р и к. Жить легче. Большой простор глазам от-
крывается.

С а м о х и н. Это его Майоров научил. Не иначе.

Л а в р и к. Кто бы ни научил! Хоть и Майоров. Гля-
ди, я себе специальную наблюдательную трубу сделал.
Два месяца работал.

П а с т у х. Чудак человек! Что ж ты в свою трубу видишь?

Л а в р и к. Все вижу... Обоз едет. Лес везут. Мужики на гору переселяются.

К у з н е ц. Так и переселяются? А я думал — разговоры одни.

Л а в р и к. Барахло таскают. Майоров по дороге на двухколке едет... Остановился. Мужики тоже остановились. Стоят все кучей. Майоров руками машет.

С а м о х и н. Опять с мужиками митингует.

П а с т у х. И реку видать?

Л а в р и к. Видать.

К у з н е ц. И строительство видать?

Л а в р и к. Видать. Рабочие, как муравьи, шевелятся. Видимо-невидимо. Землю возят. Над корпусами дым стоит: породу рвут. Камни вверх летят. Что ни взрыв — будто дерево черное на берегу вырастает. Сначала дерево вырастает, а уже потом бахает... Слышите? Бах!

П а с т у х. А сильно река поднялась?

Л а в р и к. Ух ты! Как море стала!

П а с т у х. Пожалуй, и вправду деревню начнет заливать.

Л а в р и к. Начнет заливать! Нижнюю Ивановку знаешь? Приказала долго жить твоя Нижняя Ивановка. Вот она! Одни кресты на погосте поверх воды стоят. А живые давно все выселились.

С а м о х и н. Ну, коли так, гони обувь. Обувь готова?

Л а в р и к. Обувь готова. Становись, коммунары, в очередь!

К у з н е ц. Кидай!

Л а в р и к. Зачем «кидай»? Мое сапожное предприятие целиком и полностью механизировано. Видал конвейер?

С колокольни спускается маленький дощатый лифтик, на котором стоят сапоги.

П а с т у х. Ах, чтоб тебя! Какую машинку присобачил!

Л а в р и к. За полторы недели сконструировал.

К у з н е ц. Знатно щиблеты обсоюзил! Большое тебе спасибо!

Л а в р и к. Не за что. Это я всегда готов. А тебе что, пастух? Латку, что ли, поставить? Клади сюда свои дредоуты. Моя машинка и вверх умеет. Видал?

Лифтик поднимается вверх.

С а м о х и н. Здорово! Да ты, парень, может, и вправду великий изобретатель. А мы тебя заставляем сапоги тачать.

Л а в р и к. Это что! Это пустяки. Вот я себе нынче снизу вверх звонок электрический провел... Вывеску внизу читали?

К у з н е ц (*читает*). «Механизированная сапожная мастерская при сельскохозяйственной коммуне «Авангард». Прошу звонить в электрический звонок».

П а с т у х. Скажи пожалуйста! Это зачем же звонок?

Л а в р и к. Чтоб не орали внизу на всю коммуну: «Лаврик! Лаврик!» Чтоб общественную тишину криком не нарушали. Кому надо меня видеть, подходи и тихонько звони — и никому никакого беспокойства.

П а с т у х. Скажи пожалуйста!

Л а в р и к. Ты только кнопку — и сразу будет электрический звонок. Тут, брат, целая техника! Я его, понимаешь ты, полтора месяца налаживал. Наконец сегодня окончательно сконструировал. Еще сам не пробовал.

П а с т у х. Эту, что ли, кнопку нажимать?

Л а в р и к. Эту самую. Только ты ее не особенно дави, а то сломаешь.

П а с т у х. А электричество... в руку... не ударит?

Л а в р и к. Не ударит. Электричества тут, понимаешь ты, самая малость. Тут больше пружины действуют и гири. Вроде часов. Не бойся, жми легонечко.

Пастух осторожно нажимает кнопку.

П а с т у х. Ну?

Л а в р и к. Не звонит?

П а с т у х. У нас внизу не звонит. Может, у тебя наверху звонит?

Л а в р и к. Нет, наверху не звонит.

П а с т у х. У нас тоже не звонит.

Л а в р и к. Ты, наверное, слабо жмешь. Посильней надави. Ну? Ты, главное, руку не отпускай. Жми. Нажимай, не стесняйся.

П а с т у х. Я жму.

Л а в р и к. Жми крепче. Ну?

П а с т у х. У нас не звонит. А у тебя?

Л а в р и к. Также не звонит. Ты изо всех сил жми.

П а с т у х. Да я изо всех сил жму.

Л а в р и к. Ну?

П а с т у х. Ничего не получается.

Л а в р и к. А еще покрепче не можешь? Эх ты! Слабосильный пастух! Дай кузнецу. Пусть кузнец жмет... Ну?

Кузнец нажимает кнопку.

К у з н е ц. У нас не звонит.

Л а в р и к. Ты, главное, руку не отпускай. Ты изо всех сил жми.

К у з н е ц. Я жму. Скоро колокольню твою, кажется, порушу. Запарился. Жми не жми — все равно ничего не выжмешь. Не звонит.

С а м о х и н. Горе-изобретатель!

Л а в р и к. Довольно странно! Никак не пойму. Все по правилам сделал, а не звонит. То ли пружины друг за дружку зацепились, то ли вы, черти, нажимать не умеете. Погодите! Я сейчас спущусь. *(Скрывается.)*

С а м о х и н. Осечка вышла.

П а с т у х. Понадеялся на себя.

Лаврик появляется внизу.

Л а в р и к. Что ты скажешь! Не звонит. Заело. Вот проклятая! *(Бьет по кнопке кирпичом.)* Ах ты, сволочь! Ах ты, сволочь! Ах ты, сволочь! Звони! Звони! Звони!

Внезапно большой колокол на колокольне начинает быстро и громко звонить. Все шарахаются.

Зазвонил-таки, стерва!

С а м о х и н. Ну тебя в болото! Перестань звонить!

В коммуне начинается паника.

Останови его к черту! Перестань нажимать!

Лаврик перестает нажимать, но колокол не унимается.

Л а в р и к. Ах ты, сволочь! Перестань! Ах ты, сволочь! Перестань! Погодите, я сейчас наверх сбегаю!

Выбегают коммунары.

П а н и б р а т ц е в. Что такое? Ой, боже! Где мои бумаги? Пропали бумаги!

Т а т ь я н а И в а н о в н а. Где огонь?

К о м м у н а р к а. Что? Коровник горит? Товарищи, коровник горит!

К у з н е ц. Да нет, ничего не горит! Это Лаврик электрический звонок пробует.

Лаврик появляется сверху.

Л а в р и к. Вот стерва! Никак его не остановишь. Сильно тяжелый. Размахался!

Звон прекращается.

Надо поменьше звоночек, да где его взять?! Пришлось побольше присобачить... Сеанс окончен. Шикарные пружины! Насилу одолел.

Вбегает к о н ю х.

К о н ю х. Эге-е! Эге-ге-ге! Пораспугал мне всех лошадей своим звоном. А конь товарища Чорбы, тот совсем с ума сошел, порвал уздечку и подался галопом прямо через забор в степь. Где мне его теперь ловить?! Ищи теперь ветра в поле.

Л а в р и к. Вон он. Я его вижу. Вон он. Прямо через огород скачет. Хвост — как у черта. Задними ногами бьет. Из ноздрей дым.

К о н ю х. Эге-е-ге! Э-ге-го-го! *(Убегает.)*

П а н и б р а т ц е в. Эх, Лаврик! Беспокойный ты человек, Лаврик!

СЦЕНА III

«Авангард». Пасека. Закат. У р у с о в учит детей петь.
Входит П о л и н а.

П о л и н а. Все поете?

У р у с о в. А! Здравствуй, дочка! Садись с нами! Подтягивай. Ну, дети, в последний раз!

Дети поют.

Молодцы, ребята! На сегодня будет. Берите по яблоку и валяйте на все четыре стороны. Вы мне надоели.

Дети убегают.

П о л и н а. Я принесла тебе молока.

У р у с о в. Прекрасный напиток! Я живу, как аркадский пастух: хлеб, молоко, мед, плоды. Пища героев и пастухов. Честное слово, я превратился в какого-то античного грека! Я учу девушек и юношей пению. Я... Но что с тобой? У тебя красные глаза.

П о л и н а. Нет, ничего.

У р у с о в. На старости лет я стал совершенно неприлично болтлив. Это скверный признак. Как видно, скоро придется мне всерьез и надолго принять горизонтальное положение. Я утомил тебя. Прости меня, голубушка!

П о л и н а. Нет, нет! Пожалуйста, говори. Я очень люблю тебя слушать. Говори.

У р у с о в. Да. О чем я?.. Чудесная вещь молоко! Млечный Путь! Чудеса! Ведь, в сущности говоря, если хорошенько вдуматься, я пережил чудовищную жизнь. Просто не понимаю: как я мог ее пережить? Диву даюсь! Двадцать два года одиночного заключения — это, голубушка моя, не шутки! Если б не звезды, я, наверное, сто раз сошел бы с ума или повесился.

П о л и н а. Звезды?

У р у с о в. Правда, я их почти никогда не видел: окно было слишком высоко. Оно упиралось в стену. На валу равелина росла трава. Но у меня были книги. Мне разрешили высшую математику, космографию. Я изучал звезды по книгам. Я знал карту звездного неба, как свою ладонь. В воображении своем я видел его до последней пылинки. Двадцать два года я жил воображением. Революция дала мне жизнь. Прекрасную, новую жизнь! Жизнь, о которой самые смелые из нас могли только мечтать. Ведь это, голубушка, сон! Я стерегу общественный сад. Я воспитываю пчел и собираю для коммуны мед. По утрам я пишу историю Великой русской революции, которая свершилась. Я, как пастух, ночую в шалаше на овчине и сквозь сухие ветви крыши вижу черное небо, полное свежих осенних звезд. Те самые воображаемые звезды, то самое воображаемое небо... Но живые созвездия висят надо мною, как виноград: Орион, Кассиопея, Большая Медведица, туманность Андромеды.

П о л и н а. Послушай, отец! Скажи мне: тогда, в равелине... и раньше... вы все — самые смелые из вас — вы всегда верили?

У р у с о в. Верили? Да. Нет. Это не то слово — верили. Мы не верили — мы были уверены. Мы не верили — мы знали. Иначе нам нечем было бы жить. В воображении своем мы видели все.

П о л и н а. Да, да. Значит, верили. Вы — верили.

У р у с о в. Я не люблю этого слова. Но если тебе очень этого хочется — верили. Мы часто говорили: коммуна. Это понятие было для нас хотя и совершенно точное, научное, но воображаемое: коммуна.

П о л и н а. Коммуна...

У р у с о в. Теперь оно осязаемо. Оно вещественно. И в этом величайшее чудо. Слышишь, как оно звучит? Просто: коммуна. Сельскохозяйственная коммуна. Я беру в руку яблоко и говорю: вот одно из тысяч яблок. Я

вырастил это яблоко в этом общественном саду. Оно принадлежит коммуне. Тебе, мне, мужу твоему Чорбе, Майорову, Лаврику, Самохину, детям, старикам — всем нам вместе. Пятьдесят коммунаров владеют яблоками, садом, землей. Яблоком владеет коммуна. И это — моя семья. Революция дала мне семью.

П о л и н а. Пятьдесят коммунаров... Большая патриархальная семья. Я, ты, мой муж Чорба, Майоров, старики, дети...

У р у с о в. Я пережил чудовищную жизнь. Но посмотри — закат мой тих и прекрасен... Голубушка, что с тобой?

П о л и н а. Сегодня пятьдесят... Вчера пятьдесят... Завтра пятьдесят...

У р у с о в. У тебя на глазах слезы...

П о л и н а. У меня нет на глазах слез. Мы остановились на полдороге.

У р у с о в. Голубушка моя! Я понимаю... Но нельзя все сразу. Нужно много труда. Много терпенья.

П о л и н а. «Терпенье и труд все перетрут», «Над нами не каплет», «Всякому овощу свое время». Я уже слышала это. Мне скучно. Я не могу забыть. В гривы наших коней были вкручены красные ленты. Ветер свистел в обледенелых степях. Мне было двадцать пять лет, Чорбе — тридцать. Мир переделать мечтали мы.

Звон колокола.

Что это такое? Слышишь? Колокол? Что случилось? Что б это было?

У р у с о в. Пустяки! Это, наверное, дети взобрались на колокольню.

Пауза.

П о л и н а. Отец! Мне нечем жить.

СЦЕНА IV

«Авангард». У коиторы. Коммунары, мельник, мужики.

Первый коммунар. Чорба — наш. На земле — как в бою. Что командир эскадрона, что председатель коммуны — всюду среди партизан первый.

Второй коммунар. Геройский человек!

Входят Чорба и Панибратцев с коиторской книгой.

Ч о р б а. Сильные корма выдавать точно по весу, а не на глаз. Пиши весовщику замечание: тара для яблок до сих пор не получена со станции, завтра с утра нарядить четыре подводы... Здравствуй, мельник!

М е л ь н и к. Здравия желаю, товарищ Чорба!

Ч о р б а. Косилка валяется посреди двора. По ней куры бегают. Это уже совсем ни к черту! Убрать в сарай. Что еще? Да. Сядь-ка ты, друг Панибратцев, сегодня вечером и подбей мне на скорую руку сальдо по август включительно. Чтоб утречком все было готово. Постарайся. И все контракты подбери: с Молокосоюзом, с Зернотрестом, с Вукопспилкой.

П а н и б р а т ц е в. Товарищ председатель! Честное слово! Я ж не машина... Я интеллигентный пролетарий умственного труда. У меня и так работы выше головы. Ой, где моя шапка? Нет шапки. Я в шапке был или без шапки?

Ч о р б а. Без шапки.

П а н и б р а т ц е в. Тьфу! Совсем заморочило голову. Сплошь цифры в глазах. Замотался...

Ч о р б а. Ничего! Все замотались... Постарайся, бухгалтер! Зима будет — зимой отдохнем. Ты на меня не смотри. Я тоже устал. Я, может быть, больше всех устал... Будь другом!

П а н и б р а т ц е в. Эх!..

М е л ь н и к. Сразу видать хозяина настоящего.

Ч о р б а (*мужику*). Ты ко мне?

М у ж и к. К вам, товарищ председатель. Мы еще в марте сюда приходили. Нас тут четверо. Из Нижней Ивановки... которую водой заливают.

Ч о р б а. Чего же вы хотите?

М у ж и к. В коммуну к вам хотим. Все равно выселиться надо.

Ч о р б а. Вот как! Досидели до последнего, а теперь решили в коммуну, на все готовое? Ловко! Что же вы раньше думали?

М у ж и к. Вы осенью велели приходить.

Ч о р б а. Нет, друг! Какая от вас зимой польза коммуне! Лишние едоки.

М е л ь н и к. Верно!

М у ж и к. Значит, как же будет?

Ч о р б а. Ничего не выходит, друг! Мы сами насилу концы с концами сводим... Так и скажи...

М у ж и к. Так!..

Мужики уходят.

Ч о р б а. Ходят и ходят. Каждый день по три, по четыре человека. Вся голытьба перебивалась. Кто их там навинчивает, хочу я знать?... За каким делом явился, мельник?..

М е л ь н и к. Все за тем же. Насчет локомотива. Как вы решаете?

Ч о р б а. Что ж! Постольку-поскольку. Мы тебе готовы навстречу...

М е л ь н и к. Живем по-соседски, ничего нельзя сказать. Так по рукам?

Ч о р б а. Ступай в контору. Панибратцев оформит... Друг Панибратцев, оформи.

П а н и б р а т ц е в. Товарищ Чорба! Я ж не железный. У меня цифры стоят в глазах. Стой! Я в пиджаке был или без пиджака?

М е л ь н и к. Без пиджака.

П а н и б р а т ц е в. Скоро я без штанов буду выходить — и не замечу.

Ч о р б а. Постарайся для коммуны. Дело выгодное. Будь другом.

П а н и б р а т ц е в. Эх!..

Мельник и Панибратцев уходят. Вбегает конюх.

Ч о р б а. Поймал коня?

К о н ю х. Пиши крест, Чорба! Твой конь со всего га-лопа налетел на столб и сломал хребет.

Ч о р б а. Где он?

К о н ю х. Под тем столбом. Посреди двора. Вьется, как червяк, землю зубом хватает. Смотреть больно.

Ч о р б а. Стой! Будет жив или нет?

К о н ю х. Слишком старый. Крест!

Ч о р б а. Погубили коня.

К о н ю х. Слышишь, кричит... Сердце переворачивается. Ты его хозяин, бери наган.

Ч о р б а. Погубили боевого товарища, гады! (*Уходит.*)

К о н ю х. Слушать невозможно. Как человек!

Входит М а й о р о в.

М а й о р о в. Чорба тут?

Ч о р б а выходит, бледный, с наганом в руке, прямо на Майорова, ничего перед собой не видя.

М а й о р о в. Ты что?

Ч о р б а. Отойди!

М а й о р о в. У меня с тобой разговор.

К о н ю х. Не тронь председателя, Майоров! В нем теперь душа остановилась: его конь хребет сломал. Он к коню идет.

Ч о р б а. Майоров! Видишь, друг? Был у меня конь. Носил он меня по фронтам. Пули чужие его не брали. Отойди!.. Нет, не могу... Рука не подымается... Майоров, будь другом!..

М а й о р о в. Давай! Где?

Ч о р б а. Посреди двора. У столба. Стой! Я сам. Своей рукой хочу. Нет. Не могу... Бери... Подожди, стреляй в ухо... Да не стой передо мной, Майоров, как столб! Иди!

П о л и н а (*входит, натываясь на идущего с наганом Майорова*). Ах!..

М а й о р о в. Чего испугалась? Самовзвода не видела? Ничего страшного! (*Уходит.*)

П о л и н а. Куда он пошел? Коня?.. А ты сам, Чорба?.. Не смог? Пожалел? Добрый хозяин!

Ч о р б а. Во рту сухо. Дай мне, жена, напиток.

П о л и н а. Постарел ты, Чорба.

Ч о р б а. Все мы постарели. Думаешь, Майоров молод?

П о л и н а (*живо*). Что?

Входит мельник.

М е л ь н и к. Оформили. Когда за локобилем присылать?

Ч о р б а. Пришлешь.

М е л ь н и к. Прощай, председатель.

Ч о р б а. Прощай!

Мельник уходит.

П о л и н а. Что за дела у тебя с мельником?

Ч о р б а. Мы ему для мельницы локобилль даем... Долго Майоров возится... У нас он все равно без дела стоит. Гарнцы пополам... Кричал, теперь перестал... Для коммуны прямая выгода...

П о л и н а. Для коммуны выгода.

За сценой выстрел.

Ч о р б а. Нет коня... Какой конь был!

П о л и н а. Не поминай прошлого, Чорба.

Входит Майоров.

М а й о р о в. Получай! (*Протягивает Чорбе наган.*)

Ч о р б а. Не показывай мне его... Я его видеть не могу. Куда-нибудь отнеси.

М а й о р о в. Старый партизан! Жены постыдись! Бери!

Ч о р б а. Уйди, Майоров! *(Берет наган.)*

М а й о р о в. Коню все равно издыхать было. Я его от муки избавил.

Ч о р б а. «Все равно»! Не хозяин ты. Сразу видать — не хозяин. У хозяина настоящего никогда на коня своего рука не поднимется.

М а й о р о в. Не знаю. Хозяйством не занимался. В конной не служил. На Путиловском — станок. На деникинском — броневи́к.

Ч о р б а. Уйди, Майоров!

М а й о р о в. Нет, у меня с тобой разговор.

Ч о р б а. Мне тебя видеть трудно, Майоров. Потом.

М а й о р о в. Нет, сейчас. И так тянем. До каких пор ждать? Деревни одна за другой в реку уходят. Мужики выселяются. Жизнь меняют.

Ч о р б а. Известно.

М а й о р о в. А мы спим?

Ч о р б а. А нам что делать?

М а й о р о в. Не спать. Теперь как раз всю бедноту вокруг можно к нам втащить. Мужика только с места трудно двинуть. А раз он сам двинулся, тут ты его и хватай, организуй, крой.

Ч о р б а. Мужик не сам двинулся. В том и дело. Его река двинула.

П о л и н а. А реку кто двинул?

М а й о р о в. А реку кто двинул? Не мы? Не наша воля? Категорически: у нас что — монастырь или коммуна? Если монастырь, так снимай вывеску «Авангард», надевай обратно на колокольню крест и закрывай лавочку. А если коммуна, так отпирай пошире ворота, принимай бедноту.

П о л и н а. Если коммуна?..

М а й о р о в. Триста человек придет — триста принимай. Пятьсот придет — пятьсот. Тысяча — тысячу. Чем больше земли, тем лучше. А то сидят пятьдесят человек и ковыряют сто гектаров. И это называется — сельскохозяйственная коммуна. Хутор, а не коммуна. Срам! Возьми Америку. Там есть один человек — Кембелл. У него одного хозяйство — шестьдесят тысяч гектаров. А нас — коммуна!

Ч о р б а. Где Америка, а где мы! Ты говоришь — ты-

сячу человек... А я тебе говорю — пусти сто человек. Попробуй! Они всю нашу коммуны за неделю сожрут. Табуном вытопчут. Зернышка не оставят. Гладкое место будет. Тысячу человек пустить — значит опять все сначала начинать. Пять лет каторжной работы...

М а й о р о в. Хоть десять.

Ч о р б а. А жить когда? Стал я сегодня подбородок скоблить, вытираю бритву об листочек и на мыле волос не вижу — сивые. Нет, Майоров! «Доки сонце зийде, роса очи выисть». Верно, Поля? Или ты с Майоровым согласна?

Полина молчит.

М а й о р о в. Так! Это твое последнее слово?

Ч о р б а. Ничего, друг, из этого не получится.

М а й о р о в. Ладно! Так имей в виду, председатель: я сам к мужикам пойду. Груды не пожалею, а бедноту подыму. Всю бедноту, до последнего человека. Мы придем к тебе, Чорба, тысяча человек темноты, и посмотрим, как ты нас непустишь.

Ч о р б а. Эй, Майоров! Ты людей не знаешь. Коммуну погубишь и себя погубишь.

М а й о р о в. Посмотрим, как ты нас непустишь.

Ч о р б а. Не трогай жизни моей, Майоров! Не прикасайся! Не дам погубить коммуны. Я ее на плечах своих подымал. До последнего буду бороться. За горло схвачу. Подумай, Майоров.

М а й о р о в. Посмотрим, как ты нас непустишь...
(Уходит.)

П о л и н а. Майоров!..

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА I

Выселки. Н а р о д.

П е р в ы й. Куда народ побежал?

В т о р о й. Из «Авангарда» один приехал. Митингует. Мужиков в коммуны записывает. Три деревни поднял.

П е р в ы й. Пойду посмотрю.

М о н а х. Подайте, православные, на построение нового храма, вместо водой залитого! Не допустите, христиане, без храма божьего остаться! Жертвуйте, кто сколько может!

Третий. Бог подаст.

Первая баба. Церкви господней не пощадили!..
На тебе, отец, двугривенный.

Четвертый. Беги, старуха, скорей в коммуны записываться, а то все места расхватывают!

Первая баба. Тьфу! Тьфу! Тьфу!

Вторая баба. А еще недавно такой случай был. В одной деревне целое хозяйство всей семьей в коммуны перешло. А у них в Москве сын комсомолец. Как он узнал, что все в коммуны записались, — не выдержал... и повесился. Вот тебе святой, истинный факт!

Первый. Сто пятьдесят человек записалось...

Пятый. Записывайся не записывайся — все равно Чорба не пустит.

Второй. Кто это не пустит? Если все общество постановит, пустит.

Пятый. Держи карман!

Молодой. Где тут в коммуны записывают?

Молодая. Нас двенадцать человек комсомольцев.

Шестой. Это каких в коммуны принимают: которые со всем хозяйством идут или земля и скот отдельно?

Молодой. Таких, как ты, вовсе не берут. У тебя в сундуке своя коммуна.

Второй. Идут! Сюда идут!

Монах. Подайте, православные, на построение нового храма! Жертвуйте, христиане, кто сколько может!

Первый. Триста человек записалось.

Седьмой. Золотые горы сулят!.. Золотые горы!..

Вторая баба. Задавили! Пустите! Ничего не видеть.

Восьмой. Четыреста человек записалось.

Первый. Тише! Тише!

Майоров (*над толпой, хрипло*). Товарищи!

Крики.

СЦЕНА II

Часть «Авангарда». Соня, Лаврик на дереве. Вбегает Самохин.

Самохин. Чорба здесь?

Соня. На что тебе Чорба?

Самохин. Ах, такую кашу Майоров ваш заварил!
(*Уходит.*)

Входит Панибратцев.

П а н и б р а т ц е в (*натывает на проволоку, падает*). Какой это дурак проволоку через дорогу протянул?

Л а в р и к. Это я. Радио заземляю. Проводку мне не порви! Осторожно!

П а н и б р а т ц е в. Ну, Лаврик! Ты смотри! До чего беспокойный ты человек, Лаврик! Ужас!

С о н я. Лаврик, ты вредный член общества.

Л а в р и к. От таковой слышу.

П а н и б р а т ц е в. Где счеты? Пропали счеты. У меня в руках были счеты?

С о н я. Вот они.

П а н и б р а т ц е в. Спасибо, целые! Я ж не машина! У меня цифры перед глазами. Честное слово, Лаврик, я на тебя в совет коммуны жаловаться буду! (*Уходит.*)

С о н я. Ты зачем бухгалтера заземлил, изобретатель?

Л а в р и к. А ты зачем расфуфырилась, практикантка?

Входит **П о л и н а**.

П о л и н а. Майоров!

Л а в р и к. Я за него.

П о л и н а. Лаврик! Смотри, вырос. Издали — совсем Майоров.

Л а в р и к. Майорова нет в коммуне. Он с утра на выселки уехал.

П о л и н а. Сонька! Нарядилась! Смотри, какая красавица!

Л а в р и к. Что с тобой сегодня, тетка, сделалось? Все у тебя сегодня красавицы, все у тебя сегодня выросли.

П о л и н а. Ветер такой подул. Ветерок. Крепкий! Завидно на вас, чертей, смотреть. Вот ты, Лаврик, все изобретаешь разную ерунду, а ты бы изобрел что-нибудь такое, чтобы человек всегда молодым оставался.

Л а в р и к. Матерьялу нет... Тебя Чорба искал.

П о л и н а. Хорошо. Так, говоришь, матерьялу нету? (*Уходит.*)

С о н я. А я уезжаю.

Л а в р и к. Скатертью дорожка!

С о н я. У нас в институте занятия начинаются. В Институте народного хозяйства... Лаврик, ну! Я прощаться пришла. Я вечером уезжаю. Сегодня.

Л а в р и к. Ты что, шутишь?

С о н я. Пока до станции дотопаешь. Поезд идет в три часа ночи. Завтра днем Харьков. А послезавтра раненько

утречком Москва! И-и! Наверное, уже все ребята съехалисьсь. Ой, Лаврик!

Л а в р и к. А я здесь при чем? Едешь — и поезжай. Очень сильно ты нам тут нужна! Подумаешь, практикантка! Приехала, два месяца поболталась — и до свиданья. Так господа летом на дачу ездили.

С о н я. Я не зря болталась. Я картошку копала. Смотри, руки в мозолях!

Л а в р и к. Не видала ты настоящих мозолей.

С о н я. Я коров доила. Я четыре раза трактором правила. Спроси Самохина. Я мешки грузила. Мне и в Москву хочется, и уезжать отсюда не хочется, Лаврик.

Л а в р и к. Хочется, не хочется... Проклятуший бухгалтер! Под ноги не смотрит. Ко всем свиньям проводку запутал. Подержи конец.

С о н я. Я все-таки поеду, Лаврик.

Л а в р и к. Летом обратно приедешь на практику?.. Не распутывается. Заело.

С о н я. Не грызи проволоку зубами — зубы сломаешь. Ты легонечко. Дай я. Вряд ли летом приеду. Меня, наверное, в другое место пошлют. Может быть, в «Гигант» пошлют. В «Авангарде» хозяйство чересчур маленькое. Сто гектаров — это что же! Пустяки! Учиться нечему.

Л а в р и к. Это еще неизвестно. Мы будем расширяться. У нас, может, к весне две тысячи гектаров будет. Майоров работает. Тогда приедешь?

С о н я. Не знаю.

Л а в р и к. Забудешь в Москве?

С о н я. Не знаю.

Л а в р и к. Ты, главное, не забывай, Соня. Пиши. Нет, ты не пиши. Ты вот что, Соня. Я тут радио налажу. А ты там, в Москве, пойди как-нибудь на радиостанцию и скажи: «Лаврик!» Я всю зиму слушать буду. Одно только слово скажи, чтоб другую передачу не задерживать. А я тебя сразу по голосу признаю.

С о н я. Вот балда! Там вход посторонним лицам воспрещается.

Л а в р и к. А ты попроси. Хорошенько попроси. Скажи, что ты не посторонняя, что ты, мол, наша практикантка. Тебя пустят. Ей-богу, пустят! А я тут сразу соображу, что, значит, не забыла.

С о н я. Лаврик!

Соня и Лаврик целуются. Осторожно, на цыпочках, пробирается
П а н и б р а т ц е в.

«Авангард». Терраса перед клубом. Чорба и Полина.

Чорба. Ты, как девчонка, бегаешь от меня по всей коммуне.

Полина. Сегодня праздник.

Чорба. Ты второй день не ночуешь дома.

Полина. Дома? Разве коммуна перестала быть нашим домом?

Чорба. Ты знаешь, о чем я говорю.

Полина. Я знаю. Скоро дети будут зажигать бумажные фонари.

Чорба. Стой, не уходи. Еще солнце высоко. Я не могу спать, когда тебя нет около. Где ты ночевала?

Полина. Я дежурила в коровнике.

Чорба. Я заходил ночью в коровник.

Полина. Да, правда. На полчаса я забежала в инкубаторий записать температуру.

Чорба. Я был в инкубатории.

Полина. Мы, наверное, шли по разным дорогам и разминулись.

Чорба. Я шел через мост.

Полина. Я — мимо кузни.

Чорба. Ты шла мимо кузни?

Полина. Да, я шла мимо кузни.

Чорба. Я тоже шел мимо кузни.

Полина. Как ты смеешь меня допрашивать! Если хочешь знать, я всю ночь до солнца ходила в степи.

Чорба. Мы с тобой живем десять лет. Раньше ты никогда не ходила по ночам в степи. На Майорова начала много смотреть.

Полина. Я никогда не смотрю на него.

Чорба. Ты на него никогда не смотришь? Почему же это? На всех ты смотришь, а на него одного не смотришь?

Полина. Сейчас будут зажигать фонари.

Входит Самохин.

Самохин. Майоров опять сегодня с утра к мужикам поехал.

Чорба. Ты хотела идти. Сейчас будут зажигать фонари. Что же ты не идешь?

Полина. Еще солнце не село.

Чорба. Солнце садится.

П о л п н а. Еще совсем светло.

С а м о х и н. Слышишь, председатель, что я тебе говорю? Майоров опять к мужикам поехал. Люди с выселков приходили.

Ч о р б а. Что они говорят?

С а м о х и н. В «Авангард» народ записывает. Шесть сельсоветов на ноги поднял. На выселках что делается! Настоящий бой! Восстание! Он их сюда вести хочет. Всю голытьбу.

Ч о р б а. Пока я еще в «Авангарде» хозяин, а не Майоров. Коня! Седлай, Самохин, коней!

Входит коммуна р.

К о м м у н а р. Народ идет.

Входит М а й о р о в.

М а й о р о в. Я тебе пятьсот четырнадцать новых коммунаров в «Авангард» привел. Принимай делегатов.

Входит т о л п а.

Ч о р б а. Много взял на себя, Майоров! Кем ты уполномочен новых людей в «Авангард» записывать?

М а й о р о в. А ты кем уполномочен новых коммунаров не принимать?

Ч о р б а. Отказать!

Г о л о с а. Сердитый какой! Верно говорят — игумен, настоятель.

Ч о р б а. Давай сюда список! К чертовой матери!

М а й о р о в. Не хватай бумагу! Не трогай! Тут каждый человек кровью моей записан.

Г о л о с а. Зря шли.

— Зря Майорова послушались.

— Поворачивай обратно!

М а й о р о в. Стой! Не расходись! У нас в коммуне царей нет.

Ч о р б а. Я советом уполномочен.

Г о л о с а. Он советом уполномочен!

М а й о р о в. Открывай совет. Мы оба члены партии. Ставлю на фракцию.

Ч о р б а. Сегодня праздник. Завтра.

М а й о р о в. Люди ждут, Никаких праздников, Сейчас.

Г о л о с а. Пусть совет решит!

— Открывай совет!

— Совет!

— Фракция!

Чорба. Ты меня перед фактом ставишь? Хорошо! Фракция налицо?

Голоса. Все налицо!

Майоров. Открывай, председатель! Время! Товарищи, не расходитесь.

Уходят. В освещенном открытом окне клуба мечутся тени. Голоса: «Товарищи! К порядку!», «Много берешь на себя, Чорба!», «Ты контрреволюционер!», «Тише!», «Не затыкай мне рот!», «Тебе заткнешь!» Окно захлопывается. Тишина.

СЦЕНА IV

Клуб «Авангарда». **Чорба**, **Майоров**, **Самохин**, **кузнец**, **Полина** и другие.

Чорба. Беру слово.

Майоров. У кого ты берешь слово? У самого себя? Ты мне рот не затыкай!

Чорба. Меня не перекричишь. Я тоже кричать умею. Кузнец, председательствуй! Дай слово!

Майоров. Слово!

Кузнец. Не все сразу. Чорба! Имеешь слово.

Чорба. Мое слово короткое. Панибратцев, давай сюда бумаги. Вот мое слово! Смотри, у кого глаза хорошо видят. А кто близорукий, пусть очки наденет. Контракты — их выполнять надо? Неделимого капитала всего одиннадцать тысяч двести пятьдесят карбованцев, а государству нужно сто сорок тысяч.

Майоров. Не вольнь, Чорба! Народ ждет.

Чорба. Я его сюда не звал — подождет. По векселям платить надо? Мы кругом связаны. В этом году только первый раз с приличным балансом выходим. Нам не расширяться надо, а закрепляться на позициях, окапываться. Панибратцев, покажи ему цифры.

Самохин. Да ясно. О чем говорить! Ставь на голосование.

Майоров. Эти песни мы слышали. Цифрами душишь.

Чорба. Принимать новых пятьсот человек — для нас смерть. Это тысяча гектаров целины! Такой клин поднять надо! А чем его поднимешь? Пальцами? Двумя нашими тракторами? Это фантазия Майорова, не больше!

Двадцать тракторов иметь надо. А где их взять? В новые долги с головой лезть? До каких пор у республики на шее сидеть будем? Нет, друзья! С цифрами в руках докажу. Ничего из этого дела не получается.

М а й о р о в. Ты новых людей в расчет не принимаешь.

Ч о р б а. Какая мне польза от твоих новых людей, если они с пустыми руками к нам идут? Разве приличные хозяева к нам идут? Самая голь идет. Нам безлошадной шпаны не надо. Они нам «Авангард» в два счета разнесут. Камня на камне не оставят.

М а й о р о в. И хорошо сделают. Я первый рушить буду.

Ч о р б а. Ты — рушить, а я — строить? К черту!

М а й о р о в. Я первый эти проклятые стены рушить буду. Они нам дышать не дают. От них до сих пор ладаном пахнет. Они жизнь нашу по-своему поворачивают.

К у з н е ц. Не по вопросу говоришь. Держись дела. Народ ждет.

Ч о р б а. Ты по существу доказывай. Вот факты! Панибратцев, покажи ему цифры!

М а й о р о в. Что ты мне Панибратцева в нос тычешь? Что ты меня цифрами пугаешь? Твой Панибратцев на сотни считать привык, не больше! Да и то у него ум за разум от этих сотен зашел. Посмотри на него — психический стал. А нам такой бухгалтер нужен, чтобы на тысячи мог считать. На сотни тысяч. На миллионы.

Ч о р б а. Высоко летаешь, Майоров.

М а й о р о в. Не выше, чем надо. Чем ты меня пугаешь? Тысячу гектаров не подыдем? А десять тысяч не хочешь? Мы тут сидим, над панибратцевской арифметикой головы ломаем, а там, на реке, бой идет. Слышишь? Днем и ночью бой. Плотины растут. Каждый час вода на метр подымается. Смотри, двух лет не пройдет — мы на твои керосиновые тракторы и смотреть не станем. Электричеством пахать будем.

П о л и н а. Правильно!

Ч о р б а. «Казав пан: «Кожух дам», — и слово его тепле».

М а й о р о в. Тут через пять лет громаднейший комбинат будет. Места не узнаешь! Промышленный центр. Химические заводы. Свое удобрение. Оросительные каналы. Два урожая в год. Днем и ночью. При электричестве. Я дальше твоего вижу, Чорба. Слышишь, по всему Союзу земля под ногами ходит! Смотри! Я все вижу! Как будто в руках своих держу.

Ч о р б а. Царство небесное на земле видишь и в руках его держишь. Это ты дуракам рассказывай.

М а й о р о в. Слушай, Чорба! Ты веры моей не трогай. Новую жизнь вижу я. Новая жизнь идет. Пришла. Под окнами стоит. А чем мы встречать ее будем? Этими старыми стенами? Не взойдет новая жизнь в эти стены. Не уместится. Задохнется. Нам расширяться надо. Понимаешь ты — расширяться! Несмотря ни на что. Революция продолжается.

К у з н е ц. Правильно!

Т а т ь я н а И в а н о в н а. Я пятьдесят коммунаров кормлю, я и пятьсот накормлю. Дай мне пять тысяч — и все пять тысяч сыты будут. Важно, чтоб сердце никогда к людям не высыхало.

Ч о р б а. Стой! Не дам «Авангарду» погибнуть! Не позволю! За горло возьму! А ну, кто против?

К у з н е ц. Ставлю на голосование. Народ ждет. Голосую: принимать или не принимать?

Ч о р б а. Не принимать!

П о л и н а. Принимать!

С а м о х и н. Не принимать!

Продолжается голосование.

СЦЕНА V

«Авангард». Терраса перед клубом. Т о л п а. С о н я. Л а в р и к.

Л а в р и к (*под окном*). Ух ты! Ух ты! Майоров пошел крыть. Теперь обязательно всех перекроет.

С о н я. Мне в Москву время.

Л а в р и к. погоди! Сейчас голосовать будут.

С о н я. Я на поезд опоздаю. Двенадцать верст до станции пешком топать.

Л а в р и к. Дорога хорошая. Месяц светит. Потопаем вместе. Я тебя до самой станции провожу. Стой! Гляди, голосуют. Товарищи! Не расходитесь! Судьбу вашу голосуют!

Г о л о с. Сейчас решат.

Л а в р и к. Сгрудились все. Ничего не понять. Идут.

Выходит совет.

К у з н е ц. Оглашай, Чорба!

Чорба молчит.

К у з н е ц. Оглашай постановление, председатель!

Ч о р б а. «Постановление совета коммуны «Авангард»...»

Не могу я сказать это. Не разделяю.

К у з н е ц. Подчинись, Чорба! Тебе фракция велит.

Ч о р б а. «Постановление совета коммуны «Авангард». Всех подавших коллективное заявление о вступлении в коммуну считать принятыми».

В толпе движение.

Только я у вас больше не председатель. Складываю с себя. Принимай дела! *(Бросает к ногам Майорова ключи.)* Принимай дела, Майоров! Рушь коммуну, разваливай!

У р у с о в. Товарищи! Товарищи дорогие! Нельзя так. Нам ссориться друг с другом не годится. Подайте друг другу руки. Обнимитесь.

Ч о р б а. Оставь, старик! Двум медведям в одной берлоге не жить. Принимай дела, Майоров! Принимай, заместитель!

М а й о р о в. Я дел не боюсь. Давай! Товарищи, наша горка! Завтра с утра делами займемся. Пускай с утра делегаты приходят. Материалы тоже с утра можно начать перевозить. Мы к этому времени все документы подготовим. Панибратцев!

П а н и б р а т ц е в *(Чорбе)*. Товарищ председатель!

Ч о р б а. Я больше тут не председатель.

П а н и б р а т ц е в. Товарищ заместитель председателя! Совершенно официально... Я не железный... Ой, где мои папки? Были у меня в руках папки или не были? Пропали папки! Нет папок! Где папки?

Т а т ь я н а И в а н о в н а. Ты их в клубе оставил, садовая голова!

П а н и б р а т ц е в. Замотался. Ей-богу, замотался!

Ч о р б а. Все меня Майорову продали. *(Полине.)*

И ты — продала.

П о л и н а. Я по совести голосовала.

Ч о р б а. Стой! Не уходи! Я знаю, куда тебя несет. Слушай меня! Продали «Авангард» — и празднуете? Рано праздновать начали. Лютая зима впереди стоит. Вспомнишь слова мои: груды кирпичей на этом месте будет. А с Майоровым я еще посчитаюсь. Будет у меня еще с ним особый разговор. *(Уходит.)*

С о н я. И на поезд опоздать боюсь, и оставаться весело.

Л а в р и к, Соня, оставайся. Не уезжай.

С о н я. Нет, нет! Мне в Москву надо. В Москву.
Л а в р и к. Так ты же не забудь по радио голос по-
дать. Обязательно скажи: «Лаврик!»

С о н я (*смеется*). Обязательно скажу: «Лаврик!»

Соня и Лаврик уходят.

М а й о р о в. Спасибо тебе, Полина.

П о л и н а. За что?

М а й о р о в. За голос твой спасибо.

П о л и н а. Я по сердцу голосовала.

Г о л о с Ч о р б ы. Полина!

М а й о р о в. Дорого стоит сегодня твой голос, По-
лина! Жизни моей, может быть, стоит.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА I

Зима. Развалины «Авангарда». С а м о х и н, Л а в р и к,
У р у с о в.

С а м о х и н. Дохозяйствовались! Дальше некуда! Раз-
валил колокольню, а кирпичи в штабеля велел сложить.
Фундамент какой-то закладывает. Строитель! Тьфу! (*Ухо-
дит.*)

Л а в р и к. Ну и народ! Опять антенну уперли. На
растопку. Пятнадцать метров проволоки унесли! Как же
я теперь Москву принимать стану? Мне обязательно Моск-
ву надо слушать.

У р у с о в. Что, Лаврик, сломали твою колокольню,
твою башню коммуны? Как же ты теперь вдаль смотреть
будешь?

Л а в р и к. Ничего! Скоро мы тут другую башню по-
ставим. До неба высокую. Железную. С нее на триста верст
земля откроется.

У р у с о в. Молодчина, Лавруша! Держись твердо!
Хвалю тебя за прекрасные слова. У меня в саду деревья
истребляют: каждую ночь пять-шесть яблонь на топливо
спиливают. Я их рогожей от мороза, как детей, закуты-
ваю. По ночам хожу. А их все пилят. Не слушаются. Фу,
кашель донимает! Ноги не повинуются. Дай-ка я тут

посижу малость, как Марий на развалинах Карфагена. Впрочем, ты не знаешь, что такое Карфаген. Прекрасное слово: Карфаген! Ты чувствуешь в нем трагедию? Карфаген... Болтаю я. Ты меня, голубок, извини.

Лаврик. Валяй, дедушка, отводи душу! Я люблю стариков слушать.

Урусов. Вот именно — стариков.

Лаврик. Да ты что, старик, все время бухикаешь, как овца? Ты бы пошел полежал.

Урусов. Я пойду сейчас. Посижу и пойду. К пчелам пойду, в сарай. Печку там не мешало бы поставить. Пчелы от морозадохнут. Крутые дела! Как вы до весны дотянете? А я не увижу. Не дотяну.

Лаврик. Ну, ты еще сто лет жить будешь. Ты — вечный старик.

Урусов. Нет, мой юный друг, верный сын эпохи! Увы, я не вечный. Не дотяну. И хочется дотянуть, а не дотяну.

Входит Полина.

Урусов. А, дочка, здравствуй! Что ты на меня так смотришь? Подался?

Полина. Ты болен. Боже мой! У тебя лицо... Я не узнаю твоего лица. Ты весь горюшь. Тебе худо?

Урусов. Ничего! Это сейчас пройдет. Ну, как... Ну, как твои... коровы?

Входит Майоров.

Майоров. Почту не привозили?

Лаврик. Не привозили.

Майоров. Слишком медленно у нас почту стали возить.

Полина. Лошади отощали. Почему у тебя голова завязана? Зашиб?

Майоров. Зашибли. Шел сегодня ночью мимо барачков. Темнота — глаз выколи. Вдруг — кирпич. Спасибо, краем проехал. А то бы на месте остался. Ты что, старик? Заболел?

Урусов. Худо! Пойду я. Дай-ка, Лаврик, плечо.

Полина. Сегодня утром корова сдохла. Шестая корова за неделю. Гибнет все, гибнет...

Урусов. Ты меня проводи немного... до сарая. А то у меня в глазах что-то неладно... Спасибо! Ничего! Все хорошо будет. Знаете, как хлеб растет? Он не просто растет. Он очень трудно растет. Зерно кладут в землю. Да! Сначала его кладут глубоко в землю.

Полина. Иди ты, папочка, ступай! Я приду к тебе сейчас. Тут ветер, а ты все время говоришь на ветру.

Урусов. Его зарывают в землю, оно там должно сгнить. Если не сгниет, ничего не вырастет. И только тогда... только тогда из него выходит росток. Зеленый росток...

Лаврик и Урусов уходят.

Полина. Может быть, мы и вправду... слишком много на себя взяли, Майоров?

Майоров. Долго почты нет. Почты нет долго.

Полина. Зачем ты все рушишь, Майоров? Зачем колокольню велел разбирать?

Майоров. Паровую мельницу будем строить. Гаражи. Фундамент закладываем.

Полина. Из этого кирпича народ себе печки складывает.

Майоров. Пусть греются. Кирпича хватит. Три корпуса. Только ломай! У меня на них давно руки чешутся.

Полина. Где же коммунары жить будут, если ты все порушишь?

Майоров. Коммунарам не годится в кельях монастырских жить. Мы себе новые корпуса построим. Светлые, веселые. Окна большие, как двери. Двери — как ворота. А ворот вовсе нет. Рожь возле самых стен наших шуметь будет.

Полина. Ты все мечтаешь, Майоров, а того, что вокруг делается, не видишь.

Майоров. Все вижу. Яблони пилят — вижу. Кирпичи крадут — вижу. Скот голодает — вижу. Народ бунтует. Среди баб склока... Ерунда! Стружки! В семнадцатом году в октябре месяце тоже каша ничего себе заварилась. Не жиже этой. Главное — план чтоб был. План у меня есть. Нам до сева надо дотянуть. Как народ под плугом тысячу гектаров целины почувствует, так все в норму войдет.

Полина. А чем целину подымать будешь? Машины у тебя есть?

Майоров. Машины будут. Я давно на двадцать «фордзонов» заявку сделал.

Полина. А если не дадут?

Майоров. Дадут. Должны дать. Обязаны. Если не дадут, тогда душа вон! Слишком медленно у нас стали почту возить. Ты, Полина, не сомневайся. Стой твердо.

Запатаешься — смерть. Рви с корнем. Рушь. Не жалей этих стен. Они мертвые. Назад не оборачивайся. Как обернешься — конец...

Входит Ч о р б а.

Ч о р б а. Ступай, председатель, в контору. Там тебя мельник дожидается.

М а й о р о в. Что ему нужно?

Ч о р б а. Насчет локобилия. Ступай, председатель!

М а й о р о в. У меня слово твердое. Я сказал: вернуть локобилия. Никаких разговоров.

Ч о р б а. Я не знаю твоих распоряжений, председатель. Ступай в контору!

Майоров уходит.

(К Полине.) Какие у тебя с Майоровым могут быть дела по секрету от мужа? Был у меня боевой конь — убили коня моего. Был у меня «Авангард» — куча камней от него осталась. А жену не отдам. Слышишь, Полина? Не отдам жену никому! Что ж ты стоишь и думаешь? Отвечай своему мужу. Или, может быть, я тебе больше не муж? Может быть, у тебя другой муж есть? Не мучай меня, Поля! Ради бога, не стой передо мной и не думай. Не молчи...

П о л и н а. У меня нет другого мужа.

Ч о р б а. Лицом ко мне повернись. Смотри на меня. Мне надо глаза твои близко видеть. Не думай...

П о л и н а. У меня нет другого мужа...

Ч о р б а. Слушай, Поля! Мы с тобой десять лет вместе живем, а друг для друга еще до сих пор и не жили. Всегда на людях. Одну тебя я хочу любить. А время проходит и проходит. И назад ни один день не ворочается. Слушай, жена! Слушай, сердце мое! Мне трудно смотреть, как дело мое рушится. Мне трудно пять лет перед собой Майорова видеть. Выйдем, Поля, из коммуны! Уйдем отсюда! Поставим крест! Ну, была когда-то коммуна... Была — и былшем поросла. Сердце мое отдыха хочет. У меня в Черниговщине старики до сих пор живы. Братья и сестры есть у меня в Черниговщине. На горе хутор стоит. Вокруг хутора садочек — груши, черешни...

П о л и н а. Нет, Чорба! Не того сердце мое хочет...

Входит П а н и б р а т ц е в.

П а н и б р а т ц е в. Яровой клин — тысяча двести гектаров. Ориентировочно — две тонны с гектара. Тысячу

двести на две — две тысячи четыреста. На пуды это будет — две тысячи четыреста на шестьдесят. Справа три нуля. Четырежды шесть — двадцать четыре. Четыре пишем, два в уме. Дважды шесть — двенадцать; да два в уме — четырнадцать; да там четыре... стой! Три нуля... Было три нуля или не было? Где три нуля? Нет трех нулей!.. Ах, да! Справа три нуля... Вот они! Итого — сто сорок четыре тысячи... Ух ты!.. (Уходит.)

Ч о р б а. Поля!

П о л и н а. Никуда я не пойду из коммуны, Чорба.

Ч о р б а. Не пойдешь? Что ж тебя держит в коммуне?

П о л и н а. Я не брошу коммуны, Чорба. Не брошу семьи своей, дома своего не оставлю. Не говори, Чорба. Не требуй от меня.

Ч о р б а. Рушится коммуна. Не видишь разве? Гибнет. Уже погибла. Нет больше коммуны...

П о л и н а. Ты ослеп, Чорба. Открой глаза. Коммуна не гибнет. Она растет. Слышишь, у нее кости от роста трещат. Она сама себя перерастает. Рожь возле наших стен шуметь будет. Панибратцев — и тот десятки тысяч считать научился... А ты не видишь...

Ч о р б а. Майоров научил Панибратцева на тысячи считать... Не уходи, Полина! Я знаю, кто тебя к этому проклятому месту пришил... Подожди! Я правду знать должен...

П о л и н а. Я сказала тебе правду. Открой глаза, Чорба... (Уходит.)

Ч о р б а. Пять лет он стоит посреди дороги моей, как столб. Пять лет стоит!

Входят М а й о р о в и м е л ь н и к.

М а й о р о в. Я сказал... Чтоб сегодня локомотив был в коммуне. Не позже вечера.

М е л ь н и к. Вы контракт нарушаете.

М а й о р о в. Я не заключал с тобой контракта. Спрашивай с того, кто заключал. Подавай в суд.

М е л ь н и к. Так у вас же он все равно будет валяться без дела посреди двора. А у нас он работает. И коммуне выгода, и нам прибыль.

М а й о р о в. У коммуны не может быть с вами никаких общих дел. А не привезешь — силой отберем, с милицией.

М е л ь н и к. Товарищ председатель! У нас дело на полном ходу. Ты нас по миру пускаешь.

М а й о р о в. Ты меня знаешь, мельник. Я сказал, и слово мое — камень.

Входит Л а в р и к.

Л а в р и к. Почту привезли. Председатель, получай пакет!

М а й о р о в. Ага! Так, так! Из Колхозцентра. Машины едут... Наша берет! *(Вскрывает пакет, читает. Лицо его искажается, он сжимает в кулаке бумагу и бросает ее.)*

Входит н а р о д.

П е р в ы й. Народ насчет запашки беспокоится. Время идет. Недели через три-четыре в поле выезжать надо — целину подымать. А машин до сих пор нету. Ты нам двадцать тракторов посулил, золотые горы обещал. А где они?

Народ ропщет.

М а й о р о в. Машины будут. Я бумагу из центра получил.

П е р в ы й. Будут ли? Ты с нами, председатель, шутки не шути. Ты лучше по-хорошему, прямо скажи, если сомневаешься. Без политики. Мы тогда, может быть, еще как-нибудь и обернемся. Из коммуны выйдем и в одиночку обернемся. А потом слишком поздно будет. Весь народ, гляди, разоришь. Как твое последнее слово: выходить из коммуны или оставаться?

М а й о р о в. Не выходить из коммуны! Оставаться! Машины будут! Будут машины! Головой своей отвечаю.

П е р в ы й. Ну, смотри, председатель! Народ тебе доверяет. Не доведи народ до крайности.

М а й о р о в. Вы меня знаете. Мое слово — камень. Машины будут!

Народ уходит. Отдаленные взрывы.

Так! Хорошо! Бой идет. Там все бой идет, Лаврик! Вели бричку запрягать. Скажи Панибратцеву, чтоб сейчас мне все свои цифры в папку уложил. Лети!

Л а в р и к. Куда поедешь?

М а й о р о в. Пулей!

Л а в р и к. Возьми меня с собой, председатель! Мне пятнадцать метров проволоки нужно. Может, я там, у рабочих, разживусь. А то у меня радио не работает.

М а й о р о в. Хорошо! Поедешь. Пулей!

Л а в р и к. Мне обязательно Москву каждый день принимать надо.

М а й о р о в. Пулей! Машины будут! Ну, бой — так бой!

Лаврик и Майоров уходят.

Ч о р б а. Как бес перед обедней... Выкручивается...

М е л ь н и к. А ну-ка посмотрим, какие у него машины будут. *(Поднимает письмо и читает.)* «Ввиду того, что все имеющиеся в наличности машины полностью распределены между другими хозяйствами, сделавшими заявки раньше, мы не можем удовлетворить всю потребность...»
Читай, Чорба!

Ч о р б а. Не будет у Майорова машин. Напрасно головой своей перед людьми ручался!

М е л ь н и к. Обманул твой Майоров народ. Пятьсот человек по миру пускает. Хороша слава про вашу коммуну пойдет! Что ты на это скажешь, Чорба?

Ч о р б а. Пусть она пропадом пропадет, коммуна! Пальцем не двину.

М е л ь н и к. Хозяйство — твое. Детище — твое. Ты его на плечах поднял.

Ч о р б а. Я его на плечах поднял.

М е л ь н и к. Поднял — и не удержал?

Ч о р б а. Ты меня не навинчивай, мельник!..

М е л ь н и к. Что стало с тобой, председатель? Где твоя сила? Где твоя слава? Было у тебя хозяйство образцовое. Была у тебя жена верная. И ты все Майорову без боя отдал.

Ч о р б а. Что? Ты мне загадки не загадывай, мельник! Говори! А то из тебя душа вон!

М е л ь н и к. Пусти! Ничего не знаю. Не больше других знаю. Над тобой люди смеются, Чорба! Срам! Они каждую ночь за кузней сходятся.

Ч о р б а. Стой!

М е л ь н и к. Верный человек видел, Григорий...

Ч о р б а. Кончено! Стой!

М е л ь н и к. Не хватайся за наган, Чорба. Не поднимай руку. Не марай. Другая рука найдется. Дай сюда бумагу. Слушай меня. Эта бумага вернее пули. Ее только мужикам показать. Чуешь? У меня человек один есть — Григорий. Он рукою своею занозу из сердца твоего вынет.

Пауза.

Ч о р б а. Уйди!..

СЦЕНА II

Плотина Гидроэлектростроя. Ночь. Огни. Проекторы.
Взрывы. Ланговой и Майоров.

Ланговой. Давно не был у нас, Майоров! Сидишь у себя в «Авангарде», как крот, и в земле роешься. Это ничего! Копайся! Ну, как находишь? Сильно вперед двинулись против прошлого года?

Майоров. Не узнать!

Ланговой. Темп! Не то еще будет. Погоди, река тронется — начнем турбины устанавливать. К осени всех вас к чертовой матери электричеством зальем. Захлебнетесь в электричестве. Коров будете вывозить в трамвае на пастбище. Мы, брат, с таким превышением плана идем, что страшно делается. Курс на генеральную линию. Темп! Как тебе нравится темп? Видал корпуса? Центрально-механический — тысяча пятьсот человек. Сборочный — тысяча двести. Литейный — восемьсот. Кузнечный — шестьсот. Рвем породу. Скалы наизнанку выворачиваем. Раньше руками грузили — теперь два американских экскаватора «Марион тридцать семь» на гусеничном ходу, емкость ковша — полтора кубических метра. Водолазы, землекопы, иностранцы, корреспонденты... черт, дьявол... Днем и ночью. При электричестве. В три смены.

Майоров. Днем и ночью бой. До нас доходит.

Ланговой. До нас тоже от вас доходит. Кое-что слышали. Круто приходится?

Майоров. Круто, Ланговой! Чего круче! У вас бой веселый. В лоб. С громом и молнией. А у нас тихий бой. В темноте. Видишь, боевое отличие получил, «Орден Красного Знамени». *(Показывает повязку на лбу.)*

Ланговой. Понимаю... Короче! За выручкой пришел?

Майоров. Выручай, Ланговой! Ты меня еще с Путиловского знаешь. Я зря паники не поднимаю. А теперь — дошло. Под самым горлом нож стоит.

Ланговой. Короче!

Майоров. Либо через месяц восемнадцать тракторов, либо народ из «Авангарда» побежит, и тогда дело коммуны нашей в этих краях на много лет заглохнет. А я на эту карту голову свою поставил. Дай машины, Ланговой! Откуда хочешь возьми, хоть из-под земли до-

будь. Тогда осенью мы чистых две тысячи тонн зерна сдаем государству против двухсот тонн прошлого урожая.

Л а н г о в о й. Кончено! Все ясно! Курс на генеральную линию. Две тысячи против двухсот. Правильный темп взял, Майоров! Где ж тебе, черту, машин достать? Задача! Стой! Вариант! От нас сегодня ночью делегация в Москву едет. Я еду. Еще пять человек едут. Нас на соревнование «Звезда коммуны» вызывает. «Звезду коммуны» знаешь?

М а й о р о в. Бывший «Бен Джонс Лимитед»... дизеля и автомобильные двигатели.

Л а н г о в о й. Верно! Теперь «фордзоны» и «Интернационал». Едем договариваться. Такой вариант: ваших восемнадцать машин в договор включаем и против них две тысячи тонн вашего хлеба вставим. Сроку три недели даем. Торговаться будем. За срочность — от себя что-нибудь... какой-нибудь лишний процент производительности. У нас пороху хватит. А те тоже не захотят лицом в грязь. Я ихнего Жукова хорошо знаю. Явочным порядком берем над «Авангардом» шефство. Есть?

М а й о р о в. Есть!

Л а н г о в о й. Эй, кто там? Тимофеев! Брось вагонетку! Крой в ячейку! Чтоб не расходились. Скажешь Архипову — еще один билет забронировать. На мою ответственность. Включим тебя, Майоров, в делегацию как представителя подшефного «Авангарда». В три ночи поезд. Темпом!

М а й о р о в. Я не могу «Авангарда» бросить.

Л а н г о в о й. На три дня.

М а й о р о в. На день не могу отлучиться. На час не могу. Там без меня крыша рухнет.

Л а н г о в о й. Ах, так стоит дело у вас?! Понимаю...

Входит Л а в р и к.

Л а в р и к. На сорок метров проволоки разжился. Таковую антенну загну! Пятилучевую! Гляди, Майоров!

Л а н г о в о й. Твой?

М а й о р о в. Авангардовец.

Л а н г о в о й. В курсе дела?

М а й о р о в. В курсе.

Л а н г о в о й. Доверяешь ему?

М а й о р о в. Смена моя.

Л а н г о в о й. Кончено! Темпом! Собирайся, смена! Как звать?

Лаврик. Лавр Кузнецов.

Ланговой. Хорошо! Покажись, Лавр Кузнецов!
Годен. С нами сейчас поедешь, Лавруха!

Лаврик. Мне антенну надо ставить. Я непременно
Москву должен не пропустить.

Ланговой. Не пропустишь Москву. Услышишь.
В Москву с нами поедешь.

Лаврик. В Москву?

Майоров. Делегатом от «Авангарда».

Лаврик. Когда?

Ланговой. Сейчас. В три ночи. Темпом!

Лаврик. Сейчас? В Москву?

Майоров. На цифры! С собой возьмешь. Держи их
крепко!

Лаврик. Я их на память знаю.

Майоров. Расскажешь наше положение.

Лаврик. Понял.

Майоров. Ланговой тебе объяснит.

Лаврик. Я все понимаю, Майоров.

Майоров. Я ждать тебя буду, Лаврик. Я головой
своей ручался. Помни это. Прощай, Ланговой! Держи пар-
ня в ежовых. Главное — следи, чтоб он там чего-нибудь
не стал изобретать по дороге. А то он вам такое изобретет,
что весь поезд под откос пустит.

Ланговой. У меня не пустит. Прощай, Майоров!
Жди! Темпом!

Майоров. Прощай, Лаврик!

Лаврик и Майоров обнимаются.

Лаврик. Лучше не езди ночью, председатель. Пе-
режди тут.

Майоров. Ты меня знаешь, Лаврик...

Лаврик. Не езди, Майоров!..

СЦЕНА III

Москва. Завод. Литейный цех. Формовщик, литейщик,
модельщица, комсомольцы.

Первый. Ну, что там? Договор подписали?

Второй. Подписали.

Третий. Торговались?

Второй. Пар с пиджаков пошел.

Первый. Наши все-таки уступили?

Второй. Уступили.

Модельщик. Наши добрые, всегда уступают.

Второй. Таким не уступишь! На свою голову зацепились с ними. Не люди это, а черти! А их председатель — так тот просто настоящий сатана! Факт! Прямо с поезда, никуда по дороге не заходя, — к нам в завком... И пошел крыть. И крыл, и крыл, и крыл... три часа крыл. До тех пор крыл, пока мы ему, кроме всего, лишних восемнадцать тракторов не обязались в три недели выпустить.

Модельщик. В три недели! Обалдели со своими соревнованиями! Разве мыслимо это? Жилы из людей выматывают.

Формовщик. И так с ног валимся. Разве это жизнь? Лихорадка это, а не жизнь. Каждый день что-нибудь новое. Каждый день дергают.

Третий. По цехам пошли...

Модельщик. А наши что ж? Так-таки ничего у них и не выторговали?

Второй. Ну! Наш Жуков со своей стороны тоже сатана хороший. Он их слушал-слушал, а потом сам крыть как начал. И крыл, и крыл, и крыл... До тех пор крыл, пока они за срочность заказа две тысячи тонн хлеба подписали в сентябре сдать.

Модельщик. Кому хлеба? Нам?

Второй. Государству.

Формовщик. Это ловко! Мы сверх нормы работаем, а хлеб — государству!

Второй. А ты не государство?

Формовщик. Кто? Я — государство?

Модельщик. Откуда у них хлеб? Они ж электрогидры.

Второй. Они колхоз под шефство взяли.

Модельщик. Вот действительно черти! Прямо возле продуктов устроились.

Литейщик. Пора эту волынку кончать. Будет! Никаких сил не хватает. Вчера реконструкция, сегодня рационализация, завтра соревнование, послезавтра непрерывка...

Входит **Соня.**

Соня. Товарищи! Кому билеты в Планетарий? Есть четыре билета в Планетарий.

Литейщик. Здравствуйте! Теперь Планетарий! Планетария еще не хватало!..

С о н я. Полная картина звездного неба!

Л и т е й щ и к. Продуктов нет, так они звездами торгуют. Не надо.

М о д е л ь щ и ц а. Не требуется.

Соня уходит.

П е р в ы й. Всем штабом сюда идут.

М а с т е р. Навались, бригада!

Ф о р м о в щ и к. Нет, вы мне объясните, друзья-товарищи! Я не понимаю. Вот мы на соревнование подписали. Обязательство на себя приняли. Вот бригада у нас есть — девять человек. И я сам в этой бригаде стараюсь. Обеденный перерыв, а я работаю — формую, как сукин кот. Сам формую и еще вас, серых, учу формировать. Квалификацию свою зря трачу. А в толк никак не возьму: для чего это нам все надо?

В т о р о й. Производительность поднять — раз! Себестоимость снизить — два! Догнать и перегнать — три!..

Ф о р м о в щ и к. Ух ты! Стой! Серая порция! Не все сразу. Столько за один раз набарабанил, что в ушах звенит! Подожди! Ты мне объясни, для чего именно соревнование. Мы их вызываем, они нас вызывают. А разве ж мы и они не один черт? Не один рабочий класс? Не один Советский Союз? Не один человек? А раз мы все один человек, то что же получается? Получается, что есть один человек и он сам с собой соревнуется.

В т о р о й. Правильно! Сам с собой соревнуется.

Ф о р м о в щ и к. Как это — правильно? Это неправильно. Я, скажем, тоже человек...

Входят Л а н г о в о й, Ж у к о в, Л а в р и к.

Л а в р и к. Ух ты! Как все ловко сконструировано!

Ж у к о в. Это наш литейный. По какому вопросу прения?

Ф о р м о в щ и к. Объясни, Жуков. Я — человек. Могу я сам с собой соревноваться?

Ж у к о в. А ты думаешь, никогда не соревнуешься?

Ф о р м о в щ и к. А ну, как это? Объясни, пожалуйста.

Ж у к о в. Очень просто! Как получка, так и соревнуешься. Потому что тут в тебе уже не один человек сидит, а целых два. Один говорит в одно ухо: «Иди, Степаныч, прямым сообщением домой и клади получку старухе на комод». Это умный говорит. А другой, дурак, в другое

ухо бубнит: «Брось, Степаныч, успеешь! Иди спокойно в пивную, а баба подождет».

М о д е л ь щ и ц а. Ах, чтоб тебя! В самую точку!

Ф о р м о в щ и к. Фу, язва! Фу, сатана! Зачем перед людьми врешь на меня?

М о д е л ь щ и ц а. А что? Может быть, нет? Не соревнуешься?

Ф о р м о в щ и к. А и верно, братцы! Соревнуюсь. Ей-богу! Как получка, так и соревнуюсь.

Ж у к о в. И всегда дурак верх берет?

Ф о р м о в щ и к. Бывает, что умный уговорит.

Ж у к о в. А вчера, видать, дурак уговорил?

Ф о р м о в щ и к. Вчера дурак уговорил. До сих пор в башке такая реконструкция!..

Ж у к о в. Ладно! Литье смотреть будете?

Л а н г о в о й. Обязательно.

Ж у к о в. Когда начинаете?

М а с т е р. В тринадцать двадцать пять.

Ж у к о в. Еще успеем в инструментальный зайти. Электрической закалкой интересуешься?

Л а н г о в о й. Обязательно. Темпом! Лавруха, где ты? Ладно! Он догонит.

Ж у к о в. Пошли!

Л а н г о в о й. Темпом! Темпом!

Ланговой и Жуков уходят. Лаврик во время предыдущей сцены осматривал вагранки, поднялся по лестнице и исчез.

М о д е л ь щ и ц а. Генералы!

Ф о р м о в щ и к. Нет, ты мне объясни толком. Вот я, например, формую эти самые поршневые стаканы...

М а с т е р. Брось болтать, старик! Ты правду с нахрапа не возьмешь. Сейчас лить будем. У вас всего шестнадцать форм.

В т о р о й. Навались, братва! Крой семнадцатую!

М о д е л ь щ и ц а. Хватай модели! Полегче!

Входит С о н я.

С о н я. Товарищи, кому билеты в Планетарий?

Л и т е й щ и к. Ты опять тут? А ну тебя, в самом деле! Катись! Тут и без того жара, а она со своим Планетарием...

Ф о р м о в щ и к. Понравился ей наш литейный. По три раза в день ходит.

С о н я. Земли у вас в цехе много. Потому я и цех ваш литейный больше других цехов люблю. Все время по земле ходишь. Как в деревне.

В т о р о й. Она сюда мечтать ходит. Дело ясное! Верно, Соня?

С о н я. Не твое дело. А ей-богу, на «Авангард» похоже! Пасека. Колокольня. На колокольне сапожник сидит. Сапоги тачает. По радио Москву слушает.

В т о р о й. Ни черта он там не слушает...

С о н я. Нет, слушает... А может, не слушает? Лаврик! Ла-а-ври-ик!

Л а в р и к появляется сверху.

Л а в р и к. Сонька!

С о н я. Ой! Падаю в обморок... Лаврик!

Л а в р и к. Сонька! Ну тебя к черту! Откуда ты взялась, Сонька?

С о н я. Лаврик! Ненормальный! Товарищи! Ребята! Это ж и есть тот самый сапожник из «Авангарда». Ой, боже мой! Что ты тут делаешь?

Л а в р и к. Печь осматриваю. Интересная конструкция! А ты что?

С о н я. Звездами торгую.

М о д е л ь щ и ц а. Прямо роман!

В т о р о й. Он у нас почетный гость. Из делегации. Представитель коммуны. Мы им сегодня обязались восемнадцать тракторов поставить.

С о н я. Давно в Москве? А про меня забыл. Не появился.

Л а в р и к. Куда! Сегодня утром только приехали — и прямо с вокзала сюда. Еще не умывались. Я прямо как был. Темпом!

С о н я. Как в «Авангарде»? Дела идут?

Л а в р и к. Две тысячи гектаров посевной площади. Старое ломаем, новое планируем. Народ бузит. Машин нет. Так что дело так обстоит: либо через четыре недели машины, либо «Авангарду» полная крышка.

В т о р о й. Машины будут. Раз мы подписали — значит, выпустим. За это не беспокойся.

Входят Л а н г о в о й и Ж у к о в.

Л и т е й щ и к. Мало что подписали! Это еще бабушка надвое сказала! Подписать легко, а ты выпусти! Большой вопрос!

Л а в р и к. Кровь из носа!

Л и т е й щ и к. Мы не железные.

Л а в р и к. Там Майоров ждет. Он против всей тем-

ноты стоит. На нем все дело держится. Он головой ручается.

Л и т е й щ и к. Очень жаль, что ручается.

Ж у к о в. Машины будут.

Ф о р м о в щ и к. А я не ручаюсь.

Л а н г о в о й. Ты, Лавруха, здесь оставайся. Глаз нужен. Жми на них. Каждый день товарища Жукова за жабры бери. Чтоб из него душа вон! Я его знаю: если на него не жать, ничего не будет.

Л а в р и к. Буду жать.

Ж у к о в. Сатана! Честное слово, сатана!.. Готов металл?

М а с т е р. Готов.

Ж у к о в. Начинай, что ли! Время!

Л и т е й щ и к. Поберегись!

Ф о р м о в щ и к. Нет, ты мне объясни. Ну, хорошо! Допустим, мы вам машины в срок выпустим. Хотя вряд ли. Ну, скажем, все-таки выпустим. Зерно с кого требовать?

Л а н г о в о й. С «Авангарда». Там верный человек есть. Он голову свою поставил, что зерно будет. И слово — камень. Имя его Майоров.

Ф о р м о в щ и к. Как говоришь? Майоров? Хорошо! Я его себе на заметку возьму. *(Записывает.)* У меня память не очень стала. «Майоров... Две тысячи тонн зерна...» Потребую.

Л а н г о в о й. Правильно! Приезжай осенью в «Авангард» и требуй. Душа с них вон!

Ж у к о в. Мы тебя в делегацию, если хочешь, выберем. Будешь председателем.

Л а в р и к. Он там крепко стоит. Он головой ручался.

Л а н г о в о й. В случае чего телеграмму бей...

М а с т е р. Поберегись!

Ф о р м о в щ и к. А что? Как приеду, так и потребую: «Где тут ваш главный герой Майоров? А ну-ка, друг Майоров, подавай мне зерно, а не то с тебя душа вон!»

Начинается литье.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

СЦЕНА I

Ночь. Станционный буфет. Буфетчик, мельник, его компаньон Григорий.

Буфетчик. Бывают такие люди, которых убивать надо.

Мельник. Ты на нас не смотри, что мы пиво пьем. Это как на кого действует. Иной человек от стакана пива захмелеет, а иной четверть спирту осушит и нисколько не пьян. Пей, Григорий, хлебное вино! Ты человек геройский. Кончай бутылку, чтоб на дне ничего не оставалось. Не жалея! В буфете этого добра сколько угодно. Хлеба нет, а хлебного хватит. Будем здоровы! Буфетчик! Еще одну! Я люблю хорошего человека угостить, Григорий. К плохому человеку у меня сердце не лежит, а для хорошего ничего не пожалею. Все для хорошего человека сделаю. Все на свете! Пей вино, Гриша, и не сомневайся во мне! Я тебе сделаю — ты мне сделаешь. Видишь, как я с пива захмелел? Уже у меня двойтсся. А ты — ни в одном глазу. Хитрый! Нас напоить хочешь, а сам тверезый. Ну, будем здоровы! До дна! Ай, напоил мельника, Григорий! Напоил! Слушай, слушай меня, что я тебе скажу. Ты, главное, не думай. Смотри орлом и не думай. Мне люди зло сделали, а я и то не думаю, орлом смотрю. Я на людей не обижаюсь. И ты на людей не обижайся. У нас Майоров, может, машину отобрал. Против закона договор нарушил. Мельницу разорил. Вытесняет нас. Жить нам уж негде на земле. А я на Майорова не обижаюсь. Я на него не обижаюсь. Зачем? На него все другие люди пусть обижаются, а я — нет! Он пятьсот душ по миру пускает. Обещал людям машины, а где они? Нету их. И не будет. Так все и подохнут. Какое хозяйство «Авангард» было! И само дышало, и людям вокруг жить не препятствовало. Чорба — тот был хозяин!

Буфетчик. Мы с Чорбой душа в душу. Он нам делал — мы ему делали. По-христиански.

Мельник. А Майоров все нарушил. Обманул народ Майоров. Обманул, продал. А я на него все равно не обижаюсь. И ты на него, Григорий, не обижайся. Пусть на него другие обижаются. Бывает такой человек, которого, как гадину, надо свести с лица земли. А я и на такого не обижаюсь. Но разве против общества пойдешь? Против

общества не пойдешь. Общество все равно сделает. Слушай меня, Григорий. Не думай. Слушай меня, что я тебе скажу. Будем здоровы — и... тсс!.. А он пускай людей морочит. Кому какое дело! Слушай меня. Ему из центра отказ пришел. Не будет машин. Бумага у меня. Вот она, бумага! Видел бумагу? Люди про нее до сего дня не знали. А сегодня узнали. Некоторые узнали. Один углышек узнали. Очень на Майорова обижаются. Чуешь? Ты человек не дурак, Григорий. Ты сообразишь... а? Мы с Чорбой душа в душу, Чорба понимал человека, а Майоров всех людей хочет под одну гребенку. Он и тебя, Григорий, под одну гребенку. На что ты человек выдающийся, а и тебя тоже. Как всех, так и тебя. Уши тебе обрежет ножницами. Будем здоровы!

Слышен свист. Григорий встает. Проносится курьерский.

Буфетчик. Прокатили комиссары с громом...

Григорий. Прямо в Москву. Мимо нас. Не останавливаясь.

Мельник. А чего им тут останавливаться? Они торопятся.

Буфетчик. Хлеб у народа позабирали и катаются.

Мельник. Это братья Майорова поехали. Целый поезд братьев его. С искрами. Прогудели.

Григорий тяжело садится.

Пей, Григорий! Не сомневайся. Не думай. Завтра народ с Майоровым разговаривать захочет. Понимаешь? А я для хорошего человека ничего не пожалею. Все для хорошего человека сделаю. Вина хочешь — вина до утра велю подавать. Денег хочешь — денег не пожалею. Десятку — бери десятку. Еще десятку — бери еще десятку. Главное, не сомневайся и не думай. Держи. Я тебе сделаю — ты мне сделаешь! И я тебе тогда еще потом сделаю. Ты человек настоящий! Кончай бутылку, чтоб на дне ничего не оставалось. Буфетчик! Напоил ты меня, Григорий! Хитрый! Слушай меня. Завтра в «Авангарде» почти никого не останется. Все по нарядам в разные места разъедутся. Человек сорок останется. Мне верный человек сказал. Делай!

Григорий поет песню: «Что-то солнышко не светит, над головушкой туман...»

«Авангард». У кузни Полина и Майоров.

Полина. Уезжай отсюда. Куда-нибудь уезжай. Хоть на один сегодняшний день уезжай. Прошу тебя, Майоров!

Майоров. Утром от Лангового верховой был. Телеграмма от Лаврика получена. Третьего дня погрузились.

Полина. Ты ничего вокруг не видишь. Все люди по нарядам в разные стороны из коммуны разосланы. Самая темнота осталась. Слышишь? Гудят. За бараками. Они не согласны больше ждать. Уезжай.

Майоров. Завтра машины будут.

Полина. Они перестали тебе доверять, Майоров.

Майоров. Машины сегодня будут.

Полина. Они часа не станут ждать.

Майоров. Еще солнце высоко.

Полина. Ради всего святого, уезжай.

Майоров. В кузне огонь горит. Кузнец лемехи чинит. Завтра в поле выедем. Пока новые придут, мы на старых начнем. Самохин!

Входит Самохин.

Завтра чуть свет в поле выходим.

Самохин. Мы не выедем завтра. Машины ремонта требуют.

Майоров. Вчера они были исправны. Я сам видел.

Самохин. Вчера они были исправны, а сегодня неисправны. И матерьялов для ремонта нет.

Майоров. Я с тебя голову сниму. Завтра машины в поле выходят! Ты меня знаешь, Самохин.

Самохин. Ты меня тоже знаешь, Майоров. Я не робкого десятка. У нас тут нет командиров. Не нравится — сам починяй. Я этой каши не заваривал. Сам расхлебывай. Я тебе не раб и могу в любой миг из «Авангарда» к чертовой матери выйти... *(Уходит.)*

Полина. Уезжай, Майоров! Ты видишь...

Майоров. Продал. Ничего! Одним меньше.

Полина. Все сроки прошли. Снегу давно на земле нет. Пар над степью стоит. Какое красное солнце! Темное солнце какое! На могиле отца моего я сегодня траву видела. Скоро вся степь травой порастет.

Григорий медленно проходит мимо.

Полина. Белый какой!

Майоров. В дым пьяный. У нас никогда в коммуне не было пьяных. Я знаю, где они вино достают. Эту лавочку на станции надо давно закрыть.

Полина. Уходи отсюда, Майоров, скорей уходи! Пожалей меня. Ты же сам знаешь... Нет, ты не знаешь. Ты ничего не видишь. Посмотри на меня. Я жить без тебя не могу. Ты — сердце мое, молодость моя.

Майоров. Дружок!

Полина. Я б руку себе дала скорей отрубить, я б лучше себе язык откусила. Только сил больше нет у меня — сторела. Скорей уходи отсюда! Как они шумят! Они тебя требуют. Не мучай, не убивай меня...

Майоров. Ты меня знаешь, Поля...

Голос Чорбы. Полина!

Полина. Чорба меня ищет. Чорба меня зовет, Майоров. Слушай, Майоров! Ты говорил: «Не сомневайся. Стой твердо, назад не оборачивайся. Рви с корнем, рушь». Я не сомневалась. Я твердо стояла. Назад не оборачивалась. Я все порушила, не пожалела. Ничего себе не оставила. Один ты остался. Я все рвала. Все нитки порвала.

Голос Чорбы. Полина!

Полина. Одна только нитка осталась. Только одна. Слышишь? Чорба меня зовет. Сейчас!.. Одна тонкая нитка. Скажи слово, Майоров! Одно только слово скажи мне, Майоров. Скажи мне одно слово. Не молчи. Не думай, скажи. Я знаю. Пять лет мы смотрим друг другу в глаза. Пять лет мы прячем глаза друг от друга. Пять лет наши руки висят и не смеют коснуться друг друга. Скажи только слово...

Майоров. Медленно грузы идут по нашим дорогам...

Полина. Скажи только одно слово.

Майоров. Ты знаешь мое слово, Полина.

Полина. Скажи слово.

Майоров. Подожди.

Полина. Ты не человек, Майоров. У тебя не людское сердце. У тебя есть мать, Майоров? Она жива?

Майоров. Она живет в Ленинграде, на Кирочной улице.

Полина. Не отворачивайся. Поверни ко мне лицо. Почему у тебя глаза серые? Ты любишь свою мать, Майоров? Так ради матери своей уходи отсюда, Майоров!

Майоров. Не трогай этого...

Голос Чорбы. Полина!!

П о л и н а. Сейчас!.. Он ищет меня. Он зовет меня, Майоров... Чорба... Майоров!.. *(Уходит.)*

М а й о р о в *(один)*. Город Ленинград... Кирочная улица...

За сценой шум толпы. Входит один из толпы.

Один из толпы. Иди, председатель! Тебя люди за бараками ждут.

СЦЕНА III

«Авангард». За бараками. Майоров и голоса.

Г о л о с а. Что ты нас водишь? Будет!

— Давно пора в поле выходить!

— Умные люди давно пашут! А мы одни дураки!

— Умные люди давно сеют!

— Наш клин бурьяном скоро порастет!

— Где машины?

— Все сроки вышли!

— Разорил народ!

— Подавай машины! Золотые горы сулил!

— Нет машин!

— И не будет!

— Ты головой ручался!

— Подавай машины!

М а й о р о в. Товарищи!

Г о л о с а. Какие мы тебе товарищи! Мы беспризорные бродяги, а не товарищи!

— Хуже каторжных!

— Погляди на нас: холодаем, голодаем!

— Разорил нас! Обманул!

— Зачем в коммуну записывал?

— Мы без коммуны жили!

— За это судить надо!

— Судить его!

П е р в ы й г о л о с. Рано Майорова судить! Рано судить.

В т о р о й г о л о с. Само время!

Т р е т ь и й г о л о с. Пусть скажет. Говори, председатель! Говори, Майоров!

М а й о р о в. Товарищи! Почему шум? В чем дело? Что за сход? Довольно митинговать! Так мы всю нашу запашку в доску промитингуем! Становись на работу! Де-

лать надо, а не языками чесать. Внимание! Завтра мы выходим в поле.

Второй голос. На палочке верхом!

Майоров. На старых машинах начнем.

Первый голос. Правильно! Закрывай митинг! Становись на работу! На старых начнем!

Второй голос. Буде врать! Старые машины неисправны. Довольно, верили! Наши дети с голодухи пухнут. Свезли тебе, как дураки, машины, матерьялы, а что имеем? Батраки! Как ссыльные поселенцы! Хуже, чем при Николае! Сволочь! Погубил народ! По мир, пустил! Все вокруг порушил!

Майоров. Товарищи...

Второй голос. Убить его мало за это! Убить его, собаку! Бейте его!

Первый голос. Ну, ты, потише! Сильно загнул!

Четвертый голос. Кто это сказал? А ну, кто сказал? Выходи. Мы тебе за Майорова голову провалим! Пальцем тронь!

Голоса. Правильно!

— Не дадим председателя!

Майоров. Товарищи! Машины будут. Сегодня телеграмма с завода получена.

Голоса. Будет!

— Один раз обманул, другой не обманешь.

— Нету никакой телеграммы!

Майоров. Вот телеграмма! Третьего дня погрузили.

Голоса. Правильно!

— Верно!

— Раз погрузили — значит, будут!

— Телеграмма!

— Верно!

— Денеша!

— Написано!

Второй голос. При чем телеграмма? Опять обман! Мы другую бумагу видели!

Майоров. Машины будут! Сегодня будут. Может, сейчас идут. Идут. Я слышу. В степи шумят. Слушайте! Я вижу — как в руках держу...

Пауза. Тишина.

Голоса. Ничего подобного! Никакого шума в степи нет!

— Это у тебя в голове шумит!
— Опять обман! Нету шума в степи!
Первый голос. Будто шумит...

Пауза. Тишина.

Третий голос. Нету шума!

Пауза. Тишина.

Майоров. Я сейчас сам на станцию поеду.
Второй голос. Он от народа убежать хочет!
Не пускай его!
Голоса. От народа не убежит!
— Стой!
— Куда от народа бежать?
— Не такой человек Майоров, чтобы от людей бежать.
— Чего зря болтать?
— Становись на работу!
— Завтра в поле выйдем!
— Пойдем, что ли?

Часть толпы уходит.

Майоров. Правильно, товарищи! Долго ждали — меньше ждать останется... А машины будут — голову даю! Становитесь на работу! Кройте!..

Другая часть толпы уходит. Остается небольшая группа.

Тихий голос. Чего ждать? Уйдет! Бей его! Бей комиссара!

Майоров. Кто там? Пускай брочку закладывают!

Второй голос. Постой, председатель! При чем брочка? Эта бумажка тебе знакома?

Майоров. Какая бумага?

Второй голос. Такая самая, бумажная...

Перед Майоровым вырастает Григорий с кирпичом в руке.

Майоров. Товарищи!

Его крик заглушает гармоника.

Негромкий голос. Заходи сзади!

Майоров. Братья!..

Майорова убивают.

Ночь. Степь. Туман. Столб.

Ч о р б а (*один*). Ой, туман какой вокруг! Стой! Кто идет? Эй, человек! До станции далеко? Может быть, я не тем шляхом иду? Чертов туман! Чего ж ты молчишь, человек? Отвечай! У меня оружие в руке. Одна пуля истрочена, шесть в барабане. Не молчи! Подай голос! А может, ты не один? Может, вас тут целая погоня? Стой! Не шевелись! Меня голыми руками не возьмешь. Я без боя не дамся. Тебе говорю, человек! Отойди! Не стой передо мною, как мертвый! Подавай голос! Говори! Кричи! Кто ты такой? А ну-ну-ну-ну... Подойди! Не хочешь? Ну, я к тебе подойду... Покажись! Майоров! Это ты, Майоров? Стой! Кто это сказал? Это я сам сказал. Это я сказал... Тебя ж нет больше на свете, Майоров... Ты мертвый... «Я живой...» Тебя убили... «Меня нельзя убить...» Стой! Кто это говорит?... Это я сам говорю... «Это я сказал, Чорба!» Ты не можешь говорить, тебе кирпичом голову разбили... «Меня кирпич не берет...» Ты там остался лежать — за бараками, на земле... «Меня нельзя убить, Чорба!..» Не стой передо мной, Майоров! Пусти меня! Пять лет ты стоял на дороге моей, как столб. Живой стоял. А теперь мертвый стоишь?.. «Я живой, Чорба!» А?.. Кто это сказал?.. Это я сам сказал... Я сказал... Ой, туман какой вокруг! Ой, туман какой! Пусти меня, Майоров! Отойди с дороги! Чего ж ты молчишь? Не молчи... Подай голос... Ой, туман какой вокруг! Пусти меня, Майоров! Мне на станцию надо скорее. Пусти! Это ж не я тебя убил, Майоров! Не моя рука. Я дома сидел, с женой разговаривал. Это мельника рука. Смотри, моя рука белая! Это Григорий кирпич поднимал. У Григория пальцы красные. Пусти меня! Ты ж мой друг, Майоров!.. Ой, шум какой в степи пошел! Ой, шум какой!

Далекий шум тракторной колонны.

Мне идти надо. Меня люди увидят. Не заслоняй от меня степь... Не стой передо мною, как столб. Я стрелять в тебя буду, Майоров! А!.. (*Стреляет.*) Что ж ты не падаешь? Или у меня рука дрожит? У меня еще пули есть. Стой! (*Выстрел.*) Падай! Вались! Не падаешь? А!.. (*Выстрел.*) Я доконаю тебя... (*Выстрел.*) «Меня нельзя убить, Чорба! (*Выстрел.*) Меня нельзя убить, Чорба! Меня — сотни... Меня — тысячи... (*Выстрел.*) Меня — сотни тысяч. Миллионы меня...» Нет больше пуль у меня... (*Бросает в столб наган.*)

Г о л о с Л а в р и к а (очень далеко). Эй, кто там в степи? Человек! Где дорога на «Авангард»?

Ч о р б а (бросается и падает у столба). Кто сказал «Авангард»? Это не я сказал «Авангард»... Слушай, Майоров! Был у меня конь — ты убил коня моего. Был у меня «Авангард» — ты порушил мой «Авангард». Была у меня жена — ты забрал мою жену. Еще жизнь у меня осталась. Не отнимай моей жизни! Пусти! Не стой на дороге моей!.. Не стой!.. (Исчезает.)

Г о л о с Л а в р и к а (немного ближе). Эй, человек! Как проехать на «Авангард»? Мы тут заблудились... (Еще ближе.) Вот она, дорога! Ребята! Сюда-а-а! Дорога!

Проезжает тракторная колонна.

Л а в р и к. Тю, черт! Это столб, а я думал — человек...

СЦЕНА V

«Авангард». Поле. Осень. Работает молотилка. Татьяна Ивановна, Соня, Лаврик, Самохин, Полина, коммунары, дети.

Первый. Сил нет! В глазах темно...

Второй. Дай воды, Татьяна Ивановна!

Татьяна Ивановна. Голову помочи — пройдет...

Третий. Самохин спит...

Первый. Самохин!

Самохин. А?.. Каторга!..

Первая. Золото столбом стоит до самого неба...

Вторая. Посторонись! Полову отгрести мешаешь.

Самохин. Подохну! Ей-богу, подохну!

Первая. Не подохнешь. Бери лопату!

Соня. Полова в нос лезет. В ушах полова. В волосах полова. Всюду полова...

Кузнец. Навались, товарищи! Напоследок! Домолачиваем!

Самохин. Дай передохнуть!

Соня. Чихать хочется... Апчхи!..

Лаврик. Будь здорова!

Соня. Ох, этот муж! Только от него отвернешься — он уже непременно что-нибудь изобретает. Иди домолачивать, дылда! Что ты там изобретаешь?

Лаврик. Электрический костер. Маленькую динамку к двигателю присоединил. Специально для ребят. Чего солтому зря на костер тратить! Гляди — включаю...

С о н я. И ничего интересного! Совсем на костер не похоже. Просто лампочки крашеные...

Л а в р и к. А ты пробовала лампочки красить? Думаешь, так легко! Я четыре дня краску составлял.

Т а т ь я н а И в а н о в н а. Ты мне лучше кухню электрическую изобрети. Чтоб прямо в поле обед готовить. А это просто ерунда какая-то! Никому не нужно.

Л а в р и к. Много вы понимаете! Спросите ребят, нравится им или не нравится... Ну, ребята? Хороший костер? Нравится?

Г о л о с а. Не нравится!

— Это мошенство!

— На костре надо картошку печь.

— Он холодный!

— Не нравится!..

Л а в р и к. Здравствуйте!

П о л и н а. Детям настоящий костер нужен, Лаврик. Чтоб жег. Чтоб горький огонь глаза ел до слез.

Л а в р и к. Не хотите — как хотите. Я извиняюсь...

С о н я. Осрамился!..

Л а в р и к. Ничего! Это что! Это так себе! Ерундистика! А вот я тут одно приспособление к молотилке сделал. Аппарат такой. Пущу в ход — закачается...

С о н я. Ты уже целый месяц нас пугаешь, а его что-то не видать.

Л а в р и к. погоди! Делегация приедет — увидишь. Закачаешься!

С о н я. Ну, муж у меня! Чистое наказание! Психический.

К у з н е ц. А ну, навались! Разом домолотим — и гора с плеч...

Входит П а н и б р а т ц е в с арифмометром.

П а н и б р а т ц е в. Делегация едет. На грузовике.

Т а т ь я н а И в а н о в н а. Что это у тебя за шарманка?

П а н и б р а т ц е в. Шефы прислали. Арифмометр.

Т а т ь я н а И в а н о в н а. Ага! И пластинки к нему есть? А ну-ка!

П а н и б р а т ц е в. Ой, какая ты неразвитая женщина! Арифмометр — то есть счетная машина. Она сама считает. Все четыре арифметических действия производит: сложение, вычитание, умножение и деление. Теперь, слава богу, отдохну! Цифры по ночам душить перестанут.

Т а т ь я н а И в а н о в н а . До скольких же твоя шарманка считает? Небось тысяч до восемнадцати?

П а н и б р а т ц е в . До ста миллионов!..

Л а в р и к . Во как! Это нам годится.

С а м о х и н . Куда нам миллионы! Нам дай бог, чтоб па тысячи пришлось считать.

Л а в р и к . Ты это брось, Самохин! Развернемся как следует, расширится, тогда, может, и миллионов не хватает.

С а м о х и н . Куда нам расширяться! Нам больше нельзя расширяться. Не выдержим.

Л а в р и к . Выдержим! Весь район в себя втянем. Сплошь всю область. Чем больше, тем лучше. А то что! Сидит каких-то несчастных шестьсот человек и ковыряет тысячу гектаров. И это называется сельскохозяйственная коммуна. Усадьба это, а не коммуна. Возьми — в Америке. Там один человек есть. Ему фамилия Кембелл. У него хозяйство шестьдесят тысяч гектаров. И ничего! Держится американец, не лопается... К сожалению!.. А ты говоришь!..

С а м о х и н . Высоко летаешь, Кузнецов! Где Америка, а где мы...

Л а в р и к . Не выше, чем надо, летаю. Десять тысяч гектаров не подыдем? А сто тысяч не хочешь? Ты электричество в расчет не принимаешь? Ланговой в конце сентября ток обещает. Электрическая запашка. Вода по канавам... Я дальше твоего, Самохин, вижу. Всю землю в себя вберем. Весь мир впитаем. Как будто в руках своих держу.

С о н я . Делегация!

Входят ф о р м о в щ и к , Л а н г о в о й и д е л е г а ц и я .

Л а н г о в о й . Теперь держись!

Ф о р м о в щ и к . Ну как? Машинами нашими довольны? Управились?

К у з н е ц . Сам видишь.

С о н я . Домолачиваем.

Ф о р м о в щ и к . Очень приятно! А теперь с вас, друзья, должок небольшой получить я уполномочен. Где-то у меня записано... Без очков не вижу... Две тысячи тонн. А?

Л а в р и к . Это можно, папаша! Сейчас сыпать будем. Я тут один аппарат специально сконструировал. Ну-ка, ставь карман! Считаю, Панибратцев!

По воздуху на тросе от молотилки к грузовику летят мешки.

Ф о р м о в щ и к. Ух ты, черт! Это его не дурак угорил!

Л а в р и к. Крути шарманку, Панибратцев! Играй музыку! Видал? *(Пролетает верхом на мешке.)*

С о н я. Ой! У меня не муж, а райская птица! Уж он летать начинает...

П а н и б р а т ц е в. До чего ж беспокойный человек! До чего беспокойный!

Ф о р м о в щ и к. Ну, товарищи! Ну, братишки! Ну, внучатки! Очам своим не верю. Ай, коммуна! Ай, «Авангард»! А я думал — надуете. Погодите! А где же это самый главный герой ваш? Пусть покажется. Тут у меня имя его записано. Вот оно! Где же герой ваш Майоров?

Тяжелая пауза. Полина плачет. Горит костер.

Л а в р и к. Я за него!

С о н я. Я за него!

К у з н е ц. Я за него!

П е р в ы й. Я за него!

Бесконечные голоса, один за другим: «Я за него!» Костер. Летят мешки.

З а н а в е с

МИЛЛИОН ТЕРЗАНИЙ

**Водевиль
в трех действиях**

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Экипажев Анатолий Эсперович, весьма немолодой гражданин интеллигентной наружности, без службы.

Калерия, 35 лет
Агнесса, 20 лет
Михаил, 22 лет

} его дети.

Шура Ключикова, 20 лет, кондуктор московского трамвая.

Ананасов Эжен, консультант по делам искусств, потрепанная личность в иностранных спортивных шароварах.

Парасюк Ваня, рабочий, студент Комакадемии.

Парасюк-отец, пожилой рабочий, мастер } его родители.

Парасюк-мать — пожилая женщина

Парасюк-дедушка, бывший дворник, очень стар, смахивает на Льва Толстого.

Артамонова Ангина Павловна, соседка Экипажевых, дама.

1-й жилец, робкий.

2-й жилец, бурный.

Почтальон.

Действие происходит в 20-х годах, в Москве, в конце августа, в течение одного дня; первое и второе — в комнате Экипажева, третье — в квартире Парасюков.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Большая запущенная комната в некогда барской квартире. Претензии на интеллигентность. Пыль. Запустение. Закоулки. Фонарь на улице.

ЯВЛЕНИЕ I

Ш у р а читает. Э к и п а ж е в дремлет. Пауза. Звонит будильник.

Ш у р а (*вскакивает*). Мамочки! На смену опоздаю. (*Останавливает будильник. Начинает собираться на смену.*)

Э к и п а ж е в. Который час?

Ш у р а. Пять минут двенадцатого... Ой!

Э к и п а ж е в. Михаил Анатолиевич не приходил?

Ш у р а. Чего это?

Э к и п а ж е в. Я говорю, Михаил Анатолиевич не возвращался? Ну да, мой сын Миша не приходил?

В дверь заглядывает М и ш а в милицейской форме. Увидев Экипажева, он обращает испуганные глаза к Шуре и скрывается, не замеченный Экипажевым.

Ш у р а. Не приходил.

Э к и п а ж е в. Вторую ночь он где-то пропадает. Это меня начинает сильно беспокоить.

Ш у р а. А чего беспокоиться?

Э к и п а ж е в. Станный вопрос. Среди современной молодежи такое чудовищное падение нравственности. Дурная среда. Я прихожу в ужас. Он еще совсем ребенок.

М и ш а выглядывает.

Ш у р а. Чего это?

Э к и п а ж е в. Я говорю, что Михаил Анатолиевич совсем ребенок. Он легко может поддаться бог знает каким влияниям.

Ш у р а. Ровно ничего с ним не произойдет.

Э к и п а ж е в (*строго*). Вы были когда-нибудь матерью?

Ш у р а. Чего это?

Э к и п а ж е в. Я говорю, у вас были когда-нибудь дети?

Ш у р а (*застенчиво хихикает*). Как вы странно спрашиваете... Я ж девушка...

Э к и п а ж е в. В таком случае вы не можете понять родительского сердца. Вы знаете, до чего он на днях договорился?

Ш у р а. Понятия не представляю.

Э к и п а ж е в. На днях он совершенно серьезно заявил, что собирается поступить в милицию. А?

Ш у р а. И очень даже просто. Чем плохая служба?

Э к и п а ж е в. Шура! Я вам раз навсегда запрещаю в моем доме говорить подобные вещи. Вы, кажется, злоупотребляете своим положением здесь. Вы не в вагоне трамвая. Ну да. Я нахожусь в стесненных обстоятельствах. Я не служу. Я сжат со всех сторон. Я принужден временно, подчеркиваю: временно, пока не возвратятся мои дочери,— сдавать вам... э... кхм... э...

Ш у р а. Койку?

Э к и п а ж е в. Как это великодушно с вашей стороны. Койку! Мерси.

Ш у р а. Ну, угол?

Э к и п а ж е в. Койку... Угол... ну да. Конечно. За двадцать пять рублей, которые вы мне платите в месяц за «койку», как вы выражаетесь, вы можете третировать меня сколько вам угодно. И вы правы. На вашей стороне грубая сила денег. Я принужден молчать. Продолжайте. Продолжайте. Обливайте помоями седую голову старого русского интеллигента.

Ш у р а. Ей-богу, Анатолий Эсперович... Что вы такое говорите... При чем помои... Какие могут быть помои...

Э к и п а ж е в. Продолжайте, продолжайте. Угол. Койка. Нары. Очень хорошо. Дальше! Дальше! Называйте скорее мой дом ночлежкой, а меня самого этим самым... Ну как это называется на современном советском жаргоне... Вышибалой, что ли? Не стесняйтесь. Валяйте. Вот до чего довели бедную русскую интеллигенцию! Мерси.

М и ш а выглядывает и делает Шуре отчаянные знаки.

Ш у р а. Анатолий Эсперович!

Э к и п а ж е в. Нуте-с?

Ш у р а. Анатолий Эсперович... *(Таинственно.)* Кто-то в уборной свет не погасил.

Э к и п а ж е в. Опять? *(Гордо выпрямляясь.)* Ну, это уже хамство! *(Зловеще и твердо уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ II

В комнату быстро вскакивает М и ш а.

Ш у р а. Насилу спланила вашего папашу.

М и ш а. А то прямо гроб. Жильцы в коридор заглядывают, видят — милиционер. Беспокоятся. А я от них морду прячу за вешалку. Ни туда ни сюда. Прямо происшествие.

Ш у р а. Демобилизуйтесь скорее.

М и ш а. К вам в сундучок можно милицейское барахлишко сунуть?

Ш у р а. Давайте.

М и ш а. А то папаша найдет, тогда — гроб. *(Переодевается.)*

Ш у р а. Ну, как служба?

М и ш а. Ничего служба. Стоим на посту. Сегодня жалованье платили.

Ш у р а. Ну, стало быть, здравствуйте и прощайте. Мне на смену.

М и ш а. Я со смены — вы на смену. Вы со смены — я на смену. И так всю жизнь. Довольно глупо.

Ш у р а. Не замечаю ничего глупого.

М и ш а. А я замечаю.

ЯВЛЕНИЕ III

Входит Э к и п а ж е в.

Э к и п а ж е в. В конце концов придется запереть уборную на замок и ключ выдавать в каждом отдельном случае. Здравствуй, Михаил. На всю комнату казармой несет. Откуда это? Какая-то помесь капусты и ефрейтора. Это от тебя? Фу, мерзость какая!

М и ш а. Да, действительно. Чтой-то пованивает.

Ш у р а. Это, Анатолий Эсперович, наверное, у кого-то из жильцов на кухне щи варятся.

Э к и п а ж е в. Гм... Действительно, нечто вроде щей! У кого же могут быть сегодня щи? Странно. *(Уходит.)*

Ш у р а. Родненькие! Опоздала! *(Убегает.)*

Без Шуры.

Э к и п а ж е в (*входя*). Большая свиная нога варится в шах. Конечно. Им все, а нам ничего. Что это значит, Михаил?

М и ш а. В чем дело? Что случилось?

Э к и п а ж е в. Надеюсь, пока еще ничего не случилось. Но меня крайне, подчеркиваю: крайне — беспокоит твое поведение. Куда ты идешь? К чему ты стремишься? Какие у тебя идеалы?

Миша молчит.

Я спрашиваю: какие у тебя идеалы?

М и ш а. Да нет у меня никаких идеалов.

Э к и п а ж е в. У всех Экипажевых всегда были идеалы. До сих пор еще ни одного Экипажева не было без идеалов. Ни од-но-го... Не перебивай меня.

М и ш а. Да я тебя не перебиваю. Отстань.

Э к и п а ж е в. Как ты смеешь грубить отцу! Кто тебя научил? Экипажевы никогда не грубили своим отцам. Слышишь: ни-ког-да! Экипажевы высоко держали знамя русской интеллигенции и свято передавали его из рук в руки, из поколения в поколение. Твой прадед высоко держал знамя. Твой дед высоко держал знамя. Твой отец высоко держал знамя. И до сих пор еще держит довольно высоко, несмотря ни на что. Подчеркиваю: несмотря ни на что. Ну да. Святое знамя свободы и борьбы. А ты? Что общего может быть у сына Анатолия Экипажева с кондукторшей московского трамвая? Не перебивай меня. Господи, ты видишь... Мне некому передать мое знамя.

М и ш а. А вы сестрам не пробовали передавать?

Э к и п а ж е в. Что?!

М и ш а. Ничего. Я только говорю: может быть, Каля и Аня...

Э к и п а ж е в. Не смей говорить о своих сестрах на этом ужасном уличном жаргоне: Каля, Аня... В роду Экипажевых никогда не было никаких Каль и Ань. Калерия и Агнесса. Агнесса и Калерия.

М и ш а. Ну пускай Калерия и Агнесса.

Э к и п а ж е в. Не перебивай меня. Ты не достоин произносить их имен.

М и ш а. Так можешь передать им знамя.

Э к и п а ж е в (*строго*). Знамя передается исключительно по мужской линии. Но если ты будешь себя так

вести... Если у тебя не будет идеалов и принципов, то придется... Имей в виду, Михаил, — придется передать... И видит бог, я передам. Не посмотрю на то, что они девушки, — и передам знамя. Особенно Калерии. Она ведет себя безупречно. Я еще не знаю, что будет с Агнессой. Я не знаю, чего она наберется в своем, как это называется на вашем ужасном языке, в своем вузе, кажется, так — вуз! Но за Калерию я ручаюсь... Она не изменит высоким принципам Экипажевых. И служению чистому искусству. Пока большевики не распродадут последнего шедевра последнего музея, она будет свято охранять музейные ценности — единственное, что нам осталось от великого культурного наследия прошлого.

М и ш а. Да что ты зарядил, ей-богу: идеалы, большевики, распродадут шедевры... Вот достукаешься до того, что тебе пришьют дело.

Э к и п а ж е в. Молчи! Я ничего не боюсь. Экипажевы никогда не скрывали своих убеждений. Пусть приходят, пусть надевают на меня кандалы. Я готов. Экипажевы всегда страдали за убеждения. Ну! Берите меня... Я подчиняюсь произволу.

Стук в дверь. Пауза.

Тс-с-с!

Пауза.

А... антрэ!

ЯВЛЕНИЕ V

В дверь заглядывает 1-й ж и л е ц.

1 - й ж и л е ц. Это к вам милиция? (*Входит в комнату.*)

Э к и п а ж е в. К...какая м...милиция? За что же?

1 - й ж и л е ц. Жильцы, говорят, видели, как сюда к вам милиционер вошел. Я сам, конечно, не видел, но жильцы говорят, возле вашей двери милиционера видели...

Э к и п а ж е в. Видит бог. Ни сном ни духом. Зачем же милиция! Я четырнадцать лет сочувствую...

М и ш а. Никакого тут милиционера не было. Что вы зря панику поднимаете! Видите, ну где милиционер?

1 - й ж и л е ц. Нету милиционера.

ЯВЛЕНИЕ VI

В дверь заглядывает 2-й ж и л е ц и бурно врывается.

2 - й ж и л е ц. В чем дело? Что такое? Экипажева забирают?

Экипажев. Меня нельзя забирать. Я — лояльный.

2-й жилец (*кричит в коридор*). Экипажева забирают!

ЯВЛЕНИЕ VII

Входит соседка Артамонова.

Артамонова. Голубчик! Анатолий Эсперович! Да что же это делается? Да за что же это вас в милицию?

Голос за сценой. Господа! Экипажева забирают! Милиция пришла!

Миша. Граждане! Что за паника? Никакой милиции нет. Это вам показалось. Видите? А ну, граждане! Попрошу посторонних очистить помещение. (*Выпроваживает всех жильцов Артамоновой. Кричит в коридор.*) Нету никакой милиции! Разойдитесь!

Экипажев. И в коридоре нету... милиции?

Миша. И в коридоре нету.

Экипажев. Ну-с.

Артамонова. Я так переволновалась... Так переволновалась...

Экипажев. Уверю вас, госпожа Артамонова, — напрасное волнение. Берите с меня пример. Вы увидите, — совершенно я спокоен. Мы, интеллигенция... Может быть, в кухне — милиция?

Миша. Нету в кухне милиции. Нету! Успокойся.

Экипажев. Ну-с. Русская интеллигенция всегда была жертвой полицейских репрессий. Радищев. Декабристы. Октябристы. Пушкин, Лермонтов, Жуковский... Слышишь, Михаил! Ты должен склонить голову перед этими святыми именами, а не глупо ухмыляться. Вот, госпожа Артамонова, современная молодежь. Полюбуйтесь!

Артамонова (*со вздохом*). Да, уж... (*Оживившись.*) Анатолий Эсперович! Кстати, об интеллигенции. Нас с вами можно поздравить.

Экипажев. Что такое?

Артамонова. Наконец-то Советская власть взяла лучшую часть старой интеллигенции на особое снабжение.

Экипажев. Не может быть!

Артамонова. Уверю вас. Муж моей дочери, мой зять, инженер Белье, прикреплен к закрытому распределителю. Представьте себе, в месяц по твердым ценам

выдают кило масла, четыре с половиной кило мяса, тридцать литров молока, кило колбасных изделий.

Экипажев. Кило колбасных изделий...

Артамонова. Тридцать штук яиц, два с половиной кило рыбы, сто граммов чаю, пять кило сахара...

Экипажев. Сахару...

Артамонова. И еще что-то там. Да, кило сметаны, три кило фруктов... Вы разве не получили? Да, еще тридцать пачек папирос...

Экипажев. Н-нет. Не получил.

Артамонова. Да, впрочем, вы ведь не служите. Ах, Анатолий Эсперович, голубчик, почему вы не служите?

Экипажев. Служить бы рад — прислуживаться тошно.

Артамонова. Ну что вы, что вы! Давно все наши служат.

Экипажев. Все, но не я. Экипажевы никогда не продавали своих убеждений... как некоторые.

Артамонова. Если это намек на мужа моей дочери, моего зятя, инженера Белье... Муж моей дочери, инженер Белье...

Экипажев. Французик из Бордо. О да. Молчалины блаженствуют на свете.

Артамонова. Анатолий Эсперович! При всем моем уважении к вам... Вы должны знать, что инженер Белье...

Экипажев. Я не хочу знать никакого Белье. Меня не интересует чужое белье. Да-с. Грязное чужое белье.

Артамонова. Гражданин Экипажев! Вы забываете, что я — мать. Это слишком. Вы сами три раза служили. И вас отовсюду выгоняли по чистке. Да, по чистке.

Экипажев. Я запрещаю вам говорить в моем доме подобные вещи!

Артамонова. Этот дом такой же ваш, как и мой.

Экипажев. Ах, пардон. Я не знал, что вы за экспроприацию частной собственности. В таком случае я запрещаю вам говорить подобные вещи на моей площади. Меня не выгоняли по чистке. Я сам уходил по чистке, потому что не желал работать с хамами. Да, с хамами! Как некоторые подозрительные «интеллигенты».

Артамонова. Да кто вы такой? А может быть, вы сами и есть подозрительный интеллигент? Почему я знаю! Я с вами в университете не училась. Вызубрили десять слов: «интеллигенция», «идеалы», «принципы»,

«произвол», «знамя» — и кричите на всю, всю квартиру, как попугай.

Э к и п а ж е в. Молчите!

А р т а м о н о в а. Не замолчу! Всех жильцов терроризировали. Пикнуть вам наперекор бояться. А вдруг на самом деле — великий интеллигент, мученик за идею... Радищев...

Э к и п а ж е в. Я запрещаю вам!

А р т а м о н о в а. Сюртуком пугаете! Собственных детей убедили, что духовный интеллигент. У нас люди доверчивые, — поди проверь, что именно вы интеллигент и именно духовный.

Э к и п а ж е в. Па-а-прашу вас не переступить больше порога моей комнаты.

А р т а м о н о в а. А может быть, вы просто бывший околоточный надзиратель!

Э к и п а ж е в. Мерси! Между нами все кончено. Идите! Ступайте скорее на кухню варить свои обеды из подачек, полученных инженером Белье от большевиков.

А р т а м о н о в а. И пойду. Тьфу! (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ VIII

Т е ж е, без Артамоновой.

Э к и п а ж е в. Мерси! Масла кило, мяса четыре с половиной кило. Молока тридцать литров. Колбасных изделий кило. (*Мише.*) Что ж ты молчишь, как чурбан? Твоего отца оскорбляют в собственном доме, а ты прилип к окну и ничего не видишь и не слышишь! Я тебе говорю, Михаил! Чего ты в окне не видел? Трамваев не видел? Брось книжку. Брось эту дрянь. О, если бы твоя покойная мать видела все это! Некому передать знамя. Некому... (*Впадает в задумчивость.*) Тридцать штук яиц. Два с половиной кило рыбы. Сто граммов чаю. Пять кило сахару. Кило сметаны. Три кило фруктов. Да-с... Варятся щи с капустой. В щах лежит большая свиная нога... Ух-х-х!

ЯВЛЕНИЕ IX

Входит, запыхавшись, Ш у р а с сумкой.

Ш у р а. Вагон остановился.

Э к и п а ж е в. Поздравляю вас.

Ш у р а. Аккурат против самого дома. В окошко ви-

дать. Поглядите, Миша, стоит мой вагончик. Авария. Против самых наших ворот испортился. Такое счастье!

Э к и п а ж е в. Вот-с. Картина. Панно. Советский транспорт. Нет людей. Нет настоящих интеллигентных людей!

Ш у р а. Минут десять простоим. Ой, Анатолий Эсперович! Кого я только что видела! Я только что вашу дочку видела.

Э к и п а ж е в. Мою дочку? Которую?

Ш у р а. Калерию Анатолиевну. Ой, Миша, подержите сумку. Я такая взволнованная, такая взволнованная...

Э к и п а ж е в. Где?

Ш у р а. Возле Курского вокзала. Там наш вагончик остановился. Испортился. Аккурат напротив. Авария. Я смотрю — и вдруг вижу, Калерия Анатолиевна на извозчика с мужчиной садятся. Такая вся загорелая. Видать, прямо из Крыма. А мужчина, знаете, ее за талию поддерживает. Прямо цирк.

Э к и п а ж е в. Стой! Какой мужчина?

Ш у р а. Обыкновенный мужчина, просто человек. Понятия не представляю. Обыкновенный ее муж.

Э к и п а ж е в. Как — муж! Вышла замуж?

Ш у р а. Говорит, вышла замуж.

Э к и п а ж е в. О, господи! Да что же ты с ней — разговаривала?

Ш у р а. Ой, где там! Я ее только спросила, кто такой, а она кричит через все уличное движение, дескать, замуж вышла. Как раз между ними и нами грузовик-пятитонка встрял. Я только успела через грузовик спросить — куда едете. А она обратно, через грузовик, говорит: сюда едет. К вам, Анатолий Эсперович.

Э к и п а ж е в. Дальше. Дальше. И что же?

Ш у р а. А дальше ничего. Еще один грузовик-пятитонка между нами и ими встрял и два ломовика аккуратно встряли. Ну, они и поехали. А потом мы поехали. А он ее за талию держит. Прямо цирк, не будь я гадом. Так что можно вас поздравить. Они сюда едут. А я, значит, теперь должна свою койку освободить?

Э к и п а ж е в. Опять — койку?

Ш у р а. Ну — постельку, постельку...

Э к и п а ж е в. Наоборот. Наоборот. Для меня этот брак, собственно, не является неожиданностью. Калерия мне давно писала из Крыма, что за ней ухаживает один молодой человек. Прекрасный, интеллигентный, — под-

черкиваю: интеллигентный,— молодой человек из хорошей фамилии. Вы, вероятно, слышали, присяжный поверенный Николай Николаевич Ананасов? Так это его сын. Сын Ананасова. Консультант по делам искусств. Они будут жить у Ананасовых. Прекрасная партия, прекрасная.

М и ш а. Слава богу, наконец-таки Калька выскочила замуж.

Э к и п а ж е в. Я тебе запрещаю говорить о старшей сестре и о браке в таком тоне. И приведи себя в порядок. Сейчас они приедут. Я требую, чтобы ты держал себя достойно. Надеюсь, ты не заставишь меня краснеть за тебя перед господином Ананасовым.

М и ш а. Я все равно уйду сейчас.

Э к и п а ж е в. Тем лучше... Да... Сюртук. Где мой сюртук? И — в парикмахерскую. Надо привести себя в порядок. (*Смотрит в зеркало.*) Боже, как я опустился! Как опустился! Шура, вы мне разрешите? Я у вас из сумки возьму в счет платы за... постельку один рубль или даже лучше два? А то у меня временно стесненные обстоятельства.

Ш у р а. Ей-богу, я не знаю, Анатолий Эсперович. Вчера вы брали. И позавчера брали.

М и ш а. Не надо. Вот возьми. Я сегодня получил сорок восемь рублей.

Э к и п а ж е в. Вот как! Это другое дело! Где ты получил? Впрочем, можешь не отвечать. Я не смею залазить тебе в душу и насиловать твое «я». Экипажевы никогда не насилуют чужого «я». Будем считать, что беру у тебя эти деньги на сохранение.

М и ш а. Зачем на сохранение? Бери просто. Я у тебя живу. Ты без работы.

Э к и п а ж е в. Ни слова. Я никогда не позволю себе брать деньги у собственного сына.

М и ш а. Ты же у Калерии и у Агнессы берешь.

Э к и п а ж е в. Да. Беру. Но на сохранение. Подчеркиваю — на сохранение.

М и ш а. Пускай будет на сохранение.

Э к и п а ж е в. Нуте-с. Если они приедут в мое отсутствие, прошу тебя, прими его радушно, но достойно. Не забывай, что он Ананасов, а ты Экипажев. Молодая поросль русского либерализма. (*Величественно идет в парикмахерскую.*)

Без Экипажева. Пауза. Звонит будильник.

М и ш а. Ух ты! Половина третьего. Пока папаша красоту наводит... *(Достает из сундука милицейскую форму и одевается.)*

Ш у р а. Куда торопитесь? Подождите.

М и ш а. А может быть, мне на пост становиться надо.

Ш у р а. А где ваш пост?

М и ш а. Мой пост там, где ваш маршрут не проходит.

Ш у р а. А вы откуда знаете, где мой маршрут проходит?

М и ш а. Милиция обязана все маршруты знать. *(Одевается.)*

Ш у р а. Что-то вы очень много о себе думаете.

М и ш а. Я не о себе думаю. Я о маршруте думаю. А вы о чем думаете?

За окном звонки трамвая.

Ш у р а. Мамочки, вагончик мой трогается!

М и ш а. Это встречный. Ваш стоит на месте. Видите, какая пробка! На полчаса дело.

Ш у р а. Хорошо вам, милицейским.

М и ш а. А чем хорошо?

Ш у р а. Вы можете на посту книжку читать.

М и ш а. А вы можете в вагоне читать.

Ш у р а. А вот в вагоне никак не мыслимо.

М и ш а. Почему это не мыслимо?

Ш у р а. Публика невозможно грубая. Особенно гражданки попадаются проклятые. Только откроешь книжку, а она тебе так и норовит гривенник в глаза засунуть. Прямо как в автомат.

М и ш а. Такую публику штрафовать надо.

Ш у р а. По нашему маршруту, к сожалению, ни одного порядочного милиционера не стоит.

С улицы звонки.

Ой, вагон трогается!

М и ш а. Погодите, я тоже по вашему маршруту поеду.

За дверью голоса.

Ух... папаша. Происшествие! *(Прячется.)*

Ш у р а *(выглядывая в дверь)*. Калерия Анатолиевна с мужем. Прямо цирк, не будь я гадом.

ЯВЛЕНИЕ XI

Входит Калерия и абсолютно пьяный Ананасов.

Ананасов (*хрипло*). Папаша, вы дома?

Калерия. Эжен... Я умоляю тебя... Я схожу с ума...

Ананасов. Я хочу видеть моего папу. Моего нового па... папочку.

Калерия. Боже мой... боже мой...

Ананасов (*видит Шуру*). О! Кондукторша! Я думал, что мы уже приехали. А ок-казывается, мы еще едем...

Калерия. Эжен, ради всего святого! Мы уже приехали, приехали. Это наша квартира.

Ананасов. Значит, вы ж-живете пр-реимущественно в трамвае?

Калерия. Это комната, комната.

Ананасов. Странно. А почему кондукторша? Послушайте, дайте мне два билета... мне и моей жене... Передайте кондукторше. Будьте любезны. Извините... Меня со всех сторон толкают... Вагон страшно качает...

Калерия. Эжен, на коленях умоляю тебя, идем!

Ананасов. Ви-но-ват. Я не желаю сходить. Можете позвать милиционера. Я себя веду вполне корректно...

Калерия. Шурочка... Ради бога.... Умоляю вас... Где папа?

Шура. Он в парикмахерской. Сейчас придет.

Калерия. Господи, господи! Умоляю вае на коленях! Не говорите ему ни слова! Какой стыд!

Появляется Миша.

Мишенька! Ты уже служишь? Как я рада! Очень прошу тебя. Я его сейчас уведу. Ни слова папе! Это его убьет!

Миша. Поздравляю.

Звонки трамвая.

Шура. Mamочки, поехали без меня! (*Убегает.*)

ЯВЛЕНИЕ XII

Те же, без Шуры.

Ананасов (*видит Мишу*). О! Милиционер. А где же кондукторша? Что такое? Куда меня привели?

Калерия. Это наша квартира.

Ананасов. Значит, вы живете пр-реимущественно в милиции?.. Очень приятно... Можете меня арестовать. Ведите меня в темницу. Милиционер! Ха-ха-ха!

Калерия. Миша, ради бога! Ни слова папе!

Миша. И ты ни слова, что я в милиции.

Ананасов. Милиционер! Можете составлять протокол. Так и пишите: потомственный почетный дворянин, консультант по делам искусств, Евгений Николаевич Ананасов. Не желает выходить из трамвая. Пожалуйста...

Миша. Возись с пьяными! Еще на пост опоздаю. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ XIII

Те же, без Миши.

Ананасов. Ах, так? Кондукторша ушла. Милиционер ушел. Все ушли. Понимаю. Личный выпад? В таком случае я тоже уйду.

Калерия. Куда ты?

Ананасов. Домой. К папе. К своему старому настоящему папочке. *(Рыдает.)*

Калерия. Вот и умница. Поезжай домой. Будешь дома бай-бай. А я сейчас приеду. Сейчас приеду.

Ананасов. Бай-бай...

Калерия. Вот, вот, иди, солнышко, иди. Ты дорогу домой найдешь?

Ананасов. Найду. Все прямо, прямо, прямо и потом все налево, налево, налево. Бай-бай. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ XIV

Калерия одна.

Калерия. Боже мой... Кто б мог подумать... Мамочка! *(Рыдает у портрета матери.)* Милая моя мамочка!.. Отчего тебя нет со мной!

ЯВЛЕНИЕ XV

Входит Ананасов, шатаясь, доходит до Шуриной постели, валится на нее и, бормоча «бай-бай», засыпает, не замеченный Калерией.

Калерия. Он был такой нежный... такой благородный... В Крыму... *(Рыдает.)*

ЯВЛЕНИЕ XVI

Входит Экипажев с букетом и бутылкой шампанского.

Экипажев. Калерия!

Калерия. Папочка!

Экипажев. Ты плачешь? Что случилось? Где твой муж? Где все?

Калерия. Все ушли. А мой муж... Он очень устал с дороги... Он — завтра. Он очень извиняется. Он такой хрупкий. А я пришла, и вот... Увидела мамочкин портрет и расстроилась...

Экипажев. Дитя мое... О, я понимаю! Как я тебя понимаю! Плачь, плачь! Это светлые, блаженные слезы счастья. Последние слезы суровой зимы и первые слезы, та-ра-ра, любви. За Ананасова?

Калерия. За Ананасова.

Экипажев. Я очень рад. От души тебя поздравляю, Калерия. Ананасовы — прекрасная русская либеральная фамилия. Можешь смело носить ее, с гордостью, но никогда — подчеркиваю: никогда — не забывай, что ты урожденная Экипажева.

Калерия. Я не забуду.

ЯВЛЕНИЕ XVII

В дверь заглядывает 1-й жилец.

Экипажев. Что такое? Милиция?

1-й жилец (*входит в комнату*). Ах, нет! Никакой милиции. Вас, кажется, можно поздравить? Жильцы говорят, что Калерия Анатолиевна выходит замуж. Я сам, конечно, лично не видел, но жильцы говорят, что выходит.

Экипажев. Вышла. Не выходит, а вышла. Нуте-с?

1-й жилец. В таком случае... Анатолий Эсперович! Калерия Анатолиевна! Позвольте принести свои самые сердечные извинения, то есть поздравления. Я, конечно, сам не видел, но жильцы говорят, так что позвольте принести.

ЯВЛЕНИЕ XVIII

В дверь заглядывает 2-й жилец и затем бурно врывается.

2-й жилец. В чем дело? Что такое? У вас событие? Калерия Анатолиевна вышла замуж?

Экипажев. Как видите.

2-й жилец (*в коридор*). Граждане, у Экипажевых событие. Старшая дочь вышла замуж!

Экипажев. Нуте-с!

Входит соседка Артамонова, неся на тарелке пирожок.

Артамонова. Голубчик! Анатолий Эсперович! Ну, допустим, я погорячилась. Кто старое помянет, тому глаз вон. Ради такого дня! Да что же это делается! Господи! Калерия Анатолиевна! Калечка! Душечка! Поздравляю вас! Анатолий Эсперович! Позвольте вам собственно печенья. Не побрезгуйте.

Экипажев. Мерси, мерси.

Артамонова. Душечка! Калечка! За кого?

Экипажев. За сына присяжного поверенного Николая Николаевича Ананасова, консультанта по делам искусств, Евгения Николаевича Ананасова.

Все жильцы. О!..

Голос за сценой. Господа! У Экипажевых свадьба. Дочка замуж вышла за Ананасова!

Артамонова. Моя дочь и муж моей дочери, мой зять, инженер Белье, будут так рады, так рады! Но где же, душечка, ваш супруг?

Экипажев. Евгений Николаевич очень устал с дороги. Они только что с курорта. При теперешнем состоянии транспорта, вы понимаете... Он такой хрупкий...

Калерия. Да, да. Мне надо идти. Он такой хрупкий.

Экипажев. Вообще все Ананасовы такие хрупкие.

Калерия. Я очень беспокоюсь за его здоровье. Извините. Мне надо идти.

Экипажев. Они будут жить у Ананасовых.

Калерия. Мы придем скоро... Извините... Скоро... Сейчас...

Артамонова. Ах, душечка, я вас очень понимаю. Идите, душечка, идите.

Калерия. До свиданья. Извините. До свиданья. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ XX

Те же, без Калерии.

Экипажев. Ну-с...

Все смотрят на бутылку шампанского.

Ну-с!

Артамонова. Теперь, Анатолий Эсперович, остается только найти хорошего женишка для Агнессочки...

Ж и л ь ц ы. Хорошего для Агнессочки. (Смотрят на бутылку.)

Стук в дверь.

Э к и п а ж е в. Антрэ!

ЯВЛЕНИЕ XXI

Входит почтальон.

П о ч т а л ь о н. Заказное письмо Экипажеву. Кто Экипажев?

Э к и п а ж е в. Я Экипажев.

П о ч т а л ь о н. Получите.

Э к и п а ж е в. От Агнессы.

А р т а м о н о в а. Легка на помине.

Э к и п а ж е в. От Агнессы Экипажевой из Сталинграда. Она там на производстве, на практике. Для молодой девушки весьма интересное место. Инженеры. Иностранцы... Гм... как знать...

П о ч т а л ь о н. Распишитесь.

Э к и п а ж е в. Одну минуточку. Ручка есть, а пера нету. Ах, вот перо. Не действует. То есть перо действует, а чернила не действуют. Высохли. Черт знает что! У русского интеллигента высохли чернила! Как это называется, господа? Символическое высыхание чернил! А? (Горько смеется.)

П о ч т а л ь о н. Гражданин, нате карандаш.

Э к и п а ж е в. Огрызок какой-то. Его надо слюнить. Еще анилином отрависься. Впрочем, пускай. И так — затравили. Вот-с. Удивляюсь, как я еще не разучился писать свою фамилию: Э-ки-па-жев. Мерси. Вот-с, товарищ почтальон. Такие дела. Старшую дочь только что за хорошего человека выдал. Присяжного поверенного Анаасова знали? Интеллигентнейший человек. Не знали? Так за его сына. А вот теперь от младшей письмо. Пойдите, голубчик. Вы мне принесли письмо от любимой дочери. Нежный документ, сувенир. Не считайте это оскорблением. Возьмите рубль, сдачи не надо.

П о ч т а л ь о н (застенчиво). У нас не полагается.

Э к и п а ж е в. Ах, не полагается? Пардон! (Прячет рубль обратно.)

Почтальон, помявшись, уходит.

Ах, классовая гордость! Пожалуйста.

Без почтальона.

Э к и п а ж е в. Простите великодушно. (*Распечатывает письмо и читает.*) Что??? А-а-а! (*Испускает вопль.*)

В с е. Что такое? Что случилось?

Э к и п а ж е в. Поздравляю вас, господа. Моя младшая дочь, Агнесса Экипажева, вышла замуж за хама. Поздравляю вас всех, господа!

1 - й ж и л е ц. Почему всех?

2 - й ж и л е ц. При чем тут мы?

Э к и п а ж е в. Так. Всех. Всю русскую духовную интеллигенцию. Господин Белинский. Вас тоже поздравляю! (*Кланяется портрету Достоевского.*) Вот. Где это? Не вижу. Ничего не вижу. В глазах потемнело. Читайте, читайте. Вот тут. Ангина Павловна, читайте!

А р т а м о н о в а (*читает*). «Дорогой папочка, я так счастлива. Наконец я полюбила, и меня полюбили. Я вышла замуж. Хотя мой муж и рабочий...» Какой мезальянс! «Хотя мой муж и рабочий...»

Э к и п а ж е в. Довольно. Больше ни слова. Вот. Дочь Экипажева вышла замуж за мастерового. Нет, вы слышите? Госпожа Артамонова! Вы — мать. Вы поймете меня. Ну, представьте себе. Дочь, чистая девушка из интеллигентной, культурной семьи. Нежный бутон, капля дождя... и вдруг — муж хам. Ха-ха-ха! Муж войдет в мой дом. Вот сюда он войдет — муж моей дочери, дочери Экипажева, — пьяница, алкоголик, тупица, хулиган, низкий обезьяний лоб. Господа, я либерал. Я против крепостного права. Больше того, я — демократ. Экипажевы всегда держали знамя демократизма... Но это, это... Нет! Поймите же вы меня. Только вы можете понять меня, госпожа Артамонова. Они приедут сюда. Вот, вот... (*Хватает письмо.*) Они уже едут. Уже, может быть, подъезжают... (*Рвет письмо.*) Вот сейчас войдет мой пьяный зять и потребует водки и закуски. Он ляжет на мой письменный стол, на мои бумаги и брошюры и задерет ноги. Он развесит свои портянки на вашем портрете, господин Белинский. (*Кланяется портрету Достоевского.*) Он будет крутить сигарки из Брокгауза и Ефрона. (*Плачет.*) Он будет пропивать вещи. Сюртук мой пропьет. Будильник пропьет. Он будет меня бить.

2 - й ж и л е ц. Еще из комнаты, пожалуй, выселит. В происхождении начнет копать.

Экипажев. Вы думаете? Ох, комната! Ох, происхождение! Нет! Что скажет старик Ананасов! Уйдите, господа! Оставьте меня одного. Пусть я буду умирать один в своей пещере, как раненый лев. О, как мне трудно жить!

Артамонова. А вы ложитесь, товарищ Экипажев. Может быть, вам в лежачем положении легче жить будет.

Экипажев. Уходите... Уходите, господа, прошу вас...

Все уходят.

ЯВЛЕНИЕ XXIII

Экипажев один. Лежит и стонет.

Экипажев. Поздравляю вас, господа! Благодарю! Поздравляю! Мерси!

ЯВЛЕНИЕ XXIV

Бурно входит Агнесса. Еще за сценой слышно, как она громко поет.

Агнесса. «По морям, по морям, нынче здесь, а завтра там,— по морям, морям, морям...» Дорогу женщине! Престарелый отец! Честь имею явиться! Ура! Прими в свои объятия блудную дочь Агнессу! Завод — красота. Один сборочный — три гектара. Девятьсот пятнадцать автоматов. Лаборатория — на ять! Волга под боком. Купайся — не хочу. Ваньку чуть током не убило. Мы хохочем, а он висит на изоляторе и визжит, как белуга. Да что с тобой такое, очнись. Посмотри, какие у меня руки стали. Во! Красота! Ну?

Экипажев. Как ты посмела сюда явиться? Я тебя проклял.

Агнесса. Когда ты меня проклял?

Экипажев. Четверть часа тому назад.

Агнесса. Здравствуйте! За что?

Экипажев. Мне гадко на тебя смотреть.

Агнесса. Ну, знаешь, это просто свинство. Два месяца не видались, и вдруг — здравствуйте! Нет, вы видали что-нибудь подобное? Ты разве не получил моего письма? Я так счастлива! Мы так счастливы с мужем!

Экипажев. С мужем? Я запрещаю вам произносить это священное слово. Я не давал согласия на ваш брак. Это не муж. Это ваш сожитель! Мерси!

А г н е с с а. Ты что — окончательно спятил?

Э к и п а ж е в. Будьте любезны сообщить мне, кто, собственно, тот субъект, которого вы называете своим мужем?

А г н е с с а. Здравствуйте! Я ничего не понимаю. Я ж написала, Ваня — рабочий.

Э к и п а ж е в. Мерси. А кто Ванин батюшка?

А г н е с с а. Тоже рабочий. Мастер.

Э к и п а ж е в. А бабушка?

А г н е с с а. Не знаю. Наверное, тоже.

Э к и п а ж е в. Так. Вопросов больше не имею. Пошла вон!

Пауза.

А г н е с с а. Здравствуйте. Новые фокусы!

Э к и п а ж е в. Пошли вон из моего дома!

А г н е с с а. Ты болен. Факт. Я не понимаю. Бросают больного человека одного. А Миша? А соседи? А Шура? Неужели никто не мог послать за доктором?

Э к и п а ж е в. Боже мой! Что скажет Ананасов?

А г н е с с а. Какой Ананасов? Что за Ананасов?

Э к и п а ж е в. Ананасов. Присяжный поверенный, Николай Николаевич Ананасов, отец мужа твоей сестры Калерии.

А г н е с с а. Калька вышла замуж? Когда?

Э к и п а ж е в. Только что.

А г н е с с а. Вот так номер — я чуть не помер! Ай да Калька! Поздравляю.

Э к и п а ж е в. Ты привела его сюда?

А г н е с с а. Кого?

Э к и п а ж е в. Ну, этого... Так называемого Ваню... Твоего сожителя...

А г н е с с а. Нет, он сейчас занят.

Э к и п а ж е в. Ах, занят. Я знаю, чем он занят. Прямо с вокзала в кабак пошел.

А г н е с с а. Папа!

Э к и п а ж е в. Не лги. Я знаю. Какую же фамилию ты теперь носишь?

А г н е с с а. Фамилию мужа. Мы зарегистрировались в Сталинграде.

Э к и п а ж е в. Именно?

А г н е с с а. Конечно, папа. Это предрассудки. Но у меня теперь фамилия такая странная. Но в общем, маленькая фамилия. К ней очень легко привыкнуть.

Э к и п а ж е в. Фамилия!!!

А г н е с с а. Она даже может понравиться. Лично мне, например, нравится.

Э к и п а ж е в. Фамилия!

А г н е с с а. Парасюк.

Э к и п а ж е в. Как?

А г н е с с а (*нежно*). Парасюк.

Э к и п а ж е в (*кричит*). А-а-а! Парасюк! Па-ра-сюк! Я чувствовал это. Фамилия моей дочери — Парасюк! Ты больше мне не дочь! А! Я знаю! Ты его привела и прячешь? Тебе стыдно показать в интеллигентной семье человека с фамилией Парасюк! Это не фамилия, а кличка. Я знаю. Он сейчас сюда придет и начнет скандалить! Копаться в происхождении! Я его как вижу: Парасюк! Я не хочу. О, боже!..

А г н е с с а. У тебя жар. Факт. Погоди, не рыпайся. Я сейчас все устрою. Вот действительно не было печали! (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ XXV

Э к и п а ж е в один.

Э к и п а ж е в. Свершилось!

ЯВЛЕНИЕ XXVI

Из-за ширмы появляется еще не вырезвившийся А н а н а с о в.

А н а н а с о в. Папа. П-папочка. Ку-ку!

Э к и п а ж е в. Вот он! Парасюк!

А н а н а с о в. Папулечка! Старичок! Дорогой родственник! А я сюда прямо из милиции... Тут милиционер протокол составлял. Насчет приданого. И кондукторша. Дай я тебя поцелую.

Э к и п а ж е в. Как вы смеете! К-какой милиционер?

А н а н а с о в. Не хочешь? Не надо. Ну дай в таком случае водки.

Э к и п а ж е в. Это что — шантаж? У нас в доме нет водки.

А н а н а с о в. Ка... какой же ты профессор, если у тебя водки нет? Может быть, у тебя спирт есть? Пр-ре-параты к-какие-нибудь?.. Младенцы в банках... Давай сюда младенцев. За неимением водки будем младенцев ж-жарить.

Э к и п а ж е в. Младенцев?.. Вы с ума сопли!

А н а н а с о в. Тогда давай приданое. Гони бриллианты!

Э к и п а ж е в. Сначала проснитесь. Вы пьяны как сапожник.

А н а н а с о в. Совершенно верно. Ну, помиримся. Дай пять. А это что такое? (*Видит бутылку шампанского.*) А-а-а! Старый мошенник. У тебя в погребах шампанское, а ты молчишь! (*Берет бутылку.*) Плут!.. Плутишка!..

Э к и п а ж е в. Будьте добры... Я требую...

А н а н а с о в. Виноват! Ви-но-ва-ат!

Э к и п а ж е в. Ступайте вон!

А н а н а с о в. И пойду. И опять приду. За приданым. Ну, старик, помиримся. Дай пять. Не хочешь? Ну и черт с тобой! До свиданья. До скорого свиданья, безнравственный старик. (*Уходит с шампанским.*)

ЯВЛЕНИЕ XXVII

Э к и п а ж е в один.

Э к и п а ж е в. Скорей! Скорей! Он придет требовать приданое! Он пропьет вещи! Пока не поздно. (*Хватает вещи и прячет их под матрас; будильник прячет под подушку.*) Белинского тоже. А то он пропьет Белинского. Это будет ужасный скандал! (*Прячет портрет Достоевского. Ложится в постель.*)

ЯВЛЕНИЕ XXVIII

А г н е с с а входит с водой и порошками.

А г н е с с а. Прими.

Э к и п а ж е в. Не приму его! Как он смел сюда ворваться?

А г н е с с а. Кто?

Э к и п а ж е в. Хам! Твой хам, Парасюк! Он требовал младенцев. Он оскорблял меня, грозил посадить в милицию...

А г н е с с а. Каких младенцев?.. Какая милиция? Ты просто бредишь. Ваня — в академии.

Э к и п а ж е в. Вот тут. Он стоял вот тут. Он похитил мое шампанское, — Абрау-Дюрсо, Мумм-Экстра-Дрей.

А г н е с с а. Похитил шампанское? Мумм-Экстра-Дрей? Эге! Я понимаю. Успокойся. Выпей воды.

Э к и п а ж е в. Не буду пить воды! Она с инфузориями. Пошла вон!

А г н е с с а. Ну, хорошо, хорошо. Я уйду. Только ты успокойся и постарайся заснуть.

Э к и п а ж е в. Заснуть! Ха-ха! Заснуть! Разве я могу заснуть? Парасюк! О-о-о!

А г н е с с а. А ты попробуй слонов считать. Радикальное средство. Один слон и один слон — два слона. Два слона и один слон — три слона. Три слона да один слон — четыре слона. Как досчитаешь до десяти слонов, так непременно и заснешь. Факт. Попробуй. Только не торопись. Считай методично. Один слон да один слон...

Э к и п а ж е в. Пошла вон! Я буду один считать слонов. Парасюк! О-о! О-о!

ЯВЛЕНИЕ XXIX

Вбегает Ш у р а.

Ш у р а. Опять против самого дома авария! Агнесса Анатолиевна! С приездом!

Под подушкой у Экипажева звонит будильник.

Ой, мамочки!

А г н е с с а. Ну, что еще такое?

Э к и п а ж е в. Это я себе температуру меряю. У меня сорок.

Ш у р а. Батюшки!

Э к и п а ж е в (*прекращает звон*). Фу! Упала температура. Парасюк! О-о!

Ш у р а. А я думала — вагончик трогается. (*Смотрит в окно.*) Куда там! На полчаса пробка!

Э к и п а ж е в. Пошла вон!

А г н е с с а. Иду, иду. Хорошо. Только без фокусов. Ты за ним, Шурка, присмотри пока. Пусть слонов считает.

Ш у р а. Ладно.

Агнесса уходит.

ЯВЛЕНИЕ XXX

Без Агнессы.

Ш у р а. Считайте слонов, Анатолий Эсперович.

Э к и п а ж е в. Один слон да один слон — два слона. Да, да. Мне надо заснуть. Мне надо быть свежим. Два слона да один слон — три слона.

Ш у р а. Три слона.

Э к и п а ж е в. Три слона да один слон — четыре слона.

Ш у р а. ...да один слон — четыре слона.

Экипажев. Да-с! Четыре слона! Ч-етыр-ре сл-л-лона-с! Я покажу им, на что способен Экипажев, когда у него свежая голова. Четыре слона да один слон — пять слонов.

Звонки трамвая.

Шура. Mamочки! Вагончик трогается! Вы без меня сами слонов досчитайте, Анатолий Эсперович. (Убегает.)

ЯВЛЕНИЕ XXXI

Экипажев один.

Экипажев. Фу, черт! Всех слонов распугала. Сколько было? Сначала считать придется. Один слон и один слон — два слона. Два слона и один слон — три слона. Три слона и один слон — четыре слона...

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Там же. Прошло несколько часов.

ЯВЛЕНИЕ I

Экипажев один. Дым коромыслом.

Экипажев. Сто шестьдесят три тысячи восемьсот семьдесят пять слонов и один слон — сто шестьдесят три тысячи восемьсот семьдесят шесть слонов. Сто шестьдесят три тысячи восемьсот семьдесят шесть слонов...

ЯВЛЕНИЕ II

Входит Шура в новой кофточке и туфлях.

Шура. Mamочки! Сколько слонов. Прямо цирк.

Экипажев. Молчите... И один слон — сто шестьдесят три тысячи восемьсот семьдесят... семьдесят...

Шура. Так и не уснули?

Экипажев. Семьдесят... Тьфу! Дым в голове! Не перебивайте. Разве с этими чертовыми слонами заснешь? Семьдесят... (Прикидывает на счетах.) Семьдесят девять слонов... то есть семьдесят десять... Ах ты... Ну вот —

опять вы мне всех слонов распугали. Мерси... Кажется, придется сначала. Один слон да один слон...

Ш у р а. Будет вам, Анатолий Эсперович. Бросьте слонов.

Э к и п а ж е в. Не могу заснуть.

Ш у р а. Так это вы от слонов и не можете заснуть. Вас слоны давят.

Э к и п а ж е в. Я во что бы то ни стало должен заснуть. Хоть на полчаса. У меня должна быть ясная голова.

Ш у р а. На что вам ясная голова, Анатолий Эсперович? У вас и так довольно ясная.

Э к и п а ж е в. Вы думаете? Она должна быть еще более ясная. Она должна быть холодной и прозрачной, как хрусталь.

Ш у р а. Зачем это?

Э к и п а ж е в. Я жду нападения. Я жду нашествия хама.

Ш у р а. Чего это?

Э к и п а ж е в. Сейчас придет хам и будет требовать приданое.

Ш у р а. Какой такой хам?

Э к и п а ж е в. Так называемый «муж» моей младшей дочери — «товарищ» Парасюк.

Ш у р а. У нас в трамвайном парке один товарищ Парасюк в прошлом году кружок политграмоты вел. Ваня Парасюк.

Э к и п а ж е в. Вот именно. Ваня. *(Вспомнив и ужасаясь.)* Парасюк! У-у-у!

Ш у р а. Так Агнесса Анатолиевна с ним зарегистрировалась? Ой, мамочки! Даже завидно. Такой превосходный молодой человек. У нас все девчонки от него с ума сходили. Потом он в Сталинград поехал.

Э к и п а ж е в. В Сталинград... Да...

Ш у р а. Ну, значит, он самый. Ваня Парасюк! Только вы зря, Анатолий Эсперович, говорите, что хам. Я, знаете, не могу позволить, чтобы при мне всеми уважаемого партийного старшего товарища хамом обзывали. Я, конечно, извиняюсь.

Э к и п а ж е в. Так он партийный?

Ш у р а. А как же? И вам, как интеллигентному человеку, должно быть довольно совестно так отзываться о партийном товарище. Я, конечно, очень извиняюсь.

Э к и п а ж е в. Пардон... Вы, Шурочка, не думайте...

Ш у р а. Да я ничего лично против вас не имею, Анатолий Эсперович,

Э к и п а ж е в. Партийный Ваня... Зять... Парасюк!..
О-о-о!

Ш у р а. Фу, отдежурилась! Аж ноги позатекли! Чай, что ли, будем пить, Анатолий Эсперович? Я тут кой-чего получила в закрытом распределителе. Пожалуйста, товарищ Экипажев, не стесняйтесь, пользуйтесь. *(Дает сверток.)* Между прочим, кило рафинаду, четыре пачки папирос. Я сама некурящая, но поскольку знаю, что вы курящий... Берите, берите... Тут еще печенье Бабаева...

Э к и п а ж е в. Экипажевы никогда не протягивали руку за подающим.

Ш у р а. Чего это?

Э к и п а ж е в. Я говорю, Экипажевы никогда не одолжались у посторонних.

Ш у р а. Какая же я посторонняя!.. Я у вас в квартире постельку занимаю. Вы меня, Анатолий Эсперович, обижаете. Берите, берите. Поскольку вы безработный интеллигент умственного труда. А я все равно некурящая и чай с сахаром пью у нас в буфете, в депо. Берите.

Э к и п а ж е в. Хорошо. Мерси. Но имейте в виду, что все эти продукты я беру на сохранение.

Ш у р а. Нехай на сохранение.

Э к и п а ж е в. Гм. Старые «Новые Дели». *(Закуривает.)* Нуте-с!

Ш у р а. Курите на здоровьечко. А я сейчас смотаюсь, чайник согрею. *(Берет чайник, поет.)* «Ах, чай пила, самоварничала, всю посуду перебила, накухарничала».

Э к и п а ж е в. А вы, знаете,— миленькая. Некультурная, но миленькая. *(Берет у нее чайник. Игра.)*

Ш у р а. Чего это?

Э к и п а ж е в. Эдакий дикий цветок. Цветок душистых прерий. Огурчик! Вас так и хочется скушать. Гам!

Ш у р а. Отдайте чайник!

Э к и п а ж е в. Колючий огурчик!

Ш у р а. Отдайте чайник!

Э к и п а ж е в. А что мне за это будет?

Ш у р а. А вы зачем крючок на дверь накидываете?

Э к и п а ж е в. А чтоб не дуло, чтоб не дуло!

Ш у р а. Сымите крючок! У вас дети взрослые!

Э к и п а ж е в. Тем более... Дурочка, чего ж ты боишься? Я просто хочу любоваться тобой, как статуэткой.

Ш у р а. Чего это?

Э к и п а ж е в. Как статуэткой, говорю. Статуэткой...

Ш у р а. Анатолий Эсперович! Я за статуэтку могу печеньем Бабаева по шее съездить!

Э к и п а ж е в. Дура! Да ты знаешь, что такое статуэтка?

Ш у р а. Знаем. Не беспокойтесь. Грамотные. У нас одну кондукторшу за прогулы уволили, так она статуэткой сделалась. Отдайте чайник! Вот я Мише расскажу. Михаилу Анатолиевичу. Он вам за статуэтку спасибо не скажет.

Э к и п а ж е в. Узнаю — прокляну!

Ш у р а. Успокойте свои нервы! (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ III

Э к и п а ж е в один.

Э к и п а ж е в. Кондукторша, а такая вредная. Ну, Миша, смотри у меня! Парасюк! У-у-у! С одной стороны — Анасанов, а с другой — Парасюк. О-о! Я с ума сойду. (*Нюхает воздух.*) Однако артамоновские щи на всю квартиру пахнут. Господину Белье — все, а настоящей духовной интеллигенции ничего. Просто сживают со света. Не выдают нам с вами, господин Белинский. (*Кланяется портрету Достоевского.*) Ничего не выдают... Перец выдают... Наждак выдают... Парасюка выдали... Парасюк! У-у-у! Ну не могу я с этой фамилией примириться. Не могу! Однако — щи. Ух! Так бы в них и плюнул... хр... в них... в проклятых...

ЯВЛЕНИЕ IV

Входит Ш у р а с чаем.

Ш у р а (*поет*). «Эх, чай пила, самоварничала...» Анатолий Эсперович, подите посмотрите, — в уборной опять свет не погасили.

Э к и п а ж е в. Ну, это уже окончательно хамство! Остается одно. (*Достает из кармана очень большой висячий замок и идет навешивать его.*)

ЯВЛЕНИЕ V

Быстро вбегает М и ш а в милицейском.

М и ш а. Отдежурил! (*Переодевается.*)

Ш у р а. И я отдежурила.

М и ш а. Вы со смены...

Ш у р а. И вы со смены...

М и ш а. Ну так как же?

Ш у р а. Ничего не имею против. Не возражаю.

М и ш а. Так в два счета. Хватай документы!

Ш у р а. Анатолий Эсперович проклинать грозился.

М и ш а. Пускай проклинает! Не маленькие! Ну! Живо! Одна нога здесь, другая там. Я тебя у ворот подожду.
(Убегает.)

ЯВЛЕНИЕ VI

Ш у р а одна. Торопится, пьет чай, обжигается, ищет документы.

Ш у р а (поет). «Эх, чай пила, самоварничала...»

ЯВЛЕНИЕ VII

Входит Э к и п а ж е в.

Э к и п а ж е в. Ключ в карман и буду выдавать в каждом отдельном случае. Не больше двух раз в сутки каждому жильцу.

Ш у р а. Ах, какие страсти! А если кому-нибудь три раза ключ понадобится?

Э к и п а ж е в. Не дам. Пусть к знакомым в гости идет. Я не настолько богат, чтобы переплачивать за электрическую энергию. А у Артамоновой-то действительно щи со свиной ногой. Жирные щи.

Ш у р а. А вы в кастрюлю заглядывали, что ли?

Э к и п а ж е в. Ну, уж,— заглядывал! Так только. Слегка крышку приподнял... И этак...

ЯВЛЕНИЕ VIII

Входит К а л е р и я.

Ш у р а (Калерии). Здравствуйте и прощайте.

К а л е р и я. Ничего не сказала?

Ш у р а. Абсолютно. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ IX

Без Шуры.

К а л е р и я. Эжена еще нет? Тем лучше. Он должен сейчас прийти.

Э к и п а ж е в. Как его здоровье?

К а л е р и я. О, вполне. Он совершенно выспался, то есть поправился. Я надеюсь, он тебе понравится. Ты по-

любилъ его, когда узнаешь ближе. Ты должен его полюбить. Он такой слабый, такой хрупкий.

Э к и п а ж е в. Охотно! Охотно! Я уже люблю его, дитя мое. Он моя последняя надежда. Ему, только ему я смогу спокойно передать знамя. И никому другому. Потому что... Потому что... У меня нет больше...

К а л е р и я. Что? Что случилось?

Э к и п а ж е в. Случилось несчастье.

К а л е р и я. С кѣм? С Агнессой? Ради бога! С Агнессой?

Э к и п а ж е в. С Агнессой.

К а л е р и я. Что? Попала под машину? Утонула?

Э к и п а ж е в. Хуже. Она вышла замуж.

К а л е р и я. Агнесса вышла замуж? За кого?

Э к и п а ж е в. За хама.

К а л е р и я. Когда?

Э к и п а ж е в. Как только ты ушла — письмо. Трах! Как обухом по голове! И через полчаса — сама со своим хамом. Мастеровой. Морда как у обезьяны. Разумеется, пьян как стелька, фамилия — Парасюк! (*Вспомнив.*) Парасюк! У-у! Ну не могу я примириться с этой фамилией. Не могу! Вдумайтесь в это, Агнесса — Парасюк.

К а л е р и я. Но я все-таки хочу ее видеть!

Э к и п а ж е в. Не советую. И, что самое ужасное, он ворвался сюда и прежде всего погребовал ее приданое. Ты ведь знаешь, Калерия, — твоя покойная мама, царство ей небесное, оставила после себя бриллиантовые серьги. Всем сестрам по серьгам. Тебе — одну сережку и Агнессе — другую сережку. Это было ваше приданое от мамочки, царство ей небесное. Вы это знали. Серьги лежали у меня. Нуте-с.

К а л е р и я (*с беспокойством*). На сохранении.

Э к и п а ж е в. Ну да. На сохранении. Лежали. Царство небесное... то есть что я... Лежали...

К а л е р и я. Лежали? А теперь? Они пропали?

Э к и п а ж е в. Собственно, они не пропали, но они... исчезли.

К а л е р и я (*убитая*). Когда?

Э к и п а ж е в. На днях.

К а л е р и я. Что ж это будет? Эжен так рассчитывал. Мы с Эженом так рассчитывали!

Э к и п а ж е в. Вы с Эженом рассчитывали — это ничего! Мы с Евгением Николаевичем — оба интеллигентные люди и, надеюсь, всегда пойдем друг друга. Можешь вполне положиться на мой такт, Но Парасюк! Что ска-

жет Парасюк! *(Вспомнив.)* Парасюк! О-о-о! Ну не могу я примириться с этой фамилией. Не могу! Он меня бить будет! Просто бить по морде! А с Эженом мы быстро договоримся.

Калерия. Ох, нет! Ты не знаешь Эжена!

Экипажев. Я знаю Эжена. Эжен интеллигентный... Эжен хрупкий.

Калерия. Ох, не очень хрупкий.

Экипажев. Нет, хрупкий, хрупкий. Уверю тебя. Хрупкий. Я знаю.

Стук в дверь.

Антрэ!

ЯВЛЕНИЕ X

Заглядывает 1-й жилец.

1-й жилец. Анатолий Эсперович, дайте ключик.

Экипажев. Вы сегодня сколько раз пользовались?

1-й жилец. Один раз, Анатолий Эсперович.

Экипажев. Ой ли?

1-й жилец. Честное благородное слово. Все жильцы могут подтвердить. Дайте ключик.

Экипажев. Э, нет. На руки ключ ни-ко-му! Пожа-луйте вместе. Извини, душечка, я на две-три минуты. Пожа-луйте.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ XI

Калерия одна.

Калерия *(убито)*. Неужели? Этого не может быть. *(Открывает комод, роется, достает футляр.)* Вот. *(Открывает его.)* Пустой!

Из футляра на пол падает квитанция, не замеченная Калерией.

Это ужасно! Что я скажу Эжену? *(Кладет футляр в комод. Плачет.)*

ЯВЛЕНИЕ XII

Входят Агнесса и Парасюк.

Агнесса. Калька! Калечка!

Калерия. Агнесса!

Агнесса. Солнышко! Лошадка! Скамеечка! Чего же ты реवेशь как белуга? Вот дура!

Калерия. Поздравляю тебя,

А г н е с с а. А я тебя! А я тебя! Ах ты, черная! Ах ты, носатая! Перестань же реветь! Вот дуреха! Ваня, иди сюда. Это моя единоутробная сестра. А это мой единоутробный супруг. Познакомьтесь.

П а р а с ю к. Будем знакомы. Парасюк.

А г н е с с а. Я тебе что говорила? Ты еще при папаше ляпни — Парасюк. Вот будет тебе тогда Парасюк. Ты не знаешь, что тут сегодня утром делалось. Старик прямо на стенку полез. Помалкивай пока. К такой фамилии надо постепенно пожилого человека приучать. Я и то два дня привыкала.

П а р а с ю к. А я, представьте себе, даже ничего такого странного не замечаю. Ну Парасюк и Парасюк. Обыкновенная украинская фамилия.

А г н е с с а. Цыц! Забудь! На два часа забудь свою обыкновенную украинскую фамилию. Можешь ты это сделать для меня?

П а р а с ю к. Пожалуйста. Ничего не имею. Хоть на целый квартал могу забыть. Анекдот.

А г н е с с а. Ванечка, ты здесь посиди. Подожди старика один. А то старик сразу двух Парасюков в одной комнате не выдержит. Факт. Только имей в виду. Никакого Парасюка! Цыц. Муж вашей дочери — и точка. И насчет Маркса с ним не очень. Он политически довольно-таки отсталый субъект. Пойдем, Калечка.

П а р а с ю к. Ладно.

А г н е с с а. А главное — никаких Парасюков. Муж вашей дочери — и цыц!

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ XIII

П а р а с ю к один.

П а р а с ю к (*осматривается*). Это, вероятно, Анечкина мама. Красивая женщина. Достоевский... Интеллигенция! «Муж вашей дочери... и цыц...»

ЯВЛЕНИЕ XIV

Входит Э к и п а ж е в.

Э к и п а ж е в (*пряча ключ в карман*). Ну те-с... (*Видит Парасюка.*) Чем могу?

П а р а с ю к. Муж вашей дочери Парас... цыц... Муж вашей дочери...

Э к и п а ж е в (*про себя*). Ананасов! Неужели тоже приданое будет требовать? (*Ему.*) А! Голубчик! Наконец-то вы появились! Очень, очень рад приветствовать вас у себя в доме. Дочь вышла? Тем лучше. Этак мы скорее пойдем друг друга. Как мужчина мужчину. Садитесь. Чаю? Кофе? Какао? Впрочем, кажется, кофе и какао нет. Ну так чаю. С бисквитом. Хоть и советского производства Бабаева, но весьма, весьма... Гм... Чай совсем простыл. Шура! Впрочем, Шуры нет. Нуте-с. Прекрасные сигареты. Старые «Новые Дели».

П а р а с ю к. Как это — старые новые?

Э к и п а ж е в. А есть еще новые старые. Затем новые-новые и старые-старые. Хе-хе! Советские тонкости. Курите, пожалуйста.

П а р а с ю к. Не курю. Бросил. Зачем себе зря организм отравлять?

Э к и п а ж е в. Золотые слова. Но, к сожалению, не вся современная молодежь так здраво рассуждает. Далеко не вся. Антр ну суа дит, вся современная, так называемая советская молодежь — это просто какие-то подонки. Всеобщий разврат. Ругаются, плюются, хамят...

П а р а с ю к. Ну, уж вы это слишком загибаете. Например, комсомол...

Э к и п а ж е в. Вот, вот. Я про комсомол и говорю. Поголовно бандиты.

П а р а с ю к. Позвольте!

Э к и п а ж е в. Не позволю, голубчик, не позволю. И вы знаете что? С вами можно говорить совершенно откровенно. Как интеллигентный человек, вы меня поймете. По-моему, все дело тут в происхождении. Происхождение всегда дает себя знать.

П а р а с ю к. Да, но Чарльз Дарвин...

Э к и п а ж е в. Дарвин... Да, да. Там еще у него что-то про обезьян. Я помню. Но, дорогой мой, Дарвин Дарвином, обезьяны обезьянами, а факт налицо. Настоящий человек есть настоящий человек, а хам есть хам. Взять, например, меня. Или вас. Достаточно только посмотреть на вас — и сразу все ясно! Кровь. Порода. Вековые традиции. Идеалы, всосанные с молоком матери. Высокий лоб. Тонкие черты лица. Надбровные дуги. Глаза. Интеллектуальные уши...

П а р а с ю к. Ну, уж это вы, Анатолий Эсперович, положим, сильно преувеличиваете...

Э к и п а ж е в. Нет, нет! Я понимаю вашу скромность.

Это делает вам честь. Но факт остается фактом. Против факта, батенька, не попрешь.

П а р а с ю к. С этим, конечно, можно спорить, но... Однако ж вы и дымите, Анатолий Эсперович. Как паровоз.

Э к и п а ж е в. Увы! Скверная привычка. Я, знаете, ужасно много курю. Особенно во время процесса мышления или же когда чем-нибудь взволнован.

П а р а с ю к. Чем же вы взволнованы?

Э к и п а ж е в. Ах, не говорите. У нас в семье такое несчастье. Мне даже вам как-то совестно говорить. Но все равно, вы свой человек. Шила в мешке не утаишь! Моя другая дочь вышла замуж за хама.

П а р а с ю к. За хама?

Э к и п а ж е в. За формального хама. Это ужасно, но факт. Просто за мастерового.

П а р а с ю к. У нас нет мастеровых. У нас рабочие.

Э к и п а ж е в. Это безразлично. Мастеровой, рабочий — одно и то же. По-ихнему — рабочие, а по-нашему — хамы.

П а р а с ю к. Однако вы чересчур загибаете!

Э к и п а ж е в. Но если бы вы его только видели! Я лежу болен. У меня сорок. И вдруг он вваливается! Водкой несет, как из бочки. Руки непропорционально длинные. Череп — обезьяний. Уши плебейские. Двух слов связать не умеет. Только мычит нечто нечленораздельное: «Папочка, папулечка, ку-ку». А вы говорите — Дарвин... И нагло требует приданое. Приданое, а? Как это вам покажется?

П а р а с ю к. На четырнадцатом году пролетарской революции — приданое? Анекдот!

Э к и п а ж е в. Именно анекдот. Скверный анекдот. Да как требует — чуть ли не через милицию. С ножом к горлу. Верите ли, он меня почти задушил. И знаете, какое кровожадное животное? Все время каких-то младенцев требовал. Я их, кричит, сейчас жарить буду. Младенцев жарить — а? Ужас! Ужас!

П а р а с ю к. Ничего себе зять! Так это ж просто какой-то уголовный тип. Люмпен.

Э к и п а ж е в. Во, во! Золотые слова! Уголовный тип! Именно! Но ужаснее всего — это приданое. Откуда-то он вообразил, что я даю за дочерью приданое. Действительно, в свое время я предполагал. Были такие небольшие сережки... Но теперь, вы сами понимаете... А? Вы ведь

понимаете? А он требует. Разве так бы поступил интеллигентный человек, как, например, вы? А?

П а р а с ю к. Действительно анекдот. Прямо для «Крокодила». Что у нас — эпоха феодализма, чтобы брать за девушками какое-то приданое? Еще, может быть, калым!

Э к и п а ж е в. Вы действительно так думаете?

П а р а с ю к. А как же иначе?

Э к и п а ж е в. Благодарю вас. Благодарю вас. (*Жмет ему руку.*) Другого я от вас и не ожидал. А дочь еще она-салась. Но я был уверен. Так вы, значит, действительно не претендуете?

П а р а с ю к. Я? Претендую??? На что??? На приданое? Да вы меня просто смешите. Какие могут быть разговоры! Конечно, нет. Все совершенно ясно.

Э к и п а ж е в. Ясно? Мерси! Мерси!

Рукопожатие.

П а р а с ю к. Да, наконец, советское законодательство не признает никаких приданых.

Э к и п а ж е в. Не признает?

П а р а с ю к. Не признает.

Э к и п а ж е в. Вы это наверное знаете?

П а р а с ю к. Да господи ж!

Э к и п а ж е в. О, благодарю вас! Благодарю!

Рукопожатие.

Я этому хаму так и заявлю. Вы знаете, антр ну суа дит, это единственное мероприятие Советской власти, которое я вполне одобряю. Но все-таки это ужасно. Каждую минуту он может ворваться сюда. Я даже не знаю, ну как мне с ним говорить: «ты» или «вы», «братец», или «голубчик», или «любезнейший», или «товарищ»? И о чем, ну о чем мне с ним говорить? О кабаках? О харчах? О спинжаках? О портянках? Не представляю себе! Посоветуйте!

П а р а с ю к. Да что ж тут советовать! Будет безобразничать — гоните его в шею, не глядя, что зять.

Э к и п а ж е в. Что вы! Что вы! Нельзя. Он же партийный.

П а р а с ю к. Партийный? Ну, значит, тем более. Таких партийных надо из партии вон.

Э к и п а ж е в. Из партии вон? Вы меня воскрешаете! Мерси! Мерси!

П а р а с ю к. Да вы не расстраивайтесь. Все уладится.

Э к и п а ж е в. Мерси! Мерси! Я так и сделаю.

П а р а с ю к. Анатолий Эсперович. Мои старики очень вас просили. Особенно папаша. Вечерком — к нам, на стаканчик чаю.

Э к и п а ж е в. О, с восторгом, с восторгом! Я давно мечтал потолковать с вашим батюшкой. Мы ведь с вашей батюшкой, можно сказать, люди одной закваски. Последние, так сказать, дубы. Так сказать — обломки старого русского либерализма. Ведь ваш батюшка отчаянный либерал?

П а р а с ю к. Да... как сказать. Пожалуй, что и отчаянный, но только либерал ли, кто его знает.

Э к и п а ж е в. Либерал, либерал. Я знаю — либерал!

П а р а с ю к. А уж поговорить с интеллигентным, просвещенным человеком — это у него первое удовольствие.

Э к и п а ж е в. Хе-хе-хе! Да и я, знаете, не прочь стариной тряхнуть.

П а р а с ю к. Так я вам адресок запишу.

Э к и п а ж е в (*мечтательно декламирует*). «О чем шумите вы, народные витии...»

ЯВЛЕНИЕ XV

Врывается 2 - й ж и л е ц.

2 - й ж и л е ц (*бурно*). Анатолий Эсперович! Ключ!

Э к и п а ж е в. «Зачем анафемой грозите вы России?..»
Который раз?

2 - й ж и л е ц. Второй! Второй!

Э к и п а ж е в. Ой, третий?

2 - й ж и л е ц. Второй! Второй! Ключ!

Э к и п а ж е в. На руки ключ ни-ко-му! Пожалуйста вместе. Извините, дорогой мой, я вас оставлю на две-три минуты. Мне тут нужно по одному общественному делу. Я, знаете ли, как старый общественный деятель, даже в частной жизни не могу без общественных обязанностей...

2 - й ж и л е ц. Да ну вас! Ну же! Идем!

Э к и п а ж е в. Пардон.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ XVI

П а р а с ю к один, пишет адрес.

П а р а с ю к. Рогожская застава, Третий Песочный переулок, дом номер три А, четвертый корпус, третий подъезд, квартира номер семьдесят, спросить Парасю... Цыц! Никаких Парасюков! (*Зачеркивает слово «Парасюк».*)

Входит сияющая Ш у р а.

Ш у р а. Ванька! Здорово!

П а р а с ю к. Шурка Ключикова! Ты как сюда попала?

Ш у р а. Так же само, как и ты.

П а р а с ю к. Как это?

Ш у р а. А очень просто. Парасюк! Ох, нет, ни за что не скажу!

П а р а с ю к. Ну все-таки?

Ш у р а. Я здесь постельку нанимаю.

П а р а с ю к. Что нанимаешь?

Ш у р а. Ну, постельку, коечку.

П а р а с ю к. Ах, у Экипажевых угол снимаешь?

Ш у р а. Угол! Фи, как вы вульгарно выражаетесь! Может, еще ночлежка — скажете. Постельку, постельку. А ты что, в зяття к Экипажеву заделался?

П а р а с ю к. Экипажев сам по себе, а я сам по себе.

Ш у р а. Такую себе подругу оторвал!

П а р а с ю к. Что, хороша?

Ш у р а. Во!

П а р а с ю к. А ты все ездешь?

Ш у р а. Езжу, чтоб им всем повылазило! Ох, Парасюк, поди сюда, что я тебе скажу. Нет, ни о чем не скажу! Хоть ты меня зарежь!

П а р а с ю к. Учиться бросила?

Ш у р а. Какой там! Учусь. И Мишка учится. Мишка — это Экипажев-сын, Михаил Анатолиевич. Мы оба думаем в сентябре держать в техникум.

П а р а с ю к. Ишь как разоделась! В пух и прах. Ты что — ограбила кого-нибудь или обокрала?

Ш у р а. Сверхурочные получила. Сорок два рубля. Тапочки новые купила. Во! Гуляем! Ох, Парасюк! Значит, мы теперь с тобой вроде как... ох, не скажу!

П а р а с ю к. Малохольная! *(Смотрит на часы.)* Ого! Мне еще в Комакадемию надо смотаться. Тут где-то Агнесса, так ты ей скажи, чтоб меня не ждала. И старику скажи. Он тут по каким-то общественным делам пошел.

Ш у р а. Дежурит с ключом возле уборной, чтоб жильцы свет тушили. Вот тебе и всех общественных делов.

П а р а с ю к. А, ты, маленькая язва! Приходи вечером... с Мишкой со своим... А?

Ш у р а. Ах ты, язва.

Парасюк уходит.

ЯВЛЕНИЕ XVIII

Ш у р а одна.

Ш у р а. А набросано! А накурено! Только выскочи из квартиры... (*Поднимает с полу квитанцию.*) Квитанция какая-то: «Магазином Госторга уплачено Экипажеву А. Э. за дамские бриллиантовые серьги четыре тысячи пятьдесят рублей». Такой документ прямо на полу валяется, как сметье. Ей-богу, эти интеллигенты — чистые дети. Такой денежный документ! Надо его спрятать и Мишке отдать, а то старик уж совсем никуда не годится.

ЯВЛЕНИЕ XIX

Входит Э к и п а ж е в.

Э к и п а ж е в. Где зять?

Ш у р а. Сказал, что извиняется. В академию пошел. (*Уходит.*)

Э к и п а ж е в. Зять пошел в академию. Вот это зять! А вы говорите — Дарвин!

ЯВЛЕНИЕ XX

Входит А н а н а с о в, трезвый, но с сильного перепоя.

Э к и п а ж е в (*про себя*). Парасюк.

А н а н а с о в. Здравствуйте.

Э к и п а ж е в (*про себя*). За приданым пришел.

А н а н а с о в. Здравствуйте, папаша!

Э к и п а ж е в (*про себя*). А вот я тебе сейчас пропишу папашу. (*Ему.*) Здравствуй, братец. Ты что ж это себе позволяешь, любезнейший? А?

А н а н а с о в. Простите великодушно. Несчастный случай. Немножко с дороги переложил. Ничего не помню.

Э к и п а ж е в. Ах, ничего не помнишь? Так я тебе могу напомнить.

А н а н а с о в. Кажется, я с вами на брудершафт не пил.

Э к и п а ж е в. На брудершафт? Вот как! Оказывается, ты даже такие тонкие слова понимаешь? Брудершафт! Хм... Это любопытно.

А н а н а с о в. Позвольте...

Э к и п а ж е в. Не позволю! Да как ты осмелился? Да я, братец, не посмотрю на то, что ты мастеровой!

А н а н а с о в. Позвольте...

Э к и п а ж е в. Не поз-зволю! Да что же это ты, милейший, а? Советского законодательства не знаешь? Против собственной власти прешь? Приданое требуешь?

А н а н а с о в. Уговор дороже денег.

Э к и п а ж е в. Уговор? С кем уговор?

А н а н а с о в. С дочкой вашей. С моей супругой.

Э к и п а ж е в. Вот как! Успел уговориться уже! Напрасно, любезный, торопился. Я ее проклял и лишаю приданого. Ну-те-с!

А н а н а с о в. Не имеете права!

Э к и п а ж е в. Не имею права? Ах, так! Ты, кажется, позволяешь себе учить меня советскому законодательству? Бриллиантов тебе подавай? Жемчугов? Рубинов? Сапфиров? Хризопразов? А тебе, хаму, не известно, что в Советской стране приданое отменяется? Тебе что, феодализма захотелось? А вот я тебя за такие мысли в милицию сейчас отправлю! Вот будет тебе тогда в милиции феодализм!

А н а н а с о в. Но, папаша...

Э к и п а ж е в. Молчать! Никакой я тебе не папаша! Я не давал согласия на ваш брак. Вон из моего дома!

А н а н а с о в. Что вы этим хотите сказать?

Э к и п а ж е в. А то самое. Пошел вон из моего дома!

А н а н а с о в. А! После того, что вы позволили себе по отношению ко мне, нам остается одно: взять свои вещи, немедленно переселиться к вам и жить до тех пор, пока вы не отдадите приданое, чтобы мы могли купить себе приличную комнату.

Э к и п а ж е в. Ну, нет-с, любезнейший. Дудки! Хоть ты и директор, и класс-гегемон, и хозяин положения, и прочее, и прочее, но попрошу не забывать, что я не одинок. На моей стороне первоклассный юрист Ананасов.

А н а н а с о в. Ананасов?

Э к и п а ж е в. Да-с! Старик Ананасов! Я сегодня приглашен к старику Ананасову на чашку чаю.

А н а н а с о в. Плевал я на старика Ананасова! Я сам себе Ананасов!

Э к и п а ж е в. Вы видите, господин Белинский?

А н а н а с о в. Только без лирики! Я не марксист. Короче: серьги на бочку, или я вам устрою небывалый, феерический скандал в публичном месте!

Э к и п а ж е в. Вон!

А н а н а с о в. Ах, так! Но имейте в виду. От меня

никуда не скроетесь. Ни-ку-да! На дне моря найду! Найду и публично набью морду!

Э к и п а ж е в. Вон!

Ананасов уходит.

ЯВЛЕНИЕ XXI

Входит Ш у р а.

Ш у р а. Батюшки! Что случилось?

Э к и п а ж е в. Меня оскорбил хам. Мерси! Но мы еще посмотрим!

ЯВЛЕНИЕ XXII

Входит неподвижная и холодная, как статуя, А р т а м о н о в а с кастрюлей дымящихся щей. Ее сопровождают о б а ж и л ь ц а, которые изредка заглядывают в кастрюлю.

Э к и п а ж е в (к Артамоновой). Ангина Павловна! Вы интеллигентная женщина. Только вы одна можете понять меня. Почему вы молчите? Меня только что оскорбил хам, а вы молчите? Ах, простите, у вас руки заняты...

ЯВЛЕНИЕ XXIII

Входит М и ш а в штатском.

М и ш а. Папаша, я...

Ш у р а. Говори, говори...

Э к и п а ж е в (сыну). Здравствуй, любезнейший! Что же это ты, братец?.. А? То есть что я такое говорю! Здравствуй, Михаил.

М и ш а. Я, папаша...

Ш у р а. Говори, говори, не бойся.

М и ш а. Папаша, я... (Шуре.) Не могу.

Ш у р а. Ну, давай я скажу.

М и ш а. С ума сошла! Я, папаша, знаешь, все подумываю, не поступить ли мне действительно на службу. Нельзя же в самом деле все время без работы небо коптить. Например, я определенно думаю поступить в милицию...

Э к и п а ж е в. Молчи! Ни слова! Младшая дочь вышла замуж за хама. Не хватало еще, чтобы единственный сын сделался городовым. Имей в виду, перед всеми говорю: увижу тебя в милицейской форме — прокляну.

М и ш а. Ну что вы расстраиваетесь, папаша? Жизнь меняется. Отцы и дети...

Э к и п а ж е в. «Дворянское гнездо». «Записки охотника». «Тарас Бульба». Не раздражай меня! Молчи. *(Вспомнив.)* Парасюк! У-у! Ангина Павловна, вы — мать. Вы одна можете понять. Ах, у вас руки заняты. Пардон... Вот-с, господин Белинский! Я же вам говорил: придет хам. И он пришел. Пришел и требует у нас с вами приданое. От лица русской интеллигенции — мерси!

Ш у р а. Это Достоевский, Анатолий Эсперович.

Э к и п а ж е в. Разве? Фу, черт! До того мухи за тринадцать лет засидели, что неизвестно, где кончается Достоевский и где начинается Белинский. Мерси! Но мы еще повоюем с хамом, черт возьми! Теперь нас двое — я и Ананасов. Нас с Ананасовым голыми руками не возьмешь. Скорее! Где мой старый верный боевой сюртук? К Ананасову! К Ананасову! Где это?... *(Вынимает адрес.)* Рогожская застава. Эж ведь куда порядочного человека большевики загнали... А впрочем, район весьма фешенебельный. Не правда ли, Ангина Павловна? Третий Песочный переулок... Спасибо, что не четвертый... Дом номер три А. Все-таки А, а не Б. И то хорошо... Четвертый корпус, третий подъезд, квартира номер семьдесят... Эх, Николай Николаевич, Николай Николаевич... Бедная, бедная русская интеллигенция... Но! Терпенье! Терпенье! Мы еще увидим небо в алмазах, не так ли, Ангина Павловна? Ах, извините. У вас руки заняты. Мы еще высоко держим знамя... Она еще взойдет, заря, заря пленительного счастья... Чем ночь черней, тем ярче звезды...

А р т а м о н о в а. Анатолий Эсперович! Скажите правду. Это вы плюнули в кастрюлю?

Э к и п а ж е в. Что вы этим хотите сказать?

А р т а м о н о в а. Я вас спрашиваю: это вы плюнули в наш борщ?

Э к и п а ж е в. Какая гадость!

А р т а м о н о в а. Я знаю. Это вы плюнули.

Э к и п а ж е в. Клянусь честью — не я!

А р т а м о н о в а. Нет, вы!

Э к и п а ж е в. Откуда вы знаете?

Ш у р а *(заглядывает в кастрюлю)*. Слюна желтая. Во всей квартире только у вас у одного слюна табачная. Не будь я гадом.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Вечер того же дня. Квартира Парасюков в новом кооперативном доме. Открыт балкон. Внизу гулянье, может быть музыка. Парасюки переселились сюда дня три тому назад. Есть книги и портреты. Дверь в ванную. Еще очень светло.

ЯВЛЕНИЕ I

П а р а с ю к и: м а т ь и д е д у ш к а.

М а т ь. Вот тебе чистое белье.

Д е д у ш к а. Не буду купаться.

М а т ь. Здравствуйте! Это что за новости?

Д е д у ш к а. Не буду купаться в ванне. Освободи.

М а т ь. Как это — не буду? За милую душу выкупаешься.

Д е д у ш к а. Я не граф, чтоб в ваннах купаться. Я лучше на балкончике посижу, музыку послушаю. А в ваннах пускай графы купаются. Освободи!

ЯВЛЕНИЕ II

Из ванной выходит о т е ц. Он в синем холщовом халате, мокрый, причесывается.

О т е ц. Битте-дритте! Хар-рошая штука — душ после работы. Кто его выдумал? Я б этому человеку непременно поставил большой памятник на самом видном месте. Факт.

М а т ь. А он не хочет купаться.

О т е ц. Кто не хочет купаться?

М а т ь. Дедушка.

О т е ц. Срам какой!

Д е д у ш к а. Я не граф!

М а т ь. Заладил!

О т е ц. Ну, многоуважаемый Иван Сидорович, хоть ты мне и папаша, хоть ты и не граф, а придется, кажется, к тебе применить революционное насилие. Иди в ванну!

Д е д у ш к а. Увольте! Освободите!

О т е ц. Хватай-ка его, мать, за руки, а я его возьму за ноги.

Д е д у ш к а. Не щекотите меня! Ну вас! Не щекотите! Я не граф!

О т е ц. В два счета!

Д е д у ш к а. Не пойду!

О т е ц. Иди!

Д е д у ш к а. Не пойду. Пустите!.. Грех вам!..

М а т ь. Снимай портки!

О т е ц. Живо!

Д е д у ш к а. Не сниму!

М а т ь. Ты что же, всю нашу фамилию осрамить хочешь? Знаешь, какого человека мы к себе в гости ждем? И ты хочешь перед этим интеллигентным родственником появиться такой неумытой хрюшкой?

Д е д у ш к а. Хоть собакой назови! Не пойду!

О т е ц. Иди, иди. Раз-два, и готово! (*Водворяет дедушку в ванную комнату.*) Битте-дритте! Смотри хорошенько мойся. Не жалей горячей воды! Наша!

ЯВЛЕНИЕ III

Входит П а р а с ю к.

П а р а с ю к (*в дверях*). Привет родителям.

М а т ь. Поаккуратнее в дверях, поаккуратнее. В заливного судака ногами не влезь.

П а р а с ю к. Не влезу. Что за шум, а драки нету?

О т е ц. Дедушку купаем.

П а р а с ю к. Великое национальное событие. Шум на всю лестницу! Агнесса не приходила?

О т е ц. Не приходила.

М а т ь. Ну, что, самого пригласил?

П а р а с ю к. Пригласил.

М а т ь. Придет?

П а р а с ю к. Придет.

М а т ь. Сам?

П а р а с ю к. Сам.

М а т ь. Сегодня?

П а р а с ю к. Сегодня.

М а т ь. Когда?

П а р а с ю к. Сейчас.

М а т ь (*отцу*). Слышишь? Сейчас сам придет. А ты в халате, как арестант. Ступай хоть в пиджак переоденься.

О т е ц. Погоди. Что ж он из себя за человек?

П а р а с ю к. Увидишь.

О т е ц. Интеллигент?

П а р а с ю к. Вроде.

М а т ь. Профессор?

П а р а с ю к. Вроде.

М а т ь. Ну тебя. Заладил. (*Отцу.*) Слышишь? Профессор! Галстук надень.

О т е ц. Надену.

Д е д у ш к а выглядывает из ванной.

Стой! Ты куда?

ЯВЛЕНИЕ IV

Выходит дедушка из ванной.

Дедушка. В баню пойду, а в ванну не пойду!

Парасюк. Брысь!

Дедушка. Неужто так-таки и придется на старости лет в ванне купаться?

Парасюк. Определенно!

Дедушка. Я ж не граф. Ну, дети нынче пошли! Ну, внучки нынче пошли! Наказанье! *(Скрывается.)*

Отец уходит переодеваться.

ЯВЛЕНИЕ V

Без дедушки.

Мать. Ванечка, у меня в духовом шкафу пироги с груздями. Товарищ Экипажев любит пироги с груздями?

Парасюк. Любит.

Мать. Очень приятно. А заливного судака кушает?

Парасюк. Кушает, кушает. Он у нас все кушает.

Мать. Сразу видать образованного человека. *(Вытаскивает и ставит на подоконник фикус.)*

ЯВЛЕНИЕ VI

Входит разодетый отец.

Отец. Н-да. Давненько я собираюсь с настоящим культурным, образованным человеком вплотную потолковать. Стой! Откуда фикус? Я ж сказал, чтоб эту дрянь на новую квартиру не перевозить. Сырость только от них.

Мать. Один, один!

Отец. Тыфу! Н-да. Интеллигенция — она сила! Ого-го!

Мать. А не заробеешь?

Отец. Чего мне робеть? Кой в чем и мы подковались. Эх, мать моя, старушка моя дорогая, жизнь-то какая разворачивается вокруг... *(Обнимает ее в дверях балкона.)*

Парасюк. Она и он, луна, балкон. Я давно подозревал, что у меня родители Ромео и Джульетта.

Мать. Родной матери такие слова. Бандит!

Звонок.

П а р а с ю к. Идет профессор.

М а т ь. Голубчики! Профессор! А я-то! На что похожа! Отвори, Ванечка! (*Убегает.*)

О т е ц. Идет! Идет! (*Мечется, натывается на другой фикус.*) Стой! Опять фикус! А, ч-черт!

ЯВЛЕНИЕ VII

Входят торжественный Э к и п а ж е в и П а р а с ю к, открывший ему дверь.

М а т ь (*из-за двери*). В дверях поаккуратней. В заливное не влезьте. (*Скрывается.*)

Э к и п а ж е в. Не беспокойтесь, не беспокойтесь. Я бочком.

О т е ц. Пожалуйте, милости просим.

П а р а с ю к. Ну вот. Знакомьтесь. Гражданин Экипажев. Гражданин Пара... дыц! Гражданин... мой отец.

Э к и п а ж е в. Очень приятно, очень приятно!

О т е ц. Очень приятно, очень приятно.

П а р а с ю к. Историческая встреча. (*Уходит к себе в комнату.*)

Э к и п а ж е в. Я давно с вами мечтал познакомиться.

О т е ц. И я, знаете, мечтал. И я-с.

Э к и п а ж е в. И вот, на старости лет... На склоне дней... Два, так сказать, обломка... Извините, не в силах сдержать слез. При таких исключительных обстоятельствах... Так сказать, соединенные родственными узами... Гименея...

О т е ц. Вот именно! В самую точку! Именно — родственными... Как это вы хорошо выразили, товарищ Экипажев! Вроде как бы смычка с интеллигенцией.

Э к и п а ж е в. Именно, именно... Смычка интеллигенции... прекрасно сказано. Исторический момент... Две молодых поросли русского либерализма — моя нежная дочь и ваш превосходный сын... соединились, так сказать...

О т е ц. Дочка ваша действительно молодец. Такая умница, такая работающая, бедовая девушка.

Э к и п а ж е в. Мерси! Мерси! И ваш замечательный сын тоже. Такой молодой, и уже академик... Это, знаете, что-нибудь да стоит. Но, впрочем, вполне понятно. Происхождение-с. У такого отца, как вы, не может быть другого сына. Не может!

О т е ц. Самый обыкновенный отец.

Э к и п а ж е в. Нет-с! Нет-с! Необыкновенный!

Я уважаю вашу скромность, но позвольте вам сказать, что необыкновенный! Я давно, давно слежу за вашими блестящими судебными процессами.

Отец. Да чего там! Обыкновенные показательные процессы. Приходится и обвинять, приходится и защищать... Завком выдвигает. Неудобно отказываться.

Экипажев. Еще бы! Еще бы. Я давно за вами слежу по газетам. Ваши портреты...

Отец. Ну, один раз, действительно... В «Рабочей Москве»... И то узнать нельзя. Какая-то клякса вместо физиономии.

Экипажев. Да, да. В «Русском слове», в «Новом времени», поистинно...

Отец. Разве и за границей было?

Экипажев. Еще бы, еще бы! Ах, вы, скромник! Везде! В Париже!.. В Баден-Бадене! Однако у вас прелестная квартирка. Я никогда не думал, что в таком районе может быть... этакая бомбоньерка.

Отец. Два дня, как переехали.

Экипажев. Прелестно, прелестно! Все так культурно, интеллигентно, масса света, зелени... фикусы... очаровательные фикусы... книги, гравюры... Да-с... Вот что отличает настоящего культурного человека от какого-нибудь парвеню и хама. Книжки-с. Когда, я вас спрашиваю, когда наконец наш темный, невежественный, хамский народ начнет читать книги? «Эх, эх, придет ли времечко, придет ли... — гм... — желанное, когда мужик не Блюхера и не милорда глупого, Белинского и Гоголя с базара понесет...»

Отец. Гоголь есть. Пять томов. Старенький, но в переплете. А Белинский госиздатовский... Но, к сожалению, без переплета. Все никак не соберусь. Общественная работа заедает.

Экипажев. И меня, знаете, общественная работа тоже ужасно заедает.

Отец. Зато Шекспиром могу похвастаться. Брокгауза и Ефрона издание. На книжном базаре выиграл. Не знаю только, как перевод. Говорят, Шекспира переводить трудно очень. Вы не знаете?

Экипажев. Трудновато. Трудновато.

Отец. Вы ведь небось основательно изучили иностранные языки. В особенности английский?

Экипажев. Английский язык? Да. Я знаю. Гм. Мад ин Энгланд. Впрочем, отсутствие практики. Духовная интеллигенция поставлена в такие ужасные условия.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Входит переодевшаяся мать.

Мать. Да что ты, ей-богу, вцепился в профессора. Извините, товарищ профессор, он не понимает никакого обращения с интеллигентным человеком. Пожалуйста на балкончик закусить, чайку попить. Под музыку. Милости просим.

Отец. Это моя половина.

Экипажев. Очень приятно. Мадам. *(Пытается поцеловать ей руку.)*

Мать. Да что вы! Да ей-богу! Да вы меня конфузите. Не надо!

Экипажев. Нет-с, надо. Именно надо! Такую прелестную ручку нельзя не поцеловать. Пароль донер!

Мать. Ох, честное слово!..

Экипажев. Нет, уж позвольте! Мадам, я очарован вашим супругом, вашим сыном, вашей квартирой, всем вашим милым, милым старым интеллигентным домом.

ЯВЛЕНИЕ IX

Дедушка выскакивает из ванной в одних подштанниках, с намыленным лицом.

Дедушка. Глаза щиплет... Намылился, а кранта не могу найти... Ироды!

Мать. Зарезал...

Отец. Это наш дедушка.

Дедушка. Промойте глаза, черти... Кранта не могу найти. Ох!

Мать. Иди. Ступай. Ах, зарезал! Извините. Сейчас, сейчас.

Дедушка. Я, знатца, намылил физиономию, а кранта и не могу найти... Ой, щиплет... Ироды...

Мать. Иди, иди... Срам! *(Уводит деда.)*

ЯВЛЕНИЕ X

Без дедушки и матери.

Отец. С непривычки, знаете. Что поделаешь! Старик. И то два часа бились, покуда заставили его в ванну сесть. Простите.

Э к и п а ж е в. Ну, что вы, что вы! Такой милый, своеобразный старичок. Вылитый Лев Толстой. Кстати, о Лье Толстом. У меня, знаете, тоже домашняя библиотека.

О т е ц. Ну, ваша библиотека! Разве с вами потягаешься? Надо полагать, огромная библиотека!

Э к и п а ж е в. Порядочная, порядочная. Не так, впрочем, велика, как хорошо подобрана. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона... И еще кое-что...

О т е ц. А Брокгауз не устарел?

Э к и п а ж е в. О нет! Я берегу свои книги. Что осталось нам, кроме книг? Не так ли? Весь Брокгауз как новенький. Только пяти томов не хватает.

О т е ц. А у нас «Малая советская». Нынче предпоследний том принесли. «Техническая» тоже. Надо, знаете, держаться в курсе...

Э к и п а ж е в (*видя на стене портрет*). Это кто, Помяловский?

ЯВЛЕНИЕ XI

Входит П а р а с ю к из своей комнаты.

П а р а с ю к. Энгельс.

Э к и п а ж е в. Энгельс? Разве? А я почему-то представлял его себе бритым. Удивительно напоминает Помяловского... И Добролюбова... А этот, с бородкой... Некрасов?

О т е ц. Дзержинский.

Э к и п а ж е в. Дзержинский! Ой! А похож, знаете. Я даже сразу спутал. Вижу, что-то знакомое.

П а р а с ю к. Вы не туда смотрите. Это Белинский.

Э к и п а ж е в. Ах, у вас Белинский? У нас тоже Белинский... То есть Достоевский. А это?

П а р а с ю к. Блок.

Э к и п а ж е в. Какой Блок? Член Третьей Государственной думы? Я помню, там был один блок. Кажется, националистов и октябристов.

П а р а с ю к. Это поэт Александр Блок.

Э к и п а ж е в. Ах, поэт. Я очень люблю поэтов.

П а р а с ю к. «Двенадцать» написал.

Э к и п а ж е в. Да, да. Я знаю: двенадцать томов. Читал, как же, читал. Все двенадцать прочитал. Прелестно.

ЯВЛЕНИЕ XII

Входит мать.

М а т ь. Извините, насилу отмыла старика.

Звонок.

Иду, иду. (*Идет отворять.*)

ЯВЛЕНИЕ XIII

Входит Ананасов, за ним мать.

А н а н а с о в. Фу-ты, чер-рт! В какую-то мерзость ногой вступил.

М а т ь. Ах! В заливного судака.

Э к и п а ж е в (*про себя в ужасе*). Парасюк!

А н а н а с о в (*ласково*). Ах, вы тут?

Э к и п а ж е в. Извините, господа, позвольте вам, мой зять...

А н а н а с о в. Это совершенно лишнее.

М а т ь. Милости просим.

Э к и п а ж е в. Ты что же это, братец, а? Следишь за мной? Преследуешь меня по пятам, как сыщик?

А н а н а с о в. А вы думали, что от меня так легко отделаться? Дудки-с! Спрашиваю вас в последний раз: отдадите вы мне бриллианты или не отдадите?

Э к и п а ж е в. Да как ты осмелился, любезнейший, врваться в чужой интеллигентный дом?

А н а н а с о в. Отдадите или не отдадите?

Э к и п а ж е в (*Парасюку*). Вот-с. Я вам говорил. Что же теперь прикажете с ним делать?

А н а н а с о в (*шипя*). Милостивый государь, за такие фокусы публично бьют по морде.

Э к и п а ж е в. Голубчик! Ради бога! Где угодно, но только не здесь. Не в этом интеллигентном доме... Это недоразумение! Уверяю тебя! Никаких бриллиантов нет.

А н а н а с о в. Как нет? А где же они?

Э к и п а ж е в. Их... их украли.

А н а н а с о в (*ласково*). Ах, их украли? Кто же их украл?

Э к и п а ж е в. Кто?.. Гм... Вы знаете, господа, в моем доме живут посторонние люди. Я принужден временно отдавать часть своей площади, гм, кондукторше Ключиковой. Антр ну суа дит, я вполне уверен, что это Ключикова.

А н а н а с о в (*еще ласковой*). Ах, Ключикова?
Э к и п а ж е в. Только, ради бога, братец, не делай
из этого историю.

А н а н а с о в (*вкрадчиво, задыхаясь*). Ах, Ключи-
кова?

ЯВЛЕНИЕ XIV

Входит Ш у р а с фикусом.

Э к и п а ж е в. Вот-с!

Все молчат.

Ш у р а. С новосельем! Я вам цветочек принесла. Еще
раз здравствуйте! А Мишка сейчас придет. Он тут невда-
леке стоит. Какая квартирка миленькая!

Все молчат.

Об чем речь?

Все молчат.

А н а н а с о в. Гражданка Ключикова. Вчера у граж-
данина Экипажева пропала одна ценная вещь, хранив-
шаяся в комодѣ. Вы об этом ничего не знаете?

Ш у р а. Понятия не представляю.

А н а н а с о в. Ты взяла бриллианты?

Ш у р а. Честное, благородное слово, Анатолий Эспе-
рович! Чтоб у меня руки отсохли!

Э к и п а ж е в. Не знаю, милая, не знаю. К нему обра-
щайся. Я, так сказать, отстраняюсь.

А н а н а с о в. Воровка!

Ш у р а. Я? Воровка? Да что ж это делается? Госпо-
ди... Миша... Где же Миша?... Товарищи... Скажите же...
Подтвердите... Я не воровка... Ох, Мишечка... (*Плачет.*)

А н а н а с о в. Не реви, не реви! Говори, куда серь-
ги?.. Где серьги?

Ш у р а. Серьги?.. Дамские серьги?.. Погодите. Я да-
веча подобрала на полу одну бумажку на серьги... Где
это? Ах, боже мой... Да где ж этот проклятый документ?..

Э к и п а ж е в. Какой... документ?

Ш у р а (*ищет*). Вроде квитанции. Ах ты, черт...
Вот... (*Нашла.*)

А н а н а с о в. А!

Э к и п а ж е в. Шура, я запрещаю вам! Слышите?

Ш у р а. А идите вы к чертовой матери!

Э к и п а ж е в. Шурочка, ну я прошу вас...

А н а н а с о в. А-а-а!

Ш у р а. Не смейте до меня прикасаться, старый гад, а то я как двину в ухо фикусом!

Э к и п а ж е в. Вы видите, господин Белинский... то есть Дзержинский. Мерси!

М а т ь. Шурка! Не разоряйся! Тут не трамвай!

О т е ц. Постой, мать. Дай-ка, Шура. (*Берет квитанцию.*)

Э к и п а ж е в (*отцу*). Миль пардон. На два слова. Ан де.

Ш у р а. Читайте! Пусть все слышат!

Э к и п а ж е в (*Эжену*). Голубчик... на два слова... тет-а-тет.

А н а н а с о в. Да вы что, издеваетесь надо мной? Читайте!

ЯВЛЕНИЕ XV

Т е ж е и д е д у ш к а , он выходит из ванной.

Д е д у ш к а. Здравствуйте, Анатолий Эсперович. Не признали? А я у вашего покойного папаши в дворниках состоял. У них, у Экипажевых, на Коровьем валу домик свой был. Вы тогда еще такой лихой молодой человек были... Ох, лихой студентик... ох, лихой!

Э к и п а ж е в. Иван! Ты как сюда попал?

Д е д у ш к а. Прямо из ванны и попал. Очень просто. Душ принимал.

О т е ц. Домик на Коровьем валу?

Э к и п а ж е в. А как же! Помилуйте! Весьма порядочный домик,— двадцать пять квартир. Отобрали-с... Экспроприировали-с.

О т е ц. Эге!

ЯВЛЕНИЕ XVI

Без дедушки.

А н а н а с о в. Ну, читайте же, читайте!

Ш у р а. Читайте! А ну вас всех!

Э к и п а ж е в. Пардон. Мне пора. Общий поклон. По-английски.

А н а н а с о в. Нет, зачем же по-английски? Пусть лучше будет по-русски. (*Шепотом.*) Будьте любезны атамане — или в рыло!

Ш у р а. Куда? Поперек двери лягу!

ЯВЛЕНИЕ XVII

Входит Калерия.

Отец. Тише... *(Читает.)* «Магазином Госторга уплачено гражданину Экипажеву...»

Экипажев. Это не я.

Отец. «...Экипажеву А. Э...»

Экипажев. А. Э.— то я.

Отец. «...за дамские серьги четыре тысячи пятьсот рублей».

Экипажев. Ах да, действительно. Теперь помню. Как раз перед самым весенним дерби.

Калерия. Я так и предчувствовала!..

Шура. Ну, что ему теперь сделать? В морду плюнуть?

Ананасов. Что же это в конце концов значит, многоуважаемый товарищ, объясните!

Экипажев. Господа! Вы должны понять и простить. В минуту жизни трудную. Интеллигенцию так жали, так жали...

Калерия. Но ведь я служила. Я всегда служила... Я отдавала тебе все жалованье до копейки.

Экипажев. На сохранение, на сохранение. Кроме того, господа, у меня могли быть слабости. Маленькие человеческие слабости... При изнурительном умственном труде... Бега освежают... Это так естественно... У... гм... Наполеона тоже были слабости... таково свойство высокоинтеллигентных индивидуумов... Я даже как-то об этом писал в одной из своих философических брошюр.

ЯВЛЕНИЕ XVIII

Входит дедушка с брошюрой.

Дедушка. Вот она, брошюрка-то. Книжечка. Вы мне ее тогда еще подарили. Для народного просвещения. Она у меня всегда в сундучке. Вот-с.

Парасюк *(берет брошюру, читает)*. «Несколько интимных мыслей по вопросу об однополой любви в Древней Греции, с иллюстрациями, сочинение доктора эстетики А. Э. Экипажева». Пустячок — философическая брошюрка!... Гм...

Отец. Да уж... Что и говорить... Не Герцен...

Дедушка. В особенности картинки... *(Фыркает.)*

Калерия. Ты проиграл мое приданое па бегах!
В тотализатор! Ты погубил мою жизнь... Мне тридцать
пять лет! Тридцать пять лет! Кто меня возьмет? Ты мне
больше не отец! Я ненавижу тебя! Доктор эстетики!
Плюю на тебя! Ненавижу!

Экипажев. А я как раз собирался передать тебе
знамя.

Ананасов. Заявляю публично, что вы стерва!
Я тебе сейчас буду бить морду! (*Бросается на Экипажева.*)

Драка.

Мать. Ай, срам какой! Два образованных человека
из-за приданого друг друга по мордам хлещут.

Драка, все их разнимают, валятся фикусы, посуда. Погром.

Милиция! Милиция!

Парасюк. Ну, ну! Без драки тут! Это вам не Коро-
вий вал, и не купеческая свадьба, и не Древняя Греция.

ЯВЛЕНИЕ XIX

Входит Агнесса.

Агнесса. Что за базар?

Экипажев. Вот-с. Полюбуйся на своего хама.
Пенсне мне разбил! Нет, каков гусь! Парасюк!

Начиная отсюда, сцена идет в четком, но очень замедленном темпе.
После каждой реплики короткая пауза.

Агнесса. Где Парасюк?

Экипажев (*показывая на Ананасова*). Вот Пара-
сюк.

Агнесса. Он — Парасюк?

Ананасов. Кто — Парасюк?

Экипажев. Ты — Парасюк.

Ананасов. Я — Парасюк?

Калерия. Эжен!

Экипажев. Кто — Эжен?

Ананасов. Я — Эжен.

Экипажев. Ты — Эжен?

Калерия. Он — Эжен.

Экипажев. Парасюк — Эжен?

Агнесса. Парасюк — не Эжен.

Экипажев. Эжен — Парасюк?

Калерия. Эжен — не Парасюк.

Ананасов. Эжен — Ананасов.

Экипажев. Кто — Ананасов?

Калерия. Он — Ананасов.

Экипажев (на Парасюка). Ананасов — он?

Ананасов. Ананасов — я.

Экипажев. Ананасов — вы?

Агнесса. Он — Ананасов.

Экипажев. Вы — Ананасов?

Ананасов. Я — Ананасов.

Экипажев. Позвольте... А кто же тогда Парасюк?

Агнесса. Парасюк — он.

Экипажев. Он — Парасюк?

Калерия. Парасюк — он.

Экипажев. Вы — Парасюк?

Парасюк. Я — Парасюк.

Экипажев. Позвольте. Значит — тот Парасюк, а этот — не Парасюк?

Дедушка. Да нет же! Тот — не Парасюк, а этот — Парасюк.

Экипажев. А каким же образом тогда этот Парасюк попал в квартиру присяжного поверенного Ананасова?

Мать. Кто присяжный поверенный Ананасов?

Экипажев. Он присяжный поверенный Ананасов.

Мать. Присяжный поверенный Ананасов — он?

Экипажев. Он присяжный поверенный Ананасов.

Отец. Кто?

Экипажев. Вы.

Отец. Я?

Экипажев. Да.

Отец. Нет.

Экипажев. Как нет? А кто же вы, если не присяжный поверенный Ананасов?

Отец. Иван Иванович Парасюк.

Экипажев. Парасюк?

Отец. Парасюк. А это старуха моя, Ванина мама, Елизавета Осиповна.

Экипажев. Парасюк?

Мать. Парасюк. А это дедушка, Иван Ивановича родитель.

Экипажев. Парасюк?

Дедушка. Парасюк.

Экипажев. А я и не знал, что твоя фамилия Парасюк. Парасюк — родственник — дворник... У-у-у-у!

Отец. Еще Агнесса Анатолиевна, Ванина супруга.

Агнесса (вызывающе). Парасюк! Ну, крест! Ты мне больше не отец!

Экипажев. Я тебя еще раньше проклял. Позвольте! Что же это делается! Все Парасюки, один я не Парасюк. Мерси! Господа... Подождите... У меня что-то не того... У меня душа как у Гамлета... она разорвана на две части... Великая, сложная душа русской интеллигенции... С одной стороны — Парасюк, но не Эжен, а с другой стороны — Эжен, но не Парасюк. Извините, я схожу с ума. Парасюк! О-о-о! В глазах рябит от Парасюков! (Отцу.) Да что же это ты себе позволяешь, любезнейший? А? (Невменяемо.) Ну, как харчи? Как одежда, обуза? Портянки часто меняешь? Ноги моешь? (Запутался.) То есть что я такое говорю... наоборот... весьма польщен. Старые обломки русского либерализма! (Кричит.) Парасюки! У-у-у! (Скандалит.)

М а т ь. Милиция! Милиция!

ЯВЛЕНИЕ XX

Входит Миша.

Миша (в форме). Кто скандалит? А ну-ка!

Экипажев. Миша! Милиционер! Сын — милиционер! Ты осмелился? Я тебя проклинаяю! Экипажевы никогда не служили в милиции!

Миша. Да я больше не Экипажев.

Экипажев. Как не Экипажев? А кто же ты?

Миша. Я теперь Ключиков.

Экипажев. Ключиков?

Миша. Ключиков. Мы сегодня как раз с Шуркой в загсе регистрировались...

Экипажев. Как? С кондукторшей? Мой сын? С кондукторшей! У-у-у!

Миша. И я принял ее фамилию. Очень просто. А Экипажев — это для нас чересчур шикарная фамилия.

Шура. Хотя и транспортная.

Экипажев. У-у-у! У меня нет больше сына! Мне окончательно некому передать знамя! Вот до чего довели великую русскую интеллигенцию! Затравили!

Отец. Насчет интеллигенции это вы, положим, бросьте.

Экипажев. Дочь — Парасюк, сын — Ключиков... О-о! Миллион терзаний! Миллион терзаний, как сказал покойный Репин!

Парасюк. Не говорил этого Репин.

Экипажев. Ну, значит, он был неразговорчивый... как сказал...

Отец. Не пугайте. Грамотные.

Вбегают 1 - й и 2 - й жильцы и Артамопова.

1 - й ж и л е ц. Анатолий Эсперович! Мы вас по всему городу ищем! Все жильцы очень нервничают. Что вы с нами делаете?

2 - й ж и л е ц. Ключ! Ключ! Вы забрали с собой ключ!

А р т а м о н о в а. Муж моей дочери, мой зять, инженер Белье...

Э к и п а ж е в. Который раз?

А р т а м о н о в а. В третий раз! Анатолий Эсперович! В виде исключения! Как инженеру!

Э к и п а ж е в. Никаких исключений!

1 - й ж и л е ц. Да что за счеты, когда вся квартира просто с ума сходит!

2 - й ж и л е ц. Ключ, ключ, черт вас дерит!

Э к и п а ж е в. На руки — никому. Ни-ко-му!

2 - й ж и л е ц. Да вы просте псих! Ключ! Я уполномочен жильцами!

1 - й ж и л е ц. Инженер Белье...

Э к и п а ж е в. Чихал я на Белье! *(Кричит.)* Никому на руки, ни-ко-му!

М и ш а. Гражданин Экипажев, попрошу вас не хулиганить. Гражданин Ананасов! На улице додеретесь. Попрошу посторонних очистить помещение! *(Свист.)* Пожалуйте в отделение. *(Берет Экипажева за шиворот.)* Пожалуйте, гражданин!

Ш у р а. Граждане! Вагон не резиновый! Сойдите с площадки!

Э к и п а ж е в. Поздравляю вас, господа. Родной сын!

М и ш а. Бывший, папаша, бывший.

Э к и п а ж е в. Родного отца!

М и ш а. Бывшего, папаша, бывшего. *(Оттесняет Экипажева к двери.)*

Д е д у ш к а. Уф! От таких делов я взопреп!

За окном фейерверк, прожектора. Пауза. Живая картина.

Давно чтой-то я в ванне не купался. Пойти, что ли, душ принять?

Музыка играет марш.

З а н а в е с

ДОРОГА ЦВЕТОВ

● Комедия
в четырех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Лаутская.

Маша, ее дочь.

Завьялов, муж Маши, популярный лектор.

Доктор.

Таня, комсомолка.

Мать Тани.

Бабушка Тани.

Женя Гусев, комсомолец.

Подруга Тани.

Поля, домработница у Завьялова.

Курьер.

Вера Газгольдер.

Муж Веры Газгольдер.

Пациент, личность без слов.

Действие происходит ранней весной в Москве.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Комната в квартире Завьялова.

ЯВЛЕНИЕ I

М а ш а гладит мужу белье, у нее болит голова, повязана полотенцем.

Л а у т с к а я (*входит*). Пожалуйста. Вот. Посмотри. Ну что я принесла? Две моркови, кусочек капусты, кусочек масла, немножко мяса, стакан творогу — два пятьдесят, три луковицы, смотреть не на что, — и все это стоит тридцать рублей.

М а ш а. Мне дурно.

Л а у т с к а я. Тут все записано, до копейки.

М а ш а. Ты меня разоряешь.

Л а у т с к а я. Так можешь ходить сама. А я больше не в состоянии. Ну его к черту! Отказываюсь.

М а ш а. Что это у тебя?

Л а у т с к а я. В трамвае оторвали. Когда все это кончится? Поля, заберите на кухню. Митьку кормили?

П о л я. Кормили.

Л а у т с к а я. Что ж он, негодяй, кричит на всю квартиру?

П о л я. Капризничает. С жиру бесится. Вот он какой, котюга!

М а ш а. Я ему сейчас покажу капризы! Пошел вон, толстый дурак! Ступай лови воробьев. Дармоед!

П о л я. Хвост поджал.

М а ш а. Шш... шш... шш...

Л а у т с к а я. Спит?

М а ш а. Нет, уже встал. Занимается.

Л а у т с к а я. Поздно вчера вернулся? Я не слышала.

М а ш а. Часа в три. Я не посмотрела... Может быть, в половине четвертого.

П о л я. В половине пятого. *(Бросает дрова.)*

М а ш а. Тише! С ума сошла!

Л а у т с к а я. Я не понимаю такой жизни.

М а ш а. Мама!

Л а у т с к а я. Ну, не буду. Кормили его?

П о л я. Кормили.

Л а у т с к а я. Конечно, меня не касается. Твой муж, а не мой. Но все-таки... Постоянно на стороне какие-то пассии.

М а ш а. Мама!

Л а у т с к а я. Он всюду с ними появляется. Афиширует. Совершенно не считается с общественным мнением. А ты думаешь, у нас нет общественного мнения? Есть, милая, еще какое! На вас люди пальцем показывают.

М а ш а. Прекратим этот разговор, я прошу тебя. Ты видишь, у меня болит голова.

Л а у т с к а я. Какая же это семья! И с каждым годом все хуже, и хуже, и хуже.

М а ш а. Перестань!

Л а у т с к а я. Перестала, перестала! Опять его вчера видели с новой. На катке.

М а ш а. Ну и очень хорошо! Пусть катается. Что же тут ужасного?

Л а у т с к а я. Я разве что-нибудь говорю? Пусть катается! Только не до пяти часов утра.

М а ш а. Зачем ты мне все это говоришь?

Л а у т с к а я. А кто ж тебе скажет, если не мать?

М а ш а. Я не слушаю.

Л а у т с к а я. Распустила человека и уши затыкаешь.

М а ш а. Молчи, я тебя прошу. Можно подумать, что не интеллигентная женщина, а какая-то старая купчиха. В каком веке мы живем? На цепи его держать, что ли? Ты меня просто удивляешь. Его надо понимать. Надо уважать его взгляды на жизнь, на семью.

Л а у т с к а я. Уж он, кажется, и тебя убедил.

М а ш а. Он человек легкий, живой, свободный, счастливый, новый.

Л а у т с к а я. Словом, не муж, а жилец.

М а ш а. Все равно. Я его люблю. И не вмешивайся.

Л а у т с к а я. А ты думаешь, я его не люблю? Если бы не любила вас обоих, очень бы мне нужно было

стараться! Нет, ты только подумай: ну что я принесла? Ведь это курам на смех! Две морковки, кусочек капусты...

Звонок.

Что там такое?

П о л я. Почта.

М а ш а (*перебирает письма*). Ему. Ему. Ему. Наверное, от девушки. Ему. Ему.

Л а у т с к а я. Нам ничего?

М а ш а. Нам ничего. Ему. Ему. Ему.

П о л я. Все ему.

М а ш а. Ага! За квартиру. За электричество. Это нам. Ой, у меня голова болит!

ЯВЛЕНИЕ II

Т е ж е и З а в ь я л о в.

З а в ь я л о в. Что такое? Почта? А! (*Берет письма.*) Ну, как дела? Как ты себя чувствуешь? Головка болит? Ну, дай я тебя поцелую нежненько-нежненько. С добрым утром!

М а ш а. Ты что?

З а в ь я л о в. А что?

М а ш а. Спятил?

З а в ь я л о в. Почему?

М а ш а. Дырявая голова!

З а в ь я л о в. В чем дело?

М а ш а. Мы с тобой уже сегодня виделись.

З а в ь я л о в. Не может быть.

М а ш а. Какой ты внимательный!

З а в ь я л о в. И я тебе уже говорил «доброе утро»?

М а ш а. Говорил.

З а в ь я л о в. И уже целовал нежненько-нежненько?

М а ш а. Представь себе!

З а в ь я л о в. Нет, серьезно?

М а ш а. Совершенно серьезно.

З а в ь я л о в (*смеется*). Фантастически!

Л а у т с к а я. Интересно знать, к чужим людям вы так же внимательны, как и к родным?

З а в ь я л о в (*распечатывая письма*). Не понимаю.

Л а у т с к а я. Что ж тут понимать!

З а в ь я л о в. Не ощущаю никакой разницы между так называемыми «чужими» и так называемыми «родными».

Л а у т с к а я. Родные — это те, кого мы любим. **З а в ь я л о в.** Ага! А чужие — это те, кого мы не любим? Замечательно! Повестка. Повестка. Билет на выставку. Почему я должен любить своих и не любить чужих? Какая между ними принципиальная разница? Я люблю всех. Повестка.

Л а у т с к а я. Это ваша новая идея.

З а в ь я л о в. Это естественное состояние человека будущего.

М а ш а. Любить всех одинаково?

З а в ь я л о в. Конечно.

Л а у т с к а я. Любить всех — значит не любить никого или, по крайней мере, любить только себя.

М а ш а. Мама!

З а в ь я л о в. При капитализме — да. В будущем обществе — наоборот.

Л а у т с к а я. Это чепуха!

З а в ь я л о в. Почему?

Л а у т с к а я. Потому что... Потому что относиться ко всем одинаково можно только тогда, когда все одинаковы.

З а в ь я л о в. В будущем обществе все и будут одинаковы.

Л а у т с к а я. Все одинаковы... То есть как это одинаковы? Позвольте! Ну, уж, нечего сказать, хорошо ваше будущее общество! Это что же такое: все блондины, и все одинакового роста, и у всех на носу одинаковые признаки — бородавки, что ли, — и все одинаково любят рубленные котлеты с морковкой, и все одинаково умные, и... и... и... и уже не знаю что?! Нет, мерси! Я на такое будущее абсолютно не согласна. Лучше повеситься.

З а в ь я л о в. Вы вульгарно его понимаете. В будущем обществе все люди будут поставлены в равные трудовые условия. Каждый будет давать в меру своих способностей и брать в меру своих потребностей. Надо читать Маркса.

Л а у т с к а я. У вашего Маркса довольно прозрачно сказано, что форма будущего общества неизвестна.

З а в ь я л о в. Правильно! И что ж? Марксу это было еще неизвестно. Но исторический процесс развивается, и мы уже можем совершенно научно определить форму будущего общества. Я уже, например, вижу его.

Л а у т с к а я. Он его уже видит!

М а ш а. Какое же оно будет, интересно?

Завьялов. Оно будет замечательно устроено. Люди будут действительно свободны. Людям будет позволено все.

Лаутская. Решительно все?

Завьялов. Все, кроме одного. Одно им будет запрещено. Запрещено угнетать друг друга. Люди будут свободно развиваться. Человечество будет расти и шуметь, как прекрасный, густой лес. Нет, густой лес — это неверно. В густом лесу сильные экземпляры растений душат слабые. Слабые деревья гибнут, лишённые солнца и воздуха, в тени сильных. Сильные живут за счёт слабых. Густой лес — это неверно. Нет! Наоборот, редкий, хорошо посаженный, распланированный лес, где каждое дерево имеет право на свою долю воздуха, земли, солнца и дождя. Люди не будут, как и деревья в густом лесу, сплетаться корнями и ветвями, не будут бороться. Сильные не будут убивать слабых; каждый человек будет расти и развиваться по-своему, во всю силу своих добрых чувств, талантов, способностей и возможностей.

Маша. А как это практически?

Завьялов. Практически? Очень просто. Высочайшая техника, и на основе этой высочайшей техники города-сады, агрогорода, дома-отели, где каждый человек имеет право на прекрасную, совершенно отдельную, изолированную комнату, с ванной, с душем, с искусственным солнцем, с озонирующей аппаратурой, с цветами, с постельными принадлежностями.

Лаутская. То есть позвольте: а если семья? Что ж, вся семья так и будет помещаться в одной комнатке с... озонирующей аппаратурой? И жена? И дети? И... теща? Это же ужас!

Завьялов. Семьи не будет.

Лаутская. Не будет семьи? Вы меня удивляете и разочаровываете. А что же будет? Как же тогда люди будут, пардон, размножаться?

Завьялов. Можно размножаться без семьи.

Лаутская. Но любовь?!

Завьялов. Семья — могила любви. Нечто обязательное, навязанное, уныло-постоянное. И что такое любовь? Свободное чувство, не поддающееся никаким ограничениям, не вмещающееся ни в какие застывшие формы. Ограничьте любовь привычкой, попробуйте ограничьте! И она — труп.

Лаутская. Что он говорит!

Маша. У меня болит голова.

Лаутская. Но как же в таком случае муж и жена?

Завьялов. Жен и мужей не будет.

Лаутская. Но что же будет?

Завьялов. Будут просто мужчины и женщины, которые чувствуют друг к другу влечение. Свободный союз.

Лаутская. И каждый будет жить отдельно, в своей комнате?

Завьялов. Да.

Лаутская. Муж в «Метрополе», а жена в «Гранд-отеле»?

Завьялов. Если хотите.

Лаутская. Но дети? Они, надеюсь, не отменяются?

Завьялов. Дети не отменяются.

Лаутская. Слава богу! Хоть что-нибудь не отменяется. Но ведь дети связывают?

Завьялов. Ничуть! Детей будет воспитывать общество.

Лаутская. Вы меня угнетаете!

Завьялов. Таким образом, люди, ничем не связанные, будут абсолютно свободны в своем чувстве. И любовь будет абсолютно чиста от всяких посторонних примесей.

Лаутская. Посторонних примесей! Дети — посторонняя примесь? Но чувства, чувства! Скажем, ревность?

Завьялов. Ревности не будет.

ЯВЛЕНИЕ III

Входит доктор.

Лаутская. Доктор, вы слышите, что он говорит? Не будет ревности!

Доктор. Здравия желаю! Где не будет ревности?

Лаутская. В будущем обществе.

Доктор. А что ж... весьма возможно.

Маша. Что это у вас такое?

Доктор. В трамвае оторвали. Весьма возможно, что в будущем обществе ревности и не будет. Что это у вас, философский диспут?

Завьялов. Приходится повторять азбучные истины.

М а ш а. Хорошо. Допустим. А если кто-нибудь разлюбил?

З а в ь я л о в. Уходит.

М а ш а. А если другой продолжает любить, то все равно уходит?

З а в ь я л о в. Как хочет. Хочет — уходит, не хочет — не уходит.

М а ш а. Так просто и уходит?

З а в ь я л о в. Просто и уходит.

М а ш а. А если другому от этого больно?

З а в ь я л о в. Что ж делать! Но я думаю, что тогда люди не будут этому придавать такого значения. Теперь это связано с целым рядом тяжелых осложнений: те же дети, квартира, стандартные справки, заборные книжки, жилплощадь, талоны, всякая чепуха! А тогда это будет легко и просто. Человек кладет в чемоданчик пару белья и говорит: «Прощай, дорогая, мне с тобой скучно, я уезжаю на острова Тихого океана». Между прочим, где мой чемоданчик?

М а ш а. Мама, где его чемоданчик?

Д о к т о р. Вы отправляетесь на острова Тихого океана?

З а в ь я л о в. Пока нет.

Л а у т с к а я. У вас под кроватью.

Д о к т о р. Но в общем, из всех океанов вы предпочитаете Тихий?

З а в ь я л о в. Да, Тихий.

Д о к т о р. Так я вас не поздравляю с Тихим океаном. Куда ни плюнешь, непременно в подводную лодку попадешь. Там скоро ни одной уважающей себя рыбы не останется. Вылезет из воды что-нибудь этакое сверх, знаете ли, дредноутистое, утыканное шестнадцатидюймовыми дальнобойными, знаете ли, цацками, да как барабахнетт-т! Вот вам и Тихий океан! Пустячок тихий! Гран мерси! Нет, Иван Васильевич, на данном отрезке ни о какой тишине, ни о каких волшебных островах не может быть и речи. Возьмите глобус, закройте глаза, знаете ли, ткните наугад. Куда ни ткнете, везде борьба. В любой точке. Мир кипит-с. Борьба... борьба!

З а в ь я л о в. У вас удивительная способность констатировать общеизвестные истины с таким энтузиазмом, как будто вы открываете человечеству небывалые Америки, необъятные горизонты. Всюду борьба! Подумаешь, новость! Разумеется, всюду борьба. Но для чего борьба — вот вопрос.

Доктор. То есть как... для чего борьба?

Завьялов. А так, очень просто: для чего борьба?

Доктор. Для того, чтобы люди в конце концов, в результате борьбы, стали здоровыми, сытыми, свободными, счастливыми.

Завьялов. Правильно! Коротче говоря: идет борьба за нового человека, за человека будущего. А что такое человек будущего? Человек будущего — это высоко развитая личность, с большой буквы! Глубоко интеллигентная индивидуальность, освобожденная от всех условностей, свободная, счастливая, вечно юная.

Доктор. Ну, вот вы уже начали читать свою лекцию: «свободная», «вечно юная»! Все это прекрасно, я с этим не спору, но без борьбы в настоящем мы не добьемся этого в будущем.

Завьялов. Почему? Вы меня удивляете. Что касается лично меня, то я, например, уже ощущаю это будущее. Для меня лично оно уже настоящее. Сегодня, сейчас, здесь... Борьба? Разумеется, борьба. И лично я борюсь. Борюсь за свободу чувств, за свободу передвижения.

Доктор. Позвольте... Но если все начнут так рассуждать и действовать, как вы, тогда что же получится? В один прекрасный день все советские служащие схватят чемоданы и бросятся на острова Тихого океана. А кто же тогда будет служить? Кто останется на производстве? Кто будет строить заводы, лечить, учить, кормить, пахать, сеять?

Завьялов. Зачем же все? Я не сказал — все. У каждой индивидуальности своя форма борьбы. Нельзя же всех обкорнать под одну гребенку. Каждому свое, дорогой доктор. Пусть рабочий работает, учитель учит, колхозник сеет, инженер строит, лекарь лечит. Это их форма борьбы, так сказать — дорога. Но есть личности, переросшие свою среду, свой класс, люди высокого интеллекта, широких горизонтов, люди смелой и новой мысли. У них другая дорога. Дорога цветов.

Доктор. Да, но согласитесь, что это несколько преждевременно.

Завьялов. Наоборот! Несмотря ни на что, вопреки всему, ломая старые формы! В этом настоящий бунт, настоящая борьба, настоящая революция духа!

Доктор. Сверхчеловек... Ницше... Юберменш...

Завьялов. Как вы сказали? Ницше? Юберменш? Ах да, совершенно верно, очень хорошо! (*Быстро достает за-*

писную книжку и записывает.) Сверхчеловек. Ницше... Так. Спасибо! Да. Освобожденный человек, юберменш, смело и гордо идет по дороге цветов.

М а ш а. Кстати, о дороге цветов. В котором часу закрывается каток?

З а в ь я л о в. В одиннадцать. А что?

М а ш а. Ты пришел значительно позже.

З а в ь я л о в. Провожал девушку.

Д о к т о р. Это иногда полезно.

М а ш а. До пяти часов утра?

З а в ь я л о в. Нет, я потом еще долго гулял. Я обожаю ходить ночью по Москве. Тишина. Пустота. Чистота. Сияние. Как в будущем. *(Распечатывает письмо, читает.)* Не понимаю. Забавно! *(Маше.)* Посмотри. *(Дает ей письмо.)*

Д о к т о р. Письмо от поклонницы?

М а ш а. От этой самой.

З а в ь я л о в. Не понимаю.

М а ш а. Не интересуюсь чужими письмами.

З а в ь я л о в. Вот чудачка! Да нет, ты прочти. Анекдот. Послушайте...

М а ш а *(читает)*. «Завьялов! Вы мне нравитесь. Я слышала по радио ваш доклад о человеке будущего. Я вполне разделяю ваши взгляды. Вы отрицаете семью. Я тоже. Любовь должна быть свободной. Это факт. Вы — новый человек. Я тоже. Говорят, я недурна. Вы тоже. Приходите в гости. Мой муж не ревнив. Итак. *Вера Газгольдер*».

З а в ь я л о в. Какой мужественный стиль!

Д о к т о р. Популярность, популярность!

Л а у т с к а я. Вера Газгольдер? Наверное, какая-то авантюристка!

М а ш а. Возьми эту гадость. Кто она? Это та самая?

З а в ь я л о в. Какая «та самая»?

М а ш а. Ну, твоя... новая. Комсомолка...

З а в ь я л о в. Нет, что ты! Ничего похожего. Как ты могла подумать? Танька — очаровательное существо. Настоящая пролетарская девушка. В лучшем смысле этого слова. Молодая, красивая. Здоровая, крепкая, работяга. Вы знаете, товарищи, ей девятнадцать лет, а она уже чем-то там заведует у себя на фабрике. У нее даже есть два помощника. Девчонке девятнадцать лет, а уже два помощника. Настоящий новый человек!

М а ш а. Воображаю. Ты что, в нее влюблен?

З а в ь я л о в. Это нескромный вопрос.

М а ш а. Вот бы ты на ней и женился, если она уж такой новый человек, тем более молоденькая, хорошенькая и так далее. Только имей в виду — все эти девушки будущего обожают выходить замуж. Хлебом не корми. Доктор, хотите кофе? Поля, дайте доктору кофе.

З а в ь я л о в. Фу, как тебе не стыдно! Ни с того ни с сего облаяла чудесную девушку. Я уверен, что она бы тебе очень понравилась, если б вы познакомились.

М а ш а. Не имею ни малейшего желания.

З а в ь я л о в. Но почему же? Вот хочешь, я тебе ее нарочно приведу?

М а ш а. Еще этого не доставало! Нет уж, пожалуйста. Можешь путаться со своими «пролетарскими» девушками, где хочешь, а в мой дом не смей их приводить.

З а в ь я л о в. То есть как это: в «мой дом»?

М а ш а. А так, очень просто. Это мой дом! Я здесь хозяйка. Берите, доктор, хлеба. Вы, наверное, с утра ничего не ели?

Д о к т о р. Признаться.

З а в ь я л о в. Это просто глупо.

М а ш а. Может быть. Я ж известная дура. Но пока еще у нас, слава богу, нет твоего «будущего общества». Пока у нас, слава богу, еще существует семья, есть мужья и жены, есть ревность, дети и прочие посторонние примеси. И перестанем об этом говорить. Доктор, почему вы не берете масла? Я вам намажу.

Д о к т о р. Признаться...

З а в ь я л о в. Ох, как здесь душно жить, до чего душно!

М а ш а (*дает мужу счета*). Пожалуйста.

З а в ь я л о в. Что это? Счета? За электричество и за квартиру? Хорошо!

М а ш а. Что «хорошо»?

З а в ь я л о в. Я сказал — хорошо.

М а ш а. Надо платить.

З а в ь я л о в. А что, разве в доме нет денег?

М а ш а. Нету.

З а в ь я л о в. Ладно. Подождут.

М а ш а. Ждать не будут.

З а в ь я л о в. Подождут. Ничего не произойдет.

М а ш а. Нет, произойдет. Выключат свет. Домоуправление подаст в суд.

З а в ь я л о в. Ох, боже мой! Ну, как это может быть, чтобы в пролетарском государстве вдруг лишили света и

выселили из квартиры работника умственного труда за неплатеж? Не бывает!

М а ш а. Очень просто.

З а в ь я л о в. Да никогда этого не будет! Подождут.

М а ш а. Ну, посмотришь. Только я вовсе не желаю из-за тебя оставаться в темноте и жить на улице. И вообще больше в доме нет денег, имей это в виду. Тебе всегда надо напоминать. Мне это наконец надоело!

З а в ь я л о в. Вы видите, доктор? У меня голова болит. Фу, до чего здесь темно, и тесно, и мерзко! Ей-богу, я задыхаюсь в этой атмосфере. И этот дурак еще играет.

Слышатся сверху неуклюжие звуки фортепьяно — «Вальс Джульетты».

Я не могу в таких условиях заниматься умственным трудом. Мне здесь тесно. Физически тесно. Понимаешь? Меня здесь все давит. Понимаете, доктор, как это ужасно — писать о будущем и барахтаться вот во всем этом! И полное непонимание вокруг, полнейшее! Это пытка.

М а ш а. Ваня, ради бога!

З а в ь я л о в. Оставьте меня. Мне надо кончить книгу.
(Уходит.)

М а ш а. У меня голова болит.

ЯВЛЕНИЕ IV

Т е ж е, без Завьялова.

Д о к т о р. Ну, ничего! Милые бранятся — только тешатся.

М а ш а. Еще чашку кофе?

Д о к т о р. Мерси! Сатис эст ¹. Вы, главное, не расстраивайтесь, Машенька. В наше время у всех неважные нервы. Вы не обижаетесь, что я вас называю «Машенька»?

М а ш а. Что вы, дружок! У меня к вам самые нежные чувства.

Д о к т о р. Это очень хорошо. Ну-те-с! Как говорится, на что жалуетесь?

М а ш а. Да все то же.

Д о к т о р. Ага!

М а ш а. Кроме того, второй день адская головная боль, какая-то слабость, вечером немножко температура, тридцать семь и четыре, ночью потею.

¹ Довольно, достаточно (лат.).

Доктор. Ага!

Маша. Гриппчик?

Доктор. Правильно. В наше время у всех небольшой гриппчик. И что же вы предпринимаете против него?

Маша. На ночь аспирин.

Доктор. Верно.

Маша. Сижу дома, никуда не выхожу.

Доктор. Правильно.

Маша. Язык показать?

Доктор. А ну его к черту! Не стоит.

Маша. Я все-таки покажу.

Доктор. Ну, если хотите, покажите.

Маша (*показывая язык*). Язык довольно чистый.

Правда?

Доктор (*утвердительно*). Эге!

Маша. Все в порядке?

Доктор. Все в порядке.

Маша. Больше ничего не надо?

Доктор. Больше ничего.

Маша. Может быть, горчичники на пятки поставить?

Мама советует.

Доктор. Ну, раз мама советует... можно. Это никогда не вредит.

Маша. Может быть, мне лежать?

Доктор. Ну да. А что ж... Комната у вас маленькая. Лежите, все равно; даже лучше, чем ходить.

Маша. Может быть, вы мне все-таки что-нибудь пропишете?

Доктор. А что ж вам прописывать? Все равно в аптеках ничего нет.

Маша. Кофеин есть.

Доктор. Есть кофеин? Расчудесно! Тогда я вам пропишу кофеин.

Маша. Даже у нас, кажется, дома есть кофеин.

Доктор. Дома есть кофеин? Так в чем же дело? Тем лучше. Тогда принимайте себе кофеин на здоровье. От него никакого вреда.

Маша. Ей-богу, вы комик. Можно подумать, что не вы доктор, а я доктор.

Доктор. А что вы думаете? Отличный доктор! Вообще в наше время все больные отличные доктора. Факт! А что им еще остается делать?

Маша. Вы не верите в медицину?

Доктор. А покажите мне такого священника, который бы верил в бога.

М а ш а. Бог — это фикция, а медицина — наука.

Д о к т о р. Какая там наука!

М а ш а. Однако! Ничего себе доктор!

Д о к т о р. Вот социальная гигиена, профилактика — это вещь. В будущем обществе социальная гигиена займет исключительное положение.

М а ш а. Оба вы помешались на будущем обществе. Все в будущем! Все для будущего! А в настоящем? А для настоящего ничего?

Д о к т о р. Как это ничего! Вы ж видите, с утра до вечера хожу и лечу. С одного конца города на другой. К вечеру на ногах не стою.

М а ш а. Бедненький! Но вы же сами в это не верите?

Д о к т о р. Это не важно. Важно, чтоб больные верили. Вы, например, верите?

М а ш а. Верю.

Д о к т о р. Правильно. И это вас успокаивает. И то хлеб.

М а ш а. Надо же кому-нибудь верить.

Д о к т о р. Обязательно. Ну те-с!

М а ш а. Может быть, вы мне все-таки что-нибудь впрыснете?

Д о к т о р. Что же вам, Машенька, впрыснуть?

М а ш а. Мышьяку, а?

Д о к т о р. Стоит ли?

М а ш а. Для аппетита!

Д о к т о р. Разве что для аппетита... А у вас что, аппетит плохой?

М а ш а. Неважный.

Д о к т о р. Ну и слава богу! На что вам хороший аппетит? Только одно беспокойство.

М а ш а. Нет, все-таки.

Д о к т о р. Если это вас успокоит?

М а ш а. Успокоит.

Д о к т о р. Ну что ж, тогда можно и чего-нибудь такого впрыснуть... Давайте! *(Вынимает футляр со шприцем.)*

М а ш а. Только не здесь. В моей комнате.

Д о к т о р. Правильно. *(Идет в Машину комнату.)*

Звонок телефона.

М а ш а *(в телефон)*. Я слушаю. Сейчас. *(Стучит в дверь мужа.)* Ваня, тебя.

ЯВЛЕНИЕ V

Завьялов выходит из двери.

Завьялов. Спроси — кто.

Маша (*в телефон*). Кто его спрашивает?.. Ага! (*Мужу.*) Вера Газгольдер.

Завьялов. Пошли ее к черту!

Маша (*в телефон*). Он сейчас очень занят. Позвоните через полчаса. (*Вешает трубку.*) Ну, давай помиримся.

Завьялов. А разве мы поссорились?

Маша. Как же! Ты на меня только что страшно накричал.

Завьялов. Я накричал? Не может быть!

Маша. Представь себе.

Завьялов. Фантастически! Ну, давай поцелуемся нежненько-нежненько.

Маша. Ты чудовище, но все-таки я тебя обожаю.

Они целомудренно и нежно целуются в губы, как дети.
Звонок телефона.

(*В телефон.*) Я слушаю... Сейчас (*Ему.*) Тебя.

Завьялов. Кто?

Маша (*в телефон*). Кто его спрашивает? Ага! (*Ему.*) Из какого-то бюро выступлений. Будешь говорить?

ЯВЛЕНИЕ VI

Завьялов, без Маши, один.

Завьялов. Как же, как же! (*Берет трубку.*) Я слушаю вас. Очень хорошо. Стоит ли? Ну ладно, как хотите. У вас есть под рукой карандашик? Так вы пишите: «Иван Завьялов прочтет доклад на тему «Человек будущего». Тезисы: «Этические нормы прошлого. Основы христианской морали. Понятия добра и зла. Любовь по Энгельсу. «Хорошо» и «плохо» Спинозы. Идеи Фурье».

ЯВЛЕНИЕ VII

Входит Поля.

Поля. Иван Васильевич, вас спрашивают.

Завьялов. Сейчас. (*В телефон.*) «Что такое «сво-

бода личности». Сен-Симон и его время... Сверхчеловек Ницше». (Поле.) Кто?

П о л я. Какая-то молоденькая гражданка.

З а в ь я л о в (в телефон). Одну минутку.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Входит Т а н я.

Т а н я. К вам можно?

З а в ь я л о в. Танюша! (В телефон.) Извините, тут ко мне по делу. Я вам позвоню через полчаса. (Вешает трубку.) Что это у тебя?

Т а н я. В трамвае оторвали.

З а в ь я л о в (обнимает ее). Ну...

Т а н я. Пусти! (Освобождается.) Женатый человек! У себя в доме! Очень красиво! А если жена войдет?

З а в ь я л о в. Пусть входит.

Т а н я. Не говори глупостей.

З а в ь я л о в. Я никогда не говорю глупостей. И ни от кого ничего не скрываю.

Т а н я. Да и нечего скрывать. Но это не важно. Я тебе хотела сказать...

Он ее обнимает.

Пусти, пожалуйста. Вот твои книги. Получай. В целости и аккуратности. У вас всего две комнаты? Эта и эта?

З а в ь я л о в. Нет, еще одна. Всего три. Это в некотором роде столовая. Вот так живет и работает...

Т а н я. У вас темно. Здесь холодно, или это мне так кажется?

З а в ь я л о в. Нет, холодно. И вообще ужасно гнусно.

Т а н я. На дворе совсем тепло. Мы пошли на каток, думали малость покататься, а там болото. С одним человеком.

Пауза.

Я выхожу замуж. Нет, правда! Совершенно серьезно!

З а в ь я л о в. Серьезно?

Т а н я. Вы ж меня все равно не любите. У вас жена. А он меня любит, Женя Гусев. Уже давно, с прошлой зимы. Вот. Я совсем запуталась. Я пропаду.

З а в ь я л о в. Какая-то чепуха! Какая-то невероятная чепуха! Танюша! Да ты вдумайся в то, что ты говоришь. Это чудовищно! Неужели ты не понимаешь? Я же тебя люблю. Вот балдуша! Можешь ты это сообразить: люблю?

Т а н я. Ради бога! Сюда идут... Так, значит, вот... До свиданья! Прощай! Все.

З а в ь я л о в. Нет, не все. Нет, подожди. Нет, я тебя не пушу. Надо договориться. Так нельзя. Идем ко мне в комнату.

Т а н я. Это твой кабинет?

З а в ь я л о в. Да, это мой кабинет. Сюда.

Т а н я. Ты здесь работаешь?

З а в ь я л о в. Да, да. Я здесь работаю. Входи.

Т а н я. Только на одну минуточку. *(Роняет шапочку.)*

З а в ь я л о в. На одну. Не больше.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ IX

М а ш а и д о к т о р входят.

Д о к т о р. Болит?

М а ш а. Не очень.

Д о к т о р. Ну и отлично. А засим честь имею кланяться!

М а ш а. Обедайте с нами.

Д о к т о р. И рад бы в рай, да грехи не пускают.

М а ш а. Сколько я вас знаю? Пять лет? И вы постоянно вздыхаете. Чего вам не хватает?

Д о к т о р. Ох, много не хватает! Комнаты мало-мальски приличной не хватает. Живу, как вам известно, тут, в проходной, работать негде. Ну-с, затем еще что? Пожалуй, больше ничего.

М а ш а. По-моему, вам надо жениться.

Д о к т о р. Зачем?

М а ш а. Доктор должен быть женат. Холостой доктор — это несолидно. И потом — посмотрите, в чем вы ходите. Черт знает что, а не доктор.

Д о к т о р. Жениться, конечно, можно. Только всех хороших девушек разобрали.

М а ш а. Тонкий ценитель женской красоты!

Д о к т о р. А что, разве не похож?

М а ш а. Похожи. Как две капли воды. Скажите, как, по-вашему, я, например, интересная женщина?

Д о к т о р. Безусловно! Отличное сердце, прекрасные легкие, почки дай бог каждому. Немножко слабоват желудок, но это исключительно от курения. Бросьте курить, умоляю вас. Ну, что вам стоит? Ну, Машенька, деточка, хотите доставить мне большое удовольствие? Бросьте курить!

М а ш а. А вы будете обедать?

Д о к т о р. Мне еще надо тут, напротив, одного ребенка посмотреть.

М а ш а. Так вы свободно успеете. Обед через полчаса, не раньше. Честное слово! Вы на меня действуете, как валерианка.

Д о к т о р. Гм! Ну, разве как валерианка... А что у вас на обед?

ЯВЛЕНИЕ X

Входит Л а у т с к а я.

Л а у т с к а я. Ну, что может быть у людей на обед? Ну, перловый суп. Ну, котлеты. Ну, клюквенный кисель.

М а ш а. Доктор, а? Перловый суп.

Д о к т о р. Признаться. Только чур — уговор дороже денег — больше не курить. Однако все же вы меня не особенно ждите.

М а ш а. Нет, именно мы вас будем особенно-ждать.

Л а у т с к а я. Я накрываю.

Д о к т о р. В нашем же доме.

М а ш а (*замечает Танину шапочку*). Чья это шапочка?

Л а у т с к а я. Не знаю.

М а ш а. Там кто-нибудь есть?

Л а у т с к а я. Я не видела. В кухне такой шум от примусов, что звонка и не слышно.

М а ш а. Поля, это ваша шапочка?

П о л я. Эта? Нет, не моя.

М а ш а. К Ивану Васильевичу никто не приходил?

П о л я. Приходили.

Л а у т с к а я. Я тебя предупреждала.

М а ш а. Мама!

Л а у т с к а я. Молчу. (*Доктору.*) А вы удивляетесь, что у нее истрепанные нервы!

Д о к т о р. Я не удивляюсь.

М а ш а. Поля, идите на кухню. (*Подходит к двери мужа и стучит.*)

Д о к т о р. Ну-с! Я через полчаса. (*Уходит.*)

Маша еще раз стучит.

ЯВЛЕНИЕ XI

З а в ь я л о в из двери.

З а в ь я л о в. Уже обедать?

М а ш а. Что это значит?

Пауза.

З а в ь я л о в. Не... понимаю.

Пауза.

М а ш а. Я тебя просила...

Пауза.

Завьялов пожимает плечами.

Ты понимаешь, что ты делаешь?

З а в ь я л о в. Абсолютно не понимаю.

М а ш а. Я требую... Слышишь?

З а в ь я л о в. Умоляю тебя... Тише!..

М а ш а. Я у себя в доме.

З а в ь я л о в. Но что же тут ужасного? К одному человеку пришел в гости другой человек.

М а ш а. К женатому человеку пришла в гости любовница.

ЯВЛЕНИЕ XII

Входит Т а н я.

Т а н я. Иван Васильевич, вы не видели моей шапочки?

З а в ь я л о в. Позвольте вам представить: это, так сказать, Танечка. Самая красивая девушка Советского Союза. Спортсменка и активистка.

Т а н я. Здравствуйте.

Ей никто не отвечает на поклон и не подает руки.

Л а у т с к а я. Иван Васильевич...

М а ш а. Мама, выйди.

Лаутская шумно выходит.

ЯВЛЕНИЕ XIII

Без Лаутской.

З а в ь я л о в. Вот твоя шапочка. Но куда же ты торопишься? Посиди у нас.

Пауза.

Т а н я. Извините!

Пауза.

М а ш а. Вам, должно быть, очень стыдно?

Т а н я. Что я сделала?

М а ш а. А еще комсомолка!

З а в ь я л о в. Ой, боже мой!

М а ш а. Сию минуту ступайте вон! Чтоб вашей ноги здесь больше не было! Слышите? Так поступают уличные девки.

Т а н я. Какой стыд!.. Где дверь?.. Откройте... Сейчас же... *(Уходит.)*

З а в ь я л о в. Таня... Танечка... *(Бежит за ней.)*
Танюха!

ЯВЛЕНИЕ XIV

М а ш а одна.

М а ш а. Как это безобразно!

Пауза.

ЯВЛЕНИЕ XV

Входит З а в ь я л о в.

М а ш а. Чтоб этого больше не повторялось!

Завьялов подходит к комоду.

Понятно?

Завьялов вынимает белье.

Ты слышишь, что я тебе говорю?

Завьялов вынимает носки.

Ты оглох?

Завьялов вынимает полотенце.

Что ты делаешь?

Завьялов с бельем входит к себе в комнату.

Ваня!

З а в ь я л о в. Ко мне нельзя! *(Запирает дверь.)*

ЯВЛЕНИЕ XVI

Входит Л а у т с к а я.

Л а у т с к а я. Что случилось?

М а ш а. Он сумасшедший.

Л а у т с к а я. Я тебя предупредила.

ЯВЛЕНИЕ XVII

Входит З а в ь я л о в с чемоданчиком.

М а ш а. Что это значит?

Л а у т с к а я. Иван Васильевич, только что прихо-

дил дворник. Меняют хлебные карточки. Надо стандартную справку. Пятнадцатого последний срок.

М а ш а. Мама, выйди.

Лаутская выходит.

Я тебя спрашиваю: что значит эта комедия?

Завьялов надевает пальто.

Ну давай помиримся.

З а в ь я л о в. Нет... Человек пришел в гости к человеку... Чудовищно!

М а ш а. Что ты хочешь сделать?

З а в ь я л о в. Мне душно здесь.

М а ш а. Ты уходишь?

З а в ь я л о в. Да.

М а ш а. Куда?

Пауза.

Не смей молчать! Ты слышишь: я тебя спрашиваю — куда? Ваня, не сходи с ума. Зачем ты меня мучаешь? Сними пальто. Ты слышишь, что я тебе говорю? Сейчас же сними пальто! Ну, прости меня, Ванюша. Ты же видишь, как мне стыдно и больно. Чего ты хочешь? Ну, молчи. Ну, я последняя дрянь, я знаю... Ну, хочешь, я побегу и стану перед ней на колени? Как я буду без тебя жить? У меня ничего нет в жизни, кроме тебя.

З а в ь я л о в. И совершенно напрасно.

М а ш а. Я постарела с тобой.

З а в ь я л о в. Я у тебя этого не просил.

М а ш а. Не уходи. Умоляю тебя — останься!

Завьялов молчит.

Я знаю, куда ты уходишь. Я знаю.

З а в ь я л о в. Я этого не скрываю.

М а ш а (бросается ему на шею). Ты не уйдешь! Ты не уйдешь!

З а в ь я л о в. Пусти меня! Прощай!

М а ш а. Как же это? Что же будет?

З а в ь я л о в. Ну, не сердись.

М а ш а. Ты вернешься... Все равно ты вернешься... Скажи, что ты вернешься.

З а в ь я л о в. Нет.

М а ш а. Когда бы... когда бы ты ни вернулся... хоть через сто лет... я буду тебя ждать, Ванюша... Ты слышишь? Я буду тебя ждать. На этом самом месте.

Завьялов уходит.

ЯВЛЕНИЕ XVIII

Входит Л а у т с к а я.

М а ш а. Мама, ты понимаешь?

Л а у т с к а я. Ну, что я могу сделать! (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ XIX

Входит д о к т о р.

Д о к т о р. У мальчишки пустяковые налеты в горле, а они воображают, что дифтерит, подняли невыносимую панику... Вот плакать — это уж совсем никуда не годится, Мурашенька.

М а ш а. Ах, как тяжело! Ах, как мне тошно!

Д о к т о р. Тошно, а курите. Оттого и тошно, что курите. Ну, умоляю вас, Мурашенька, ну, бросьте курить! И вы увидите, что все как рукой снимет. Клянусь вам честью, это все от курения.

М а ш а. Совсем нет, совсем нет! (*Рыдает.*)

Звонок телефона. Маша, глотая слезы, делает доктору знак.

Д о к т о р (*подходит к телефону*). Вас слушают... Сейчас. Хорошо. (*Маше.*) Ивана Васильевича спрашивает Вера Газгольдер.

М а ш а. Дайте. (*Берет трубку.*) Вы меня слушаете? Иван Васильевич здесь больше не живет. (*Вешает трубку, обнимает доктора, плачет.*) Как мне тяжело! Если бы вы только знали, как мне тяжело! А вы говорите — не курить.

Доктор гладит ее голову, она рыдает.

Он ушел. Поймите, он ушел.

ЯВЛЕНИЕ XX

Входит Л а у т с к а я с калошами в руках.

Л а у т с к а я (*в ужасе*). И главное — без калош!

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Квартира Тани. Курьер в углу.

ЯВЛЕНИЕ I

Курьер и бабушка.

Курьер. А я-то сперва на Малую Бронную зашел. А меня ихняя супруга сюда отправила. «Он говорит, уже две недели как у нас не живет».

Бабушка. Нынче аккурат пятнадцатый день, как тут.

Курьер. История!

Бабушка. Я и говорю, что история.

Курьер. Стало быть, теперь сюда носить пакеты?

Бабушка. Как бог даст.

Курьер. А вы, я извиняюсь, тут кем приходитесь?

Бабушка. Не видишь, что ли? Бабушка.

Входит Тania, украшает комнату цветами, поет.

ЯВЛЕНИЕ II

Завьялов (*входит, курьеру*). Значит, так. Эта корректура — прямо в типографию. Это расписка товарищу Петропавловскому. Понятно? Передайте ему на словах, что деньги получены; спасибо, все в порядке; как только выйдет пробный экземпляр, пусть сейчас же присылает.

Курьер. По этому адресу?

Завьялов. Да. (*Замечает сундук.*) Мой сундук. Откуда?

Тania. С Малой Бронной прислали.

Завьялов. Очень мило.

Курьер. А то я к вам на Малую Бронную зашел. А меня ваша супруга сюда отправила. «Он, говорит, уже две недели как тут не живет».

Завьялов. Да. Да. Ну, ну! Сыщите. Будьте здоровы!

Курьер. До свиданья. А то я, представьте себе, сначала прямо на Малую Бронную. Целая история! (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ III

Без курьера.

Завьялов. Действительно, история. Машина за мной не приезжала?

Тania. Нет. (*Показывает на цветы.*) Красиво?

З а в ь я л о в. О!

Т а н я. Насмешки?

З а в ь я л о в. Глупышка! Это у меня такая манера. Фасон де парле. Ты не обращай внимания. Нет, нет! Действительно чудесно! Цветы! Солнце! Весна! Ты! Молодая до слез! Нарядная!

Т а н я. Тебе нравится?

З а в ь я л о в. Замечательное платье! Такое простенькое, дешевенькое и вместе с тем такое милое.

Т а н я. Оно вовсе не простенькое. Оно модное. Новое. Я за него сто двадцать рублей отдала. Специально для тебя. Чтоб ты меня любил.

З а в ь я л о в. «Во всех ты, душечка, нарядах хороша». Но в этом особенно.

Т а н я. Да? Я очень рада.

З а в ь я л о в. В сущности, какое громадное значение, когда девушка хорошо одета! Девушки будущего должны одеваться красиво. А почему, в самом деле, трудящиеся должны одеваться плохо?!

Т а н я. Легкая промышленность хромает.

З а в ь я л о в. Э!.. В будущем люди должны одеваться замечательно. Ярко, удобно, красиво. Тогда город зацветет, заиграет. Мягкие ткани, блестящая обувь. Чистота. Как вижу... *(Смотрит в окно.)* Шестой этаж. Чудесно! Семь часов, а в комнате еще совсем светло. Люди должны жить как можно выше. В будущем обществе квартиры будут не ниже шестого этажа. А на крышах — сады. Ты хочешь, Танька, чтоб на крышах были сады? Разумеется, лифт. Без лифта ужасно. Это очень большой минус, что у вас нет... лифта.

Т а н я *(виновато)*. Обещали сделать.

З а в ь я л о в. Э!.. Обещали. Какой замечательный вид! Людей почти не заметно, не слышно шума, и пустота, чистота, ясность. Вон велосипед мигает спицами. Как звездочка.

Т а н я. Очень красиво.

З а в ь я л о в. А там, на Малой Бронной, наверное, уже давно свет зажгли. Как я мог жить в этой дыре!

Т а н я. Тебе не жалко?

З а в ь я л о в. Кого?

Т а н я. Ну... ее...

З а в ь я л о в. Чудачка!

Т а н я. Можешь себе представить, я на нее абсолютно не обижаюсь. Вполне понятно. Я б на ее месте то же самое сделала.

Завьялов. То же самое?

Таня. Знаешь, я тогда со стыда чуть не умерла. Честное слово! Ну, что было, то было.

Завьялов. Люди другого мира.

Таня. Ваня... Я тебя хотела спросить... Ты деньги получил?

Завьялов. Да. А что?

Таня. Ничего. Я так. Просто спросила.

Молчанье.

Тебе со мной хорошо?

Завьялов. Эге! А машины между тем нет. Этак я и на доклад опоздаю. Погоди... *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ IV

Без Завьялова. Входит бабушка.

Бабушка. Женька через двор идет.

Таня. Сюда? Ох! Поди скажи, что меня нет. Мне известно.

Бабушка. А ты у собаки глаза займи.

Таня. Честное слово, я умру. Бабушка, не пускай его!

Звонок.

Бабушка. Наделала делов! Закрутила мальчику голову. Погоди, мать приедет...

ЯВЛЕНИЕ V

Входит Женья.

Женья. Можно? У вас дверь не заперта.

Таня. Здравствуй, Женья! Что это у тебя?

Женья. В трамвае оторвали. Гады! Невозможно ездить. Покупаю велосипед. В комиссионном можно достать за рублей семьсот — восемьсот. Шикарный велосипед. Сейчас у меня уже на книжке четыреста пятьдесят. В июле безусловно будет велосипед. В Крым на велосипеде поеду. Чтоб я пропал! Здравствуйте, Таня! Бабушка! Мое почтение! «Ты жива еще, моя старушка?» Танька, куда запропала? Между прочим, такое дело: на днях получаю в шестом корпусе комнату. Факт! Отдельная комната с кухней и маленькая передняя. Вроде целая квартира. Между прочим, кое-какую мебель взял на выплату. Факт! Ну, так ты решай. *(Обнимает ее.)*

Таня *(освобождается)*. Но...

Женья. Что?

Т а н я. Ничего.

Ж е н я. В чем дело?

Пауза.

Перемены. (*Осматривается.*) Цветочки. Мать с посевной вернулась, что ли?

Т а н я. Нет.

Ж е н я. Бабушкина койка.

Б а б у ш к а. Переселение.

Ж е н я (*показывает на дверь, за которой Завьялов*).

А там?

Б а б у ш к а. Там — они.

Т а н я. Только ты, Женья, не обижайся.

Ж е н я. Можно сесть?

Т а н я. Садись.

Ж е н я. Что такое?

Т а н я. Только ты не обижайся. Я живу с одним человеком.

Ж е н я. Смсешься?

Т а н я. Честное слово.

Ж е н я. Да?

Т а н я. Да.

Ж е н я. Бабушка!

Б а б у ш к а. Я в эти дела не вмешиваюсь.

Т а н я. Ох, ну что ты на меня так смотришь? Я даже покраснела. Говори что-нибудь. Ей-богу, я не виновата. Ну, стукни меня! Ну что ты хочешь? Честное слово, я сейчас зареву. Ну, хочешь, я тебя поцелую? Только ты не сердись.

Ж е н я. Это правда?

Т а н я. Ага.

Ж е н я. А я?

Т а н я. Ну что ж! Как-нибудь. Мало девчат?

Ж е н я. Так. Спасибо. Я вас не задерживаю.

Т а н я. Женья!

Ж е н я. Хорошая погода. Так. Ну что ж! Бывают в жизни огорчения. Между прочим, у нас на фабрике уже мануфактуру выдают. А у вас выдают?

Т а н я (*вздвигнув*). Не знаю. А что?

ЯВЛЕНИЕ VI

Входит Завьялов.

Завьялов. Машина приехала.

Т а н я. Вы знакомы?

Завьялов. Завьялов.

Т а н я. Это Же ня.

Ж е н я. Гусев.

З а в ь я л о в. Ах, вот вы какой! Как же, как же! Очень рад. Же ня Гусев. Мне про вас Т а н я много говорила.

Ж е н я (*обидчиво*). Что ж она вам говорила?

З а в ь я л о в. Вы, кажется, собираетесь совершить летом путешествие в Крым на велосипеде. Это очень хорошо. Прекрасно делаете: молодой человек едет по белому шоссе вдоль моря на велосипеде. Извините, я тороплюсь.

Т а н я. А меня ты не берешь?

З а в ь я л о в. Ну, чего ты там не видела? Только меня будешь смущать. Тем более что доклад коротенький. Можешь по радио слушать. Даже интереснее. (*Гусеву.*) Будьте здоровы! Мы еще с вами увидимся.

Т а н я. Ваня, на одну минуточку.

З а в ь я л о в. Что такое?

Т а н я. Я тебя хотела спросить...

З а в ь я л о в. Да?

Т а н я. Ты... ты деньги получил?

З а в ь я л о в. Ты уже интересовалась. Да. А что?

Т а н я. Нет, ничего! Видишь ли... Ну, хорошо. Потом. Когда ты вернешься.

З а в ь я л о в. Ну, товарищи, пока! (*Жене.*) Значит, в Крым! На велосипеде! Ну, ну! Желаю вам... (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ VII

Т е ж е, без Завьялова.

Ж е н я. Так. Все ясно. Я вижу, мне здесь не светит. Куда мне! Кончено.

Т а н я. Не мучай себя. Не мучай меня. Лучше иди.

Ж е н я. Ты ж обещала.

Т а н я. Обещала и... и... И перестанем об этом... И будет.

Ж е н я. А я так на это располагал... Василий Иванович еще обещал в шестом корпусе отдельную комнату с кухней и маленькая передняя. Вроде целая квартира.

Т а н я. Да ну тебя, Же нька! А то, ей-богу, я тоже зареву. Ну, миленький!

ЯВЛЕНИЕ VIII

Входит Т а н и н а м а т ь с корзинкой, чайником, в сапогах, прямо с вокзала.

М а т ь. Наказание с этим шестым этажом! Вся мокрая. Ну, здравствуйте!

Т а н я. Мать! Ой, что это у тебя?

М а т ь. В трамвае оторвали. Здравствуй, Танечка! Ну, ясно, кто-кто, а Женька всегда на своем посту. Здорово, сынок! Вы что, уже окончательно оформились?

Ж е н я. Спросите ее.

М а т ь. Что случилось?

Т а н я. Ничего особенного. Просто живу с одним человеком, кому какое дело!

Б а б у ш к а. Он уже тут у нас пятнадцатый день живет. В Танькиной комнате. А меня сюда переселили, к тебе. Такого рода дела.

М а т ь. Здравствуйте пожалуйста! Это который?

Т а н я. Ты его, наверное, помнишь. Такой интересный, как-то за мной на каток заходил. Завьялов.

М а т ь. Завьялов? Это который лекции? Здравствуйте! Еще лектора нам не хватало!

Ж е н я. Он женатый.

Т а н я. Тихо, молчи!

М а т ь. Умный человек — и спутался с такой дурой. Прямо удивительно! Да вы не врете? Поздравляю! *(Жене.)* Эх ты, велосипед несчастный, прохлопал девку! Стреляться не собираешься? А то я могу тебе дать соленый огурец. Пожалуйста. *(Дает из узелка огурец.)* Из Нежина. Между прочим — на станциях продуктов появилось сколько угодно. Хлеб, масло, яйца, молоко, сало — прямо хоть завались. Тут я кое-чего привезла. Между прочим, гусь. Вы посмотрите, товарищи, какой гусь! Одного жиру, наверное, можно два кило натопить. Совсем растратилась. Десять копеек на трамвай в поезде у одного товарища одолжила. Честное слово! Хорош огурец?

Ж е н я. Ничего себе.

М а т ь. Ничего себе! Много ты в огурцах понимаешь! Шикарные огурцы! Дайте, ради бога, человеку чайку. Умираю пить.

Б а б у ш к а. Уже поставила.

Ж е н я. Ну, как посевная?

М а т ь. Кончили. Почти кончили. За двадцать дней один раз как следует спала. И то — не раздеваясь. Устала, как собака. Прямо-таки ноги распухли. *(Снимает сапоги. После паузы.)* Да нет, вы серьезно?

Ж е н я. Абсолютно.

Т а н я. Тише! Ну вас! Да замолчите! *(Настраивает радио.)* Сс!

М а т ь. Слушайте, слушайте! Ах! Черт! Вот!

Г о л о с З а в ь я л о в а *(из радио, прерываемый треском)*. ...запрещено угнетать друг друга... Люди будут сво-

бно развиваться. Человечество будет расти и шуметь, как прекрасный, редкий, хорошо распланированный лес... Озонирующая аппаратура...

М а т ь. Это чего?

Т а н я. Он, Завьялов. Тихе! Ты слушай, не таракти! Из-за вас все пропустила. Кончает.

Ж е н я. Ты откуда знаешь, что кончает?

Т а н я. Все на память знаю.

Г о л о с З а в ь я л о в а. Кварцевое солнце... Свобода передвижения...

М а т ь. Что-то я не совсем поняла насчет свободы передвижения.

Т а н я. Да ну вас! Тихе!

Г о л о с З а в ь я л о в а. Но есть индивидуальности, переросшие свою среду, свой класс, люди высокого интеллекта, люди смелой и новой мысли. У них другая дорога. Дорога цветов. Освобожденный от условностей, человек будущего, сверхчеловек, юберменш, смело и гордо идет по дороге цветов.

Конец речи, аплодисменты, шум, овации, но также и свистки. Таня, слыша овации, сама аплодирует с жаром.

М а т ь. Здоров человек языком чесать.

Ж е н я. Свистят. Свистят. Чтоб я сдох!

Т а н я. Это у тебя в голове свистит. Дурак!

ЯВЛЕНИЕ IX

Вбегает п о д р у г а.

П о д р у г а. Мировой скандал... Танька...

М а т ь. Ты бы хоть поздоровалась.

Т а н я. Что такое?

П о д р у г а. Здравствуйте, тетя Дуня! С приездом! Здравствуй, Женька! Поздравляю с законным браком.

Ж е н я (в бешенстве). Иди ты к черту!

П о д р у г а. В чем дело?

Ж е н я. Спроси ее.

Т а н я. Ах, боже мой! Ну, просто я живу с одним человеком. Каждому-всякому повторять... Кому какое дело!

П о д р у г а. Умереть-уснуть! А Женька?

Ж е н я. Не могу я больше этого слышать.

Б а б у ш к а. Белены объелся. Чуть не свалил. Куда?

Ж е н я. Пойду — и на парашюте...

Т а н я. Не дури!

Ж е н я. Факт! Раз. Одно из двух. Или — или. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ X

Без Жени.

Т а н я. Женька!

П о д р у г а. Трепотня.

Т а н я. А вдруг разобьется?

М а т ь. Не бывает.

Б а б у ш к а. Отдел происшествий.

М а т ь. Умираю пить! Умираю пить!

Б а б у ш к а. Уж закипел. Иди. Мы теперь в кухне чай пьем с такими делами. Ступай в кухню.

М а т ь. Ну и ну!

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ XI

Т а н я и п о д р у г а.

П о д р у г а. В чем дело?

Т а н я. Что?

П о д р у г а. Это я тебя спрашиваю: что? Что ты себе воображаешь? Знаешь, как теперь строго. За один прогул выгоняют. А ты сколько прогуляла?

Т а н я. Спрашивали?

П о д р у г а (*язвительно*). Нет, не спрашивали! Смотри, дадут по шее. Очень просто.

Т а н я. У меня на три дня бюллетень. У меня уважительная причина. Вот бюллетень. Я совсем зашилась. Семейная жизнь. У меня теперь муж.

П о д р у г а. Все?

Т а н я. Все.

Пауза.

П о д р у г а. А что это про тебя гудят?

Т а н я. Где?

П о д р у г а. На работе. Все предприятие гудит. Какие это ты четыреста тридцать пять рублей замотала?

Т а н я. Я не замотала.

П о д р у г а. Собирала деньги на ширпотреб?

Т а н я. Ну, собирала.

П о д р у г а. В кассу внесла?

Т а н я. Ну, еще не внесла. А в чем дело?

П о д р у г а. Ой, Танька, что делается! Умереть-уснуть! Бабы шумят. Кругом на всех предприятиях уже получили мануфактуру, а у нас нет. В чем дело? Кину-

лись туда-сюда, в разные стороны. Оказывается, деньги с людей собрали, а в кассу кооперации не внесли. Кто собирал? Танька Резчикова. Что-то немыслимое! Все.

Т а н я. Я внесу.

П о д р у г а. Ребята на бюро комсомольской ячейки вопрос этот ставят. Все.

Т а н я. Что ты говоришь?

П о д р у г а. То, что слышишь.

Т а н я. Когда?

П о д р у г а. Завтра. Все.

Т а н я. Завтра? Я завтра обязательно внесу. Ванюша как раз сегодня деньги получил. Я у него возьму. Рано утречком побегу и внесу.

П о д р у г а. Ты непременно внеси.

Т а н я. Я непременно внесу. Побегу и внесу.

П о д р у г а. Мировой скандал!

Т а н я. Только имей в виду: никому! Матери не на-трепись. И точка.

П о д р у г а. Все.

Таня подходит к окну и смотрит.

Что-то немыслимое делается. Смотри же, непременно внеси завтра. А то показательный процесс: общественная собственность и так далее... Все.

Т а н я. Ваня! Приехал Ваня, слава тебе господи!

П о д р у г а. На чем приехал?

Т а н я. На машине.

П о д р у г а. Шофер, что ли?

Т а н я. Профессор.

П о д р у г а. Умереть-уснуть! Танька! *(Обнимает ее и целует.)* Профессор? Тогда я сматываюсь.

Т а н я. Мотайся.

П о д р у г а. Так имей в виду. Все. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ XII

Т а н я одна. Длинная пауза.

ЯВЛЕНИЕ XIII

Входит З а в ь я л о в.

Т а н я. Ванюша...

З а в ь я л о в. Можешь себе представить: небольшой зал радиотеатра абсолютно набит битком. Молодежи, де-

вушек!.. Стены в сукнах, мягкое, матовое освещение — как в будущем. Аудитория раскалилась: все кричат, хлопают, кидают записки. Золотой век! Афины! (*Замечает беспорядок.*) Что такое?

Т а н я. Мать с посевной приехала.

З а в ь я л о в. Ага! Это очень любопытно.

Т а н я. Она на кухне с бабушкой чай пьет. Ужасно устала, несчастная. Ваня, ты меня извини, я тебе хотела сказать...

З а в ь я л о в. А сапоги? Чьи это сапоги?

Т а н я. Матери. Она там все время по грязи...

З а в ь я л о в. Ага! Да... на чем я остановился? Ты меня перебила... Да. Записки! Полные карманы! Смотри. Чудацкие записки! Например: «Вы говорите, что в будущем обществе рабочий день человека не будет превышать двух-трех часов. А как же тогда сверхурочные? Счетовод Михайлов». Или: «У меня четверо душ детей и два мужа: один в Саратове и один в Новороссийске. Посоветуйте, что делать. Дождаться бесклассового общества или как? Евдокия Бобкина». (*Одну записку разворачивает и, не читая, морщась, сует обратно в карман.*)

Т а н я. А эта?

З а в ь я л о в. Ерунда!

Т а н я. Покажи.

З а в ь я л о в. Пожалуйста!

Т а н я (*читает*). «Завьялов, вы меня избегаете. Но имейте в виду — я настойчива. Для меня не существует преград. Вы мне нравитесь. Я пренебрегаю условностями. Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе. Вера Газгольдер».

З а в ь я л о в. Она мне дышать не дает.

Т а н я. Красивая?

З а в ь я л о в. А черт ее знает! Понятия не имею. Наверно, жуткое рыло.

Т а н я. Дура! Какая-то гора не идет, какой-то Магомет идет... У нее, наверное, не все дома!

З а в ь я л о в. Танька, ты прелесть! Знаешь, кто ты такая? Ты — первый день творения.

Т а н я. Почему это первый?

З а в ь я л о в. Потому что не последний. А эта самая Вера Газгольдер, между прочим, начинает меня сильно беспокоить. Я уверен, что в один прекрасный день она вкатится сюда собственной персоной и потребует...

Т а н я. Я ей вкачусь! Так стукну, что она своих не узнает! Имей в виду.

З а в ь я л о в. Тая! Как тебе не стыдно! Что это? Ревность? Фу! Что может быть омерзительнее и пошлее ревности! Ты серьезно?

Т а н я. Вполне серьезно. Весь фасад обдеру. Факт!

З а в ь я л о в. Та-а-ня!

Т а н я. Кто любит, тот ревнует.

З а в ь я л о в. Я тебя не узнаю! Комсомолка! Пролетарка! Человек будущего! Заря! Аврора! Что ты говоришь! «Стукну», «обдеру фасад»... Опомнись! Я тебе неоднократно говорил, что ревность — это самое мещанское чувство, которое только можно себе представить. Мутное, грязненькое чувство мелкого собственника, лавочника, торгаша, феодала. Тая, тебе не стыдно?

Т а н я. Стыдно! Но что я могу сделать, Ваня? Люби меня одну! Я тебя очень прошу. Я хочу, чтобы ты был только мой. Понимаешь? Мой, мой, мой!

З а в ь я л о в. Ой, боже мой! Мой, моя, мое! Твой, твоя, твоё! Честное слово, это смешно, но иногда ты делаешься как две капли воды похожа на Машу, и это ужасно.

Т а н я. Так зачем ты на мне женился?

З а в ь я л о в. Женился? Та-а-а-ня!..

Т а н я. Ну, не женился. Ну, не расписывались. Какая разница! Все равно ты мой муж, а я твоя жена.

З а в ь я л о в. Тая! Муж, жена... Какая ты еще не... новая!

Т а н я. Я буду новая. Не сердись. Буду какая тебе угодно. Но только ты меня, пожалуйста, люби. Понимаешь? Люби меня! Мне очень надо, чтоб меня любили.

З а в ь я л о в. Вот чудачка! Я ж тебя очень люблю.

Т а н я. Не хочу, чтоб ты меня «очень» любил. Хочу, чтоб ты меня просто любил, без всяких «очень». Кто говорит «очень», тот, значит, совсем не любит.

З а в ь я л о в. Ой, боже мой! Ну, я тебя «просто» люблю. Вот странная! Давай, если хочешь, я тебя даже поцелую — нежненько-нежненько!

Целуются.

Ну, помирились?

Т а н я. Помирились.

З а в ь я л о в. Отлично! А теперь я могу тебе сообщить приятную новость. Завтра мы едем в Крым, а оттуда, на

теплоходе, на Кавказ. Вдвоем, в международном вагоне. На столике цветы, бутылка легкого вина, конфеты. Это будет очаровательное путешествие.

Т а н я. Завтра?

З а в ь я л о в. Завтра. Ты представляешь себе, что такое ранняя весна в Крыму? Яркое солнце, ни одного облачка, синее море, чайки, и цветет миндаль. Что ни дерево — розовый букет. Танюха-а?!

Т а н я. Завтра ехать? Ты с ума сошел! А фабрика? А кто за меня работать будет? Медведь? У меня отпуск в августе. В августе поедем.

З а в ь я л о в. Действительно, дожидайся августа, когда в Крыму такая очаровательная весна! Не говори глупостей. Завтра мы едем.

Т а н я. Это ты не говори глупостей! Меня не отпустят. Ни за что не отпустят. Да я и сама не уйду. И так неприятности.

З а в ь я л о в. Пустяки!

Т а н я. Как? Что ты говоришь? Это же производство! Понимаешь — про-из-вод-ство!

З а в ь я л о в. Ты меня просто смешишь... и... раздражаешь. Какое там, к черту, производство! Кто тебя может не отпустить? Что, у нас крепостное право? В каком веке мы живем?

Т а н я. Это тебя надо спросить, в каком веке и в какой стране мы живем. Да ты что, с луны упал? Ваня, ей-богу, это не ты. Тебя кто-то подменил.

З а в ь я л о в. Это дичь. Мы живем на пороге социализма. А что такое социализм? Социализм — это прежде всего свобода. Неужели тебе это не понятно? Разве может человек будущего сидеть, как привязанная обезьяна, на одном месте? Абсурд! Сегодня — здесь, а завтра — там, послезавтра — еще где-нибудь, в другом месте. Зимой — в Африке. Летом — в Швеции. Весной — в Японии, на островах Тихого океана.

Т а н я. Померь себе температуру.

З а в ь я л о в. Разве тебе не хочется на острова Тихого океана?

Т а н я. Мало ли что хочется! Хочется. Но сейчас не могу. Просто не имею права. Понятно? В августе.

З а в ь я л о в. Сидеть в паршивой Москве по колено в грязи, в то время как в Крыму цветут анемоны! Извини меня, но это типичное мещанство.

Т а н я. Не выйдет. И точка!

З а в ь я л о в. Окончательно?

Т а н я. Да.

З а в ь я л о в. Странно! И глупо! Значит, нет?

Т а н я. Сейчас нет. В августе. И перестанем об этом говорить.

З а в ь я л о в. Хорошо! Не надо. Эти сапоги на всю квартиру воняют. У меня голова болит. Нельзя ли их куда-нибудь убрать?

Где-то неуклюже играют на трубе сигналы.

Что это за дурак все время на трубе играет?

Т а н я. Пионер Ваня, из сорок шестого номера.

З а в ь я л о в. Способный ребенок.

Пауза.

Надо позвонить Преображенскому... Да, телефона нет. Квартира новая, а телефона нет.

Т а н я. Районная подстанция перегружена. Обещают — через два месяца.

З а в ь я л о в. Обещают... Значит, ты категорически не едешь?

Т а н я. В августе.

Завьялов ходит и свистит. Пауза.

Ваня, мне нужны деньги.

З а в ь я л о в. Деньги? Зачем?

Т а н я. Не спрашивай. Я тебя очень прошу — не спрашивай.

З а в ь я л о в. Да. Но все-таки интересно: зачем?

Т а н я. Ну... Ну, мало ли зачем? Мне очень совестно у тебя просить, но, пожалуйста... Когда у тебя не было, я ведь тебе ничего не говорила. Правда? А теперь мне очень нужно. Понимаешь, очень.

З а в ь я л о в. Ты меня пугаешь. Может быть, что-нибудь такое...

Т а н я. Нет, нет! Ты не беспокойся. Ничего такого. Просто — нужны деньги. Четыреста тридцать пять рублей. Допустим, на хозяйство. Ведь тебе не жалко дать на хозяйство?

З а в ь я л о в. Четыреста рублей на хозяйство? Хорошо! Я на днях дам.

Т а н я. Нужно непременно сегодня.

З а в ь я л о в. Непременно сегодня на хозяйство?

Т а н я. Ну, не на хозяйство. Мне так совестно, ей-богу!

Завьялов. Ты мне с утра все время напоминаешь о деньгах. Ну, знаю, слышал. Надоело. Одно и то же, одно и то же: мое, твое, деньги... мое, твое, деньги... И дурак на трубе играет. Прямо удивительно, до чего все это похоже на Малую Бронную!

Таня. Ванюша, ты не сердись. Я тебе отдам. Только мне очень нужно.

Завьялов. Зачем?

Таня. Не скажу. Не могу.

Завьялов. Тогда я не могу дать.

Таня. Ну, я тебе скажу. Хорошо... Нет! Ни за что! Не скажу.

Завьялов. Тогда не дам.

Таня. Хорошо. Не надо. Забудь, что я у тебя просила. Извини! Не сердись.

Завьялов. Я не сержусь. Смешно, если бы я стал сердиться из-за денег. Я не лавочник. Но согласись сама, что...

ЯВЛЕНИЕ XIV

Входят бабушка и мать.

Бабушка. Вот он, вот наш герой.

Мать. И впрямь! А я уж думала, вы из меня дуру делаете.

Таня. Это Иван Васильевич... Ваня.

Мать. Да вижу, вижу. Слышала. Ну что же, ее личное дело. Не маленькая. Здравствуйте, товарищ! Так сказать, очень приятно... и вообще... Только меня одно удивляет: как это вас угораздило? Чем она вас завлекла? Обыкновенная дуреха. Ей бы еще в куклы играть, в пионерском галстукe ходить, а она вдруг — здравствуйте! — ни с того ни с сего за лектора замуж выскочила. Ну и ну... и... и... и... раз такое обстоятельство, конечно, то милости просим, по-родственному. Все-таки как бы, что ли, теща... Фу, какое дурацкое слово-то! *(Обнимает Завьялова.)*

Бабушка *(растроганно)*. Милые! *(Хочет их обнять, но Таня испуганно удерживает.)*

Мать. И вообще, как говорится в комедии Гоголя, в Малом театре, «Ревизор»: «Да благословит вас бог, а я не виноват». Ну, дорогая дочка, что и говорить: удивила, не скрою! Партийный?

Завьялов. Около.

Мать. Серпухов тоже около Москвы. А поди кило-

метров сто будет. А я, видишь, в каком колхозном виде. Прямо с посевной. За двадцать дней один раз как следует спала. И то не раздеваясь. По тридцать километров в день пёхом. Ноги распухли, как у собаки. Так что, извините, дорогой... тещь или зять... или как там это считается, я уж и забыла.

З а в ь я л о в. Стало быть, вы прямо из деревни? Это очень интересно! Ну, как там колхозы-совхозы? Что слышно насчет агрогородов? Агрогород! Ведь это замечательнейшая штука! В будущем обществе люди будут жить в городах-садах, в агрогородах. Чудесный воздух, зелень, солнце, цветы, парное молоко! Деревня в городе и город в деревне — вот синтез, не правда ли?

М а т ь. Что верно, то верно, но по нашему району на сегодняшний день мы этим еще вплотную не занимаемся. Подготавливаем. Наше дело на сегодняшний день — сеять, сеять и сеять. Да не как-нибудь, а как следует. Чтоб почва — как бархат, чтоб ни одного пустого участка, ни одного огреха.

З а в ь я л о в. Ну и как... засеяли?

М а т ь. По нашему району на сегодняшний день по всем культурам процентов девяносто восемь.

З а в ь я л о в. Ага!

М а т ь. Так-с. Нуте-с! Слушала я твой доклад. Красиво говоришь! Хорошо говоришь, занимательно!

З а в ь я л о в. Да?

М а т ь. Да! Но не по существу.

З а в ь я л о в. Вот как?.. Это любопытно!

М а т ь. Не совсем по существу. Ожидала я, откровенно говоря, большего. Как бы тебе объяснить... Человек будущего. Тема большая. Даже можно смело сказать, — громадная тема. Во какая! Вы ведь, товарищи, вдумайтесь в эти слова: че-ло-век. Во! Бу-ду-ще-го... Громадные слова! А у тебя выходит: дескать, человек настоящего сам по себе, а человек будущего сам по себе. А весь-то номер именно в том, что человек будущего для нас штука вполне реальная. Понятно?

З а в ь я л о в. Я не совсем... Мне не совсем ясно, о чем вы, собственно, говорите.

М а т ь. Я говорю о том, что мы не только мечтаем о будущем, но делаем будущее. Своими собственными руками. Все по-своему делаем его. И я делаю, и Танька делает, и Женька делает, и вы должны делать.

З а в ь я л о в. Позвольте! А я разве не делаю! Как вы странно рассуждаете! Мое дело — это мое слово.

М а т ь. Верно. Ты и должен своим талантливым словом содействовать, объяснить, мобилизовать массы на достижение этого прекрасного будущего. Показать связь настоящего с будущим, показать конкретно, что делать, по какому пути идти. Увязать настоящее с будущим. Конкретно, реально!

З а в ь я л о в. Да, но моя задача — вообще...

М а т ь. То-то и беда, что вообще! «Вообще» города-сады вещь замечательная, вещь великая. Но ведь, родной мой, их строить надо. Строить! Это тебе не хаханьки! А то ведь это что получается: города-сады, кварцевое солнце, дома-отели, Спиноза, свобода передвижения и прочее, а что еще бывает? Прохожу мимо одной хаты, а оттуда жареным кофе пахнет. Понимаешь, в Синельниковском районе, в селе Малые Раздоры, — жареным кофе!.. Что такое? Я заглянула в окно, а там ребята сою жарят и жрут. Посевной материал жрут, понимаешь! Ах, сукины дети!

Т а н я. Мама!

М а т ь. Чего мама! Что он, маленький, не понимает! А ты говоришь — кварцевое солнце! Или такой факт: пролез в правление одной артели кулак...

Б а б у ш к а. Может быть, это им неинтересно?

М а т ь. Как это, «может быть, неинтересно»? Свобода передвижения — интересно, а то, что гад пролез в правление артели, — неинтересно? Нет, это, товарищи, очень интересно, я извиняюсь.

З а в ь я л о в. Да, да, конечно! Но я должен перед вами извиниться. Я очень устал. Нервный подъем во время доклада, и теперь реакция. Мне нужно немного побыть одному. Надеюсь, мы еще поговорим на эту увлекательную и острую тему. Простите.

Т а н я. Ванюша... Ты получил...

З а в ь я л о в. Милая, дай мне немного отдохнуть, и пусть ко мне не входят. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ XV

Т е ж е, без Завьялова.

М а т ь. Что это лекторы все такие нежные? «Нервный подъем!» «Реакция!» Хорош гусь!

Тая с испугом смотрит на мать.

(*Рассматривая гуся.*) Гусь, говорю, хорош. Кило два одного жира.

Б а б у ш к а (*тихо поет*). «Как в субботу, в день ненастный...»

Т а н я. Тсс!

Б а б у ш к а. Молчу, молчу.

М а т ь. Что ж... Пойдем в таком разе в кухню, поскольку теперь свобода передвижения. Н-да-с! Не одобряю. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ XVI

Без матери.

Б а б у ш к а. Что ж, и с лектором жить можно. Лишь бы непыющий.

Т а н я. Бабушка, у тебя есть деньги? Я знаю, ты от пенсии откладываешь.

Б а б у ш к а. Ага! Пришла коза до воза и сказала: «Мэ». Ишь ты какая! Профершпилила получку, а теперь к бабушке. Небось знаешь, что у старухи в сундучке деньжата водятся! Ну ладно! Сказывай, сколько тебе надо?

Т а н я. Четыреста тридцать пять рублей.

Б а б у ш к а. Чего это? Сколько? Я не слышу!

Т а н я. Четыреста тридцать пять.

Б а б у ш к а. Христос с тобой! Христос с тобой! Что ты, что ты! Да я и в глаза никогда таких сумм не видела. Что ты! Я думала, тебе рублей восемь — десять. Четыреста тридцать пять!! (*Долго смеется, утирая рукавом слезы.*) Ох, Танька! Четыреста тридцать пять! Ох, не смеши ты меня, Христа ради, а то я помру. Четыреста тридцать пять! Ох... ох...

Т а н я. Что ж ты смеешься, бабушка?

Б а б у ш к а. Да, милая... да если меня целиком продать, со всем моим барахлом и потрохами, то больше, чем рублей сорок восемь, не выручишь. Верно! А ты говоришь — четыреста тридцать пять. Ну и насмешила! Вот озорная! (*Смеется.*)

Т а н я. Бабушка! Ты не смейся. Мне очень нужно. Я пропасть могу.

Б а б у ш к а (*испуганно*). Что ты! Что ты! Танька!.. Вот тебе святой, истинный крест. Двенадцать рублей всех моих дивидендов. Святой крест! Двенадцать рублей кровных. От пенсии откладывала. Да еще шесть пятьдесят мне Потаповна, Морозовская, должна. Она давеча на сметану брала. Да на что тебе столько денег? Что случилось?

Т а н я. Не спрашивай.

Входит мать.

М а т ь. Хорош гусь! Нет, вы обратите внимание, товарищи: он меня просто умиляет! (*Рассматривает гуся.*)

Т а н я. Мама... Мама... (*Рыдает.*) Я пропала!

М а т ь. Что такое?

Т а н я (*рыдает, ничего не может сказать*). М... ма...

М а т ь. Что? Что?

Т а н я. Я потратила общественные деньги.

М а т ь. Сколько?

Т а н я. Четыреста тридцать пять рублей. Если завтра утром не внесу — крышка!

М а т ь. Ты?

Т а н я. Я сама не понимаю. Я — нечаянно. Честное слово! Абсолютно нечаянно. Я собирала на ширпотреб. И должна была внести в кооперацию. И у меня еще были свои. И я не внесла. И все перепуталось, свои деньги и общественные деньги. Одним словом, я стала покупать. И все так дорого... Я думала, Ваня получит — и тогда все уладится... Почему ты ничего не говоришь? Мать! Говори что-нибудь. Не молчи. Ради бога, только не молчи. Ну, стукни меня, стукни, мать!

М а т ь. Ты растратила общественные, трудовые деньги?!

Т а н я. Mamочка... Завтра вопрос стоит у нас на бюро ячейки. Будет общественный суд. Я пропала!..

М а т ь. Дочь старого члена партии Евдокии Резчиковой и героя гражданской войны, расстрелянного колчаковцами уральского рабочего товарища Резчикова, член ленинского комсомола, Татьяна Резчикова — воровка?!

Т а н я. Я не воровка. Нет, нет! Что угодно, но только не воровка! Мать!.. Спаси меня! Я больше никогда не сделаю, никогда!

М а т ь. Пальцем не пошевелю.

Т а н я. Mamочка!.. Четыреста тридцать пять рублей... Пойми! Всего четыреста тридцать пять рублей!

М а т ь. Всего четыреста тридцать пять рублей! Как ты легко швыряешься трудовыми деньгами! Всего! Да если не четыреста тридцать пять, а пять копеек... всего пять копеек... Понимаешь: пять копеек!

Т а н я. Меня будут судить. И все придут! И все будут

показывать на меня пальцем. Весь завод! Конеч! Это копец. Ой, пойми! Конеч...

М а т ь. Правильно! Пусть тебя судит весь пролетариат завода. И пусть тебя вышвырнут из ленинского комсомола и дадут десять лет, чтоб другим неповадно было воровать трудовые деньги!

Т а н я. Десять лет!

М а т ь. Мало десять лет! Мало! Я б тебя... Я б тебя собственной рукой... Танька! Дочь! Дура! Что ж ты натворила? Что ты наделала? Такие деньги?! Легко сказать... У меня ни копейки. Ни одной копейки! Я за два месяца вперед позабирала... Может быть, продать что-нибудь? Пальто... За него ничего не дадут. Видишь — какое. Один только вид, что подкладка, и ваты ничего нет. Еле держится. И ничего больше нет!

Т а н я. Я еще раз... Ване скажу...

М а т ь. Не смей! Не смей! Слышишь? Да я со стыда сгорю перед чужим человеком. Ох, дура! Погоди... Может быть, у соседей... у товарищей... Пойду... Пойду по квартирам. По квартирам пойду. По десятке. По пятерке. Не ради тебя! Не ради тебя, дуры, имей в виду! Ради честного имени пролетария Резчикова. Ради светлой памяти отца твоего пойду. Мать, где мой платок?

Б а б у ш к а. Где там! Ох, где там! Во всем доме ни у кого больше трех рублей не найдешь фактически. Все поистратились совершенно. К нам занимать ходят. Легко сказать! Ах, боже мой, грех-то какой! Происшествие какое!

М а т ь (Тане.) Сиди.

Мать и бабушка уходят.

ЯВЛЕНИЕ XVIII

Т а н я одна. Ее трясет озноб. Большая пауза.

ЯВЛЕНИЕ XIX

Входит З а в ь я л о в.

З а в ь я л о в. Ну, что, Танюха? Чего ты такая кислая? Ну, здравствуй! Давай мириться. Хочешь, я тебя поцелую нежненько-нежненько? Впрочем, я уже тебя, кажется, сегодня целовал нежненько-нежненько. Ну, это не важно. Фантастическая рассеянность. Почему у тебя

глаза красные? Что такое? В чем дело? Слезы? Ты меня извини, но вот это уж совсем не остроумно и становится скучным.

Т а н я. Я сойду с ума.

ЯВЛЕНИЕ ХХ

Входит б а б у ш к а.

Б а б у ш к а. Иван Васильевич! Милый человек! Пожалей бабу! Ведь у тебя нынче получка, полный бумажник. Дай денег!

Т а н я. Бабушка!

З а в ь я л о в. Я не понимаю...

Б а б у ш к а (*Тане*). Молчи! (*Завьялову*.) И понимать тут нечего, чувствовать надо. Погляди — на ней лица нет. Иван Васильевич... Ванечка... Дорогой внучек... (*Обнимает его, дышит ему в лицо*.) Дай денег, не обеднеешь!

Т а н я. Бабушка!

З а в ь я л о в (*отшатывается от бабушки*). Что такое? От нее водкой пахнет. Позвольте... Вы просто пьяная!

Б а б у ш к а. Не пьяная, а выпивши. Это разница! И то — не я выпила, а привычка моя выпила. Проклятая моя привычка старого режима! Я ведь, милый мой молодой человек, тридцать лет у станка простояла ткачихой. А ты видел такую ткачиху, чтобы она не позволяла себе рюмочки? Это надо снисходительно уважать, молодой человек!

З а в ь я л о в. Позвольте...

Т а н я. Бабушка!

Б а б у ш к а (*Тане*). Молчи, молчи! (*Завьялову*.) Иван Васильевич, имей снисхождение. Не за себя прошу, за деточку нашу прошу. Ведь ей под суд идти, в тюрьму, деточке нашей. В тюрьму — ты подумай! (*Становится на колени*.) Не откажи! Дай денег!

З а в ь я л о в. Я не понимаю... Что это происходит?

Б а б у ш к а. Она деньги чужие потратила — четыреста тридцать пять рублей. Вот что! (*Тане*.) Проси, дура, он даст. Проси!

З а в ь я л о в. Что? Это правда?

Т а н я. Правда. Я сама не понимаю. Я — нечаянно. Честное слово! Свои деньги и общественные деньги... лежали вместе. Честное слово! И все так дорого, ужас! Ты понимаешь... Цветочки... Продукты... Простыней целых не было... Я стеснялась перед тобой.

Завьялов. Общественные деньги?

Таня. Когда у тебя не было, ведь я тебе ничего не говорила. Я только хотела, чтоб тебе было здесь, у нас, хорошо и уютно, как в будущем... А теперь у тебя есть, и вот...

Завьялов. Ах, вот что! Я же и виноват! Что это? Шантаж?! Какая гадость, какая мерзость! Мне здесь душно. Здесь воздух отравлен алкоголем и... и сапогами. Удушливый воздух старого мира! Я буквально задыхаюсь.

Таня. Ванюша!

Завьялов. Оставьте меня! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ XXI

Т е ж е, без Завьялова.

Таня. Что ты сделала, бабушка! *(Идет к двери, куда ушел Завьялов. Останавливается. Хочет постучать. Рука бессильно падает.)*

Пауза. Бабушка крестится мелко и часто.

ЯВЛЕНИЕ XXII

Входит мать.

Таня *(быстро оборачивается к ней, с надеждой).*
Ну?

Пауза.

Мать безнадежно машет рукой, уходит. Пауза.

Бабушка совсем по-старушечьи плетется за матерью, утирая нос кончиком платка или полы кофты.

ЯВЛЕНИЕ XXIII

Таня одна. Она бежит следом за ними. Потом останавливается, поворачивается и идет к двери Завьялова. Останавливается. Хочет опять постучать. Опускает руки. Стоит. Пауза. Поворачивается. Идет к кровати. Ложится. Встает. Опять ложится. Достает рукой сундучок матери. Встает. Открывает сундучок. Вынимает из сундучка наган, осматривает барабан. Слышно, как поет бабушка: «Как в субботу, день ненастный...» Закрывает дверь в коридор. Ходит на цыпочках. Достает лист бумаги. Ищет карандаш. Не находит. Комкает бумагу. Прикладывает револьвер к сердцу, опускает. Крутит барабан. Отходит в угол. Зажмуривается. Пауза.

ЯВЛЕНИЕ XXIV

Врывается **Женя**.

Женя. Танька!

Таня *(испуганно).* Ах!

Ж е н я. Брось! Сию минуту брось! Отдай наган! Отдай сейчас же! А то как двину в ухо!

Тихая борьба. Он вырывает у нее из рук револьвер.

Дура!

Т а н я *(шепотом)*. Тише! Не кричи! Отдай!

Ж е н я *(подчиняясь, шепотом)*. Ты что, с ума сошла?!

Т а н я *(шепотом)*. Зачем?

Ж е н я *(шепотом)*. А вот за тем самым. Все известно! *(Вынимает сберегательную книжку.)* Сберкнижка. Четыреста пятьдесят рублей. Открыта до двенадцати ночи.

Дальнейший разговор весь шепотом.

Т а н я. Да.

Ж е н я. Одевайся.

Т а н я. Да. Сейчас... *(Одевается поспешно.)*

Ж е н я. В два счета!

Т а н я. Ты... ты... Спасибо! Дай я тебя поцелую. Дружок!

Ж е н я. Потом. Скорей!

Пауза.

А он?

Т а н я. Эх! Идем!

Пауза.

А велосипед?

Ж е н я. Черт с ним! Пойду в Крым пешком.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ XXV

З а в ь я л о в входит.

З а в ь я л о в. Это чудовищно!

ЯВЛЕНИЕ XXVI

Входит В е р а Г а з г о л ь д е р. Она весьма пикантна и прелестно одета, по самой последней моде.

З а в ь я л о в. Что вам угодно?

В е р а Г а з г о л ь д е р. Если Магомет не идет к горе, то гора идет к Магомету. *(Протягивает ему руку.)* Вера Газгольдер.

Завьялов долго смотрит на нее. Она улыбается. Потом он воровато оглядывается. Запирает дверь. Она бросается к нему в объятия. Долгий поцелуй.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Комната в квартире Веры Газгольдер. Все интеллигентно. Беспорядок. Открытый чемодан. Цветы. Вечер. Телефон.

ЯВЛЕНИЕ I

Вера Газгольдер одна.

Вера Газгольдер *(разговаривает по телефону)*. Будьте любезны, портъе «Метрополя». Мерси! Это портъе? С вами говорит Вера Федоровна Газгольдер. Газгольдер. А вы припомните! Я у вас бываю в ресторане под каждый выходной день. Да, да. Под прошлый выходной на мне была котиковая шубка и белый беретик. Я была со своим первым мужем, инженером Воскобойниковым. Нет, нет! Вы ошибаетесь, Николай Борисович Грудинский — это как раз второй муж. Я с ним уже давно ничего общего не имею. А это был как раз Воскобойников. У меня с ним до сих пор самые дружеские отношения. Еще в фойе был скандал, а я как раз сидела на диванчике с Воскобойниковым. Теперь припоминаете? Ну, это не важно. Одним словом, у меня к вам просьба. У вас есть свободные машины на совзнаки? Для меня всегда? Вы очень любезны. Но это не важно. В таком случае, пожалуйста, пришлите мне через полчаса линкольн по адресу: Новинский бульвар, пятнадцать, квартира шесть; мне надо на вокзал. Через полчаса будет? Мерси! Я как раз уезжаю недели на две в Крым. Мерси, мерси! Так я буду ждать. *(Кладет трубку. Укладывается. Смотрит на часы. Суетится. Невеет.)*

Звонок телефона.

Алло! Сента? Здравствуй, Сента! Представь себе, уезжаю в Крым. Через полчаса. С Завьяловым... Так и случилось. Муж? Он еще ничего не знает... Нет, он в театре. Я ему оставлю записку. А ты думаешь, мне не жалко? Ужасно жалко, ужасно! Но что ж делать? Сердце не камень. Это выше моих сил. Да, да, сильна, как смерть. Ничего не могу с собой поделать. Совершенно верно: сошла с ума. Ничего не соображаю. С первого взгляда. Можешь мне не верить, но я сама себя не узнаю. Вот и сейчас с тобой разговариваю, а щеки так и горят, так и горят. Я даже думаю, что у меня повышенная температура. Нет, серъ-

езно. Наверно, тридцать семь и шесть. С ума сойти. В первый раз я встречаю такого человека: новый до мозга костей, смелый, солнечный, такой современный-современный. В нем ничего мещанского, ничего банального! Нет, нет, это уже в последний раз: всерьез и надолго... навсегда! Ты себе представить не можешь, до чего я счастлива! Ну да, ну да! В Крым, в международном. Потом на Кавказ: в Батум, на Зеленый Мыс... Ты себе представляешь? Еще бы!.. Что? Патефон? Обязательно! Конечно. Разумеется! Пятнадцать пластинок... Вертинского? Конечно, нет! Вертинский — это уже стало банально. Дурной тон. Я вчера украла у Воскобойникова две замечательные, только что из-за границы. Еще ни у кого нет. Совершенно новые! Подожди, не отходи от телефона, я тебе сейчас поставлю одну. *(Пускает патефон, прикладывает к нему телефонную трубку; изредка произносит в трубку реплики восхищения.)* Ну, что ты скажешь? Правда, замечательно? Слушай, слушай! Сейчас будет изумительное место. Ты думаешь, это оркестр? Нет. Это поют в джазе... Вот, вот! Ну, как тебе нравится?

Звонок входной двери.

Он! Сенточка, прощай, до свидания! Я тебе буду писать. Целую, обнимаю. Через две недели увидимся. На вокзал не надо. Пока, пока! Он! *(Вешает трубку.)*

Патефон продолжает играть.

ЯВЛЕНИЕ II

Входит Завьялов с маленьким чемоданчиком.
В руках букет мимоз.

В е р а. Мимозы! Какая прелесть!

З а в ь я л о в. Тебе.

В е р а. Мне? Это мне? Как ты мил! Мерси! А билеты?

З а в ь я л о в. Есть.

В е р а. В международном?

З а в ь я л о в. Конечно.

В е р а. Первой категории?

З а в ь я л о в. Да.

В е р а. Покажи.

З а в ь я л о в. Вот.

В е р а. Правильно! Розовые. За скорость, за мягкость. Все в порядке. Ты очень мил.

З а в ь я л о в. Мы не опоздаем?

В е р а. У нас сорок минут времени. Я вызвала машину. Это весь твой багаж?

З а в ь я л о в. Пара белья, зубная щетка, полотенце. А что еще нужно человеку?

В е р а. Ты чудный! Легкий, свободный, новый! Вот именно за это я тебя обожаю. А ты меня?

З а в ь я л о в. До сих пор я был слеп.

В е р а. А теперь?

З а в ь я л о в. Я искал тебя всю жизнь. Ты была нужна мне, как воздух. Именно ты.

В е р а. Говори, говори!

З а в ь я л о в. Да что же говорить! Мне кажется, что мы самой природой созданы друг для друга. Это, может быть, банально, но я не боюсь банальности, если это правда.

В е р а. Верно. Нет ничего банальнее, чем бояться банальностей. *(Обнимает его.)* Мой?

З а в ь я л о в. Твой.

В е р а. Навсегда?

З а в ь я л о в. Навсегда.

Поцелуй.

В е р а. Пардон! Пластинка кончается. *(Быстро идет к патефону и останавливает. В продолжение следующих сцен иногда подходит и пускает патефон и потом останавливает, всегда вовремя.)* Между прочим, я беру с собой патефон. Ты не возражаешь?

З а в ь я л о в. Напротив! Цветы и музыка...

В е р а. И любовь... и свобода...

З а в ь я л о в. Это — будущее.

В е р а. Будущее.

Поцелуй.

З а в ь я л о в. Да! Виноват. Самое главное! Я совсем забыл! Поздравь меня. Вышел «Человек будущего». *(Вынимает из кармана книжку.)*

В е р а. Что ты говоришь! Какая прелесть!

З а в ь я л о в. Первый экземпляр. Тебе.

В е р а. Мне? Первый экземпляр — мне? Родной мой!.. Какой подарок! Мы будем целый день сидеть, обнявшись, в купе и читать, читать, читать!

З а в ь я л о в. Между прочим, не пора ли нам ехать?

В е р а. У нас еще полчаса. Странно, что до сих пор нет машины. Когда ты сюда шел, внизу не было линкольна?

З а в ь я л о в. Кажется, нет.

В е р а. Странно! Не хватает, чтоб муж сейчас пришел из театра.

З а в ь я л о в. Муж? Ах да, твой муж... Надеюсь, он уже знает?

В е р а. Знает. То есть он еще не знает, но это не имеет значения. Пусть это тебя не тревожит. Он не мещанин.

З а в ь я л о в. Но все-таки надо было предупредить. Как-то неудобно.

В е р а. Ничего. Я ему оставлю записку. Или, даже лучше всего, мы ему звякнем с вокзала или черкнем с дороги открытку.

Сигнал автомобиля.

Машина. Это за нами.

Звонок.

З а в ь я л о в. Кажется, звонили?

В е р а. Разве? Вот это будет номер! *(Подходит к двери, слушает.)* Он.

З а в ь я л о в. Да?

В е р а. Факт! *(Слушает.)* Раздевается.

З а в ь я л о в. Надеюсь... надеюсь, мы не будем разыгрывать пошлого фарса?

В е р а. Я тебе повторяю: он не мещанин.

З а в ь я л о в. Но все же! Надо прямо.

Легкий стук в дверь.

ЯВЛЕНИЕ III

Входит м у ж.

М у ж. К тебе можно?

В е р а. Входи, входи. Я не одна. У меня Завьялов. Вы не знакомы? Иван Васильевич Завьялов.

З а в ь я л о в. Завьялов.

М у ж. Газгольдер.

В е р а. Дмитрий Александрович.

З а в ь я л о в. Очень приятно.

М у ж. Я вам не помешал?

В е р а. Нисколько. Ты что, не досидел до конца?

М у ж. Нет, до конца. Коротенький спектакль.

В е р а. Ты весь мокрый, на бороде вода.

М у ж. Да, что-то чудовищное. Представьте себе — вдруг опять снег! И главное — какой снег? Попролам с дождем! Вот вам московская весна.

З а в ь я л о в. Да, безобразно! И холодно?

М у ж. Не то чтобы холодно, а как-то пронизывающе.
В е р а. Ты лучшеними ботинки.

М у ж. Нет. Ноги, представь себе, совершенно сухие.
К счастью, выходя из дому, я надел калоши. Ну-с! Я
очень рад, что вы наконец-таки собрались к нам. Вера
мне столько о вас говорила!

В е р а. Надеюсь, Иван Васильевич достаточно изве-
стен и без моей рекомендации.

М у ж. Ну, разумеется! Разумеется! Читал. Слы-
шал. Знаю. И сам, так сказать, глубокий поклонник. Садитесь,
пожалуйста. Очень, очень рад вас видеть у себя
в доме.

З а в ь я л о в. Благодарю вас. Я тоже.

Пауза.

М у ж. Ты бы нам, Верочка, чаю поставила, что ли?
Как вы насчет чайку, Иван Васильевич?

З а в ь я л о в. Чайку? Пожалуй. Но стоит ли затруд-
нять хозяйку?

М у ж. Пустяки! Никаких затруднений. У нас элек-
трический чайник. Штепсель — и через восемь минут ки-
пит. Замечательно удобно! Веруся, а?

В е р а. Сейчас. *(Ставит чайник.)*

Пауза. Настойчивый сигнал автомобиля. Вера и Завьялов молниеносно переглядываются. Завьялов украдкой смотрит на часы.

М у ж *(мечтательно)*. Ах, друзья мои, только что я
наслаждался в Художественном театре...

З а в ь я л о в. Что вы смотрели?

М у ж. «У врат царства».

З а в ь я л о в. Прекрасная пьеса!

М у ж. И прекрасный театр, прибавьте.

З а в ь я л о в. Да. И театр прекрасный.

М у ж. Прекрасный театр! Прекрасная пьеса! Я ее
смотрю в четвертый раз. И прекрасная игра актеров, при-
бавьте. Ах, как они играют, как играют! Божественно иг-
рают! Один Качалов чего стоит! Я его еще помню до ре-
волюции. Предельное обаяние. Голос, фигура! Такая,
знаете, благородная простота. Да не только в Качалове
дело. Какой ансамбль! Боже мой, какой у них ансамбль!
То есть буквально забываешь, что сидишь в театре. Жизнь,
сама жизнь!

В е р а *(бледно)*. Дмитрий Александрович — ужасный
театрал.

М у ж. Сама жизнь, сама жизнь! Совершенно потря-

сающе. Одни занавески в первом акте чего стоят! Ветер колыхнет занавески, и светит солнце. Настоящее солнце. А графин? Вы обратите внимание на графин. Настоящий графин с настоящей водой. В него бьет солнце, и, знаете ли, на скатерти — звезда. До чего тонко! До чего художественно! Совершенно как в жизни. Совершенно! Солнечная звезда на скатерти. Ведь это же гениально! Неужели вы не находите, что это гениально?

З а в ь я л о в. Да. Это гениально.

М у ж. Именно гениально! Друзья мои! Я отдыхаю в Художественном театре. Это единственный уголок, где в полном смысле слова отдыхаешь душой. Художественный театр. Вы не находите?

З а в ь я л о в. Конечно.

М у ж. Ах, друзья мои, после Художественного театра у меня всегда какое-то такое... такое умиротворенное настроение. Подумайте, как хорошо: сидят люди в теплой комнате, интеллигентные люди, и говорят об искусстве; а за окном — вьюга, мокрый снег, темнота, непогода; а в комнате уютно; тихо бурлит вода в чайнике, тикают часы... А за окном ночь.

Сигнал автомобиля. Пауза. Завьялов нервно смотрит на часы.

З а в ь я л о в. Да.

В е р а. Дмитрий, я должна сказать... Я знаю, тебе будет больно. Мне самой очень больно и тяжело. Но я уверена, что ты меня поймешь и простишь. Я люблю Ивана Васильевича.

М у ж. Как?

З а в ь я л о в. Дмитрий Александрович! Мы не мещане. Было бы недостойно интеллигентных людей притворяться и лгать. Я люблю Веру...

В е р а. Федоровну.

З а в ь я л о в. Веру Федоровну.

В е р а. Мы уезжаем в Крым.

Пауза.

М у ж. Когда?

В е р а. Сейчас.

М у ж. Вера!

В е р а. Так надо.

М у ж. Вы шутите! Это правда?

В е р а. Да.

М у ж. Вера! Опомнись!

В е р а. Прости меня, Дмитрий, но это выше моих сил.

Прости и забудь. Мы опоздаем на поезд. Я хочу, чтобы мы все расстались друзьями. Прощай!

М у ж. Так. Я это предчувствовал. Ну что ж!.. *(Всхлипывает.)* Простите меня! Простите эти неприличные слезы. Но мне так тяжело, так страшно тяжело... Это сейчас... пройдет... Ничего! Это пройдет. Ах!.. Ну вот... Ну вот... прошло... Я уже взял себя в руки. Так внезапно!.. Иван Васильевич...

В е р а. Да, да! Подайте друг другу руки. Я хочу, чтобы мы расстались друзьями. Скорей подайте друг другу руки, а то я разревусь, как девочка. Я больше не могу. У меня нервы не выдержат.

З а в ь я л о в. Дмитрий Александрович! Мы не мещане. *(Протягивает мужу руку.)*

Потрясающее рукопожатие.

М у ж. Иван Васильевич! Вы у меня отнимаете самое дорогое на свете. Любите же ее, берегите, умоляю вас! И... и... дай бог, чтоб она вас всегда так же сильно любила, как я ее люблю и всегда буду любить. Ну вот и все... Теперь что же? Теперь, значит, опять один. Опять один — со своими книгами, со своими добрыми, верными друзьями. Один со своими мыслями. *(Всхлипывает.)* И впереди — одинокая старость...

В е р а. Дмитрий, умоляю тебя, возьми себя в руки! Ты расстраиваешь меня. Останемся друзьями.

Завьялов берет вещи.

М у ж. Прощай, Верочка! Не вспоминай обо мне дурно. Прости, если что было. Ну... Позволь же мне в последний раз послужить тебе. *(Подает ей шубку.)* Так внезапно! Мог ли я думать, когда дарил тебе эту милую шубку, что не пройдет и года... как... *(Всхлипывает.)*

З а в ь я л о в. Дмитрий Александрович, не надо. Не надо шубы. Вера, сними. Я не хочу. Ты пришла к Дмитрию Александровичу без шубки и должна от него уйти тоже без шубки.

В е р а. Ты думаешь?

З а в ь я л о в. Я настаиваю.

В е р а *(снимает шубку)*. Да?

М у ж. Верочка! Ради бога! Ты схватишь воспаление легких. Разве можно в такую погоду...

З а в ь я л о в. В Крыму тепло. А до вокзала в закрытой машине.

М у ж. А вдруг в Крыму тоже холода?

З а в ь я л о в. Тогда я куплю Вере Федоровне другую в Севастополе.

М у ж. Но это ужасно! Вы можете в Севастополе не достать. Умоляю вас, возьмите!

З а в ь я л о в. Это невозможно! Я никогда на это не соглашусь.

М у ж. Верочка, умоляю тебя!

В е р а. Завьялов, но почему же?

З а в ь я л о в. Нет, нет! Ни за что! Шуба представляет определенную товарную ценность. Я хочу, чтобы ты шла за мной с чистой совестью и ничем не была обязанной многоуважаемому Дмитрию Александровичу. Я не хочу, чтобы между нами легла вещь. Вещь превращает свободного человека в раба.

В е р а. Да. Но действительно холодно.

М у ж. Я умоляю вас!

З а в ь я л о в. В крайнем случае, если вы так настаиваете, извольте: я покупаю у вас эту шубу!

М у ж. Иван Васильевич, вы меня просто обижаете!

З а в ь я л о в. Нет, нет! Повторяю: шуба представляет определенную материальную ценность, и позвольте вам... *(Вынимает из бумажника пачку денег, считает и дает мужу.)* Позвольте вам...

М у ж *(автоматически беря деньги)*. Честное слово, Иван Васильевич... Вы меня обижаете... Право!

В е р а. Иван Васильевич совершенно прав. Эта шуба в конце концов принадлежит тебе. Ты ее покупал. Ты не так богат. *(Надевает шубку.)* И я не хочу быть обязанной. Это неделикатно — настаивать.

М у ж *(покорно)*. Хорошо. *(Бегло подсчитывает деньги.)* Хорошо...

Сигнал автомобиля.

В е р а. Прощай!

З а в ь я л о в. Прощайте!

М у ж. Простите... сколько тут?

З а в ь я л о в. Четыреста пятьдесят рублей.

М у ж. За эту шубку четыреста пятьдесят рублей?! Вы меня просто смешите. В прошлом году я за нее заплатил восемьсот сорок.

В е р а. Восемьсот шестьдесят.

М у ж. Видите! Даже восемьсот шестьдесят.

З а в ь я л о в. Так это и было в прошлом году.

М у ж. Да, но не забывайте, что в прошлом году все стоило дешевле.

З а в ь я л о в. Что стоило дешевле?

М у ж. Да все, что хотите.

З а в ь я л о в. Именно?

М у ж. Да боже мой! Да все, что хотите. Да любой предмет первой необходимости.

З а в ь я л о в. Во-первых, шуба не есть предмет первой необходимости.

В е р а. Ну, это как сказать!

З а в ь я л о в. А во-вторых, я в первый раз слышу, чтобы в прошлом году все было дешевле. Наоборот, дороже!

М у ж. Иван Васильевич! Все знают, что жизнь с каждым годом становится все дороже и дороже. Да не только у нас, и за границей то же. И во всем мире.

З а в ь я л о в. Но именно? Именно? Назовите мне хоть какой-нибудь предмет, который бы стал по сравнению с прошлым годом дороже.

М у ж. Пожалуйста! Спички. В прошлом году коробка спичек стоила три копейки, а в этом году пять копеек.

З а в ь я л о в. Интересно знать, где это вы платите за коробку спичек пять копеек?

М у ж. Да где угодно! Да у любого мальчишки на улице.

З а в ь я л о в. Позвольте! Дмитрий Александрович! Побойтесь бога! Кто же вас заставляет покупать спички у мальчишки на улице, по спекулятивным ценам, когда в любом кооперативе спички стоят тридцать копеек пачка, то есть ровно три копейки коробка!

В е р а. Господа, я не понимаю, о чем вы спорите: то — спички, а то — шуба... Даже странно! Мы опоздаем.

З а в ь я л о в. Погоди. Это все равно. Шуба — товар, и спички — товар. Надо читать Маркса. Итак, мы установили, что цены не повысились.

М у ж. Нет, повысились. Спички — это еще не факт.

З а в ь я л о в. Это дела не меняет. Она больше не стоит.

М у ж. Как же не стоит, когда я вам повторяю, что за нее заплачено ровно восемьсот шестьдесят рублей, по случаю!

З а в ь я л о в. Да, но год тому назад.

М у ж. Да, но подчеркиваю: по случаю.

Завьялов. А я покупаю не по случаю.

Муж. Но не за четыреста же пятьдесят.

Завьялов. Да, но не восемьсот же шестьдесят!

Муж. Да, но ведь по случаю.

Завьялов. Да, но ведь год тому назад!

Муж. Как угодно.

Завьялов. Пожалуйста!

Вера. Я не понимаю. Так как же?..

Завьялов. погоди. Не вмешивайся. Наконец, Дмитрий Александрович, ведь вы, кажется, только что предлагали эту шубу, так сказать, вообще...

Муж. Вот предлагал «вообще», а теперь не предлагаю. Теперь я понял. Она представляет определенную товарную ценность, и я не хочу терять. За что купил, за то и продал. Восемьсот шестьдесят рублей — и ни копейки.

Завьялов. Как угодно!

Муж. Пожалуйста.

Очень настойчивый сигнал автомобиля.

Вера. Однако...

Муж. Вера! Не вмешивайся! Ради бога! Только, Иван Васильевич, я вас предупреждаю: такой шубы за эти деньги вы нигде не достанете.

Завьялов. Такой шубы?

Муж. Такой шубы.

Завьялов. Нигде не достану?

Муж. Не достанете.

Завьялов. У вас просто преувеличенное представление о своей шубе.

Муж. Нисколько не преувеличенное! Прекрасная шуба.

Завьялов. Может быть, год тому назад она и была прекрасна. А теперь, вы меня извините, это обыкновенное немодное и довольно-таки потертое пальто.

Вера. Вы с ума сошли! Пальто?! Если это немодное, то я в таком случае не знаю, что у вас называется модное!

Муж. Вера!

Вера. Потертое! Где оно потертое?

Завьялов. Где потертое? Пожалуйста! (*Ищет.*)

Вера. Ну, где? Где? Где?

Муж. Действительно, очень интересно: где это потертое? (*Напевает пенсне.*)

Завьялов. Вот.

В е р а. Это не потертое.

З а в ь я л о в. А что же это?

В е р а. Это так и было.

З а в ь я л о в. Может быть, так и было. Но это снижает цену. А вот еще. И вот. И вот.

В е р а. Где? Где?

М у ж. Действительно, где? Я что-то не вижу.

З а в ь я л о в. Не видите, потому что вы слепой, а здесь темно. Подойдемте же поближе к источнику света. *(Подходит к лампе.)* Вера, сними абажур. Вот-с! И вот. И вот. Теперь видите?

В е р а. Однако не знала, что вы такой наблюдательный.

З а в ь я л о в. Наблюдательный не наблюдательный, а четыреста пятьдесят рублей — красная цена.

М у ж. Ни за что!

В е р а. Ни за что!

З а в ь я л о в. В таком случае как угодно.

В е р а. Четыреста пятьдесят рублей?! Пф! Да вы знаете, что теперь приличные туфли на заказ стоят четыреста? *(Вынимает туфли.)* Видите эти туфли?

М у ж. Да. Видите эти туфли? Я за них третьего дня заплатил четыреста двадцать пять, и я не намерен...

З а в ь я л о в. Туфли? Хорошо. Пожалуйста! Я их беру! *(Демонстративно забирает коробку с туфлями под мышку.)*

М у ж. А шубу?

З а в ь я л о в. Шубу не беру.

М у ж. Почему?

З а в ь я л о в. Потому что дорого.

М у ж. Как же дорого, когда дешево?

З а в ь я л о в. Она просто не стоит этих денег.

М у ж. Как же не стоит, когда фунт масла в коммерческом магазине повышенного типа — двадцать рублей!

З а в ь я л о в. Отлично. Будем ее считать на коммерческое масло повышенного типа.

В е р а. Кого ее?

М у ж. Шубу на масло.

З а в ь я л о в. Позвольте! *(Быстро пишет.)* Четыреста пятьдесят на двадцать. Дважды два — четыре, сносим пять; дважды два — четыре; четыре из пяти — один; сносим ноль. Двадцать два и пять десятых.

М у ж. Чего?

З а в ь я л о в. Фунта.

М у ж. Что вы делаете?

З а в ь я л о в. Перевожу шубу на коммерческое масло повышенного типа.

М у ж. Так-так-так-так!

В е р а. Таким образом, получается, что наша шуба содержит двадцать два с половиной фунта коммерческого масла?

З а в ь я л о в. А что, может быть, мало?

В е р а. Конечно!

З а в ь я л о в. Да вы уясните себе, Вера Федоровна, что такое в наших условиях двадцать два фунта хорошего, коммерческого масла повышенного типа? Это полпу- да. Вдумайтесь в это: полпу- да!

В е р а. Дмитрий! Этот человек над нами просто изде- вается.

М у ж. Помолчи, ради бога. Не кричи под руку. Ты ви- дишь, я считаю. Пятью шесть — тридцать. Ноль пишу, три замечаю...

З а в ь я л о в. Что вы делаете?

М у ж. Не мешайте. Проверяю. Дважды шесть — две- надцать, да три — пятнадцать; пять пишу, один заме- чаю... Перевожу масло.

В е р а. Куда?

З а в ь я л о в. В шубу.

В е р а. Вас не спрашивают.

М у ж. Перевожу масло обратно в шубу. *(Считает.)*
Итого — одна тысяча триста пятьдесят.

В е р а. Одна тысяча триста пятьдесят рублей. Вот видите! А вы говорите — четыреста пятьдесят. Малень- кая разница!

З а в ь я л о в. Тысяча триста пятьдесят рублей? Не может быть этого! Виноват... Тут что-то не так.

В е р а. Так, так! Не беспокойтесь, мы знаем арифме- тiku не хуже вас.

М у ж. Тысяча триста пятьдесят! Факт!

З а в ь я л о в. Позвольте! Позвольте! Действительно, одна тысяча триста пятьдесят, но не рублей, а копеек. Копеек!

В е р а. Почему копеек? Что это значит?

З а в ь я л о в. Это значит, что ваша шуба в переводе на коммерческое масло повышенного типа стоит тринад- цать рублей пятьдесят копеек.

В е р а. Моя шуба — тринадцать рублей пятьдесят ко- пеек?! Да вы просто маниак!

Завьялов. В масло! В масло! Если перевести в масло!

Вера. Все равно. Хотя в швейцарский сыр! Моя шуба — тринадцать рублей пятьдесят копеек?! Вы слышали когда-нибудь подобную наглость?! Тринадцать рублей пятьдесят копеек! (*Легкий истерический смех.*)

Завьялов. Уверю вас, она больше не стоит. Она во многих местах сильно трачена молью, и мездра вся в дырках.

Вера. Что в дырках? Что? Повторите!

Завьялов. Мездра.

Вера. Да как вы смеете в приличном доме? Дмитрий, ты слышал? Он говорит... мездра! Какой цинизм!

Завьялов. Кожа, на которой растет мех, называется мездрой.

Вера. Не смейте! Я не желаю слышать эти гадости. Дмитрий, я не понимаю, почему ты молчишь?

Завьялов. Весь воротник трачен молью. И весь бок потерт. И рукава с внутренней стороны.

Муж. Где? Где?

Завьялов. Да вот же.

Вера. Куда вы тащите мою шубу?

Завьялов. К свету. (*Дует на мех.*) Видите? Видите?

Вера. Я вам запрещаю.

Завьялов. Да что вы у меня ее из рук вырываете?

Муж. Не смейте трогать! Это не ваша вещь.

Завьялов. Любой скорняк может подтвердить, что мездра гнилая.

Вера. Не хватайте!

Муж. Только, пожалуйста, без рук!

Завьялов. Я бы вас попросил...

Муж. Пустите!

Завьялов. Не пуцу!

Муж. Сейчас же бросьте!

Завьялов. Не брошу.

Муж. Где потерта? Где вы видите дырявую мездру?

Завьялов. Наденьте очки. Вот! И вот! И вот!

Вера. Ай! Вы оторвете рукава! Она уже трещит! Ай! Вы с ума сошли! Что ты смотришь, я не понимаю!

Муж. Иван Васильевич... Вы — хам!

Завьялов. Сам хам!

Вера. Маниак! Психопат! Дурак! Ступайте отсюда вон! Сию минуту вон!

Завьялов. Только без рук, будьте любезны. Только без рук!

Муж. Верочка, умоляю тебя...

Вера. Ах... ах... ах!.. Мездра. *(Легкая истерика.)*

Пауза.

Завьялов. Куда я попал! Куда я попал! Я ослеп. Мне здесь душно! Простите... Назад! Домой! К Маше!

Муж. С богом, с богом!

Вера. Скатертью дорога! Возьмите свою муру! *(Бросает Завьялову книжку.)* Барахольщик!

Завьялов *(с достоинством поднимает книжку и берет под мышку коробку с туфлями)*. Кажется; мы за туфли в расчете? *(Раскланивается.)*

Муж. Иди, иди!

Вера. Они мне все равно жмут!

Завьялов. Мещане! *(Уходит.)*

Вера. Возьмите свой веник. *(Выбрасывает ему вслед мимозы.)* Таковую шубу за тринадцать рублей? Как вам это нравится! Не могу успокоиться. Прямо какой-то аферист! *(Заводит патефон, потом останавливает.)*

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же, без Завьялова. Пауза.

Вера. И я любила этого человека?!

Муж. Бред!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Обстановка первого действия, но все чище, солнечнее, наряднее: вероятно, был произведен небольшой ремонт. Утро. На сцене никого нет.

ЯВЛЕНИЕ I

Доктор *(в белом халате появляется в дверях комнаты, в которой в первом действии помещался кабинет Завьялова; выпускает пациента)*. А главное — не курите. Пятьдесят процентов современных болезней — от курения. Честь имею!

Пациент уходит. Доктор идет через сцену к двери, ведущей в проходную комнату.

Пожалуйста, следующий! (*Заглядывает в дверь.*) Больше никого нет?

ЯВЛЕНИЕ II

Входит Поля. Она нарядно одета.

Поля. Никого, Павел Николаевич.

Доктор. Отлично.

Поля. Павел Николаевич... я вас хочу что-то попросить...

Доктор. В чем дело?

Поля. Только вы не смейтесь с меня.

Доктор. Ну!

Поля. Вы будете смеяться?

Доктор. А ты говори: в чем дело?

Поля. А вы будете смеяться?

Доктор. Да ну тебя! Нет, не буду смеяться. Наоборот. Я буду рыдать нечеловеческим басом.

Поля хихикает.

Говори прямо. Ну!

Поля. Я стесняюсь.

Доктор. Ну, так катись и не морочь голову.

Поля. Павел Николаевич... сведите с меня веснушки.

Доктор. Чего? Чего?

Поля. Веснушки с меня сведите.

Доктор. Новое дело! Зачем тебе?

Поля. Я на вечерний рабфак поступаю.

Доктор. Знаю. Так тебе что, веснушки учиться мешают?

Поля. Там — ребята.

Доктор. Ага! Понял я вас. Мужчинам хочешь нравиться?

Поля. Ага!

Доктор. Ой, дуреха! Ой, балда! Да пойми ты, что веснушки главная твоя красота! У тебя, кроме веснушек, ничего нету. Она хочет свести веснушки! Что ж тогда от тебя останется? Веснушка — первый признак здоровья. Вот они у тебя какие: большие, красивые, чудесные, по всей морде. Во! Мне бы твои веснушки, так я бы черт-те что понаделал. От меня бы ни одна баба не ушла. Факт!

Поля. Павел Николаевич... сведите веснушки.

Доктор. Не могу.

Поля. Вы же доктор.

Доктор. А ты думаешь, доктор — бог, он все может?

Поля. Пропишите мазь.

Доктор. Нету мази против веснушек. Не бывает в природе. Медицина против веснушек бессильна. Ничего не могу сделать.

Поля. Может, какие-нибудь порошки?

Доктор. И порошки не помогут.

Поля. Вы меня, наверное, обманываете, Павел Николаевич. Сведите веснушки. Я вам буду на всю жизнь благодарна.

Доктор. Отцепись! Свести не могу. Вырезать могу. Хочешь, вырежу? Сейчас вырежу, все до единой. Правда, дырочки на морде останутся, но зато все веснушки как рукой снимет.

Поля. Ой! Дырочки?

Доктор. Да. Дырочки! И это очень хорошо. Ничто так не украшает лица молодых девиц, как дырочки. Иди-ка сюда.

Поля. Ой!

Доктор. Иди, иди! А ну, где тут ножницы? (*Надвигается на Полю.*)

Поля. Ай!

Визжит, убегает от доктора, он за ней.

Доктор. Стой! Стой! Ага! Попалась? (*Ловит Полю, кричит.*) Маша, дай-ка сюда на минуточку ножницы! Мураша! Ножницы! Живо! Ножницы для ногтей!

ЯВЛЕНИЕ III

На шум вбегает нарядная Маша.

Маша. Что такое? Что за бедлам?

Доктор. Скорей давай ножницы! Держи ее! Я ей сейчас буду веснушки вырезать. Скорей, Машенька, скорей, а то она раздумает!

Маша. Что ты мучаешь девочку?

Доктор. Она уже собирается крутить роман с раб-факами, а ты говоришь — девочка! Ей, понимаешь ты, эти проклятые веснушки всю красоту портят. Жить не дают. Ничего себе малютка! (*Поле, громко.*) Вырезать?

Поля. Павел Николаевич... пустите!

Доктор. Ага! Не нравится? Говори: будешь сводить веснушки или не будешь?

Поля. Не буду.

Доктор. Ну, то-то! *(Отпускает Полю.)*

Маша. Ей-богу, Павел, ты себя ведешь, как маленький.

Доктор. А я и есть маленький. То есть не маленький, а так себе, молодой человек средних лет, приятной наружности.

Маша *(смеется)*. Фу, какой дурак!

Доктор. Это ничего! Дуракам счастье. *(Обнимает Машу.)* Ну, Поля, как ты уже вполне опытная в этих делах, кто лучше — я или Иван Васильевич?

Поля хихикает.

Ну, чего ж ты конфузишься? Валяй, не стесняйся!

Маша. Паша, как тебе не стыдно!

Доктор. Ничего, ничего! Пусть привыкает разбираться в мужчинах. Кто лучше?

Поля *(хихикает)*. Вы больше подходящие.

Доктор. Ага! У малютки вкус.

Поля хихикает и убегает.

ЯВЛЕНИЕ IV

Наверху кто-то довольно бойко и громко, гораздо лучше, чем в первом акте, играет на пианино «Вальс Джульетты».

Доктор *(продолжая обнимать Машу, напевает «Вальс Джульетты»)*. Там-там-тара-ра-рам-та-ра-рам-там-там... тар-ра-рам... *(Вальсирует с Машей, напевая.)* Смотри пожалуйста, как здорово насобачился этот самый «Вальс Джульетты»! Прямо замечательно! *(Вальсирует.)*

Маша. Ты, собственно, по какому случаю резвишься?

Доктор. Выходной день справляю.

Маша. Тебе со мной хорошо?

Доктор. Замечательно! А тебе?

Маша. Мне с тобой легко. Я никак не предполагала, что ты такой чудный. Ты знаешь, я тебя просто люблю.

Доктор. А Завьялова?

Маша. Когда он ушел, мне показалось, что жизнь кончена. Я ему отдала десять лучших лет. Молодость, все. У нас первое время, например, не было ванны. Я его собственноручно мыла в кухне. Он стоял в миске, а я его шаровала мочалкой, как дверь. Честное слово! Мы были

очень бедны. «Но для женщины прошлого нет: разлюбила — и стал ей чужой». Да, собственно, в чем дело? Он женился на молоденькой, хорошенькой. Между прочим, чудесная девушка! Я ее зря обидела. Какой сегодня замечательный день! Ты не находишь, что у нас страшно нарядно?

Д о к т о р. Маленький ремонт и солнце в окне. Больше ничего. Чудесная квартирка! Я всегда говорил...

М а ш а. Смотри — солнце освещает графин, и на скатерти — звезда. И подснежники. Откуда подснежники?

Д о к т о р. Это я...

М а ш а. Какой ты милый! Я не знала, что доктор может быть такой внимательный.

Д о к т о р. А доктор что, собака?

М а ш а. Между прочим, Паша, я тебе все препараты привела в порядок. Записала, занумеровала, сложила в ящичек. Микроскоп — это страшно интересно. Завтра я попробую сама одолеть какой-нибудь небольшой анализ. Только ты не мешай. Сама. Это страшно увлекательно.

Звонок.

Д о к т о р. Кого там черт несет?

ЯВЛЕНИЕ V

Поля, за ней курьер.

Поля. Курьер к Ивану Васильевичу. Я говорю — у нас он не живет, а он лезет.

К у р ь е р. Спешный пакет товарищу Завьялову. Под расписку.

М а ш а. Я вам уже, кажется, говорила, что товарищ Завьялов здесь не живет. Он живет на Ленинградском шоссе, номер семьдесят пять, квартира девяносто.

К у р ь е р. А на Ленинградском шоссе говорят, что тоже уже больше не живет, и послали меня на Новинский бульвар, пятнадцать, квартира шесть, к какой-то гражданке Газгольдер, будто он сейчас туда переехал.

М а ш а. Ничего не понимаю!

К у р ь е р. Я, значит, прямо оттуда, с Ленинградского шоссе, проехал на Новинский. Сел на шестой номер, а с шестого, у Триумфальных ворот, аккуратно на букву «Б» и как раз доехал до Новинского, а там мне какой-то довольно солидный гражданин объяснил, что товарища

Завьялова у них никогда не было и не будет и чтоб я ехал обратно. А куда ж я поеду обратно, когда мне ясно скажали, что он уже на Ленинградском шоссе больше не живет? «Что такое? — думаю. — Ну, думаю, тогда, значит, не иначе, как он обратно на Малую Бронную переехал».

Доктор. Нет, нет! Это, вероятно, какая-то ошибка. Товарищ Завьялов здесь не живет.

Курьер. Да я и сам вижу, что как будто не живет. Вот история! А пакет спешный. Где ж мне его искать? Незадача. Ну ладно! Попытаюсь еще раз на Ленинградском шоссе. До свидания! А если, значит, на Ленинградском опять ничего не выйдет, тогда, значит, опять на Новинский бульвар поеду. А уж, значит, если на Новинском бульваре его нету, тогда, значит... (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ VI

Без курьера.

Маша. Ты что-нибудь понимаешь?

Доктор кричит.

Что ты говоришь?

Доктор. Я говорю, что может произойти интересный факт. (*Читает газету.*)

Маша (*заглядывает ему через плечо, в газету*). Ах, вот оно что! Оказывается, сегодня какой-то весенний физкультурный парад. Стихи Безыменского. Приветствие наркома. То-то, я смотрю, с утра на улицах народ, песни, музыка, солнце, аэропланы летают.

Доктор. Аэропланы — это целая эскадрилья.

Маша. Что это за симпатичная морда? Кто это?

Доктор. «Комсомолец Евгений Гусев, совершивший затыжной прыжок на парашюте с высоты шести тысяч восьмисот метров. Пролетел, не раскрывая парашюта, шесть тысяч семьсот метров. Парашют раскрыл на расстоянии ста метров от земли. Падал без парашюта около трех минут».

Маша (*в ужасе и восхищении*). Ах!

Доктор. «Награжден почетной грамотой и автомашиной «ГАЗ». Вот это сердце! Наверняка можно сказать, что не курит.

Маша. Удивительно симпатичная физиономия! Такая простая, добродушная-добродушная, молодая-моло-

дая! Наверно, девушки таких обожают. Но что меня удивляет — автомашина. Автомашина — это чудесно!

Д о к т о р. Правильно. После такого полета неудобно заставлять молодого человека ходить пешком. Минимум — на автомобиле.

М а ш а. Представляю себе, как он три минуты летел вниз головой. Через тучи, со свистом. (*Медленно считает.*) Раз, два, три, четыре, пять, шесть... А он все летит... Ух, с ума сойти! В каком чудесном, молодом мире мы живем!

Звонок.

Д о к т о р. Кого там черт несет!

ЯВЛЕНИЕ VII

Входит страшно смущенная Поля.

П о л я. Марья Алексеевна... Пришли. (*Неуместно хихикает.*)

ЯВЛЕНИЕ VIII

Входит Завьялов, измученный бессонной ночью, с мимозами и коробкой с туфлями под мышкой.

З а в ь я л о в. Не ожидала?

М а ш а. Я... просто растерялась.

З а в ь я л о в. Мимозы.

М а ш а. Да...

З а в ь я л о в. Тебе.

М а ш а. Мне? Спасибо!.. Поля, поставьте в воду.

З а в ь я л о в. Ах, доктор... Простите, я вас не заметил. Здравствуйте!

Д о к т о р. Здравия желаю!

З а в ь я л о в. Я так по тебе соскучился, Машенька, ты себе не представляешь. Однако как у нас стало хорошо! А где Изабелла Георгиевна?

М а ш а. Мама служит в «Интуристе».

З а в ь я л о в. Служит? Вот видишь, как хорошо! Женщина обязательно должна быть независима. Я всегда это говорил. Значит, в материальном отношении у нас в доме все в порядке?

М а ш а. Да. Более или менее.

З а в ь я л о в. Маша... Нам нужно поговорить.

Д о к т о р. Может быть, я, так сказать... (*Хочет встать.*)

М а ш а. Нет, нет, пожалуйста!

З а в ь я л о в (*видит кота*). А, Митька! Здравствуй, Митя! Здравствуй, толстый лентяй! Здравствуй, котюга! Какой у тебя чудесный мех! Как я рад тебя видеть! (*По ассоциации дует на мех кота.*) Вот это мех, а не то что... Что? Царапаться? Хозяина своего не узнал? А вот я тебя за это по морде, по морде! Пошел вон, дурак! (*Выбрасывает кота вон.*) Да! Виноват! Самое главное я совсем забыл. Поздравь меня. Вышел «Человек будущего». Вот, первый экземпляр тебе. (*Дает Маше книжку.*) Итак, все по-старому? (*Обнимает ее.*)

Д о к т о р. Может быть, так сказать...

З а в ь я л о в. Ничего, вы у нас свой человек. Вас мы не будем стесняться. Правда, Машенька? Мы не будем стесняться доктора? Ну, дай я тебя поцелую нежненько-нежненько.

Д о к т о р. Гм! (*Испускает неопределенный, но довольно грозный грудной звук.*)

М а ш а. Нет, нет... Ради бога...

З а в ь я л о в. Боже мой, ты совсем одичала! Чудачка! Да! Виноват! Самое главное, я совсем забыл. У меня для тебя подарок, сюрприз. Я тебе приобрел... (*Идет за туфлями.*) Вот-с! Как тебе нравится? (*Показывает туфли.*) Не правда ли, чудесные туфельки? Доктор, как вы находите? Люди должны носить удобную, изящную и красивую обувь. Не правда ли? Видишь, какой я стал внимательный!

ЯВЛЕНИЕ IX

Входит Л а у т с к а я, прекрасно одетая, в заграничном духе, в вязаное. Она с лорнетом.

Л а у т с к а я. Эти американцы меня совсем замучили. Поля, как можно скорее чашку кофе! Граждане! Павел Николаевич! Маша! Я вас не понимаю. Такой чудесный, совершенно исключительный день, а вы сидите дома. Безобразие! Вы себя обкрадываете. (*Замечает Завьялова.*) Кто это? (*Смотрит в лорнет.*) Батюшки! Иван Васильевич! Какими судьбами?

З а в ь я л о в. Здравствуйте, Изабелла Георгиевна!

Л а у т с к а я. Голубчик! Как я рада вас видеть! Садитесь, садитесь! Кофе-то они вам, по крайней мере, дали? Поля! Налей Ивану Васильевичу кофе.

З а в ь я л о в. Мерси!

Звонок телефона.

Лаутская. А, боже мой! Это, наверное, меня. Несчастье! *(Подбегает с чашкой в руке к телефону.)* Алло!.. Да, да! *(Говорит по телефону по-английски, иногда вставляя русские слова «Торгсин», «Шарикоподшипник».)* Затем переходит на немецкий язык. Потом — на французский. *(Прощается, вешает трубку.)* Ничего не поделаешь. Через полчаса надо ехать с американцами на «Шарикоподшипник». А вечером — с французами к Таирову. Надоело, хуже горькой редьки. И так всю жизнь.

Завьялов. Оказывается, вы прекрасно владеете языками. А я и не подозревал.

Маша. Мама окончила Бестужевские курсы.

Лаутская. Ну, так рассказывайте же, рассказывайте.

Завьялов. Да что ж говорить? Устал, вот и все. Я сегодня всю ночь не спал. Ходил по Москве. Нервный подъем, а теперь реакция. Мне нужно немного побыть одному. Впереди еще много времени. Когда-нибудь я вам все расскажу. Всю свою одиссею. Это было ужасно! А сейчас мне необходимо отдохнуть. Спать, спать... Простите, я пойду к себе. Доктор, надеюсь, вы у нас обещаете, мы еще увидимся? Машенька, найди ко мне на минутку. *(Подходит к двери своей бывшей комнаты.)*

Доктор. Однако...

Маша. Ваня!

Завьялов *(тошно)*. Да, детка? *(Открывает дверь.)* Что это?

Маша. Теперь в этой комнате кабинет Павла Николаевича.

Завьялов. Как — Павла Николаевича?

Маша. Он там живет и принимает больных.

Завьялов. Временно?

Маша. Нет, постоянно.

Завьялов. То есть как постоянно? Это ж моя комната!

Лаутская. Когда вы уехали, мы предложили ее Павлу Николаевичу.

Завьялов. Позвольте... Однако! Это довольно странно!

Маша. Очень печально, но... Павел Николаевич уже здесь прописан.

Завьялов. Позвольте... А я? Позвольте! Я не совсем понимаю. Что же это происходит? В мое отсутствие в мой дом врывается совершенно посторонний человек,

захватывает мою жилплощадь и, пользуясь деликатностью моей семьи, нагло прописывается в моей комнате.

Доктор. Однако!

Маша. «Мой» дом. «Моя» жилплощадь. «Моя» семья. «Моя» комната. Во-первых, дом не твой, а общественный, коммунальный. Жилплощадь не твоя, а того, кто ею фактически пользуется. Семья — это предрассудки и пережиток, от которого давно пора отказаться. И вообще — чтоб больше не было никаких недоразумений, я вышла замуж за Павла Николаевича.

Завьялов. Что? Когда?

Маша. Это не важно. На днях.

Завьялов. Как же ты посмела?

Маша. Я уже не люблю тебя.

Завьялов. Ах, ты уже не любишь меня? Ты уже любишь его? В таком случае я запрещаю тебе. Слышишь, запрещаю! Это гнусно! (*Крутит ей руку.*)

Маша. Ты рехнулся! Ай! Ты мне делаешь больно. Пусти! Паша, скажи ему, чтобы он не смел.

Доктор. Иван Васильевич! Вы ей можете растянуть сухожилья, и тогда получится очень скверная штука.

Завьялов. Ах, так? Сухожилья? Благодарю вас. Куда мне теперь прикажете деваться? Где я теперь буду жить? Под забором? В канаве?

Лаутская. Успокойтесь, Иван Васильевич, мы для вас что-нибудь придумаем.

Маша. Знаешь что, Ваня? Пока что тебя свободно можно устроить тут, в проходной комнате, где раньше жил Павел Николаевич. В ней, правда, нет окон, немножко темно, но ведь ты работаешь больше по вечерам.

Лаутская. А то, что она проходная, в конце концов не так важно. Не правда ли? Через вас будут проходить исключительно свои.

Завьялов. Через меня будут проходить исключительно свои! Спасибо! Вы меня утешили! Я не желаю, чтоб через меня проходил кто бы то ни было, а тем более свои. Вы мне, кажется, предлагаете поселиться просто в чулане?

Доктор. Ну, уж в чулане! Уверяю вас, это очень неплохая комнатка для одинокого.

Завьялов. Ах, так! Для одинокого? В таком случае заявляю вам совершенно конкретно и официально, что так интеллигентные люди не поступают. Вы — вор!

Доктор. Что вы сказали?

Завьялов. Вор! Вы у меня украли жену, вы украли у меня жилплощадь, вы украли у меня любовь! Может быть, вы даже украли у меня хлебные карточки. Я не уверен.

Лаутская. Иван Васильевич! Человек будущего!

Завьялов. Маша, ты слышишь? Я запрещаю тебе любить этого коновала! Ты не имеешь нравственного права! Это пошло, это неблагородно. Или я убью тебя, слышишь?

Маша. Ваня! Ва-а-аня! Но ведь ты же сам... Любовь должна быть свободной.

Завьялов. Только не у меня в доме! Только не у меня в до-ме-с! (Лаутской.) А вы? Мать!.. Эта гнусность совершилась на ваших глазах, и вы допустили?!

Лаутская. Два свободных человека любят друг друга...

Завьялов. Сводня!

Лаутская. Иван Васильевич! Я не верю своим ушам! Идеи Фурье, юберменш, города-сады, кварцевое солнце, озонирующая аппаратура...

Завьялов. Плевал я на озонирующую аппаратуру!

Лаутская. Но будущее общество...

Завьялов. Плевал я на ваше будущее. Здесь не лекция. Вы мне, будьте любезны, освободите жилищную площадь. Это дело вам так не пройдет. Я подам заявление в милицию, по судам затаскаю.

Маша. Какая гадость!

По радио начинают передавать парад с Красной площади, может быть первомайский парад.

Завьялов. Что? Радио? Кто вам разрешил, милостивый государь, ставить на чужой жилплощади радио? Я не желаю слушать эту мерзость. Довольно с меня газет! (Пытается выключить радио. Борьба из-за громкоговорителя, но радио продолжает передавать музыку и крики. Завьялов пытается заткнуть громкоговоритель подушкой.) Молчать!

Радио не унимается.

Молчать! Я требую!

Доктор. Ради бога, ради бога! Вы побьете лампочки.

Завьялов. Да! И побью! Я никому не позволю покушаться на мои права и на мою собственность.

Доктор. Взбесившийся буржуа!

Завьялов. Что?

Лаутская. Взбесившийся буржуа!

Завьялов. Что вы сказали?

Доктор. Это не я сказал. Это Маркс сказал.

Завьялов. Что? Ах, Маркс! Хорошо. *(Хватает трубку телефона.)* Дайте мне скорей уголовный розыск!.. Вы слушаете? Меня оскорбили и ограбили. У меня украли... хлебные карточки!

Лаутская. Поля, подметите.

ЯВЛЕНИЕ X

Входит курьер.

Курьер. Товарищ Завьялов?! Слава тебе, господи! А то я по всему городу за вами ездию. *(Подает пакет.)*

Завьялов. Давайте. *(Разрывает пакет, читает.)*

Курьер. А то я отсюда прямо опять на Ленинградское шоссе, а там мне опять повторяют, что тут не живет...

Доктор. Идите, идите!

Курьер. Тогда я, значит, обратно на Новинский бульвар...

Доктор. Идите, идите!

Курьер. Прямо история! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ XI

Без курьера.

Завьялов *(читает бумагу)*. Ничего не понимаю. «Ввиду того, что правление издательства постановило задержать тираж вашей книги...» Что такое?! «...протестов советской общественности... статьи в сегодняшнем номере газеты «Правда»... пожаловать для расторжения договора...» Сегодняшняя «Правда»! Где сегодняшняя «Правда»?

Маша. Что такое?

Лаутская. Что? Что?

Завьялов. Ради бога, сегодняшнюю «Правду»!

Маша. Вот.

Завьялов. Давай сюда, давай сюда! *(Ищет.)* Здесь нету. Здесь нету. Здесь нету.

Лаутская. Вот!

Завьялов. Где? Что?

Лаутская. Статья. Большая рецензия. «Пошляк у микрофона» — о лекциях Завьялова «Человек будущего».

Завьялов. Что? Как? Не может быть!

Лаутская. Читайте. Вот.

Завьялов. «Пошляк у микрофона».

Лаутская. Подписано: «Группа радиослушателей».

Завьялов (*горько*). «Пошляк у микрофона». Это, значит, я — пошляк у микрофона? Как вам это нравится! Ну что ж, хорошо! Добивайте. Сжигайте меня на костре. Что ж вы все стоите? Я звал вас в будущее, в светлое будущее, а вы хотите посадить меня в чулан? Нет! Я не пойду к вам в чулан. Мне здесь душно. Я задыхаюсь! Куда я попал? Где были мои глаза? Назад! На Ленинградское шоссе, на шестой этаж! Там девушка молодая, до слез красивая, чудная, новая!.. Я перед ней виноват. Страшно виноват. Но она меня поймет и простит. Она... (*Оборачивается к двери.*)

ЯВЛЕНИЕ XII

В дверях стоит Т а н я.

Завьялов. Таня! Я знал, что ты придешь. Ты пришла за мной? Ты простила...

Т а н я. Иван Васильевич, мы тебе привезли вещи.

ЯВЛЕНИЕ XIII

Из-за спины Тани появляются б а б у ш к а и Ж е н я с большим сундуком Завьялова.

Б а б у ш к а. Покуда нашли, половину города исколесили. Конечно, на автомобиле. У нас теперь, слава богу, собственный автомобиль. Да. А то бы на трамваях нипочем не добрались. Нешто с таким сундуком на трамваях мыслимо допереться! Ну, спасибо, Женька себе автомобиль выпрыгнул. Читали нынче в газетах — комсомолец Женька Гусев с аэроплана без парашюта прыгал, и ему за это машину премировали? Так это он самый, Женька Гусев! Так что мы теперь ездим на собственных автомобилях.

Ж е н я. Старушка, не трепись. Получайте вещи. Расписки не надо.

Завьялов. Танюша, прости!

Таня. Иван Васильевич, не стоит. Это лишнее.

Женя (берет Таню под руку). Пойдем, что ли?

Опять радио.

Завьялов. Товарищи! Да что же это? Да заткните же ему глотку! А я? Как же я? Почему мне так трудно? Почему мне так тяжело?

Доктор. От курения. Исключительно от курения.

Маша. Ванечка! Уверю тебя, это отличная комната! Ванечка, не упрямься!

Доктор. Я в ней жил пять лет.

Радио гремит, гремит, передавая жгучие слова парада.

Завьялов. Да. Где сундук? Несите. Все равно. Ведите меня в чулан.

Занавес

ДЕНЬ ОТДЫХА

**Комедия
в трех действиях**

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

З а й ц е в, агент по снабжению, лет под 60.

К л а в а И г н а т ю к, студентка, бывшая знатная трактористка,
24 лет.

К о с т я Г а л у ш к и н, ее муж, кочегар ледокольного парохода,
лет 25.

В е р а К а р п о в н а, директор дома отдыха.

М и у с о в, начальник центральной базы, лет 45.

Д у д к и н а, жена профессора, старая молодящаяся дама.

Д у д к и н, профессор, ее муж.

Р о з а Е р е м е е в н а, жена Зайцева.

В р а ч

Ш в е й ц а р

Ш у р а

С а н и т а р

} служащие дома отдыха.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Вестибюль дома отдыха.

ЯВЛЕНИЕ I

Входит З а й ц е в.

З а й ц е в. Здравствуйте.

Ш у р а. Здравствуйте.

З а й ц е в. Простите за беспокойство: это дом отдыха «Сыроежки»?

Ш у р а. Что? Да.

З а й ц е в. У вас сегодня отдыхает товарищ Миусов?

Ш у р а. Да.

З а й ц е в. Отлично! *(Деловито снимает калоши.)*

Ш у р а. Гражданин, обождите! Наденьте обратно ваши калоши.

З а й ц е в. Почему?

Ш у р а. Потому. Наденьте, наденьте!

З а й ц е в. Ну, надел.

Ш у р а. Вы кто такой?

З а й ц е в. Зайцев...

Ш у р а. Не знаю такого...

З а й ц е в. Нет ничего удивительного, что вы не знаете. Я — Зайцев, агент по снабжению. Мне по срочному делу необходимо видеть товарища Миусова. Это займет ровным счетом две минуты. Товарищ Миусов только наложит резолюцию на бумажке, и я больше не буду затруднять вас своим присутствием. Все уже согласовано. *(Снимает калоши.)*

Ш у р а. Гражданин, я вам говорю — не снимайте калоши!

З а й ц е в. Почему?

Ш у р а. Потому, что я вас все равно не пущу.

З а й ц е в. Мне надо. По срочному, неотложному делу.

Ш у р а. Нельзя.

З а й ц е в. Почему?

Ш у р а. Потому, что у нас такое правило. Это дом отдыха. Здесь люди отдыхают. И товарищ Миусов то же самое отдыхает. Он шесть дней работал, а сегодня отдыхает. И его нельзя беспокоить. В особенности делами. Это у нас строго запрещается. Если вам так непременно нужно к товарищу Миусову, то приходите к нему завтра на работу.

З а й ц е в. Мне нужно непременно сегодня.

Ш у р а. Не знаю.

З а й ц е в. Завтра будет понедельник, восьмое. Правда?

Ш у р а. Ничего не могу вам сказать.

З а й ц е в. Послезавтра будет вторник... девятое...

Ш у р а. Может быть.

З а й ц е в. База закрывается на капитальный ремонт во вторник, девятого. Для того чтобы получить краску в понедельник, восьмого, нужно провести документы через бухгалтерию главного управления в тот же день, то есть в понедельник, восьмого, не позже десяти часов утра. Вы меня слушаете?

Ш у р а. Слушаю, слушаю.

З а й ц е в. А документы нельзя провести без резолюции товарища Миусова. Но товарищ Миусов приезжает на работу в одиннадцать, значит, понедельник, восьмое, пропадает. Вы понимаете? А база закрывается на капитальный ремонт во вторник, девятого. Если же мы обязаны открыть не позже чем в понедельник, пятнадцатого. А для того чтобы открыть ясли в понедельник, пятнадцатого, мы должны иметь краску в среду, десятого. Вам это ясно? Но так как без резолюции товарища Миусова документы нельзя провести через бухгалтерию главного управления, а товарищ Миусов приезжает на работу в одиннадцать, то мы рискуем остаться без краски...
(Снимает калоши.)

Ш у р а. Не снимайте ваши калоши! Не снимайте, не снимайте!

З а й ц е в. Я не снимаю. Без краски... Вы понимаете, что это значит?

Ш у р а. Я ничего не знаю.

З а й ц е в. Слушайте. После страшного боя мне уда-

лось вырвать полный комплект детских кроваток. Полтора-раста первоклассных, небывалых по красоте малютковых кроваточек с пружинными сеточками, полтора-раста крошечных тумбочек, полтора-раста вешалочек, полтора-раста вот таких малюсеньких стульчиков. Я их буквально вырвал зубами. Причем не забывайте, что я человек уже немолодой и у меня астма. За одно это мне можно поставить памятник... Но вы понимаете, в чем ужас... Вся эта превосходная малютковая мебель выкрашена в какой-то убийственный цвет. Как вам сказать?.. Вы имеете понятие, что такое лягушка? Впрочем, нет, лягушка — это даже сравнительно красиво... Жабу вы когда-нибудь видели? Старую, бородавчатую жабу, покрытую зловещими пятнами?

Ш у р а. Тьфу! Ну вас, в самом деле! Какие гадости рассказываете! Что вам от меня надо? Какие-то жабы! Противно слушать!

З а й ц е в. Вам противно? А маленьким детям не противно?! Да ни один нормальный малютка не заснет в кроватке, выкрашенной в такой жабий цвет. Дети будут вскакивать по ночам и дрожать от ужаса...

Ш у р а. Гражданин, я не понимаю: что вам надо?

З а й ц е в. Мне надо высококачественную белую эмалевую краску. Мне надо, чтобы к открытию яслей в Кошатиновом переулке все детские кроватки были бы идеально белыми и сверкали, как молоко. Это для меня вопрос чести, поскольку дело снабжения возложено на меня. Вопрос чести!.. Вы понимаете? Там, где дело касается профессиональной чести, я не отступлю! Пустите меня к Миусову!

Ш у р а. Не могу!

З а й ц е в. Я вас прошу как сознательного гражданина.

Ш у р а. Не имею права...

З а й ц е в. Я вас прошу как человека. Как человек человеку вы мне можете помочь?

Ш у р а. Я же вам сказала — нельзя! Раз нельзя, значит, невозможно.

З а й ц е в. Я вас прошу как женщину...

Ш у р а. Какие вы странные!.. Нет, нет! Наденьте обратно ваши калоши!

З а й ц е в. У вас нет сердца.

Ш у р а. Только без нахальства.

З а й ц е в. Пустите!

Ш у р а. Не имею права. Вы — посторонний.

З а й ц е в. Я не посторонний. Я — Зайцев... Ну... не пускаете?

Ш у р а. Нет!

З а й ц е в. Хорошо! Сколько стоит однодневное пребывание в вашем доме отдыха?

Ш у р а. Сорок три рубля пятьдесят копеек.

З а й ц е в. Ой-ой!.. Бухгалтерия мне такой расход не утвердит... Но все равно... другого выхода нет! Плачу из своих личных средств. Получите.

Ш у р а. Что вы делаете?

З а й ц е в. Вношу деньги за суточное пребывание в вашем доме отдыха.

Ш у р а. Вы служащий?

З а й ц е в. Служащий.

Ш у р а. Удостоверение с места работы имеете?

З а й ц е в. А как же, конечно!

Ш у р а. Давайте.

З а й ц е в. Представьте себе, нету... Деньги есть, паспорт и удостоверение забыл в другом пиджаке.

Ш у р а. Тогда ничего не выйдет. Спрячьте ваши деньги. Спрячьте, спрячьте!

З а й ц е в. Почему?

Ш у р а. Потому, что я вас не могу пустить без паспорта и без удостоверения личности. Откуда я знаю, кто вы!

З а й ц е в. Я — Зайцев, агент по снабжению.

Ш у р а. Очень может быть, но только это неизвестно.

З а й ц е в. Я же вам говорю...

Ш у р а. Мало ли что вы говорите! А может, вы какой-нибудь, я извиняюсь, жулик...

З а й ц е в. Слушайте, поверьте мне! Я вас очень прошу. Сегодня седьмое, завтра восьмое... База закрывается на капитальный ремонт девятого, а ясли мы обязаны открыть пятнадцатого... Войдите в мое положение... *(Снимает калоши.)*

Ш у р а. Гражданин, наденьте обратно ваши калоши. Наденьте. Не пущу. Сказано...

ЯВЛЕНИЕ II

Входит Д у д к и н а.

Д у д к и н а. Здравствуйте, Шурочка. Вас что, уже произвели в швейцары?

Ш у р а. Нет, швейцар попросил меня подежурить, пока он чаю напьется.

Дудкина. Комнату мне приготовили?

Шура. Как же, как же, пожалуйста!..

Дудкина. Какую?

Шура. Ту самую, которую вы заказывали. Розовую угловую.

Дудкина. Разве я заказывала розовую угловую? Странно... По-моему, я просила оставить мне на юго-восток или, в крайнем случае, на юго-запад.

Шура. Ой, нет, вы забыли! На юго-запад вы занимали в конце декабря. Только вам тогда на юго-запад не понравилась...

Дудкина. В самом деле?

Шура. Честное слово!

Дудкина. А на юго-восток?

Шура. На юго-восток вы занимали в январе, она вам тоже не понравилась.

Дудкина. Разве?

Шура. Честное слово! Вы еще тогда сказали главному врачу, что на юго-восток чересчур дует и вы можете простудить голос.

Дудкина. Я сказала, что дует? Хорошо. Придется отдыхать в розовой угловой. Миусов приехал?

Шура. Как же, тут...

Дудкина. Хорошо. Придется отдыхать в розовой угловой. *(Уходит.)*

Зайцев. Простите, а почему вы у этой дамы не спросили удостоверения с места службы?

Шура. Так это ж Дудкина!

Зайцев. Только и всего? Просто Дудкина?

Шура. Нет, это не просто Дудкина. Она — жена профессора Дудкина.

Зайцев. Так жена Дудкина, а не сам Дудкин.

Шура. Сам профессор Дудкин занятой человек, он все время работает, ему некогда отдыхать... Она ездит за него отдыхать. Понятно? До свиданья. Вы уже успели снять калоши? Наденьте, наденьте!

Зайцев. Один вопрос: значит, если бы, например, я был жена профессора Дудкина, то вы бы меня пустили?

Шура. Так вы же не жена!

Зайцев. Минуточку! Мужей вы тоже пускаете?

Шура. Как это — мужей?

Зайцев. Очень просто. Предположим, профессором был бы не Дудкин, а его жена Дудкина. А Дудкин был бы не профессор Дудкин, а просто Дудкин, муж известного профессора Дудкиной. Пустили бы вы тогда просто

Дудкина без удостоверения с места службы или не пустили?

Ш у р а. Понятно, пустила бы. Куда иголка, туда и нитка!

З а й ц е в. Как? Как?..

Ш у р а. Куда иголка, туда и нитка!

З а й ц е в. Так, так...

Ш у р а. Что вы бормочете?

З а й ц е в. Куда иголка, туда и нитка... Ничего, ничего... Значит, категорически не пускаете?

Ш у р а. Без удостоверения и паспорта не пущу!

З а й ц е в. Значит, нет?

Ш у р а. Нет!

З а й ц е в. И детей вам не жалко?

Ш у р а. Жалко. Но раз нет, так нет!

З а й ц е в. В таком случае я извиняюсь. До свиданья!

Ш у р а. До свиданья! Филипп Максимович! Что вы, в самом деле, копаетесь? Докушивайте и заступайте.

Ш в е й ц а р. Заступаю, заступаю...

ЯВЛЕНИЕ III

Входят М и у с о в и Д у д к и н а.

Д у д к и н а. Миусов, здравствуйте.

М и у с о в. А, Зоя Валентиновна, и вы здесь? Как здоровье?

Д у д к и н а. Плохо...

М и у с о в. Что скажете хорошего?

Д у д к и н а. Все кончено! Я сойду с ума!!

М и у с о в. Что случилось?

Д у д к и н а. Он все знает...

М и у с о в. Простите, я не совсем... Кто?

Д у д к и н а. Профессор Дудкин.

М и у с о в. Ваш муж?

Д у д к и н а. Да.

М и у с о в. Простите, я все-таки... Вы говорите, ваш муж знает... Что он знает?

Д у д к и н а. Все!..

М и у с о в. То есть в каком смысле?

Д у д к и н а. Не прикидывайтесь... наивным ребенком... Это случилось сегодня утром. Я вызываю машину, чтобы ехать в «Сыроежки»... Вдруг он выходит из кабинета, видит, что у меня в руках плед и чемодан, и спрашивает: «Куда это ты отправляешься?» Я смотрю на него пустыми глазами и равнодушно роняю: «В «Сыроежки»,...»

Миусов. Нуте-с...

Дудкина. Тогда он мне говорит: «Хорошо. А кто мне будет кофе варить?» Он, видите ли, без черного кофе не может работать.

Миусов. Как Бальзак?

Дудкина. Еще хуже! Я пожимаю плечами и небрежно роняю: «Вам сварит кофе Дуня». Тогда он говорит: «Дуня выходная». Я его окидываю с ног до головы спокойным взглядом и спрашиваю с иронией: «Может быть, вы хотите превратить меня в домработницу и заставить, чтобы я сидела дома в воскресенье и варила вам черный кофе?»

Миусов. Да, но я...

Дудкина. Подождите. Тогда он спрашивает: «Как же быть?» Я спокойно отвечаю: «Можете сварить себе кофе на электрической плитке сами». Он отвечает: «Ты права! Я сварю себе кофе на электрической плитке сам». При этом, имейте в виду, разговор идет на страшном внутреннем нерве. Я еле владела собой...

Миусов. А он?

Дудкина. Он тоже еле владеет собой. Я нервно говорю: «До свиданья...» — и касаюсь его лба холодными губами. Он мне отвечает: «До свиданья...» Я ему бросаю: «Если будешь куда-нибудь выходить, не забудь взять с собой ключ», — чтобы не получилось, как в прошлом году летом, когда он пошел за папиросами, забыл ключ дома, захлопнул дверь, а потом пришлось звать дворника и ломать замок... Он говорит: «Не беспокойся!» Причем все это на страшном нерве... Я легко сбегая по лестнице и вдруг слышу за собой его голос: «Что ты, матушка, повадилась каждое воскресенье в «Сыроежки?» Вы понимаете, Миусов? Меня буквально ударило громом... как электрическим током... Вы представляете мое состояние?..

Миусов. Не совсем...

Дудкина. Да? Я моментально возвращаюсь назад, останавливаюсь перед Дудкиным и, глядя ему прямо в глаза ледяными глазами, спрашиваю срывающимся голосом: «Что вы этим хотите сказать? Может быть, вы подозреваете, что у меня в «Сыроежках» назначено свидание с любовником?»

Миусов. А он?

Дудкина. Он говорит: «Что ты, матушка! Какие уж там любовники! В твоём-то возрасте!» Вы понимаете, наглость?! В моем возрасте!.. Можно подумать, что мне сорок, в то время как мне всего тридцать девять... и это

все знают. Он говорит: «Пожалуйста, поезжай», но только мне кажется, что ты злоупотребляешь путевками в дом отдыха. Неудобно». — «Для жены профессора Дудкина удобно», — говорю я... Бросаюсь в машину и еду в «Сыроежки»...

Миусов. А он?

Дудкина. Остается.

Миусов. Ну?

Дудкина. Что «ну»?

Миусов. И дальше?

Дудкина. Все...

Миусов. Простите, я не совсем понимаю...

Дудкина. А намек на любовника?..

Миусов. Но мне кажется, это вы сказали, а не он... и... кроме того...

Дудкина. Да, сказала я, а как он при этом посмотрел!.. Я чуть не потеряла сознание. Нет, нет, вы меня не успокаивайте. Он все знает... Это совершенно ясно. Мы пропали!

Миусов. Позвольте, а при чем здесь я?

Дудкина. Как при чем?.. Мы с вами два раза катались на лодке, вы мне аккомпанировали, когда я пела, и говорили, что я культурная, интеллигентная женщина...

Миусов. Вы меня не так поняли...

Дудкина. Нет, я вас поняла именно так, как надо! Вы разбудили во мне дремавшее чувство...

Миусов. Что вы! Что вы! Ничего я не будил!

Дудкина. Нет, вы разбудили... Я вас люблю!

Миусов. Слушайте, вы меня ужасаете... Я поеду к товарищу Дудкину и все ему объясню...

Дудкина. К Дудкину?! Не советую! Вы не знаете Дудкина! Он будет защищать мою честь!

Миусов. Зоя Валентиновна, что вы, что вы...

Дудкина. Не волнуйтесь. Вы почти ничем не рискуете. Рискую я... В крайнем случае он выстрелит в вас несколько раз, может быть, даже не убьет, а только ранит... А мне потом всю жизнь переносить холодный взгляд его ледяных глаз!.. О, это пытка!

Миусов. Вы думаете, он будет стрелять?

Дудкина. Обязательно. Ворвется сюда с револьвером и будет стрелять... О, это ужасный человек! Его не остановит даже то, что это дом отдыха. Для него нет ничего святого, кроме чести! Так и знайте!..

Миусов. Подождите. Что же делать?..

Дудкина. Не знаю.

Миусов. А кто же знает?

Дудкина. Не знаю, не знаю! Я знаю только одно: он безусловно будет защищать мою честь! Он ворвется сюда, и тогда я ни за что не ручаюсь! Он может, безусловно, оторвать дверную ручку и проломить вам голову.

Миусов. Мне?.. Кто?.. Пожилой профессор?..

Дудкина. Вот вы тогда узнаете... У него железный организм. Он купается до середины декабря. Он — ворошиловский стрелок.

Звонок.

Миусов. Зоя Валентиновна, а это не может быть профессор Дудкин?

Дудкина. От Дудкина можно ожидать всего...

Миусов. Зоя Валентиновна...

Дудкина. Перестаньте меня преследовать!

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ IV

Швейцар и Зайцев.

Зайцев. Простите за беспокойство — это дом отдыха «Сыроежки»?

Швейцар. Да.

Зайцев. Отлично! Я у вас сегодня буду отдыхать.

Швейцар. А вы кто такой?

Зайцев. Зайцев.

Швейцар. Я не знаю такого.

Зайцев. А Клаву Игнатюк вы, надеюсь, знаете?

Швейцар. Еще бы не знать! Клава Игнатюк! Кто же ее не знает! Известный товарищ!

Зайцев. Я — ее муж.

Швейцар. Что вы говорите?!

Зайцев. Представьте себе!

Швейцар. Так милости просим, пожалуйста! Снимайте ваши калоши. Снимайте, снимайте!

Зайцев. Не беспокойтесь. Я на одну минуточку.

Швейцар. Подождите. Я извиняюсь... Как же вы говорите, что вы муж Клавы Игнатюк, когда вы Зайцев?

Зайцев. Зайцев — это моя девичья фамилия. Я ее оставил за собой.

Швейцар. Понимаю-с... Пожалуйста ваш головной убор.

Зайцев. Я буквально на одну минуточку...

ЯВЛЕНИЕ V

Те же. Входит директор дома отдыха.

Швейцар. Вера Карповна, вот к нам только что прибыл муж Клары Игнатюк.

Директор. Здравствуйте, здравствуйте, товарищ Игнатюк!

Зайцев. Я — Зайцев.

Швейцар. Они оставили за собой девичью фамилию.

Директор. Понимаю... Это очень благородно и скромно с вашей стороны. Милости просим! Это очень хорошо, что вы решили отдыхать именно у нас, в «Сыроежках». Кто хоть раз побывал у нас, в «Сыроежках», тот уже больше не захочет отдыхать ни в каком другом доме отдыха. Его будет тянуть только в «Сыроежки». Может быть, мне, как здешней хозяйке, неудобно так говорить, но факт есть факт! И я не страдаю ложной скромностью. Зачем ложная скромность? Вы со мной согласны?

Зайцев. Вполне. Только, вы меня извините, я очень тороплюсь...

Директор. Но где же Клавдия Васильевна?

Зайцев. Какая Клавдия Васильевна?

Директор. Мне кажется, ваша супруга?

Зайцев. Мою супругу зовут Роза Еремеевна.

Директор. Как Роза Еремеевна?

Зайцев. Ох, нет! Простите, что я говорю? Роза Еремеевна — это моя, так сказать, первая супруга... Я только что с нею разошелся и еще не привык...

Директор. Ах, вот как! Я не знала. Значит, Клавдия Васильевна ваша вторая жена?

Зайцев. Конечно, это моя вторая жена. Но это ничего не значит. Простите, но мне надо...

Директор. Разумеется, но где же она?

Зайцев. Кто?

Директор. Клавдия Васильевна.

Зайцев. Ах, Клавочка! Клара у себя дома, на Украине.

Директор. Разве она не в Москве?

Зайцев. Почему в Москве?

Директор. Я не знаю, но ведь она, кажется, по-
ступила в Тимирязевскую академию?

Зайцев. Ну?

Директор. По крайней мере, об этом было в газе-
тах...

Зайцев. Для меня это новость! Впрочем, что я та-
кое говорю? Я сегодня, знаете, все путаю. Я опять спутал.
Это Роза Еремеевна осталась на Украине, а Клавочка в
Москве, в Тимирязевской академии, как же!

Директор. К нам в «Сыроежки» не собирается?

Зайцев. Сюда, в «Сыроежки»? Ой, нет, что вы! За-
чем ей это надо? Хотя, очень может быть... Впрочем, не
думаю, вряд ли... Хотя... кто его знает. Но скорей всего
нет.

Директор. Жаль! Очень жаль! У нас в «Сыроеж-
ках» такой порядок... Сначала каждого отдыхающего кла-
дут на крышу...

Зайцев. На крышу? За что же?

Директор. Режим. Вы когда-нибудь отдыхали
на крыше?

Зайцев. Лично я нет...

Директор. Ничто так не успокаивает нервную си-
стему, как здоровый сон на крыше. Сейчас мы это устро-
им... Филипп Максимович, пижаму...

Зайцев. Дело в том, что я очень тороплюсь...

Директор. Ничего, ничего! Филипп Максимович,
выберите для товарища пижаму и туфли.

Зайцев. Зачем?

Директор. Режим. А ваше платье вы получите
завтра утром аккуратно вычищенным, продезинфициро-
ванным и выглаженным. Это одна из особенностей нашего
дома отдыха.

Зайцев. Как?! Только завтра утром?!

Директор. Ну да.

Зайцев. Что вы! Что вы! Я сюда только на одну ми-
нуточку. Повидаюсь только с товарищем Миусовым и сей-
час же обратно в Москву... Как же я поеду в пижаме и
туфлях? Нет, я не могу...

Директор. К сожалению, пока вы не пройдете
полный курс суточного отдыха, я не имею права вас вы-
пустить.

Швейцар. Вот туфли, пижама — и пожалуйте на
крышу.

Зайцев. Как? Сейчас?

Директор. Непременно!

З а й ц е в. Я не люблю лежать на крыше. Я, знаете, просто не привык.

Д и р е к т о р. Режим...

З а й ц е в. Не надо. Я вас очень прошу...

Д и р е к т о р. Видите, какой вы нервный! Переутомились, давно не отдыхали. Но ничего, у нас вы быстро отдохнете и посвежеете. Ну, будьте же умницей, идите!

З а й ц е в. На крышу? Мне надо товарища Миусова.

Д и р е к т о р. Товарищ Миусов тоже на крыше.

З а й ц е в. Ведите меня на крышу!

Ш в е й ц а р. Пожалуйста!

ЯВЛЕНИЕ VI

Д и р е к т о р (*одна*). Очень нервный субъект, очень! Но это ничего, мы его приведем в порядок.

ЯВЛЕНИЕ VII

К л а в а Игнатюк, директор и швейцар.

К л а в а. Здравствуйте.

Ш в е й ц а р. Здравствуйте.

К л а в а. Это дом отдыха «Сыроежки»?

Ш в е й ц а р. «Сыроежки». Вы кто такая? Откуда?

К л а в а. Я из Тимирязевской сельскохозяйственной академии, студентка, приехала к вам отдыхать.

Ш в е й ц а р. Направление имеется?

К л а в а. Даже целую путевку. Сейчас я вам предьявлю.

Ш в е й ц а р. Как ваша фамилия?

К л а в а. Игнатюк.

Ш в е й ц а р. Клава?

К л а в а. Ага...

Ш в е й ц а р. Вы — самая Клава Игнатюк?

К л а в а. Я самая. А вы разве меня знаете?

Ш в е й ц а р. Господи! Кто же вас не знает? (*Кричит.*) Вера Карповна! Вера Карповна! К нам Клава Игнатюк прибыла!

К л а в а. Ой, нет, не надо этого, будьте такие ласковые, не конфузьте меня! Это для меня, честное слово, хуже всего на свете.

Д и р е к т о р. Здравствуйте, здравствуйте, Клавдия Васильевна! Наконец-то у нас живая Клава Игнатюк! Дайте мне на вас хоть посмотреть как следует! Так вот вы

какая! Вы меня извините, но на портретах вы гораздо хуже. На портретах вы просто хорошенькая, а в жизни прямо-таки красotka! Душенька! *(Обнимает ее.)*

К л а в а. Ой, нет, что вы! Ой, нет, что вы!

Д и р е к т о р. Не могла удержаться. Я знаю, что вы скромная. Я не буду. Милости же просим! Это очень хорошо, что вы для своего отдыха избрали именно наши «Сыроежки». У нас дом отдыха, правда, хоть и небольшой, но зато тихий, уютный, обаятельный. Вы нигде так хорошо не отдохнете, как у нас! Кто хоть раз побывал у нас в «Сыроежках», тот уж больше не захочет отдыхать ни в каком другом доме. Мы вам отведем самую лучшую комнату.

К л а в а. Большое вам спасибо. Ей-богу, не стоит из-за меня так сильно беспокоиться. Я, знаете, собираюсь провести здесь сегодняшнее воскресенье, немного погулять в парке. Сюда, знаете, должен приехать один человек... мой муж...

Д и р е к т о р. Как же, как же, знаю... Уже...

К л а в а. Что уже?

Д и р е к т о р. Приехал.

К л а в а. Ну?

Д и р е к т о р. Уже здесь. Минут двадцать тому назад приехал.

К л а в а. Где же он?

Д и р е к т о р. На крыше.

К л а в а. Ой!

Д и р е к т о р. У нас такой режим для всех нервных.

К л а в а. А он что, разве сильно нервный?

Д и р е к т о р. Порядочно!

К л а в а. Скажите! А когда уезжал, был совершенно здоровый.

Д и р е к т о р. Это бывает... Ему — простите за нескромный вопрос — сколько лет?

К л а в а. Двадцать пять, двадцать шестой.

Д и р е к т о р. Ай-ай-ай! А на вид все пятьдесят четыре.

К л а в а. Не может быть!

Д и р е к т о р. Представьте себе — под глазами мешки, седина.

К л а в а. Седина? Ой-ой-ой! Ничего не писал, от вас первой слышу. Наверное, не хотел, чтобы я волновалась.

Д и р е к т о р. А вы что, с ним разве давно не виделись?

К л а в а. Полтора года.

Директор. Полтора года? Как же так?

Клавя. Ой, это долго рассказывать! Мы с ним, знаете, познакомились полтора года назад на совещании передовиков сельского хозяйства в Киеве. Он — кочегар Морского торгового флота, но сельским хозяйством интересуется и как раз в это время был в Киеве в отпуске, так что приходил на наши совещания послушать. Вот мы с ним и познакомились. Ну, а как это бывает? Сначала я ему понравилась, потом он мне понравился... Стали встречаться, катались по Днепру на лодочке... Ну, понятно, мы поженились. Прожили душа в душу два месяца... Это была сказочная красота!.. Как вдруг его срочно вызывают телеграммой в Москву, в Главное управление Северного пути. Он срочно выезжает, и через десять дней я получаю от него телеграмму, уже не из Москвы, а из Архангельска, чтобы я не беспокоилась и не скучала, потому что его назначили на ледокольный пароход «Фарлаф» и они уходят на два месяца в полярный бассейн проводить караван судов. Проходит два месяца — ничего! Проходит еще два месяца — ничего! Я уже начинаю беспокоиться, как вдруг получаю от него радио с борта ледокольного парохода «Фарлаф»: «Не беспокойся и не скучай, у меня повредило тяжелыми льдами рулевое управление, и мы пока что дрейфуем в районе полярного бассейна, так что вряд ли увидимся раньше, чем через год...»

Директор. Значит, ваш муж — герой Арктики?

Клавя. До героя, конечно, далеко, но все-таки...

Директор. Не скромничайте, Клавдия Васильевна... Но дальше, ради бога, дальше!

Клавя. Дальше проходит еще один год и два месяца, и вчера он является из Арктики прямо к нам в общежитие, а у меня в это время как раз практические занятия на опытной станции за сорок километров от Москвы. Я возвращаюсь домой, уже не застаю его в общежитии, а застаю от него записочку, чтобы я ехала в дом отдыха «Сыроежки» провести с ним денек-другой на лоне природы... «Это, пишет, маленький, тихий дом отдыха. Твой верный дружок Костя...» И прилагает при этом путевочку...

Директор. Однако он у вас скрытный. Я его спрашиваю: «Где же Клавдия Васильевна? Приедет она к нам или не приедет?» А он так уклончиво: «Не знаю, говорит, может быть, приедет, а может быть, и не приедет...» Но теперь мне все понятно... Муж и жена не виделись полтора года, хотят побыть в тихой, поэтической обстановке... Не так ли?

К л а в а. Конечно. Так, знаете...

Д и р е к т о р. Не надо слов. Понимаю... Вам здесь никто не помешает. Вы не пожалевте, что выбрали «Сыроежки»...

К л а в а. Большое, большое вам спасибо! Здесь у вас так великолепно! Сказочная красота! Куда же мне идти?

Д и р е к т о р. Прежде всего я советую принять горячую ванну с сосновым экстрактом...

К л а в а. Ну, еще раз большое спасибо! Только, знаете, вы меня расстроили насчет Кости... Неужели поседел?

Д и р е к т о р. Да.

К л а в а. И сильно?

Д и р е к т о р. Не так уж, чтобы... но все-таки порядочно.

К л а в а. Ай-ай-ай! И главное — мне ничего не радировал...

Д и р е к т о р. Ничего, мы его поправим... У нас люди за одни сутки становятся совершенно неузнаваемыми... Впрочем, вы сами убедитесь в этом.

К л а в а. Куда же мне теперь идти?

Д и р е к т о р. Шура! Шура!

Ш у р а. Иду, иду! Пожалуйста за мной в северо-западную... *(Уходит с Клавой.)*

ЯВЛЕНИЕ VIII

Д и р е к т о р одна.

Д и р е к т о р. Роман! Настоящий роман! И главное, где? У нас, в «Сыроежках»!

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Гостиная в доме отдыха «Сыроежки».

ЯВЛЕНИЕ I

Входит З а й ц е в в пижаме.

З а й ц е в. Нигде нет Миусова! Пропал человек! И никто не знает. На крыше нет, в столовой нет, в читальной нет. А время идет... Боже мой, что это будет? Кто я такой? Муж Клавы Игнатюк! Самозванец! Ох, кончится

это, кажется, большим скандалом... Может быть, в бильярдной?..

ЯВЛЕНИЕ II

Зайцев и директор.

Директор. Ну, как вам у нас нравится?

Зайцев *(вздрагивая)*. Ай!..

Директор. Что с вами?

Зайцев. Простите, это чисто нервное...

Директор. Я вижу, вижу... Однако длительное пребывание в Арктике сильно отразилось на вашем здоровье...

Зайцев. Где? В Арктике?!

Директор. Ну да, конечно... Что вас удивляет?

Зайцев. Меня уже почти ничто не удивляет... Простите, но мне нужно идти... Я знаете, ужасно тороплюсь...

Директор *(лукаво)*. Я знаю, куда вы торопитесь... Но, тсс! Молчу... Ничего не говорю. К чему слова? Идите, милый, идите! *(Шепотом.)* Ловите минуты любви! Желаю вам счастья!

Зайцев. Мерси... *(Про себя.)* Ужас, ужас! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ III

Директор *(со вздохом)*. Любовь, любовь! Ничего не поделаешь!.. *(Вышла.)*

ЯВЛЕНИЕ IV

Входят Клава и директор.

Клава. Вы, часом, не видели моего супруга, а то пропал человек! Хожу по всему дому и не могу найти.

Директор. А он вас ищет!..

Клава. Что вы говорите?! Где же он?

Директор. Только что был тут. Сию минуту... Пошел вас искать...

Клава. Спасибо...

Директор. Ну, как вам у нас нравится?

Клава. Замечательно!

Директор. Правда? Я очень рада. Вы не расскажете, что выбрали «Сыроежки»! Дом хотя и небольшой, но тихий, уютный, обаятельный... Не правда ли? Вам здесь никто не мешает вдвоем с любимым человеком.

К л а в а. Простите, я уж пойду.

Д и р е к т о р. Идите, милая, идите! Я вас очень понимаю... *(Шепотом.)* Ловите минуты любви! *(Целует ее.)* Желаю вам счастья!

К л а в а. Спасибо! Я вам очень, очень благодарна! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ V

Д и р е к т о р одна.

Д и р е к т о р. В нашем доме! Такие люди! Я всегда говорила, что в конце концов наши «Сыроежки» выйдут на первое место по контингенту посетителей. Шура! Шура! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ VI

К л а в а И г н а т ю к входит.

К л а в а. Нигде нету... Пропал человек! Прямо смешно!

ЯВЛЕНИЕ VII

К л а в а. З а й ц е в входит.

З а й ц е в. Нигде нет!.. Пропал человек! В бильярдной нету. Что это будет?! *(Замечает Клаву.)* А... простите, я здесь человек новый... Вы не знаете, где товарищ Миусов?

К л а в а. К сожалению, не могу сказать. Я здесь тоже в первый раз.

З а й ц е в. Извините...

К л а в а. Пожалуйста.

З а й ц е в. Можете себе представить, пропал человек! Не так смешно, как трагично. Понимаете, человек берет бумажку, читает, берет карандаш и пишет ровно два слова: «Выдать. Миусов». Большое дело! Пара пустяков! Причем бумага есть, карандаш есть. Миусова нет!! Ну! Как вам это нравится?!

К л а в а. А кто этот Миусов?

З а й ц е в. Начальник центральной базы ремонтно-строительных материалов. Я его даже в лицо не знаю. Я специально приехал сюда в воскресенье, чтобы поймать его и получить резолюцию... Бегаю с высунутым языком по всем «Сыроежкам» и не могу найти...

К л а в а. Так вы можете взять у него резолюцию завтра на работе...

З а й ц е в. В том-то и дело, что мне надо иметь резолюцию именно сегодня.

К л а в а. Почему?

З а й ц е в. Потому, что завтра понедельник, восьмое. Так?

К л а в а. Так. Ну и что же?

З а й ц е в. Послезавтра будет вторник, девятое. Так?

К л а в а. Так. Ну и что же?

З а й ц е в. База закрывается на капитальный ремонт во вторник, девятого. А ясли мы обязаны открыть не позже как в понедельник, пятнадцатого...

К л а в а. Ну и что же?

З а й ц е в. А для того чтобы открыть ясли в понедельник, пятнадцатого, мы должны иметь краску в среду, десятого... Но так как база закрывается на капитальный ремонт во вторник, девятого, то для того чтобы получить краску в понедельник, восьмого, нужно провести через бухгалтерию главного управления в понедельник же восьмого, не позже десяти часов утра...

К л а в а. Ну, так и проводите...

З а й ц е в. Нельзя.

К л а в а. Почему?

З а й ц е в. Я же вам говорю: нужна резолюция товарища Миусова. Без резолюции товарища Миусова документы нельзя провести через бухгалтерию главного управления, а так как он приезжает на работу в одиннадцать, то мы рискуем остаться без краски.

К л а в а. Надо было раньше позаботиться.

З а й ц е в. Мы только вчера получили ассигновку. Можете представить, я специально приехал сюда в воскресенье, исключительно для того, чтобы поймать Миусова и получить резолюцию. Я пошел на ужасные вещи... Вы даже не можете представить, что я сделал! Я сказал... Впрочем, это не важно. Там, где дело касается чести наших яслей, я способен на все... Одним словом, я приехал сюда — и... здравствуйте!.. Не могу его поймать!..

К л а в а. Ну, так мы с вами товарищи по несчастью. Я, знаете, тоже ищу здесь одного человека и никак не могу найти!

З а й ц е в. Что вы говорите? Кого же?

К л а в а. Представьте себе, собственного мужа...

З а й ц е в. Не может быть!

К л а в а. А вот факт.

З а й ц е в. Может быть, он на крыше? Тут, знаете, такое правило: как только человек приезжает, его сейчас же на крышу. Я сам только что с крыши...

К л а в а. На крыше нет.

З а й ц е в. В бильярдной вы не искали?

К л а в а. Всюду искала. Нигде нет!

З а й ц е в. Со мной то же самое! Всюду искал — и всюду нет. Пропал человек!

К л а в а. Что же нам все-таки делать?

З а й ц е в. В подобных случаях, кажется, надо познакомиться. Я человек, знаете, не светский, в доме отдыха первый раз и не уверен...

К л а в а. Очень приятно. Игнатюк.

З а й ц е в. Кто Игнатюк?

К л а в а. Я.

З а й ц е в. Надеюсь, не Клава?

К л а в а. Нет, как раз Клава...

З а й ц е в. Клава Игнатюк?!

К л а в а. Клава Игнатюк.

З а й ц е в. Вы лично Клава Игнатюк?!

К л а в а. Я самая...

З а й ц е в (*испускает легкий стон*). А-а-а!!

К л а в а. Что с вами? Вам плохо?

З а й ц е в. Очень...

К л а в а. Я сейчас кого-нибудь позову...

З а й ц е в. Ради бога, никого не зовите... А... а!..

К л а в а. Вам очень плохо?

З а й ц е в. Ужасно!..

К л а в а. Знаете что, я сейчас намочу платочек и положу вам на лоб. Это помогает...

ЯВЛЕНИЕ VIII

Т е ж е, входит директор.

Д и р е к т о р. Какая исключительно нежная пара!.. (*Клаве, шепотом.*) Ловите, ловите минуты счастья! Не буду вам мешать...

К л а в а. Что вы, бог с вами! Вы видите, человек потерял сознание...

Д и р е к т о р. Ничего... «От счастья не умирают...» — как говорится в одной пьесе. Человек от любви теряет сознание! Вот это любовь!! Главное, где? В «Сыроежках»! (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ IX

З а й ц е в и К л а в а.

З а й ц е в. Что со мной было? Где я?

К л а в а. В доме отдыха «Сыроежки».

З а й ц е в (*стонет*). Кто вы такая?

К л а в а. Клава Игнатюк.

З а й ц е в (*бежит и падает на Клаву*). А-а!

ЯВЛЕНИЕ X

Т е ж е, д и р е к т о р, в р а ч в сопровождении
с а н и т а р о в.

В р а ч. Одну минуточку... (*Быстро выворачивает Зайцеву веки, заглядывает в нос и т. д.*) Откройте рот... Так. Ага. (*Клаве.*) Все ясно. Систематическое отсутствие свежей зелени, недостаток витамина С, постоянное влияние на организм низких арктических температур, частые магнитные бури, действие полярного сияния на слизистую оболочку... Что же вы хотите?

К л а в а. Я ничего не хочу...

В р а ч. Организм никуда не годится.

К л а в а. То-то я смотрю, что он такой хлипкий. Как запустил себя человек! Ай-ай-ай!

В р а ч. Именно запустил... (*Зайцеву.*) Куда же вы? Подождите!

З а й ц е в. Пустите меня! Что я вам сделал? Я больше не буду... Я хочу домой...

В р а ч. Ни под каким видом! Мы сейчас вами займемся.

З а й ц е в. У меня не было корыстных побуждений... Клянусь вам! Я решил на это исключительно ради детей.

В р а ч. Успокойтесь, не волнуйтесь! (*Клаве.*) Я не думала, что у него до такой степени распатана нервная система. Вы должны были давно обратить на это внимание.

К л а в а. Что я, доктор?

В р а ч. Конечно, вы не доктор... но мне кажется... С вашей стороны это довольно странное равнодушие. Впрочем, не мое дело.

К л а в а. Я клала ему мокрый платочек на переносицу. Что вы от меня хотите?

В р а ч. Платочек? Этого мало. (*Зайцеву, нежно.*)
Идемте...

З а й ц е в. Куда?

В р а ч. Вниз...

З а й ц е в. В милицию?!

В р а ч. В физиотерапевтический кабинет.

З а й ц е в. А вы кто?

В р а ч. Я — врач. Разве вы не видите?

З а й ц е в. А я думал — вы комендант!

В р а ч. Успокойтесь. (*Клаве.*) Ужасающие нервы, Клавдия Васильевна! Я думаю применить к нему свой новый метод общего укрепления нервной системы...

К л а в а. Ну что ж... Вам виднее... Применяйте.

З а й ц е в. У меня совершенно нет свободного времени. Я очень спешу. Я непременно должен поймать товарища Миусова.

В р а ч. Успокойтесь, голубчик, успокойтесь!

К л а в а. Слушайте, надо быть умницей. Надо слушаться доктора. Не стоит капризничать. Доктор лучше понимает.

В р а ч. Сначала мы немного полечимся, а уж потом будем ловить Миусова. Хорошо?

З а й ц е в. А мы его поймаем?

В р а ч. Непременно. Пойдемте же... Не упрячьтесь...

З а й ц е в. Но имейте в виду — исключительно ради детей.

В р а ч (*Клаве*). Поразительно нервный субъект. Но вы не беспокойтесь. Мы его выправим!

ЯВЛЕНИЕ XI

К л а в а одна.

К л а в а. Прямо-таки сгорел человек на работе! Ай-ай!

ЯВЛЕНИЕ XII

Входит К о с т я,

К о с т я. Клавдия?

К л а в а. Костечка! Наконец-то!

К о с т я. Клавдюша, голубчик, до чего я рад тебя видеть! Ты даже не имеешь понятия!

К л а в а. Костя! Живой Костя! Просто не верится!

К о с т я. Ну, Клавочка, как же ты без меня поживала? Дай хоть на тебя как следует посмотреть!

К л а в а. Сильно переменялась?

К о с т я. Совсем не переменялась. Такая самая! А я? Сильно переменялся?

К л а в а. Совсем не переменялся. Такой самый! Только стал немного более солидный. А ну-ка, ну-ка, постой...

К о с т я. Что ты там заметила?

К л а в а. Ничего... Ищу, где ты седой.

К о с т я. Кто седой? Я?! Что ты, смеешься?

К л а в а. Мне говорили, будто бы в Арктике поседел, стал сильно нервный.

К о с т я. Басни! Наоборот. Только поправился. Клавочка, ты скучала?

К л а в а. А как ты думаешь? Конечно, скучала. Дня не было, чтоб не скучала... А ты скучал?

К о с т я. Спрашиваешь. Мало сказать — скучал! Прямо тосковал! Конечно, когда выпадало свободное время... Только мало было свободного времени... Как вспомню, что где-то есть Большая земля и ты, Клавдюшечка, живешь на той Большой земле, так сразу и начинаю скучать... И мысли мне такие, знаешь, начинают входить в голову...

К л а в а. Какие мысли?

К о с т я. Всякие размышления, сомнения...

К л а в а. Неужели сомнения?

К о с т я. Сомневался!

К л а в а. Сомневался во мне? Ай-ай-ай! И тебе не со-
вестно?

К о с т я. Конечно, совестно! Ну! Клавдюшечка, только ты тоже войди в положение: все-таки восемнадцать месяцев! А кругом такая арктическая тьма! И вдруг, представь себе, потихоньку в голову заходит такая мысль: как там, на Большой земле, чувствует себя моя Клавдия? Что она там в данный отрезок времени делает? Может, она и думать уже давно перестала?.. Чего же ты молчишь?

К л а в а. Я прямо не знаю, что говорить!

К о с т я. А чего же ты покраснела?

К л а в а. Я не покраснела.

К о с т я. Нет, ты покраснела! А ну, Клавочка, посмотри мне в глаза.

К л а в а. Не было часа, чтоб я за тебя не беспокоилась...

К о с т я. Верно?

К л а в а. А как ты думаешь? Конечно.

К о с т я. Голубочка моя!

Целуются.

Только ты имей в виду, Клавдия, если я что-нибудь узнаю, если до меня что-нибудь дойдет, если что-нибудь было, ты мне лучше сама скажи...

К л а в а. Ничего не было. И не могло быть. И не расстраивай себя! Чудак, Костя...

Целуются.

ЯВЛЕНИЕ XIII

Т е ж е и Ш у р а.

Ш у р а. Ох, извиняюсь...

Клава и Костя смущены.

Товарищ Игнатюк, ванна готова.

К л а в а. Ах, как жалко! А нельзя ли немножечко подождать?

Ш у р а. Уже сосновый экстракт положили.

К л а в а. Надо идти... Уже сосновый экстракт положили. Неудобно... Я быстренько! Десять минут подождешь?

К о с т я. Восемнадцать месяцев ждал. Можно подождать еще десять минут.

К л а в а. Пока.

Шура и Клава уходят.

ЯВЛЕНИЕ XIV

К о с т я один, молчит.

ЯВЛЕНИЕ XV

К о с т я и ш в е й ц а р.

Ш в е й ц а р. Я извиняюсь, товарищ, вы приехали к нам в «Сыроежки» отдыхать?

К о с т я. Так точно.

Ш в е й ц а р. Позвольте путевку. (*Читает.*) Вы товарищ К. И. Гáлушкин?

К о с т я. Так точно. Только не Гáлушкин, а Галúшкин. Происходит от прекрасного украинского слова «галушка».

Ш в е й ц а р. Галушкин? Хорошо. Так вот что, товарищ Галушкин, вы приехали к нам отдыхать и поступили совершенно правильно. Нигде в другом месте вы не от-

дохнете так хорошо, как у нас в «Сыроежках». У нас тихо, культурно, спокойно. Вы должны это ценить. В нашем доме, имейте в виду, отдыхают довольно известные люди. Например, товарищ Клава Игнатюк. Вы, надеюсь, знаете?

К о с т я. Конечно.

Ш в е й ц а р. Она отдыхает у нас с супругом.

К о с т я. Виноват, как вы сказали? Супруг Клавы Игнатюк?

Ш в е й ц а р. Да, Клавдии Васильевны.

К о с т я. Ее супруг?

Ш в е й ц а р. Что вас удивляет? Представьте себе, да. Супруг Клавы Игнатюк. Носит пижаму. Я им подобрал выдающуюся пижаму. Незаурядный, известный человек.

К о с т я. Не может быть!

Ш в е й ц а р. Факт!

К о с т я. Не может быть!

ЯВЛЕНИЕ XVI

Т е ж е, вбегает в р а ч.

В р а ч. Он здесь не пробежал?

Ш в е й ц а р. Кто?

В р а ч. Муж Клавы Игнатюк.

Ш в е й ц а р. Нет. А что случилось?

В р а ч. Представьте себе, по дороге в физиотерапевтический кабинет вырвался и убежал.

К о с т я. Кто?

В р а ч. Муж Клавы Игнатюк. Вот несчастье! Необыкновенно суетливый и нервный субъект. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ XVII

Ш в е й ц а р и К о с т я.

К о с т я. Что же это делается, товарищи?

Ш в е й ц а р. Товарищ Галушкин, не стоит расстраиваться из-за пустяков.

К о с т я. Какие же это пустяки? Нет, это не пустяки! Так я и чуял. Значит, недаром все время сомневался... недаром мне все время сердце шептало! *(С горечью.)* Муж Клавы Игнатюк...

Ш в е й ц а р. Да, супруг Клавы Игнатюк. Понятно вам?

К о с т я. Вполне.

Швейцар. Пожалуйста, наденьте пижаму. Вам же будет легче.

Костя. Легче? Нет, товарищ швейцар, вряд ли мне уже будет легче!

Швейцар. А вы попробуйте, наденьте!

Костя. Эх, что там! Давайте. Надевайте. Мне уж все равно нечего терять! Вы не знаете, давно она замужем?

Швейцар. Кто?

Костя. Товарищ Игнатюк.

Швейцар. Они у нас всего первый день. Так что мы еще не изучили. Точно не скажу. Разное толкуют. Одни говорят, что давно, другие говорят, что недавно. Трудно понять. Впрочем, кажется, это ее второй муж. Или она вторая жена, точно вам не скажу. Запутанная история. Персонал еще не разобрался. Что же вы дергаетесь?

Костя. Разве я дергаюсь?

Швейцар. Смотрите, у вас руки дрожат. Э, да я вижу, что вы тоже порядком нервный.

Костя. Ничего подобного! Я совершенно спокойный. Вы же видите, что я спокойный. Ну, Клавдия, не ожидал я такого фокуса от тебя! Куда идти?

Швейцар. Пожалуйста, подберу вам выдающуюся пижаму. Наденете — и сразу полегчает.

Костя. Где там, где там!..

ЯВЛЕНИЕ XVIII

Те же и директор.

Швейцар. Вера Карповна, к нам новый отдыхающий прибыл. Товарищ Галушкин. Сильно нервный.

Директор. Ванну с сосновым экстрактом.

Швейцар. Слушаюсь. (*Уходит с Костей.*)

Директор. Везет нам сегодня на нервных!

ЯВЛЕНИЕ XIX

Директор и Зайцев.

Зайцев (*вбегают*). Ради бога! Ради бога!

Директор. Что случилось?

Зайцев. Они хотят применить ко мне термическую обработку, а мне некогда! Лучше я к вам приеду другим разом. Скажите им.

Д и р е к т о р. Боже, до чего все нервные! Успокойтесь...

З а й ц е в. Они мне, кроме того, хотят делать какой-то общий кварц, а у меня абсолютно нет свободного времени, потому что я должен получить резолюцию именно сегодня.

Д и р е к т о р. Возьмите себя в руки. Надо же лечиться. Сделайте это хотя бы ради Клавдии Васильевны.

З а й ц е в. Кто это Клавдия Васильевна?

Д и р е к т о р. Здравствуйте! Товарищ Игнатюк!

З а й ц е в. Игнатюк? Боже мой! Ах да! Я совсем забыл! А где Миусов! Умоляю вас, скажите мне: где Миусов? Дайте мне Миусова, или я сойду с ума! Пусть он только напишет два слова, и я поеду домой, к Розе Еремеевне. То есть что я такое говорю? К Клавдии Васильевне... Умоляю вас...

Д и р е к т о р. Вы совсем развинутились! Вам плохо?

З а й ц е в. Мне ужасно! Умоляю вас... Войдите в положение... маленьких детей.

Д и р е к т о р. А что, у вас маленькие дети?

З а й ц е в. Ну да, конечно!

Д и р е к т о р. От кого дети? От Розы Еремеевны?

З а й ц е в. Нет, нет!

Д и р е к т о р. Значит, от Клавдии Васильевны?

З а й ц е в. Нет, нет!

Д и р е к т о р. Какие же дети?

З а й ц е в. Общественные... разные...

Д и р е к т о р. И много?

З а й ц е в. Полтораэта. Их надо пожалеть!

Д и р е к т о р. Господи. Полтораэта детей!! Он сходит с ума! И главное — где? В «Сыроежках»! Это скандал...

Вбегает Д у д к и н, за ним ш в е й ц а р.

Ш в е й ц а р. Так нельзя, у нас так не полагается.

Д у д к и н. Стойте!

Д и р е к т о р. Ах!

Ш в е й ц а р. Товарищ, надо раздеться!

Д у д к и н. Где моя жена?

Д и р е к т о р. Кто вы такой?

Д у д к и н. Я — Дудкин! Где моя жена? Она сказала, что едет в «Сыроежки». Она здесь!

Д и р е к т о р. Вы — муж Зои Валентиновны?

Д у д к и н. Да, да, мне ее нужно видеть сию минуту.

В противном случае произойдет большое несчастье!

Д и р е к т о р. Боже мой! Что вы хотите делать?

Швейцар. Товарищ, надо раздеваться! Пожалуйте палочку...

Дудкин. А? Что? Не беспокойтесь, это не палочка, это дверная ручка.

Директор. Что вам угодно?

Дудкин. Где моя жена?

Директор. Ради бога, успокойтесь!

Дудкин. Вы мне только скажите: она здесь или не здесь?

Директор. Здесь.

Дудкин. Слава богу! В таком случае как можно скорее попросите ее сюда. Или лучше я к ней пойду сам...

Директор. Пожалуйста, как угодно. Только сначала успокойтесь...

Дудкин. Где она?

Директор. Я вас умоляю, сначала успокойтесь и разденьтесь.

Швейцар. А то вы нарушите...

Дудкин. Да, да. Конечно, пардон, я разденусь. Извините, придется... Только скорее... В противном случае я ни за что не ручаюсь. Может произойти большое несчастье...

Директор. Идите, идите... Я разыщу Зою Валентиновну.

Дудкин. Только, ради бога, скорее... Только, ради всего святого... Происходит что-то ужасное...

Директор. И главное — где? У нас в «Сыроежках»! Боже мой! Боже мой!

Входит К л а в а.

К л а в а. Ну, вот и я! Костечка, ты без меня не сильно скучал? Ах, как тебе идет пижама! Я даже тебя не узнала.

К о с т я. Клавдия Васильевна, не до красивых слов! Пожалуйте!

К л а в а. Что это?

К о с т я. Это ваши насквозь фальшивые радиogramмы с Большой земли на борт ледокольного парохода «Фарлаф». Возьмите их обратно...

К л а в а. Костя, ты что?

К о с т я. Товарищ Игнатюк, прошу вас не говорить мне «ты» и не называть Костей. Дурак я был, что держал их у себя на груди восемнадцать месяцев.

К л а в а. Костя!

К о с т я. Я больше для вас не Костя! Я для вас товарищ Галушкин, и ничего больше. Прощайте!

К л а в а. Ты что, с ума сошел?

К о с т я. Клавдия, не подходи ко мне! Не прикасайся! Ты видишь, у меня нервы и так натянуты!

К л а в а. У тебя дрожат руки. Тебе действительно надо лечиться.

К о с т я. Нет, Клавдия Васильевна, мне теперь никакое лекарство не поможет...

К л а в а. Костечка, голубчик...

К о с т я. Не называй меня больше Костей. Понятно?

К л а в а. Но почему же, почему?

К о с т я. Недаром же я сомневался! Недаром ко мне приходили разные мысли... Так оно и вышло. Обманщица!

К л а в а. Чем же я тебя обманула?

К о с т я. Муж борется в арктических льдах, а ты себе на Большой земле другого нашла.

К л а в а. Кто?

К о с т я. Ты! Я все знаю!

К л а в а. Что же ты знаешь?

К о с т я. Все! Не думал я, что у вас такая слабая этика, Клавдия Васильевна!..

К л а в а. Костя, послушай...

К о с т я. Не желаю с вами разговаривать.

К л а в а. Костя!

К о с т я. Не прикасайтесь ко мне, Клавдия Васильевна, не расстраивайте меня. Кончено, кончено!.. *(Уходит.)*

Д и р е к т о р. Ужас! Ужас!

К л а в а. Вы знаете, я прямо не знаю: что мне делать? Он там себе окончательно испортил нервы. Прямо-таки сгорел человек! Бросается на своих.

Д и р е к т о р. Кто?

К л а в а. Мой супруг. У него припадок.

Д и р е к т о р. Я же вам говорила...

К л а в а. А я сначала ничего не заметила такого... Наоборот, был такой милый, выдержанный. Какое несчастье, какое несчастье! Костечка, Костя! *(Уходит.)*

Входит М и у с о в .

Д и р е к т о р. Товарищ Миусов, вы не знаете, где Зоя Валентиновна?

М и у с о в. Почему я должен знать, где Зоя Валентиновна? Что я ей, сват-брат?

Д и р е к т о р. Товарищ Миусов, я думала, что вы друзья...

М и у с о в. Это она мне? Друзья? Я не давал никаких поводов... Вот несчастье! Я сюда приехал отдохнуть, а меня мучают! Оставьте меня в покое!

Д и р е к т о р. Ради бога, простите, но дело в том, что сюда приехал профессор Дудкин...

М и у с о в. Кто?!

Д и р е к т о р. Профессор Дудкин...

М и у с о в. Куда? Сюда? В «Сыроежки»?!

Д и р е к т о р. В том-то и дело. Приехал в ужасно возбужденном состоянии и требует Зою Валентиновну...

М и у с о в. Дудкин? В возбужденном состоянии? Подождите, куда вы уходите? Послушайте!!

Появляется З а й ц е в.

З а й ц е в. Стойте! Вы Миусов?

М и у с о в. Боже мой, это Дудкин!

З а й ц е в. Я вас спрашиваю: вы Миусов?

М и у с о в. Даю вам честное, благородное слово...

З а й ц е в. Говорите: вы Миусов? Я все равно узнаю...

М и у с о в. Я...

З а й ц е в. Ага!

М и у с о в. Клянусь жизнью, я к этому не имею никакого отношения!

З а й ц е в. Вы не имеете отношения? Товарищ Миусов, зачем же вы меня обманываете?

М и у с о в. Я вас не обманываю.

З а й ц е в. Кто же тогда имеет отношение, если не вы?

М и у с о в. Кто — не знаю, но не я.

З а й ц е в. Пожалуйста, прошу вас... Не ради меня, ради детей!

М и у с о в. Слушайте, профессор, не надо! Я вас очень прошу, не надо!

З а й ц е в. Нет, надо! Постойте! Надо!!

М и у с о в. Слушайте...

З а й ц е в. Вот.

М и у с о в. Это не я писал... клянусь вам чем угодно!

З а й ц е в. Ну да, я знаю. Это я писал. А вы будете писать вот здесь!.. Стойте!..

М и у с о в. Профессор, не стреляйте. Послушайте...

З а й ц е в. Куда? Куда? Нет, подождите! Теперь вы от меня не уйдете!!

ЯВЛЕНИЕ XX

Входит врач с медицинским персоналом и хватает Зайцева.

Врач. Голубчик, успокойтесь.

Зайцев. Пустите меня! Товарищ Миусов, куда же вы? Войдите в положение!

Врач. Надевайте.

На Зайцева надевают электрическую аппаратуру.

Зайцев. Пустите! Сегодня воскресенье, седьмое...

Врач. Включайте!

Включают аппарат. Зайцев осыпан электрическими искрами. Волосы его стоят дыбом.

Зайцев. Товарищ Миусов, идите сюда! Завтра понедельник, восьмое, послезавтра вторник, девятое. База закрывается на капитальный ремонт девятого. Пустите меня! Посочувствуйте детям! Посочувствуйте детям!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Там же. Рояль. Большие стоячие часы. Прямо против зрителя дверь в комнату Клавы Игнатиук. Сбоку дверь в комнату Дудкиной.

ЯВЛЕНИЕ I

Дудкина за роялем. Она играет и поет романс: «В крови горит огонь желанья, душа тобой уязвлена, лобзай меня, твои лобзанья мне слаще мирра и вина».

ЯВЛЕНИЕ II

Входит Миусов.

Миусов (*возбужденно*). Слушайте... Он здесь!

Дудкина. Кто?

Миусов. Профессор Дудкин.

Дудкина. Да? Это меня не удивляет.

Миусов. Слушайте, как вы можете говорить так спокойно? Перестаньте играть. Я вам говорю: профессор Дудкин здесь. Он только что бросился на меня с оружием.

Дудкина. Да? Bravo! Bravo! Этого надо было ожидать. Узнаю Дудкина.

Миусов. Он меня убьет.

Дудкина. Вполне естественно.

Миусов. Что «вполне естественно»? Вы сошли с ума! Я не желаю! Что я сделал? Объясните мне, ради бога, что я сделал!

Дудкина. Вы ничего не сделали. Логика борьбы. Один самец убивает другого самца из-за красивой самки. Такова жизнь.

Миусов. Я не самец.

Дудкина. Нет, Миусов, вы самец. За любовь надо платить кровью.

Миусов. За какую любовь? Зоя Валентиновна! Как вам не стыдно! Вы же отлично знаете, что между нами, так сказать, ничего не было.

Дудкина. Да, я это знаю. Но ведь Дудкин не знает.

Миусов. Так сейчас же идите и скажите ему всю правду, а то он черт знает что наделает. Он совершенно невменяем.

Дудкина. Нет, я этого не сделаю.

Миусов. Но почему же?

Дудкина. Дудкин всегда должен чувствовать, что он каждую секунду может потерять меня. Только тогда он по-настоящему будет дорожить мною. В этом дьявольская острота.

Миусов. Слушайте, вы меня ужасаете. Идите сейчас же и скажите ему правду.

Дудкина. Зачем разбивать иллюзии? Я ненавижу скучную, прозаическую правду. Я влюблена в красивую ложь.

Миусов. Что? В красивую ложь? А вот я сейчас позвоню в милицию, тогда вы узнаете красивую ложь. Я приехал сюда, чтобы отдохнуть, а вместо этого за мной бегают с оружием в руках сумасшедший профессор. Слышите? Довольно!

Дудкина. Боже, до чего вы скучны! В вас совершенно нет романтики. И этого человека я любила!

Миусов (*яростно*). Зачем вы врете! (*Прислушивается к голосам.*) Это Дудкин. Сюда идет Дудкин, слышите? Сейчас же идите и успокойте вашего мужа! Я требую!

Дудкина. Что? (*Обдаёт его леденящим презрительным взглядом.*) Вы требуете?

Миусов. Я извиняюсь... Ну, я прошу, Зоя Валентиновна. Я умоляю!

Дудкина (*томно*). Прощайте, Миусов.

Миусов. Нет, не прощайте! Позвольте! Слушайте, куда же вы уходите? Заварили кашу, а теперь уходите?

Дудкина. Боже, как я в вас ошиблась!

Миусов. Зоя Валентиновна!

Дудкина. Зачем вы меня преследуете? Оставьте меня, скучный человек!

Миусов. Зоя Валентиновна! *(Хватает ее за руку.)*

Дудкина. Не троньте меня. Я замужем. Я буду кричать.

Миусов. Вы меня ужасаете!

Дудкина. Поздно! *(Величественно скрывается.)*

ЯВЛЕНИЕ III

Миусов один. Тоскливо мыкается по сцене. Слышны приближающиеся голоса, среди которых выделяется голос Зайцева.

Миусов. Дудкин! Куда бежать? Ах, черт бы вас всех побрал!.. Будь проклят тот день, когда я приехал в этот сумасшедший дом! *(Прячется в часы.)*

ЯВЛЕНИЕ IV

Входят Зайцев, врач, директор.

Зайцев. Где Миусов? Дайте мне Миусова! *(Кричит.)* Миусов!

Врач. Успокойтесь, успокойтесь! Будет вам и Миусов, будет вам и все. Ну вот, видите, ничего ужасного не произошло. После первой же электризации ваши нервы совершенно успокоились. Вам ведь теперь лучше?

Зайцев. Г...гораздо... *(Дергается.)* Т...только... м... меня почему-то н...немножко д...дергает. Наверное, из меня еще не все электричество вышло, правда? Куда вы меня ведете?

Директор. В вашу комнату. Вот она. *(Показывает на дверь.)* Это лучшая наша комната. Мы ее специально для вас и для Клавдии Васильевны...

Зайцев. Клавдия Васильевна — это моя жена? Да?

Директор. Ну, конечно... *(В сторону.)* У него совершенно отшибло память. *(Ему.)* Припоминаете?

Зайцев. Припоминаю. *(Тяжело вздыхая.)* Ох, боже мой, боже мой!

Врач. Сейчас мы вас разденем и уложим.

Зайцев. А Миусов?

В р а ч. Часочек полежите, отдохните, а потом будем искать Миусова.

З а й ц е в (*смотрит на часы*). Боже мой! Уже восемь часов!

Д и р е к т о р. Нет, эти часы стоят. Они стоят уже более ста лет. Историческая вещь. Одна из наших достопримечательностей.

В р а ч. Пожалуйте. (*Открывает широко дверь, так, что зрителям хорошо видна внутренность комнаты — кровати, умывальник и т. д.*) Немножко сосните, а потом попробуем применить к вам термическую обработку... (*Вводит Зайцева в комнату.*)

З а й ц е в. Термическую обработку! Только, ради бога, пожалуйста, не надо меня больше обрабатывать. Я совершенно здоров. У меня чудное настроение.

В р а ч. Неужели?

З а й ц е в. Ха-ха-ха! Видите, я даже смеюсь. Ха-ха-ха!

В р а ч. Это нервный смех.

З а й ц е в. Честное слово, не нервный. Веселый, жизнерадостный смех. Видите? Ха-ха-ха! Правда?

В р а ч. Правда, правда. Раздевайтесь, ложитесь в постельку. (*Закрывает дверь.*)

ЯВЛЕНИЕ V

Д и р е к т о р (одна). Миусов осторожно выглядывает из часов, видит директора и сейчас же прячется. Директор не видит его.

Д и р е к т о р (*тяжело вздыхая*). Адская головная боль! Что я хотела? Что мне надо было сделать? Что-то надо было сделать, а что — я совершенно забыла. Да! Торт... торт... от имени персонала нашего дома отдыха. Это будет просто и мило.

ЯВЛЕНИЕ VI

Входит швейцар.

Ш в е й ц а р (*возбужденно*). Вера Карповна!

Д и р е к т о р. Ну, что еще случилось?

Ш в е й ц а р. Там внизу какая-то гражданка. Приехала и скандалит. Мы не знаем, что делать.

Д и р е к т о р. Какая гражданка?

Ш в е й ц а р. Не знаю. Из себя пожилая. Вроде домашняя хозяйка. Требуется, чтобы ее сейчас же пропустили к товарищу Зайцеву. «Я, кричит, его жена, и вы не имеете права меня задерживать!»

Д и р е к т о р. Роза Еремеевна?

Ш в е й ц а р. Во-во! Роза Еремеевна. Она.

Д и р е к т о р. Ох! Этого еще недоставало! Ну и денек, доложу я вам!.. *(Быстро уходит вместе с швейцаром.)*

ЯВЛЕНИЕ VII

Сцена пуста. М и у с о в выглядывает из часов, хочет выйти, но вдруг выходит из комнаты Зайцева в р а ч.

В р а ч. Кажется, уснул.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Входит Д у д к и н.

Д у д к и н. Простите, вы не знаете, где моя жена?
Я Дудкин.

В р а ч. Зоя Валентиновна?

Д у д к и н. Совершенно верно. Где она? Мне ее немедленно нужно видеть.

В р а ч. Вот ее комната. *(Показывает на боковую дверь.)*

Д у д к и н. В противном случае произойдет большое несчастье.

Врач уходит. Дудкин стучит в дверь.

Г о л о с Д у д к и н о й. Что вам угодно?

Д у д к и н. Зочка, ради бога... Это я.

Г о л о с Д у д к и н о й. Кто — я?

Д у д к и н. Это я, Вася. Скорее!

ЯВЛЕНИЕ IX

Появляется Д у д к и н а.

Д у д к и н а. Это вы? Впрочем, меня уже предупредили, что вы здесь. Но что с вами? Вы так возбуждены... Кажется, вы ревнуете? Вы преследуете меня по пятам. Вы следите за мной. Вы боитесь меня потерять. Bravo, Дудкин, bravo!

Д у д к и н. Зочка, ради бога! Может произойти большое несчастье.

Д у д к и н а. Не бойтесь. Несчастье могло произойти, но оно не произойдет.

Д у д к и н. Нет, произойдет. Оно непременно произойдет.

Д у д к и н а. Пока будьте спокойны. Пожар не успел вспыхнуть.

Д у д к и н. Да, пожара еще нет, но когда выкипит весь кофе и кофейник распаяется...

Д у д к и н а. Выкипит кофе? Что вы мелете?

Д у д к и н. Только ты, Зоенька, ради бога не сердись. Дело в том, что я поставил кофе на электрическую плитку, а сам...

Д у д к и н а. А сам? Говори, что ты сделал сам?

Д у д к и н. А сам пошел...

Д у д к и н а (*быстро*). За папиросами?

Д у д к и н. За папиросами.

Д у д к и н а. И захлопнул дверь?

Д у д к и н. И захлопнул дверь.

Д у д к и н а. И забыл дома ключ?

Д у д к и н. И забыл дома ключ.

Д у д к и н а. Так я и знала! Колпак! Теперь пожар!

Д у д к и н. Пожара еще нет.

Д у д к и н а. Пожар будет! Боже мой! Так я и знала. Ну вот, так я и знала! А ты что! Зачем ты сюда приехал?

Д у д к и н. За ключом.

Д у д к и н а. Ты должен был взломать дверь.

Д у д к и н. Я пробовал. Ничего не вышло. Я только оторвал ручку. И вот я приехал за ключом.

Д у д к и н а. А почему ты не позвал дворника?

Д у д к и н. Дворник, Зоенька, выходной.

Д у д к и н а. О, колпак! Колпак! В домоуправление ты ходил?

Д у д к и н. Не ходил.

Д у д к и н а. Почему?

Д у д к и н. Я не знаю. Я так растерялся...

Д у д к и н а. Ты растерялся? Боже мой! В квартире пожар, а он растерялся. Вот тусклый человек! Ты понимаешь, что ты наделал? Там мое норковое полуманто.

Д у д к и н. Там мои рукописи — третья часть «Истории Рима и Греции». Единственный экземпляр.

Д у д к и н а. Где?

Д у д к и н. Под электрической плиткой. Они сгорят в первую очередь.

Д у д к и н а. Они сгорят! Они не сгорят, а сгорит мое норковое полуманто! Сгорит столовая карельской березы, сгорят Репин, Айвазовский, Боровиковский, Маковский, Судейкин, Левитан, тэт-а-тэт, псише, парчовые портьеры... О, маниак! Он не может, видите ли, работать без

папирос и без черного кофе! А еще профессор! О, как я тебя ненавижу! Бальзак!

Д у д к и н. Что ты горячишься, Зоенька? Куда ты?

Д у д к и н а. Здесь есть городской телефон. Надо сейчас же звонить в домоуправление. Боже мой! Мое норковое полуманто, моя карельская береза!.. *(Убегает.)*

Д у д к и н. Зоенька!.. Зоенька! *(Идет вслед за ней.)*

ЯВЛЕНИЕ X

М и у с о в осторожно выглядывает из часов.

ЯВЛЕНИЕ XI

З а й ц е в осторожно выглядывает из двери, не видит Миусова.
Миусов видит Зайцева.

М и у с о в. Ай, Дудкин! *(Прячется.)*

ЯВЛЕНИЕ XII

З а й ц е в. Кажется, никого нет. Больше нельзя терять ни одной минуты, а то ко мне сейчас же начнут применять общий кварц, и тогда я окончательно потеряю Миусова. Скорей, скорей! *(Спешно собирает вещи.)*

ЯВЛЕНИЕ XIII

М и у с о в выглядывает из часов, осторожно выходит из них.

ЯВЛЕНИЕ XIV

З а й ц е в с вещами под мышкой опять появляется в дверях, не видя Миусова.

ЯВЛЕНИЕ XV

Миусов вдруг видит Зайцева, вскакивает в часы и захлопывает дверцу.

ЯВЛЕНИЕ XVI

З а й ц е в *(пугается стука дверцы)*. Ай! Что такое? Стреляют? *(Озирается.)* У меня уже, кажется, начинаются галлюцинации слуха. *(Пробирается к выходу.)* Сей-

час я поймаю Миусова, получу резолюцию — и домой! Как можно скорее. Домой, к Розе Еремеевне...

За сценой слышны голоса Клавы и Кости.

Сюда идут! Товарищ Игнатюк! *(Стремительно вбегают в комнату и закрывают за собой дверь.)*

ЯВЛЕНИЕ XVII

Входят Клава и Костя.

Клава. Костечка, да ты подожди. Ты меня послушай. Можешь ты меня выслушать?

Костя. Нам больше не о чем говорить.

Клава. Ты мне только скажи одно: чем я тебя обманула?

Костя. А ты не знаешь чем? При живом муже за другого замуж вышла.

Клава. Я вышла замуж за другого?!

Костя. Конечно.

Клава. Вот несчастье! Вбил себе человек в голову. Ну, как же мне тебе доказать? Это же чистая ерунда.

Костя. Нет, я знаю.

Клава. Откуда же ты знаешь?

Костя. Мне сказали.

Клава. Кто?

Костя. Сказали добрые люди. Спасибо. Открыли на тебя глаза.

Клава. Кто же сказал?

Костя. Швейцар.

Клава. Костечка, ты в самом деле больной. У тебя мания. Какой швейцар?

Костя. Здешний. Сыроежкинский.

Клава. Что же он тебе сказал?

Костя. Сказал: «Супруг Клавы Игнатюк».

Клава. Кто супруг Клавы Игнатюк?

Костя. Я не знаю. Швейцар не сказал. Тебе лучше знать. «У нас, говорит, отдыхает Клава Игнатюк со своим супругом». Кажется, довольно прозрачно. «Супруг Клавы Игнатюк, говорит, известный человек, ходит в пижаме». Вопрос исчерпан.

Клава. Известный человек? Костечка... Пстой! *(Начинает смеяться.)* Муж Клавы Игнатюк... Швейцар... Известный человек... Ой, Костечка, ты меня убиваешь!.. Ой, я больше не в состоянии!.. *(Хохочет.)*

К о с т я. Вам это так смешно?

К л а в а. Ну, конечно... Ой, не могу!.. Швейцар!.. Известный человек!..

К о с т я. Прощайте, Клавдия Васильевна, смейтесь одна.

К л а в а. Костечка, подожди. Можешь ты ответить мне на один вопрос?

К о с т я. Нам больше не о чем с вами разговаривать.

К л а в а. Одно только слово! Когда ты приехал, ты сказал швейцару, кто ты такой?

К о с т я. Ну, сказал.

К л а в а. Как же ты сказал?

К о с т я. Сказал — Галушкин.

К л а в а. А что я — твоя жена, сказал?

К о с т я. Не сказал.

К л а в а. Ну?

К о с т я. Что «ну»?

К л а в а. Не соображаешь?

К о с т я. Нет.

К л а в а. Плохо дело. Тогда тебя действительно надо в мешок и на крышу. Напрягись. Ну! Не можешь? Эх, ты! Слушай. Я приезжаю сюда, в «Сыроежки», и говорю, что буду отдыхать здесь с мужем. Костя, так?

К о с т я. Так.

К л а в а. Ты приезжаешь и спрашиваешь: «Клава Игнатюк здесь?» Тебе говорят: «Здесь». Верно?

К о с т я. Верно.

К л а в а. Причем учти: ты не говоришь, что ты мой муж. Да?

К о с т я. Да.

К л а в а. Значит, все знают, что я здесь с мужем, но никто не знает, кто мой муж. Так?

К о с т я. Так.

К л а в а. Что же тут удивительного в том, что швейцар сказал тебе, что здесь Клава Игнатюк с супругом? Все правильно. Клава Игнатюк с супругом и есть. Так?

К о с т я. Ну, допустим, что так. *(Подозрительно.)* Только все-таки что-то ты крутишь...

К л а в а. Теперь вопрос: кто муж Клавы Игнатюк?

К о с т я. Ты меня спрашиваешь?

К л а в а. Тебя.

К о с т я *(грозно)*. Это я тебя спрашиваю: кто?

К л а в а. Опять двадцать пять! Неужели ты до сих пор не сообразил, кто муж Клавы Игнатюк? Ты. Понимаешь? Ты. Ты сам и есть муж Клавы Игнатюк.

К о с т я. Я?

К л а в а. Конечно.

К о с т я. А ей-богу, так оно и выходит — я. Конечно. Действительно, я. Стой! А как же швейцар сказал, что он известный человек?

К л а в а. А ты разве, Костечка, не известный человек?

К о с т я. Какой же я известный?

К л а в а. Как же! Герой Арктики, кочегар и вместе с тем помощник гидролога. Тобой смело можно гордиться. Про тебя и в газете было. Стало быть, ты известный.

К о с т я. Верно! Вот этого я как раз и не сообразил.

К л а в а. Теперь тебе все ясно?

К о с т я. Все ясно.

К л а в а. Слава богу!

К о с т я. Клавдюшенька, ты на меня не сердисься?

К л а в а. Может быть, и стоило бы, но не могу. Забирай обратно мои телеграммы.

К о с т я. Голубочка моя!

К л а в а. Вот видишь, дурачок, как все хорошо.

Нежно целуются.

ЯВЛЕНИЕ XVIII

Входит Ш у р а.

Ш у р а. Ох, опять извиняюсь...

Клава и Костя смущены.

Товарищ Галушкин, ванна готова.

К о с т я. Вот как жалко! А нельзя немножечко потом?

Ш у р а. Уже сосновый экстракт положили.

К л а в а. Надо идти, неудобно.

К о с т я. Я быстренько, в пять минут проверну. Пять минут, Клавочка, подождешь?

Ш у р а. Восемнадцать месяцев ждала, а еще лишние пять минут — это не составляет.

К л а в а. Конечно. Как-нибудь переживу.

К о с т я. Пока.

К л а в а. Пока. Не утони там.

Ш у р а (*уходя*). До чего ж выдающийся супруг! На красоту!

Шура и Костя уходят.

Входит директор.

Директор (*очень взволнованная*). Товарищ Игнатюк, ваш супруг отдыхает?

Клавя. Нет. Принимает ванну с сосновым экстрактом.

Директор. Как его нервы? Успокоились?

Клавя. Более или менее. Но все-таки еще очень держится. Вот что наделала с человеком Арктика.

Директор. Клавдия Васильевна, мне кажется, что тут дело не в Арктике!

Клавя. Не в Арктике? А в чем же?

Директор. Вы меня простите, но тут, кажется, дело в неудачной семейной жизни.

Клавя. Ну что вы! Семейная жизнь вполне удачная. Конечно, иногда бывают маленькие недоразумения, но, в общем, это ерунда.

Директор. Вы думаете? Нет, Клавдия Васильевна, к сожалению, это не ерунда. По-моему, ваш супруг чрезвычайно болезненно переживает разрыв с Розой Еремеевной.

Клавя. Кто это Роза Еремеевна?

Директор. Вы не знаете?

Клавя. Первый раз слышу.

Директор. Ах, тогда мне не надо было вам говорить! Простите... (*Хочет уйти.*)

Клавя. Нет, постойте. Я хочу знать: кто это Роза Еремеевна?

Директор. Умоляю вас, не ставьте меня в щекотливое положение. Не заставляйте меня открывать чужую тайну.

Клавя (*грозно*). Кто это Роза Еремеевна?

Директор. Ну, если вы так настаиваете...

Клавя. Да, я настаиваю. Сейчас же говорите, кто это Роза Еремеевна!

Директор. Его супруга.

Клавя. Кого супруга?

Директор. Супруга вашего мужа.

Клавя. Что?!

Директор. То есть, так сказать, первая супруга вашего супруга.

Клавя. Что вы! Что вы! У него никогда не было никакой другой супруги. Я наверное знаю. Он мне никогда не говорил.

Д и р е к т о р. Значит, скрывал.

К л а в а. Не может быть!

Д и р е к т о р. К сожалению, это абсолютный факт. У человека две жены. И эта двойственность, очевидно, сильно влияет на его психику. Кроме того, он страдает без детей.

К л а в а. Без каких детей?

Д и р е к т о р. Гм... Странно... Мне кажется, это ясно: без своих детей.

К л а в а. Разве есть дети?

Д и р е к т о р. Ну да. Конечно.

К л а в а. Что вы говорите!

Д и р е к т о р. В том-то и дело. Их от него оторвали. Вы понимаете? Тут никакие нервы не выдержат. Родного отца оторвали от родных детей.

К л а в а. Господи!.. И много детей?

Д и р е к т о р. Масса. То есть, во всяком случае, не двое и не трое, а больше.

К л а в а. Вы это наверное знаете?

Д и р е к т о р. Ну как же! Только что, буквально пять минут тому назад, у меня были тяжелые объяснения с этой женщиной, с Розой Еремеевной, с женой вашего мужа.

К л а в а. Она здесь?

Д и р е к т о р. Ну да. В том-то и дело. Она только что приехала. Она, оказывается, тоже ничего не знала. Это для нее полнейшая неожиданность. Вы представляете? Она в таком состоянии, что я просто не знаю, чем все это кончится. Я пришла специально предупредить вашего супруга.

К л а в а. Не надо. Я сама с ним буду говорить. Я сама.

Д и р е к т о р. Но вы, кажется, сильно взволнованы?

К л а в а. Это ничего. Я соберусь.

Д и р е к т о р. Так что вы понимаете, что тут дело далеко не в Арктике. Дело в личных душевных переживаниях. Бедненькая!

К л а в а. Только, ради бога, не жалейте меня. Это мне хуже всего на свете, когда меня жалеют.

Д и р е к т о р. Я вам советую говорить с ним твердо и определенно. Или — или. Во-первых, вы ему скажите...

К л а в а (*перебивая ее*). Он сам должен мне все сказать.

Д и р е к т о р. Клавдия Васильевна, вы не знаете мужчин. А я, увы, знаю. Он вам первый ничего не скажет.

К л а в а. Скажет. Не может не сказать. Если у него есть хоть какое-нибудь чувство, должен сказать.

Д и р е к т о р. Сильно сомневаюсь.

К л а в а. Я вас очень прошу — идите. Мне сейчас очень трудно с вами разговаривать. Извините. Мне надо собраться.

Д и р е к т о р. Уверяю вас, что я не имела понятия, что вы ничего не знаете.

К л а в а. Ради бога, идите, идите себе!

Д и р е к т о р. Простите. Какая неприятность! И главное — где! Боже мой! В «Сыроежках»! Кошмарный случай! Ужасный день! (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ XX

К л а в а (*одна*). Прямо не верится. Прямо-таки не верится.

ЯВЛЕНИЕ XXI

Входит К о с т я.

К о с т я. Видишь, не утонул. Понюхай, как от меня сосновым экстрактом пахнет. Замечательно! Ну, Клавочка, теперь уже, надеюсь, нам никто не мешает. Как же ты, голубочка, без меня поживала? Рассказывай.

К л а в а. Подожди, Костя.

К о с т я. Восемнадцать месяцев ждал. Будет. Ну, Клавочка!!

К л а в а. Не надо.

К о с т я. Как же не надо, когда надо, Клавочка!

К л а в а. Костя, тебя ничего не беспокоит?

К о с т я. Нет. А что?

К л а в а. У тебя ничего не лежит на душе?

К о с т я. Как это — лежит на душе?

К л а в а. Какая-нибудь тяжесть, неприятность?

К о с т я. У меня?

К л а в а. Ну да. Ты от меня ничего не скрываешь?

К о с т я. Что же я от тебя могу скрывать, Клавдюшенька?

К л а в а. Костя, я тебя очень прошу отнестись к этому с полной серьезностью. Если у тебя что-нибудь есть, скажи мне. Скажи мне сам.

К о с т я. Клавонька, я не понимаю, что я тебе должен сказать.

К л а в а. Ты не понимаешь? Тебе нечего сказать?

К о с т я. Ей-богу, Клавдия, ты меня просто удивляешь.

К л а в а. Почему же ты стал красный?

К о с т я. Красный? Это, наверное, после ванны.

К л а в а. Нет, Костя, ванна тут ни при чем.

К о с т я. А что же?

К л а в а. Вот я и хочу, чтобы ты мне сказал — что.

К о с т я. Клава, не тяни из меня жилы. Что тебе надо?

Говори прямо.

К л а в а. Слушай, Константин, ты любовью не играй. Шутить не надо. Мы с тобой не только, как говорится, супруги, не только муж и жена, мы прежде всего товарищи. Отнесемся друг к другу серьезно, по-товарищески. Не надо играть комедию. Мы не в театре.

К о с т я. Чго такое? Что случилось?

К л а в а. И у тебя хватает совести спрашивать!

К о с т я. Что я сделал?

К л а в а. Ты ничего не сделал. Ты абсолютно ничего не сделал. С твоей точки зрения это, наверное, такой пустяк, о котором даже не стоит говорить.

К о с т я. Клава, перестань играть на моих нервах. Они и без того натянутые.

К л а в а. Я знаю, почему они натянутые.

К о с т я. Клавдия, замолчи! Даю тебе честное, благородное слово...

К л а в а. Оставьте при себе ваше честное, благородное слово. Оно мне не нужно. Не требуется.

К о с т я. Клава!

К л а в а. Константин Семенович, я вам больше не Клава. Я ожидала, что вы поступите честно, по-товарищески, правдиво и порядочно. К сожалению, я горько ошиблась. Вы, наверное, думали, что мне ничего не известно. Но вы заблуждаетесь. Я знаю.

К о с т я. Что ты знаешь?

К л а в а. Все. Спасибо, добрые люди открыли мне глаза на твое поведение, на твою черную душу. А еще считаешься передовой советский человек!

К о с т я. Что я сделал?

К л а в а. Ты скрыл от меня, что у тебя есть другая жена.

К о с т я. У меня? Другая жена?

К л а в а. Да, другая жена, Роза Еремеевна.

К о с т я. Какая Роза Еремеевна?

К л а в а. Перестань вилять. Противно. Недостойно.

Ты обманул ее, и ты обманул меня. Теперь мне понятно все твое нервное поведение.

К о с т я. Это неправда!

К л а в а. Ах, неправда? Может быть, и дети тоже неправда?

К о с т я. Какие дети?

К л а в а. Твои дети, которых ты так грубо и бессердечно бросил на произвол судьбы. Молчи! Ну, хорошо, ты обманул двух женщин, пусть это лежит на твоей совести. Но ты бросил детей. Ты лишил их отца. За что же должны страдать детки? Ни в чем не повинные маленькие деточки? Ты подумал об этом? Молчи! Я так тебя ждала. Я тебя любила. Я так на тебя надеялась. Вот, я думала, хоть денек проведу с любимым человеком среди этих красивых пейзажей, в этом тихом, милом доме отдыха... И вместо этого такой обман, такой некрасивый случай... Но главное — деточки. Чем деточки виноваты?.. Маленькие деточки... *(Вытирает слезы, плачет тихо.)*

К о с т я. Клава, Клавдюшенька, клянусь тебе!

К л а в а. У тебя еще хватает совести давать клятвы!

К о с т я. Клава, слушай, можешь мне верить, можешь не верить, но клянусь тебе счастьем, что все это чистая неправда!

К л а в а. Ты клянешься счастьем? Ах, не надо красивых слов... *(Идет к двери своей комнаты.)*

К о с т я. Клава! *(Хватает ее за руку.)*

К л а в а. Не трогай меня.

К о с т я. Куда же ты?

К л а в а. К себе в комнату. Нам не о чем больше говорить.

К о с т я. Постой! Слышишь — клянусь тебе всем святым! Клянусь тебе жизнью! Ты же видишь, что здесь все время происходит какая-то ужасная ерунда. Клавочка, ну, посмотри мне в глаза! Ну, разве похоже, что я тебя обманываю? Ты же меня знаешь. Голубочка моя!

К л а в а. Ты клянешься?

К о с т я. Чем хочешь клянусь! Сердцем своим клянусь! Отцом, матерью клянусь. Пусть меня, если я вру, вот сейчас, на этом самом месте, громом уьет...

ЯВЛЕНИЕ XXII

Входит Роза Еремеевна.

Р о з а Е р е м е е в н а. Вы Клава Игнатюк?

К л а в а. Я.

Роза Еремеевна. Отдайте мне моего мужа!

Клава. Кто вы такая?

Роза Еремеевна. Роза Еремеевна.

Костя. Клава, клянусь...

Клава. Довольно, хватит.

Роза Еремеевна. Товарищ Клава Игнатюк, я все знаю. О, поверьте! О, поверьте! Вы молодая, вы красивая, вы известная. Понятно, что он увлекся вами и потерял голову. Я не обвиняю вас. Это так естественно. Но, товарищ Игнатюк, войдите в мое положение: вы видите, я плачу. Я прожила с ним всю жизнь. У нас дети — два мальчика школьного возраста и один дошкольник. Пожалейте нас. Я знаю, у вас золотое сердце. Отдайте мне моего мужа, отдайте детям их отца!.. *(Становится на колени и плачет.)*

Клава. Роза Еремеевна, ради бога... Что вы делаете? Не надо. Уверю вас, что я ничего не знала. Он обманул меня так же, как и вас.

Костя. Клава, честное, благородное слово!..

Клава. Мне противно на вас смотреть.

Роза Еремеевна. Отдайте мне его! Отдайте мне его! Зачем он вам нужен? Вы себе найдете другого, гораздо лучше.

Клава. Вы правы, Роза Еремеевна. Возьмите его, вот он. Возьмите его.

Роза Еремеевна. Кого вы мне даете? Зачем мне этот молодой человек? Вы у меня взяли Зайцева. Отдайте мне Зайцева!

Клава. Здравствуйте. Я не знаю никакого Зайцева.

Роза Еремеевна. Вы не знаете Зайцева? Вы не знаете Зайцева? И вы думаете, что меня так легко обмануть? Ошибаетесь. Добрые люди открыли мне глаза. Я знаю все. Вы прячете Зайцева. Я уверена, что он отсиживается у вас в комнате.

Костя. У нее в комнате? Ах, вот оно что!

Роза Еремеевна. Да, да, у нее в комнате. Будьте уверены.

Клава. Клянусь...

Костя. Довольно!

Роза Еремеевна. Где ваша комната?

Клава. Уверю вас, в моей комнате никого нет.

Роза Еремеевна. Я вас спрашиваю: где ваша комната?

Костя. Вот ее комната.

К л а в а. Это какая-то ошибка.

Р о з а Е р е м е е в н а. Нет, это не ошибка, это далеко не ошибка!

ЯВЛЕНИЕ XXIII

Входят Д уд к и н а и Д уд к и н.

Д уд к и н а. Скажи спасибо, что я дозвонилась в домоуправление и они взломали дверь, выключили плитку и предотвратили пожар, а то бы все сгорело: Боровиковский, Маковский, Айвазовский, норковое полуманто и парчовые портьеры...

Р о з а Е р е м е е в н а. Товарищи, будьте свидетелями!

Д уд к и н а. Что случилось?

Р о з а Е р е м е е в н а. Что случилось? О, чистые пустяки. Маленькое воскресное приключение пожилого негодяя за городом. *(Стучит в дверь.)* Зайцев, открой! Ты думаешь, что я не знаю, что ты здесь? Сейчас же открой. *(Косте.)* Молодой человек, помогите мне. *(Наваливается на дверь.)*

ЯВЛЕНИЕ XXIV

Дверь с треском открывается.

Р о з а Е р е м е е в н а. Полюбуйтесь!

З а й ц е в. Роза, что ты здесь делаешь?

Р о з а Е р е м е е в н а. Вы слышите? Что я здесь делаю! Нет, ты что здесь делаешь?

З а й ц е в. Получаю резолюцию.

Р о з а Е р е м е е в н а. И что же, получил?

З а й ц е в. Еще не получил.

Р о з а Е р е м е е в н а. Так можешь получить. *(Замахивается сумочкой.)*

З а й ц е в. Роза, за что?

Р о з а Е р е м е е в н а. Вот за то самое. Семейный пожилой человек уходит в воскресенье из дому, как говорит, по неотложному служебному делу. А потом знакомые говорят: видели его в дачном поезде по дороге в дом отдыха «Сыроежки». Что должна делать жена, если это действительно настоящая, любящая жена? Жена должна следовать за своим мужем. Куда муж, туда и жена. Жена следует за своим мужем, приезжает в «Сыроежки» и вдруг

узнает, что ее муж уже не ее муж, а муж другой женщины: Клавды Игнатюк. Красиво?

З а й ц е в. Роза, тише, ради бога! На два слова.

Р о з а Е р е м е е в н а. Оставь свои фокусы. У меня с тобой больше не может быть никаких секретов. Можешь секретничать с ней!

З а й ц е в. Роза, я тебя умоляю!

Р о з а Е р е м е е в н а. Ну, в чем дело?

З а й ц е в. Она не знает.

Р о з а Е р е м е е в н а. Что она не знает?

З а й ц е в. Она не знает, что она моя жена.

К л а в а. Как вы попали в мою комнату? Кто вам позволил? Что все это значит?

З а й ц е в. Товарищ Игнатюк, ради бога, на два слова!

К л а в а. Отстаньте от меня. Кто вы такой? Костя, что этому гражданину от меня надо? Я его абсолютно не знаю.

З а й ц е в (*Розе Еремеевне*). Ты слышишь? Она меня абсолютно не знает.

К о с т я. Поздно, Клавдия Васильевна, больше не обманете.

К л а в а. Товарищи, что же это делается? Костя, Костечка!.. Клянусь тебе всем святым! Жизнью своей клянусь, счастьем клянусь, сердцем клянусь, отцом, матерью клянусь, пусть меня на этом самом месте громом убьет!..

ЯВЛЕНИЕ XXV

Входит делегация от служащих дома отдыха «Сыроежки», в том числе швейцар, врач, директор и повар с большим тортом в виде ледокольного парохода «Фарлаф», затертого во льдах. Большое сахарное пылающее сердце, пронзенное стрелой, с инициалами «З» и «И».

П о в а р (*по бумажке*). Товарищ Игнатюк и товарищ Зайцев! Позвольте от имени коллектива сотрудников нашего дома отдыха номер пятнадцать «Сыроежки» приветствовать в вашем лице не только двух известных людей нашей страны, но также и двух образцовых супругов, исключительно нежных и любящих, которые...

Р о з а Е р е м е е в н а. Что? Ну, это мы еще посмотрим! Только через мой труп... (*Бросается к Зайцеву.*)

З а й ц е в. Роза, не мучь меня, я уже сегодня лежал в мешке, на крыше, мне уже делали общий кварц... (*Хочет бежать.*)

Р о з а Е р е м е е в н а. Нет, стой. (*Хватает торт.*)

Д и р е к т о р. Что вы делаете?

Р о з а Е р е м е е в н а. Я его сейчас убью этим тортом!

Шум, скандал. Зайцев бежит к двери.

ЯВЛЕНИЕ ХХVI

Входит Ш у р а.

Ш у р а (*Зайцеву, который сталкивается с ней в дверях*). Гражданин, вы как сюда попали?

З а й ц е в. Пустите!

Ш у р а. Э, нет, постойте. Гражданин! (*Хватает Зайцева за шиворот.*)

Д и р е к т о р. Шура, что вы делаете? Это муж Клавы Игнатюк!

Ш у р а. Кто муж Клавы Игнатюк? Этот гражданин? Здравствуйте. Муж Клавы Игнатюк — вот он. (*Показывает на Костю.*) Товарищ Галушкин. А это какой-то жулик. Он еще сегодня утром, когда я заменяла Филиппа Максимовича, делал покушение проникнуть в наш дом, морочил мне голову какими-то детскими кроватками, только я его не пустила. А он, видите, все-таки как-то пробрался.

Д и р е к т о р. Что? Так это не муж Клавы Игнатюк?

Ш у р а. Конечно. Какой он ей муж! Разве он похож на такого мужа? Муж — вот он!

Ш в е й ц а р. Они мне сказали, что муж Клавы Игнатюк. Гражданин, вы муж товарища Игнатюк?

З а й ц е в. Нет, я не муж товарища Игнатюк.

К л а в а. Это просто какой-то самозванец.

Д и р е к т о р. Ах, так! (*Грозно.*) Позвольте! Значит, вы самозванец?

З а й ц е в. Да. Я извиняюсь. Я самозванец.

Д и р е к т о р. Товарищи, вы слышите? Это самозванец. И главное — где?! В «Сыроежках»! Самозванец в «Сыроежках»! Вы видели что-нибудь подобное?!

Ш в е й ц а р. А ну, гражданин самозванец...

З а й ц е в. Роза, ты видишь, меня забирают.

Ш в е й ц а р. Пойдем!

Р о з а Е р е м е е в н а. Куда вы хотите вести моего мужа?

Ш в е й ц а р. В милицию.

Р о з а Е р е м е е в н а. Ты — самозванец? Мне дурно! Зачем ты это сделал?

З а й ц е в. Исключительно ради детей. Товарищи, вы-

слушайте меня! У меня не было корыстных побуждений. У меня не было другого выхода. Поймите, сегодня воскресенье, седьмое, завтра понедельник, восьмое...

Ш в е й ц а р. Гражданин, пойдем.

З а й ц е в. Не пойду! Прежде чем я не поймаю Миусова, я никуда не пойду. Заявляю категорически. Слышите! Где Миусов? Сегодня седьмое, завтра восьмое, послезавтра девятое. База закрывается на капитальный ремонт девятого. Если мы обязаны открыть пятнадцатого. Для этого краску необходимо получить не позже десятого. Документы на краску нужно провести через бухгалтерию главного управления не позже десяти восьмого. А без резолюции товарища Миусова это невозможно! Но Миусов приезжает на работу в одиннадцать. Значит, восьмое пропадает. А база закрывается на капитальный ремонт девятого. Остается седьмое, сегодня. Так что если я сегодня не буду иметь на руках резолюции товарища Миусова, то мы останемся без краски. Я должен иметь краску десятого, для меня это вопрос чести. И я буду ее иметь десятого — кровь из носа! Где Миусов? Пусть он напишет: «Выдать», — и тогда ведите меня, куда хотите.

Ш в е й ц а р. Гражданин самозванец, не задерживайтесь.

З а й ц е в. Пустите меня! Где Миусов? Дайте мне Миусова!

К л а в а. В самом деле, товарищ, вы же видите, что человек болеет за свое дело. Не трогайте его. Пусть получит резолюцию.

З а й ц е в. Спасибо вам, товарищ Клава. Большое вам спасибо. Вы меня морально поддержали... *(Кричит.)* Товарищ Миусов! Вот несчастье! Пропал человек! Прямотаки черт знает что! *(С досадой стучит кулаком по часам.)*

В часах возня, и вдруг часы начинают громко и лихорадочно часто бить без счету. Все остолбенели.

ЯВЛЕНИЕ ХХVII

Дверь часов отворяется, и, почти задушенный какими-то цепями и гирями, появляется М и у с о в.

З а й ц е в. А, вы здесь!

М и у с о в. Послушайте...

З а й ц е в. Пишите!

М и у с о в. Ради бога, профессор...

З а й ц е в. Пишите, у меня нет времени. Меня ведут в милицию.

М и у с о в. Писать?

З а й ц е в. Да, пишите.

М и у с о в. Хорошо, профессор, я напишу все, что вы хотите. Что писать?

З а й ц е в. Всего два слова. Вот здесь: «Выдать. Миусов».

М и у с о в. Выдать?

З а й ц е в. Да. Высококачественную белую эмалевую краску.

М и у с о в. Простите, я не совсем... Вы профессор Дудкин?

З а й ц е в. Что вы! Напротив. Я Зайцев. Я вас ловлю целый день и не могу поймать. Но теперь, слава богу, все в порядке.

М и у с о в. Позвольте, значит, вы не Дудкин?

З а й ц е в. Нет, нет! Я Зайцев, агент по снабжению детских домов и яслей инвентарем и ремонтными материалами. Пятнадцатого мы должны открыть во что бы то ни стало ясли в Кошатниковом переулке, все уже есть, но не хватает только высококачественной белой эмалевой краски для маленьких детских кроваточек, тумбочек, вешалочек, стульчиков. Необходима ваша подпись. Все уже согласовано.

М и у с о в. Ах да, я знаю. Как же, в Кошатниковом. Мне докладывали. Так, прекрасно! Сейчас я вам подпишу.

З а й ц е в. Я вас очень прошу. Вот здесь. Извините, что я потревожил вас в воскресенье.

М и у с о в. О, пожалуйста, пожалуйста. Конечно, какие могут быть разговоры, когда дело касается детей. *(Берет карандаш.)*

З а й ц е в. Мерси. Вот тут.

М и у с о в. А то, представьте себе, мне почему-то показалось, что вы профессор Дудкин.

З а й ц е в. Какой же я Дудкин! Разве я похож на Дудкина? Я не Дудкин, а Зайцев.

Д у д к и н. Это я Дудкин.

М и у с о в. Вы Дудкин? *(Со слабым стоном теряет сознание.)*

З а й ц е в. Ох, что вы наделали! Товарищ Миусов! Товарищ Миусов! Очнитесь! Придите в себя! Надо же подписать бумажку! Не слышит. Какое несчастье!

К л а в а *(суетится)*. Вот неприятность! До чего же

здесь, в этих «Сыроежках», все первные! Товарищ Миусов! Придите в себя! Откройте глаза... Хоть на минуточку! Положите резолюцию и тогда можете обратно потерять сознание.

Все стараются привести в сознание Миусова.

Директор. Я сейчас сойду с ума.

Врач. Подождите, я сейчас дам ему понюхать нашатырного спирта.

Зайцев. Сделайте ему общий кварц.

Клавя. Трите ему уши. Трите ему уши. Костя, три ему уши.

Костя. Сейчас.

Миусов (*приходит в себя*). А? Что со мной? Где я?

Директор. Не беспокойтесь. У нас, в доме отдыха «Сыроежки».

Миусов. Кажется, я немножко... Слушайте, я, кажется, сидел в каких-то часах? (*В ужасе видит Дудкина.*) Дудкин!

Дудкин (*ласково*). Ну да, я Дудкин. Почему это вас так волнует?

Миусов. Вы меня хотите убить? Вам, наверное, Зоя Валентиновна наговорила ужасные вещи. Но, ей-богу, все это неправда.

Дудкин (*шепотом*). Голубчик! Конечно, неправда. Ей абсолютно нельзя верить. Успокойтесь. У меня долголетний опыт. Зоя Валентиновна — это, знаете, такая дама...

Дудкина (*подозрительно*). Что ты такое говоришь?

Дудкин. Кошечка, я ничего не говорю. Я только говорю, что ты женщина хорошая, добрая, очаровательная, но с этим самым... (*Он делает неопределенные движения пальцами.*) Но с большими фантазиями. У нее романтический характер.

Миусов. Спасибо вам, спасибо. (*Крепко жмет руку Дудкину.*)

Дудкин. Не за что.

Зайцев. Товарищ Миусов, подпишите.

Миусов. Подписать? Что подписать?

Клавя (*вырывает у Зайцева бумагу*). Я больше не могу. Дайте сюда. Вы не умеете. (*Миусову.*) Пишите. Ну!

Миусов. Где?

Клавя. Здесь.

Миусов. Что?

Клавя. «Выдать. Миусов».

Миусов. С большим удовольствием.
К л а в а. Тисе. Тсс!

Все напряженно ждут, восклицая: «Тсс!»

Миусов (*подписывая*). Прошу вас.

К л а в а. «Выдать. Миусов». Ура! (*Зайцеву.*) Получите.

З а й ц е в. Ух-хх! Слава тебе, господи! Наконец! Вы золото! У вас первоклассное сердце! «Выдать. Миусов». (*Приплясывает.*) Роза, это счастливейшая минута в моей жизни!

К о с т я (*Клаве*). Ты на меня не сердисься?

К л а в а. А ты на меня?

К о с т я. Ну, Клавдюшечка, теперь нам уже, надеюсь, ничто не помешает.

К л а в а. Безусловно.

З а й ц е в. Товарищи, извините за беспокойство. Товарищ Миусов, пока! Роза Еремеевна, пойдем домой!

Д и р е к т о р. Куда вы, товарищ Зайцев? Роза Еремеевна! За этот день мы к вам так привыкли. Оставайтесь здесь. Проведите с нами это чудное воскресенье.

К л а в а. Вы заслуживаете. Оставайтесь.

З а й ц е в (*Клаве.*) Простите меня, Клавдия Васильевна.

К л а в а. С большим удовольствием. Даже поцелую, если Роза Еремеевна разрешит.

З а й ц е в. Это она позволит.

К л а в а. Костя, можно? (*Целует Зайцева.*) Люблю таких людей, как вы.

З а й ц е в а. Каких?

К л а в а. Которые горячо болеют за свое дело.

З а й ц е в. Слышишь, Роза, как меня здесь принимают!

Д и р е к т о р (*слабым голосом*). Оставайтесь. Прошу вас от имени коллектива служащих дома отдыха номер пятнадцать «Сыроежки». Наш дом хоть и небольшой, но тихий, спокойный, обаятельный. Вы нигде так хорошо не отдохнете, как у нас... Не правда ли?

З а н а в е с

ДОМИКЪ

Комедия
в трех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

- Есаулова, председатель городского исполнительного комитета.
Неуходимов, заведующий городским коммунальным хозяйством.
Ваткин, заведующий городским финансовым отделом.
Передышкин, управляющий делами горсовета. Красивый мужчина, который произносит слово *средства* с ударением на последнем слоге.
Шура, машинистка в Конском горсовете, равнодушная к Передышкину.
Персюков, молодой энтузиаст, директор Конского парка культуры и отдыха.
Сарыгина, старуха за семьдесят.
Самохин, редактор газеты «Конская заря».
Девушка - почтальон.
Человек в пальто.
Заведующая аптекой.
Провизор.
Котя, мальчик.
Павликова, областной прокурор.
Голос диктора.
Лейтенант.
Сторож при воздушном шаре.
Посетители выставки и несколько персонажей без слов.

Действие происходит в 30-х годах, весной, летом и осенью, в городе Конске.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Бывший дворянский особняк. Небольшая приемная перед кабинетом председателя городского исполнительного комитета Есауловой в городе Конске. За окнами — май. На сцене за двумя столиками — управляющий делами горсовета *Передышкин* и машинистка *Шура*. Быстро входит *Персюков*.

Персюков. Товарищи, произошло нечто совершенно исключительное!

Шура. Между прочим, принято здороваться.

Персюков. Прошу прощенья. Здравствуй, *Шурочка*, здравствуй, душенька. *(Нежно ее обнимает.)* Девушка нечеловеческой красоты. Чтобы ее не полюбить с первого взгляда — надо иметь железные нервы. *Передышкин*, у тебя каменное сердце. Здравствуй, работяга.

Передышкин. Здравствуй, бродяга.

Персюков. Хозяйка дома?

Передышкин. Дома, у нее совещание.

Персюков. Не имеет значения. *(Берется за ручку двери.)*

Передышкин. Но-но!

Персюков. Милый человек, да ведь я же тебе объясняю русским языком: у нас в городе произошло событие всесоюзного значения... Даже, очень может быть, — мирового. А ты меня не пускаешь.

Передышкин. Подождешь.

Персюков. Мирового. Понятно?

Передышкин. Подождешь. Идет совещание по местному бюджету.

Персюков *(прислушивается к шуму голосов за дверьми, подмигивает на дверь)*. Жуткое зрелище. Сидят три неутомимых труженика на ниве коммунального хозяйства. Не так ли, *Шурочка*? *(Присаживается на край стола и обнимает девушку.)* И увязывают водопровод с

городским транспортом и городской транспорт с канализацией, а тем временем против городского театра каждый божий день тонет от четырех до пяти свинок. Верно, девочка?

Передышкин. У тебя в Парке культуры и отдыха тоже, знаешь, не Рио-де-Жанейро.

Персюков. Моему парку полтора года. Он еще младенец. Подрастет — ахнешь.

Передышкин. Да уж мы на все ахали-ахали.

Персюков. Ну, пусть, дорогой. Ну, я тебя умоляю!

Передышкин. Не сгоришь.

Персюков. Ладно, черствая твоя душа. *(Подходит к двери и кричит в нее.)* Ползите сюда, бабушка. На второй этаж по лестнице. Топайте смелее. Погодите, я вам сейчас пособлю. *(Уходит.)*

Шура и Передышкин.

Передышкин. Ну, жук! Напрасно ты ему позволяешь лишнее.

Шура. Что лишнее?

Передышкин. Различные объятия и все такое. Не эстетично.

Шура. Если он мне нравится.

Передышкин. Нравится? Так я тебя должен предупредить как старший товарищ: он жулик.

Шура. Как жулик?

Передышкин. Очень просто. Жулик. Авантюрист. Я в это не ввожу личных мотивов, но искренне советую тебе — брось Персюкова. Брось. Погибнешь.

Шура. Что я слышу, Передышкин! Да ты просто ревнуешь!

Передышкин. Хотя бы.

Звонок.

(Передышкин срывается с места.) Виноват. *(Уходит в кабинет Есауловой.)*

Шура. Сам ты жук.

Входят Персюков и старуха Сарыгина с узлом.

Персюков. Сюда, бабушка, сюда. Устали малость? Это ничего. Вот вам стульчик. Присядьте. Отдохните. Вот вам газетка. Почитайте. *(Шуре.)* Видела старушку? Так вот заметь себе: через эту старушку наш город прошумит на весь Советский Союз. А то, скорей всего, на весь мир.

(Обнимает девушку.) Можешь не сомневаться. За это я тебе отвечаю. Эта старушка историческая. Именно то, что я искал всю жизнь.

Ш у р а. Между прочим, ты меня все время обнимаешь. Даже неудобно.

П е р с ю к о в. Чисто по-товарищески.

Ш у р а. Тогда это уж и вовсе ни к чему. Что-нибудь одно.

П е р с ю к о в. Понимаю. Конечно. Можешь не сомневаться. На днях оформимся.

Ш у р а. Пожалуйста, Алеша. А то Передышкин мне дышать не дает.

П е р с ю к о в. Сказано — сделано. Как только провернем старушку, так сейчас же и оформимся.

Входят Е с а у л о в а, В а т к и н, Н е у х о д и м о в и П е р е д ы ш к и н.

Е с а у л о в а (Передышкину). Дай-ка нам проектные наметки... (Хрипит.) Фу, даже голос осел... устала... Дай-ка нам проектные наметки по строительству канализации, водопровода и трамвая. Ничего не поделаешь. Будем резать. (Персюкову.) Ну? Ко мне? Чего тебе от моей души надобно?

П е р с ю к о в. Товарищ Есаулова! Ух, братцы! Вы даже себе не можете представить, что произошло!

П е р е д ы ш к и н. Почему же это вы можете представить, а мы не можем?

П е р с ю к о в. Потому, что у вас мало воображения.

П е р е д ы ш к и н. Зато у тебя чересчур много.

Е с а у л о в а. Ну, ладно, ладно. Потом. Я очень занята. В чем дело? Только коротенько.

П е р с ю к о в. У нас нет своей физиономии.

Е с а у л о в а. Чего, чего?

П е р с ю к о в. Только ты меня не перебивай. Лично у нас, может быть, физиономия и есть, но у нашего города абсолютно нет. Вполне серьезно. Ну, что мы из себя представляем? Как гениально выразился Чехов: «Один из городов, расположенных по сю сторону Уральского хребта». Вас это устраивает? Меня это не устраивает!

Е с а у л о в а. И что же из этого следует?

П е р с ю к о в. Только ты меня не перебивай. Рязань — яблоки. Орел — рысаки. Полтава — победа над шведами. Тула — пряники. Ну, положим, пряников уже нет; а винтовки? Лев Толстой? А Ясная Поляна? Наконец, самовары, черт их дери! Клин... Боже мой, ну уж, кажет-

ся, что такое Клин? Такая дыра — еще хуже нашего Конска! А вот — будьте любезны: Чайковский жил. Домик есть. В Вичуге Дуся Виноградова мировой рекорд поставила. В Одессе Буся Гольдштейн родился. А где Бальзак венчался? Вы думаете, может быть, в Париже, в Лондоне, в Венеции? Ничего подобного, в Бердичеве. В Бердичеве! Вдумайтесь в это. А мы что? Ничего. Пустое место. От вокзала десять километров, поезд стоит пять минут, пассажиры смотрят в замурзанное окно и видят на горизонте что-то такое. А что оно такое — хрен его знает. Какой-то Конск. Вас это устраивает? Меня это абсолютно не устраивает!

Е с а у л о в а. Ты что, пришел сюда скандалить?

П е р с ю к о в. Не перебивай.

Е с а у л о в а (*вспылив*). Это не я тебя перебиваю, а ты не даешь мне ни одного слова сказать, черт бы тебя подрал с твоей глоткой. Дашь ты мне наконец говорить или не дашь?

П е р с ю к о в. Вот теперь дам, когда ты заговорила по-человечески, а то кричишь-кричишь, перебиваешь-перебиваешь.

Е с а у л о в а. Так вот, дорогой мой. Ты совершенно прав. Я с тобой абсолютно согласна. Но что же делать, если у нас в городе никто из великих людей не родился, не венчался, не жил, не изобретал, не ставил мировых рекордов? Не могу же я тебе родить Бусю Гольдштейна или женить Оноре де Бальзака, а тем более дать квартиру Чайковскому. И кончим этот бесполезный спор. Я занята и устала. Нету у нас ничего этого. Нету.

П е р с ю к о в. А если бы было?

Е с а у л о в а. Ну, если бы да кабы...

П е р с ю к о в. Но все-таки. Что бы ты тогда делала?

Е с а у л о в а. Была бы очень рада. (*Берет пакки.*)
Нуте-с, товарищи, вернемся к водопроводу.

П е р с ю к о в. И ты это можешь подтвердить перед своими избирателями?

Е с а у л о в а. Что подтвердить?

П е р с ю к о в. То, что ты была бы тогда очень рада!

Е с а у л о в а. Ты видишь — я занята. Ты сегодня какой-то, честное слово, невменяемый.

П е р с ю к о в. Нет, вмменяемый. Говори прямо: можешь ты это подтвердить или не можешь?

Е с а у л о в а. Подтверждаю. Была бы очень рада.

П е р с ю к о в. Товарищи, будьте свидетелями. И ты,

Шурочка, будь свидетелем. Она сказала, что была бы тогда очень рада.

Е с а у л о в а. Была бы очень рада, но, к сожалению, у нас ничего этого нет.

П е р с ю к о в. Есть.

Е с а у л о в а. Что есть?

П е р с ю к о в. Великий человек, который жил в нашем городе.

Е с а у л о в а. Не может быть!

П е р с ю к о в. Не может быть? (*Сарыгиной.*) Бабушка, прошу вас. Подойдите, не робейте.

Е с а у л о в а. Кто это?

П е р с ю к о в. Внучка.

Е с а у л о в а. Ты что — пьян?

П е р с ю к о в. Терпенье. (*Сарыгиной.*) Давайте сюда узелок. Кладите его на стол. Осторожненько. Вот так. Одну минуточку.

Сарыгина и Персюков бережно развязывают узел.

Е с а у л о в а. Что это?

П е р с ю к о в. Реликвии. (*Сарыгиной.*) Объясните, бабушка.

С а р ы г и н а (*вынимает из узла плед*). Это плед моего покойного дедушки Ивана Николаевича.

П е р с ю к о в. Видите, это плед.

С а р ы г и н а. Во время своего кратковременного пребывания в городе Конске, по свидетельству моей покойной матушки Ларисы Константиновны, урожденной Извозчиковой, выходя из дому в сырую или же холодную погоду и желая таким образом предохранить себя от возможной простуды, мой покойный дедушка имел обыкновение набрасывать на плечи этот плед.

П е р с ю к о в. Этот самый плед. Не трогайте руками.

Е с а у л о в а. Позвольте... Я что-то ничего не соображаю...

П е р с ю к о в. Давайте, бабушка, давайте.

С а р ы г и н а (*вынимает флейту*). Это его же флейта.

П е р с ю к о в. Видите, флейта.

С а р ы г и н а. По свидетельству моей покойной матушки Ларисы Константиновны, урожденной Извозчиковой, и многих других лиц, близко знавших моего покойного деда, последний, обладая большим музыкальным вкусом, иногда в минуты отдыха исполнял на этой флейте различные небольшие музыкальные пьесы.

П е р с ю к о в. На этой самой флейте. Подлинная вещь.

Е с а у л о в а. Да, но я все-таки...

П е р с ю к о в. Только не перебивай.

С а р ы г и н а (*вынимая цилиндр*). Это цилиндр, который покойник на всякий случай всегда брал с собой в дорогу и возил в специальной круглой коробке. Однако, будучи демократом и яростным противником крепостного права, покойный Иван Николаевич избегал надевать этот цилиндр. Подлинный экземпляр цилиндра, к сожалению, утрачен, а этот дубликат приобретен значительно позже моим дядей уже с отцовской стороны Аполлоном Васильевичем Сарыгиным и сохраняется в семейном архиве среди прочих вещей покойного деда, как-то: перчаток, визитных карточек и так далее. Между прочим, об этом цилиндре сохранился любопытный анекдот, ярко характеризующий нравы и обычаи той отдаленной эпохи. (*Неожиданно довольно визгливо хихикает.*) Во время кратковременного пребывания своего в городе Конске покойный Иван Николаевич занимал скромную комнатку в доме моего дедушки Константина Сидоровича Извозчикова, мужа младшей сестры покойного, Людмилы Николаевны, моей бабки уже с материнской стороны. Домик этот сохранился и по сей час. Моей матушке тогда как раз шел пятый год, и она была очень шаловливым ребенком. Однажды, воспользовавшись отсутствием покойного Ивана Николаевича, моя матушка похитила из заветной коробки цилиндр, посадила в него маленьких котят (*хи-хи-кает*), маленьких котят и стала возить их в цилиндре по всем комнатам. Легко представить изумление моего покойного дедушки, когда он, вернувшись домой с прогулки, вдруг видит в своем цилиндре (*хи-хи-кает*), вдруг видит в своем цилиндре — кого же? О, ужас! — маленьких котят. (*Хихикает, вытирает слезы.*)

Е с а у л о в а. Каких котят? В чем дело?

С а р ы г и н а. Маленьких котят... Вот таких малюсеньких котят... (*Хихикает до слез.*)

Е с а у л о в а. Товарищи, вам что-нибудь понятно?

Все стараются заглянуть в цилиндр, как бы надеясь увидеть в нем котят.

С а р ы г и н а (*вынимая большой деревянный циркуль*). А это циркуль. Вещь подлинная. С помощью этого циркуля покойный Иван Николаевич в часы досуга чертил различные, иногда довольно сложные геометрические фигуры.

Е с а у л о в а. Но кто, кто?

С а р ы г и н а. Мой покойный дедушка Иван Николаевич.

Е с а у л о в а. Я слышу, что покойный дедушка. Слава богу, не глухая. Да кто этот покойный дедушка? Кто?

П е р с ю к о в. Лобачевский.

Е с а у л о в а. Как?

П е р с ю к о в. Ло-ба-чев-ский.

Е с а у л о в а. Какой Лобачевский? Тот самый?

П е р с ю к о в. Тот самый.

П е р е д ы ш к и н. Что это за Лобачевский?

Е с а у л о в а. Передышкин, Передышкин! Хоть бы ты людей постеснялся. Это же каждый советский школьник знает. Великий русский математик Лобачевский.

П е р с ю к о в. Он самый.

Е с а у л о в а. У нас в Конске? Невозможно!

П е р с ю к о в. Представь себе.

Е с а у л о в а. Ты шутишь?

П е р с ю к о в. А что же такого. Служил человек в Казани. Приезжал погостить к родственникам в Конск. Очень обыкновенно. Жил в маленьком домике. Домик сохранился. Внучка налицо.

Е с а у л о в а. Боже мой! Значит, вы родная внучка Лобачевского?

С а р ы г и н а. Родная внучка, родная внучка.

Е с а у л о в а. Голубушка! Позвольте же вас приветствовать от имени Конского горсовета. Вот уж никак не предполагала, что у нас в Конске живет внучка Лобачевского.

С а р ы г и н а. Живет, живет, как же.

П е р с ю к о в. Имей в виду — это я все сделал. Я открыл внучку. И главное, с каких пустяков началось! Прямо невероятно. Живем на одной улице. Так — ее домик, а так — наш. Только я ничего и не подозревал... Вдруг в один прекрасный день у нее в домике начинает протекать крыша. Верно, бабушка? Протекала крыша?

С а р ы г и н а. Верно, батюшка, верно, протекала.

П е р с ю к о в. Конечно, она туда-сюда, в отдел коммунального хозяйства, и прочее; понятно, нигде ничего не добилась и, наконец, кинулась ко мне по соседству, как к ответственному товарищу. Ну, тут все и выяснилось. Верно, бабушка?

С а р ы г и н а. Верно, верно. Владение разрушается. С крыши течет в комнаты, и от постоянного действия дождевой воды окончательно гибнут вещи покойного Ивана Николаевича. Гибнет превосходный турецкий ди-

ван, на котором имел обыкновение отдыхать покойник, гибнет библиотека, прохудился забор, и мальчишки лазают в палисадник и беззастенчиво ломают персидскую сирень.

Е с а у л о в а. Какое безобразие!

Пер с ю к о в. Мало сказать, безобразие. На глазах у городского Совета разваливается дом Лобачевского, и никто палец о палец. Беспрецедентное головотяпство. Государственное преступление.

Е с а у л о в а. Хорошо, что мы вовремя хватились.

Пер с ю к о в. Вы хватились! Это я хватился. Не я — имели бы все красивый вид.

Е с а у л о в а. Спасибо, Персюков. Ты молодец. Однако, товарищи, надо что-то делать. Прежде всего, я думаю, надо поставить в известность область и запросить Москву.

Пер с ю к о в. Ни в коем случае! Ты с ума сошла! Не дай бог, дойдет до Казани, что их Лобачевский жил у нас в домике, — и кончено. Такой шум поднимут, такую демагогию разведут, что не обрадуешься. Глазом не моргнешь, как они все себе захватят: и домик, и Лобачевского, да еще юбилей сделают. А нам — шиш. Я их хорошо знаю. Их, брат, надо поставить перед совершившимся фактом. А то они все себе отхватят.

Е с а у л о в а. Что все?

Пер с ю к о в. Абсолютно все. Но ты не беспокойся. Я уже кое-что предпринял.

Е с а у л о в а (*не без тревоги*). Что ты уже предпринял?

Пер с ю к о в. Да так, всякие необходимые мелочи. Между прочим, заказал временную мемориальную доску: «Здесь жил и работал великий русский математик Лобачевский». Правильно поступил?

Е с а у л о в а. Правильно. (*Мечтательно.*) Мемориальная доска на доме великого человека — это просто, но благородно.

Пер с ю к о в. Пока что гипсовая. Стоит пустяки. Тридцать восемь рублей с копейками. Я их пока провел по смете Парка культуры и отдыха, а когда горсовет утвердит специальную смету по домику Лобачевского, тогда рассчитаемся.

Е с а у л о в а (*тревожно*). Ты думаешь, необходима специальная смета?

Пер с ю к о в. Обязательно. А как же без сметы?

Крышу и забор починить нужно? Нужно. Участок привести в приличный вид нужно? Нужно. Ну и всякие другие мелочи: письменные принадлежности, марки, телеграммы. Может быть, придется установить перед домиком небольшой бюст, это было бы очень хорошо.

Е с а у л о в а *(мечтательно)*. Да, бюст.

П е р с ю к о в. Правда? Я очень рад, что ты меня поддерживаешь в вопросе бюста.

Е с а у л о в а. А не будет дорого?

П е р с ю к о в. Вся смета по домику выйдет не больше, чем рублей в пять-шесть тысяч. Самое большое — семь тысяч, это уже вместе с бюстом. Во всяком случае, не больше восьми.

Е с а у л о в а. Восемь тысяч. Однако деньги порядочные. Может быть, обойдется без бюста?

П е р с ю к о в. Ай-ай-ай! Берешь свои слова обратно? Жалеешь на бюст такого человека! Нехорошо. Не принципиально.

Е с а у л о в а. Я не против. Да дело в том, что денег у нас нету. Зашились. На вторую очередь водопровода не хватает.

П е р с ю к о в. И ты сравниваешь Лобачевского со второй очередью водопровода? Я от тебя этого не ожидал. Такие слова. Скажи спасибо, что внучка не слышит. *(Показывает глазами на старуху Сарыгину, которая спит на стуле в уголке.)*

Входит возбужденный С а м о х и н.

С а м о х и н. Товарищ Есаулова, это феерическое безобразия. Горсовет открывает музей Лобачевского, об этом кричит весь Советский Союз, а местную прессу никто не информирует, и мы узнаем последними.

Е с а у л о в а. Что ты, что ты!

С а м о х и н. Сегодня же я со всей категоричностью ставлю перед районным комитетом партии вопрос об освобождении меня от должности ответственного редактора газеты «Конская заря», довольно из меня ваньку строить.

Е с а у л о в а. Какой музей? Какой Советский Союз? Потри себе уши, приди в себя. Ничего этого нет. Мы сами только что узнали, что имеется домик, в котором жил Лобачевский.

С а м о х и н. Только что узнали... Да что ты мне врешь в глаза!

Е с а у л о в а. Но-но, Самохин, полегче.

С а м о х и н. Сделала по отношению к местной прессе хамство, а теперь замазывает. Не выйдет.

Е с а у л о в а. Уверю тебя...

С а м о х и н (грозно). Не выйдет! (Протягивает бумагу.) Что это такое?

Е с а у л о в а. А что?

С а м о х и н. Телеграфная сводка ТАССа. Три восковки.

П е р с ю к о в. Ну? Что ты говоришь? Дай! Дай скорее. (Вырывает сводку.) Где? (Читает.) «Конск, пятнадцатое мая. В сентябре этого года исполняется ровно сто лет со времени пребывания в Конске великого русского математика Лобачевского, создателя новой геометрии, основанной, между прочим, на том, что сумма углов треугольника есть переменная величина, но всегда меньше двух прямых углов». Понятно тебе, Передышкин?

П е р е д ы ш к и н. А чего же тут непонятного. Понятно.

П е р с ю к о в. Я так и думал. (Читает дальше.) «В ознаменование исторической даты Конский горсовет решил превратить домик, в котором жил гениальный математик, в Домик-музей имени Лобачевского...»

Е с а у л о в а. Позволь!

П е р с ю к о в. Только не перебивай. (Продолжает читать.) «Прикрепить к фасаду мемориальную доску и установить перед домиком бюст Лобачевского...»

Е с а у л о в а. Мы еще не решили.

П е р с ю к о в. Тут написано. Значит, надо делать бюст, а то неловко. (Продолжает читать.) «Колхозники, рабочие и советская интеллигенция собираются отметить знаменательную дату новыми производственными победами и всеобщим трудовым подъемом. ТАСС». Ну? Что вы на это скажете? Товарищи, вы понимаете, что произошло? Первый раз за все время существования про город Конск напечатано во всех газетах, как местных, так и центральных, и даже, может быть, зарубежных! Попрошу встать. «Конск, пятнадцатое мая, ТАСС».

С а м о х и н (хрипло). Кто это сделал?

П е р с ю к о в. Кто сделал, кто сделал. Понятно, я сделал. Я еще вчера утром телеграфировал. По смете Парка культуры и отдыха. Потом сочтемся. Мне скажите спасибо. А то бы дошло до Казани — и кончено! А теперь факт налицо: «Конск, пятнадцатое мая, ТАСС». Лобачевский — наш.

Е с а у л о в а. О Персюков, что-то ты меня начинаешь беспокоить.

П е р с ю к о в. В порядочке, в порядочке. Положись на меня. Все будет, как у людей. За это я тебе отвечаю.

Е с а у л о в а. Смотри, Персюков, чтоб не получилось, как в прошлом году, когда ты установил у себя в Парке культуры и отдыха какую-то идиотскую машину для автоматической пришивки пуговиц гуляющим.

П е р с ю к о в. А что, плохое было изобретение?

Е с а у л о в а. Великолепное. Пришивало пуговицы прямо к коже человека. Ты помнишь — гуляющие тебя чуть не убили.

П е р с ю к о в. Это не важно. Машина была отличная. Только ее плохо смонтировали.

С а м о х и н. Все-таки это феерическое безобразие.

П е р с ю к о в. Что безобразие?

С а м о х и н. Да с этим домиком. Ты сорвал работу нашей газеты.

П е р с ю к о в. Милый человек, что ты говоришь! Для газеты настоящая работа только начинается. Сейчас мы пойдем — я тебя поведу, — покажу домик Лобачевского. Там как раз, наверное, принесли мемориальную доску. Крышу будут починять. Материала для газеты — пропасть. *(Сарыгиной, которая продолжает спать.)* Бабушка! Бабушка!

С а р ы г и н а *(с испугом)*. А? Что такое? Батюшки!

П е р с ю к о в. Самохин, иди сюда, познакомься с внучкой.

С а м о х и н. Ответственный редактор «Конской за-ри».

П е р с ю к о в. Она тебе может рассказать массу интересного из жизни Лобачевского. Товарищ внучка, расскажите ему случай про котят. Сейчас мы пойдем, она тебе по дороге расскажет про котят. Готовая статья. Пойдем, бабушка. Все сделано. Крышу починят, забор поправят, можете не волноваться.

С а р ы г и н а. Спасибо вам. Добрый вы человек. Спасибо.

П е р с ю к о в. Это вам спасибо, бабушка.

С а р ы г и н а. До свиданья.

Е с а у л о в а. До свиданья, Софья Матвеевна. Очень, очень рада была с вами познакомиться.

С а р ы г и н а. И я тоже. Спасибо. Извините старуху.

Е с а у л о в а. Напротив. Это вы нас извините.

Персюков. До свиданья, Шурочка! До скорого.
Шура (*шепотом*). До скорого.
Персюков. Вперед, орлы!

Сарыгина, Персюков, Самохин уходят.

Есаулова (*Ваткину*). Слушай, Ваткин, мы никак не можем выкроить из местного бюджета тысяч семь-восемь на домик Лобачевского?

Ваткин. Откуда же?

Есаулова. В том-то и дело, что откуда? Думай. И ты, Неуходимов, не делай вид, будто это тебя не касается. Думай.

Неуходимов. Я думаю.

Есаулова. Это всех нас касается. Всего города. Это имеет громадное политическое значение.

Ваткин. Ну? Может быть, в таком случае тысячи четыре мы отрезем от второй очереди канализации, тысячи две с половиной передвинем из третьего квартала во второй по культмассовому сектору, а те тысяча четырехста рублей, которые до сих пор висят на счету у гортопа... у гортопа...

Есаулова. Думай, думай. Напрягись.

Ваткин. Я напрягаюсь.

Входит девушка-почтальон.

Девушка. Доброго здоровьячка. Примите две телеграммочки. Распишитесь тугочки и вот тугочки. До свиданьечка.

Шура расписывается. Девушка уходит.

Шура. Пожалуйста, Ольга Федоровна. (*Дает Есауловой телеграммы.*)

Есаулова (*читает первую*). «Поименованные статуи и скульптурные украшения как то Диана колчаном пограничник собакой девушка веслом фарнезийский Геракл палицей шкурой немейского льва натуральную величину также восемнадцать этрусских ваз Пифагор Архимед Эвклид...» Это, наверно, не нам... «Персей убивающий медузу общим количеством четыре вагона отправлены почтовым пятьдесят два бис накладная семьдесят шесть тысяч шестьсот девяносто пять Капитолийский лев Афина борьбе с Титанами...»

Передышкин. С «титанами»? С кипяtilьниками, что ли?

Е с а у л о в а. Какие там кипяtilьники?

П е р е д ы ш к и н. «Титаны». Стало быть, кипяtilьники. Это, наверное, не нам, а в метизовый комбинат.

Е с а у л о в а. Темный человек. «Дорические колонны находятся производстве вышлем немедленно срочно переведите пятьдесят. Огурцевич». Чего пятьдесят? Кому пятьдесят? Кто это Огурцевич? Обязательно она у себя на телеграфе напутает. Отшлите обратно.

Ш у р а (*кричит в окно*). Девочка! Девочка! Ушла уже.

Е с а у л о в а (*читает другую телеграмму*). «Благодарим любезное приглашение присутствовать торжественном открытии домика Лобачевского. Выделена делегация, которой поручено выехать Конск на сентябрьские торжества...» Ой, ой, ой! Это Персюков наделал...

П е р е д ы ш к и н. Он, он. Его работа. И кипяtilьники его работа. «Титаны» эти самые.

Е с а у л о в а (*читает дальше*). «Обеспечьте транспорт питание жилище для приема выдающихся ученых академиков профессуры аспирантуры и научных сотрудников академии общим количеством тридцать два человека». (*В отчаянии.*) На какие средства?

В а т к и н. Будем даже считать по сто рублей с носа. И то три тысячи двести.

Е с а у л о в а. Мы пропали. Академиков мы не поднимем. Боже мой... Что же это делается!

П е р е д ы ш к и н. Это Персюков.

Е с а у л о в а. Ну, Персюков! Ну, спасибо тебе, Персюков. Большое спасибо.

П е р е д ы ш к и н. Я предупреждал, что Персюков нас всех когда-нибудь погубит. Таких людей, как Персюков, надо давить.

Ш у р а. Ты не смеешь так говорить про Персюкова.

П е р е д ы ш к и н. Давить! Давить в корне!

Е с а у л о в а. Тридцать два академика в Конске. Боже мой! Это что-то... Это что-то такое...

Входит девушка - почтальон.

Д е в у ш к а. Еще раз доброго здоровьечка. Примите еще четыре телеграммочки. Распишитесь туточки, туточки и туточки.

Шура принимает телеграммы.

Только живехонько и не задерживайте, а то у нас на телеграфе для вас еще обрабатывается восемь телеграфных корреспонденций. Закатили вы мне сегодня, знаете, нагрузочку. Мое вам спасибо. Еще раз до свиданьечка. *(Уходит.)*

Ш у р а. Пожалуйста, Ольга Федоровна.

Е с а у л о в а. Дай Передышкину. Пусть Передышкин читает. Я не в состоянии.

П е р е д ы ш к и н *(быстро распечатывает телеграммы одну за другой и пробегает)*. Так.

Е с а у л о в а. От кого?

П е р е д ы ш к и н. От Степанина.

Е с а у л о в а. От кого, кого?

П е р е д ы ш к и н. От Степанина.

Е с а у л о в а. От знаменитого Степанина?

П е р е д ы ш к и н. От знаменитого Степанина!

Е с а у л о в а. И что?

П е р е д ы ш к и н. Горячо приветствует. Приедет.

Е с а у л о в а. Приедет Степанин?

П е р е д ы ш к и н. Приедет. *(Читает другую телеграмму.)* Так. Ленинград.

Е с а у л о в а. Что?

П е р е д ы ш к и н. Группа студентов физико-математического факультета. Двадцать пять человек. Горячо приветствуют. Приедут.

Е с а у л о в а. Ты сошел с ума!

В а т к и н. Еще две с половиной тысячи, а всего с академиками пять тысяч семьсот.

Н е у х о д и м о в. По самым скромным расчетам.

П е р е д ы ш к и н. Киев. Академик Запорощенко. Горячо приветствует.

Е с а у л о в а. Приедет?

П е р е д ы ш к и н. К сожалению, не может. Уезжает в длительную командировку.

Е с а у л о в а. Ух!.. Пронесло!

П е р е д ы ш к и н. А это я что-то совсем не разбираю. Как будто не совсем по-русски. Что-то такое У-ЭС-А, что-то такое непонятное.

Ш у р а. Может быть, по-немецки. Дай-ка сюда. Я по-немецки понимаю. *(Берет телеграмму.)* У-С-А, Нов-Иочк. Нет, это не по-немецки.

В а т к и н. Дай сюда. Может быть, по-французски. *(Читает.)* У-С-А. Совершенно верно, какой-то Нов-Иочк. Что за Нов-Иочк?

Е с а у л о в а. Дай. (*Читает.*) «У-С-А. Унион Стэт Америк, Нью-Йорк». Из Нью-Йорка!

П е р е д ы ш к и н. Вы слышите: из Нью-Йорка. Ну, Персюков. Ну гад!

Е с а у л о в а (*медленно разбирая телеграмму*). Сенк ю вери матч фор юр инвитейшен ай гоп ту би ин де сити оф Конск...

П е р е д ы ш к и н. Конск — это понятно. По-американски так же само, как по-русски.

Е с а у л о в а. Оф Конск... Господи боже мой!.. За ферстен септембер...

Ш у р а. Первого сентября, что ли?

Е с а у л о в а. Плиз фор ми апартамент оф ферст класс...

П е р е д ы ш к и н. Класс — это понятно. Так же само, как по-русски.

Е с а у л о в а. Фор ми май вайф дотер энд секретар френдли... Что? (*Пошатнулась.*) Альберт Эйнштейн!

П е р е д ы ш к и н. Горячо приветствует? Приедет?

Е с а у л о в а. Приедет. Первого сентября. С женой, дочерью и секретарем. Просит приготовить апартаменты в одном из наших первоклассных отелей.

П е р е д ы ш к и н. Что это еще за «отелей»? «Апартаменты»! Что это значит — «апартаменты»?

В а т к и н. Это когда несколько комнат сразу, вроде целая квартира.

П е р е д ы ш к и н. Понятно, понятно. Значит, под целую квартиру подкатывается. Видать, экземплярчик!

Н е у х о д и м о в. В одном из наших первоклассных отелей? Откуда же, когда в городе всего одна гостиница «Волга» на двенадцать номеров, да и то постоянно занятая нашей головкой. Мы же в ней все и живем.

П е р е д ы ш к и н. Он, наверное, привык там у себя в Америке ко всяким разносолам. Экземплярчик, экземплярчик.

Е с а у л о в а. Альберт Эйнштейн! В Конске! Я захво-раю. (*Яростно.*) Ну, Персюков... Ну, дорогой друг мой Персюков... Ну, не знаю прямо, что я теперь с тобой сделаю!..

Входит Персюков.

Персюков (*оживленно*). Только что установили временную мемориальную доску. Хоть она и гипсовая, но, представьте себе, имеет очень культурный вид.

Ледяное молчание.

А что касается бюста, то вы даже не можете себе и представить, что произошло. Сказка! Бюст будет мраморный!

Молчание.

Что вы на меня так смотрите? Мраморный, мраморный! Оказывается, в двух километрах от Конска находится месторождение превосходного мрамора. Оказывается, один местный чудака-краевед уже два года ходит по учреждениям и кричит, что обнаружил богатейшие залежи желтого мрамора. Но его, понятное дело, никто не слушает. А теперь... (*Замечает молчание окружающих.*) А теперь... Что такое? Почему вы все молчите? Шурочка, почему они все молчат? В чем дело? Что-нибудь случилось?

Шура. Алеша, беда!

Персюков. Какая беда?

Есаулова. Что это значит? (*Протягивает Персюкову первую телеграмму.*) «Фарнезийский Геракл Диана с колчаном Персей убивающий медузу восемнадцать этрусских ваз натуральную величину почтовым пятьдесят два бис и переведите пятьдесят Огурцевич». Чего пятьдесят? Кому пятьдесят? Кто это Огурцевич?

Персюков (*возбужденно*). Ах, от Огурцевича есть телеграмма? Что ж ты молчишь! Можешь себе представить, я заказал скульптуру на разные мифологические и советские темы для установки на бульваре против домика Лобачевского.

Неуходимов. На каком бульваре? У нас нету никакого бульвара.

Персюков. Так придется сделать. Неудобно, чтобы домик Лобачевского находился где-то на задворках и выходил на пустырь. Тем более что скульптура стоит сравнительно недорого, всего пятьдесят тысяч, а бульвар сразу заиграет. Там, правда, весь вид портит старая аптека, но ее можно передвинуть. Передзигают же в крупных центрах дома. Не так ли?

Есаулова. Персюков!!! Да у тебя голова на плечах есть? Стой! Не смей меня перебивать. Довольно. Ну, Персюков... Ну, друг мой Персюков...

Персюков. Тетя Оля...

Е с а у л о в а. Молчание! Говори: ты приглашения кому-нибудь посылал?

П е р с ю к о в. Не посылал. То есть две-три телеграммы я действительно посылал. Но имей в виду,— за счет Парка культуры и отдыха.

Е с а у л о в а. Две-три телеграммы?

П е р с ю к о в. Ну, может быть, четыре. Во всяком случае, не больше пяти-шести. От силы восемь.

Е с а у л о в а. Да как же ты смел!

П е р с ю к о в. Господи, так всегда делают. Иначе никто не пришлет приветствий. А это было бы очень больно. Да ты не волнуйся. Все поприветствуют и откажутся. Никто не придет. За это я тебе отвечаю.

Е с а у л о в а. А это что? *(Потрясает телеграммами.)* Тридцать два академика едут? Степанин едет? Двадцать пять ленинградских студентов едут?

П е р с ю к о в. Едут? Что ты говоришь? Не может быть! Честное слово, я этого не хотел.

Е с а у л о в а. Ты этого не хотел? А Эйнштейна ты хотел?

П е р с ю к о в. Эйнштейна? А что Эйнштейн?

Е с а у л о в а. Едет!

П е р с ю к о в. Не может быть! На Эйнштейна я не надеялся... Клянусь матерью!

Е с а у л о в а. Читай.

П е р с ю к о в. Мы пропали!

Входит девушка - почтальон.

Д е в у ш к а. Опять доброго здоровьечка. Примите еще одиннадцать телеграммочек. Распишитесь туточки.

Е с а у л о в а. Пошла вон!

Д е в у ш к а. Ой, родненькие. *(Бросает телеграммы, убегает.)*

Входит человек в пальто, с чемоданом.

Ч е л о в е к в п а л ь т о. Мы только что прилетели на самолете «Эр пять». Стартовали из Москвы в шесть сорок семь. У вас в Конске бредовая посадочная площадка. Здравствуйте. Мы все чуть не угробились. Это юбилейный комитет? Хорошо, мы его тоже снимем. А где домик? Мы его должны заснять! Кто внучка? Вы внучка? Мы вас сейчас заснимем. *(Подходит к двери и кричит.)* Товарищи, идите сюда. Это здесь.

За сценой металлический лязг и шум.

Есаулова. Ну, Персюков, ты нам положишь на стол свой партийный билет.

Вваливается группа Союзкинохроники и Радиоцентра с соответствующей съемочной и осветительной аппаратурой, чемоданами и коробками, что производит на всех подавляющее впечатление.

Передышкин. Вот теперь я буду на него сигнализировать в областную прокуратуру.

Есаулова. Отрубили голову. Отрубили.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Большой кабинет Есауловой. Хороший радиоприемник. На отдельном столике макет надстройки гостиницы «Волга». Дверь на балкон. За окнами пыльная зелень провинциального августа. Чувствуется зной, пыль, строительство. Слышатся удары копра. Звон рельсов. Крики возчиков. Скрип телег. Телефон.
Есаулова, Ваткин, Неуходимов.

Есаулова. Сегодня мы имеем четырнадцатое августа, третьего сентября мы имеем открытие домика, а второго сентября мы имеем сто сорок шесть почетных гостей. Что мы имеем на сегодняшний день по реконструкции гостиницы «Волга»?

Неуходимов. На сегодняшний день мы имеем полтора этажа надстройки, а всего почти четырехэтажный дом — отель на шестьдесят номеров. В двух номерах ванны. *(Показывает на макет.)*

Есаулова. Чудно.

Неуходимов. Ничего нет чудного.

Есаулова. Почему паника?

Неуходимов. Потому, что средств больше нету.

Есаулова. Как нету средств, когда мы тебе в прошлом месяце передвинули семьдесят пять тысяч культ-массовых? Где они?

Неуходимов. Ушли.

Есаулова. Так быстро? Это катастрофа. Надо изыскивать средства. Ваткин, думай.

Ваткин. Да чего же думать, когда нету и нету.

Есаулова. Позволь. Как же так?

Без доклада входят заведующая местной аптекой и провизор. Они в халатах. Очень взволнованы.

Заведующая (*не здороваясь*). Вы слышали что-нибудь подобное по своему цинизму?

Есаулова. Это еще что такое! Почему вы сюда врываетесь без спросу?

Заведующая. Вы представляете себе этот дикий бред? Позже будет слишком поздно. Горсовет обязан немедленно вмешаться, иначе город останется без медикаментов.

Есаулова. Почему?

Провизор. Потому, что я еще, к сожалению, не научился готовить лекарства на развалинах.

Есаулова. На каких развалинах?

Заведующая. На наших развалинах! На руинах! Среди мусора и обломков.

Есаулова. Кто вы такие? Вы что — из сумасшедшего дома?

Заведующая. Пока — нет, но скоро — да.

Есаулова. Так говорите спокойней.

Заведующая. Как! Еще более спокойно?

Провизор. Вы должны ее извинить. В такую минуту как заведующая она не может быть слишком спокойной. Я вам сейчас расскажу все в двух словах: сегодня утром пришли какие-то люди и положили под нее деревянные катки.

Есаулова. Под кого?

Провизор. Под нее. Теперь они собираются ее двигать. Она этого не выдержит. Она старая. Поверьте мне. Я ее знаю больше тридцати лет.

Есаулова. Кого?

Провизор. Ее. Он говорит, что она заслоняет ему перспективу и портит вид на домик Лобачевского. Он говорит, что ее надо задвинуть в переулок, а на ее место поставить девушку с веслом и фарнезийского Геракла.

Есаулова. Кого ее?

Провизор. Аптеку.

Заведующая. А что когда аптека упадет, то город останется без медикаментов — этим он не заинтересован.

Есаулова. Персюков?

Заведующая. А кто же еще?

Есаулова (*яростно звонит*). А вот мы сейчас увидим. Позвать Персюкова. (*Звонит. Безрезультатно.*) Передышкин! Передышкин!

За сценой гул голосов, крики. Отбиваясь от каких-то людей, в комнату вскакивает растрепанный **Передышкин**, захлопывает за собой дверь и заставляя ее стулом.

Передышкин. Видите, что делается? Я больше не желаю, чтоб мне отрывали рукава. Еще покалечат.

Есаулова. Кто?

Передышкин. Кто? Возчики, грузчики, мраморщики, каменщики, штукатуры, прорабы, инкассаторы и композиторы.

Есаулова. Что ты, что... Зачем композиторы? Какие композиторы?

Передышкин. А что: композитор не человек? Написал симфонию — и пожалуйста денежки.

Есаулова. Какую симфонию?

Передышкин. «Триумф арифметики». Или, может быть, — геометрии. Не знаю, не заказывал, спроси у Персюкова.

За дверью сильный шум возмущения.

Видишь, какого рода картина? Все денег требуют. И правильно делают, что требуют. Заработал — плати. А нет — задержка зарплаты. За это, знаешь, не поглядят. Надо платить.

Есаулова. Да много ли? Дай счета.

Передышкин. Полтора ста тысяч.

Есаулова. Матушки!

Передышкин. Не считая «Триумфа арифметики».

Есаулова. Полтора ста тысяч. Вы слышите? Поди скажи, чтоб они подождали.

Передышкин. Э, нет. Я домик Лобачевского не открываю. Я «Триумф арифметики» не заказывал. Я человек маленький, без воображения. Иди сама.

Есаулова. Хорошо.

Заведующая. Как же с аптекой?

Есаулова. А подите вы... Не до аптеки... (Открывает дверь.)

Толпа. Слышны голоса: «Хозяйка, зайди в сущность!», «Ходим третий день!», «Мне без денег не ворочаться», «Прокурор велит заплатить!», «У меня партитура срывается, оркестр стоит!» и проч.

Вы меня знаете? Так я вам говорю: вам будет уплачено все до копейки. Час подождать вы можете? Один только час.

Голос. Час подождем.

Есаулова. Ну, вот и всех делов. А уж если через час не будет, тогда снимайте с меня голову.

Голос. Это безусловно. Тогда прямо к прокурору пойдем.

Есаулова. Хорошо, хорошо. Договорились? До-

говорились. (*Закрывает дверь.*) Ну, вы слышали? Что же теперь будет?

Н е у х о д и м о в. Надо законсервировать строительство.

Е с а у л о в а. Да ты, друг мой, соображаешь, что говоришь? Едет сто сорок шесть человек стахановцев, Героев Советского Союза, знатных колхозников, выдающихся деятелей науки, искусства, литературы и техники плюс профессор Эйнштейн. Куда я их дену? Положу во дворе на солому? Скандал на весь мир! Нет, я лучше сдохну, чем не будет гостиницы.

П р о в и з о р. Извините за назойливость, но дело в том, что они уже привязали к ней железные веревки.

Е с а у л о в а. К кому?

П р о в и з о р. К аптеке.

Е с а у л о в а. Да провалитесь вы с вашей аптекой! Уходите! Вы видите, я занята. Господи, неужели у нас в городе ни у кого нет денег?

В а т к и н. У местной промышленности миллионы маринуются.

Е с а у л о в а. Да, да. (*В телефон.*) Кирпичный, номер три. Директора. Выехал? Не скажете, куда выехал? С Персюковым? (*Вешает трубку.*) Куда-то выехал с Персюковым. (*В телефон.*) Ликеро-водочный. Директора. Уехал? Куда? С кем, с кем? С Персюковым? (*Вешает трубку.*) Персюков что-то делает за нашей спиной. (*В телефон.*) Кустарную артель «Заря». Председателя. Ушел? С Персюковым? (*Вешает трубку.*) Опять с Персюковым. У меня сердце не на месте. Ох, погубит нас Персюков.

П е р е д ы ш к и н. Между прочим, еще один любопытный штрих: приехал областной прокурор.

Е с а у л о в а. Зачем?

П е р е д ы ш к и н. А зачем областные прокуроры в район приезжают? За тем самым. Кто-нибудь сигнализировал — вот прокурор и тут.

Е с а у л о в а. Сама Павликова?

П е р е д ы ш к и н. Сама Павликова. Лично. У Павликовой, заметь себе, еще ни один ответственный работник не выкручивался. Демон.

Е с а у л о в а. Ну вот мы, слава богу, и на скамье подсудимых.

З а в е д у ю щ а я. Потому что среди белого дня на

глазах у всех задвигать единственную аптеку в переулок — это пережитки средневековья.

Е с а у л о в а. Вы еще тут?

П р о в и з о р. Поверьте, если бы она была лично моя — между прочим, она действительно была моя, — я бы не поднимал вопроса. Раз надо — значит, может быть, действительно надо. Но когда дело идет о нашей социалистической аптеке...

Е с а у л о в а. Идите...

З а в е д у ю щ а я. Хорошо. Мы пойдем. Мы останемся на своем посту до последней минуты.

Е с а у л о в а. Денег, денег. *(В телефон.)* Уксусный завод. Уксусный.

П е р е д ы ш к и н. Придет Павликова — будет нам уксус.

Е с а у л о в а. Директора. Уехал? С Персюковым? Так я и знала.

З а в е д у ю щ а я. Но имейте в виду, если произойдет ужас — ответственность ляжет на вас.

Е с а у л о в а. Идите. *(В телефон.)* Артель «Победа». Председателя. Уехал? С Персюковым? *(Вешает трубку.)*

П р о в и з о р. Ай-яй-яй! Пропала аптека.

Провизор и заведующая уходят.

Е с а у л о в а. С Персюковым... Что б это значило?..

П е р е д ы ш к и н. С Персюковым, без Персюкова. Разница небольшая. Уж Павликова тут. Она, брат, на прошлой пятидневке в Егорьевском районе упекла всю головку за нарушение финансовой дисциплины на три года. Красота!

За дверью возобновляется шум.

Надо платить.

Е с а у л о в а. Надо.

П е р е д ы ш к и н. А средства? Средства где?

Е с а у л о в а. Что же теперь делать, Передышкин?

П е р е д ы ш к и н. Ага! Я предупреждал, что Персюков авантюрист. Я сигнализировал. А ты — что? «Ах, Передышкин, ты темный человек, ах, Передышкин, ты ничего не понимаешь, у тебя нет воображения». Говорила ты, что у меня нет воображения, или не говорила?

Е с а у л о в а. Ну, говорила.

Передышкин. А теперь: «Передышкин, что же делать?»

Пауза.

Не знаю, что делать. И не интересуюсь. У вас воображение? Вот вы и сидите с вашим воображением. А меня не запутывайте. Я человек маленький. Идите кланяйтесь Персюкову. У него воображения — хоть залейся. Девушки прямо так и мрут от удовольствия, когда он треплется. Не понравился ему, видите, город Конск. «По сю, дескать, сторону хребта». А хотя бы! Его это, видимо, не устраивает! Свиньи, говорит, тонут против городского театра, такое безобразие. Скажи спасибо, дурак, что хоть свиньи в городе есть. В других местах этого нет. Домик Лобачевского ему понадобился. А на кой черт нам домик Лобачевского? Что мы, профессора? Геометрия! Скажи пожалуйста! Типичные барские замашки. Все, видите, есть. Одной только геометрии не хватает. Или эта знаменитая гостиница «Волга». Зачем нам гостиница? Что у нас, Америка или Австралия? Надень очки, посмотри в окно, ты видишь? Жуть, что делается. Все перекошено, перековеркано, пыль столбом, — ни пройти, ни проехать. Что такое? В чем дело? Главную улицу, извольте видеть, асфальтируют. Бульвар разбивают. Разные статуи ставят: фарнезийский Геракл, Афина в борьбе с кипятыльниками, с «титанами» этими самими. Аптеку передвигают! Тьфу! Хороший, скромный, советский город превращают черт знает во что! А городской Совет только глазами хлопает. Но ничего. Павликова это безобразие прекратит. Она вам мозги вправит. Ох, товарищи, не завидую я вам. Ох, не завидую. *(Уходит.)*

Е с а у л о в а. Да, да. Пока не поздно. Отменить. Все отменить.

Н е у х о д и м о в. А сто сорок человек почетных гостей?

Е с а у л о в а. Отменить.

Н е у х о д и м о в. Да ведь срам!

В а т к и н. А в тюрьме томиться не срам? Не слушай его, Ольга Федоровна. Отменяй. Пока не поздно.

Е с а у л о в а. Да. Нет. Да. Отменить. Отменить все. Неуходимов, бери список почетных гостей. Пиши телеграммы. Всем по порядку. Кто там сначала? Степанин? Пиши срочную Степанину. Так, мол, и так. Очень, дескать, извиняемся, но не приезжайте. Ничего не будет. Отменяется. Срам-то какой... *(Вытирает глаза платком.)*

И профессору Эйнштейну, в Соединенные Штаты Северной Америки... (Сквозь слезы.) Дескать, извиняемся за беспокойство, но не выезжайте. (Всхлипывает.) И другим всем. По порядку. Извиняемся, дескать, за беспокойство, но не выезжайте. А я сейчас пойду и скажу людям, что денег нету. И снимите с меня голову.

Шум автомобиля.

В а т к и н. Слышите? Слышите?

Н е у х о д и м о в (смотрит в окно). Две машины стоят.

В а т к и н. Павликова.

Пауза.

Ольга Федоровна, что ж это будет? Ведь культмассовые деньги фактически я передвигал. Ведь Павликова с меня спросит.

Е с а у л о в а. Я приказала, я и в ответе.

В а т к и н. Да разве Павликова с этим посчитается! Ольга Федоровна, что ты со мной сделала!

Н е у х о д и м о в. А я-то за что? Мою жизнь за что рубят? Велели надстраивать гостиницу — я и надстраивал, будь она трижды проклята и все ее шестьдесят номеров с ваннами и без ванн.

За дверью голоса, шум, шаги.

В а т к и н. Павликова.

Н е у х о д и м о в. Ну, вот мы и дома.

Быстро входит П е р с ю к о в в сопровождении мальчика К о т я и еще нескольких человек.

П е р с ю к о в. Здорово, орлы! Как дела с надстройкой гостиницы? Ковыряетесь? Не вижу темпов, не замечаю энтузиазма!

Е с а у л о в а. Персюков. Довольно.

П е р с ю к о в. Хорошо. Только сперва я тебя убью. Котя, иди сюда. Обратите внимание: обыкновенный мальчик. Называется Котя. Котя, сколько тебе лет?

К о т я. Двенадцать, тринадцатый.

П е р с ю к о в. Пионер?

К о т я. Пионер.

П е р с ю к о в. Заметьте себе: двенадцать, тринадцатый; пионер.

Е с а у л о в а. Персюков. Довольно.

Персюков. Чего ты кирпичишься? У мальчика исключительные способности. Ваткин, дай мальчику какое-нибудь семизначное число. Ну? Ты что — забыл уже, что такое семизначное число? Ну!

Ваткин. Четыре миллиона восемьсот девяносто пять тысяч шестьсот шестьдесят шесть.

Персюков. Запиши себе. Неуходимов, дай мальчику трехзначное число.

Неуходимов (*угрюмо*). Сто сорок три.

Персюков. Котя, раздели.

Котя (*мгновенно, наизусть*). Тридцать четыре тысячи двести тридцать пять целых и четыреста двадцать пять тысячных...

Ваткин. Верно.

Персюков. Прошу убедиться.

Неуходимов. Удивительно... Феноменально...

Персюков. Это еще пустяки. Он у меня всю таблицу логарифмов Пржевальского наизусть знает. Верно, Котя? Академики приедут, увидят — ахнут. А вы говорите — Конск? Вот вам и по сю сторону хребта. Хо-хо!

Есаулова. Персюков, довольно. Что это еще за фокусы?

Персюков. Ничего не фокусы. Просто неслыханный подъем интереса к математике в связи с открытием домика Лобачевского. Только и всего. За последнюю декаду мне удалось выявить по нашему району свыше пятнадцати математических точек. Ты не поверишь: приезжаю третьего в колхоз «Первого мая» и прежде всего — бац! — обнаруживаю кружок математиков, восемь человек. Бурный рост математики. Бурный рост. Но я вижу — тебя это не зажигает.

Есаулова. И так тошно а ты лезешь с математикой.

Персюков. Дорогая, что ты говоришь? Ты только вдумайся в это слово: ма-те-ма-ти-ка. Математика — это же артиллерия, математика — авиация, математика — флот...

Есаулова. Персюков. Хватит. Отменяется.

Персюков. Что отменяется?

Есаулова. Все отменяется. Ничего не будет.

Персюков. Чего ничего?

Есаулова. Эйнштейна не будет, академиков не будет, Степанина не будет, открытия не будет, домика не будет. Ничего не будет.

Персюков. Кто тебе сказал?

Есаулова. Это я тебе говорю. Понятно? Хватит с нас.

Персюков. В чем дело? Что тут без меня случилось?

Есаулова. Ты еще смеешь спрашивать? Авантюрист!

Персюков. Кто?

Есаулова. Ты.

Персюков. Я авантюрист? Вот уж неправда.

Есаулова. Типичный авантюрист. Спроси кого хочешь.

Персюков. Зачем мне спрашивать, когда я же лучше знаю, что я не авантюрист.

Есаулова. И к тому же очковтиратель. Ты нам втирал очки, что вся смета по домику будет восемь тысяч, а на сегодняшний день одна лишь реконструкция «Волги» влетела нам в сто пятьдесят тысяч, плюс семьдесят пять тысяч культмассовых, плюс двадцать девять тысяч тридцать копеек организационных расходов, плюс пятьдесят тысяч за твою идиотскую скульптуру. Итого...

Котя (*мгновенно*). Триста четыре тысячи рублей тридцать копеек.

Персюков. Сравнительно немного. Правда, Котя?

Есаулова. Персюков, имей в виду. Мы тебя стукнем.

Персюков. Честное слово, ты меня просто смешишь. Сидит тетка на миллионах и совершенно этого не понимает. Надо иметь воображение.

Есаулова. Не смей говорить этого слова.

Персюков. Ага! Испугалась.

Есаулова. Ты понимаешь, что ты сделал? Ты нас всех погубил.

Персюков. Батюшки, страсти! Чем же это я вас погубил, позвольте узнать? Тем, что раз в кои-то веки вы потратили на реконструкцию гостиницы и на городские благоустройства жалкие триста тысяч?

Есаулова. Их — нет. Понимаешь русский язык, — нет! Все в долг. В петлю влезли. Висим. Вот.

Персюков. Подумаешь, триста тысяч. Большое дело. Тьфу. Да я тебе их дам хоть сейчас, только не плачь.

Есаулова. Дай.

Персюков. Чеком? Авизовкой? Банковским перечислением?

Е с а у л о в а. Ты не шутишь?

П е р с ю к о в. Какие шутки. Вот. *(Показывает чековую книжку.)*

Е с а у л о в а. У тебя деньги?

П е р с ю к о в. Зачем у меня. У нас. У комитета по проведению чествования Лобачевского.

Е с а у л о в а. Откуда?

П е р с ю к о в. Местная промышленность. Иди сюда. *(Показывает в окно.)* Видишь — директора. Стоят, дожидаются. Я их везу в Парк культуры и отдыха, у нас там одно небольшое дельце. Забежал по дороге посмотреть, как у тебя обстоит. Оказывается, сидишь на мели. Обрати внимание. Красавцы мужчины. Один в одного. И у каждого непременно имеется пара сот тысяч неиспользованных средств. *(В окно.)* Вася, сколько у тебя неиспользованных? Только честно. Ага. Хорошо. *(Отходит от окна.)* У Васи из метизового комбината двести шестьдесят тысяч, у Петра Андреевича сто сорок четыре тысячи, у ликеро-водочного четыреста двадцать три да у Силиката Комбинатовича сто двадцать. Котя, подбей.

К о т я *(мгновенно)*. Девятьсот сорок тысяч.

П е р с ю к о в. Тебя это устраивает?

Е с а у л о в а. Устраивает.

П е р с ю к о в. А меня не устраивает.

За сценой возобновляется ропот.

Входит П е р е д ы ш к и н.

П е р е д ы ш к и н. Ну? Люди ждут. Платить будешь?

Е с а у л о в а. Обязательно.

П е р е д ы ш к и н. Вот как? Интересно посмотреть. Когда же это? Надо сейчас.

Е с а у л о в а. А я сейчас заплачу. Давай ведомости.

П е р е д ы ш к и н. А средства?

Е с а у л о в а. Давай, давай. *(Подписывает ведомость.)* Ваткин, передвигай обратно культмассовые. Поскорей! Действуй!

Ваткин подписывает.

(Персюкову.) Чеками на банк.

Персюков выписывает чек и вручает его.

П е р е д ы ш к и н. Виноват... Я очень извиняюсь...

Е с а у л о в а. Ну уж там извиняйся не извиняйся,

твое дело. *(Открывает дверь.)* Товарищи, пожалуйте денежки!

Веселое оживление.

Ваткин, плати.

Ваткин уходит с ведомостями.

Персюков. Иди, Котя, поможешь человеку считать.

Котя уходит.

Ну, теперь ты против меня, надеюсь, ничего не имеешь?

Есаулова. Ох, Персюков, бить бы тебя, да рука не поднимается.

По радио несколько раз повторяется музыкальная фраза «Выходила на берег Катюша».

Персюков. Что это — позывные Конска? Едем! Вперед, орлы!

Голос диктора. Внимание, внимание. Говорит Конск. Сейчас по городской радиотрансляционной сети и по местной коротковолновой станции Че-Ша-Ща передаем информацию. До открытия домика Лобачевского остались считанные дни. В настоящее время пустырь перед домиком Лобачевского превращен в бульвар, богато украшенный цветами и скульптурой. Это уже и сейчас один из красивейших уголков нашего города.

Есаулова *(замечтавшись перед радио)*. «...красивейших уголков нашего города...» Хорошо. Это очень хорошо.

Персюков. Едем же, едем.

Есаулова. Подожди, дай послушать.

Голос диктора. Сегодня из Сухума прибыло пятнадцать больших пальм и более ста цитрусовых деревьев...

Персюков. Грейпфруты, хамеропсы, мандарины.

Голос диктора. ...которые будут высажены на бульваре Лобачевского. Передачу вел Льяносов.

Есаулова. Персюков! Это очень хорошо!

Персюков. Теперь ты поняла мою мысль? Открытие домика Лобачевского должно вылиться в грандиозный праздник нашего города.

Есаулова. Да, да, в грандиозный праздник. Именно вылиться. Ты абсолютно прав. Водопровод, асфальт, хамеропсы — это хорошо. Так и надо. Будем же действо-

вать в этом направлении. *(Суетится.)* Неуходимов, ты здесь? Ваткин! Где же Ваткин? Едем же... Едем же скорее.

Входит бледный В а т к и н.

В а т к и н *(запинаясь от ужаса)*. Павликова приехала. По лестнице подымается.

Н е у х о д и м о в. Куда?

В а т к и н. С...сюда.

Неуходимов идет ко второй двери. Ваткин идет на цыпочках за Неуходимовым.

Е с а у л о в а. Куда вы?

В а т к и н. Домой.

Н е у х о д и м о в. Завтракать.

Неуходимов и Ваткин уходят во вторую дверь.

Входит П е р е д ы ш к и н.

П е р е д ы ш к и н. Областной прокурор товарищ Павликова. *(В дверь.)* Пожалуйста, товарищ Павликова.

Входит П а в л и к о в а. Мужское лицо, пенсне. Она приближается медленно и неотвратно, как летняя гроза, которая собиралась с утра. За ней следует е е п о м о щ н и к, в военной форме. Пропустив Павликову с низким поклоном, Передышкин задом уходит из комнаты и многозначительно запирает за собой дверь.

П а в л и к о в а *(после долгой паузы)*. Нам стало известно, что в Конском районе под крылышком горсовета орудует некто Персюков. Кто этот Персюков?

П е р с ю к о в. Некто Персюков этот как раз я.

П а в л и к о в а. Вот как? Откровенно. Что это у вас здесь происходит за вакханалия?

П е р с ю к о в. Вы имеете в виду домик Лобачевского?

П а в л и к о в а. Мы имеем в виду то, что имеем.

Пауза.

Я вас слушаю.

П е р с ю к о в. Про что говорить-то?

П а в л и к о в а. Говорите все, что знаете. *(Долго совещается с помощником.)* Рассказывайте, рассказывайте. Мы вас слушаем.

П е р с ю к о в. Воды можно выпить?

П а в л и к о в а. Пожалуйста.

П е р с ю к о в *(пьет воду)*. Говорить?

П а в л и к о в а *(совещаясь с помощником)*. Да, да, говорите. Я слушаю.

Персюков. Второго сентября, значит, открывается домик Лобачевского. Уже собран богатейший иконографический материал, а также большое количество документов, фотокопий, гравюр и картин известных русских художников...

Павликова. Пойдите. Как вы говорите? Документов и фотокопий?

Персюков. Документов и фотокопий.

Павликова. Так. Продолжайте. *(Делает отметку в блокноте.)*

Персюков. ...известных русских художников, отображающих эпоху Лобачевского. Среди экспонатов обращают на себя внимание портреты Пушкина, Карамзина, Глинки, Гоголя, Бенкендорфа, Аракчеева и Александра Первого.

Павликова. Я не расслышала — кого? Последние три фамилии?

Персюков. Бенкендорфа, Аракчеева и Александра Первого.

Павликова совещается с помощником, делает заметки в блокноте.

А что?

Павликова. Ничего. Я вас слушаю. Продолжайте.

Персюков *(откашливается)*. Имеются почти все первые издания работ Лобачевского на русском и иностранных языках.

Павликова. На русском и — как вы сказали? — иностранных?

Персюков. Да.

Павликова *(оживляясь)*. И номера «Ученых записок Казанского университета» есть?

Персюков. А как же. Полный комплект, товарищ прокурор, с тысяча восемьсот тридцать шестого по тысяча восемьсот восемьдесят восьмой год. С большим трудом, но достали. А сочинение Лобачевского «Новые начала геометрии с полной теорией параллельных» даже с собственноручными пометками самого Лобачевского.

Павликова. Это любопытно. Я сама, знаете, до известной степени... окончила математический факультет. Впрочем, это дела не меняет. Дальше.

Персюков. Ну, что ж дальше? На открытие домика со всего Советского Союза съезжаются почетные гости.

П а в л и к о в а. Нам это известно.

П е р с ю к о в. Из Америки приезжает профессор Эйнштейн.

П а в л и к о в а *(живо)*. Что вы говорите! Альберт Эйнштейн? Впрочем... нам это известно.

П е р с ю к о в. Словом, грандиозный праздник нашего города.

П а в л и к о в а. Вернее сказать — грандиозное безобразие. Приезжают лучшие люди нашей страны, приезжает мировой ученый Эйнштейн, и что же они увидят? Мостовая ужасающая, всюду грязь, даже ресторана, чтобы прилично пообедать, и гостиницы, чтобы выспаться, — нет. Как это называется? Вакханалия?

П е р с ю к о в. К приезду гостей все будет готово. За это я вам отвечаю.

П а в л и к о в а. А трамвай?

П е р с ю к о в. Будет.

Е с а у л о в а. Персюков, не лги.

П е р с ю к о в. Если я говорю — будет, значит, будет. Мы нашли во дворе метизового комбината рельсы. Шестой год валяются. А вагоны идут из Тулы в обмен на наш мрамор.

Е с а у л о в а. Да, да. Вагоны идут из Тулы.

П а в л и к о в а. Однако вы размахнулись.

П е р с ю к о в. Маленько есть.

П а в л и к о в а. Во сколько же вам все это вскочит?

Е с а у л о в а. Я думаю — тысяч пятьсот.

П е р с ю к о в. Сколько? Тетя Оля, не смейся людей. *(Павликовой.)* У меня по смете пока что предусмотрено полтора миллиона.

Е с а у л о в а. Сколько?

П е р с ю к о в. Полтора миллиона. Ну, может быть, миллион шестьсот тысяч. Во всяком случае, не больше миллиона семисот.

Есаулова хочет что-то сказать, но не может, только глотает воздух.

Ну, вот, я так и знал, что она опять расстроится. Не выкла к масштабам.

П а в л и к о в а. Полтора миллиона. Да. Не меньше. А откуда средства?

Е с а у л о в а *(с болезненным стоном)*. Персюков, отвечай прокурору, откуда средства.

П е р с ю к о в. Вот тут-то и находится главный узел.

П а в л и к о в а. Как вы говорите? Узел?

Персюков. Узел.

Павликова. Я спрашиваю: откуда средства?

Есаулова. Товарищ прокурор, моя вина. Я отвечаю.

Персюков. Тетя Оля, брось, одну минуточку. (Павликовой.) Сейчас я вам скажу. Только пусть она возьмет себя в руки и не кричит. Выставка.

Есаулова вскакивает.

Только ты меня не перебивай. Небольшая такая районная выставка местной промышленности и сельского хозяйства на территории Парка культуры и отдыха. (Есауловой.) Ничего, это сейчас пройдет. (Павликовой.) Вы понимаете мою мысль, товарищ прокурор? На открытие домика Лобачевского съезжаются лучшие люди нашей страны. Должны мы им показать наши достижения? Должны?

Павликова. А достижения есть?

Персюков. Ого! Да вы представляете себе, что такое наш район? Разработки потрясающих гончарных глин, знаменитых на весь Советский Союз, не глина, а золото. Огнеупорный кирпич высшей марки; шамот для доменных печей. Это вам штучки? Валюта! Затем: месторождение желтого мрамора. Показать людям наш мрамор надо? А метизовый комбинат? Мы имеем свои ведра, детские ванночки, миски, сковородки, кастрюли — буквально все для хозяйства, от дверных задвижек до ножей для консервов. Это вам штучки? Двадцать кустарных артелей, — валенки, ларчики, аптекарские весы, вышивки, резьба по дереву...

Павликова. Как вы сказали? Аптекарские весы? (Записывает.)

Персюков. Ну да. Точнейший инструмент. Производство искусства. Взвешивают муху с точностью до одной десятитысячной. Но это не все. Недавно завод номер восемь в виде дочернего предприятия открыл производство не больше не меньше как мотоциклов. А? Город Конск, по сю сторону Уральского хребта, выпускает весьма приличные мотоциклы. Это же, черт побери, показать народу нужно! Вот в том-то и дело. Наконец, передовое сельское хозяйство, садоводство, огородничество. Два колхоза-миллионера. Такой яровой пшеницы я даже в Херсонщине и в Днепропетровщине не видел. Это надо обязательно показать. Я уже не говорю о корове Валькирия, которая дает в год три тысячи литров молока, и о симменталь-

ском бычке Джентльмен, величиной чуть поменьше автомобиля ЗИС сто один. А что вы скажете, например, о рябиновке экстра нашего ликеро-водочного завода? Нелыханная рябиновка. Я вам советую, товарищ прокурор, непременно попробуйте. Не пожалеете. Да в Америке любой предприниматель на такой рябиновке заработал бы за год десять миллионов долларов! Понятно вам? Одним словом, местная и кустарная промышленность и передовое сельское хозяйство входят к нам как пайщики. Коротче говоря, хочешь участвовать в выставке — помогай привести город, где будет выставка, в приличный вид. Помогай асфальтировать подъездные пути, строй гостиницу для приезжих, налаживай городской транспорт, дерись за общественное питание. Ты улавливаешь?

П а в л и к о в а. Улавливаю, улавливаю.

П е р с ю к о в. Хочется тебе, чтобы перед твоим павильоном на выставке бил фонтан, — пожалуйста. Пусть бьет. Только ты проведи воду.

П а в л и к о в а. То есть?

П е р с ю к о в. То есть строй водопровод.

Павликова записывает, совещается с помощником.

Все предприятия и учреждения с восторгом идут нам навстречу. А область проводит это по госбюджету.

П а в л и к о в а. Это хорошо.

П е р с ю к о в. Правда? Я очень рад, что ты меня поддерживаешь в вопросе выставки. Мерси. *(Есауловой.)* Видишь? А ты нервничаешь. Вы представляете себе картину: сто сорок выдающихся людей страны мчатся на машинах по зеркальному асфальту. На территории выставки пальмы. Электричество. Сияет гостиница. Светофоры. Милиционеры в белых перчатках. Что это? Париж, Лондон, Венеция? Нет, это Конск. Красиво?

П а в л и к о в а. Так что же вы сидите? Надо действовать! Может быть, тебе кто-нибудь мешает? Так ты скажи.

П е р с ю к о в. Да вот область опять задержала ассигновочные бланки. Срывает нам финансирование.

П а в л и к о в а. Срывает? А вот я им сейчас покажу. *(Бросается к телефону.)* Область. Дайте облфинотдел. Васильева. Вы что ж это, батенька, до сих пор не выслали в Конск ассигновочные бланки? Вы знаете, что вы тем самым срываете финансирование строительства выставки? Ах, не знаете? Очень жаль! Надо бы знать. Кто говорит? Я говорю, Павликова. Сейчас высылаете? Ну, то-то. *(Ве-*

шает трубку.) Сейчас высылают. Ну, доложу я вам, и народец! Едем!

Есаулова. Да, да. Едем. Где же Неуходимов? Где Ваткин?

Ваткин и Неуходимов появляются в дверях.

Ваткин. Мы тут.

Есаулова. Сейчас едем.

Ваткин. Уже? Так скоро?

Есаулова. Да, да. Сначала на строительство гостиницы, потом на выставку. (Павликовой.) Ты с нами?

Павликова. Обязательно. Надо посмотреть.

Есаулова (звонит). Передышкин!

Входит Передышкин, за ним милиционер.

Зачем милиционер?

Передышкин. Для Персюкова. А как же?

Есаулова. Темный человек. Вели, чтобы подавали машину. Мы сейчас едем с прокурором на строительство выставки.

Передышкин. Товарищ прокурор, как же быть с Персюковым?

Павликова. Персюков с нами. (Уходит с помощником.)

Передышкин. Я извиняюсь... где же правда?

За окном вдруг раздается джаз. Издали слышится веселая зажигательная песня. Знамена.

Персюков. Видите? Видите, что делается? Граждане Конска идут починять шоссе от вокзала до города, чтобы достойно встретить дорогих гостей. Десять километров шоссе. Видите — джаз? Это джаз юных математиков имени Лобачевского. Почти все на треугольниках играют. (Выскакивает на балкон, кричит.) Да здравствуют граждане нашего города!

Музыка, крики, песня. Персюков возвращается обратно в комнату.

А вы говорите — Конск! Вот вам и по сю сторону хребта.

По радио раздаются известные позывные, после чего слышится вкрадчивый, даже несколько кокетливый женский голос, полный задушевного выражения и обворожительных интонаций.

Голос диктора. Внимание, внимание. Говорит Конск. Сейчас по городской радиотрансляционной сети и

по местной коротковолновой станции Че-Ша-Ща будет передаваться передвижка аптеки.

Е с а у л о в а. Чего передвижка?

П е р с ю к о в. Аптеки. Вот видишь, ты опять начинаешь волноваться.

Е с а у л о в а. Персюков, я не позволю!

П е р с ю к о в. Все будет в порядке. За это я тебе отвечаю.

Г о л о с д и к т о р а. Внимание, внимание. Передаем передвижку аптеки. Товарищи радиослушатели, внимание. В настоящий момент выездной бригадой Всесоюзного радиокомитета в помещении аптеки установлен микрофон. Передача ведется из аптеки. Товарищи, мы находимся в аптеке. Ее сейчас будут передвигать. Но работа в ней не прекратится ни на минуту. Все на местах. Кассирша сидит за кассой. Провизор Борис Абрамович изготавливает лекарства.

Легкая музыка.

Слово имеет заведующая аптекой товарищ Загородная. Дора Александровна, пожалуйста к микрофону.

По мере передачи в кабинет Есауловой набирается народ, жадно слушающий передачу.

Г о л о с з а в е д у ю щ е й. Граждане города Конска. Я говорю из аптеки. Нас сейчас будут передвигать. Тем не менее весь персонал находится на своем посту. Будем видеть. До свидания.

Г о л о с д и к т о р а. Вы сейчас прослушали выступление заведующей аптеки товарища Загородной.

Легкий звон аптекарской посуды.

Это началось передвижение аптеки и дребезжит аптекарская посуда. На данный момент аптека передвинулась на десять — двенадцать миллиметров.

Звон сильнее.

Слышите? Это движется аптека. *(Бытовым голосом.)* Слушайте, скажите, чтобы они там не слишком дергали, невозможно вести передачу. *(Голосом диктора.)* Только что в аптеку пришел покупатель. Это стахановец метизового комбината товарищ Александров. У микрофона товарищ Александров.

Г о л о с А л е к с а н д р о в а. Сегодня на работе я почувствовал головную боль и обратился за советом к нашему сменному инженеру, орденоносцу товарищу Михе-

еву. Товарищ Михеев говорит: «Наверное, у тебя грипп или какая-нибудь другая болезнь. Тебе надо на ночь принять аспирин». Вот я, значит, зашел в аптеку за аспирином, а ее как раз в этот момент передвигают. Дайте мне, пожалуйста, три порошка аспирина.

Сотрясение. Сильный звон упавшего стекла.

Г о л о с з а в е д у ю щ е й. Что они там, с ума сошли?

Г о л о с п р о в и з о р а. Я вас предупреждаю. Она развалится.

Г о л о с д и к т о р а. Тсс! Тсс! *(По радио.)* Товарищи, не волнуйтесь. Это упала всего лишь банка с йодоформом.

П е р с ю к о в. Всего лишь банка с йодоформом.

Падают несколько банок. Сильный толчок.

Г о л о с А л е к с а н д р о в а. Ух ты, черт возьми! Легче, легче!

Г о л о с з а в е д у ю щ е й. Перестаньте дергать!

Г о л о с д и к т о р а. Товарищи радиослушатели, одну минуту...

Неслыханный лягз.

Г о л о с з а в е д у ю щ е й. Я предупреждала!

П е р с ю к о в. Кто же так дергает? Разве так дергают?

Обвал. Тишина.

П е р с ю к о в. Что такое? Наверное, радио испортилось. *(Стучит по радио. Подкручивает винтики.)* Не работает. Вот это номер.

Е с а у л о в а *(бросается к телефону)*. Аптека! Аптека! Аптека! *(Стучит рычагом.)* Не отвечает.

П е р е д ы ш к и н *(смотрит в окно)*. Ух ты! Люди куда-то бегут.

Все бросаются к окнам.

В а т к и н. Там, где была аптека, какая-то туча.

Е с а у л о в а *(в телефон)*. Аптека! Аптека! Аптека! *(Персюкову.)* Ну, Персюков! Ну, друг мой! *(Стучит рычагом.)*

П е р е д ы ш к и н. Стучи, стучи.

Входят заведующая и провизор, покрытые строительным мусором. В руках — весы, две банки и маленькая вывеска с надписью: «Ночной звонок в аптеку № 7».

З а в е д у ю щ а я . Город без медикаментов.

П р о в и з о р . Вот все, что осталось от нашей аптеки.

Е с а у л о в а . Ну, Персюков! Ну, теперь ты нам положишь свой партийный билет.

П е р е д ы ш к и н . И вообще у меня есть данные, что никакого Лобачевского в Конске не было.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Уголок Парка культуры и отдыха в городе Конске, превращенного в выставку. Стенды, павильоны, скульптура, цитрусовые пальмы. Видны экспонаты самого разнообразного характера, от лоханок и валенок до чудесных тканей и керамики. Фонтан. Сбоку электрическая лебедка, которая подымает и опускает небольшой аэростат для обозрения выставки с высоты птичьего полета. Видна корзинка аэростата и его нижняя часть. Иногда он поднимается и опускается с посетителями выставки. При шаре касса и сторож. Задняя стена деревянного театра с дверцей и надписью: «Вход в президиум». Флаги. Музыка. П о с е т и т е л и . Празднично. Чудесный осенний день. Синее сентябрьское небо, желтые листья, круглые облака. Среди посетителей Ш у р а и л е й т е н а н т .

Л е й т е н а н т . Вы не скажете, куда поехали почетные гости?

Ш у р а . В бывший машиностроительный техникум.

Л е й т е н а н т . А что там такое?

Ш у р а . Сегодня машиностроительный техникум реорганизуется в машиностроительный вуз имени Лобачевского.

Л е й т е н а н т . Стало быть, Конск уже имеет свое высшее учебное заведение. Здорово шагнул!

Ш у р а . Вы, наверно, приезжий?

Л е й т е н а н т . Нет, я здешний уроженец. Но последнее время служу в армии. Приехал в командировку.

Ш у р а . И очень удачно попали. Как раз на Лобачевские дни. Гостиницу «Волга» видели? Бульвар Лобачевского видели? Новую аптеку видели?

Л е й т е н а н т . Выдающаяся аптека.

Ш у р а . За восемнадцать дней отгрохали. Скоростным методом. Облицована желтым мрамором. Вместо старой. Старая у нас, знаете, завалилась.

Л е й т е н а н т . Слава богу. Такая рухлядь была.

Ш у р а . По новому маршруту на трамвае, конечно, уже катались?

Л е й т е н а н т . Раза три пришлось.

Ш у р а. Вам как орденосцу полагается бесплатно?

Л е й т е н а н т. Я это не подчеркиваю. А скажите, как долго еще продолжатся торжества?

Ш у р а. Нынче последний день. Сейчас в летнем театре будет торжественное закрытие. Ожидается телеграмма о переименовании Конска в Лобачевск. А то в самом деле: Конск. Даже как-то неудобно. Можно подумать, что здесь главным образом какие-то кони. Правда?

Л е й т е н а н т. Лобачевск крепче. Вы не скажете — профессор Альберт Эйнштейн из Соединенных Штатов Северной Америки приехал?

Ш у р а. К сожалению, не смог. Сообщение через Атлантический океан очень трудное. Всюду мины и подводные лодки.

Л е й т е н а н т. Да, знаете. Военные действия имеют свою неприятную сторону.

Ш у р а. Как находите выставку?

Л е й т е н а н т. Выдающаяся выставка. Оказывается, местная промышленность сильно шагнула. Даже швейные машины и мотоциклы освоили.

Музыка. Крики. Пробегает несколько человек с криком: «Едут! Едут!»

Ш у р а *(вскакивая на скамью)*. Едут! Едут!

Л е й т е н а н т. Где, где? *(Становится на скамью.)* Вижу... Ух ты, сколько машин! Четыре автобуса и трамвай. Все в цветах и зелени. Выдающийся денек.

Ш у р а. Смотрите, смотрите. В тубетейке стоит на первой машине. Это Персюков.

Л е й т е н а н т. Кто это Персюков?

Ш у р а. Один мой близкий знакомый. Персюков — не правда ли, очень красивая фамилия?

Л е й т е н а н т. Да, благозвучная.

Ш у р а. Смотрите. Смотрите. Почетные гости, академики, герои, народные артисты, писатели.

Л е й т е н а н т. Что вы говорите? Прошу прощенья. *(Убегает.)*

Музыка, крики «ура».

Через сцену деловито идет П е р е д ы ш к и н. Рот сжат, глаза сужены. Под мышкой толстая книга. Торопится.

Ш у р а. Между прочим, принято здороваться. Ух ты, какая толстая книга.

П е р е д ы ш к и н. Энциклопедический словарь. На букву Л.

Ш у р а. На букву Л? Любовь? Интерес уешься узнать, что такое любовь?

П е р е д ы ш к и н. Этим пусть другие интересуются.

Ш у р а. Выдающаяся погодка.

П е р е д ы ш к и н. Ничего. Сейчас испортится. Пока. *(Уходит.)*

На заднем плане появляются Е с а у л о в а, В а т к и н, Н е у х о д и м о в, старуха С а р ы г и н а, несколько приезжих и Персюков.

Все нарядны и возбуждены. Цветы. Все, кроме Персюкова, поднимаются по лестничке и входят в дверь президиума. Персюков идет к Шуре.

П е р с ю к о в. Здравствуй, Шуретта, здравствуй, дорогая.

Ш у р а *(прильнув к Персюкову)*. Алешенька. Дружок. Господи, мокрый как мышь, весь замурзанный! Бродячий кот!

П е р с ю к о в. Вспотел. Устал. Ну, что же ты скажешь? Ты мечтала о чем-нибудь подобном? Этот день мне снился всю жизнь.

Ш у р а. Выдающийся денек.

П е р с ю к о в. Правительственной телеграммы еще не приносили?

Ш у р а. Еще не приносили. Я специально стою — жду.

П е р с ю к о в. Наверное, сейчас принесут. Заметила автобусы, трамвай, автомашины? Зеленое с голубым. А? Это я велел выкрасить весь городской транспорт в юбилейные цвета. Надежда и наука. Зеленое — надежда, а уж голубое — наука. Здорово придумал?

Из театра доносятся аплодисменты. Потом голос оратора.

Началось заседание. Ольга Федоровна пошла чесать. Доклад на тему — перспективы развития Кюнска.

Ш у р а. Алеша, когда же мы наконец оформимся? А то, честное слово, неудобно.

П е р с ю к о в. Зашился. Ты же видишь! Вот сегодня проверну гостей, тогда и оформимся.

Ш у р а. Может быть, ты раздумал? Ты теперь стал такой знаменитый.

П е р с ю к о в. Чудачка. У меня — знаешь как? Раз сказал — значит, можешь не сомневаться. Шуретта, давай поднимемся. *(Показывает на аэростат.)* Взовьемся на четыреста метров над уровнем моря, посмотрим с вы-

соты птичьего полета в последний раз на город Конск и поцелуемся.

Ш у р а. Почему в последний раз?

П е р с ю к о в. Потому, что завтра это уже будет не Конск, а Лобачевск. Ну? Летим? Серьезно.

Ш у р а. Ой, нет-нет! Ни за что, ни за что! Лучше сразу умереть! Боюсь.

П е р с ю к о в. Эх ты, трусиха-зайчиха. Тебе бы за Передышкина идти.

Ш у р а. Передышкин — дурак. Только что прошел мимо — еле поздоровался. И под мышкой энциклопедический словарь. Не знаю, что он вообразил.

П е р с ю к о в. Передышкин с энциклопедическим словарем. Мрачное зрелище. Что ему вздумалось?

Ш у р а. Чего-то ищет на букву Л.

П е р с ю к о в. На букву Л? Гм... Это мне уже подозрительно.

Входит девушка-почтальон. Нарядная.

Д е в у ш к а. Доброе утречко. Примите правительственную телеграммочку. Распишитесь вот туточки. Исключительная погодочка. До свиданьечка. (*Уходит.*)

П е р с ю к о в (*прочтя телеграмму*). Позвольте вас поздравить, гражданка города Лобачевска.

Ш у р а. И вас также. (*Жмут друг другу руки.*) Алешенька! Это все ты, ты сделал! (*Обнимает его.*)

П е р с ю к о в. Одну минуточку. Сбегаю в президиум покажу. После доклада Есауловой — огласим. (*Идет быстро, останавливается.*) Они полюбили друг друга в Конске, а расписались в Лобачевске. (*Уходит.*)

Входит Передышкин.

П е р е д ы ш к и н. В домике Лобачевского, конечно, была? Экспонаты, конечно, видела? Визитную карточку Лобачевского заметила?

Ш у р а. Заметила.

П е р е д ы ш к и н (*показывает*). Она?

Ш у р а. Она, где ты взял?

П е р е д ы ш к и н. Похитил в домике Лобачевского.

Ш у р а. Как же ты посмел? Такую редкость... Такую реликвию?

П е р е д ы ш к и н. Реликвию? Плевал я на эту реликвию. Вот. Тьфу!

Ш у р а. Передышкин, ты не в своем уме!

Передышкин. Я-то, положим, в своем. А остальные — не знаю. По-печатному разбираешь? Читай.

Шура (читает карточку). Иван Николаевич Лобачевский.

Передышкин. Иван Николаевич. Так? (Протягивает словарь.) Теперь читай тут.

Шура (читает). «Лобачевский Николай Иванович, великий математик, родился в тысяча семьсот девяносто третьем году».

Передышкин. Стоп. Николай Иванович.

Шура. Николай Иванович.

Передышкин. Понятно?

Шура. Что... понятно?

Передышкин. Иван Николаевич и Николай Иванович. Небольшая разница. Николай Иванович Лобачевский, великий математик (потрясает словарем), и какой-то никому не известный Иван Николаевич Лобачевский (потрясает карточкой). Пес его знает, кто он такой, скорее всего такой же авантюрист и жулик, как твой Персюков.

Шура. Что же это... что же это делается...

Передышкин. Будьте здоровы. Где здесь телефон?

Шура. Куда ты?

Передышкин. Сигнализировать в прокуратуру. И сейчас же обратно, прямо на торжественное заседание. Попрошу слова для внеочередного заявления и зачитаю оба документа. Только Персюкова и видели.

Шура. Передышкин... ты этого не сделаешь.

Передышкин. Ого, еще как! (Уходит.)

Входит Персюков.

Персюков. Через пятнадцать минут кончается доклад, и сейчас же будет оглашаться телеграмма.

Шура. Алеша, что-то невероятное! У нас не тот Лобачевский. Настоящий великий Лобачевский — Николай Иванович, а наш Лобачевский — Иван Николаевич.

Персюков. Что ты говоришь? Кто тебе сказал?

Шура. Передышкин. У него на руках документы. Словарь и визитная карточка. В словаре — Николай Иванович, а на визитной карточке — Иван Николаевич. Своими глазами видела. Алеша, мы страшно обмишурились.

Персюков. Подлая старуха.

Шура. Передышкин побежал сигнализировать. Он

обещал сейчас же вернуться и сделать внеочередное заявление. Что-то немыслимое!

Персюков. Через пятнадцать минут будут оглашать указ о переименовании. Надо Передышкина задержать на пятнадцать минут.

Шура. Ой, ты не знаешь Передышкина! Он тебя непременно завалит.

Персюков. Не во мне вопрос. Надо задержать. Понимаешь? Чтоб он не испортил людям праздник. А там? Пускай меня рубят. Мне себя не жалко. Мне праздника жалко. Такой день, такое торжество... Задержи!

Шура. Как же я его задержу?

Персюков. Не знаю. Как-нибудь. Околдуй. Сведи с ума. Завлеки. Ты же девушка. Сама понимаешь. Замаани.

Шура. Куда же я его завлеку?

Персюков. Куда-нибудь. Куда хочешь. На воздушный шар. Поднимись с ним. *(Идет к кассе шара.)* Дайте два билета. *(Получает билеты.)*

Шура. Ни за что... Ни за что... Только не это...

Персюков. Ради меня! Ради такого дня! Держи билеты!

Шура. Боже мой! Я не знаю, он не захочет.

Персюков. С тобой захочет. Ты же такая девушка! Не подняться с такой девушкой — это же надо иметь каменное сердце. Шурочка! Ради праздника нашего города!

Шура. Ты меня любишь?

Персюков. Клянусь!

Шура. Передышкин идет. Давай билеты. Уходи. Стой. Поцелуй.

Персюков *(целует)*. Не бойся. Смотри вверх.

Шура. Иди.

Персюков уходит.

Буду смотреть вверх.

Входит Передышкин.

Передышкин. *(Бросается к нему и плачет.)*

Передышкин. Ну? В чем дело?

Шура. Я боюсь.

Передышкин. Я думаю, «боюсь». *(Хочет идти.)*

Шура. Не уходи, Передышкин. Постой. Я боюсь.

Мне страшно, что я... чуть не связалась с этим... ужасным человеком.

Передышкин. Ага! Теперь ты его раскусила? Теперь ты поняла, кто такой Персюков и кто такой я?

Шура. Я была дура. Ты мне открыл глаза.

Передышкин. Ага! Ага!

Шура. Вася, прости меня.

Передышкин. Лично я против тебя ничего не имею. Я в это не вношу личного мотива. Пускай твоей ошибке даст принципиальную оценку наша профессиональная организация. Но мне до глубины души горько за тебя. Горько и неприятно. Как ты сразу не заметила, Шурочка, что это за личность? Ничего, что я позволяю себе называть тебя Шурочкой?

Шура. Называй, Вася. Ничего. Хуже не будет. Ты мне истрепал все нервы. *(Прижимается к нему.)* Я тебя нынче во сне видела.

Передышкин. Ага! Вот видишь. *(Хочет ее поцеловать.)*

Шура *(отскакивая)*. Только не здесь... *(Бежит к шару.)*

Передышкин. Где же?

Шура. Поднимемся.

Передышкин. Мне на заседание надо.

Шура. Мы будем одни, Вася!

Передышкин. А билеты? *(Хочет ее обнять.)*

Шура. Есть. Подожди. *(Входит в корзину шара.)*

Иди ко мне. Иди, Васюк, дай руку.

Передышкин. Гоп! *(Вскакивает в корзину.)*

Шура. Вот так.

Передышкин. А может, в другой раз? Когда ветру поменьше будет?

Шура *(сторожю)*. Дедушка, подымай.

Передышкин. Небось наверху болтать будет?

Шура. Подымай! Только повыше.

Передышкин. Зачем же повыше?

Сторож включает лебедку. Шар идет вверх. В полете. Полегче, полегче!

Сторож. Если сомлеете — дайте сигнал.

Голос Шуры. Передышкин, держи меня. Ой, не могу! Ай, мамочка!

Лебедка работает, трос раскручивается.

Сторож *(кричит вверх)*. Молодой человек, не бойтесь! Только первые сто метров страшно!

Входит Персюков.

Персюков. Сколько предельная высота?

Сторож. Пятьсот метров, товарищ директор.

Персюков. Качай на пятьсот метров.

Лебедка работает.

Сторож. Триста метров. Триста пятьдесят. Четыреста.

Голос Передышкина. Довольно! Хватит!

Сторож. Четыреста пятьдесят.

Голос Передышкина. Хва-а-а-тит!

Персюков. Качай.

Сторож. Пятьсот. Стоп.

Персюков (*вверх*). Висишь? Ну, виси, виси.

Слышна речь Есауловой. Аплодисменты.

Папаша. Где я живу, знаешь?

Сторож. Так точно.

Персюков. Сходи и попроси мою маму, чтобы она дала тебе, гм... мое летнее пальто. Принеси его мне. А то что-то становится вроде холодновато.

Сторож. А кто при шаре останется?

Персюков. Я.

Сторож. А вы управитесь, товарищ директор?

Персюков. Безумно сложно.

Сторож. Как прикажете. На вашу ответственность. (*Уходит.*)

Голос Передышкина (*еле слышен*). Персюков! Ты гад!

Персюков. Очень может быть.

Звонок сигнала.

Голос Передышкина. Меня качает!

Персюков. Что? Не слышу. Тебя качает? Пускай качает!

Голос Передышкина. Я больше не могу.

Персюков. Что? Больше не можешь? Рожденный ползать — летать не может.

Голос Передышкина. Давай вниз! Давай вниз!

Персюков. Что? Вниз хочешь? Бросай энциклопедический словарь и визитную карточку. Не слышишь? Словарь и карточку. Понятно? Кидай вниз. Что? Не хочешь? Ну, как хочешь. Тогда виси! Не слышишь? Тогда, я говорю, виси. Ви-си-и!

Нервные звонки сигнала. Мигает красная лампочка.

Мигай, мигай.

Из театра слышатся бурные аплодисменты.

Огласили телеграмму!

Из театра гремит овация.

Кончился Конск. И кончился Персюков.

Входят Есаулова, Ваткин, Неуходимов, старуха Сарыгина, некоторые гости и проч. Все возбуждены.

В руках цветы. В глазах ликование. Все направляются к Персюкову.

Есаулова. Куда же ты скрылся? Вот, товарищи, настоящий герой сегодняшнего праздника! Алексей Степанович Персюков.

Аплодисменты.

Ну, Алеша, прости, если что было между нами. Как говорится: не поцапаешься — не выцарапаешься. Выцарапались.

Есаулова обнимает Персюкова. Он стоит убитый.

Входит сторож.

Сторож. Пожалуйте пальтишко. *(Замечает сигналы.)* Батюшки! А эти до сих пор висят! Небось закачались, сердешные. *(Включает лебедку.)*

Есаулова. Что с тобой, Персюков? Почему молчишь, как красная девица? На тебя непохоже.

Персюков. Я не виноват. *(Надевает пальто.)* Что-то мне холодно.

Есаулова. Уж не заболел ли?

Неуходимов *(выступая вперед с цветами)*. Дорогой Алексей Степанович! Прими эти цветы от товарищей по организации чествования великого русского математика Лобачевского.

Передышкин и Шура появляются в корзине шара.

Передышкин. Стой! *(Выскакивает из корзины.)* Стоп! Все это брехня и сплошная липа. Никакого великого математика Лобачевского никогда в Конске не было.

Есаулова. Как это не было? Да ты спятил?

Передышкин. Не было. Был какой-то, пес его

знает, Иван Николаевич Лобачевский. А настоящий Лобачевский Николай Иванович.

Е с а у л о в а. Что ты говоришь?

Возгласы ужаса.

П е р е д ы ш к и н. То, что ты слышишь. Вот документы. *(Сует Есауловой словарь и карточку.)*

Все окружают его, читают. Возгласы ужаса.

Е с а у л о в а. Что же это такое, товарищи? Ведь мы город переименовали! Персюков, что это значит?

П е р с ю к о в. Произошло недоразумение.

П е р е д ы ш к и н. А-а-а! Вы слышали? Произошло недоразумение. Не тот Лобачевский. Понятно вам это? Не тот!

Е с а у л о в а *(машинально).* Не тот Лобачевский... Да... Не тот... *(Вдруг резко.)* Стой! Лобачевский не тот. Хорошо. *(Со страстью.)* А трамвай — тот? А бульвар — тот? А отель на шестьдесят номеров — тот? А станко-строительный вуз — тот? Весь город не тот. Все не то. Все другое. Все лучше. Лобачевского нет? Отлично! Да здравствует Лобачевск!

П е р е д ы ш к и н. А, вот как? Да тут, оказывается, орудует целая банда! *(Обводит всех грозным, испытующим взглядом.)* Ну, миленькие!.. *(Видит старуху Сарыгину.)* А! Внучка! Здравствуй, бабушка. Подойди-ка сюда, подойди. Стой! Чья это визитная карточка? Кто этот Иван Николаевич? Говори, чертова кукла!

С а р ы г и н а *(ничего не понимая).* Это визитная карточка покойного моего деда Ивана Николаевича.

П е р е д ы ш к и н. Сознаешься?

С а р ы г и н а. По свидетельству моей покойной матушки Ларисы Константиновны, урожденной Извозчиковой...

П е р е д ы ш к и н. К черту покойную матушку, урожденную Извозчикову! *(Грозно.)* Говори, зачем людей обманывала?

С а р ы г и н а. Я не обманывала.

П е р е д ы ш к и н. Обманывала. Вместе со своим общником, прожженным авантюристом Персюковым. Ты нам, старая хрычовка, вкручивала баки, будто твой дедушка Иван Николаевич Лобачевский великий математик, а великий математик как раз Николай Иванович Лобачевский. Что? Засыпалась? *(Потрясает словарем.)* Ну?

С а р ы г и н а. Я не говорила, что покойный Иван

Николаевич математик. Боже меня упаси! Наоборот. По свидетельству моей покойной матушки...

Передышкин. К черту матушку!

Сарыгина. По ее свидетельству, покойный Иван Николаевич, обладая нежной душой и хорошим музыкальным вкусом, превосходно играл на флейте.

Передышкин. К черту флейту! Мы понимаем, при чем тут флейта. Грамотные. Говори лучше, как партию и правительство обманывала.

Сарыгина. Покойный Иван Николаевич, говоря, играл на флейте, а математиком был другой Лобачевский, Николай Иванович Лобачевский, профессор Казанского университета, родной дядя покойного дедушки Ивана Николаевича.

Персюков. Родной дядя?

Сарыгина. Родной дядя. Будучи ordinary профессором Казанского университета, покойный Николай Иванович Лобачевский довольно часто приезжал из Казани повидаться со своим племянником, покойным Иваном Николаевичем.

Персюков. Приезжал повидаться? Куда приезжал?

Сарыгина. В Конск, батюшка, в Конск.

Персюков. Вы слышите? Лобачевский приезжал в Конск. И где же он жил?

Сарыгина. По свидетельству...

Персюков. Ради бога, не надо свидетельства, матушка. Где жил? Говорите, где жил?

Сарыгина. В домике, батюшка, в домике. И с большим удовольствием слушал игру покойного Ивана Николаевича на флейте...

Персюков. Стоп! Все в порядке. Приезжал великий русский математик Лобачевский в бывший Конск? Приезжал. Жил в домике? Жил. Так все в порядке.

Все (*хором, с облегчением*). Жил! Так все в порядке.

Музыка, возгласы, триумф.

Персюков. Товарищи, в чем, собственно, дело? Почему пальба, и клики, и эскадра на реке? Конечно, известные основания для торжества есть. Но разве таким должен быть город Лобачевск? Это вам, дорогие друзья, не Конск! Лобачевск должен быть образцовым городом будущего! Пять гостиниц, четыре очереди водопровода, пятнадцать линий трамвая, хороший аэродром, штук шесть ресторанов, три вуза, сорок колхозов-

миллионеров! Мини-мум! А у нас в Лобачевске? Стыдно признаться. На сегодняшний день заасфальтировано какие-то жалкие три километра улиц, отремонтировано всего одно шоссе, надстроена всего одна гостиница, открыт всего один вуз. Всего один ресторан, всего шесть закусочных и всего один несчастный глубоко провинциальный институт северо-западных танцев... Срам! Вас это устраивает? Меня это не устраивает!

Музыка. Пауза.

(Лукаво в зрительный зал.) Товарищи, вы не знаете, у вас тут случайно профессор Мечников проездом не останавливался?

З а н а в е с

1940

СИНИЙ ПЛАТОЧЕК

Пьеса
в пяти действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Ложкина Ксения Петровна, попросту бабушка.
Даша, девушка 19 лет } ее внуки.
Валя, пионер }
Зоя Фиалкина, подруга Даши.
Андрей Купавин } экипаж среднего танка.
Федя Солнцев }
Вася Девяткин }
Свиридов, лейтенант.
Надя Вороникина, военфельдшер.
Селявина Антонина Васильевна, главный врач
госпиталя.
Петрушкина Валентина Альфредовна.
Первая девушка.
Вторая девушка.
Третья девушка.
Телефонист.
Связной.

Действие происходит частью в небольшом волжском городе Щеглы,
частью на Центральном фронте.

Октябрь — ноябрь 1942 года.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Комната в деревянном домике в городе Щеглы.

I

Бабушка и Валя.

Валя (*вышивает синий платочек*). Бабушка!

Бабушка. Да.

Валя. А теперь чего делать?

Бабушка. А ну-ка, покажи, что у тебя там.

Валя. Во, глядите!

Бабушка. Замечательно! Ну прямо-таки замечательно! Больше нечего и делать. Только подрубить платочек — и все готово. Нет, кроме шуток, Валюшка, у тебя редкие способности. Смотри ты, как чудесно получилась роза! Прямо как живая. Ее понюхать хочется. А листочки! Чудо! И как это все красиво — на синем фоне. Посмотреть издали — ни за что не поверишь, что это все вышито гладью. Да ты у меня, Валька, настоящий художник. Надо бы этот платочек снести в школу, показать вашему учителю рисования. Может, из тебя и вправду великий художник выйдет. Я снесу.

Валя. Бабушка! Вы с ума сошли! Разве можно? Ребята узнают, что я вышиваю, — засмеют. Задразнят. Что я, девчонка?

Бабушка. Не вижу ничего позорного в том, что мальчик вышивает.

Валя. Я не мальчик.

Бабушка. А кто же ты?

Валя. Я пионер.

Бабушка. Ах, извините!

Валя. И мне неудобно. Неловко. Как вы не понимаете! Просто политически бестактно.

Бабушка. Чего? Чего?

Валя (*неуверенно*). Бестактно. Политически.

Бабушка. Ах, извините! Политически бестактно? А курить пионеру политически не бестактно?

Валя. Я не курю.

Бабушка. А почему у тебя в сумке табак, спички и курительная бумага?

Валя. А вы зачем в мою сумку лазили?

Бабушка. Я лазила в твою сумку затем, чтобы положить яблоко и два бутерброда. Тебе же, охломону, на завтрак.

Валя. Давайте не будем говорить друг другу грубости.

Бабушка. Ах, извините, простите! Я забыла. Давайте не будем говорить грубости, но давайте уж тогда, если на то пошло, и не курить.

Валя. Я не курю. Я приобрел эти курительные принадлежности для того, чтобы отправить на фронт бойцам.

Бабушка. Вот как? Милый ты мой!..

Валя. Кроме того, я еще положу в мешочек — у меня есть — записную книжку, карандаш, резинку и вот этот платочек. Бойцу будет приятно, как вы думаете?

Бабушка. Ах ты, мой дорогой! (*Хочет его поцеловать.*)

Валя. Бабушка, не целуйтесь!

Бабушка. Бабушка не может поцеловать собственного внука, своего дорогого, милого мальчика.

Валя. Я не мальчик.

Бабушка. Знаю, знаю! Ты пионер. И целоваться со старой бабушкой — это политически бестактно.

Валя. Нет, это не политически бестактно, но просто как-то неловко. Мальчики узнают — засмеют. Что я, девчонка?

Бабушка. Мальчики не узнают. (*Целует его.*)

Валя. Ну и хватит.

Бабушка. Экий ты стеснительный!

Валя. Я не стеснительный. Бабушка, обещайте мне одну вещь.

Бабушка. Ну?

Валя. Никому не говорите, что я вышиваю.

Бабушка. Да уж обещала. Только не понимаю: что тут позорного?

Валя. Это только у Гоголя губернатор вышивает по тюлю, а мне неловко перед ребятами.

Бабушка. Не знаю, кто там вышивал у Гоголя. Знаю только, что твой покойный дедушка Андрей Андреевич в свободное время великолепно вязал, шил и вышивал, так что, как видно, это у тебя наследственное. И вообще ты весь в покойного дедушку. Одно лицо, одно лицо... *(Хочет поцеловать.)*

Валя. Бабушка, не целуйтесь!

Бабушка. Не буду, не буду!

Валя. Так даете слово, что никому не скажете?

Бабушка. Даю.

Валя. Честное пионерское?

Бабушка. Честное пионерское.

Валя. Так вам нравится платочек?

Бабушка. Замечательно! Тонко, аккуратно, художественно. Лучше, чем у покойного дедушки, честное слово! Так бы тебя и расцеловала. *(Обнимает его.)*

Валя. Бабушка... Не надо, пустите... Мальчики узнают...

Бабушка. Мальчики не узнают.

Целуются.

II

Те же и Даша.

Даша. Они опять целуются! Сколько можно?

Валя. Мы не целуемся. *(Быстро прячет платочек.)* Это она меня целует. Вот видите, бабушка!

Даша. Что это ты все время прячешь?

Валя. Ничего не прячу.

Даша. Валька, дай еще один листик бумаги.

Валя. У меня не склад. Если ты так любишь писать письма, так надо, матушка, иметь собственную бумагу. На тебя не напасешься. Пишешь, пишешь, и ничего не получается.

Даша. Действительно, не получается.

Бабушка. Кому письмо-то?

Даша. Сама не знаю. На фронт. Кому попадет. Вложу в посылку. Пишу, пишу... Шесть листов измарала. Не выходит. Вот седьмой начала...

Б а б у ш к а. А ну-ка покажи. *(Берет письмо, надевает очки, читает.)* «Многоуважаемый товарищ боец! Прошу вас принять от меня прилагаемый при сем подарок, который я посылаю на фронт, и надеюсь, что он...» Кто он? Фронт? И потом — что это за «многоуважаемый товарищ боец», что это за «который», что это за «прилагаемый при сем»? Пишешь на передовые позиции, защитнику родины, может быть, герою — и даже наверное герою, — а слова у тебя какие-то пыльные, канцелярские. Никуда не годится!

Д а ш а. Я и сама вижу.

Б а б у ш к а. Больше чувства. Чтоб бойцу от твоих слов стало тепло на душе. Чтоб он почувствовал, что его любят, что о нем помнят, что родина на него смотрит с надеждой и упованием.

Д а ш а. Я это понимаю. Всей душой чувствую. Только не могу выразить на бумаге.

Б а б у ш к а. Надо выразить. Боец ждет.

Д а ш а *(разрывает письмо).* Валька, дай бумаги.

В а л я. Н^а. Только имей в виду — последний раз.

Д а ш а. Ладно, попробую еще. *(Уходит.)*

III

В а л я и б а б у ш к а, без Даши.

В а л я. Так чего ж теперь с платочком делать?

Б а б у ш к а. Подрубить — и все. Подрубить умеешь?

В а л я. Спрашиваешь!

Б а б у ш к а. Какой гордый. Милый мой! Весь в покойного дедушку.

В а л я. Бабушка! Только не целуйтесь!

Б а б у ш к а. Не буду, не буду!

В а л я. А вы подарок на фронт приготовили?

Б а б у ш к а. Разумеется. Как не приготовить!

В а л я. А что у вас там?

Б а б у ш к а. Да что может бабушка приготовить бойцу? Известно что: варежки шерстяные, носки, портянки суконные. Ну, конечно, махорочка. Затем концентраты различные. Я ведь знаю, чего солдату на фронте хочется: лапшевника пять плиток, гречневой каши пять плиток, борща украинского пять плиток, киселя клюквенного пять плиток, рисового пудинга пять плиток...

В а л я. Рисового пудинга и я бы тоже, пожалуй, попробовал.

Б а б у ш к а. Ах ты, мое золото! Вылитый дедушка! (Хочет его обнять.)

В а л я. Бабушка! Вы мне мешаете подрубить.

Б а б у ш к а. Один только разик! (Целует его.)

IV

Т е ж е и З о я.

З о я. Они опять целуются. Ну что, посылки готовы? Здравствуйте, Ксения Петровна.

Б а б у ш к а. Здравствуйте, Зоя. Готовы.

З о я. Здравствуй, Валька. Что это ты прячешь?

В а л я (пряча платочек). Ничего не прячу. Здравствуйте. Только имейте в виду, я не целовался. Это бабушка целовалась. (Бабушке, угрюмо.) Вот видите, бабушка!

Б а б у ш к а. Да уж ладно, ладно.

З о я. Посылки готовы? Где Даша?

Б а б у ш к а. Письмо пишет.

З о я. Как? Еще не написала? Ах ты, господи! Вот копуха!

V

Т е ж е и Д а ш а.

З о я. Ну? Что же ты? Где посылка? Где письмо? И так опаздываем.

Д а ш а. Да вот все никак не могу написать. Не выходит. Восьмой лист пачкаю. Чувства есть, а слов не нахожу. Может быть, так? (Читает с пафосом.) «Дорогой боец! Родной мой, любимый! Горячо обнимаю тебя, прижимаю к груди, страстно целую».

Б а б у ш к а. Ты что? Белены объелась?

В а л я (хихикает). А вдруг он конопатый?

Д а ш а. Не годится?

Б а б у ш к а. Да что ты, милая!

Д а ш а. Ну, тогда я не знаю. Валька, дай еще один листик.

В а л я. Не дам.

Д а ш а. Ну, я тебя прошу. Последний раз,

В а л я. Последний раз уже был.

Бабушка. Ведь письмо-то кому? Бойцу, на фронт.
Валя. Ну ладно. Только уж это абсолютно самый последний раз. На́.

Даша. Попробую еще раз.

Зоя. Только скорее, Дашка. Ребята с подводой на улице дожидаются. Ты всех задерживаешь. Опоздаем. Дается тебе на все про все ровным счетом три с половиной минуты.

Даша. Сейчас. *(Уходит.)*

VI

Те же, без Даши.

Зоя. Ну, где ваши посылки?

Бабушка. Моя вот.

Зоя. Обстоятельный мешочек.

Бабушка. По возрасту и мешочек.

Зоя. А твой, Валька? Готов?

Валя. Сейчас. *(Отходит в сторону и, чтобы никто не видел, вкладывает в посылку синий платочек и письмо.)*

Готов. Во.

Зоя. Аккуратно. Будто девчонка делала.

Валя. Сама ты девчонка! *(Бабушке, укоризненно.)*
Вот видите, бабушка, до чего вы меня довели!

Бабушка. Ладно, ладно.

VII

Те же и Даша.

Даша *(входя)*. Ничего не выходит.

Зоя. Фу-ты, господи! Ну, хоть что-нибудь да написала?

Даша. Ни одного слова.

Зоя. Вот наказание! Как же быть? Ребята ждут. Катастрофическое положение. Совсем нету мыслей?

Даша. Мысли есть. Слов нет. А ты написала? Покажи. Может быть, что-нибудь подходящее.

Зоя. У меня очень просто. *(Вынимает свое письмо, читает.)* Значит, так: «Дорогой товарищ! Пишу вам слово «дорогой» потому, что вы, как боец доблестной Красной Армии, действительно для всех нас самый любимый,

самый дорогой человек. И пишу вам только одно слово *товарищ*, потому что не знаю вашего имени. Но я надеюсь, что вы мне напишете ответ, и тогда я буду знать ваше имя, отчество и фамилию, и мы будем с вами уже знакомы. Посылаю вам две пачки папирос высшего сорта «А» «Мечта». Курите и мечтайте обо мне, как я мечтаю о вас. Посылаю вам безопасную бритву. Еще посылаю вам флакон одеколona «Сирень». Освежайтесь сиренью, и пусть этот запах напоминает вам весну, и луну, и скамеечку, где мы обязательно будем с вами сидеть, когда встретимся. А мы непременно в жизни встретимся... Я так чувствую. Не правда ли? О себе скажу только, что мне девятнадцать лет и я еще никого не любила».

В а л я. Вот это врешь. А Сашка?

З о я. Молчи! «С нетерпением жду от вас ответа. Возвращайтесь с победой. Любящая вас *Зоя Фиалкина*».

В а л я. В общем, турусы на колесах.

З о я. Молчи! Не твоего ума дело. (*Даше.*) Ну, как?

Д а ш а. Очень хорошо.

З о я. Правда, здорово? Так в чем же дело? Садись в пиши.

Д а ш а. Так — я не могу.

З о я. А как же ты можешь?

Д а ш а. Не знаю.

З о я. Ну, дорогая моя, в таком случае не могу ничего посоветовать.

С улицы в окно стучат. Слышен голос: «Что же вы там копаетесь! Девчата! Давайте посылки, а то уедем!»

Сейчас, сейчас! (*Даше.*) Вот видишь. Ничего не поделаешь. Раз не можешь написать, посылай без письма. Давайте сюда посылки. (*Берет у бабушки и у Вали посылки и кладет в большой мешок. Туда же кладет и свою посылку.*)

В окно стучат.

Сейчас! Даша?

Д а ш а (*подает свою посылку*). Вот.

Зоя кладет Дашину посылку в мешок.

З о я. Все в порядке. Сейчас сдам ребятам и вернусь.

Стук в окно.

Иду, иду!

Д а ш а. Подожди! Дай мне мешочек. Сейчас. (*Снимает со стены свою фотокарточку.*)

З о я. Что это?

Д а ш а. Моя фотокарточка. *(Берет ручку и быстро надписывает карточку на оборотной стороне, затем вкладывает ее в посылку и отдает Зое.)* Все.

З о я. Коротко, но ясно.

Стук в окно.

Уже! Бегу! *(Убегает с мешком.)*

VIII

Т е ж е, без Зои.

Б а б у ш к а. Поехали наши подарочки. *(Шепотом, Вале.)* Поехал твой синий платочек.

В а л я. Бабушка! Вы же обещали...

Б а б у ш к а. Я шепотом.

В а л я. Поехала ваша гречневая каша.

IX

Т е ж е и З о я.

З о я. Готово. Отправила.

Пауза.

Даша, что ты написала на своей фотокарточке?

Д а ш а. Два слова.

З о я. Только?

Д а ш а. Только.

З о я. Какие?

Д а ш а. «Самому храброму».

З о я. И больше ничего?

Д а ш а. Больше ничего.

В а л я. Ух, хитрая! Ловко придумала!

Пауза.

Б а б у ш к а. Поехали, по-о-о-ехали наши подарочки на фронт к бойцам.

З о я. Хоть бы скорее доехали! Хоть бы скорее ответ получить! Какой он, интересно знать?.. Не терпится.

Б а б у ш к а. Кто?

З о я. Мой-то.

Б а б у ш к а. Это кто же твой-то?

З о я. Ну, мой... боец...

В а л я. Да уж известно кто... Наверное, кашевар.

З о я. Сам ты кашевар.

Пауза.

Б а б у ш к а. Поехали наши подарочки, поехала наша любовь.

Д а ш а (*задумчиво.*) Самому храброму...

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Конец зимы. Фронт. Блиндаж. Уютно горит печурка. Электрическая лампочка. Телефон. Перед поднятием занавеса слышна гармонь, на которой наигрывают «Синий платочек».

I

Экипаж среднего танка: Ф е д я, В а с я, А н д р е й и т е л е ф о н и с т.

Федя играет на гармони и с большим чувством мурлычет «Синий платочек».

Т е л е ф о н и с т. А ну-ка, тише! (*В телефон.*) Слушает Картошка. Картошка у телефона. Правильно. В порядке. (*Опускает трубку.*) Проверка линии.

Ф е д я (*продолжает*). «Порой ночной, под высокой зеленой сосной, счастья кусочек — синий платочек, милый, любимый, родной...»

А н д р е й. Мечтаешь?

Ф е д я. Помаленьку. Поскольку время позволяет.

А н д р е й. Застряли перед этими паршивыми Петушками, будь они трижды прокляты, — ни взад-назад! Четвертый день сидим. Никак его оттуда не вышибешь, гада.

Ф е д я. Сильная оборона. Такой орешек, что ого-го!

А н д р е й. Расколем. В конечном итоге.

Ф е д я. Это точно. Погода мешает.

А н д р е й. Метет.

Ф е д я (*напевает*). «Порой ночной, под высокой зеленой сосной...»

А н д р е й. Имеешь в виду кого-нибудь персонально?

Ф е д я. Персонально никого не имею в виду.

А н д р е й. Всех в целом?

Ф е д я. Зачем? Я не такой жадный. Мне и одной хватит. Лишь бы девушка была подходящая.

А н д р е й. А есть такая?

Ф е д я. Пока нет. А кончим войну, раздолбаем фашистов, вернемся домой — тогда поищем. Авось найдется.

А н д р е й. Женишься?

Ф е д я. Безусловно. Буду семью строить. *(Поет.)* «Счастья кусочек — синий платочек, милый, любимый, родной...»

В а с я *(просыпается неожиданно, сонным басом поет)*. Сала кусочек, каши горшочек да каравай вот такой...

Ф е д я. Кто о чем, а наш беспощадный стрелок-радист Вася главным образом насчет пожевать. Слышь, Вася, можно подумать, что тебя здесь не кормят. Смотри, какое личико отъел! За три дня на велосипеде не объедешь!

В а с я. Это у меня после ранения. Организм требует усиленного питания.

Ф е д я. До ранения ты тоже ничего себе рубал. Будьте здоровы.

А н д р е й. Да-а-а, подкачала погодка. Федя, подбрось хворосту в печку.

Ф е д я. Мало хворосту осталось. А ну, ребята, кому очередь за хворостом идти?

А н д р е й. Васина очередь.

Ф е д я. Вася, слышь?

В а с я. Я сплю.

Ф е д я. А ну, живо за хворостом!

В а с я. Почему это именно я должен идти за хворостом?

Ф е д я. Твоя очередь.

В а с я. Разве моя?

Ф е д я. Твоя.

В а с я. У меня раненая нога болит, еле двигается.

Ф е д я. Так чего ж ты сидишь на переднем крае? Ступай в госпиталь.

В а с я. Здравствуйте, я ваша тетя! Я, значит, как дурак, пойду в госпиталь, а вы тут без меня возьмете Петушки? Чересчур вы хитрые. Не выйдет. У меня производственный план: за мою раненую ногу не меньше как штук двадцать фашистов положить под Петушками. И — будьте уверены!

Ф е д я. Так у тебя ж нога еле двигается.

В а с я. А я, слава богу, не ногами из пулемета стреляю. Мне нужно хотя бы один целый глаз и две здоровые руки. Мне этого в танковой атаке вполне хватит. А за ноги я не сильно страдаю. Пускай их хоть совсем не будет.

Ф е д я. Стало быть, за хворостом не идешь?

В а с я. Рад бы, да нога не позволяет. Ломит и ломит. Не иначе к перемене погоды.

Ф е д я. Наверное. Воспаление?

В а с я. Во-во!

Ф е д я. Воспаление хитрости?

В а с я. Ух, какой ты язва!

Ф е д я. Ну, да ладно. Я за тебя, так и быть, схожу. Но имей в виду — последний раз.

Т е л е ф о н и с т. А ну, тихо! *(В телефон.)* Картошка слушает. Так. Понимаю. Сделаем. *(Опускает трубку.)* Хлопцы, там на КП только что привезли подарки.

В а с я. Что ты говоришь!

Т е л е ф о н и с т. Надо послать человека.

В а с я. За подарками? *(Бодро вскакивает с нар.)* Сейчас. В четыре минуты. *(Надевает полушубок.)*

Ф е д я. Заодно и хворосту захвати.

В а с я. На хворост силы не хватит. *(Быстро, хромя, уходит.)*

II

Т е ж е, без Васи.

А н д р е й. А ну-ка, Федя, «Землянку» Суркова.

Федя негромко наигрывает «Землянку».

Т е л е ф о н и с т *(в телефон)*. Редька? Говорит Картошка. В порядке. Проверка линии. Сельдерей? Говорит Картошка. В порядке. Проверка линии. Огурец? Говорит Картошка. В порядке. Проверка линии. *(Опускает трубку.)*

Федя наигрывает «Землянку».

А н д р е й *(поет под гармонь, негромко, с чувством)*. «Бьется в тесной печурке огонь. На поленьях смола как слеза. И поет мне весь вечер гармонь про улыбку твою и глаза».

Ф е д я. Имеешь в виду кого-нибудь персонально?

Андрей отрицательно качает головой.

Никого не имеешь?

А н д р е й. Никого.

Ф е д я. Как же так?

А н д р е й. Не случилось.

Ф е д я. Бывает. Редко, но бывает. *(Наигрывает.)*

Андрей поет следующий куплет.

III

Т е ж е и Н а д я.

Н а д я *(входит)*. Больные есть? Здравствуйте.

Ф е д я. Здравствуйте, Надя. Заходите, дорогая. Больных нет. Есть один умирающий.

Н а д я. Где же он?

Ф е д я. Пошел на командный пункт за подарками.

Н а д я. Кто же это?

Ф е д я. Гвардии ефрейтор Девяткин.

Н а д я. Вася?

Ф е д я. Он самый.

Н а д я. Пошел на командный пункт? За подарками?

Ф е д я. Точно.

Н а д я. Ну, конечно! Я на свою личную ответственность разрешила ему остаться после ранения на переднем крае, при обязательном условии соблюдать хоть какой-нибудь режим. А он совершенно с этим не считается. Вчера куда-то ходил...

Ф е д я. В военторг за колбасой.

Н а д я. Позавчера ходил...

Ф е д я. На батарею к зенитчикам. Там у него один землячок есть, так он как раз из дому четыре кило сала получил.

Н а д я. Третьего дня...

Ф е д я. За добавочной порцией на кухню мотался.

Н а д я. Ну, конечно! Погоди, придет, я ему дам духу!

А н д р е й. Товарищ военфельдшер! Сядьте. Успокойтесь. Разденьтесь. Остыньте. А то, смотри, от тебя уже начинает пар идти. Вышей кружечку чаю.

Н а д я. Спасибо.

Ф е д я. Клади сахар. Что слыхать нового?

Н а д я. Только что к нам доставили одного раненого бойца из-под самых Петушков. Так он говорит, что гитлеровцы впереди своих позиций выгородили такую гро-

мадную стенку из снега — километра на полтора. Облили водой, и теперь она как каменная. Вот сволочи!

Ф е д я. Отчаянно сопротивляются.

А н д р е й. Ничего. А погода как? Метет?

Н а д я. Утихает. Звезды уже кое-где видать.

А н д р е й. К утру утихнет?

Н а д я. Похоже, что утихнет.

А н д р е й. Не мешало бы. Еще кружку, Надюша.

Т е л е ф о н и с т (в телефон). Картошка слушает. Хорошо. В порядке.

Ф е д я (напевает). «Счастья кусочек — синий платочек...»

IV

Т е ж е и В а с я.

В а с я (с грохотом тащит по ступенькам большой ящик). Встать, смирно! Ух ты, тяжелый! Насилу дотащил. Ну-ка, ребята, пособи́те! Что это у нас как будто народу прибавилось? А, товарищ военфельдшер! Я так и предчувствовал, что у нас в блиндаже один лишний человек. Даже два лишних подарка захватил. На всякий случай. Это мне, наверное, сердце подсказало. Верно? Здравствуйте.

Н а д я. Товарищ Девяткин! Вы опять нарушили режим, который я вам предписала! На каких условиях я вас оставила на переднем крае? Вас оставили на переднем крае исключительно на том условии, что вы будете подчиняться режиму. А вы не подчиняетесь режиму. Вам надо лежать и не ходить, а вы встаете и ходите. Вы не бережете свою ногу. Она у вас никогда не заживет.

В а с я. Так она уже давно зажила. На мне ж все царапины заживают, как на собаке. Раз-раз — и готово.

Н а д я. Какая ж у вас царапина, когда у вас рана!

В а с я. Да где ж там рана, когда царапина!

Н а д я. У вас сквозное пулевое ранение верхней трети бедра правой ноги.

В а с я. Подумаешь, ранение! Я понимаю, если у человека голову отрывает — это ранение. А то небольшая, аккуратная дырочка в мягком месте. Она мне совершенно не мешает.

Н а д я. И не болит?

В а с я. И не болит.

Н а д я. А ну, пройдитеесь.

В а с я. А для чего это?

Н а д я. Пройдитесь, или я вас немедленно отправлю в госпиталь.

В а с я. А они за это время Петушки возьмут? Нет уж, извините. (*Прохаживается перед Надей, стараясь не хромать.*)

Н а д я. Только не симулируйте.

В а с я. Я не симулирую.

Н а д я. Температура нормальная?

В а с я. А я даже не знаю, что это за ненормальная.

У меня всегда нормальная.

Н а д я. Рыбий жир принимаете?

В а с я. Какой рыбий жир?

Н а д я. Который я принесла в бутылке и велела принимать для общего укрепления организма три раза в день по столовой ложке.

В а с я. Ах, тот, в бутылке?..

Н а д я. Вы его принимаете?

Ф е д я. Он его в тот же день весь съел с хлебом.

Н а д я. Хорошо. Теперь будете принимать витамин С. Возьмите. Дайте-ка вашу ногу, я посмотрю.

В а с я. Товарищ Воронихина, разрешите быть свободным? Вы же видите, время идет, а экипаж страдает без подарков.

Н а д я. Имейте в виду — другой раз отправлю в госпиталь. Сколько можно!

Ф е д я. Ну, давай, давай!

А н д р е й. Только чтоб без махинаций. По-честному.

В а с я. Какие могут быть махинации! Я себе забираю две, а вы — как хотите.

Ф е д я. Э, нет, Васечка, не выйдет! А ну, отойди от ящика! Андрей, становись спиной. Будешь выкликать по фамилиям, а я буду вынимать подарки.

В а с я. А я?

Ф е д я. А ты, Васечка, будешь принимать витамин С.

В а с я. Я бы лучше принял витамин М. «Московская».

А н д р е й (*повернувшись спиной*). Ну, давай.

Ф е д я (*вынимает подарок*). Кому?

А н д р е й. Гвардии красноармейцу Лебедюку.

Ф е д я (*подает подарок телефонисту*). Получай.

Т е л е ф о н и с т. Ложи здесь. Я на посту. Потом распечатаю. (*В телефон*). У телефона Картошка. В порядке. Хорошо.

Ф е д я. Кому?

А н д р е й. Гвардии ефрейтору...

В а с я. Это мне.

А н д р е й. ...Солнцеву.

В а с я. Мордою о стол.

Ф е д я. Стало быть, мне. Ладно. Беру. Дальше кому?

А н д р е й. Военфельдшеру Воронихиной.

Ф е д я. Получай, Надя. Дальше кому?

А н д р е й. Гвардии лейтенанту Свиридову.

Ф е д я. Есть. Отложим до прихода.

В а с я. Дай мне. Я сберегу. У меня, брат, все равно как в Государственном банке.

Ф е д я. Обойдется и без тебя, Васечка. Дальше кому?

А н д р е й. Гвардии ефрейтору Девяткину.

В а с я. Фу, наконец! Давай скорее.

Ф е д я. Получай.

В а с я. Что же она такая маленькая? *(Нюхает.)* Ничем интересным не пахнет. А нельзя попробовать счастья еще один раз?

Ф е д я. Не полагается. Счастье, Васечка, бывает в жизни только раз.

В а с я. Очень жаль. А ну, давай посмотрим, что там такое. *(Нетерпеливо раскрывает посылку.)*

Ф е д я. Последнему.

А н д р е й. Гвардии сержанту Купавину. Мне.

Ф е д я. Правильно. Держи свое счастье.

А н д р е й. Спасибо.

Пауза. Все заняты подарками.

В а с я *(вытаскивает вещи из своей посылочки)*. Папиросы «Мечта». Ух ты, какие тоненькие! За один раз таких папирос надо штук десять выкурить, чтоб сколько-нибудь накуриться. Действительно «Мечта»! Табака нет, одна мечта. Одеколон «Сирень». Граммов пятьдесят от силы. Э! Что это завернуто в бумажку? Имеет вес. Вроде брусочек сала? Бритва. Тьфу! *(Продолжает разбирать посылку, бормочет укоризненно.)* Эх, девушка, девушка, не угадала ты мою нежную душу!

Ф е д я *(возится со своей посылочкой.)* Синий платочек!

А н д р е й. Где?

Ф е д я. В моей посылке. Смотри!

А н д р е й. Чудеса! Недаром ты все время «Синий платочек» пел. Вот и напел себе, напророчил.

В а с я. Не иначе как это твое счастье.

Н а д я. Судьба.

Ф е д я. А что вы думаете? Очень может быть.

Надя. Разреши-ка.

Федя. Пожалуйста. *(Дает Наде платочек.)*

Надя. Замечательная работа! Прямо художественная! Видать, девушка с большим вкусом вышивала. Настоящая мастерица!

Федя. Я думаю. У моей Валечки золотые руки.

Вася. Это какая же твоя Валечка?

Федя. Та, которая этот платочек мне вышила. *(Берет у Нади платочек.)*

Вася. А ты почему знаешь, что она Валечка?

Федя. Письмо есть. Написано: «Валя».

Вася. Ну ладно. Валя. А почему это она твоя?

Федя. Платочек мой, — стало быть, и девушка моя. Довольно ясно. «Счастья кусочек — синий платочек, милый, любимый, родной». Посылочка с намеком. Надо понимать. Да и в письме тоже. Видишь? *(Читает письмо.)* «Дорогой товарищ! Посылаю вам табак, курительную бумагу, спички, записную книжку и на память платочек своей работы. Вы, наверно, герой, я в том не сомневаюсь...» Видать, девушка с понятием. «Мне очень, очень хочется быть вместе с вами и уничтожать врагов нашей родины». Хорошая девушка! Настоящая боевая подруга! Мне именно такую и надо. «Но, к сожалению, это пока невозможно. Приходится оставаться в тылу. Очень жалко и обидно. Хотя меня утешает мысль, что у нас фронт и тыл едины. И все же я вам ужасно завидую: вы, наверное, часто находитесь в бою и всегда можете себе достать трофейный немецкий автомат или автоматический пистолет с патронами. А у нас тут это очень трудно. Очень хотелось бы с вами познакомиться и подружиться». Видишь, ей хочется со мной познакомиться и подружиться. Ясно. «Крепко целую вас. Валя». «Крепко целую». Крепко, понятно? Нет, это дело ясное. Девушка что надо. Сейчас напишу ей ответ, заведу переписку, а после войны, если останусь жив, будем вместе семью строить.

Вася. А вдруг ты ей не понравишься?

Федя. Я? Не понравлюсь? Ты меня смешишь. *(Напевает.)* «Синий платочек — счастья кусочек, милый, далекий, родной». *(Отходит в сторону, вынимает из полевой сумки карандаш, бумагу, пишет письмо.)* «Дорогая Валюша...»

Вася. Слышь, Федя.

Федя. Что?

Вася. В твоей посылке больше ничего такого нет?

Федя. Чего *такого?*

В а с я. Чего-нибудь солидного. Пожевать.

Ф е д я. Нету.

В а с я. Жаль. А то я думал, может, сменяемся. У меня бритва хорошая. *(Наде.)* А у тебя что?

Н а д я. А вот сейчас посмотрю.

В а с я. Может быть, что-нибудь такое попадетсЯ.

Н а д я *(вынимает из мешочка разные вещи)*. Варезжки. Портянки. Носки.

В а с я. Не совсем то.

Н а д я. Махорка.

В а с я. Это уже лучше.

Н а д я. А вот еще что-то... Не пойму... Какие-то не то коробочки, не то пакетики, не то кубики.

В а с я. А ну, а ну! Кубик! Это интересно. Покажите. Стой! Стой!! Пищевые концентраты! Пять плиток лапшевника! Пять плиток гречневой каши! Пять плиток борща украинского! Пять плиток клюквенного киселя! Пять плиток рисового пудинга! Отдаете себе отчет? Рисового пудинга! Это вам не «синий платочек». Вот это настоящая девушка посылала, настоящая подруга жизни! Меняюсь, идет?

Н а д я. Погоди. Дай подумаю.

В а с я. Да чего там думать! Ты посмотри, что я тебе даю. Папиросы «Мечта». Высший сорт «А». Одна штука десять других заменяет. Незаменимая вещь для военного фельдшера. В полном смысле слова «Мечта»! Одеколон «Сирень». Один запах чего стоит! Сирень, весна, соловьи. Она и он, луна... Безопасная бритва. Запасные ножи. Помазок. Тазик. Красота. Бриться — одно удовольствие. Попробуй.

Н а д я. Обалдел!

В а с я. Ах, извините! Я забыл, что вы девушка.

Н а д я. А вы не забываете.

В а с я. Больше не буду. Но это не важно: бритву вы всегда можете сменять на что-нибудь другое. Ну? Меняемся? А то, знаете, я сильно люблю пищевые концентраты. Они мне полезны для моего расстроенного здоровья.

Н а д я. Хорошо. Только с одним условием — что вы будете соблюдать режим и не слишком много ходить. Обещаете?

В а с я. Обещаю.

Н а д я. Возьмите.

Меняются мешочками.

(Вполголоса, нежно.) Вася, я тебя очень прошу, лично.

В а с я (рассеянно). Безусловно, безусловно! (Углубляется в изучение мешочка.)

Ф е д я (неожиданно, с отчаянием). Товарищи! Беда!

В с е. Что? Что случилось? В чем дело?

Ф е д я. Адрес!

В а с я. Какой адрес?

Ф е д я. Не знаю. Нету адреса. Не написала. Забыла. И фамилии нету. Забыла. Ничего нету. Все забыла. Одна только подпись: «Валя».

В а с я. И синий платочек.

Ф е д я. И синий платочек. Что ж теперь делать?

В а с я. Утереть слезы синим платочком и забыть свою Валю.

Ф е д я. Забыть? Валю? Никогда! Ты меня плохо знаешь. Я ее все равно найду.

В а с я. Конечно. Пара пустяков. Простой адрес: «СССР, девушке Вале. В собственные руки». Через три дня дойдет.

Ф е д я. Вот беда! Такая девушка... Как вижу! Волосы русые, золотистые. Глаза синие. Ротик веселый. Характер нежный. И главное — меня любит. Так и пишет: «Дорогой». «Дорогой боец...» Ах, какая досада! Но ничего, все равно разыщу.

В а с я. Придется тебе, значит, собрать девушек Валь со всего Советского Союза и просеять через большое сито.

Ф е д я. Зачем? Посылки известно из какого города. На ящике написано: «Щеглы». Стало быть, Валя из Щеглов. Это уже легче.

В а с я. Правильно. Вроде как в одном рассказе Чехова мальчик посылал письмо на деревню дедушке.

Ф е д я. Не важно. Все равно. Кончится война, приеду в Щеглы, весь город переверну, Валю свою найду. Слово танкиста!

Н а д я (вслух читает письмо из посылки). «Дорогой товарищ! Пишу вам слово «дорогой» потому, что вы, как боец доблестной Красной Армии, действительно для всех нас самый любимый, самый дорогой человек.... Посылаю вам две пачки папирос высшего сорта «А» «Мечта». Кури-те и мечтайте обо мне, как я мечтаю о вас». Ладно. Буду курить и мечтать. «Посылаю вам безопасную бритву. Еще посылаю вам флакон одеколона «Сирень»... Пусть этот прелестный запах напоминает вам весну, и луну, и скамеечку, где мы обязательно будем с вами сидеть, когда встретимся». Ну что ж, можно будет посидеть и на скамеечке. «А мы непременно в жизни встретимся. Я так чувствую. Не правда ли?» Безусловно, только скандал

получится страшный. «О себе пока скажу только, что мне девятнадцать лет и я еще никого не любила». Вот это навряд ли. «С нетерпением жду от вас ответа. Возвращайтесь с победой. Любящая вас *Зоя Фиалкина*». Ох, не угадала ты малость, Зоя Фиалкина! Зоя Фиалкина... Видишь, Вася, какую выдающуюся девушку ты променял на пищевые концентраты? И тебе не жалко?

В а с я. Не беспокойся, твоя Зоя ничто по сравнению с моей Ксенией.

Н а д я. Какой твоей Ксенией? Кто это Ксения?

В а с я. Бывшая твоя, которую ты обменяла на безопасную бритву. Ксения Петровна Ложкина. Город Щеглы, Кооперативная, десять, квартира два. Это вам не синий платочек. Это вам не какая-нибудь «Мечта». Девушка солидная, обстоятельная. Нет, вы только вдумайтесь, товарищи: пять плиток лапшевника, пять плиток гречневой каши, пять плиток борща украинского, пять плиток клюквенного киселя, пять плиток рисового пудинга... Сразу видать настоящую нежную женскую душу. Конечно. Женюсь.

Н а д я. На ком?

В а с я. На моей Ксенечке.

Н а д я. Ты? *(Смеется.)* Ты?

В а с я. А что, я у бога телянка съел? Сейчас же ответ ударю. А то кто-нибудь другой подхватит. Такую девушку нельзя упустить. *(Поспешно достает из сумки бумагу и карандаш. Пишет.)* «Дорогая Ксения Петровна! В первых строках моего письма сообщаю, что концентраты ваши получил в полном порядке, за что вам очень благодарен... Я полюбил вас с первого взгляда...» Какие могут быть шутки, когда дело касается концентратов! *(Пишет.)* «Надеюсь, вы меня будете с нетерпением ждать, как обрисовал наш любимый фронтовой автор Константин Симонов: «Жди меня, и я вернусь, только очень жди...» Андрей, как дальше?

Андрей не слышит, весь углубившись в созерцание карточки Даши, которую он уже давно вынул из своего мешочка, и все не может от нее оторваться.

Андрей, слышишь? Тебе говорю! Андрей!

А н д р е й *(очнувшись)*. Да?

В а с я. Что ты там рассматриваешь?

А н д р е й. Карточку. Из посылки.

В а с я. А ну, покажи. *(Заглядывает.)* Хорошенькая.

А н д р е й. Хорошенькая? Сказал! Красавица.

Ф е д я. Где, где красавица?

В а с я. А ну-ка, ну-ка! (*Рассматривает.*) Ух ты, какой хитрый. Получил фотокарточку и молчит. Подходящая девушка. Лет на девятнадцать. Кудрявенькая.

А н д р е й. Сам ты кудрявенький! Не хватай грязными лапами.

Ф е д я. Я не хватаю. Гляди, Надя.

Н а д я (*заглядывает*). Ого! Смотри ты, какую себе нашел! Как зовут?

А н д р е й. Не знаю.

Н а д я. А письмо?

А н д р е й. Письма нету.

Ф е д я. Как же так — карточка есть, а письма нету?

А н д р е й. Карточка есть а письма нету. И адреса нету.

Н а д я. Наверное, где-нибудь есть. Не может быть. Поищи хорошенько.

А н д р е й. Да уж все перерыл. Нету. Одна только карточка. (*Наде.*) Не тронь руками.

Н а д я. Смотри, какой ревнивый!

Ф е д я. Страсть! Глаз не спускает. Ты чего, Андриюша, влюбился?

Андрей молчит.

Н а д я. В такую можно.

В а с я. А в посылке? Пожевать чего-нибудь есть?

А н д р е й. Нету.

В а с я. Так что же ты на нее любишься, не понимаю? Ну, девушка и девушка. Довольно бесхозяйственная. Не то что моя Ксенечка.

Ф е д я. Дай-ка еще разик взглянуть.

А н д р е й. Только без рук.

Ф е д я (*смотрит*). Ничего себе. Даже очень ничего. Погоди. Там что-то написано.

А н д р е й. Где?

Ф е д я. На обороте. (*Читает.*) «Самому храброму».

А н д р е й. Точно. «Самому храброму».

В а с я. Где «самому храброму»?

Н а д я. И верно. Самому храброму. Молодец, девушка!

А н д р е й. Вот история!

Все оживленно рассматривают карточку, навалившись на Андрея. Смех. Восклидания. Входит лейтенант Свиридов.

С в и р и д о в. Что случилось?

Ф е д я. Встать, смирно!

С в и р и д о в. Сидите, сидите! (*Быстро идет к телефонисту.*) Соедините с командным пунктом.

Т е л е ф о н и с т. Сельдерей! В порядке. Картошка. Сейчас с вами будут говорить. (*Свиридову.*) Сельдерей на проводе.

С в и р и д о в. Командир четвертого хозяйства. По вашему приказанию. Свиридов. (*Слушает.*) Так. Понимаю. Точно. Коробочка в полном порядке. Экипаж тоже. Жду листика. До свиданья. (*Кладет трубку.*) Ну, так в чем же у вас тут дело? Почему дискуссия?

Ф е д я. Да вот, товарищ лейтенант, в одной из посылок попалась фотокарточка девушки. Написано только два слова: «Самому храброму».

С в и р и д о в. Дайте. (*Берет карточку.*) Точно: «Самому храброму». Красивая девушка, ничего не скажешь.

В а с я. Как же быть?

С в и р и д о в. А чего ж? Раз самому храброму, стало быть, самому храброму. Самый храбрый, шаг вперед!

Никто не двигается.

Правильно. Я так и ожидал. Все храбрые и все скромные. Как и подобает гвардейцам.

Прячет карточку в полевую сумку.

Через час десять минут атака на Петушки. Наша машина головная. Сейчас получил приказ. Ну так вот, самый храбрый получит карточку.

V

Т е ж е и с в я з н о й. Он в белом маскировочном халате, с автоматом. С него валится снег.

С в я з н о й. Здесь лейтенант Свиридов?

С в и р и д о в. Я.

С в я з н о й. Товарищ лейтенант, примите приказ.

С в и р и д о в. Хорошо. Идите.

Связной уходит.

VI

Т е ж е, без связного.

С в и р и д о в (*читает приказ.*) Через двадцать две минуты начнется артподготовка. Через сорок минут — экипаж в машину. А пока отдыхайте. Нет ли чайку?

В а с я. Ну, гады, расплатятся они сегодня со мной за ногу! Крепко расплатятся!

Пауза. Андрей сидит неподвижно, глубоко задумавшись. Федя наигрывает «Синий платочек». Лейтенант пьет чай, рассматривая карту и делая на ней отметки, справляясь с приказом.

Н а д я. Вася!

В а с я. Да?

Н а д я (*негромко*). До свиданья.

В а с я. До свиданья.

Н а д я. Дай руку. Желаю удачи. (*Еще тише.*) Голубчик... ты не очень... Не зарывайся... (*Подходит к Свиридову.*) Разрешите быть свободной?

С в и р и д о в. А я вас и не заметил. Что вы тут у нас делаете?

Н а д я. Зашла посмотреть гвардии ефрейтора Девяткина, как у него нога.

С в и р и д о в. Ну, и как у него нога?

Н а д я. В порядке. Почти поправилась.

С в и р и д о в. В бой идти может?

Надя думает. Вася смотрит на Надю страшными глазами и делает ей энергичные знаки.

Н а д я. Может.

С в и р и д о в. Хорошо. Свободны.

Н а д я (*поворачивается по уставу и выходит. Выходя, замедляет шаг возле Васи; тихо*). Счастливо, Вася. Желаю...

В а с я. Спасибо.

Надя уходит.

VII

Т е ж е, без Нади.

В а с я. Хороший фельдшер! Каждый день заходит ко мне ногу осматривать. (*Со вздохом.*) Медицина!

С в и р и д о в. Знаем мы эту медицину.

В а с я. Никак нет.

С в и р и д о в. Точно так.

Пауза. Федя тихонько наигрывает «Синий платочек».

А н д р е й (*подходит к лейтенанту; нерешительно*). Разрешите обратиться?

С в и р и д о в. Пожалуйста.

А н д р е й. Неофициально.

С в и р и д о в. Еще лучше.

А н д р е й. Товарищ лейтенант... Я даже не знаю, как сказать... У меня к вам большая просьба... личная...

С в и р и д о в. С удовольствием! Что могу, сделаю.

А н д р е й. Дайте мне фотокарточку. Я с нею хочу в бой пойти. Положу в карман и пойду. Пусть она мне сердце греет.

С в и р и д о в. Ага! Дело серьезное.

А н д р е й. А то, что там написано: «Самому храброму», вы за это не сомневайтесь. И вы же меня знаете. Я оправдаю ваше доверие.

С в и р и д о в. Слово гвардейца?

А н д р е й. Слово гвардейца.

С в и р и д о в (*долго смотрит на Андрея*). Хорошо, возьмите. (*Дает Андрею карточку.*)

А н д р е й. Спасибо, товарищ лейтенант! (*Кладет карточку в левый боковой карман.*)

С в и р и д о в. Но имейте в виду — если не оправдаете доверия, отберу карточку.

А н д р е й. Я оправдаю доверие.

Слышен очень далекий и глухой пушечный выстрел.

С в и р и д о в (*смотрит на часы*). Точно. Началась артиллерийская подготовка.

Федя наигрывает «Землянку».

А н д р е й (*тихонько поет*).

«Бьется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза,
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза».

Два пушечных выстрела. Кое-кто начинает одеваться, подтягивать снаряжение. Снимают с гвоздей танкистские шлемы.

А н д р е й (*поет, ему подпевают*).

«Про тебя мне шептали кусты
В белоснежных полях под Москвой.
Я хочу, чтоб услышала ты,
Как тоскует мой голос живой».

Подряд быстро, один за другим, три пушечных выстрела.

В а с я. Крепко бьют.

А н д р е й (*поет*).

«Ты теперь далеко, далеко,
Между нами снега и снега...»

(Надевает шлем.)

С в и р и д о в *(смотрит на часы)*. Ну-ка, ребята, через две минуты в машину.

Ближкий разрыв.

Ф е д я *(прислушивается)*. Немец отвечает.

В а с я. Ну, погоди, дорвусь я до него!

А н д р е й *(поет, все подпевают)*.

«Пой, гармоника, вьюге назло,
Заплутавшее счастье зови.

Мне в холодной землянке тепло
От твоей негасимой любви».

С в и р и д о в. Экипаж, в машину!

Выстрелы.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Кладовая госпиталя в городе Щеглы, отделенная от освещенного коридора матовой стеклянной перегородкой.

I

Д а ш а и З о я. Даша вынимает из большой корзины белье, только что принесенное из прачечной. Она укладывает его аккуратными стопочками на полки. Входит Зоя, неся охапку обмундирования и снаряжения, снятого с раненых.

Д а ш а. Много раненых нынче привезли?

З о я. Восемь человек.

Д а ш а. Есть тяжелые?

З о я. Один очень тяжелый. Три ранения: в голову, в грудь, на два сантиметра от сердца, и в ногу. Особенно в ногу. Что-то невероятное. Какая-то каша из мяса и костей. Все время в бессознательном состоянии.

Д а ш а. Будет жив?

З о я. Не знаю. Молоденький парень. Танкист.

Д а ш а. Какое горе! Боже мой, какое горе!

З о я. Ранен во время танковой атаки. Башенный

стрелок. Командира танка убило, так он принял командование, прорвался со своим танком к противнику в тыл и наделал там что-то немыслимое. Разгромил несколько минометных батарей, взорвал штаб, подавил гусеницами более тридцати фашистов.

Д а ш а. Есть же люди!

З о я. Ого! Ну, давай записывать. *(Раскладывает вещи по кучкам и диктует Даше, которая заполняет карточки.)* «Номер 794. Красноармеец Липатов Иван Федорович. Гимнастерка, шаровары, пояс, сапоги».

Д а ш а *(пишет)*. «Гимнастерка, шаровары, пояс, сапоги».

З о я. «Кружка, ложка, фляжка». *(Рассматривает фляжку.)* Пробита осколком. Как разворотило!

Д а ш а *(пишет)*. «Кружка, ложка, фляжка».

З о я. «Записная книжка, нож...» Все. *(Берет вещи, сворачивает и кладет в специальный ящик.)* Так. Дальше. «Номер 795. Красноармеец Тихонов Степан Яковлевич. Гимнастерка, шаровары, пояс, кисет, трубка, компас, кружка, ложка, книжка, фляжка». Все.

Д а ш а. Дальше.

З о я. «Номер 796. Гвардии сержант Купавин Андрей Николаевич». Тот самый, тяжелый, который прорвался со своим танком «Гимнастерка, шаровары, пояс, свитер шерстяной, часы-браслет, зажигалка, записная книжка, комсомольский билет». Пробит пулей. Весь в засохшей крови. Видать, лежал в левом кармане, и пуля его прошила. *(Рассматривает.)* Смотри, чудесное лицо!

Д а ш а *(смотрит)*. Простое. Веселое. Милое. Лицо героя. Неужели не выживет?

З о я. «Карандаш, записная книжка, фотокарточка». Тоже пробита пулей. *(Рассматривает.)* Залита кровью. Какая-то девушка. *(Вскрикивает.)* Даша!

Д а ш а. Что такое? Что случилось?

З о я. «Самому храброму».

Д а ш а. Где?

З о я. Что-то невероятное.

Д а ш а. Не может быть.

З о я. Смотри.

Д а ш а. Моя карточка! Он тут!

Пауза. Зоя убирает вещи в шкаф. Даша, не выпуская из рук своей карточки, идет к двери.

З о я. Ты куда?

Д а ш а. К нему.

З о я. Что ты? Разве можно?

Д а ш а. Я должна. Мне надо.

З о я. Сядь, успокойся.

Д а ш а. Ты понимаешь это?

З о я. Сядь.

Д а ш а. Пусти. Сейчас же!.. Или мы поссоримся.

II

Входит главный врач госпиталя С е л я в и н а.

С е л я в и н а. Четыре комплекта в седьмую палату.

Д а ш а. Антонина Васильевна, освободите меня от работы.

С е л я в и н а. Вы больны?

Д а ш а. Я здорова. Но мне крайне необходимо. Переведите меня из кладовой в лечебную часть.

С е л я в и н а. Но у вас нет специальной подготовки.

Д а ш а. Антонина Васильевна! Я не прошу медико-сестринской сестрой, я прошу кем-нибудь: санитаркой, сиделкой, няней, уборщицей. Я буду делать все, что вы прикажете.

С е л я в и н а. Что с вами? Что случилось?

Д а ш а. Только что к нам в госпиталь поступил гвардии сержант Купавин. Я должна быть возле него. Антонина Васильевна, пожалуйста.

С е л я в и н а. Это ваш родственник?

Д а ш а. Нет.

С е л я в и н а. Близкий... человек?

Д а ш а. Да, это близкий человек. Очень близкий. Самый близкий на свете.

С е л я в и н а. Понимаю.

Д а ш а. Нет, нет! Вы не понимаете. Я его не видела никогда в жизни. Я его не знаю. Я только положила в кيسет свою фотокарточку. А теперь... только что... Вы видите? *(Показывает карточку.)* Она вернулась ко мне.

З о я. Она была в бою у него на груди.

Д а ш а. Я была в бою у него на груди.

С е л я в и н а. Я понимаю.

Д а ш а. Мы связаны. Вы понимаете? Кровью. На всю жизнь. Я должна быть вместе с ним навсегда. Конечно, если он захочет. Я даю честное слово. Антонина Васильевна, пожалуйста... Можно? *(Сдерживает слезы.)*

С е л я в и н а. Бедная девочка! Конечно. Только наденьте халат.

Д а ш а. Спасибо.

З о я. Надень халат.

Д а ш а. Да, да, халат. И косынку. Чтоб волосы не путались. *(Надевает поспешно халат.)* Зоя, зайди к нашим. Скажи, что я сегодня не вернусь. Пусть не беспокоятся. Объясни. *(Идет к двери.)*

С е л я в и н а. Подождите. Не ходите. Дело в том...

Д а ш а. Что? Может быть... Антонина Васильевна, он жив?

С е л я в и н а. Да. Но в очень тяжелом состоянии. Слишком много потерял крови. А главное — нога. Кость совершенно раздроблена. Вероятно, ее придется отнять. Он еще в операционной. Очень, очень тяжелый случай!

Д а ш а. Надежда есть?

С е л я в и н а. Если крепкое сердце, тогда возможно. Но если... Во всяком случае, операцию делает сам Константин Константинович. Подождите, я схожу.

Д а ш а. Вы придете, когда кончится?

С е л я в и н а. Да, да, конечно! Успокойтесь, возьмите себя в руки.

Д а ш а. Вы тогда... скажете?

С е л я в и н а. Я скажу. *(Уходит.)*

III

Т е ж е, без Селявиной.

Д а ш а. Зоя, пойми...

З о я. Это ужасно.

Д а ш а. Что же делать? Что же мне теперь делать? Который час?

З о я. Без четверти четыре.

Д а ш а. Я сойду с ума.

З о я. Ну, давай дальше.

Д а ш а. Что?

З о я. Садись. Пиши. «Номер 797. Старшина Шевцов Никита Власович. Гимнастерка, шаровары, пояс, кружка, ложка, фляжка...»

Д а ш а *(автоматически)*. «Кружка, ложка, фляжка...» *(Кладет голову на руки.)*

З о я. Ну, что же ты?

Д а ш а. Ничего. Сейчас. *(Вытирает слезы.)* Ну, кто там следующий?

З о я. «Номер 798. Сержант Родионов Борис Васильевич. Гимнастерка, шаровары, сапоги...»

Д а ш а. «Шаровары, сапоги...» *(Вскакивает.)* Зоя! Там...

З о я. Что? Что ты увидела?

Д а ш а. Там... *(Смотрит на стеклянную перегородку, где в сильном электрическом свете иногда двигаются тени людей и носилки.)* Нет. Ничего. Мне показалось... Давай дальше.

З о я. «Часы-браслет, компас, планшет, ложка, кружка, фляжка...»

Д а ш а *(автоматически)*. «Ложка, кружка, фляжка...» Зоя, если он... Если только он... Он должен жить. Ты понимаешь — должен! Стой! Тихе! *(Смотрит на перегородку.)* Везут из операционной.

З о я. Я ничего не вижу.

Д а ш а. Я тебе говорю — везут. Я слышу. Видишь? *(За стеклом медленно движутся тени носилок, людей.)* Это он. Его везут.

З о я. Тихе!

Дверь медленно открывается.

IV

Входит С е л я в и н а. Пауза.

Д а ш а. Скажите...

С е л я в и н а. Сердце крепкое.

Д а ш а *(бросается к ней)*. Антонина Васильевна! Родненькая! Да? Скажите, я хочу слышать... Да?

С е л я в и н а. Да.

Д а ш а. Жив?

С е л я в и н а. Жив. Но ногу ампутировали.

З о я. Какое несчастье!

Д а ш а. Что ты! Это ничего. Это совершенно ничего не значит! Главное — он жив. Зочка, Антонина Васильевна... Вы понимаете это — жив! Он жив! Я сейчас же... *(Порывисто бросается к двери.)*

С е л я в и н а. Подождите. Сначала успокойтесь. Не забывайте, что он еще не пришел в сознание. У него очень, очень тяжелое положение. Может быть, он будет в бессознательном состоянии еще долго, несколько дней. Ему нужен полный покой, абсолютная тишина...

Д а ш а. Тишина? Да? Антонина Васильевна, вы видите? Я совсем спокойна. Я пойду. Можно?

С е л я в и н а. Идите.

Д а ш а. Я пойду. Он не услышит. Спасибо, Антонина Васильевна! (*Шепотом.*) Зоя, скажи дома, что я не вернусь. Я пойду совсем тихо. Тихонечко-тихонечко. (*Уходит на цыпочках.*)

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Палата для одного. Перед утром.

I

А н д р е й и Д а ш а.

Андрей лежит на койке с забинтованной головой. Он еще без сознания, хотя прошло несколько дней. На столике, рядом с лекарствами и цветами, горит лампочка под цветным абажуром. Даша, очень утомленная, сидит у постели и читает «Войну и мир». Видно, что она дежурит, не раздеваясь и не засыпая, уже несколько суток. Оконная занавеска чуть краснеет от восходящего солнца. Солнечный свет борется с искусственным. Это очень утомляет зрение. Даша перестает читать и, немного свесив голову, всматривается в лицо Андрея. Входит тихо С е л я в и н а.

II

Т е ж е и С е л я в и н а.

С е л я в и н а. Вы спите?

Д а ш а. Нет.

С е л я в и н а. Ступайте домой, отдохните. Я пришлю другую сиделку.

Д а ш а. Не надо.

С е л я в и н а. Вы знаете, сколько вы не ложились? С двадцать четвертого числа. Шесть суток. Разве можно?

Д а ш а. Я немножко поспала. На стуле.

С е л я в и н а. У вас опухшее лицо, красные глаза.

Д а ш а. Это от абажура.

С е л я в и н а. Вы очень устали.

Д а ш а. Да. Но это ничего.

С е л я в и н а. А вы упрямая.

Д а ш а. Я не упрямая. Мне здесь хорошо. Я все равно в другом месте не смогу спать.

С е л я в и н а. Как больной? Не приходил в себя?

Д а ш а. Нет.

С е л я в и н а. Ночью не стонал?

Д а ш а. Стонал. Сначала очень сильно стонал и пытался поворачиваться. Мне даже показалось, что он жалуется на боли в ноге. В самой ступне. За эти дни я так к нему привыкла, что угадываю каждое его движение. Как странно! Ноги нет, а ему кажется, что она болит.

С е л я в и н а. Это часто бывает.

Д а ш а. Да. Но это очень страшно. Вы понимаете — он еще не знает, что у него нет ноги. *(Закрывает лицо руками.)*

С е л я в и н а. Поэтому, когда он придет в себя, вы должны быть крайне осторожны.

Д а ш а. Я понимаю.

С е л я в и н а. Сразу нельзя говорить. Надо очень деликатно. Надо найти слова... Такие слова...

Д а ш а. Я найду.

С е л я в и н а. Беда! В таком цветущем возрасте лишиться ноги...

Д а ш а. Ничего, Антонина Васильевна, это ничего. Главное — он жив. Вы понимаете — жив! Какое счастье! Который час?

С е л я в и н а. Восьмой. *(Прислушивается к дыханию Андрея.)* Дышит ровно.

Д а ш а. Ему ночью впрыснули пантопон. *(Поднимает штормы.)* Господи, какое утро! *(Подходит к кровати, смотрит на Андрея и тушит лампочку.)* Он часто просит пить. Давать? Я не знаю.

С е л я в и н а. Это очень хорошо. Давайте побольше. Томатный сок еще есть?

Д а ш а. Есть.

С е л я в и н а. Давайте томатный сок. Давайте пивовник. Давайте воду с сахаром. Я еще зайду. *(Уходит.)*

III

Т е ж е, без Селявиной.

Д а ш а *(вытирает себе лицо, намочив полотенце из графина, прибирает растрепавшиеся волосы под косынку, отчего ее лицо становится старше и строже. Подхо-*

дит к окну, стоит, сильно освещенная солнцем, за окном падает сверкающая капель.) Какое утро! Какое утро! (Подходит к койке и долго смотрит в лицо Андрея. Очень тихо.) Я тебя люблю.

Пауза.

А н д р е й (в бессознательном состоянии). Водички!

Д а ш а. Пей, родненький!

А н д р е й (медленно приходит в себя). Что это было?
Где я?

Д а ш а. В госпитале.

А н д р е й. Вы сестра?

Д а ш а. Сиделка.

А н д р е й. Стало быть, мамаша. (Пытается подняться, стонет.) Ох!

Д а ш а. Не поднимайтесь. Вам не полагается.

А н д р е й. Мамаша, выходит, я ранен?

Д а ш а. Да.

А н д р е й. Руки целы. Голова... (Ощупывает забинтованную голову.) Сильно?

Д а ш а. Довольно большая ссадина над левой бровью. Кожа сорвана, но уже заживает, а кость цела.

А н д р е й. Это меня, видать, об налобник стукнуло, когда под гусеницу мина попала, да я сгоряча не заметил. Петушки взяли?

Д а ш а. Я не знаю. Какие Петушки?

А н д р е й. Главный ихний узел сопротивления. Деревня Петушки. Ну, как же! Петушки все знают... Это какой госпиталь? Далеко от фронта?

Д а ш а. Далеко. Может быть, слышали — город Щеглы?

А н д р е й. Не слыхал. Где это?

Д а ш а. На Волге.

А н д р е й. Ух ты! Мамаша, выходит, я тяжело ранен? Не пойму — куда?

Д а ш а. В грудь навылет. Пуля прошла на два сантиметра ниже сердца.

А н д р е й. Ага. То-то у меня будто что-то давит в спине. Ай!

Д а ш а. Поэтому нельзя подыматься и поворачиваться. Если надо, вы скажите, я вас поверну. А сами не ворочайтесь!

А н д р е й. Спасибо, мамаша. А ноги целы?

Д а ш а. Левая нога сильно задета.

А н д р е й. Ступня и пальцы?

Д а ш а. Да.

А н д р е й. Понятно. То-то у меня левая ступня ноет и довольно-таки крепко пальцы болят. Как пошевелишь, так они и болят. А вся нога — как бревно. Не двинешь. Что она у меня, в лубках, что ли?

Д а ш а. Да. Только вы так много все-таки не разговаривайте. Вам еще нельзя.

А н д р е й. Хромой не останусь?

Д а ш а. Вам свет из окна не мешает? В глаза не бьет? Может быть, немного прикрыть?

А н д р е й. Спасибо, мамаша, не стоит. Пускай мне солнышко посветит.

Д а ш а. Почему вы меня называете «мамаша»?

А н д р е й. А как же! Сиделка — стало быть, мамаша.

Д а ш а. Разве я такая солидная?

А н д р е й. По голосу будто нет. А по наружности — не скажу. Перевязка мешает как следует видеть.

Д а ш а. Не подымайтесь, не подымайтесь! Я сама. *(Становится так, что Андрей ее лучше видит.)* Ну?

А н д р е й. Верно, на мамашу не похожи. Скорей всего сестра. Да и то младшая. Сестренка.

Д а ш а. Так и зовите.

А н д р е й. Ладно. Сестренка! *(Смеется. Вдруг, что-то вспомнив, делается озабоченным.)* Сестренка, а документы мои не пропали? Записная книжка, комсомольский билет... *(Застенчиво.)* Фотокарточка одна была. В порядке?

Д а ш а. Все в полной сохранности. В канцелярии госпиталя. По специальному акту.

А н д р е й. Ладно. Сестренка... а нельзя ли мне сюда фотокарточку? Это очень для меня дорогая вещь.

Д а ш а. Можно. *(Вынимает из книги и подает ему фотокарточку.)* Она?

А н д р е й. Она. *(Рассматривает.)* Ловко. Под самую пулю попала.

Д а ш а. Это кто? Наверное, ваш... близкий человек?

А н д р е й. Да, самый близкий. Нравится?

Д а ш а. Не знаю. Слишком кудрявая.

А н д р е й. Э! Давайте карточку! *(Делает резкое движение — боль.)* Ох!

Д а ш а. Лежите, лежите! Я пошутила. Хорошенькая девушка.

А н д р е й. Хорошенькая? *(С укором смотрит на Дашу.)* Сестренка, сестренка! Много вы понимаете! Не хорошенькая, а лучше не бывает.

Д а ш а. Как зовут?

А н д р е й. Ее?

Д а ш а. Ну да.

А н д р е й. Не знаю.

Д а ш а. Вот те на! Как же так? Близкий человек...

А н д р е й. Так получилось. Пришли на фронт подарки. В моей посылке вместо письма вот эта карточка. А на карточке ни адреса, ни имени, ни фамилии. Только два слова: «Самому храброму».

Д а ш а. Да, я знаю. Ужасно глупо.

А н д р е й. Что глупо?

Д а ш а. Что она так написала.

А н д р е й. Это почему же?

Д а ш а. А если он не самый храбрый?

А н д р е й. Коли не храбрый, то, значит, и не стоит такой девушки. Такую девушку заслужить надо. Ведь вы посмотрите.

Д а ш а. Да уж видала. Выходит дело, влюбились?

А н д р е й. Влюбился? Нет, сестренка, не то слово. Со мной так еще никогда не было. Первый раз в жизни. Верьте слову. Как глянул — так будто родное лицо увидел. Такое родное, что уж роднее не бывает на свете. Еще роднее сестренки. Будто я ее всю жизнь, с самых малых лет, знал и любил. Будто с ней в школе на одной парте сидел. И только потом будто забыл. А тут взглянул на карточку и снова вспомнил. И уж на всю жизнь. Вы чего там делаете? Смеетесь? Вы не смейтесь.

Д а ш а. Я не смеюсь. *(Вытирает слезы.)*

А н д р е й. Это — как в романе Пушкина «Евгений Онегин». Татьяна еще не была знакома с Евгением, даже карточки его не видала, а он уж ей снился и был для нее самый любимый... На всю жизнь. Так и она для меня самый дорогой, самый любимый человек. На всю жизнь.

Д а ш а. Как же вы ее теперь найдете?

А н д р е й. Не знаю.

Д а ш а. А вдруг никогда не встретитесь?

А н д р е й. Непременно встречу. Не может быть, чтоб мы в жизни не встретились. Она моя боевая подружка. Мы с ней вместе в атаку на Петушки ходили.

Д а ш а. Ну, ладно, встретились — а вдруг она вас не полюбит?

А н д р е й. Тогда будет для меня плохо.

Д а ш а. Она полюбит вас.

А н д р е й. А ну как останусь хромой? У меня, сестренка, что-то нога слишком тяжелая.

Д а ш а. Не думайте об этом. Вам волноваться не полагается. Лежите и поправляйтесь. Все будет хорошо. И больше не разговаривайте. На первый раз хватит. Спите. А я посижу возле вас.

А н д р е й. Я вам, наверное, уже здорово надоел?

Д а ш а. Не говорите глупостей. Спите. А я читаю.

А н д р е й. Что вы читаете?

Д а ш а. «Войну и мир».

А н д р е й. Читайте громко.

Д а ш а. У меня третий том.

А н д р е й. А и не надо с начала. Читайте, откуда остановились.

Д а ш а. Это не годится.

А н д р е й. Ничего, пожалуйста!

Д а ш а. Ну ладно. Только вы все-таки постарайтесь заснуть. *(Читает.)* «Князь Андрей собрал все свои силы, чтобы опомниться, он пошевелился, и вдруг в ушах его зазвенело, в глазах помутилось, и он, как человек, окунувшийся в воду, потерял сознание. Когда он очнулся, Наташа, та самая живая Наташа, которую из всех людей в мире ему более всего хотелось любить тою новою, чистую... *(вытирает глаза)* любовью, которая была теперь открыта ему, стояла перед ним на коленях. Он понял, что это была живая, настоящая Наташа, и не удивился, но тихо обрадовался. Наташа, стоя на коленях, испуганно, но прикованно (она не могла двинуться) глядела на него, удерживая рыдания. Лицо ее было бледно и неподвижно. Только в нижней части его трепетало что-то. Князь Андрей облегченно вздохнул, улыбнулся и протянул руку.— Вы? — сказал он.— Как счастливо! — Наташа быстрым, но осторожным движением подвинулась к нему на коленях и, взяв осторожно его руку, нагнулась над ней лицом и стала целовать ее, чуть дотрагиваясь губами.— Простите! — сказала она шепотом, подняв голову и взглядывая на него.— Простите меня! — Я вас люблю, — сказал князь Андрей.— Простите...— Что? Простить? — спросил князь Андрей.— Простите меня за то, что я сде...лала,— чуть слышным прерывным шепотом проговорила Наташа и чаще стала, чуть дотрагиваясь губами, целовать руку.— Я люблю тебя больше, лучше, чем прежде, — сказал князь Андрей, поднимая рукой ее лицо, так чтоб он мог глядеть в ее глаза».

Андрей держит перед собой карточку и смотрит на нее.

«Глаза эти, налитые счастливыми слезами, робко-сострада-
дательно и радостно-любовно смотрели на него. Худое и
бледное лицо Наташи с распухшими губами было более
чем некрасиво, оно было страшно. Но князь Андрей не
видел этого лица, он видел сияющие глаза, которые были
прекрасны. Сзади них послышался говор...»

А н д р е й *(испуганно)*. Слушайте.

Д а ш а. Что?

А н д р е й. Здесь написано... *(Показывает карточку.)*
Смотрите... «От Даши Ложкиной». Той же самой рукой.
Этого раньше не было. Кто это написал?

Д а ш а. Даша Ложкина написала.

А н д р е й. Где она?

Д а ш а. Здесь. *(Снимает косынку.)*

А н д р е й *(узнавая)*. Это ты?

Д а ш а. Это я, Андрюша.

А н д р е й. Даша! Ты! *(Делает движение к ней.)*

Д а ш а. Не надо. Не подымайся. Я сама. *(Низко скло-
няется и нежно и долго целует Андрея.)*

Входит С е л я в и н а.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Уличка в городе Щеглы. Скамеечка. Садик перед домом, где живут
Ложкины. Два крыльца: одно — на улицу, другое — в садик. Весна.
Сирень. Видна Волга, отражающая весеннее небо с облаками.

I

Ф е д я входит.

Ф е д я *(устало)*. Ну и городок! Будьте здоровы. Три-
дцать процентов девушек — Вали, и ни одной подходя-
щей. Уморился. *(Садится на скамеечку.)*

II

Приходит 1 - я д е в у ш к а.

Ф е д я *(всматривается, встает ей навстречу)*. Одну
минуточку! Простите за беспокойство. Разрешите обра-
титься?

1 - я д е в у ш к а. Пожалуйста.

Ф е д я. Как ваше имя?

1 - я д е в у ш к а. Клава. А что?

Ф е д я. Ничего. Очень жаль. Я извиняюсь. (*Отходит, садится.*)

1 - я д е в у ш к а. Пожалуйста. (*С недоумением уходит.*)

III

Ф е д я (*огорченно*). Ясно.

IV

Проходят две д е в у ш к и.

Ф е д я. Одну минуточку! Простите за беспокойство. Разрешите обратиться?

2 - я д е в у ш к а. С удовольствием.

Ф е д я. Как ваше имя?

2 - я д е в у ш к а. Клава.

Ф е д я. Так.

2 - я д е в у ш к а. А что?

Ф е д я. Ничего. (*Другой.*) А ваше?

3 - я д е в у ш к а. Люба. А что?

Ф е д я. Ничего. Очень жаль. Я извиняюсь. (*Отходит, садится.*)

2 - я д е в у ш к а (*с некоторой обидой*). С удовольствием.

Уходят.

V

Ф е д я один.

Ф е д я (*огорченно*). Ясно, ясно. Ну, ничего.

VI

Идет нарядная П е т р у ш к и н а. Она не очень молода, но исключительно некрасива.

Ф е д я. Одну минуточку! Простите за беспокойство. Вы, часом, не Валя?

П е т р у ш к и н а. Валя.

Ф е д я (*слегка испуганно*). Нет, серьезно?

Петрушкина. Абсолютно. Валентина Альфредовна Петрушкина. Могу паспорт показать. А что?

Федя. Вы посылку на фронт послали?

Петрушкина. Посылала.

Федя. В конце марта?

Петрушкина. В конце марта.

Федя (*про себя*). Ох! (*Ей.*) А что там было?

Петрушкина. Папиросы, бритва, платочек.

Федя. Платочек! (*В отчаянии, про себя.*) Ой!

Петрушкина. А что?

Федя (*с дрожью*). Какого цвета?

Петрушкина. Забыла. Кажется...

Федя. Синий?

Петрушкина. Крем-роза.

Федя (*радостно*). Кремовый?!

Петрушкина. Да.

Федя. Спасибо, спасибо! (*С чувством жмет ей руку.*)

Петрушкина. Ах! Так это, значит, вы получили мой сувенир?

Федя. Ой, нет, нет, что вы! Совсем не я.

Петрушкина. За что же вы меня в таком случае благодарите?

Федя. За товарища. Я извиняюсь. До свиданья.

Петрушкина (*с недоумением*). До свиданья. Наверное, контуженный. (*Уходит.*)

VII

Федя один.

Федя. Ух!! Отделался легким испугом.

VIII

Вася выходит из домика Ложкиных.

Вася. Здорово, Федя! Ты чего здесь делаешь?

Федя. Свою Валю ищу.

Вася. Ну и что ж, нашел?

Федя. Пока не нашел.

Вася. Я так и думал.

Федя. Но найду. Обязательно найду. Будьте уверены.

Вася. Как же ты ищешь?

Федя. По квадратам.

В а с я. Как это?

Ф е д я. Очень просто. Разбил город на квадраты и ищу. На каком-нибудь квадрате непременно найду.

В а с я. Трудное твое дело.

Ф е д я. Не легкое. А ты как сюда попал, на этот квадрат?

В а с я. К своей заходил. Познакомиться.

Ф е д я. К какой это «своей»?

В а с я. К невесте своей Ксенечке. Которая мне концентраты присылала.

Ф е д я. Как же ты ее нашел? По квадратам?

В а с я. Зачем мне твой квадрат! Она мне точный адрес написала. Девушка точная. Город Щеглы, Кооперативная, десять, квартира два. Ксения Петровна Ложкина. И никаких квадратов. Вот этот самый домик и есть.

Ф е д я. Ну и что, познакомился?

В а с я. Дома не застал. Дверь открыл какой-то мальчик, пионер. Видать, ее милый братишка. Я говорю: «Здесь живет Ксения Петровна Ложкина?» А он говорит: «Как же, как же! Только ее сейчас дома нет. На рынок пошла. Скоро вернется. А вы, говорит, наверное, гвардии ефрейтор Девяткин?» — «Точно, — говорю. — А что, разве Ксения Петровна про меня говорила?» — «Как же, как же, говорит, даже очень часто про вас вспоминает. Ей очень, говорит, ваши письма понравились (стало быть, мои письма). Ждет, говорит, не дождется с вами познакомиться». (Видал, как мое дело быстро оборачивается?) Приглашал зайти в квартиру и подождать ее. Но я не стал. Сказал, что через часик зайду.

Ф е д я. Почему не стал дожидаться?

В а с я. Хочу за это время в военторг сбежать. Возьму чего-нибудь для невесты. Не с пустыми же руками явиться. Шоколадных конфет или там чего полагается. Может быть, цветов каких-нибудь разживусь букета два-три. Селе-очки к чаю. И никаких квадратов. (*Уходит.*)

IX

Ф е д я один.

Ф е д я. Повезло, черту! Ну, да ничего. Я свое все равно возьму. Весь город через сито просею, а Валечку найду. Вон еще идет какая-то. (*Всматривается.*) Сердце го-

ворит, что непременно она. Волосы русые, золотистые. Глаза синие. Ротик веселый. Ей-богу, она! Вылитая она, Валечка!

Х

Входит З о я.

Ф е д я. Простите за беспокойство. Гвардии ефрейтор Солнцев.

З о я. Очень приятно. Фиалкина.

Ф е д я (*про себя*). Она.

З о я. В чем дело?

Ф е д я. Разрешите обратиться?

З о я. С удовольствием.

Ф е д я. Синий платочек. Вам это ничего не говорит?

З о я. Говорит.

Ф е д я (*про себя*). Она! (*Ей.*) Что же он вам говорит?

З о я. Он мне говорит... (*Напевает.*) «Синенький, скромный платочек падал с опущенных плеч. Ты говорила, что не забудешь ласковых радостных встреч. Это?»

Ф е д я. Точно. Это самое. (*Напевает.*) «Порой ночной...»

З о я (*продолжает*). «...ты распростился со мной. Нет прежних ночек. Где ты, платочек, милый, желанный, родной?»

Ф е д я. Тут! (*Показывает на сердце.*)

З о я. Правда? В таком случае, что же мы стоим посреди улицы? Сядем.

Садятся.

Ф е д я. Точно. (*Напевает.*) «Кончилась зимняя стужа. Даль голубая ясна. Сердце согрето, вернется и лето, солнцем ласкает весна...» Правда?

З о я. Вы так думаете?

Ф е д я. Безусловно. (*Напевает.*) «Порой ночной, под высокой зеленой сосной...»

З о я. «Синий платочек»?

Ф е д я. «Счастья кусочек». (*Про себя.*) Она, чтоб мне провалиться!

З о я. «Милый, желанный, родной!»

Ф е д я. Я сразу понял ваш намек.

З о я. Какой намек?

Ф е д я. Вы послали на фронт посылку?

З о я. Посылала.

Федя. Когда?

Зоя. В конце марта.

Федя. Правильно. *(Про себя.)* Она!

Зоя. Так это вы?..

Федя. Получил вашу посылку!

Зоя. Я сразу это почувствовала. Как только вас увидела. Даже ноги подкосились.

Федя. Почему?

Зоя. Мне так сердце подсказало, что это непременно вы.

Федя. И мне тоже. Подсказало. И ноги тоже. Подкосились.

Зоя. Правда?

Федя. Честное слово.

Зоя. Ну, что вы скажете? Прямо как в театре. А письмо мое получили?

Федя. Конечно.

Зоя. Почему же вы не ответили?

Федя. Да ведь вы адрес забыли написать.

Зоя. Не может быть!

Федя. Точно.

Зоя. Ах, я разиня! Как же это меня угораздило?

Федя. Я как увидел, что адреса нету, так у меня, знаете, прямо в голове помутилось.

Зоя. Правда?

Федя. Ну конечно! Потерять такую девушку!

Зоя. Откуда вы знали, какая я девушка?

Федя. По письму сразу видать. Характер мужественный. Волосы русые, золотистые. Глаза синие. Ротик веселый. Бровки самостоятельные. Настоящая боевая подруга. Лучше не надо.

Зоя. Ну что вы, что вы!

Федя. Точно. Хорошо еще, что на ящике надпись была: «Город Щеглы». А то не знаю, как бы вас и нашел.

Зоя *(сияя)*. Вы, значит, сюда специально из-за меня с фронта приехали?

Федя. Вроде. Хотя тут, скорее всего, вышло приятное совпадение фактов. Нас сюда приехало с фронта шесть гвардейцев — делегация для вручения знамени заводу номер шестьдесят пять. Вчера вечером вручали. Так что одно к одному.

Зоя. До чего хорошо! Однако как же вы меня нашли? Щеглы — город не маленький.

Федя. А я его по квадратам разбил. Как раз на триста двенадцатом квадрате вы мне и попались.

З о я. Видно, от судьбы не уйдешь!

Ф е д я. Где там! Разве от нее уйдешь?

З о я. И вы во мне не разочаровались?

Ф е д я. Напротив. Вы еще лучше, чем я о вас мечтал.

З о я. И вы то же самое.

Ф е д я. Значит, можно считать, полная взаимность?

З о я. Да, как хорошо! Вы у нас в Щеглах долго про-
будете?

Ф е д я. Ровно двенадцать...

З о я. Дней? Ой, как мало!

Ф е д я. Зачем дней? Часов. С поездом в ноль три-
дцать уезжаем обратно на фронт. Так что у нас еще масса
времени. Разрешите с вами говорить начистоту, по-гвар-
дейски. Я полюбил вас с первого взгляда... за ваше письмо.
И тут же, прямо в блиндаже, в боевой обстановке, я дал
перед всем нашим танковым экипажем железное слово
гвардейца, что либо вы будете моей, либо я буду ваш.
Одно из двух. Извините, что я так грубо обрисовал кар-
тину. Вы не обижаетесь?

З о я. Наоборот. Вы так интересно рассказываете. Про-
должайте.

Ф е д я. Теперь мы с вами встретились наяву, и я сме-
ло могу сказать, что не ошибся. Вы для меня как раз тот
самый положительный женский тип, с которым после
окончательного разгрома врага можно будет с удовольст-
вием строить прочную семейную жизнь. Слово за вами.

З о я. Вас как звать?

Ф е д я. Федя.

З о я. Я согласна. *(Кладет голову на его плечо. Меч-
тательно.)* Федя... Я так и знала, что мы непременно
встретимся и непременно будем сидеть весной на ска-
меечке...

Ф е д я *(мурлыкает)*. «Ночной порой под зеленой вы-
сокой сосной...» *(Обнимает ее и осторожно целует.)*

З о я. Нельзя. Увидят.

Ф е д я. Кто увидит?

З о я. Мама.

Ф е д я. А где она?

З о я. Мы живем тут напротив. В том доме: Коопера-
тивная, десять, квартира один. Я домой шла.

Ф е д я. Какое совпадение! Как раз в этом самом до-
мике у одного моего товарища, гвардии ефрейтора Девят-
кина, невеста живет. Тоже по письму познакомились. Она
ему все пищевые концентраты на фронт посылала. А он,
понимаешь, обжора, такого другого во всей действующей

армии не сыщешь. Влюбился, страсть! Жениться собирается. Ксения Петровна Ложкина.

З о я. Ксения Петровна из квартиры номер два?! Ой, не могу! (*Хохочет.*) Так ведь она старушка, бабушка! Ей семьдесят лет.

Ф е д я. Да ну?

З о я. Ей-богу.

Ф е д я. А он за букетом побежал. Ай, Вася! Ай, обмишулился! (*Хохочет.*) Так ему, бродяге, и надо. «У тебя, говорит, девушка неподходящая, бесхозяйственная, даже адрес забыла написать, ее по квадратам искать приходится. То ли дело моя Ксенечка». А Ксенечке ровным счетом семьдесят лет... Это называется промазал так промазал... (*Садится от смеха.*) Ксенечка...

Входит бабушка с корзинкой. Идет к своему дому.

З о я. Тихе! Вот она идет.

Ф е д я. Кто?

З о я (*шепотом*). Ксенечка.

ХІ

Те же и бабушка.

З о я. Здравствуйте, Ксения Петровна.

Бабушка. Здравствуй, попрыгунья.

З о я. Знаете новость?

Бабушка. Какую?

З о я. К вам гость приехал.

Бабушка. Кто такой?

З о я. Гвардии ефрейтор Девяткин. Прямо с фронта.

Бабушка (*радостно*). Да не может быть! Вот приятный сюрприз! (*Феде.*) Голубчик мой, как я рада! Это вы, что ли?

Ф е д я. Никак нет.

З о я. Это мой... гость.

Ф е д я. Гвардии ефрейтор Солнцев.

З о я. Друг и приятель вашего Девяткина.

Бабушка. Вот как? Очень приятно. А где же Василий Иванович?

Ф е д я. Вася Девяткин, что ли? Василий Иванович Девяткин, видите ли, пошел в военторг за покупочками. Через полчасака появится.

Бабушка. Что же вы на улице стоите? Милости просим к нам. Чайку попить. (*Зое.*) Приглашай своего витязя.

Ф е д я. Покорно благодарю.

Б а б у ш к а. Ужасно мне не терпится увидеть Василия Ивановича.

Ф е д я. Ему тоже не терпится.

Б а б у ш к а. Он мне такие ласковые письма с фронта писал. Как же, как же, Вася Девяткин! Говорят, он покушать любит. А мне, знаете, такие люди очень нравятся, которые с аппетитом. Я люблю, чтоб у меня в доме гости ели.

Ф е д я. За это не беспокойтесь. Все подметет.

Б а б у ш к а. Как же, как же! Мне много про него рассказывали. И про все рассказывали. Про весь ваш танковый экипаж.

Ф е д я. Кто же это вам все рассказывал?

Б а б у ш к а. Некто гвардии сержант Кулавин.

Ф е д я. Андрюша Кулавин?

Б а б у ш к а. Совершенно верно.

Ф е д я. Он тут, в Щеглах?

Б а б у ш к а. Да, в здешнем госпитале. Ему ногу ампутировали.

Ф е д я. Что вы говорите?! Вот беда!.. А мы и не знали. Как же так? Надо сейчас же... Где этот госпиталь?

З о я. Я как раз в нем работаю. Отсюда два шага.

Ф е д я. Проводите?

З о я. Разумеется. (*Шепотом.*) Куда иголка, туда и нитка.

Ф е д я (*бабушке*). Так вы разрешите?..

Б а б у ш к а. Только непременно к нам возвращайтесь. Будем чай пить. В садике, под сиренью. И Андрея зовите. Он у нас частый гость.

Ф е д я. Слушаюсь.

З о я. Возьми меня под руку.

Ф е д я. Есть.

Уходят.

ХII

Б а б у ш к а одна.

Б а б у ш к а (*подходит, садится на крылечке своего домика, отдыхает*). Ах вы, мои милые! Ах вы, мои хорошие! Сколько вдруг солнца, зелени, молодости...

Входит Д а ш а.

Д а ш а (*взволнованно*). Бабушка! Андрей у нас?

Б а б у ш к а. Нет.

Д а ш а. И не приходил?

Б а б у ш к а. И не приходил.

Д а ш а. Тогда я не понимаю... Бабушка, по-моему, с Андреем что-то случилось.

Б а б у ш к а. Бог с тобой!

Д а ш а. Оказывается, вчера, рано утром, потихоньку, ничего мне не сказав, он выписался из госпиталя, взял вещи и ушел. Куда — неизвестно.

Б а б у ш к а. Мало ли куда.

Д а ш а. Ему некуда.

Б а б у ш к а. Не беспокойся. Явится. Придет.

Д а ш а. Бабушка! Я чувствую — не придет. Больше никогда не придет.

Б а б у ш к а. Что ты, что ты! У вас, может быть, вышло что-нибудь? Поссорились?

Д а ш а. Нет, ничего.

Б а б у ш к а. Может быть, у тебя какое-нибудь не-ловкое слово вырвалось... про ногу его?

Д а ш а. Бабушка! Как вы можете?!

Б а б у ш к а. Тогда что же?

Д а ш а. Не знаю.

Б а б у ш к а. Не знаешь? Точно?

Д а ш а. Мне кажется, что в последнее время он сильно ко мне изменился. Третьего дня мы гуляли с ним в городском саду. Андрюша с непривычки устал. Мы сели на лавочку. Сидим рядышком, смотрим на Волгу. А Волга внизу течет, такая широкая, медленная, красивая. И большое белое облако в ней отражается. И будто струйки воды от этого облака по кусочку отрывают и уносят. И вдруг мне так жалко стало Андрюшу — прямо душа разрывается. Я положила ему руку на плечо, как всегда, и говорю: «Андрюшечка, дружочек мой милый!» А он вдруг взял мою руку, снял с плеча и так спокойно, не торопясь положил на скамейку. «Не надо, говорит, Даша. Хорошенького понемножку. Поиграли — и будет». И губы прикусил. А у самого глаза холодные, далекие, и куда-то мимо меня смотрят, за Волгу. Разлюбил он меня, бабушка.

Пауза.

Вы идите, бабушка. Я здесь постою. Мне одной побыть надо.

Бабушка. И то правда. Побудь одна. Может, он и подойдет. *(Уходит.)*

XIV

Даша одна.

Даша. Не пойму я его. Будто любит. И будто не любит. *(Всматривается.)* Идет кто-то. Военный. Не он ли?

XV

Вася входит, прихрамывая, с тремя вазонами цветов, пакетами, кульками. Даша делает движение к нему, но видит, что обозналась, останавливается.

Вася. Вы гражданочка Ложкина?

Даша. Да.

Вася. Гвардии ефрейтор Девяткин.

Даша *(радостно)*. Василий Иванович! Голубчик!

Вася. Так точно. Ну как, подходящий?

Даша. Чудесный.

Вася. Слава богу. А то я сильно боялся, что моя личность вам не понравится. Так могу я надеяться?

Даша. На что надеяться?

Вася *(застенчиво)*. Ну, на то, на что я в своих письмах намекал.

Даша. Я, право, не знаю. Это вы с бабушкой поговорите. *(Кричит в дверь.)* Бабушка! Скорее! Василий Иванович Девяткин пришел! *(Убегает.)*

XVI

Вася один.

Вася. Сразу видать — правильная девушка. «Вы, говорит, для меня вполне подходящий, но надо прежде спросить у бабушки». Дескать, как бабушка, так и я. Ну, мы это в два счета обтяпаем.

Входит бабушка.

Бабушка. Голубчик мой! Как я рада вас видеть! *(Обнимает его и целует.)* Пожалуйте! Милости просим!

Вася. Товарищ бабушка, прежде чем зайти в квартиру, разрешите два слова... Я человек простой, одна тысяча девятьсот восемнадцатого года рождения, вполне здоровый, самостоятельный, люблю хорошо закусить. Алиментов никому не выплачиваю. Так что с этой стороны все в порядке. От вас зависит счастье моей жизни. Или — или. Позвольте сделать предложение.

Бабушка. Кому? Мне?

Вася. Зачем вам? Ксении Петровне.

Бабушка. Которой Ксении Петровне? Ложкиной?

Вася. Ложкиной.

Бабушка. Я и есть Ксения Петровна Ложкина.

Вася. Вы — Ксения Петровна? Ложкина? Город Щеглы, Кооперативная, десять, квартира два.

Бабушка. Я самая. Одна тысяча восемьсот семьдесят второго года рождения.

Вася. А концентраты кто посылал?

Бабушка. Я.

Вася *(роняет покупки и садится на ступеньки)*. Вот это называется не угадал, так уж не угадал!.. И никаких квадратов. Я извиняюсь, а девушка, с которой я только что тут разговаривал, — это кто же такая будет?

Бабушка. Это моя внучка Даша.

Вася. Тоже Ложкина?

Бабушка. Тоже Ложкина. Но, к сожалению, ее сердце уже занято.

Вася. Занято? Так. А других Ложкиных, девушек, нет?

Бабушка. К сожалению, нет. Все.

Вася. Не повезло мне на Ложкиных. А я так располагал... Ну, в таком случае очень извиняюсь, что наделал вам столько беспокойства. Большое спасибо за вашу любовь, за письма, за концентраты... В особенности мне понравился рисовый пудинг... Это — вещь! И с тем разрешите. *(Кладет к ногам бабушки цветы и покупки и козыряет.)*

Бабушка. Куда же вы? Об этом не может быть и речи! Оставайтесь!

Вася. Что же мне здесь оставаться, Ксения Петровна, когда все мои надежды разбиты?

Бабушка. А по-моему, у вас осталась еще одна надежда.

Вася. Какая?

Бабушка. А вы пошевелите мозгами.

Вася. Нет, Ксения Петровна, не утешайте меня. Я лучше пойду.

Бабушка. И гуся моего не попробуете?

Вася (*оживленно*). А что, разве есть гусь? (*Нюхает воздух.*) Да, действительно, вроде гусем пахнет.

Бабушка. Специально для вас.

Вася. Да что вы! С яблоками?

Бабушка. С яблоками.

Вася. А ну, где он? Покажите мне его! (*Бросается в дверь, бабушка за ним.*)

XVIII

Входят Зоя и Федя.

Зоя (*хохочет*). Ксенечка... Ой, не могу... Ксенечка!

Федя. Ну, посмотрим, посмотрим, как он со своей Ксенечкой целуется! Не всякому адресу верь. По квадратам гораздо вернее выходит. Не так ли, Валюша? (*Обнимает ее, садится на скамеечку.*) Вот будем смеяться над Васькой!

Зоя. Послушай, ты меня уже три раза Валюшей назвал. В чем дело?

Федя. А что?

XIX

Даша выходит на крылечко. Смотрит вдоль улицы, — видимо, ждет. Видит Зою и Федю.

Даша. Зоя, вы в госпиталь к Андрею ходили?

Зоя. Да. Только его уж там нету. Выписался. Не знаешь, где он?

Даша. Не знаю. Не могу понять.

Зоя. Познакомьтесь. Даша, моя подруга.

Федя. Гвардии ефрейтор Солнцев.

Зоя. Мой Федя. Нравится?

Д а ш а. Очень. От всей души поздравляю. Будь счастлива, желаю тебе всего самого лучшего.

Целуются.

Что же вы? Ступайте в дом. Вас ждут. Товарищ Солнцев! Зоя!

Ф е д я. Почему — Зоя?

Д а ш а. А как же?

Ф е д я. Валя.

З о я. Опять Валя! Какая я тебе Валя? Кто это Валя? Говори сейчас же!

Ф е д я. Ты.

З о я. Здравствуйте! Десять лет Зоя.

Ф е д я. Как же Зоя, когда Валя? И в письме написано «Валя». И синий платочек.

З о я. Какое письмо? Какой синий платочек?

Ф е д я (*вынимает синий платочек*). Вот.

З о я. Первый раз вижу.

Ф е д я. А я его третий месяц на груди ношу. Перед всем экипажем клятву давал.

З о я. Что? На груди носишь? Вот как? Ага. Хорошо. Теперь мне вполне ясно, какой вы человек. Понимаешь, Даша? Разбил весь город на квадраты, и я, как дура, попалась. А сам давал клятву какой-то Вальке. И платочек ее на груди таскает.

Ф е д я. Валечка... то есть Зочка...

З о я. Не прикасайтесь ко мне! Довольно!

Ф е д я. Зочка... Выслушай!

З о я. Не желаю слушать.

Ф е д я. Одно только слово!

З о я. Ни полслова! Клятву давал?

Ф е д я. Давал.

З о я. Конечно. Не надо было давать. А теперь хватит. Ступайте к своей Валентине. Завлекайте ее в квадраты. Между нами все кончено. А я вас так любила... Так мечтала.

XX

Т е ж е, без Зои. В а с я, появившись на крыльце.

В а с я. Ну, как у тебя на квадрате? В порядке?

Ф е д я. Иди ты к черту!

Д а ш а. Пожалуйте в дом.

Ф е д я. Да я, знаете ли...

В а с я. Иди, Федя, иди. Не сомневайся. Лучшее средство от разбитой любви — жареный гусь. По себе знаю. Даша и Федя уходят в дом. Вася идет последним, задерживается на крыльце.

Входит Надя.

Надя. Вася!

Вася. А, ты уже здесь? Давно не видались. И чего ты за мной, Надюша, ходишь? Что тебе от меня надо?

Надя. Товарищ Девяткин, вы отлично знаете, что я отвечаю за ваше здоровье. У вас раненая нога, а вы чересчур много ходите.

Вася. Она у меня давно прошла. *(Дрыгает левой ногой.)* Глядите!

Надя. Левая прошла. А правая?

Вася. Которую под Петушками второй раз поцарапало?

Надя. Ну да.

Вася. Заживает.

Надя. Вот видите. А вы, вместо того чтобы отдохнуть, по всему городу шляетесь.

Вася. Я не шляюсь. Я к невесте в гости ходил. Со своей Ксенечкой знакомиться.

Надя. Ну и что же, познакомился?

Вася. Познакомился. Только оказалось, что моей Ксенечке семьдесят лет. Так что ничего не получилось. Помирились на гусе.

Надя. Правда?

Вася. Ей-богу. Знаменитый гусь. Пуда на два. Пойдем. Там еще немного осталось.

Надя. Как же я пойду? Меня никто не приглашал.

Вася. Я тебя приглашаю. Как бывший Ксенечкин жених. Она будет очень рада. Гостей любит — страсть. Особенно которые с фронта... Пойдем, Надежда. Стоп! *(Про себя.)* Надежда? А, пожалуй, бабушка кое-что и понимает. Пойдем, Надежда. Будешь за моим здоровьем следить. Чтоб я чего-нибудь лишнего не съел. Пожалуйста ручку. Такая, видно, наша судьба.

Надя. Точно.

Уходят в дом.

XXII

Из бокового крыльца в садик выходит В а л я, держа в руках кипящий самовар. За Валею идет б а б у ш к а с посудой и скатертью.

Б а б у ш к а. Не обожгись. Осторожно! Краном от себя поверни, краном от себя. Ставь пока прямо на землю. Вот так. *(Говорит, обращаясь к дому.)* Сюда пожалуйста, гости дорогие. В садик. Под сирень. *(Накрывает на стол.)*

Выходят В а с я, Ф е д я, Н а д я, несут стулья.

Б а б у ш к а. Располагайтесь. Кто на стул, кто на лавочку. Кому как удобнее.

Все располагаются.

Н а д я. Замечательно здесь!

В а с я. Не хуже, чем у нас в блиндаже.

Ф е д я. Только Андрюши Купавина не хватает.

По улице мимо садика медленно идет А н д р е й. Он с новым протезом. Одет в полувоенное, без знаков различия. Видно, что уволен по чистой. В руке дорожный мешок.

Б а б у ш к а. Легок на помине. Вот он, пропащая душа! Андрюшечка, голубчик, где же это ты пропадаешь? Иди скорей к нам. Гляди, каких я тебе гостей приготовила. Узнаешь?

А н д р е й. Батюшки! Федя, Вася, Надя! Весь экипаж! *(Идет в садик.)*

Ф е д я, В а с я, Н а д я *(перебивая друг друга)*. Андрюша! Здорово, друг Купавин! А мы с ног сбились, тебя разыскивая.

Объятия, поцелуи, приветствия.

А н д р е й. Ребята! Друзья! Как вы сюда попали?

В а с я. Гвардейское знамя шестьдесят пятому заводу вручали.

Ф е д я. А ты?

А н д р е й. Как видишь. Только вчера из госпиталя выписался.

Ф е д я *(поспешно)*. Да, да...

А н д р е й. По чистой. Куда же воевать? Петушки взяли?

В а с я. Ого! Еще с каким треском! Да ты же их и брал, чудак человек! Наш танк первым ворвался под твоим командованием. Аль не помнишь?

А н д р е й. Смутно. Меня уж к тому времени крепко поцарапало. Из последних сил воевал. Ничего не помню. А вы как? Долго здесь пробудете?

Ф е д я. Нынче возвращаемся на фронт.

А н д р е й. Стало быть, это наша последняя товарищеская встреча. Когда-то теперь увидимся? А правда, ребята, хорошее было времечко? Веселое, боевое, горячее! Помните наш блиндаж под Петушками?

Федя. А помнишь, как нам подарки привезли?

Вася. Через эти подарки мы здесь, в Щеглах, в этом чудном доме, только что гуся пуда на два съели. А сейчас чай будем пить. Через эти подарки сегодня чуть было с Ксенией Петровной не расписался. Верно, бабушка?

Бабушка. Озорник вы, Вася. Зачем меня срамить? Может, я к вам и вправду неравнодушна.

Федя. А помнишь, Андрей, твою фотографическую карточку? Где она сейчас, интересно?

Бабушка. Карточка его, поди, сейчас лежит у себя в комнате и ревет, что ее Андрюшечка пропал.

Федя. Ах, вот оно что! Ловко! То-то мне показалось — лицо знакомое. Это ваша Даша, что ли?

Бабушка. Она, милый, она. *(Кричит.)* Даша! Поди сюда! Даша!

Андрей. Не надо, бабушка. *(Стараясь замять разговор.)* А помнишь, как ты влюбился в синий платочек?

Бабушка. В какой это синий платочек?

Андрей. Ему в посылке попался синий платочек. Роза гладью вышита. А в письме адреса нету. Одна только подпись: «Валя». Так он, понимаете, влюбился в этот синий платочек и в эту Валю — сил нету. Поклялся весь Советский Союз сквозь сито просеять, а Валю свою найти.

Бабушка *(Вале)*. Ты чего там хрюкаешь?

Валя. Подавился.

Вася. Он даже все Щеглы на квадраты разбил.

Бабушка. Это зачем же?

Вася. Чтоб искать было легче.

Бабушка. Ну и что ж, нашел?

Федя *(угрюмо)*. Нашел.

Вася. Только не Валю, а Зою. А клятву, понимаете, давал на Валю. Такая штука. И все рухнуло. Теперь вам ясно, почему наш Федечка сидит такой грустный? Отсюда мораль: не ищи себе подругу жизни по квадратам.

Федя. А тем более по концентратам.

Бабушка. Платочек этот случайно не при вас?

Федя *(мрачно)*. При мне.

Бабушка. Можно взглянуть?

Федя. Пожалуйста. Будь он трижды проклят!

Бабушка *(беря платочек)*. Ах, какая замечательная работа!

Федя. Не нахожу ничего замечательного.

Б а б у ш к а. Помилуйте! Да ведь это истинное произведение искусства. Это очень трудно так вышить!

Ф е д я. Чего тут трудного? Навалять красных ниток — и готово.

В а л я. Да! Не трудно! А вы пробовали?

Ф е д я. Не пробовал и пробовать не хочу.

В а л я. Раз не пробовали, тогда и не говорите.

Ф е д я. А ты пробовал? Небось дать тебе в руки иглоку, так ты себе живо глаза выколешь.

В а л я. А вот и неправдочка.

Ф е д я. Что ж ты, вышивать умеешь, что ли?

В а л я. Что я, девочка?

Ф е д я. Так в чем же дело?

В а л я. Обидно слушать. Человек старался, вышивал. Видите, как красиво получилось. Лучше, чем у девушки. А вы ему даже спасибо не скажете. *(Отходит в глубину садика и садится в гамак.)*

Ф е д я. Я бы с удовольствием сказал. Да в том-то и беда, что неизвестно кому. Валя! Мало Валь на свете! А между прочим, из-за этой Вали я, может быть, мимо своего счастья прошел. Эх, чего бы я не дал тому, кто найдет мне эту Валью. Все отдам!

Пауза.

В а л я. А трофейный автомат дадите?

Ф е д я. Хоть два.

В а л я. И компас?

Ф е д я. И компас.

В а л я. Честное пионерское?

Ф е д я. Честное пионерское.

В а л я. Смеяться не будете?

Ф е д я. Не буду, не буду! Только не тяни ты мою душу.

В а л я. И мальчикам не скажете?

Ф е д я. И мальчикам не скажу. Ну?

В а л я. И может быть, у вас есть лишняя фляжка? А то, знаете, без фляжки — как без рук.

Ф е д я. И фляжку получишь. Только скорей говори — кто.

В а л я. Я.

Ф е д я. Там же написано: «Валя».

В а л я. А я и есть Валя.

Б а б у ш к а. Верно, все верно. Истинная правда.

Ф е д я. Да ну! Так в чем же дело? *(Бросается к Вале.)*

Милый ты мой, дорогой, золотой, немазанный! Ты же у нас настоящий художник.

В а л я. Только, ради бога, не целуйте. А то ребята узнают — засмеют.

XXIV

Входит З о я. Она одета нарядно и держит себя подчеркнута гордо.

З о я. Извините, что я прервала ваше веселье. Федор Николаевич, дело в том, что я сейчас иду с одним знакомым в кинематограф и, вероятно, уже с вами не увижусь. Поэтому я зашла проститься. Прощайте. Будьте счастливы. *(Вспыхивает.)* Все-таки это очень нехорошо с вашей стороны. *(Плачет.)*

Ф е д я *(с ходу обнимает)*. Валечка... то есть, тьфу, Зочка! Жизнь моя! Любовь моя! *(Целует ее.)*

З о я. Довольно! Я прошу вас. Можете целоваться со своей Валей.

Ф е д я. А я уже только что поцеловался. Только это не моя Валя, а мой Валя. Валька, живей! Кто вышивал платок?

В а л я. Я.

Ф е д я. Кто писал письмо?

В а л я. Я, товарищ гвардии сержант.

З о я. Правда?

Ф е д я. Факт.

В а л я. Честное пионерское.

З о я *(снимает шляпку)*. Я не иду в кинематограф.

Ф е д я. А знакомый?

З о я. Пусть он катится.

Ф е д я. Пусть.

З о я. Тем более что его и не было.

Ф е д я. Этот синий платочек я буду хранить всю жизнь.

З о я. Нет, я буду хранить.

Ф е д я. Хорошо. Не будем ссориться. Мы его положим в наш общий семейный комод.

А н д р е й. Ну, товарищи, мне пора. До вокзала довольно далеко. А я еще не научился... ходить быстро. Так что... как бы не опоздать на поезд.

Ф е д я. Куда же ты едешь?

А н д р е й. На Урал. Там у меня на заводе отец мастер. Буду работать. Не сидеть же без дела! Руки есть — и

ладно. Повеюем и на другом фронте. Ну, Ксения Петровна, спасибо вам за любовь, за ласку... Век не забуду вашего милого домика, вашего садика, вашей Волги. *(Низко кланяется и целуется с бабушкой.)* До свиданья, Валя. Хороший ты паренек... Дай лапу. Только когда в следующий раз будешь посылать на фронт платочек, то непременно пиши полностью: «Валентин Ложкин». А то опять какой-нибудь отчаянный гвардии сержант голову потеряет. Вроде нашего дорогого Федечки.

Пауза.

Дарья Андреевны нет?

Б а б у ш к а. Да что это ты, Андрюшечка? Неужели всерьез уезжаешь? Так-то вдруг? погоди, я сейчас Дашу кликну. Даша!

А н д р е й. Не надо, бабушка. Это и лучше, что ее нет. Передайте Дарье Андреевне мой глубокий поклон. Скажите, что никого на свете не любил я так крепко, как ее. И сейчас люблю. И всегда буду любить.

Б а б у ш к а. Господи, да что же это делается! Ведь и она тебя, чай, любит.

А н д р е й. Нынче, может быть, любит. А завтра — кто его знает. Вдруг ей завтра кто-нибудь другой полюбится. Красивый, здоровый. Ведь я ее хорошо знаю, Дашу: она ни за что от меня не уйдет. Из самолюбия не бросит. Из гордости. Может быть, страдать будет, мучиться, а не уйдет. Нет, это лучше сейчас кончить. Пока не поздно. Да и я... Какой из меня муж? Прощайте, Ксения Петровна. *(Кланяется.)* До свиданья, Надя, авось увидимся.

Целуются.

До свиданья, Зочка, будьте счастливы.

Зоя бросается ему на шею, целует.

В а с я. Эй, эй, полегче!

А н д р е й. До свиданья, Вася.

Целуются.

До свиданья, Надюша. Желаю тебе... Не очень своего Васю обижай.

Целуются.

Я адрес свой пришлю. Прощайте. *(Надевает на плечи мешок. Уходит.)*

Пауза.

На крыльце стоит Д а ш а.

Д а ш а (*совсем обыкновенным голосом*). Андрей, погоди. Я сейчас. (*Легко и быстро сбегает с крыльца. У нее в руке чемодан и пальто.*)

А н д р е й. Дарья Андреевна...

Д а ш а. Перестань, Андрюша. Не надо мне ничего говорить. Я все понимаю. Точно слушать. Какая я тебе Дарья Андреевна? Это еще что за новости? Подержи пальто. (*Дает ему пальто, подходит к бабушке и обнимает ее.*) До свиданья, бабушка.

Б а б у ш к а. Да что же это делается, товарищи?! Ты куда?

Д а ш а. Я не знаю. Андрюша, куда мы едем? Помогите, на Урал.

Б а б у ш к а. Ты это серьезно?

Д а ш а. Ну конечно.

Б а б у ш к а. Сейчас? Да ты что? Никого не предупредивши... Не пущу.

Д а ш а. Я совершеннолетняя. У меня паспорт есть.

Б а б у ш к а. Дарьюшка! Да что же ты? (*Вскликивает.*)

Д а ш а. Стыдно, бабушка! Перестаньте! Ведь не на тот свет уезжаем. Подумаешь, Урал! Четыре часа лету. До свиданья, Валька. Там у меня на этажерке коробочка с иголками, нитками, лоскутами. Можешь себе взять. До свиданья, Зойка. Скажешь в госпитале. До свиданья, товарищи, счастливо воевать. Пошли, Андрюша, а то и действительно опоздаем.

А н д р е й. Ты... вправду?

Д а ш а (*с досадой*). А как ты думаешь?

Б а б у ш к а. Что ж ты там, на Урале, делать-то будешь?

Д а ш а. Слава богу, руки есть. Что Андрюша, то и я. Место найдется.

А н д р е й. Даша, подумай. С кем жизнь связываешь? Ведь потом не воротись.

Д а ш а. Молчи! «С кем жизнь связываешь?» Будто не знаешь! С тобой. Понятно тебе? С тобой. Знаешь ли, кто ты для меня! Ты для меня... (*Оглянулась, смущаясь.*) При посторонних говорить стесняюсь. (*Приблизившись к нему, почти шепотом, жарким и страстным.*) Ты для меня — самый близкий, самый родной, самый дорогой чело-

век на свете. Самый благородный, самый храбрый. Ты жизни своей для родины не жалел. И я не только люблю тебя, я горжусь тобой. Понимаешь ты это — горжусь. *(Совсем просто, тихо и смиренно.)* Главное — ты-то меня не разлюби, Андрюша.

А н д р е й. Разлюбить тебя?

Поцелуй. Пауза. В мягком весеннем воздухе далекий, нежный свисток паровоза.

Д а ш а. Пошли, Андрюша. Пошли, родненький. До свиданья, друзья. Возвращайтесь с победой.

Ф е д я. Победим, только вы нам пособите.

А н д р е й. Будьте спокойны. Слава богу, руки есть. Так ударим с двух сторон, что небу жарко станет. Победим! И тогда снова мирную жизнь начнем строить. Счастливую, веселую, справедливую.

Д а ш а *(мечтательно)*. Это будет такая жизнь... Такая жизнь...

З а н а в е с

СЛУЧАЙ С ГЕНИЕМ („ПОНЕДЕЛЬНИК“)

Комедия
в четырех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

- Корнеплов Евтихий Федорович, известный писатель.
- Корнеплова Софья Ивановна, его супруга.
- Вера, их старшая дочь.
- Надежда, их младшая дочь.
- Васни, молодой ветеринар, муж Веры.
- Михаил Бурьянов, начинающий беллетрист.
- Девушка из газеты.
- Могилянский.
- Сироткин, работник из главного управления.
- Сироткин - Амурский, писатель, его дядя.
- Бабушка.
- Ольга Николаевна, работник союза.
- Мартышкин, критик.
- Первый из публики.
- Второй из публики.
- Директор клуба, энергичная дама.
- Писатели клуба, артисты, поздравители, духовой оркестр ремесленников и др.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

В квартире писателя Корнеплодова. Жена писателя Софья Ивановна и Васин, зять.

Корнеплодова. Дело проще пареной репы, а вы ничего не сумели добиться. Вы просто какая-то размазня.

Васин. Зачем обижаете, Софья Ивановна?

Корнеплодова. Скажи на милость, обидчивый какой. Это вы нас обижаете.

Васин. Помилуйте, чем же?

Корнеплодова. А тем, что никогда ничего не умеете толком сделать. Мы дочь за вас отдали, в семью приняли. А от вас ровно никакой пользы. Пустое место.

Васин. Так ведь я, Софья Ивановна, собственно говоря, на личного секретаря не учился. У меня совсем другая область. Я, так сказать, ветеринар.

Корнеплодова. Нам в семье ветеринаров не нужно. Нам нужен энергичный, расторопный человек, который умеет повернуть любое дело. Тем более что для этого и талантов никаких особенных не требуется. Для зятя известного писателя Корнеплодова открыты все двери. Поймите же наконец, что вы не кто-нибудь, а зять Евтихия Корнеплодова.

Васин. Я понимаю.

Корнеплодова. А раз понимаете, то почему не добились? Есть решение выделить в зеленой зоне двадцать дачных участков для представителей художественной интеллигенции. Так какой же может быть вопрос? Кому-кому, а уж, кажется, Евтихию Корнеплодову полагается в первую очередь. И что же? Я вас посылаю в главное управление, а вы возвращаетесь с пустыми руками. Дико! Вам что — отказали?

Васин. Отказать не отказали, но как-то... отнеслись без особого энтузиазма.

Корнеплодова. Ну это уж бред какой-то. Кто там у них занимается этим вопросом?

Васин. Некто Сироткин.

Корнеплодова. Крупный товарищ?

Васин. Как-с?

Корнеплодова. По служебному положению, спрашиваю, крупный?

Васин. Да нет, обыкновенный аппаратный работник.

Корнеплодова. Сироткин? Не слышала. Могу себе вообразить. И фамилия какая-то серенькая. Так он что же, этот самый Сироткин, отнесся без энтузиазма?

Васин. Вроде этого.

Корнеплодова. Но вы ему, по крайней мере, объяснили, кто такой Корнеплодов?

Васин. Объяснял.

Корнеплодова. И он что?

Васин. Ничего.

Корнеплодова. Нет, милейший, вы действительно просто размазня. Удивительно! Послушайте, может быть, этому самому вашему Сироткину просто надо дать в лапу? *(Делает жест.)*

Васин. Что вы, Софья Ивановна! Как вы думаете о людях!

Корнеплодова. А что? Я ведь не утверждаю. Я только хочу понять. Сироткин! Ха! А ну-ка, милый, соедините меня с этим вашим Сироткиным.

Васин *(набирает номер)*. Товарищ Сироткин? С вами сейчас будут говорить.

Корнеплодова. Как его имя-отчество?

Васин. Андрей Степанович.

Корнеплодова *(в телефон)*. Андрей Степанович, здравствуйте. Вас беспокоит жена писателя Корнеплодова. Слышали? Ну так вот. Я посылала к вам своего зятя, но это такой бестолковый человек, что, по-видимому, ничего вам не сумел объяснить.

Васин *(жалобно)*. Софья Ивановна.

Корнеплодова. Помолчите. *(В телефон.)* К вам хотел заехать сам Евтихий Федорович, лично, но как вы, конечно, понимаете, он загружен свыше сил человеческих. Поэтому, не в службу, а в дружбу, голубчик, заезжайте к нам сами. Евтихий Федорович будет рад с вами познакомиться. Да и вам, я думаю, интересно посмотреть на живого, настоящего писателя в домашней обстановке. Что вы говорите? Ничего. Не смущайтесь.

Евтихий Федорович относится к маленьким людям вполне демократически. Нет, нет, и не думайте. Одним словом, я за вами посылаю машину. *(Кладет трубку.)* Вот и все. Поезжайте за Сироткиным.

В а с и н. Софья Ивановна, нам надо наконец объясниться. Я ветеринарный врач. У меня есть научные работы. А вы меня превратили в мальчика на побегушках, в какого-то толкача...

К о р н е п л о д о в а. Мы об этом поговорим потом. А сейчас немедленно поезжайте за Сироткиным.

Звонит телефон.

В а с и н. Как угодно. *(Уходит.)*

К о р н е п л о д о в а *(берет трубку)*. Я слушаю. Здравствуйте, миленькая. А я только что собиралась вам звонить. Ну, как там, на вчерашнем заседании, вопрос о юбилее? Рассматривался? В общем, благополучно? Прекрасно? Большое вам спасибо, лапушка. За мной «Белая сирень». Завтра я к вам заеду. Или вы заезжайте. Извините, меня отрывают. *(Кладет трубку.)* Что такое?

В е р а *(которая только что вошла)*. Мама, из газеты.

К о р н е п л о д о в а. Девушка?

В е р а. Да.

К о р н е п л о д о в а. Почему-то к Евтихию всегда посылают девушек.

Д е в у ш к а и з г а з е т ы. Разрешите?

К о р н е п л о д о в а. Что?

Д е в у ш к а и з г а з е т ы. По поводу юбилея товарища Корнеплодова.

К о р н е п л о д о в а. Ах, вам уже известно, что есть решение? Прошу вас, пожалуйста.

Д е в у ш к а и з г а з е т ы. Я хотела бы небольшое интервью с Евтихием Федоровичем.

К о р н е п л о д о в а. Евтихий Федорович очень занят. С утра работает.

Д е в у ш к а и з г а з е т ы. В таком случае простите.

К о р н е п л о д о в а. Нет, нет. Можно и без Евтихия Федоровича. Я вам сама все расскажу. Что вас интересует?

Д е в у ш к а и з г а з е т ы. Все интересует. Дата рождения. Детские годы. Первое произведение. Над чем в настоящее время работает. Ну и так далее.

К о р н е п л о д о в а. Хорошо. Я вам сейчас все расскажу. Евтихий Федорович Корнеплодов родился в семье

зажиточного бедняка за пять лет до смерти Толстого и ровно через год после смерти Чехова.

Девушка из газеты. Это уже само по себе интересно. Спасибо.

Корнеплодова. Детские годы Евтихий Федорович провел недалеко от Мценска, в восьми километрах от Спасского-Лутовинова, имения Тургенева.

Девушка из газеты. И. С.?

Корнеплодова. Да, Ивана Сергеевича.

Девушка из газеты. Замечательно!

Корнеплодова. С юношеских лет Евтихий Федорович проявлял большую любовь к литературе.

Девушка из газеты. Так, так. *(Записывает.)*

Корнеплодова. Вера, принеси розовую папку номер шесть. *(Девушке.)* Можете все это не записывать. У нас есть.

Вера приносит папку.

Я тут набросала. Можете взять. *(Дает девушке несколько листов.)* Вы только немного обработайте, и получится как раз то, что надо.

Девушка из газеты. Вы мне облегчаете задачу. С таким юбиляром приятно работать. Может быть, у вас есть какие-нибудь интересные фото юбиляра?

Корнеплодова. Пожалуйста. Сколько угодно. *(Показывает.)* Евтихий Федорович, когда ему было три года. Евтихий Федорович, когда ему было семь лет. Евтихий Федорович на охоте. Евтихий Федорович на фоне строящегося Днепрогэса. Евтихий Федорович встречает на Белорусском вокзале Максима Горького.

Девушка из газеты. О! Это всем фитиль! А где же Максим Горький, я не вижу?

Корнеплодова. Он еще не приехал.

Девушка из газеты. А где Евтихий Федорович?

Корнеплодова. В четвертом ряду второй слева, в коверкотовом костюме, видите — светлая кепка, его самого почти не видно. Его тогда еще затирали. Но это он.

Девушка из газеты. Так я, с вашего позволения, все это заберу с собой. Простите, у товарища Корнеплодова какое... летие?

Корнеплодова. Пятидесятилетие со дня рождения и двадцатипятилетие литературной деятельности.

Девушка из газеты. Благодарю вас. Юбилей состоится, кажется, в клубе?

К о р н е п л о д о в а. Да. Приходите.

Д е в у ш к а и з г а з е т ы. Концерт тоже будет?

К о р н е п л о д о в а. Непременно.

Д е в у ш к а и з г а з е т ы. Спасибо, а если я приду с мамой, это ничего?

К о р н е п л о д о в а. Сделайте одолжение. Приводите, кого хотите. Чем больше, тем лучше. Я дам указание. Пропуска на контроле.

Д е в у ш к а и з г а з е т ы. Еще раз спасибо. Не буду вас задерживать. Ой, сколько книг! Маркс, Энгельс. «Диалектика природы». «Анти-Дюринг».

К о р н е п л о д о в а. В кабинете еще больше. Здесь у него только по марксизму-ленинизму. Евтихий Федорович усиленно изучает исторический и диалектический материализм.

Д е в у ш к а и з г а з е т ы. Это я тоже запишу. Это очень важно. До свидания. Привет Евтихию Федоровичу. *(Уходит.)*

К о р н е п л о д о в а. Вера, сейчас ветеринар привезет Сироткина, так распорядись насчет угощения. Только чтоб ничего особенного. Графинчик водки, несколько огурцов, сто граммов любительской. Невелика птица. Кофе в серебряном кофейнике. Ступай. И пожалуйста, объясни своему ветеринару, что если бы не наши связи, он бы уже давно сидел где-нибудь на Алтае и лечил высокогорных коров.

В е р а. Каждый день объясняю.

К о р н е п л о д о в а. Значит, недостаточно. Все время фыркает.

В е р а. Не обращай внимания. По-моему, он просто дурак. Воспитается.

В а с и н *(входит)*. Ну вот. Привез. Раздевается.

В е р а. Хорошо. Ступай теперь.

В а с и н. Вера, я больше не в состоянии... Я не понимаю...

В е р а. Ладно, ладно. Потом поймешь. Иди, я с тобой поговорю. *(Уходит.)*

К о р н е п л о д о в а. Очень хорошо. Сироткин. Ха!

С и р о т к и н *(входит)*. Сироткин.

К о р н е п л о д о в а. Степан Андреевич?

С и р о т к и н. Наоборот, Андрей Степанович. Вы меня хотели видеть?

К о р н е п л о д о в а. Не столько я, сколько сам Евтихий Федорович. У него, как у писателя, необыкновен-

ная жажда знакомства с новыми людьми. Люди — это его творческий материал. В особенности простые, обыкновенные советские люди. Садитесь, пожалуйста.

В е р а вносит водку и закуску.

С и р о т к и н. Спасибо. Сяду. Видите ли, я бы ни за что не пришел в частную квартиру по служебному делу, но, откровенно говоря, мне просто любопытно.

К о р н е п л о д о в а. Посмотреть, как живет большой человек?

С и р о т к и н. Почти так.

К о р н е п л о д о в а. Зачем же вы так смущаетесь? Не надо, голубчик. Будьте смелей. Евтихий Федорович совсем не страшный.

С и р о т к и н. Кстати, я его и не вижу.

К о р н е п л о д о в а. Увидите. И даже, может быть, немного разочаруетесь. Самый обыкновенный человек, как это ни странно. Он работает, но я его сейчас приведу. Он очень хотел с вами познакомиться. Вера, займись. *(Уходит.)*

С и р о т к и н *(разглядывая комнату)*. Широко живете.

В е р а. Это называется широко?

С и р о т к и н. Ну, знаете. О такой квартире можно только мечтать.

В е р а. Это у нас только в городе так прилично. А дача совсем захудалая. Даже стыдно. Отец думает строиться в зеленой зоне. Все говорят, что там изумительные участки.

С и р о т к и н. Участки золотые.

В е р а. У вас какая норма? Сто, полтора ста?

С и р о т к и н. В каком смысле?

В е р а. Водки сколько паливать, спрашиваю. На всякий случай я вам налью сразу двести. Под любительскую колбасу. *(Наливает один стакан.)*

С и р о т к и н. Что ж, я один пить буду? Даже как-то обидно!

В е р а. А вы не обращайтесь внимания. Опрокидывайте смелей. Под огурец.

С и р о т к и н. Ну и ну!

К о р н е п л о д о в а *(входит, пропуская вперед старого, монументального и многозначительно молчаливого Корнеплодова)*. Ну, вот вам живой, настоящий Евтихий Корнеплодов, которого вы так жаждали увидеть. Евтихий, это Степан Андреевич, то есть Андрей Степанович.

Садитесь, пожалуйста, не стесняйтесь. Пейте, закусывайте колбасой. К сожалению, Евтихий Федорович не может вам соответствовать, так как у него повышенное давление.

Сироткин. У меня тоже повышенное давление.

Корнеплодова. У вас? Обычно повышенное давление наблюдается главным образом у творческих работников.

Вера. Искусство требует жертв.

Корнеплодова. К сожалению, у нас еще не научились беречь таких людей, как Евтихий Федорович. Не правда ли, Евтихий? Впрочем, он сам, по своей никому не нужной скромности, никогда вам этого не скажет.

Вера. Достоевский тоже был человек исключительной скромности.

Корнеплодова. Да. И Гончаров. Пейте, пожалуйста. Ну тогда закусывайте. Колбаски, огурчиков. Хлеба.

Вера. Рубайте.

Сироткин. Я уже обедал. Товарищ Корнеплодов, кажется, хотел меня видеть? По какому случаю?

Корнеплодова. Нам не совсем понятна ваша сложная позиция в простом вопросе об участках в зеленой зоне. Вы что? Против того, чтобы Евтихию Федоровичу предоставили участок?

Сироткин. Откровенно говоря, да.

Корнеплодова. Это оригинально. Евтихий, правда, это оригинально? Не станете же вы отрицать, что Евтихий Федорович известный писатель?

Сироткин. Не знаю.

Корнеплодова. Интересно. Все знают, а вы не знаете? Я бы на вашем месте в этом, по крайней мере, не сознавалась. Стыдно. Имя Евтихия Федоровича широко известно. Скоро вся наша общественность будет отмечать его пятидесятилетие.

Сироткин. Не читал.

Корнеплодова. На днях прочтете в газетах.

Сироткин. Не читал произведений товарища Корнеплодова.

Корнеплодова. Ах, вот как. Но я думаю — читали вы или не читали — это существенного значения не имеет.

Сироткин. Нет, имеет.

Корнеплодова. Простите, мне кажется, ваше дело подработать вопрос и доложить вышестоящему то-

варищу. А читать или не читать предоставьте людям более сведущим и образованным.

Сироткин. Я образованный.

Корнеплодова. Что-то не заметно.

Сироткин. Я кончил МГУ.

Корнеплодова. Простите, тогда нужно носить университетский значок. Но это к делу не относится. Вам поручена чисто техническая работа. А читать художественную литературу в ваши обязанности не входит.

Сироткин. Зачем же вы лишаете меня права любого советского гражданина интересоваться нашей текущей художественной литературой? Я очень люблю нашу художественную литературу. Я на ней воспитывался и воспитываюсь. У нас множество восхитительных, чудеснейших писателей.

Корнеплодова. Простите, я вас ничего не лишаю. Интересуйтесь, любите, если у вас есть свободное время. Но какое это имеет отношение к дачным участкам в зеленой зоне?

Сироткин. Как раз очень большое отношение. Ведь участки предназначены, в частности, и для писателей. Не могу же я подходить к этому чисто формально. Писатель — это тот, кто пишет.

Корнеплодова. Вы рассуждаете довольно странно.

Сироткин. Весьма возможно, но я хочу знать, что написал товарищ Корнеплодов, кроме заявления об участке в зеленой зоне? Лично я, например, другого ничего не читал из произведений товарища Корнеплодова.

Корнеплодова. Это факт вашей биографии.

Сироткин. Нет, вы мне все-таки скажите, что написал Евтихий Корнеплодов?

Корнеплодова. Евтихий, не волнуйся, успокойся. Не вскакивай. Не забудь, что у тебя повышенное давление и твоя жизнь нужна обществу. *(Сироткину.)* Имя Евтихия Корнеплодова достаточно авторитетно для того, чтобы продолжать этот недостойный разговор. Лучше выпейте.

Вера. Рубайте.

Сироткин. Вот видите, вы сами не знаете, что он написал. А если знаете, то скажите. Ну что? Что?

Корнеплодов *(неожиданно, грозно, яростно)*. «Овсы!» «Овсы!»

Корнеплодова. Евтихий, не делай резких движений. Не забудь, что у тебя давление.

Корнеплодов (кричит). «Овсы цветут!» Роман в четырех частях!

Сироткин. Не знаю. Не читал.

Корнеплодова. Евтихий, успокойся! (Сироткину.) Не читали потому, что этот роман написан более двадцати пяти лет назад и с тех пор не переиздавался.

Сироткин. Почему же он не переиздавался?

Корнеплодов. Потому что!..

Корнеплодова. Евтихий, сиди и молчи.

Сироткин. Понимаю. Потому, что он устарел, да? Допустим. Это бывает. В этом нет ничего особенно ужасного. Не всем же быть классиками. Ну, а потом?

Корнеплодова. Прекратим этот разговор.

Сироткин. Как угодно.

Корнеплодова. Факт тот, что Евтихий Корнеплодов широко известен.

Корнеплодов. Мое имя печатается под всеми некрологами.

Вера. На четвертом месте от конца.

Корнеплодова. Если хотите знать!

Сироткин. Вы ставите вопрос слишком формально. Даже бюрократически.

Корнеплодова. Нам нужен здоровый бюрократизм. И не ваше дело оценивать творчество Евтихия Федоровича.

Сироткин. Да ведь творчества-то никакого нет.

Корнеплодов. Про это знает Союз писателей, в котором я состою со дня его основания. Да кто вы такой? Я буду звонить вашему начальству в главное управление.

Сироткин. Хоть в Совет Министров.

Корнеплодова. Евтихий, не горячись. Андрей Степанович, пейте водку, закусывайте.

Сироткин. Нет уж. Благодарствуйте. Очень сожалею, что пришел по вашему приглашению.

Корнеплодова. Ну ладно. Так как же будет с участком?

Сироткин. А так: вы утверждаете, что товарищ Корнеплодов писатель. А я этого не знаю. Так предъявите членский билет Союза писателей, я приложу его к вашему заявлению и перешлю по начальству. Пусть оно решает, давать вам участок или не давать. А меня — оставьте в покое.

Корнеплодова. Да? Превосходно. Больше ничего не надо. Жалует царь, да не жалует псарь. Надеюсь,

с вашим начальством мы легко договоримся. Евтихий, предъяви гражданину свой членский билет.

Корнеплодов ищет нервно.

Посмотри у себя на письменном столе среди рукописей.

Корнеплодов уходит.

Видите, какой рассеянный, как Бальзак.

Сироткин. Это не важно. Билет вы можете прислать мне завтра.

Корнеплодова. Подождите. Сейчас он найдет. Ну, что?

Корнеплодов *(входит)*. Нигде нету.

Корнеплодова. В ящиках искал? В старых пиджаках искал?

Корнеплодов. Всюду.

Корнеплодова. Неужели потерял?

Сироткин. Одним словом, я пойду, а вы потом пришлите.

Корнеплодова. А участок за это время не уплывет?

Сироткин. Не знаю. Желающих много. Счастливо оставаться.

Корнеплодова. Вас сейчас отвезет на машине ветеринар.

Сироткин. Не трудитесь. Я и пешком дойду. *(Уходит.)*

Корнеплодова. Окончил МГУ. Интересуется литературой. Не пьет водки. Отказался от машины. Это что-то непонятное. Ох, как бы мы не опоздали. Ты слышал? Желающих много. Надо перерыть весь дом.

Вера. Может быть, членский билет забыли на даче?

Корнеплодова. Видишь, до чего довело твое головотяпство. Если участок уплывет, я тебе этого никогда не прощу.

Корнеплодов. В крайнем случае возьмем в союзе дубликат.

Корнеплодова. В крайнем случае! Размазня. Бальзак! Ветеринар! Где он там? Пусть хватает машину и гонит на дачу. Постой. Я сама поеду. *(Одевается поспешно.)*

Звонит телефон.

Алло! Откуда? Из бюро выступлений? Ах, нет, мы сейчас все очень заняты. У нас неприятность. Потом, потом! *(Вешает трубку.)* Ну что ж вы стоите? Я поеду на дачу,

а вы здесь ищите. Ищите все. Слышите? А то участок фукнет. До чего мы докатились, вы подумайте только. Когда Лев Толстой покупал самарское имение, у него никто не требовал членский билет Союза писателей. (*Надевает шляпу.*) Бред!

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Там же. Кабинет Корнеплодова. В е р а и Н а д я.

Н а д я (*ходит*). «Весну печатью ледяной скрепили поздние морозы, не пахнет воздух молодой лимонным запахом мимозы». А у нас в квартире все вверх дном, как во время кораблекрушения. Ну что, нашли наконец этот знаменитый членский билет?

В е р а. Не нашли.

Н а д я. Что же теперь будет?

В е р а. Ничего не будет. Выдадут в союзе дубликат, и дело с концом. Отойти от света. Не всякая пустота прозрачна.

Н а д я. Господи, почему у нас все такие злые!

Звонит телефон.

В е р а. Алло! Его нет дома, он на заседании.

Н а д я. Почему у нас все с утра до вечера читают рукописи? Ты читаешь. Мама читает. Твой ветеринар читает. При чем здесь ветеринар? Ветеринары должны лечить животных, а не читать рукописи.

В е р а. За чтение рукописей отцу деньги платят.

Н а д я. Так пусть папа и читает.

В е р а. Не разорваться же ему, в самом деле. Между прочим, не мешало бы и тебе тоже читать рукописи. Мы не справляемся.

Н а д я. Я в этом ничего не понимаю.

В е р а. И понимать нечего. Ты читаешь рукопись — роман или повесть, рассказываешь содержание маме, мама пишет отзыв, а отец посылает его в издательство, в какую-нибудь секцию или комиссию. Чем больше прочтем печатных листов, тем больше дадут денег. Даже можно, собственно, и не читать все подряд, а кое-где только перелистывать.

Надя. И за это нам платят деньги?

Вера. Даже довольно большие.

Надя. Жаль, я раньше не знала. А я думала, что это вы так себе перелистываете, для собственного удовольствия. Я бы сама не прочь. Да времени нет, надо готовиться к экзаменам. Скучно мы живем, Верка. Рукописи, с утра до вечера телефон звонит. Вечно какие-то совершенно непонятные для меня дела. Какие-то нужные люди. И папа. Он известный писатель, а когда меня ребята в институте спрашивают, что он пишет, я не знаю, что им отвечать. Говорю — работает. А узнать у него самого как-то неловко. Я его, признаться, немного побаиваюсь. Вера, ты не знаешь, что он пишет?

Вера. Понятия не имею.

Надя. Это неладно. Где мама?

Вера. Поехала за дубликатом.

Надя. Дубликат, конторское слово! Какая хлопотливая жизнь! Вечно что-нибудь. Теперь этот юбилей затеяли.

Вера. Не мы затеяли, а общественность хочет отметить пятидесятилетие нашего отца, известного писателя.

Надя. Ты со мной разговариваешь совершенно как мать. Будто я не вижу, как у нас все стараются. Для чего все это? Ужасная скука. Вера, возможно, я скоро выйду замуж.

Вера. Давно пора.

Надя. Ни за что не догадаешься за кого. За Мишу Бурьянова. Удивлена?

Вера. Вот уж ничуть. С его стороны было бы довольно глупо, если бы он на тебе не женился. Да, кроме того, это его прямая обязанность.

Надя. Вера, что ты говоришь! Я ничего не понимаю. Почему... обязанность?

Вера. А как же? Мы его все время материально поддерживали, пока он учился. Теперь всячески вытягиваем его повесть. И будь уверена, папа добьется, что ее напечатают.

Надя. Но я не понимаю, зачем надо вытягивать? У Миши очень хорошая повесть. Он мне рассказывал сюжет. Прекрасная, очень современная вещь.

Вера. Провинциалка, сразу видно, что ты у бабушки на даче воспитывалась. Ты еще в таком телячем возрасте, когда у тебя все хорошее, все прекрасное. А повесть так себе. Таких повестей мы читаем в месяц тысяч на пять. Так что не обольщайся.

Надя. То, что ты говоришь, ужасно и несправедливо.

Вера. Нет, это справедливо, хотя и не так уж ужасно, как тебе кажется. Имей в виду, что твой Миша совсем не дурак. Быть зятем Корнеплодова — о, это, знаешь ли...

Надя. Ты говоришь страшные вещи. Это неправда. Он совсем не такой.

Вера. Да ты не волнуйся. Ты, конечно, не красавица, но далеко и не дурнушка. Ты молоденькая, смазливенькая, с образованием. Это не может не нравиться. Я не сомневаюсь, что он совершенно искренне в тебя влюблен. У него губа не дура.

Звонит телефон.

Алло. Он на редсовете. (Наде.) Он тебе сделал предложение?

Надя. Нет, ты, положительно, стала разговаривать как мама. Уже давно никто никому не делает предложения.

Вера. А что же делают?

Надя. Будто ты сама не знаешь. Гуляют. Рассказывают друг другу о своей жизни, о детстве, о переживаниях. Строят планы. Ты знаешь, Вера, я так ужасно волнуюсь. А то, что ты мне сказала, — это пошлая ерунда. Сегодня мы с ним три часа ездили в метро по всем станциям. Мама говорит, что он чем-то напоминает нашего папку в молодости. Правда, он красивый?

Вера. Ничего не скажешь. Хорош. Вы будете вполне приличная пара. Если ты его, конечно, будешь держать в руках. Такого парня надо крепко держать в руках. А в целом — я тебе завидую.

Надя. Твой ветеринар тоже хорошенький. В нем есть много симпатии. Только ты слишком строго его держишь.

Вера. Он оказался лапша. От него никакой пользы для дома. Мы его поддерживали, вытягивали, помогли ему закончить дипломную работу, а он все чем-то недоволен, все что-то о себе воображает. Вообще я разочарована.

Надя. Вера, ты его не любишь?

Вера. Во всяком случае, я с ним не вышиваю крестиком и не катаюсь в метро!

Надя. Бабушка рассказывала: когда-то, еще при рабовладельческой формации, жили три сестры — Вера,

Надежда, Любовь и их мать Софья, что значит «мудрость». Так вот, у нас в доме Вера, Надежда и Софья есть, а Любви нету. Оттого все такие злые.

Корнеплодова *(за сценой)*. Собаку кормили?..

Надя. Вот идет наша мудрость.

Корнеплодова *(входит)*. Отец не возвращался?

Надя. Нет еще. Ты чем-то расстроена?

Корнеплодова. Не расстроена, а разъярена. Каждый день в этом союзе выдумывают какие-нибудь новые глупости. Лишь бы оправдать свое существование. Твой ветеринар ездил к Сироткину?

Вера. Ездил. Сироткин сказал, что еще дня два может подождать билета.

Корнеплодова. Хорошо. Хамы. Не понимают, с кем имеют дело. *(Подходит к столу, перебирает почту.)* Четыре повестки на заседание и два приглаительных билета. Перевод из художественного издательства, перевод из журнала... А третьего перевода, из лекционного бюро, не приносили?

Вера. Нет, наверное, завтра принесут.

Корнеплодова. Звонки были?

Вера. Каждые пять минут. Все время отца спрашивали.

Корнеплодова. Конечно! Евтихий Корнеплодов всем нужен. А когда что-нибудь срочно нужно Евтихию Корнеплодову, то потрудитесь подождать.

Бурьянов входит.

А, Михаил Васильевич!

Бурьянов. Здравствуйте, Софья Ивановна, Вера Евтихиевна, а кое с кем мы уже, по-моему, сегодня виделись, не правда ли, Надежда Евтихиевна? *(Корнеплодовой.)* Позвольте презентовать. *(Протягивает газету.)* Заметка о юбилее вот.

Корнеплодова. Четвертая полоса. Хроника. Маловато.

Бурьянов. Зато на двух колонках. Первая ласточка. А дальше пойдет и пойдет. Не сомневайтесь. У меня есть в редакции дружок-неудачник. Готовится интервью и портрет на полторы колонки. Эту заметку непременно надо вырезать и — в архив Евтихия Федоровича. Такая дата, нельзя!

Корнеплодова. Спасибо, Михаил Васильевич, у вас редкая способность всегда делать мне приятное.

Б у р ь я н о в. Ай-яй-яй, Софья Ивановна. Опять «вы» и опять «Михаил Васильевич». Может быть, для кого-нибудь уже и Михаил Васильевич, а для вас я всегда Миша или даже лучше — Мишка. Я ведь никогда не забуду, чем обязан вам и всему вашему семейству.

К о р н е п л о д о в а. Ну, ладно. Спасибо тебе, Мишенька.

Б у р ь я н о в. Если бы у меня не было в живых родной мамы, я бы вас считал за маму, столько вы для меня сделали.

К о р н е п л о д о в а. Не я сделала, а Евтихий Федорович.

Б у р ь я н о в. Об этом я и не говорю. Евтихий Федорович для меня уже давно родной отец. Он меня писать учил. Теперь в люди выводит. Верно, лисички-сестрички?

К о р н е п л о д о в *(входит в бобровой шубе и шапке, с толстыми папками под мышками)*. Ну, Софьюшка, можешь меня поздравить: роман Туркина «На взлете» забодали. Роман Расторгуева-Птичникова «Жигули» забодали, «Звезды над Балками» Сергеева забодали. Сражался, как лев. Почти всех забодали.

Б у р ь я н о в. А мою повесть, Евтихий Федорович?

К о р н е п л о д о в. Тебя не забодали. Хотя и раздавались голоса против, но я тебя отбодал. Два раза брал слово. В общем, с тебя причитается.

К о р н е п л о д о в а. Ты можешь хоть на минуту замолчать? Дубликат не выдали!

К о р н е п л о д о в. Почему?

К о р н е п л о д о в а. Оказывается, имеется решение секретариата, что в случае утери членского билета человек считается выбывшим из организации и, для того чтобы получить новый билет, должен заново вступить в союз. Ну?

К о р н е п л о д о в. Это что же выходит? Я должен заново вступить в союз?

К о р н е п л о д о в а. Евтихий, не наливайся кровью. Сядь. Я сама еле сдерживаюсь.

Б у р ь я н о в. Софья Ивановна, Евтихий Федорович, что вы, в самом деле! Есть о чем волноваться, нервы себе зря трепать. Это же вопрос чисто формальный. Подаете заявление, они вас мигом примут и тут же выдадут членский билет. Только и всех делов. Мне бы ваши заботы.

К о р н е п л о д о в а. Сама знаю, что это чистая формальность. Еще бы они не приняли Евтихия Федоровича!

Б у р ь я н о в. Смеху подобно.

К о р н е п л о д о в а. Дело в том, что билет нужен быстро, а то мы участок профукаем. Евтихий, одевайся. Поедешь в союз. Там у них как раз заседание, ты еще всех застанешь. Вера, поди выстукай отцу заявление о приеме в союз. Четыре строчки, не больше.

Вера уходит.

Евтихий, не копайся. Надя, скажи ветеринару, чтобы живо подавал машину.

Надя уходит.

Вера, у тебя готово?

В е р а входит.

Давай сюда. Хорошо. Евтихий, подписывай и лети. А нажимать уж буду я сама, чтобы это дело проверить в самые ближайшие дни. С богом!

Корнеплодов уходит.

Фу, я даже устала, как после тяжелой физической работы.

Б у р ь я н о в. Легкое ли дело быть супругой такого человека!

К о р н е п л о д о в а. Такая судьба всех нас, писательских жен. Софье Андреевне тоже не легко приходилось. Особенно, если учесть полную непрактичность Льва Николаевича. Такие-то дела, Миша. Нелегкая, очень нелегкая вещь писательская жизнь. Учти это.

Б у р ь я н о в. Сколько могу, учитываю, Софья Ивановна. Позвольте вам принести свою самую горячую признательность и поцеловать руку, хотя в нашем обществе это не совсем принято.

К о р н е п л о д о в а. За что же ты меня благодаришь? За то, что повесть твою протащили? Так это ты Евтихия Федоровича благодари, а не меня!

Б у р ь я н о в. Вас, Софья Ивановна. Только вас. Я знаю, что это именно вы вдохновили Евтихия Федоровича.

К о р н е п л о д о в а. А ты не глуп. Жаль будет, если попадешь в плохие руки. Тебе нужно попасть в хорошие, надежные руки, чтобы было кому тебя двигать вперед.

Б у р ь я н о в. Только о том и мечтаю, Софья Ивановна.

К о р н е п л о д о в а. Попомни мое слово, ты еще всех обгонишь, на первое место выйдешь. Ты много будешь в дом приносить. У тебя все данные. Настоящий русский

самородок. Красавец. Кровь с молоком. Ямщик. Евтихий Федорович тоже вот этак начинал.

Б у р ь я н о в. Далеко мне до Евтихия Федоровича.

К о р н е п л о д о в а. Как знать, как знать. Эх, Миша, была б я помоложе, я б из тебя Гоголя сделала.

Б у р ь я н о в. Что я вас хотел спросить. Софья Ивановна, вы, я слышал, участок в зеленой зоне получаете. Собираетесь строить новую дачу. А старую куда денете?

К о р н е п л о д о в а. Старую продадим. За нее сейчас можно крупные деньги взять. Ты ведь хорошо знаешь наш сад. Одних яблок каждый год больше двух тонн продаем. А клубники и не счесть.

Б у р ь я н о в. Две комнаты внизу можно под дачников пустить.

К о р н е п л о д о в а. Даже три.

Б у р ь я н о в. Вот видите. Где же расчет? Не продавайте, Софья Ивановна. Жалко.

К о р н е п л о д о в а. Мне и самой жалко. Ведь это моя приданая дача. Когда Евтихий Федорович на мне женился, он был гол как сокол. Мы его вытянули. Он на этой даче писал свои «Овсы цветут». С нее и пошло.

Б у р ь я н о в. Так вы и не продавайте.

К о р н е п л о д о в а. Как же у нас две дачи будут? Пойдут разговоры, у Евтихия Федоровича в союзе столько недругов. Того и ждут, чтобы его забодать. Да в наших условиях и не полагается две дачи иметь.

Б у р ь я н о в. Ну, это можно было бы устроить.

К о р н е п л о д о в а. Ох, Мишенька-Миша, далеко ты пойдешь.

Н а д я (входя). Мне уже надоело одной. О чем у вас речь?

Б у р ь я н о в. Насчет старой дачи с Софьей Ивановной советуемся.

Н а д я. Да ведь еще и новой-то нет.

К о р н е п л о д о в а. Новая будет. Как только участок вырвем, так дача и будет. Все материалы уже достали. Пятнадцать тысяч штук кирпича, два вагона кругляка... Постой! Я совсем забыла. Дранки! (Кричит.) Вера, ветеринар ездил на склад за дранками? Вера, где ты там? (Уходит быстро.)

Н а д я. Как будто в дранках счастье.

Б у р ь я н о в. Ну? Что вы мне можете сказать утешительного?

Н а д я. Ты же сам знаешь.

Б у р ь я н о в. Надюшка! Пригожая моя.

На д я. Подожди. Слушай, сколько оттенков в простом человеческом имени. Михаил, Миша, Мишенька, Мишель, Мишка. Мой Мишка?

Б у р ь я н о в. Твой собственный Мишка.

На д я. Подожди. «Помедлим на пороге». Как это все удивительно!

Б у р ь я н о в. А по-моему, ничего удивительного.

На д я. Мишка, ты совсем ничего не понимаешь. Два чужих человека... Два совершенно разных человека...

Б у р ь я н о в. Почему разные? Почему чужие?

На д я. Нет, нет, не в том смысле чужие, что чужие, и не в том смысле разные, что разные, а отдельные. Ты меня понимаешь?

Б у р ь я н о в. А как же!

На д я. И вдруг эти два человека уже не чужие, не разные и не отдельные. Разве это не удивительно?

Б у р ь я н о в. Удивительно, удивительно.

На д я. И страшно. Я тебя сегодня ужасно люблю. Люблю до слез. И немножко боюсь почему-то...

Б у р ь я н о в. Не бойся. Я хороший.

Целуются.

Твоя мама говорит, что мне нужно попасть в надежные руки. У тебя надежные руки? Лапки?

На д я. Как ты думаешь, мы будем с тобой счастливы?

Б у р ь я н о в. Что за вопрос! Конечно. Ого! Все предпосылки. Тем более если отдадут нам старую дачу. Я уверен, что они отдадут. Это будет наша база. Главное, иметь в жизни крепкую базу. Ты со мной согласна?

На д я. Я не понимаю, о чем ты говоришь?

Звонит телефон.

Да. Квартира Корнеплодова. Его нет дома. Подождите минуточку. Мама, иди сюда, по срочному делу из клуба.

К о р н е п л о д о в а (входит). Бегу, бегу. У телефона жена Евтихия Федоровича. Да. Послезавтра? Так быстро? Вот это я понимаю, молодцы! Правильно сделали, что уже разослали. Да вы не беспокойтесь, народ придет. Народ любит Евтихия Федоровича. Спасибо. Будем держать связь. (Кладет трубку.) Оказывается, юбилейный вечер назначен на послезавтра. Уже разосланы приглашительные билеты, а заметки появятся завтра. Красивый вид будет иметь Сироткин!

К о р н е п л о д о в входит.

А, Евтихий! Ты слышал? Юбилей послезавтра. Наденешь

черный двубортный костюм, голубую сорочку и синий галстук, как у Горького. Ну что, всех застал? Подал заявление? Как они тебя приняли?

К о р н е п л о д о в. Приняли хорошо. Заявление подал. Всех застал.

К о р н е п л о д о в а. Ты им сказал, что нужно срочно?

К о р н е п л о д о в. Сказал.

К о р н е п л о д о в а. А что они?

К о р н е п л о д о в. Сказали — хорошо. Поставят на ближайшее заседание приемочной комиссии.

К о р н е п л о д о в а. Когда?

К о р н е п л о д о в. Послезавтра.

К о р н е п л о д о в а. А членский билет когда выдадут?

К о р н е п л о д о в. Тогда же.

Б у р ь я н о в. Видите, а вы нервы себе трепали.

К о р н е п л о д о в а. Ну, Сироткин! Теперь участок наш. Надеюсь, они были с тобой любезны? Чувствовалось уважение?

К о р н е п л о д о в. Чувствовалось.

К о р н е п л о д о в а. Да что ты, Евтихий Федорович, по одному слову цедишь. Когда не надо — тебя не оставишь, а когда надо — тебя буквально приходится доить, как корову.

К о р н е п л о д о в. Устал я, Софьюшка. Семинар в Литературном институте — передавал молодым людям свой опыт, секреты мастерства, так сказать... Потом редсовет. Потом публичная лекция... Вот теперь, по поводу этого билета, в союз пришлось... Думаешь, легко мне в союз ходить? Пойду отдохну.

К о р н е п л о д о в а. После юбилея отдохнешь. А теперь не время. Ступай готовься к юбилейному выступлению. Я там тебе набросала. Только не перепутай страницы. Народ ждет от тебя настоящего, большого, честного, горячего писательского слова. И не вздумай там спать. А то я тебя знаю. Тебя только оставь одного с подушкой. Ступай.

Корнеплодов уходит.

Вера, поди сюда!

В е р а входит.

Рукописи все прочитала?

В е р а. Две прочитала. Дрянь. А третью — эпопею — вот дочитываю.

К о р н е п л о д о в а. Ладно, можешь не дочитывать, тоже, наверное, дрянь. *(Перелистывает и взвешивает на*

ладони рукописи.) Длинно пишут, дай бог им здоровья. (Вера.) Вот тебе еще две штуки на вечер. Да своему ветеринару дай почитать вот эту трилогию. Кстати, где он? Я его не вижу.

В е р а. Машину в гараже моет.

К о р н е п л о д о в а. Как бы кузов не поцарапал. Что там в кухне за голоса?

В е р а. Это папина мать с дачи приехала. Привезла сливки и кислую капусту. С Феней разговаривает.

Н а д я. Бабушка приехала!

К о р н е п л о д о в а. Только ты ее, пожалуйста, в комнаты не тащи. Евтихий Федорович работает, а мне тоже не до нее. Накорми ее чем-нибудь от обеда. Да узнай, как там: расплатились Соловьевы за молоко или еще не расплатились? Если нет, то пусть им больше не отпускают молока. Впрочем, я потом сама зайду.

Н а д я. Миша, пойдем поздороваемся с бабушкой. Я ее очень люблю. А ты ее любишь?

Б у р ь я н о в. Чудесная старуха. Крепкая. Не каждый мужчина так яблони окопает. Орловских кровей.

Надя и Бурьянов уходят.

В е р а. Надя мне торжественно сообщила, что собирается замуж за Мишу.

К о р н е п л о д о в а. Могла бы не сообщать. У нее все на носу написано. Да и Мишенька наш сияет. Я рада. Я думаю отдать им нашу старую дачу.

В е р а. Я так и знала!

К о р н е п л о д о в а. Ты, Вера, в общем, довольно красивая женщина, но когда ты начинаешь злиться, то у тебя лицо делается как вымя. Конечно, мы могли бы отдать эту дачу вам, но посуди сама, какой же хозяин твой ветеринар? Не мужчина, а недоумение. Даже вагон дранки до сих пор не сумел получить. Но я тебя не вижю. Это наша общая ошибка.

В е р а. Вообрази, у него навязчивая идея, что ветеринария его призвание.

К о р н е п л о д о в а. Я ничего не имею против ветеринарии. Упаси бог! Даже напротив. Недавно вот появился на горизонте один ветеринар, который лечит людей от всех болезней особо приготовленной жидкостью из мертвых лягушек. Берет по триста пятьдесят рублей за пол-литра. С приезжих дороже. Так возле его дома еще с вечера такая очередь, что приходится вызывать конную милицию. Вот это ветеринар. Нам бы в дом такого

ветеринара. А твой не добытчик. Спасибо, хоть на шопера-любителя выучился.

В е р а. К сожалению, ты совершенно права.

К о р н е п л о д о в (входит). Софьюшка, ты одна?

К о р н е п л о д о в а. Что тебе? Вера, пойдй к бабке на кухню.

Вера уходит.

Ну?

К о р н е п л о д о в. Я тебе совсем забыл сказать. Они требуют, чтобы я представил свои труды.

К о р н е п л о д о в а. Какие труды?

К о р н е п л о д о в. Сочинения.

К о р н е п л о д о в а. Чьи сочинения?

К о р н е п л о д о в. Мои.

К о р н е п л о д о в а. Твои сочинения? Для чего это им понадобилось?

К о р н е п л о д о в. Не знаю. Такое правило. Иначе они не выдадут членского билета.

К о р н е п л о д о в а. Вот как? И что же ты им сказал?

К о р н е п л о д о в. Ничего не сказал. Сказал, что представляю.

К о р н е п л о д о в а. Так. Что же ты им представишь?

К о р н е п л о д о в. Софьюшка, почему ты на меня так странно смотришь? Может быть, ты сердисься? Честное слово, я им больше не сказал ничего лишнего. Я почти все время молчал.

К о р н е п л о д о в а. погоди. С кем ты разговаривал?

К о р н е п л о д о в. Сначала с ними, а потом они меня направили в приемочную комиссию, причем знаешь, что самое смешное?

К о р н е п л о д о в а. Ну?

К о р н е п л о д о в. Самое смешное, что ответственный секретарь этой самой приемочной комиссии — Сироткин.

К о р н е п л о д о в а. Этот Сироткин?

К о р н е п л о д о в. Нет, слава богу, не он, однофамилец. Периферийный писатель, откуда-то с Дальнего Востока, Сироткин-Амурский. Даже что-то такое написал. Говорят, не так плохо. Во всяком случае, его выдвигают. Анекдот, правда?

К о р н е п л о д о в а. Всюду Сироткины! Евтихий, тогда это очень серьезно.

Корнеплодов. Ты думаешь? А что?

Корнеплодова. Не понимаешь?

Корнеплодов. Не понимаю.

Корнеплодова. Тогда я тебе объясню. Это они сделали нарочно. Вопрос о твоей принадлежности к союзу будет стоять на комиссии. Выяснится, что у тебя нет произведений. И они тебя просто не примут.

Корнеплодов. Меня?

Корнеплодова. Да, именно тебя.

Корнеплодов. Ты шутишь?

Корнеплодова. Не до шуток. Надо смотреть на вещи трезво. Они тебя на совершенно законном основании не примут. В «Литературке» появится заметка. Маленькая заметка в хронике, напечатанная крошечными муравьиными буквами... И... И я не представляю себе, что мы будем делать. Неслыханный скандал.

Корнеплодов. Ты меня пугаешь? А как же в таком случае с участком в зеленой зоне?

Корнеплодова. С участком? Евтихий, я начинаю подозревать, что ты просто дурак. Какой там участок! Об участке уже и речи нет! Черт с ним. Пусть он провалится, этот злосчастный участок. Надо спасать юбилей. Надо спасать семью. Нельзя допустить, чтобы вопрос о тебе стоял на комиссии. Надо сию же минуту, пока еще не поздно, взять обратно твое заявление. (*Набирает номер.*) Алло? Приемочная комиссия? Попросите, пожалуйста, товарища Сироткина-Амурского. Уже ушел? В таком случае технического секретаря. Тоже ушел? Досадно. Ну, кого-нибудь, очень вас прошу. Все ушли? Ах, как обидно! А вы кто? Уборщица? Вот что, лапушка, скажите, пожалуйста, золотко, когда приходит на работу товарищ Сироткин-Амурский? В десять утра? Спасибо, солнышко. (*Кладет трубку.*) Завтра же с утра хватай машину — и к Сироткину-Амурскому в комиссию.

Корнеплодов. Завтра, Софьюшка, воскресенье.

Корнеплодова. Ну так послезавтра, в понедельник.

Надя вбегает вместе с Бурьяновым.

Почему ты врываешься как безумная?

Надя. Предки, я выхожу замуж, Миша, подтверди!

Бурьянов. Софья Ивановна... Евтихий Федорович...

Корнеплодова. Потом, потом.

Бурьянов. У вас какие-нибудь неприятности?

К о р н е п л о д о в а. Идите. В другой раз. Не до вас.
Н а д я. Мишка, ты видишь — всем не до нас. Даже обидно. Уйдем из этого дома и будем всю ночь бродить по городу. Прощайте, предки. Пойдем, моя радость.
Б у р ь я н о в. Видите, Софья Ивановна, я уже попал в надежные руки. Исчезаем.

Уходят.

К о р н е п л о д о в а. В понедельник с утра хватай машину, отправляйся в комиссию и забирай обратно заявление.

К о р н е п л о д о в. А членский билет?

К о р н е п л о д о в а. Жили до сих пор, оказывается, без билета и дальше проживем. Тем более что его никто и не спрашивает. Главное не билет, а главное — состоять в списках. А в списках мы, слава богу, состоим с самого начала — и ладно. И все пойдет по-старому.

К о р н е п л о д о в. Нет, Софьюшка, все-таки это оскорбительно. Лучше давай я им представлю «Овсы цветут». Как-никак крупное полотно. Роман в четырех частях. Я уверен, что они примут.

К о р н е п л о д о в а. Не обольщайся. Бывают такие романы в четырех частях, что за первую часть автору дают первую премию, за вторую — вторую, за третью — третью, а за четвертую — дают по шее.

К о р н е п л о д о в. Ты сгущаешь краски.

К о р н е п л о д о в а. Не сгущаю. Ты же видишь. Всюду Сироткины. Нет, нет! Одним словом, в понедельник утром ты поедешь и возьмешь назад заявление. Или все рухнет и мы пропали. Понял?

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Обстановка первого действия. **К о р н е п л о д о в а.** Входит **М о г и л я н с к и й** в пальто и шапке.

М о г и л я н с к и й. Здравствуйте. Не пугайтесь — Могилянский. Извините, я не буду раздеваться, так как у меня еще масса всяких организационных дел. Я только позволил себе снять в передней калоши, чтобы не наследить. У вас, я вижу, недавно натирали паркет. Хорошая библиотека.

К о р н е п л о д о в а. Вы откуда?

М о г и л я в с к и й. Из клуба. Не пугайтесь. По поводу сегодняшнего юбилея товарища Корнеплодова. Обычно юбилеями у нас занимается Ольга Капитоновна, но она гриппует, и это мероприятие поручено провести мне. Самого товарища Корнеплодова, вероятно, нету дома, так как я его только что видел в коридоре возле приемочной комиссии, но я думаю, мы его можем не беспокоить. Вы, по-видимому, вдова юбиляра, простите, супруга, так я вам сейчас доложу, как у нас обстоят дела.

К о р н е п л о д о в а. Садитесь.

М о г и л я н с к и й. Можно. Только как бы не ободрать обивку вашего кресла. Это шелковый репс? Очень хорошая материя. Я буду сидеть корректно. *(Вынимает бумагу.)* Значит, обстановка такая.

К о р н е п л о д о в а *(подходит к двери и кричит)*. Кто там? Вера! Пришел человек из клуба, принеси, что полагается.

М о г и л я н с к и й. Средств на юбилей отпустили, как вы, наверное, уже догадываетесь, не очень много, так что юбилей пойдет, в общем, по второму разряду. Но пусть это вас не огорчает. Все будет в лучшем виде, хотя это и не моя специальность.

В е р а вносит водку и закуску, ставит это все перед Могилянским. Но если я взялся, я сделаю. Все будет как по первому разряду.

В е р а. Водки хотите?

М о г и л я н с к и й *(кланяется, приветств)*. Могилянский. Полтораста граммов, не больше. Благодарствуйте. *(Выпивает.)* Земля пухом. Значит, сначала я вам доложу, что у нас есть, а потом — чего у нас нет. Есть духовой оркестр четвертого ремесленного училища. Потом есть пятнадцать вазонов папоротника и по углам четыре настоящих живых пальмы хамеропс по два с четвертью метра высотой из треста зеленых насаждений. Затем четыре венка — от издательства, от Бюро выступлений, от Литинститута и от кукольного театра.

К о р н е п л о д о в а. Позвольте, почему венки?

М о г и л я н с к и й. Я сказал — венки? Извините. Это я по привычке. Не венки, а приветственные адреса.

В е р а. А почему от кукольного театра?

М о г и л я н с к и й. Там у меня служит двоюродный брат помощником администратора.

К о р н е п л о д о в а. Не задавай глупых вопросов. Иди.

Вера уходит.

М о г и л я н с к и й. Это дочь юбиляра? Красивая женщина. Затем. Восемь поздравительных телеграмм с периферии. Уже организовано. Шесть ожидаются. Остальные — что бог даст. Самотеком. Хотели в голубой гостиниой развернуть выставку произведений Евтихия Федоровича на языках братских народов, но не успели подобрать материалов.

К о р н е п л о д о в а. Это совсем не нужно. Не скромно.

М о г и л я н с к и й. Тем более что их и нету. Труднее всего было организовать вступительное слово, так как все заняты, а кто не занят, у того грипп, а остальные в командировках. Вы, конечно, знаете критика Мартышкина? В прошлом году он у меня замечательно выступал на Новодевичьем кладбище.

К о р н е п л о д о в а. Удивительно талантливый человек.

М о г и л я н с к и й. Так он отказался.

К о р н е п л о д о в а. Да? Наверное, уже что-нибудь разнюхал. Абсолютно беспринципная личность.

М о г и л я н с к и й. Но я его уговорил.

К о р н е п л о д о в а. Это замечательно. Хоть и беспринципный, зато какой талантливый. Пейте, пожалуйста. Закусывайте.

М о г и л я н с к и й. Полтора грамма, не больше. На работе я стараюсь не пить. Зато уж потом. Когда все вернутся домой. Ваше здоровье. Затем — концерт, но пусть это вас уже не беспокоит. Один народный, два заслуженных и четыре обыкновенных. Пенье, скрипка, художественное чтение, скетч. Это все то, что у нас есть. Теперь чего у нас нет. У нас нет, во-первых, приветствия от союза...

К о р н е п л о д о в а. Вот где у меня этот союз!

М о г и л я н с к и й. Я вам вполне сочувствую, но надо нажать. Без этого все равно как без двух академиков в почетном карауле.

К о р н е п л о д о в а. Вы знаете, как на них трудно нажимать? Но я нажму!..

М о г и л я н с к и й. Пожалуйста. И наконец, необходим большой фотопортрет покойника.

Корнеплодова. Какого покойника?

Могилянский. Тысяча извинений. Юбиляра. Это я по привычке, так как в основном я занимаюсь вопросами организации похорон. А юбилей — это для меня вещь не типичная. Но вы не волнуйтесь. Все будет в лучшем виде. Конечно, кинохроника. Звукозапись. Фотокорреспонденты...

Корнеплодов *(входит)*. Софьюшка, Сироткин-Амурский не хочет.

Корнеплодова. Что?

Пауза.

Это никому не интересно. Ты видишь, что сидит человек по поводу юбилея. Принеси твой фотопортрет.

Корнеплодов уходит.

Только самого большого формата. Пейте.

Корнеплодов приносит портрет.

Такой вас устраивает?

Могилянский. Вполне. Мы его поставим среди папоротников. А что касается банкета, то на банкет средств не отпустили. Но если вы захотите на собственные средства...

Корнеплодова. Хорошо, хорошо. Ступайте.

Могилянский. Видимо, юбиляр хочет немного отдохнуть. Я понимаю. До вечера. Я восхищен вашей квартирой. *(Уходит.)*

Корнеплодова. Что ты сказал? *(Запирает дверь.)*

Корнеплодов. Сироткин-Амурский не хочет возвращать заявление. Сегодня вечером мой вопрос будет обсуждаться на комиссии.

Корнеплодова. Они знают, что сегодня вечером юбилей?

Корнеплодов. Я думаю, знают. Во всяком случае, Сироткин-Амурский был очень любезен и даже улыбался.

Корнеплодова. Улыбался? Тогда это действительно катастрофа. Если ты не представишь своих произведений, они тебя уничтожат. А представить нечего.

Корнеплодов. Может быть, представить свои лекции?

Корнеплодова. Ах, какие там лекции! Всего и есть одна лекция «Моя встреча с Бернардом Шоу в ВОКСе», с которой ты выступаешь уже двадцать пять лет.

Корнеплодов. Тогда, — только ты, ради бога, Софьюшка, на меня не кричи! — может быть, все-таки «Овсы», а? Рискнуть? Или, может быть, заболеть и отметить юбилей?

Корнеплодова. Отказаться от юбилея?! Ни за что! Лучше умереть. Юбилей — единственный выход из положения. Давай сюда «Овсы цветут». Посмотрим.

Корнеплодов. Вот, Софьюшка, последнее издание, двадцать пять лет назад издано, библиографическая редкость...

Корнеплодова (*перелистывает книгу и из разных мест читает*). «На большие миллионы верст вокруг, словно ядреная баба-вековуха, разметалось море овсов. И цвели те овсы истоиво и буйно. Рыжемордое, бородатое и задастое солнце всходило над теми неумными овсищами...» Боже мой! «В Яругах сладко сочилась весенняя тягомотина». Нет, нет! «Митрич потянул Васку за упругие груди и хлобыстнул по уху тальянкой...» «Ахти, бабоньки! — истошно голосила Кирибеевна полосатым голосом...» Кошмар!

Корнеплодов. Что, не годится?

Корнеплодова. Евтихий, ты ребенок.

Ольга Николаевна входит.

(*Быстро пряча книгу.*) Лапушка! Золотко! Наконец. Скорей идите сюда. Ну что, что там слышно?

Ольга Николаевна. Сейчас все расскажу. Но сперва позвольте поздравить Евтихия Федоровича с днем пятидесятилетия. Желаю вам счастья, здоровья, долгих лет жизни и дальнейшего творческого роста. Народ ждет от вас новых выдающихся произведений. Умоляю вас, не откладывайте, чтобы раз и навсегда заткнуть рот всем вашим врагам и завистникам.

Корнеплодова. А теперь ступай.

Корнеплодов. Все-таки, Софьюшка, как же будет?

Корнеплодова. Так и будет, как я сказала. Наденешь новый костюм, голубую сорочку и ультрамариновый галстук. Ступай переоденься и потом покажешься мне.

Корнеплодов уходит.

Эй, кто там, Вера или Надя!

Вера и Надя (*из-за двери*). Мы переодеваемся к юбилею.

К о р н е п л о д о в а. Скажите папиной матери, чтобы водку убрала и подала нам кофе. Когда переоденетесь, покажитесь мне. Ну, рассказывайте, рассказывайте же.

О л ь г а Н и к о л а е в н а. Я вырвалась из союза буквально на пять минут. Сейчас же обратно.

К о р н е п л о д о в а. Не торопитесь, золотко. Вас подбросит на машине наш ветеринар. Прежде всего скажите: приветствие от союза будет?

О л ь г а Н и к о л а е в н а. Я не имею права разглашать, но по секрету скажу — не будет. Видите ли, Максим Максимович сейчас в отъезде, а Степан Степанович занял такую позицию — раз уж так случилось, что каким-то образом юбилей разрешили, то пускай себе будет, но союз, как таковой, устраняется и от приветствия воздержался. Между нами говоря, у нас в руководстве союза все прямо-таки походили с ума. На первом плане высокий идейно-художественный уровень. Мастерство, разнообразие форм и жанров, острая, актуальная тематика. Жуткие требования!

К о р н е п л о д о в а. Это они специально подкапываются под Евтихия...

О л ь г а Н и к о л а е в н а. Безусловно. Они просто завидуют, но повторяю, они сказали, что юбилей пусть себе будет. Это их частное дело, и каждый советский гражданин, как таковой, имеет право справлять свой день рождения в своем клубе, тем более если это пятидесятилетие.

К о р н е п л о д о в а. Досадно.

О л ь г а Н и к о л а е в н а. Конечно. Но могло быть и хуже. Вы не знаете, какие в президиуме жуткие установки! Между прочим, курьез: заседание приемочной комиссии назначено, так же как и юбилей, в клубе, только в другой комнате.

К о р н е п л о д о в а. Понятно. Это они нарочно.

Б а б у ш к а вносит кофе и убирает водку.

Пейте, лапушка, кофе со сливками. Берите торт.

О л ь г а Н и к о л а е в н а. Мерси. Я ужасная кофейница, вы знаете. Короче говоря, с юбилеем все утряслось. Это главное. Но все-таки какие злые, завистливые люди. Эта история с членским билетом, с комиссией по приему, все эти кулуарные разговоры — жуть!

К о р н е п л о д о в а. Кто там орудует?

О л ь г а Н и к о л а е в н а. Я не имею права, но

вам могу по секрету. Все орудуют! Я удивляюсь, как у них может подняться рука на такого человека, как Евтихий Федорович.

К о р н е п л о д о в а. Личные счета.

О л ь г а Н и к о л а е в н а. А что касается Мартышкина, то он занял двойственную позицию.

К о р н е п л о д о в а. Он дал согласие сделать на юбилее вступительное слово.

О л ь г а Н и к о л а е в н а. А у меня другая информация. У Мартышкина работает машинисткой одна моя приятельница, которая сказала мне под большим секретом, что сегодня утром Мартышкин продиктовал ей две свои речи по поводу Евтихия Федоровича: одну резко отрицательную, просто убийственную, — для заседания приемочной комиссии, а другую весьма пристойную, даже, я бы сказала, восторженную, — для юбилея. И обе речи безумно талантливые.

К о р н е п л о д о в а. Какую же речь он произнесет, как вы думаете?

О л ь г а Н и к о л а е в н а. Может быть, первую. Может быть, вторую. А может быть, и обе. Это никто не может предсказать. Даже я. Только бюро погоды.

К о р н е п л о д о в а. Ну, если только этот фрукт посмеет попытаться сорвать наш юбилей, тогда я сама выступлю!

Н а д я *(входя с Верой в новых, «юбилейных» платьях)*. Ну, что? Заметно, что мы дочери юбиляра?

О л ь г а Н и к о л а е в н а. Восхитительно! Это правда, что вы выходите за начинающего беллетриста Бурьянова? Поздравляю.

Н а д я. Благодарю вас. Откуда это известно?

О л ь г а Н и к о л а е в н а. У нас известно все, что касается литературы.

К о р н е п л о д о в а. Ну, идите, идите же. Я вас позову.

В е р а. Один вопрос. Неужели и папина мать поедет с нами на юбилей?

К о р н е п л о д о в а. Обязательно.

О л ь г а Н и к о л а е в н а. Мать юбиляра! Что вы!

В е р а. Как же мы все влезем в машину?

Н а д я. Обо мне не беспокойся. За мной заедет начинающий беллетрист, и мы с ним торжественно прибудем на торжество.

К о р н е п л о д о в а. Вера, скажи ветеринару, чтобы он не завозил машину в гараж. Надо отправить нашу ла-

пушку в союз. Позови его сюда. Пусть покажется. Я хочу посмотреть, как он одет.

В е р а. Хорошо.

Н а д я. Значит, одобряете наши туалеты? Очень приятно. Удаляемся.

Уходят.

О л ь г а Н и к о л а е в н а. Между прочим. Усиленно распространяется версия, что Евтихий Федорович протащил через редсовет серую и посредственную повестушку Бурьянова только потому, что тот женится на Надюшке. Говорят, что скоро в комиссии они хотят публично обвинить Евтихия Федоровича в семейственности и беспринципном кумовстве. Учтите это.

К о р н е п л о д о в а. Ах, подлецы! Ах, подонки!

В а с и н (*входит*). Вы мне приказали явиться?

К о р н е п л о д о в а. Да. Во-первых, подбросьте Ольгу Николаевну, а затем возвращайтесь и приведите себя в приличный вид, так как вы поедете сегодня вместе с нами на юбилей. И будьте добры, побрейтесь.

В а с и н. Слушаюсь. Больше ничего?

К о р н е п л о д о в а. Пока ничего, идите.

В а с и н. Стричься не надо? Вошел к парикмахеру, сказал спокойный: «Будьте добры, причешите мне уши».

К о р н е п л о д о в а. Что?

В а с и н. «Гладкий парикмахер сразу стал хвойный»...

К о р н е п л о д о в а. Позвольте, да он совершенно пьян. (*Кричит.*) Вера!

В е р а. Что случилось?

В а с и н. Ровно ничего. Меня потребовали — и я явился. И пусть вас это не удивляет. Прошу прощенья. Меня напоили шоферы, отличные ребята. Полтораста граммов с прицепом. (*Подмигивает.*)

В е р а. Этого с ним раньше никогда не было.

В а с и н. Потому что раньше я был человек науки, почти ученый, я мечтал об открытиях в области ветеринарии, но мои мечты поломались, и теперь я мальчик на побегушках, человек без индивидуальности, доставало. Понимаете, я доставало. Толкач! Вот что вы все со мной сделали, и я вас всех очень люблю. И презираю.

К о р н е п л о д о в а. Вера, скажи этому человеку, чтобы он сию минуту вышел вон. Извините, лапушка.

В е р а. Ступай вон и пропись.

В а с и н. Слушаюсь. Я сейчас пойду и просплюсь. Только вряд ли.

В е р а. Ступай!

В а с и н. Я просплюсь. Но имейте в виду, когда я проснусь... О!.. К чертовой матери! Хватит! Поездили! Я живой человек, я творчески мыслящая личность! А вы кто такие? Лабазники! Хуторяне!

К о р н е п л о д о в входит и стоит, молчаливый, как монумент.

К о р н е п л о д о в а. Евтихий, выгони его прочь.

О л ь г а Н и к о л а е в н а. Как вам не стыдно в такой день!

В а с и н. В какой такой день?

О л ь г а Н и к о л а е в н а. В день юбилея вашего тестя, всеми нами любимого и уважаемого писателя.

В а с и н. Кто писатель? Я не вижу. Где? Вот это? А что он написал? Он такой же писатель, как я геоботаник. Даже еще меньше. Удивляюсь, чего смотрит ваш союз!

К о р н е п л о д о в. Вон!

В а с и н. Хорошо. А кто вас на юбилей повезет? Вы думаете, я ничего не понимаю, а я все понимаю. Вы любите на всех ездить. Даже на собственной бабушке ездите верхом.

К о р н е п л о д о в а. Евтихий, ударь его.

В а с и н. Что? Меня бить? Впрочем, вы совершенно правы. Бейте меня. Лупите прямо по морде. Я заслужил. Я польстился... Польстился на все это... Свое будущее, свою науку я променял на вашу гнусную чечевичную похлебку. Да знаете ли вы, жалкие, ничтожные личности, что такое ветеринария? Не подходите ко мне! Расшибу!

К о р н е п л о д о в а. Позвоните в милицию!

В а с и н. Да знаете ли вы, что такое наша родная отечественная эпизоотологическая школа, возглавляемая Вышелесским? Вы знаете, что этой школой установлены этиология, патогенез и мероприятия по борьбе с инфекционным энцефаломиелитом лошадей? В изучении инфекционной анемии лошадей, сапа и других заболеваний советские патологоанатомы значительно опередили буржуазную науку! А я? Боже мой, а в это время я... Но нет... Конечно!

Б у р ь я н о в (входит). Что происходит?

В а с и н. А! Еще один любитель чечевичной похлебки. Присаживайтесь. Сейчас вас будут запрягать. А лично я — извиняюсь. Сыт по горло. Вера, пойдём!

В е р а. Ты с ума сошел.

В а с и н. Веррра! Я твой муж, и я тебе велю. Ну, без разговоров. А то знаешь... Может быть, ты не хочешь? Так ради бога. Тем лучше. Оставайся и можешь всю

жизнь перелистывать эти пресные рукописи по сорок рублей за печатный лист.

В е р а. Ну, негодяй, я с тобой поговорю, когда ты проспешься.

В а с и н. Я уже проспался. То есть проснулся. Желая вам дальнейшего процветания... Хуторяне! *(Уходит.)*

О л ь г а Н и к о л а е в н а. Я так перепугалась... У меня дрожат руки...

К о р н е п л о д о в а. Это даже... смешно, не правда ли? Ради бога, простите, лапушка. Это наш общий недостаток. И пожалуйста... Я надеюсь на вашу скромность.

О л ь г а Н и к о л а е в н а. Что вы! Что вы! Ничего и не было, я ничего не видела и не слышала. Где этого не случается. По-видимому, машины не будет, такя побегу. Не провожайте меня. До вечера. *(Быстро уходит.)*

К о р н е п л о д о в а. Вот плоды нашего либерально-го отношения к людям. Евтихий, успокойся. Не забудь, что у тебя давление, а вечером юбилей. *(Вере.)* А ты не расстраивайся и не ломай руки. Далеко не уйдет. Видали мы и не таких. Мишенька, ты водить машину умеешь?

Б у р ь я н о в *(довольно грубо).* Нет.

К о р н е п л о д о в а. Жаль. Ну тогда сбегает за такси.

Входит портниха, неся в воздушном большом свертке платье.

А, юбилейное платье. Несите его, милочка, туда. Вера, ступай помоги мне, будешь держать зеркало сбоку.

Вера и портниха уходят.

А ты, Евтихий, тоже ступай переодевайся,— я тебе что сказала?

Корнеплодов уходит.

Надя, проследи, чтобы мать твоего отца надела желтый платок и новую кофту с оборочками. *(Уходит.)*

Н а д я. Они бабушку хотят превратить в какую-то сказительницу. Миша, тебе нравится мое платье?

Б у р ь я н о в. Да, но мне не нравится, что ваш нетрезвый родственник позволил себе назвать меня любителем чечевичной похлебки. Что это значит? И вообще мне многое не нравится.

Н а д я. Что за тон? В доме праздник, а все злые как собаки. Только что не кусаются. И ты тоже. Поцелуй меня, ведь мы еще с прошлой ночи не виделись.

Б у р ь я н о в. Это лишнее.

Н а д я. Что-нибудь случилось?

Б у р ь я н о в. Оказывается, против твоего отца ведется сильная кампания. Сегодня на заседании приемочной комиссии его собираются с треском провалить, причем в это дело впутали и меня. Кричат, что Евтихий Федорович протащил мою повесть потому, что якобы я собираюсь на тебе жениться! Ты понимаешь, чем это пахнет? Семейственность, беспринципность. А Сироткин-Амурский прямо заявил, что моя повесть посредственная, серая, не имеет никакой художественной ценности, а сам я молодой карьерист, Растиньяк и состою у твоего отца в холуях.

Н а д я. Но ведь это неправда! Какие жестокие, злые люди!

Б у р ь я н о в. Злые не злые, а факт тот, что моя повесть стоит под ударом, и я этого не допущу. Я буду за нее драться. Прежде всего надо развеять глупенькую легенду, что я на тебе женюсь и что вообще имею какое-то отношение к вашей семье. А я еще, дурак, послал сегодня поздравительную телеграмму Корнеплодову.

Н а д я. Миша, опомнись, что ты говоришь! Ты меня больше не любишь?

Б у р ь я н о в. Не до любви, милая, на карте стоит вся моя карьера. Это понять надо.

Н а д я. Подожди. Я не понимаю. Ты от меня отказываешься?

Б у р ь я н о в. Надо срочно поправлять дело.

Н а д я. Ты отказываешься? Да? После того, что между нами было? Как же я теперь буду смотреть людям в глаза? Родителям, ребятам из института?

Б у р ь я н о в. Не говори примитивных вещей. И я надеюсь, что у тебя еще сохранилось ко мне достаточно чувства, чтобы не делать мне неприятностей и не давать нищи для нежелательных обобщений. И пожалуйста, не делай из этого трагедии.

Б а б у ш к а *(входит, переодетая в новое)*. Ну вот, я пришла показаться. Так будет ладно?

Н а д я *(бросается к ней)*. Бабушка!

Б у р ь я н о в. Не буду вас больше задерживать и надеюсь на твое, в общем, хорошее ко мне отношение. С твоей наружностью ты еще вполне найдешь себе приличного партнера. *(Уходит.)*

Н а д я *(рыдая)*. Бабушка... милая бабушка!

Б а б у ш к а. Не знаю, что тут у вас случилось, а только знаю, что не нужно было все это затевать в понедельник.

Звонит телефон.

На дя. Алло? Из приемочной комиссии? Лично? Хорошо, я сейчас позову. *(Зовет.)* Папочка! Милый папочка!

Корнеплодов входит в новом костюме, но еще без галстука. Возьми трубку...

Бабушка. Ну как, Евтюша, так ладно? Похожа я на сказительницу? Для юбилея гожусь?

Корнеплодов. Ступай, мать, ступай. Когда надо, тебя позовут.

Бабушка уходит.

Корнеплодов у аппарата. Нет, не собираюсь. Хорошо. Учту. *(Кладет трубку. Болезненно.)* Ох!

На дя. Что, папочка?

Корнеплодов. Так как я до сих пор не представил своих сочинений, они требуют моего личного присутствия. А если я не явлюсь, то они... Будут решать сами... Ох!.. Я не могу. Я не пойду. Пусть выгоняют. Я болен. У меня юбилей. Я совершенно болен.

На дя. Папочка, выслушай меня. До сих пор я ничего не понимала. А сегодня поняла.

Корнеплодов. Что ты поняла?

На дя. Я все поняла. Папочка, умоляю тебя. Родненький! Старенький мой! Я же вижу, как тебе тяжело. Мне самой так тяжело, так мучительно трудно. Мне сегодня плюнули в душу.

Корнеплодов. Надежда, не пори дичь.

На дя. Я уже давно начала замечать. Только я не верила себе. А сегодня я вдруг как будто проснулась. И все увидела.

Корнеплодов. Что ты увидела?

На дя. Папа, не надо со мной так говорить. Я не маленькая. Прости меня, но я должна тебе сказать все, что думаю. Мы потребители. Папа, пойми, мы только потребители.

Корнеплодов. Что ты этим хочешь сказать?

На дя. Ты же сам знаешь. В нашей прекрасной, удивительной стране все люди трудятся, творят, создают какие-то новые ценности. Материальные, духовные. Дома, симфонии, удивительные машины... А мы... А ты? Что делаешь ты?

Корнеплодов. Я писатель.

На дя. Ах, боже мой, господи, ты так привык называть себя писателем, что сам в это поверил. Ну какой же ты, папочка, прости меня, писатель? Сколько я тебя помню, ты ничего не написал. Да и раньше — тоже. У тебя

только шуба и шапка как у Некрасова. А на самом деле ты никто. Ты фикция.

К о р н е п л о д о в. А, понимаю. Отцы и дети. Критикуешь? Ну, критикуй, критикуй, я не боюсь критики.

Н а д я. Не боишься, потому что у тебя нечего критиковать. И если тебя сегодня... уволят из писателей, то это будет только справедливо.

К о р н е п л о д о в. Ты думаешь, они меня могут... того? Вздор. Они только требуют, чтобы я представил им свои произведения. Это их право. Что ж, придется писать.

Н а д я. Если бы я была правительством, я бы тебе платила большие деньги, только чтобы ты не писал.

К о р н е п л о д о в. Девчонка! Как ты смеешь так разговаривать с отцом-литератором?

Н а д я. Я потому так и разговариваю, что ты мой отец. Я люблю тебя и говорю тебе правду, чистую правду.

К о р н е п л о д о в. Так ты думаешь, что они того?

Н а д я. А что же они еще могут сделать, ну посуди сам?

К о р н е п л о д о в. Так... что же мне делать?

Н а д я. Пойди и скажи им всю правду.

К о р н е п л о д о в. Правду? Какую правду?

Н а д я. Скажи, что ты все время занимал чье-то чужое место и больше не хочешь. По крайней мере, это будет благородно. И я уверена, что тебя за это никто не осудит.

К о р н е п л о д о в. Это невозможно... Невероятно!..

Н а д я. Ну что ж делать, папочка, если так случилось? Поверь мне, поверь. Мы не пропадем, ты не бойся. Мы все будем работать, трудиться. Ведь работают же другие люди? Я сдам экзамены, поступлю на работу. И ты — тоже. Ведь ты в конце концов грамотный человек. Пойди, папочка. Имей мужество войти и сказать им всю правду. И тогда никто не посмеет сказать, что тебя выгнали. Ты сам уйдешь. По своему желанию.

К о р н е п л о д о в. По собственному желанию? Ты знаешь... в этом есть какая-то здравая мысль. Надо посоветоваться с матерью.

Н а д я. Не делай этого, умоляю тебя. Мама все равно не поймет. Не захочет понять. Я ее очень люблю, она умная, хорошая, но она не поймет.

К о р н е п л о д о в. Ты думаешь? А как же юбилей?

Н а д я. Не надо никакого юбилея. Ничего не надо. Ты пойдешь... Мы сейчас же с тобой пойдем, и ты им скажешь, что юбилей отменяется.

К о р н е п л о д о в. Трудно, Надюшка,

Надя. Трудно, но надо. Умоляю тебя, послушай меня. Ведь ты же сам знаешь, что это нужно. Хоть раз в жизни послушайся своего сердца. И тебе сразу станет так легко. Так хорошо. Пойдем! Ведь ты же когда-то был молодой, смелый... я уверена, что ты был смелый.

Корнеплов. Да, я был молодой, был смелый.

Голос Корнепловой. Евтихий!

Корнеплов. Мать зовет.

Надя. Папочка, вспомни свою молодость. Подумай, какой будет стыд. Пойдем. Я тебе принесу пальто. И сама оденусь. *(Уходит.)*

Голос Корнепловой. Евтихий!

Надя *(входит одетая, с шубой и шапкой отца)*. Одевайся, папочка. Поскорее. Это ничего, что ты без галстука, тебя не осудят. Только потише, чтобы мама не услышала. Дай... я возьму тебя об руку...

Корнеплов. Да, ты права. По собственному желанию и без опубликования в печати. Пойдем, Надежда.

Уходят.

Корнеплова *(входит в новом вечернем платье, красивая, строгая, похожая на какую-то русскую императрицу)*. Евтихий, где же ты? Эй, кто там!

Бабушка *(вбегает)*. Он только что вышел с Надежкой.

Корнеплова. Как — вышел? Скоро надо на юбилей ехать, а он ушел?

Бабушка. Велел сказать, что юбилея не будет.

Корнеплова. Как это — не будет? Куда он пошел?

Бабушка. Как будто в приемочную комиссию.

Корнеплова. Ведь я же ему не приказывала! Зачем он туда пошел?

Бабушка. Как будто от членского билета отказываться, а потом как будто в клуб — юбилей отменять.

Корнеплова. Что?! Ах, теперь я понимаю. *(Кричит.)* Вера! Вера! Скорей сюда!

Вера вбегает.

Беги скорей за ветеринаром, пусть он немедленно подает машину. Впрочем, я совсем забыла, что ветеринар невменяем.

Вера. Что случилось?

Корнеплова. Большое несчастье. Отец ушел из дома.

В е р а. Как Лев Толстой?
К о р н е п л о д о в а. Еще хуже.

Звонит безостановочно телефон.

Это катастрофа.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

В клубе. Часть зала, приготовленного для юбилея.

Пальмы, зелень, в зелени портрет Корнеплодова. Эстрада, трибуна, все, что полагается. Несколько рядов стульев. Две двери. Одна входная, другая ведущая в другие помещения клуба. Эта дверь открыта, в нее видна голубая гостиная, в которую выходит еще одна дверь, с надписью — «Приемочная комиссия». Слышно шелканье бильярдных шаров и звуки рояля или радиолы. Двое из публики.

П е р в ы й. Опять пальмы. Что сегодня?

В т о р о й. Юбилей какого-то известного писателя.

П е р в ы й. Кого именно?

В т о р о й. Кажется, Корнеплодова.

П е р в ы й. А разве он еще существует?

В т о р о й. Как видите.

П е р в ы й. Концерт будет?

В т о р о й. А как же.

П е р в ы й. Тогда я займу место.

В т о р о й. Я уже на всякий случай занял.

П е р в ы й. Так я рядом с вами, чтобы не было скучно. (*Кладет на стул газету.*) Может быть, пока что партию в шахматы?

В т о р о й. Можно.

Б у р ь я н о в (*быстро входит*). Сегодня, кажется, открытое заседание приемочной комиссии должно состояться здесь, в клубе? Где именно?

П е р в ы й (*показывает*). Эта дверь.

Б у р ь я н о в. Еще не начинали?

П е р в ы й. Нет еще. Ждут Сироткина-Амурского.

Б у р ь я н о в. Народу много?

В т о р о й. Аншлаг. Вот, кстати, и Сироткин-Амурский.

Входит Сироткин-Амурский. Мартышкин выходит из противоположной двери с бильярдным кием в руках.

С и р о т к и н - А м у р с к и й. Товарищ Мартышкин, надеюсь, вы тоже выступите?

Мартышкин. По поводу кого?

Сироткин-Амурский. По поводу Корнеплодова.

Мартышкин. Хо-хо.

Сироткин-Амурский. То есть?

Мартышкин. В зависимости от ауспиций.

Сироткин-Амурский. Какие ж там, батюшка, ауспиции! Человек двадцать пять лет числится писателем, а ровно ничего не написал и никаких своих сочинений представить не может. Разумеется, нам его придется исключить. Но так как это вопрос глубоко принципиальный, имеющий не только узколитературное значение, было бы очень хорошо, чтобы выступили также и вы.

Мартышкин (*насторожившись*). Почему именно я?

Сироткин-Амурский. Как известный критик и человек с некоторым авторитетом.

Мартышкин. Хо-хо. Вы меня переоцениваете. А как на это смотрит руководство?

Сироткин-Амурский. Разумеется, одобрительно.

Мартышкин. В каком смысле одобрительно: одобрительно — да или одобрительно — нет?

Сироткин-Амурский (*добродушно смеясь*). Одобрительно — нет.

Мартышкин. Вы уверены в этом?

Сироткин-Амурский. Совершенно.

Мартышкин. Ну, что ж. Пожалуй, я, хо-хо! Нет, но каков гусь этот самый Корнеплодов, а? Какая внешность, какой апломб, а на самом деле он просто дырка от бублика. Хо-хо. Ну, что ж, у меня даже есть на сей предмет кой-какие ораторские заготовочки. Вот, извольте видеть. (*Роется по карманам и вынимает бумажку.*) Нет, это не то. (*Вынимает другую бумажку.*) А вот это — то! Хо-хо! Я раскопал его единственный шедевр — «Овсы цветут» и выписал оттуда цитатки. Животики порвете.

Сироткин-Амурский. Так прошу вас, пройдите.

Мартышкин. Ничего. Я еще успею сыграть партию. Вы начинайте без меня. (*Уходит.*)

Бурьянов. Товарищ Сироткин-Амурский, можно вас на два слова?

Сироткин-Амурский. У меня сейчас начинается заседание.

Бурьянов. Это очень важно. Умоляю.

Сироткин-Амурский. Слушаю, батюшка.

Б у р ь я н о в. Здравствуйте. Вы, наверное, меня не узнали. Я Михаил Бурьянов, автор повести «Крутой поворот» — парень любит девушку, но она уезжает в город на учебу, а когда возвращается уже врачом, то застаёт парня уже директором МТС, такой конфликт.

С и р о т к и н - А м у р с к и й. Как же, читал. Так чего же вам надобно?

Б у р ь я н о в. Я знаю, вы относитесь к моей повести отрицательно, и я совершенно с вами согласен. Я буду ее еще дотягивать. Но прошу учесть, что к Евтихию Корнеплодову я не имею абсолютно никакого отношения. А меня обвиняют в том, что будто я из карьерных соображений собираюсь жениться на его дочери. Это гнусная клевета. Ничего общего ни с авантюристом Корнеплодовым, ни с его подозрительным семейством никогда не имел, не имею и не буду иметь.

С и р о т к и н - А м у р с к и й. Нас это не касается.

Б у р ь я н о в. Нет, касается. Я должен реабилитироваться. Я хочу выступить с разоблачением корнеплодовщины. Это мой общественный долг. Имейте в виду, что я уже давно сигнализировал, только мои сигналы почему-то не доходили до общественности. Дайте мне слово.

С и р о т к и н - А м у р с к и й. У нас собрание открытое.

Б у р ь я н о в. Благодарю вас. Вы меня окрыляете. Надеюсь, после моего выступления вы совершенно по-другому отнесетесь ко мне и к моей повести. Я хорошо знаю интимную жизнь Корнеплодова и не постесняюсь сорвать маску с этого самозванца.

С и р о т к и н - А м у р с к и й. Молодой человек, как вам не стыдно! А еще хотите быть русским писателем! Да вы знаете, что такое русский писатель?

Б у р ь я н о в. Не понимаю вас. Могу не касаться личной жизни. Как угодно. Но по общественной-то линии, надеюсь, можно ударить?

Сироткин-Амурский уходит в дверь комиссии.

Ну, держись, Корнеплодов. *(Уходит вслед за Сироткиным-Амурским.)*

М а р т ы ш к и н проходит с кием в руках.

Д и р е к т о р к л у б а *(выходит)*. Товарищ Мартышкин, что же вы? Я вас ищу по всему клубу.

М а р т ы ш к и н. На какой предмет?

Д и р е к т о р. Вам же открывать юбилей.

Мартышкин. Чей?

Директор. Корнеплодова.

Мартышкин. Хохонюшки!

Директор. В каком смысле?

Мартышкин. Хохонюшки в том смысле, что руководство относится к Корнеплодову резко отрицательно и, по-моему, юбилей вообще не надо. Какой юбилей, когда сейчас юбиляра будут выгонять из организации! Хо-хо!

Директор. Вы меня пугаете. Но ведь мы же обязаны провести мероприятие. Как же так? Мы затратили средства на концерт и на тропические растения. Сейчас приедут артисты. Смотрите, уже идет духовой оркестр.

Мартышкин. Так пусть он сыграет марш фюнебр.

Директор. Фюнебр? Я этого не понимаю. Перестаньте шутить. В конце концов пусть комиссия поступает с юбиляром, как ей угодно, а нас это не касается, мы обязаны провести мероприятие. Тем более что руководство проявило такой интерес к концерту. Только что звонили от Степана Степановича и просили непременно оставить четыре места во втором ряду.

Мартышкин (*тревожно*). Почему именно во втором?

Директор. Потому что весь первый ряд оставлен для семьи юбиляра.

Мартышкин. От Степана Степановича лично?

Директор. Вообразите себе.

Мартышкин. Вот такая картинка. Тогда я, пожалуй, хо-хо. У меня даже есть кой-какие набросочки. Я не буду касаться художественных произведений Евтихия Федоровича. Кстати, их и нету. Я думаю, знаете ли, в легкой юбилейной форме очертить его общественную физиономию.

Директор. Вот, вот. Именно в легкой форме. С юмором очертите. Наша аудитория любит посмеяться.

Мартышкин. Вот, извольте ли видеть. (*Вынимает бумажку.*) Нет, это как раз не то. (*Вынимает другую бумажку.*) А это как раз то. В игривой форме. Юбилей — это переучет товаров. Сегодня юбиляр в некотором роде переучитывает свои товары за двадцать пять лет. Ну и так далее.

Директор. Это именно то, что надо. Пройдемте в артистическую, через полчаса начало.

Мартышкин. Так я лучше сгоняю еще одну партию. (*Уходит.*)

Могилянский (вбегает). Юбиляр прибыл. (В дверь.) Прошу вас, милости просим, пожалуйста.

Входят Корнеплов с Надей.

Раздеваться будете прямо в артистической. Я восхищен вашей шубой.

Директор. Позвольте вас приветствовать от имени нашего клуба. Вы образцовый юбиляр. Обычно юбиляры, как правило, опаздывают, а вы прибыли даже несколько раньше, чем надо. Как видите, клуб сделал все возможное. (Показывает.)

Могилянский. Обратили внимание? Не каждый юбиляр может похвастаться такими пальмами. К несчастью, организовать кинохронику не удалось, благодаря странной позиции управления кинофикации, но мы своими силами запишем ваше выступление на клубный магнитофон.

Директор. Не правда ли, все очень прилично?

Корнеплов. Недурно, даже весьма.

Надя. Папа!

Корнеплов. Впрочем, я решил отказаться от юбилея.

Директор. То есть как это?

Корнеплов. Зачем весь этот шум, эти растения, этот мой портрет? Не скромно. Снимите его. Нет, нет, я решительно отказываюсь от юбилея.

Могилянский. Они шутят.

Корнеплов. В сущности, какой я писатель? Вы когда-нибудь читали мои произведения?

Директор. Лично я — нет... Но... наверное, другие читали.

Корнеплов. И другие не читали. Читали только мою подпись под некрологами. Писатель тот, кто пишет. Значит, я пустое место. Фикция.

Директор. Ради бога, не надо говорить так громко, а то услышит публика. Вы меня ужасаете!

Могилянский. Что вы, они же шутят.

Корнеплов. Какие шутки! Не до шуток мне. Вот заявление.

Надя. Молодец, папочка, молодец.

Корнеплов. Уберите мой портрет. Я выхожу из союза по собственному желанию. Юбилей отменяется.

Директор. Как это — отменяется? Мы оркестр наняли. Артистов пригласили. Мартышкин сделает вступительное слово.

К о р н е п л о д о в. Мартышкин? Надя, ты слышишь? Мартышкин согласился.

Н а д я. Папочка, ради всего святого, возьми себя в руки. Не поддавайся.

К о р н е п л о д о в. Нет, не поддамся. Все равно решительно отказываюсь.

Д и р е к т о р. Только не так громко. Мы уже привлекаем к себе нежелательное внимание. Проходите в артистическую. *(Публике.)* Товарищи, прошу вас освободить зал. Еще идет уборка. Мы дадим звонки. Могилянский, закройте двери и никого не пускайте в зал. Евтихий Федорович, что вы с нами делаете? Юбиляры всегда капризничают, но не до такой степени!

К о р н е п л о д о в. Все равно, все равно.

Н а д я. Молодец, папочка!

Д и р е к т о р. Может быть, вас смущает эта приемочная комиссия? Так вы не обращайтесь к ней. У нее свой профиль, а у нас свой профиль. Одно другому не мешает.

Н а д я. Где заседает приемочная комиссия?

Д и р е к т о р. Эта дверь. Но зачем вам? Евтихий Федорович, подумайте, в какое положение вы нас ставите?

М о г и л я н с к и й *(заглядывает за дверь, возбужденно)*. Прибыла делегация от кукольного театра и артисты ансамбля Моисеева.

Д и р е к т о р. Вот видите.

К о р н е п л о д о в. Ну, что ж, пусть публика повеселится без меня.

Д и р е к т о р. Как я объясню общественности?

К о р н е п л о д о в. Как угодно. Уехал. Срочно вызвали. Заболел. Пойдем, дочь.

Корнеплов и Надя подходят к двери комиссии и останавливаются.

Д и р е к т о р. Как же быть? Надо позвонить куда-нибудь... Посоветоваться... *(Уходит.)*

Н а д я. Что же ты остановился и не идешь? Иди, папочка.

К о р н е п л о д о в. Легко сказать — иди. Всю жизнь привык быть писателем, и вдруг вот я уже более не буду писателем.

Н а д я. Иди, папочка. Это может случиться со всяким. Не только с писателем.

К о р н е п л о д о в. Страшно. Устал я, Наденька. Посажу немного, соберусь с силами, а потом уж и пойду. *(Садится на стул возле двери.)* Слышишь, как там страшно шумят?

Надя. Слышу, папочка, Мишин голос.

Мартышкин (*подходит*). Что, обсуждение Корнеплодова уже началось? Ах, это вы? Честь имею. (*С сухим полупоклоном проходит в дверь.*)

Надя (*прислушивается*). Миша кричит. Громче всех. Боже, что он говорит!

Голос Бурьянова (*за дверью*). Подобное явление в нашей среде абсолютно недопустимо. С этой корнеплодовщиной пора кончать!..

Корнеплодов. Ради бога, прикрой дверь, чтоб я не слышал. И мне надо идти туда?

Надя. Зато потом тебе сразу станет легче. Старенький мой, миленький мой папочка. Собери все свои силы.

Дверь открывается, появляется Сироткин - Амурский.

Сироткин - Амурский. А, вы тут? Значит, передумали, решили явиться. Это и лучше.

Надя. Правда, гораздо лучше? Это я ему посоветовала.

Сироткин - Амурский. Вы дочь?

Надя. Да.

Сироткин - Амурский. Тяжелый, очень тяжелый случай. Но посудите сами, разве мы можем поступить иначе? Ведь это — литература, советская литература. С этим шутить нельзя.

Надя. Я понимаю, я очень понимаю.

Сироткин - Амурский. Сейчас заканчивает свое выступление Бурьянов, следующий — Мартышкин, а затем, если угодно, мы предоставим слово вам.

Корнеплодов. Что ж говорить? Говорить нечего. Я долго и мучительно думал и пришел к выводу, что вы все совершенно правы. Так что мне остается только публично признать вашу правоту и, как мне это ни больно, удалиться в частную жизнь... Если можно, без опубликования в печати, а?

Надя. Папа, не смей унижаться.

Сироткин - Амурский. Вот, кажется, Бурьянов кончил. Пожалуйста.

Бурьянов возбужденно выходит и трясущимися руками закрывает дверь.

Корнеплодов. Что ж это ты, Миша, так безжалостно? Я ведь тебе ничего, кроме хорошего, не сделал.

Бурьянов. Мы с вами не настолько близко знакомы, чтобы вы называли меня Мишей. А сказал я только то, что диктовал мне долг писателя и гражданина. Что же

касается намеков, будто я чем-то вам обязан,— то это инсинуация. Ни к вам, ни к вашей семье я не имею решительно никакого отношения. Говорю это честно и прямо в присутствии товарища Сироткина-Амурского.

Надя. Миша, подумай, что ты говоришь! Где твоя совесть? И этого человека я любила!

Бурьянов. Избавьте меня от дешевой лирики. Я не позволю пачкать свою репутацию. Учтите это. Пойду покурить. *(Уходит.)*

Сироткин-Амурский. Это отчасти, батюшка, плоды вашего воспитания молодежи. Прошу вас. *(Пронюскает Корнеплодова в дверь.)*

Корнеплодов. Главное: не пил, не курил, жене не изменял — и вот... *(Уходит.)*

Сироткин-Амурский уходит за ним. Дверь затворяется.

Надя *(одна у двери)*. Ну, слава богу. Гора с плеч. Сейчас все это кончится, и мы уйдем отсюда домой. Хоть бы скорее. Но почему я так волнуюсь? Неужели он в последнюю минуту раздумает? Это будет ужасно!.. «Ни к вам, ни к вашей семье я не имею решительно никакого отношения...» Решительно! Нет, все это так чудовищно, что я не знаю, не знаю... Нет, я сделаю что-нибудь ужасное, что-нибудь такое...

Директор *(входит)*. Никому не дозвониться. Никто ничего не знает. Там выгоняют, здесь поздравляют. Буду действовать на свой риск и страх. В конце концов — не такой уж классик. Не хочет — не надо. Юбилейский! То есть тьфу — Могилянский!

Могилянский *(входя)*. Здесь.

Директор. Объявите публике, что юбиляр срочно уехал для изучения жизни в отстающие районы Центральной черноземной области.

Могилянский. Так он же здесь, его могут увидеть.

Директор. Не важно. Его все равно почти никто не знает. Тоже писатель. Безбилетный пассажир. Уберите его портрет, давайте звонки, и пусть играет оркестр.

Могилянский убирает портрет, оркестр ремесленников играет вальс.

Могилянский. С таким юбилеем можно нажать себе порок сердца. Гораздо спокойнее хоронить! Смотрите — вдова. То есть, я хотел сказать, жена. Идет жена юбиляра. Мать юбиляра, дочь юбиляра.

Входят Корнеплодова, бабушка и Вера.

Еще раз здравствуйте, Софья Ивановна. Ну как вам нравятся пальмы?

Корнеплодова. Он тут? (*Видит Надю.*) А, Надька! Нашла. Где отец? Говори!

Надя. В приемочной комиссии.

Корнеплодова. Кто велел?

Надя. Пойми, мамочка... Хоть раз в жизни...

Корнеплодова. Я спрашиваю: кто велел? За-молчи. Все ясно. Каяться пошел? Я знаю, что ты его уговарила, отвратительная девчонка. Рано ему еще каяться! Когда надо будет, я ему сама скажу. А ну, где этот самый консилиум? Здесь, что ли?

Надя. Мамочка, что ты хочешь сделать?

Корнеплодова. Не задавай идиотских вопросов. (*Распахивает дверь.*) Евтихий, иди сюда! (*Наде.*) А с тобой я еще поговорю. (*Корнеплодову.*) Евтихий, кому я говорю! Сию минуту иди сюда.

Мартышкин (*видный в открытую дверь, продолжает свое выступление*) ...могу продемонстрировать еще один шедевр: «Митрич потянул Васку за упругие груди и хлобыстнул по уху тальянкой». Хаханьки! Одним словом, дырка от бублика!

Корнеплодова. Вы! Прекратите это издевательство над известным писателем и общественным деятелем. Иначе я буду звонить в Совет Министров. Ишь как расходились. Добролюбовы! Евтихий, почему ты здесь, а не на своем юбилее? Это тебе не компания. Твое место в президиуме на трибуне.

Корнеплодов. Юбилея не будет.

Корнеплодова. Кто выдумал эту дичь?

Корнеплодов. Я решил...

Корнеплодова. Никому не интересно, что ты решил. Вот еще новости. (*Кричит в дверь.*) Вопрос о Евтихии Федоровиче снимается!

Сироткин - Амурский. Однако позвольте...

Корнеплодова. Не позволю. Не нуждаемся.

Сироткин - Амурский. Почему же?

Корнеплодова. Потому, что членский билет — вот! (*Вынимает из сумки и показывает билет.*) Вам это ясно? Вопрос исчерпан.

Сироткин - Амурский. Это не существенно.

Корнеплодова. Может быть, для вас не существенно, а для нас даже очень существенно. А теперь можете идти и продолжать заседание.

Сироткин - Амурский. И продолжим!

К о р н е п л о д о в. Мой членский билет? Где ты его откопала?

К о р н е п л о д о в а. Совершенно случайно обнаружила в «Диалектике природы» Фридриха Энгельса, которую я тебе купила пять лет назад специально для того, чтобы ты изучал диалектический материализм, а ты вместо того, оказывается, дрых у себя на диване? Но это особая статья. А теперь ступай в артистическую, умойся, причепись и надень галстук.

К о р н е п л о д о в. Нет, нет. Я это все отменил.

К о р н е п л о д о в а. Пока не нашелся билет, а теперь...

К о р н е п л о д о в. Не имеет значения. Не хочу, не пойду.

К о р н е п л о д о в а (*грозно*). Что? Ну это мы еще посмотрим. Кто здесь ответственный по юбилею?

Д и р е к т о р. Я.

К о р н е п л о д о в а. Так что же вы стоите и ничего не делаете? Вы видите, что юбиляр нервничает? Проводите юбиляра в артистическую и не выпускайте, пока я не дам указания.

К о р н е п л о д о в. Софья!

Д и р е к т о р. Идите, уважаемый, и не раздражайте вашу супругу. Она знает, как лучше.

К о р н е п л о д о в а. Ступай! (*Директору.*) Обеспечьте ему черный кофе с сахаром и лимоном. Заприте дверь и захлопните форточку, чтобы его там не продуло. Вы, персонально, отвечаете за его здоровье. (*Корнеплодову.*) Ну, что же ты не идешь? Ступай!!!

К о р н е п л о д о в (*тяжело вздыхая*). Ох, господи боже мой!

Н а д я. Папа, не смей этого делать!

Корнеплодов и директор уходят.

К о р н е п л о д о в а. Замолчи. Я еще с тобой поговорю. Почему такие маленькие пальмы? А где портрет Евтихия Федоровича?

М о г и л я н с к и й. Юбиляр сами приказали снять.

К о р н е п л о д о в а. А вы его больше слушайте! (*Наде.*) Это все ты, дрянь, наделала! Ставьте портрет сюда. Не сюда, а туда. Посредине. Вот так. Где места для семьи юбиляра? Вот эти? Это неуважение к юбиляру. Поставьте в президиуме кресла для жены и матери юбиляра.

М о г и л я н с к и й. Вот это настоящая хозяйка. Будет исполнено. (*Ставит кресла.*)

Корнеплодова. Антонина Прокофьевна, садитесь, не стесняйтесь. Поправьте платок.

Могилянский. Украшение президиума. Сказительница.

Корнеплодова. А ты, Вера, садись в первый ряд. У нее есть муж, научный работник, но он, к сожалению, не может присутствовать, так как захворал.

Могилянский. Я понимаю, сторел на работе.

Корнеплодова. Надя, садись здесь.

Надя. Мама, я не могу участвовать в этой комедии.

Корнеплодова. Тебя не спрашивают.

Надя. Я уйду.

Корнеплодова. Только после торжественной части. *(Могилянскому.)* Она готовится к экзаменам и очень измоталась.

Бурьянов *(входит)*. Что? Нашелся билет?

Корнеплодова. Нашелся, Мишенька, нашелся.

Бурьянов. Софья Ивановна! Поздравляю! От всего сердца!

Корнеплодова. Спасибо, родной!

Бурьянов. Вы себе не можете представить, как я волновался, мамочка, что я переживал.

Корнеплодова. Очень представляю.

Бурьянов. Стало быть, теперь все в порядке? И участок в зеленой зоне?

Корнеплодова. И участок в зеленой зоне, и новая дача. Теперь не уйдет. У нас ветеринар временно выбыл из строя, так не съездишь ли, Мишенька, завтра в управление к Сироткину?

Бурьянов. С восторгом! Я этому самому Сироткину-младшему залью сала за шкуру. У меня мертвая хватка.

Корнеплодова. Спасибо, Мишенька. Садись рядом с Надеждой.

Бурьянов. Что же ты молчишь, Надюшка, ничего не говоришь?

Надя. Мама. Я не могу больше... Я... я его сейчас ударю.

Корнеплодова. Кого? Мишеньку? За что?

Надя. Если бы ты только слышала, какие мерзости он только что, вот здесь, сию минуту, говорил про папу, про нас всех!..

Корнеплодова. Что? Небось отмежевывался?

Бурьянов. Отмежевывался, Софья Ивановна.

Корнеплодова. Ну и правильно сделал. Зачем

ему голову зря под топор класть? Так умные люди не делают. Цени его, Надя. Он у тебя умный. Он далеко пойдет. Тебе повезло. Это не ветеринар.

Надя. Мама, я не могу... Я задыхаюсь... Я умру, умру сейчас... от стыда и от отчаяния!..

Корнеплодова. Веди себя прилично в общественном месте. Не умрешь. Еще благодарить будешь. А пока — садись, я тебе приказываю!

Бурьянов. Слышишь, Надюшка, что мама говорит? Ну, дай лапку!

Надя. Не смей ко мне прикасаться! Если ты только ко мне прикоснешься...

Бурьянов. То что будет?

Надя. Пошел вон! Дурак! Ничтожество!

Корнеплодова. Надежда!

Надя. Замолчи! Я ухожу от вас навсегда. А тебе — вот! (*Бьет Бурьянова по лицу.*) Очень хорошо!

Корнеплодова. Однако!

Бурьянов. Обойдется! Если бьет — значит, любит!

Играет музыка.

Могилянский. Я восхищен вашим туалетом. Вы похожи на вдовствующую императрицу. Прикажете начинать?

Корнеплодова. Начинайте.

Входит публика.

Ольга Николаевна (*вбегают с цветами*). Софья Ивановна, роднуша. Я чуть не опоздала. Что? Нашелся билет?

Корнеплодова. Нашелся, лапушка, нашелся.

Ольга Николаевна. Ну, теперь все ваши враги подавятся.

Корнеплодова. Уже подавились.

Ольга Николаевна (*подает цветы*). Это вам. Лично вам, как подруге и вдохновительнице нашего дорогого, всеми любимого писателя.

Корнеплодова. Спасибо, солнышко! Садитесь на место ветеринара. Здесь вам будет хорошо, близко. На Евтихия Федоровича надо смотреть вблизи. (*В публику.*) Граждане, тише. Что же ты не идешь?

Вводят и усаживают Корнеплодова.

Мартышкин (*откуда ни возьмись появляясь на трибуне*). Товарищи, сегодня наша общественность празд-

нует славный юбилей дорогого и всеми нами любимого писателя Евтихия Корнеплодова.

Аплодисменты.

Мне выпала высокая честь сказать несколько слов о жизни и творчестве юбиляра. Но, собственно, что говорить? Имя Евтихия Корнеплодова говорит само за себя. Искусство и Корнеплодов едины и неразделимы. Искусство не может существовать без Корнеплодова, так же как и Корнеплодов не может существовать без искусства. Хо-хо. Позволю сказать, что Евтихий Корнеплодов — это не просто личность, а, так сказать, явление. Громадное общественное явление.

Аплодисменты, возгласы.

Я не хочу утомлять ни вас, товарищи, ни самого нашего дорогого юбиляра перечислением всего того, что он сделал для родного искусства. Мы все это хорошо знаем. Поэтому позвольте мне закончить мое краткое выступление маленьким веселым сравнением. Что такое, товарищи, юбилей? Юбилей — это переучет товаров. (*Корнеплодовой.*) Не беспокойтесь, Софья Ивановна. (*Продолжает.*) Сегодня наш дорогой Евтихий Федорович, так сказать, переучитывает свои товары, свои замечательные художественные ценности за четверть века своего славного, бескорыстного служения музам. И мы видим, что ценностей этих хватит еще, по крайней мере, на сто лет, если не больше.

Аплодисменты.

К о р н е п л о д о в а. Вот это правильно.

М а р т ы ш к и н. Желаю же вам от всех нас, здесь присутствующих, дорогой Евтихий Федорович, еще сто лет жизни, сто лет плодотворного творчества и сто лет счастья. Позвольте вас обнять и поцеловать от имени русского общества.

Аплодисменты, оживление, целуются.

А теперь слово имеет сам юбиляр — Евтихий Корнеплодов!

Овация.

К о р н е п л о д о в а. Евтихий, только не волнуйся и не говори лишнего. Поправь галстук. Возьми свое выступление. Держи, только не перепутай.

К о р н е п л о д о в (*разрывает бумагу, с сердцем выбрасывает*). Дорогие товарищи, друзья, братцы! За что?

За что вы меня мучите? К чему эти цветы, пальмы, речи—одним словом, архитектурные излишества. Поймите, что я не писатель. Уже давно не пишу. И ей-богу, дело прошлое, а писатель я был неплохой. Правда, мастерства не было. Ну, ведь это не каждому дано. Но все это в прошлом. Надоело мне это дело. Вы думаете, легко числиться писателем моего масштаба? И ну-ка попробуйте! Заседанья, совещастья, консультации, творческис командировки, воспитание молодежи, жюри, комиссии... Все время некрологи подписываешь, адреса, приветствия... Это, братцы, даже талантливый человек не выдержит. А вы меня еще мучаете! Ох, если бы знали, как вы мне все надоели. Про вас бы роман хороший написать. И не беспокойтесь, напишут. Конечно, не я. А кто умеет.

К о р н е п л о д о в а. Евтихий! Я тебе запрещаю!

К о р н е п л о д о в. Молчи. Ты меня еще плохо знаешь. Я не посмотрю, что здесь публика. Про всех напишут! А про тебя, Сонька, в первую очередь! Как ты мою жизнь заела. Сделала из меня дойную корову. Сюжет, достойный Достоевского. А ты думаешь, Бурьянов, ты не сюжет? Милый друг. Дюруа.

Бурьянов записывает.

И про тебя напишут, Мартышкин, лукавая личность. Человек-амфибия.

В е р а. Папа, ты ведешь себя неприлично.

К о р н е п л о д о в. Молчи, дура. Ей дал бог такого мужа, такую умницу! Боже мой, как глубоко прав был ветеринар!

К о р н е п л о д о в а. Ты сошел с ума! Не слушайте его. Это эксцесс!

К о р н е п л о д о в. Эксцесс? Смотрите, какая образованная. Сию же минуту домой.

К о р н е п л о д о в а. А жить чем будем?

К о р н е п л о д о в. А чем другие люди живут? Пашут. Сеют. Жнут. Пекут. Шьют. Пилят. Рубят. Бреют. Мало тебе? Марш домой работать. Ах, ты не хочешь? Ну, так я тебе сейчас покажу, кто из нас главный. Пришибу! Мама, извините. Товарищи, не волнуйтесь. Юбилей отменяется. Музыка, туш. Все будет в порядке.

Музыка играет туш. Корнеплодов гордо удаляется в сопровождении родственников. Бодро приветствует публику.

З а н а в е с

ПОРА ЛЮБВИ

**Маленькая комедия
в трех действиях**

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Шаронова Антонина Алексеевна, пенсионерка.
Игорь, ее внук, молодой хирург.
Саша Соболева.
Ингрид Стуул.
Ольга Огородникова.
Алла Середа, красавица.
Вася, ее брат.
Дядя } Соболевы.
Тетья }
Иконников, мастер спорта, лысоват.
Кубинец.
Гости.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Квартира пенсионерки Шароновой в новом доме при металлургическом комбинате.

Большая личная библиотека, которая осталась Шароновой после покойного мужа. Эту личную библиотеку Шаронова превратила в общественную и теперь безвозмездно выдает книги желающим. Вечер. Шаронова получает и выдает книги. Отпускает нескольких человек. Наконец остается последняя абонентка, молоденькая фрезеровщица Саша Соболева.

Шаронова. Теперь займемся тобой.

Саша (*ставит на стол большую связку книг*). Вот, Антонина Алексеевна. Это сдаю. А по этому списочку хочу взять.

Шаронова. Сейчас посмотрим. (*Открывает книгу абонентов.*) Соболева Александра. Ты у меня была в прошлый четверг. Не так ли?

Саша. Так.

Шаронова. И потом в субботу.

Саша. Да.

Шаронова. Зачастила что-го.

Саша краснеет.

(*Проверяет книги.*) Все в порядке. Быстро читаешь, Сашенька.

Саша. Приходится.

Шаронова. Аккуратно сдаешь. Ишь ты: каждую книгу завернула в бумагу. Другим бы у тебя поучиться, как обращаться с книгами. Умница, за это люблю. Что же ты стоишь? Присядь. Я тебе сейчас все подберу.

Саша. Спасибо, Антонина Алексеевна. Присяду.

Шаронова. Небось устала. Семь часов на ногах, на холодном полу.

С а ш а. У меня ноги молодые, а пол в цехе фибролитовый, теплый. А вот вы, наверное, здорово-таки устаете. Целый день лазить по полкам, как белка.

Ш а р о н о в а. Что ты, милая! Книги — это моя радость. Ведь мой покойный муж Афанасий Шаронов был большой книголюб. Видишь, какую библиотеку собрал, прямо-таки профессорскую, несмотря на то что был всего лишь мастером на заводе. И я возле него стала книголюбкой. Книги — это сокровище. Но я не хочу сидеть на этом сокровище. Я отдаю свое сокровище людям. Пускай пользуются. Кто хочет — приходи и бери.

С а ш а. Это по-коммунистически.

Ш а р о н о в а. Иначе и быть не должно. У нас все для человека. А книги в особенности. Если, конечно, человек будет относиться к ним с уважением: не вырывать страниц, не пачкать, не мять углов переплета.

И г о р ь *(входит)*. Добрый вечер, бабушка.

Ш а р о н о в а. Что так поздно?

И г о р ь. Сначала задержался в клинике, пришлось экстренно оперировать один гнойный аппендицит, а потом неожиданно вызвали в райздравотдел к заведующему.

Ш а р о н о в а. По какому поводу?

И г о р ь. По совершенно фантастическому. *(Замечает-Сашу.)* Здравствуй, Саша. Извини, я тебя не заметил.

С а ш а. Ты меня вообще никогда не замечаешь.

И г о р ь. Неправда. Это только сегодня. И то лишь потому, что у тебя такое выражение лица...

С а ш а. Какое же?

И г о р ь. Необыкновенное. И платье незнакомое.

С а ш а. Платьечко старое. Ты его видел тысячу раз.

И г о р ь. Может быть. Что-то ты стала частенько к нам захаживать.

Ш а р о н о в а. Много читает.

С а ш а. Приходится. Это мои книги, Антонина Алексеевна?

Ш а р о н о в а. Твои.

С а ш а. Так я их забираю. До свиданья.

Ш а р о н о в а. Счастливо.

С а ш а. До свиданья, Игорь.

И г о р ь. До свиданья, Саша.

Саша уходит.

Ш а р о н о в а. Так по какому же поводу тебя вызвали в райздравотдел?

Игорь. Угадай.

Шаронова. Переводят?

Игорь. Нет.

Шаронова. Повышают? Или понижают? Может быть, выговор?

Игорь. Не угадаешь.

Шаронова. Говори же, не терзай. Что за ужасная привычка!

Игорь. Получена телеграмма из Министерства здравоохранения. Предлагают на два года ехать за границу.

Шаронова. Кому?

Игорь. Мне.

Шаронова. Не может быть!

Игорь. Честное пионерское.

Шаронова. Как же это произошло?

Игорь. Очень просто. В Аддис-Абебе заканчивается строительство советской больницы, и меня хотят назначить ординатором в хирургическое отделение. Тебя это, кажется, удивляет?

Шаронова. Наоборот. Нисколько не удивляет. Ты молодой, растущий врач, отличный хирург, и это очень хорошо, что за границу наконец стали посылать молодых врачей с периферии. А ты рад?

Игорь. Конечно. А ты?

Шаронова. Разумеется, я тоже рада. Но погоди. Это так неожиданно, что я просто не могу прийти в себя. Да нет, ты шутишь!

Игорь. Ей-богу, нет.

Шаронова. Так ты не шутишь?

Игорь. Абсолютно.

Шаронова. Приходится верить.

Игорь. Но, я вижу, ты не рада.

Шаронова. Рада. Конечно же, рада. Как я могу быть не рада, когда это для тебя такое во всех отношениях важное, почетное назначение! Дорогой мой Игорек, мой мальчик...

Игорь. Что же ты плачешь?

Шаронова. Плачу потому, что вдруг впервые поняла, что ты уже вырос. Стал взрослый. Совсем взрослый. Ты уже не тот маленький Игорек, который всегда так любил свою старенькую бабушку.

Игорь. Я и сейчас тебя люблю.

Шаронова. Я знаю, что любишь. Но ты уже не Игорек. И ты знаешь, я горжусь тобой... Я всегда тобой гордилась. Гордилась, когда ты приносил похвальные

листы, когда ты сдал государственные экзамены и получил диплом с отличием, гордилась, когда о тебе в прошлом году написали в газете, как о растущем хирурге. А теперь я особенно горжусь... Я просто преклоняюсь перед тобой. И вовсе не потому, что ты мой единственный внук. А потому, что это чистая правда. Как жаль, как бесконечно, мучительно обидно, что твои покойные мамочка и папочка не могут сегодня порадоваться за тебя. Как жаль, что сегодня с нами нет твоего дедушки!

Игорь. Не плачь, бабушка, не надо плакать.

Шаронова. Как же мне не плакать, когда изо всей нашей семьи остались на земле только ты да я, твоя старая бабушка... Разве это не жестоко?

Игорь. Но что же делать, что же делать?

Шаронова. Ты прав. Делать нечего. Будем жить, как живется. Ты уедешь — останутся мои книги, библиотека, общественная работа.

Игорь. Тем более что уезжаю я совсем ненадолго. Два года промчатся быстро, и мы снова будем вместе.

Шаронова. Если я еще буду.

Игорь. Бабушка!

Шаронова. Я пошутила. Я буду. Я обязательно буду. А теперь от души тебя поздравляю. Когда надо ехать?

Игорь. Через две недели.

Шаронова. Так скоро?

Игорь. Да. Срочная командировка.

Шаронова. Я не думала, что это так скоро!

Игорь. Ничего, бабушка. Чем скорее уеду, тем скорее возвращусь.

Шаронова. Верно, мой мальчик. Мой бывший мальчик. Все-таки ты не имеешь представления, как трудно матери увидеть, что ее сын уже совсем вырос. А ведь я тебе с самых детских лет заменяю мать. Ты ведь, в сущности, мой внуко-сын. Или сыно-внук: как тебе больше нравится. Ну и что же, тебя уже начали оформлять?

Игорь. Еще не начали, потому что, видишь ли, тут есть одно обстоятельство. Дело в том, что предпочитают посылать только женатых. Такое неписаное правило. Следовательно, мне еще надо жениться.

Шаронова. Жениться!

Игорь. Ну да. Но я думаю, это не проблема. Желающих хватит.

Шаронова. Еще бы! Получить такого мужа, как ты! Мечта любой девушки. Но позволь, Игорек... (Плачет.)

Игорь. Ты опять плачешь?

Шаронова. Я не плачу, но подумай сам. В одно и то же время узнаю, во-первых, что ты уезжаешь в Африку и, во-вторых, что ты женишься. Согласись, что для меня это слишком сильная нагрузка.

Игорь. Да, но что же делать?

Шаронова. Не знаю.

Игорь. Не отказываться же от такой замечательной командировки только потому, что надо жениться!

Шаронова. Разумеется. Ни в коем случае не отказываться.

Игорь. Так что же тебя волнует?

Шаронова. Меня беспокоит, как бы ты второпях не взял первую встречную. Как бы не ошибся.

Игорь. Не беспокойся. Не в моем характере ошибаться.

Шаронова. Это верно. Но все-таки... Когда ж любви и страсти нежной пришла Онегину пора — прогнали бабку со двора.

Игорь. Во-первых, не любви и страсти нежной, а надежд и грусти нежной, а во-вторых, прогнали не бабку, а мосье, так что можешь быть совершенно спокойна.

Шаронова. Это почти все равно, милый. Но — жаль!..

Игорь. Конечно, жаль. Мне самому неохота жениться. Я бы еще годика три-четыре с удовольствием погулял в холостяках. Но ничего не поделаешь. Предпочитают женатых. Впрочем, ведь все равно рано или поздно, а жениться придется.

Шаронова. Лучше поздно... После моей... после того как меня не будет.

Игорь. Бабушка!

Шаронова. Молчу, молчу. Постараюсь примириться. Уже примирилась. И все же я очень боюсь, чтобы ты не совершил чего-нибудь непоправимого.

Игорь. Непоправимое совершают главным образом люди горячие, романтически настроенные, чуждые здравого материалистического миропонимания, влюбчивые, излишне сентиментальные. Я же, бабушка, как ты знаешь, этими пороками отнюдь не страдаю. Я трезвый реалист и на жизнь смотрю не через розовые очки, а через обыкновенные, хорошо подобранные по глазам.

Шаронова. И все-таки почему-то я так боюсь за тебя.

Игорь. Не бойся. Без твоего совета я не сделаю выбора.

Шаронова. Ты мне даешь слово?

Игорь. Даю слово.

Шаронова. Главное, не надо слишком торопиться. Не правда ли?

Игорь. Тем более что у нас впереди уйма времени. Не сегодня, так завтра. Не завтра, так послезавтра.

Шаронова. Не послезавтра, так через неделю.

Игорь. Вот как раз и нет. Не послезавтра, так, во всяком случае, не позже среды, с таким расчетом, чтобы оформиться не позже четверга.

Шаронова. Так скоро!

Игорь. Ну да. Поэтому, дорогая бабуся, не будем терять драгоценного времени и давай сделаем наметку. Ведь ты прекрасно знаешь всех моих знакомых девушек.

Шаронова. Их у тебя совсем не так много, если, конечно, говорить лишь о вполне надежных.

Игорь. Разумеется. Тем легче сделать выбор. Ведь мы ограничимся только теми девушками, которых мы очень хорошо и давно знаем, не так ли, бабушка?

Шаронова. Разумеется, только тех, которые внушают полное доверие.

Игорь. Так вот. По дороге домой я уже сделал кой-какую наметку. За исключением тех, которые ясны не на все сто процентов. Остается четыре.

Шаронова. Интересно, на ком ты остановился.

Игорь. А как ты думаешь?

Шаронова. Не мне жениться, а тебе.

Игорь. Да, но ты — бабушка, заменившая мне мать.

Шаронова. И кроме того, библиотекаряша-общественница.

Игорь. Какое это имеет отношение к делу?

Шаронова. Самое прямое. У меня записаны все местные девушки, берущие у меня книги. Скажи мне, что ты читаешь, а я тебе скажу, кто ты.

Игорь. А те, которые не читают?

Шаронова. О тех не стоит и говорить. Из девушки, не читающей книг, никогда не получится жена, достойная моего внука.

Игорь. Допустим, хотя это и спорно. Так или иначе я записал вот сюда, в эту книжечку, имена четырех девушек. Интересно, сойдутся ли наши вкусы.

Шаронова. Говори. Впрочем, нет. Лучше я буду говорить. А ты проверяй.

Игорь. Хорошо. Посмотрим, насколько у нас совпадает.

Шаронова. Ну что же? Во-первых, Тамара Лагу-тинская. Да?

Игорь. Верно. Есть такая.

Шаронова. Затем, конечно, Саша Соболева.

Игорь. Правильно.

Шаронова. Она много читает и чаще всех заходит ко мне в библиотеку. Особенно в последнее время.

Игорь. Я это заметил. Затем?

Шаронова. В-третьих, Ингрид Стуул.

Игорь. Черт возьми! Ты просто волшебница!

Шаронова. Что, совпало?

Игорь. Абсолютно. И в-четвертых, Оля Огородникова.

Шаронова. Верно. Ольга Огородникова. Хотя читает и не так много, как другие, и все больше библиотеку приключений Военгиза, но девушка превосходная, работающая и талантливая, а главное, легкая — с такой тебе будет легче жить.

Игорь. Не будем забегать вперед.

Шаронова. Не будем.

Игорь. Итак, бабушка, все эти девушки нам вполне подходят: трудящиеся, учащиеся, милые, чистые, симпатичные, мы их всех давно знаем — можно сказать, с детских лет, еще с тех пор, когда мы все поселились здесь, на новом месте, возле завода, который тогда еще только строился...

Шаронова. И кроме того, они тебе нравятся.

Игорь. Откуда это известно?

Шаронова. Иначе ты не стал бы их заносить в свои святцы.

Игорь. До известной степени верно. Но в данном случае это не главное. Важно, что они надежны, свободны и не имеют женихов.

Шаронова. На ком же мы остановимся?

Игорь. На ком? Да... Это, конечно, вопрос.

Шаронова. И вопрос довольно серьезный.

Игорь. Конечно, серьезный.

Шаронова. Но все-таки?

Игорь. Да, в общем, все равно.

Шаронова. Уж будто?

Игорь. Уверяю тебя.

Шаронова. Однако?

Игорь. Если я скажу — Тамара Лагутинская или, допустим, — Саша Соболева, то это будет несправедливо по отношению к Ингрид Стуул или Ольге Огородниковой. Они все одинаково милы, и никто меня не отталкивает.

Шаронова. Но, может быть, одна из них все же нравится тебе немного больше других?

Игорь. Нет, пожалуй, все равны.

Шаронова. Подумай.

Игорь. Думаю.

Шаронова. Может быть, в смысле внешности?

Игорь. Для жены внешность не имеет никакого значения, тем более что все они очень хорошенькие.

Шаронова. Я не знала, что ты такой наблюдательный. Да, они действительно все очень хорошенькие. Но ведь каждая по-своему. Одна беленькая, другая черненькая, третья рыженькая, четвертая каштановая. Одной девятнадцать, другой двадцать один... Так как же быть?

Игорь. Вот в этом и трудность. Оказав предпочтение одной, я тем самым как бы обижаю других... А мне бы этого не хотелось.

Шаронова. Да и несправедливо, потому что все они молодые, прелестные, начитанные. Ведь мы выбрали самых лучших, правда?

Игорь. Безусловно.

Шаронова. Так что же делать?

Игорь. Может быть... жребий?

Шаронова. То есть как? Ты шутишь?

Игорь. Ничуть. Ведь ты же сама как-то говорила, что брак — это лотерея.

Шаронова. Ну, это я говорила фигурально. Не думаешь же ты в самом деле бросать жребий?

Игорь. А почему бы нет?

Шаронова. Знаешь ли, это, как бы выразиться, слишком мелодраматично, что ли...

Игорь. Но что же делать, если другого способа нет. *(Пишет.)*

Шаронова. Что ты там пишешь?

Игорь. Пишу билетики. Четыре билетика. Куда бы их положить? Сворачиваю. Кладу в эту волшебную шкапу. Тяни, бабушка. У тебя рука легкая.

Шаронова. Я волнуюсь.

Игорь. А я ничуть.

Шаронова. Неправда, волнуешься.

Игорь. Ну, может быть, самую малость. Тащи же.

Шаронова. Вытащила.

Игорь. Кого?

Шаронова. Не знаю.

Игорь. Читай.

Шаронова. Саша Соболева.

Игорь. Ну, слава богу! Я так и думал.

Шаронова. Почему?

Игорь. Что — почему?

Шаронова. Почему ты именно так и думал?

Игорь. Мне подсказало сердце.

Шаронова. Сердце?

Игорь. Нет, нет, какие глупости. Я пошутил. Сердце здесь совершенно ни при чем. Просто мне почему-то вдруг показалось, что это будет непременно Саша Соболева. Тем более что она тут только что была. И вот!

Шаронова. Я пошутила. Это не Саша Соболева.

Игорь. А кто же?

Шаронова. Оля Огородникова.

Игорь. Вот как! Жаль. То есть не совсем жаль, а в общем-то, пожалуй, все равно. Нет, в самом деле, бабушка: это действительно Оля Огородникова?

Шаронова. Нет, нет. Не беспокойся. Это Саша Соболева. Можешь убедиться.

Игорь. Да. Действительно, Саша Соболева.

Шаронова. Теперь ты успокоился?

Игорь. А разве я волновался?

Шаронова. По-моему, волновался.

Игорь. Совсем нет. Тебе показалось.

Шаронова. Тем лучше. Стало быть, ты остановился на Саше Соболевой?

Игорь. Да. Мы остановились на Саше Соболевой.

Шаронова. Категорически?

Игорь. Абсолютно.

Шаронова. Ну что ж? Она девушка хорошая, читающая.

Игорь. В таком случае не будем терять драгоценного времени. Я пошел.

Шаронова. Куда?

Игорь. К Саше Соболевой.

Шаронова. Дай я тебя поцелую. Дорогой мой Игорек...

Игорь. Так вы целуйте, а не плачьте.

Шаронова. Я не плачу.
Игорь. Я пошел.
Шаронова. Ну, как говорится, да благословит тебя бог.

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Комната Саши Соболевой. В гостях у Саши ее подруга Ингрид Стуюл. На столе — стопка библиотечных книг.

Ингрид. Однако!

Саша. Что — однако?

Ингрид. Целый штабель книг.

Саша. Приходится.

Ингрид. Раз, два, три, четыре... шесть... девять... двенадцать... тринадцать томов. Чертова дюжина. Не понимаю, когда ты их успеваешь читать?

Саша. Я их не читаю.

Ингрид. Что же ты с ними делаешь?

Саша. Я их получаю, а потом сдаю. Получаю и сдаю.

Ингрид. С какой целью?

Саша. Ты все равно не поймешь.

Ингрид. Может быть, тебе просто нравится ходить в библиотеку?

Саша. Может быть.

Ингрид. Но с какой целью?

Саша. Ты не понимаешь?

Ингрид. Не понимаю.

Саша. Я хожу в библиотеку просто так. Без всякой цели.

Ингрид. Это невозможно. Если человек что-нибудь предпринимает, то непременно имеет при этом какую-нибудь определенную цель.

Саша. Ты слишком рациональна.

Ингрид. Я просто логична. И так?

Саша. Не смотри на меня такими глазами.

Ингрид. Какими такими?

Саша. Слишком пронизательными.

Ингрид. Если тебе это неприятно, могу не смотреть, но ты моя самая близкая подруга, и я хотела бы знать, что с тобой происходит.

Саша. Ты думаешь, что со мной что-то происходит?

Ингрид. Безусловно.

Саша. И это заметно по лицу?

Ингрид. Сразу бросается в глаза.

Саша. Что же?

Ингрид. То без всякого повода делаешься бледной, то опять-таки без всякого повода краснеешь.

Саша. Не может быть!

Ингрид. Представь себе. Дай свои руки.

Саша. На.

Ингрид. Так и есть. Одна горячая, как кипяток, другая — холодная, как лед. Правая холодная, левая горячая. Все!

Саша. Что все?

Ингрид. Ты влюблена.

Саша. Откуда ты знаешь?

Ингрид. Я же тебе говорю: левая горячая — та, которая ближе к сердцу. У тебя горит сердце. Верный признак. Говори, что с тобой?

Саша. Не знаю. То есть я знаю, но это так странно. То есть это не странно, даже наоборот — вполне естественно. Но в то же время совершенно непонятно. Во всяком случае, необъяснимо. Вернее, объяснимо, но именно непонятно. Словом, не могу тебе объяснить.

Ингрид. Можешь не объяснять. Все ясно. Пришла пора — она влюбилась. Ты влюблена.

Саша. Нет.

Ингрид. Санька! Не ври! Ты влюблена!

Саша. Влюблена? Это не то слово. Ингрид, пойми: я не влюблена, я просто люблю. Люблю изо всех сил — страстно, глупо, позорно, безнадежно. То есть даже не люблю, а как бы тебе объяснить?

Ингрид. Объясни. Я пойму.

Саша. Я отравлена, поглощена без остатка, сошла с ума.

Ингрид. Сашка! Тебя ли я слышу и вижу? Как же это тебя угораздило?

Саша. Никак. Сама не знаю. Так.

Ингрид. Так просто никогда не бывает.

Саша. Оказывается бывает. Никогда до сих пор о нем не думала и вдруг в один прекрасный день поняла, что люблю его. Люблю безумно. Его одного в целом свете. И ничего не могу с собой поделаться. Знаешь, Ингрид: в этом даже есть что-то удивительное. Я потеряла волю, покой, сон... Не могу спать... Принимаю нембутал.

Ингрид. Санька, ты преувеличиваешь.

Саша. К сожалению, нет. Какое-то наваждение.

Ингрид. А он?

С а ш а. Он ничего не подозревает.

И н г р и д. Совсем ничего?

С а ш а. Абсолютно ничего. Как будто бы я пустое место.

И н г р и д. Беда!

С а ш а. Настоящая беда. Кошмар. Прямо не знаю, что делать. Я даже хотела записаться на прием к психиатру, чтобы он мне что-нибудь посоветовал эффективное. Может быть, гипноз. Лечат же алкоголиков гипнозом.

И н г р и д. Ты говоришь белиберду.

С а ш а. Конечно, белиберду. Я это и сама понимаю. В конце концов я дошла до того, что решила просто сказать ему все.

И н г р и д. Объясниться в любви?

С а ш а. Да.

И н г р и д. Как Татьяна Онегину?

С а ш а. И даже хуже. Уже совсем было собралась. Но в последний момент не решилась. Язык присох.

И н г р и д. И ты очень хорошо сделала. Женщина не должна объясняться в любви мужчине. Надо не иметь никакого самолюбия.

С а ш а. Ах, при чем здесь самолюбие, когда дело идет о счастье?

И н г р и д. Надо быть гордой.

С а ш а. У тебя какие-то скандинавские представления о женщине.

И н г р и д. Может быть. Не будем об этом спорить. И он действительно ни о чем не догадывается?

С а ш а. Не догадывается.

И н г р и д. А ты ему делала какой-нибудь намек?

С а ш а. Делала.

И н г р и д. Какой же?

С а ш а. Смотрела на него.

И н г р и д. И какой результат?

С а ш а. Все равно не догадался.

И н г р и д. Такой толстокожий?

С а ш а. Он не толстокожий, но у него просто такой характер.

И н г р и д. Кто же он?

С а ш а. Разве я тебе не сказала?

И н г р и д. Не сказала. Я его знаю?

С а ш а. Конечно. Отлично знаешь. Из нашей старой компании. Игорь Шаронов.

И н г р и д. Ах, так!

С а ш а. Ты удивлена?

И н г р и д. Нет, почему же? Вполне естественно, что молодая женщина выбирает себе молодого мужчину, как у Гамсуна. Ну, что же? Игорь Шаронов может понравиться. Ему всего двадцать четыре года, а он уже врач, хирург с прекрасной репутацией. О нем нельзя сказать ничего плохого. Только хорошее.

С а ш а. Правда?

И н г р и д. Разаумеется. Больше того, из всех наших знакомых парней это, пожалуй, самый лучший. И нет ничего удивительного, что он пришелся тебе по сердцу и ты его искренне полюбила. Он вполне того заслуживает. Превосходный мужчина. Правда, не вполне в моем вкусе, но превосходный.

С а ш а. Почему же не в твоём вкусе? В чём ты видишь его недостатки?

И н г р и д. Слишком уравновешенный.

С а ш а. Ты думаешь?

И н г р и д. Во всяком случае, мне так кажется.

С а ш а. А мне не кажется.

И н г р и д. Не кажется потому, что ты в него влюблена. Ты в нем хочешь ощущать душевные бури. Ты льстишь себя надеждой, что под холодным пеплом таится вулкан, который в один прекрасный день начнет извергаться и бросать вверх камни и пепел и зальет тебя лавой, как Помпею. Но ты заблуждаешься. Он слишком спокоен, слишком холоден. Во всяком случае, я бы сначала сильно подумала, прежде чем в него влюбиться.

С а ш а. Ты слишком рассуждаешь.

И н г р и д. К сожалению. Или к счастью.

С а ш а. А я так не могу. Я — как в воду головой. Если бы он вдруг вошел сюда сейчас и сказал: «Саня, я тебя люблю, иди со мной», — я бы бросила все и пошла за ним с закрытыми глазами хоть на край света.

И г о р ь (*входит*). Здравствуйте, девушки.

С а ш а. Ах!

И н г р и д. Ах!

И г о р ь. Почему такой испуг?

И н г р и д. Мы как раз только что говорили о тебе.

И г о р ь. Что именно?

И н г р и д. Я говорила, что ты человек холодный и уравновешенный, а Саша утверждает, что это только так кажется. Скажи, кто из нас прав?

И г о р ь. Конечно, ты, Ингрид. Я человек действительно уравновешенный и хладнокровный, как и подобает человеку моей профессии, хирургу. Здравствуй, Ингрид.

(Подает ей руку.) С Сашей мы уже недавно виделись. Я очень рад, Саша, что застал тебя дома. Ты мне срочно необходима. Нам надо с тобой поговорить.

И н г р и д (Саше). Мне можно остаться при вашем разговоре или нужно удалиться?

С а ш а. Не знаю...

И н г р и д. Игорь?

И г о р ь. Собственно говоря, здесь нет никаких секретов. Ничего особенного. Но лучше удались. На пять минут, не больше.

И н г р и д. Через пять минут я вернусь. (Уходит.)

И г о р ь. Ну-с... Итак...

С а ш а. Что?

И г о р ь. Ничего особенного. Если хочешь, сядем.

С а ш а. Хорошо. Сядем.

И г о р ь. Ты здорова?

С а ш а. А что?

И г о р ь. Мне кажется, что у тебя что-то вроде лихорадки. Может быть, тебя послушать?

С а ш а. Не надо.

И г о р ь. Что ты сказала? Тебя совсем не слышно. Можно подумать, что у тебя пропал голос.

С а ш а. Нет, я здорова.

И г о р ь. Что?

С а ш а. Я говорю, что я здорова.

И г о р ь. Не похоже. А ну-ка, дай руку.

Она дает руку.

Совсем ледяная.

С а ш а. Это потому, что правая.

И г о р ь. Не понимаю.

С а ш а. А левая горячая.

И г о р ь. Да. Странно. Такое впечатление, что ты совсем расклеилась. Совсем некстати.

С а ш а. Нет, ничего. Не обращай внимания. Я очень рада, что ты пришел. Ты совсем редко заходишь. А ведь мы с тобой когда-то так дружили. Помнишь?

И г о р ь. Чего ж не помнить? Конечно, помню... Итак... Я пришел совсем ненадолго. Видишь ли, Саша, в чем дело. Мы ведь с тобой старые друзья, не так ли? Ты меня хорошо знаешь. Я тебя хорошо знаю.

С а ш а. Да.

И г о р ь. Поэтому я и хочу предложить тебе попросту: выходи за меня замуж. По-моему, в моем предложении нет ничего обидного, оно вполне естественно. Впрочем, может быть, ты уже с кем-нибудь сговоришься, тогда ска-

жи прямо, не стесняйся, я не буду на тебя в претензии.

С а ш а. Подожди... Я не совсем понимаю... Может быть, у меня и в самом деле лихорадка... Что ты мне только что сказал?

И г о р ь. Я тебе предлагаю стать моей женой. Ну, одним словом, делаю тебе предложение.

С а ш а. Ты мне делаешь предложение?

И г о р ь. Да. И если ты не возражаешь, мы с тобой поженимся как можно скорее.

С а ш а. Ты не шутишь?

И г о р ь. Такими вещами не шутят. Саша, что с тобой? Тебе плохо?

С а ш а. Мне чудесно. Волшебно. Я ведь люблю тебя.

И г о р ь. Тем более.

С а ш а. Люблю давно, с самого детства. А ты?

И г о р ь. Я очень доволен, что все так чудесно складывается. Стало быть, ты согласна быть моей женой?

С а ш а. Согласна ли я? Родной мой! Скажи мне только одно слово — и я пойду за тобой на край света.

И г о р ь. Зачем же так далеко? До районного отдела записей актов гражданского состояния.

С а ш а (*страстно*). Мой?

И г о р ь. Что с тобой? Ты меня пугаешь!

С а ш а. Обними меня.

И г о р ь. Пожалуйста.

С а ш а. Скажи, ты меня любишь?

И г о р ь. А зачем тебе это знать? Неужели ты не понимаешь, что я тебя больше чем люблю: я на тебе женюсь. Ты согласна?

С а ш а. С чем согласна?

И г о р ь. Чудачка, я тебе делаю официальное предложение и спрашиваю: ты согласна?

С а ш а (*смотрит на него долгим, изучающим взглядом*). На что я должна быть согласна?

И г о р ь. Согласна быть моей женой?

С а ш а. И это все, что ты можешь мне сказать?

И г о р ь. Ну да. Все. А что же еще? По-моему, все.

Пауза.

С а ш а. В таком случае — не согласна.

И г о р ь. Ты не согласна быть моей женой?

С а ш а. Да, не согласна.

И г о р ь. Почему? Ты же сама только что сказала, что любишь меня.

С а ш а. Вот именно поэтому и не согласна.

И г о р ь. Непонятно.

С а ш а. Если ты этого не понимаешь, то тем хуже для тебя, а главным образом, для меня.

И г о р ь. Это все?

С а ш а. Все.

И г о р ь. Значит, ты категорически отказываешься выйти за меня замуж?

С а ш а. Зачем тебе это нужно?

И г о р ь. Как зачем? Разве я тебе еще не сказал? Так, значит, я тебе забыл сказать самое главное. Меня посылают за границу, и я должен ехать туда с женой. Без жены не рекомендуется. Теперь понимаешь?

С а ш а. Теперь понимаю. Значит, тебе срочно понадобилась жена, и среди всех знакомых девочек ты выбрал меня?

И г о р ь. Выбрал тебя.

С а ш а. Почему же именно меня?

И г о р ь. Так случилось. Что с тобой? Ты плачешь?

С а ш а. Уходи.

И г о р ь. Пожалуйста.

С а ш а. Ищи себе другую. Может быть, кто-нибудь другой согласится выйти замуж без любви.

И г о р ь. При чем здесь любовь?

С а ш а. Я тоже этого не понимаю.

И г о р ь. Значит, нет?

С а ш а. Нет.

И г о р ь. Как хочешь. Не сердись на меня. Забудем этот разговор. Надеюсь, я тебя ничем не обидел?

С а ш а *(со стоном)*. Не обидел?!

И н г р и д *(входит)*. Ровно пять минут. Уже можно?

С а ш а. Можно.

И н г р и д. Что у вас произошло? Вы поссорились?

С а ш а. Нет, мы не поссорились.

И г о р ь. До свиданья, девочки. Извините, что помешал вам. *(Уходит.)*

И н г р и д. Саша, что между вами произошло?

С а ш а. Ничего особенного. Игорь сделал мне предложение, и я отказала.

И н г р и д. Почему?

С а ш а. Потому, что он не сказал мне: я тебя люблю.

И н г р и д. Ты поступила правильно. Он должен был сказать эти слова.

И г о р ь *(входит)*. Простите. Еще один вопрос: вы

случайно не знаете — Оля Огородникова еще не переехала в новый дом?

И н г р и д. Нет. По-прежнему в общежитии.

И г о р ь. Спасибо. Еще раз до свиданья. *(Уходит.)*

И н г р и д. Ты поступила правильно. Не плачь.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Комната в общежитии. Оля Огородникова — возле своей койки, смотрится в зеркало. Несколько девушек из ночной смены спят, укрывшись одеялами, на своих койках. Чистенько и даже нарядно, как в хороших женских заводских общежитиях. Дверь заперта стулом, вдетым ножкой в дверную ручку. Стучат.

О л я. Ну, кто еще там ломится? Потихе! *(Открывает дверь.)*

И г о р ь. Здравствуй, Оля. Хорошо, что я тебя застал. У меня к тебе дело.

О л я. Говори потихе. Не видишь, что ли? *(Показывает головой на спящих девушек.)*

И г о р ь. Извини, пожалуйста. Буду говорить потихе. Сядем, Оля.

О л я. У меня нет времени. И так опаздываю.

И г о р ь. Ты, кажется, куда-то собралась?

О л я. Да. На стадион, там сегодня грандиозный парад кинозвезд, как бы не опоздать.

И г о р ь. Досадно.

О л я. Другим разом.

И г о р ь. Нельзя откладывать.

О л я. А что такое?

И г о р ь. Я тебя задержу ровным счетом на три минуты.

О л я. Ну, если. Только не больше. Так в чем дело?

И г о р ь. Меня посылают на два года за границу.

О л я. Это хорошо. Поздравляю.

И г о р ь. Но я должен ехать непременно с женой. Без жены не рекомендуется.

О л я. Да, я знаю. Холостых стараются не посылать, потому что они там могут бог знает что наделать по глупости. Закрутят роман с какой-нибудь или даже что-нибудь похуже. Т-ш-ш!.. Только говори не так громко, а то девчат разбудишь.

Игорь. Ладно. Так вот, мне срочно необходимо найти себе подходящую жену. Четверг утром — крайний срок.

Оля. Ну, а при чем здесь я? Пойдем, а то я уже опаздываю.

Игорь. Подожди. Мне интересно знать, что ты на это скажешь?

Оля. Я?

Игорь. Да, ты.

Оля (после некоторой паузы). А куда ехать?

Игорь. В Абиссинию.

Оля. Стало быть, в Африку. Понимаю. Это ничего. (После некоторой паузы.) Лететь?

Игорь. Наверное.

Оля. Ты не знаешь: через Рим или через Стокгольм?

Игорь. Не знаю.

Оля. Потому что если через Стокгольм, то можно дня на четыре задержаться в Париже... (Громко.) Ой, девочки!

Просыпаются несколько девушек, вскакивают с испугом.

Первая девушка. Олька! Что ты орешь? Честное слово... Только я стала засыпать!..

Вторая девушка. Ты зачем привела сюда мужчину?

Оля. Извините, девочки... Это я нечаянно.

Первая девушка. Не можешь говорить шепотом! Прямо несчастье какое-то!..

Оля. Спите, спите. Т-ш.. Игорь, говори шепотом.

Игорь. Я говорю шепотом.

Оля. Слушай. Ну, хорошо. Допустим. Ты там будешь, наверное, врачом. А жена твоя чем?

Игорь. По специальности.

Оля. Ну что ж, это меня вполне устраивает. Мы с тобой давно знаем друг друга. Со школьной скамьи. Я была в четвертом, а ты уже в восьмом. Ты интересный парень. Ничего не скажешь. Я тоже ничего себе: девушка без адреса. Самая подходящая парочка. Верно? Тогда лады. Я согласна. Принимаю твоё предложение.

Игорь. Разве я сделал тебе предложение?

Оля. Я тебя поняла именно так. Чего ж ты стоишь? Садись! Девочки, спите, спите, это вас не касается. Мы вам не мешаем. Садись, Игорь, садись, не стесняйся. Только не стучи стулом. Чаю хочешь? Я тебе сейчас тихонечко вскипячу на электроплитке. (Обращается к одной из

спящих.) Любочка, разреши, я у тебя возьму «Крымскую смесь»? Завтра отдам. Ничего, ничего. Ты себе спи.

Т р е т ь я д е в у ш к а. Ох, господи боже! Бери что хочешь, только не мешай мне спать.

О л я. Не буду, не буду. Спасибо, золотко. Спи себе спокойненько. Я тебе сейчас налью, Игорек. Бери печеньеце.

И г о р ь. А парад кинозвезд?

О л я. Чего я там не видела? Могу и не пойти.

И г о р ь. Билет пропадет.

О л я. Билеты на руках у Васи. Увидит, что меня до сих пор нету, и продаст кому-нибудь у входа на стадион. Только и всего.

И г о р ь. А кто это Вася?

О л я. Один человек. Ты его не знаешь. Он из другой компании. Но можешь не беспокоиться. Для меня это абстрактная живопись. Так как же: по рукам?

И г о р ь. Как ты странно говоришь.

О л я. А чего странно?

И г о р ь. Можно подумать, что мы совершаем какую-то коммерческую сделку.

О л я. Почему именно коммерческую?

И г о р ь. Ну, не коммерческую.

О л я. Не понимаю, что тебя не устраивает. Может быть, ты подозреваешь что-нибудь насчет Васи? Девочки, вы спите? Они спят. Если ты подозреваешь что-нибудь насчет Васи, то можешь быть совершенно спокоен. *(Оглядывается на спящих.)* Ни Васи, ни кого другого. Нет и никогда не было. Вся перед тобой, как есть с головы до ног. Чиста, как слезинка. И буду тебе абсолютно честной женой, подругой. Не сомневайся.

И г о р ь. Я не сомневаюсь, но все же как-то странно.

О л я. А чего странно?

И г о р ь. Хоть бы сказала, что любишь, что ли.

О л я. На кой тебе это надо?

И г о р ь. Да, конечно. Но все-таки.

О л я. Чудак человек. Я за него иду замуж, а он непременно хочет, чтобы я сказала, что люблю. Какое это имеет для тебя значение?

И г о р ь. Никакого.

О л я. Пей чай. Бери печенье. «Крымская смесь».

И г о р ь. Спасибо.

О л я. Только тихо... Ш-ш-ш... Не грызи так громко сахар... Так по рукам?

За дверью шум, стук.

Кто там еще ломится в дверь? Подожди, я сейчас открою. *(Открывает.)*

В а с я *(входит)*. Оля, в чем дело? Простите, что помешал.

П е р в а я д е в у ш к а. Ой, братцы, только не деритесь!

О л я. Тише! Ввалился, как медведь. Не видишь, что здесь отдыхают девушки? Я занята.

В а с я. А билеты?

О л я. Ты ж видишь, что я не пришла, значит, надо было продать.

В а с я. Никто не покупает.

О л я. Ну, тогда я не знаю.

В а с я *(жалобно)*. Так что же теперь будет, Ольга?

О л я. Ступай подожди меня внизу, может быть, я спущусь. Только не стучи сапожницами на все общежитие.

В а с я. Извините, что помешал. *(Уходит на цыпочках, бережно прикрывая дверь.)*

О л я. Это Вася. Не обращай внимания. Ну, так что же? Я вижу, что ты раздумал. Не стесняйся. Я ведь не набиваюсь. Не сердчай, Игорь. Забудем этот разговор и станем друзьями. Надеюсь, я тебя ничем не обидела?

И г о р ь. Абсолютно ничем.

О л я. Дело житейское. Каждый ищет, как ему лучше. Не так ли, Игорь?

И г о р ь. Разумеется.

О л я. И что, действительно дело такое срочное?

И г о р ь. Да не позже четверга утром.

О л я. Ничего. Найдешь.

И г о р ь. Ты не скажешь, Тамара Лагутинская живет по-прежнему на Чкаловской, восемь?

П е р в а я д е в у ш к а *(из-под одеяла)*. У Тамары Лагутинской вирусный грипп. Ее вчера отправили в больницу. *(Скрывается под одеялом.)*

И г о р ь. Досадно. Вирусный грипп — это минимум три недели. Что же делать?

В а с я *(входит)*. Ольга!

О л я. Ты опять тут? Я же тебе сказала, чтобы ты подождал внизу.

В а с я. Там дождь.

В т о р а я д е в у ш к а *(из-под одеяла, хихикая)*. Не сахарный!

О л я. Девушки, почему вы не спите?

Т р е т ь я д е в у ш к а. Потому, что вы нам мешаете.

О л я. Спи́те. (*Васе.*) Ну, что же ты стал посередине комнаты — ни туда, ни сюда. Садись, только тихонечко... Т-ш-ш...

И г о р ь. До свиданья. (*Уходит.*)

О л я. До свиданья. Не сердчай. (*Васе.*) Это один мой старый товарищ, друг детства, врач-хирург. Зовут Игорь. Но можешь не беспокоиться. Для меня это — абстрактная живопись. Пей чай, Вася. Бери «Крымскую смесь». Только не шуми. А то девушки спят.

П е р в а я д е в у ш к а (*из-под одеяла*). Жених и двенадцать спящих дев. (*Скрывается под одеялом.*)

О л я. Тихе. Т-ш-ш...

Потихонечку пьют чай. Пауза.

(*Шепотом.*) Вася, тебе не жалко билетов?

В а с я (*шепотом*). Не жалко.

В т о р а я д е в у ш к а. Только умоляю, не целуйтесь так громко. Включите радио!

Оля включает радио. Нежная музыка.

З а н а в е с

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Фасад нового жилого дома. Входная дверь. Над ней электрическая лампочка. Яркая лунная ночь. Звуки, доносящиеся с комбината.

Недалеко от входной двери, в тени, стоит И г о р ь. Из двери выходит С а ш а. Игорь делает к ней шаг.

С а ш а. Ой, кто это?!

И г о р ь. Это я, Саша, Игорь.

С а ш а. Ты меня напугал. Что ты здесь делаешь?

И г о р ь. Дожидаюсь тебя.

С а ш а. Почему же ты не поднялся ко мне наверх?

И г о р ь. Лучше здесь. С глазу на глаз. А то у тебя вечно подруги.

С а ш а. Всего одна подруга. Ингрид.

И г о р ь. Все равно.

С а ш а. Что же тебе от меня нужно?

И г о р ь. Поговорить.

С а ш а. Ты обратил внимание, какая сегодня луна?

И г о р ь. Обратил.

С а ш а. Полнолуние. Светло, как днем. Можно читать.

И г о р ь. Если напечатано крупным шрифтом.

С а ш а. Можно, даже если мелким.

И г о р ь. Мелкий шрифт называется петитом.

С а ш а. Это не важно. Ты любишь лунные ночи?

И г о р ь. Когда тепло. Холодные не люблю.

С а ш а. А мне все равно. Сейчас тепло. Тебе не холодно?

И г о р ь. Не холодно. А тебе?

С а ш а. Мне тоже не холодно. Так бы и простояла с тобой всю ночь.

И г о р ь. За чем же дело стало?

С а ш а. За малым.

И г о р ь. Ты на меня сердисься?

С а ш а. Что ты, милый! За что же?

И г о р ь. Ну, все-таки.

С а ш а. Не будем вспоминать. Я так рада, что ты пришел. Я всегда рада, когда ты приходишь.

И г о р ь. Однако время идет. Ты не передумала?

С а ш а. Скажи мне, милый, на что я тебе нужна?

И г о р ь. Я же тебе объяснил.

С а ш а. Только для этого?

И г о р ь. По-моему, вполне достаточно. Тем более что ведь ты сказала, что меня любишь. Ты не берешь своих слов назад?

С а ш а. Не беру.

И г о р ь. Значит, ты меня по-прежнему любишь?

С а ш а (*чуть слышно*). Люблю.

И г о р ь. Что ты сказала? Почему ты всегда говоришь со мной так тихо?

С а ш а. Люблю.

И г о р ь. Так почему же не хочешь?

С а ш а. Именно поэтому.

И г о р ь. Я уже это слышал. Я совершенно не понимаю. Странная логика. Ты хоть объясни мне как следует.

С а ш а. Сам должен понять. Неужели тебе непонятно?

И г о р ь. Честное слово, непонятно.

С а ш а. Тогда ты действительно какое-то странное исключение из общего правила. (*Со вздохом.*) Нет, Игорь, не пойду я за тебя.

И г о р ь. Но почему же, почему?

С а ш а. Сам должен понять. А если не понимаешь, то тем хуже для меня.

И г о р ь. Ты говоришь загадками.

С а ш а. То-то и скверно, что для тебя это загадки. Ах, если бы...

Игорь. Что — если бы?

Саша. Если бы ты... Если бы ты мог понять...

Игорь. Что понять? Что? Ты мне хоть подскажи.

Саша. Такие вещи не подсказывают.

Игорь. А ты подскажи, потому что время идет и все дело может лопнуть.

Саша. Нет, нет. Ничего. Ровно ничего. Все ясно. Не ясно лишь одно: зачем я тебе нужна? То есть я понимаю зачем, но я не понимаю, почему именно я, а не кто-нибудь другой. Ведь тебе должно быть все равно. Мало ли девушек?

Игорь. Девушек много. Даже больше, чем нужно. И любая будет, конечно, счастлива выйти замуж. Но подходящих — одна, две, и обчелся. Не могу же я жениться без разбора.

Саша. Ты говоришь, одна, две?

Игорь. Ну, может быть, три-четыре.

Саша. Кто же?

Игорь. Все свои.

Саша. Именно?

Игорь. Да ты их небось сама прекрасно знаешь.

Саша. Все-таки?

Игорь. Ну, скажем, Тамара Лагутинская.

Саша. Вот и женился бы на своей Тамаре Лагутинской.

Игорь. Не выходит. У нее вирусный грипп. Затяжное дело. А надо решать не позже четверга.

Саша. Так что одна — не в счет?

Игорь. К сожалению.

Саша. А еще кто?

Игорь. Кроме тебя?

Саша. Конечно, кроме меня. Я ведь не в счет.

Игорь. Ну, Оля Огородникова.

Саша. А она чем не подходит?

Игорь. В принципе-то она, конечно, подходит. Но, во-первых, какая-то она слишком... рациональная. А во-вторых, кажется, у нее уже есть парень.

Саша. А тебе не приходило в голову, что у меня тоже уже есть парень?

Игорь. Не надо так говорить даже в шутку.

Саша. Почему это?

Игорь. Потому что ты моя последняя надежда. Если ты не согласишься — я горю.

Саша. Я сказала — нет, значит, нет. Не будем к этому возвращаться. А почему бы тебе не поговорить с

Ингрид Стуул? Это моя самая близкая подруга, и я тебе ручаюсь, что она вполне годится. Но торопись. Потому что у нее на днях появился один бородатый кубинец в берете и с гитарой, из числа наших практикантов.

Игорь. Кубинца я не боюсь. Но ты же сама понимаешь, что жениться на Ингрид теперь мне неудобно.

Саша. Почему же?

Игорь. Ты, вероятно, уже сказала ей, что я сделал тебе предложение.

Саша. Сказала. У нас друг от друга нет тайн.

Игорь. Вот видишь.

Саша. Но ведь я тебе отказала, и она знает, что ты свободен. Впрочем, должна тебя предупредить, что ты не вполне в ее вкусе.

Игорь. Понимаю. Я не кубинец.

Саша. Типичный не кубинец.

Игорь. Но это все равно. Я бы, пожалуй, взял Ингрид, да как-то неловко.

Саша. Не стесняйся, чего там!

Игорь. Ладно. Пошутили — и будет. Дело серьезное. Осталось всего неполных два дня. Подумай, Саша. В среду мы расписываемся, в четверг нас начинают оформлять, а через две-три недели мы уже летим. Неужели тебе не хочется побывать за границей, увидеть Африку?

Саша. Ах, очень хочется! Но что же делать?

Игорь. Саша, ты чего-то недоговариваешь.

Саша. Я-то договариваю. Ты недоговариваешь.

Игорь. Мы увидим Сахару, пирамиды, сфинкса. Финиковые пальмы, караваны верблюдов. «Я покажу на блюде студня косые скулы океана». Под нами проплывут желтые воды Нила.

Саша. Снега Килиманджаро.

Игорь. Да. Мы увидим снега Килиманджаро. Ну, дай лапу. Согласна?

Саша. Нет, Игорек.

Игорь. Но почему же, черт возьми?

Саша. Опять двадцать пять. Так было все хорошо. Волшебная луна. На тени видна каждая веточка. И ты со мной.

Игорь. Спрашиваю в последний раз: да или нет?

Саша. Нет.

Игорь. Ну, черт с тобой! *(Круто поворачивается, уходит.)*

С а ш а. Игорь, не уходи!

И н г р и д (*выходит из двери*). Опять ничего не вышло? Он так и не сказал этих слов?

С а ш а. Так и не сказал. Ингрид, но, может быть, это и не нужно?

И н г р и д. Обязательно нужно.

С а ш а. Все равно. Я побегу за ним. Я больше не могу. Игорь, вернись!

И н г р и д. Дура. Не унижайся. Подожди. Имей терпение. Он созреет до понимания.

З а н а в е с

КАРТИНА ПЯТАЯ

Квартира Шароновой. Антонина Алексеевна и Игорь беседуют.

И г о р ь. Никак не предполагал, что в нашей стране, где женщин на двадцать процентов больше, чем мужчин, так трудно жениться.

Ш а р о н о в а. В особенности такому человеку, как ты: медалисту, общественнику, молодому растущему врачу, нежному внуку, скромному, порядочному, начитанному, отзывчивому товарищу.

И г о р ь. Бабушка, прекрати этот некролог.

Ш а р о н о в а. Уже прекратила. Но скажи мне: что же теперь будет?

И г о р ь. Понятия не имею.

Ш а р о н о в а. Все-таки как же это произошло?

И г о р ь. Я тебе уже объяснял.

Ш а р о н о в а. Но ведь рекомендуется ехать с женой. Где же она, эта жена?

И г о р ь. Нету.

Ш а р о н о в а. Значит, твоя заграничная поездка может лопнуть?

И г о р ь. Вполне.

Ш а р о н о в а. Что вполне?

И г о р ь. Вполне может лопнуть.

Ш а р о н о в а. Ты говоришь об этом так хладнокровно?

И г о р ь. А что же делать?

Ш а р о н о в а. Действовать.

И г о р ь. Я уже действовал.

Шаронова. Действуй дальше. Каждый человек — кузнец своего счастья. Под лежащий камень вода не течет.

Игорь. Брак — это лотерея. Все это, может быть, и верно, но пока результатов не дает.

Шаронова. Хорошо. Давай разберемся. Отбросим все несущественное. Остановимся на главном. Почему тебе отказала Саша?

Игорь. Не понимаю.

Шаронова. Что она говорит?

Игорь. Говорит, что любит меня и что именно потому, что любит, не хочет.

Шаронова. Это уже что-то западноевропейское. Ну, а ты что?

Игорь. Сказал «до свиданья» и ушел.

Шаронова. А она что?

Игорь. Ничего.

Шаронова. Сердце красавицы. Знаешь, Игорек, что я тебе посоветую? Попробуй сходи к ней еще раз.

Игорь. Ну, уж нет. Не хочет — не надо. Можно подумать, что я без нее жить не могу. Больше унижаться не буду. Как будто нет на свете других девушек. Да сколько угодно! Только помани...

Стук в дверь.

Кто там? Войдите.

Оля (*входит*). Здравствуйте, Антонина Алексеевна. Здравствуй, Игорь. К вам можно? Только я не одна. Со мной Вася. Вася, заходи.

Входит Вася.

Игорь, вы, кажется, знакомы. Это Игорь. Это его бабушка Антонина Алексеевна. Поздоровайся.

Вася (*здоровается*). Василий, Василий.

Оля. Только не жми так сильно руку. У него ужасная манера давить людям руки.

Вася. Я аккуратно.

Оля. Мы совсем ненадолго. Можно нам сесть?

Шаронова. Милости просим. Садитесь.

Оля. Садись, Вася. Полегче. Он у меня очень стеснительный. Вася, не стесняйся. Здесь все свои. Игорь, у меня с тобой деловой разговор.

Шаронова. Мы не помешаем?

Оля. Нисколько. Даже лучше, что все здесь — я, Вася. Игорь, извини, дорогой, но я должна задать тебе один нескромный вопрос.

Игорь. Пожалуйста.

О л я. Ты уже нашел себе подходящую жену для поездки?

И г о р ь. Как ты выражаешься!

О л я. А что? Ничего. Здесь все свои.

И г о р ь. Нет, не нашел.

О л я. Ну, слава тебе господи. А то я так переживала, что ты второпях наскочишь на какую-нибудь дрянь. Так вот какое дело. Есть одна замечательная девушка, прямо-таки созданная для тебя. Она, правда, разводка. Уже была один раз замужем. Но неудачно. Так что это может не считаться. Ее муж сразу же после свадьбы оказался запойным. Как начал на свадьбе пить, так уже больше не останавливался. Она промучилась с ним три месяца, не выдержала и развелась. Девятнадцать лет, добрая, милая, простая. Во всех отношениях ангельская душа. И при этом красавица. Не просто красавица или что-нибудь вроде того. А неслыханная красавица. Такие красавицы рождаются, как Пушкин, — один раз в сто лет. С ней совершенно невозможно идти по улице. Не только мужчины, но даже женщины останавливаются и балдеют. И так ей, бедняжке, не повезло с этим проклятым алкоголиком! До сих пор не может прийти в себя. Но ты, Игорь, не беспокойся. Она такая скромная, что даже не понимает своей красоты. Будет жена, что надо. Я за нее ручаюсь. Особенно для заграницы, а для Африки — так сущий клад. Васина сестренка, Алла.

В а с я. Да, моя младшая сестренка, Алла.

О л я (*Игорю*). Теперь ты меня можешь спросить, почему я так стараюсь? Отвечу. Не могу себе простить, что в прошлый раз, когда ты приходил ко мне свататься, я чуть было тебя не обманула. Да по правде, таки и обманула: сказала тебе, что я свободна, что у меня никого нет, и — соврала. А на самом деле у меня уже Вася был. Польстилась на зарубежную поездку. Говорю честно перед всеми. Проявила беспринципную подлость. Но, слава богу, вовремя одумалась. Совесть не позволила. Верно, Вася? Ты на меня больше не сердись? Я ведь от тебя ничего не скрыла. Верно?

В а с я. Верно.

О л я (*Игорю*). А как только ты от меня ушел, я сразу же и подумала: а что будет, если ему не удастся до среды найти себе подходящую девушку? Ведь тогда погорит вся его поездка. Вот будет номерок! Ты себе не можешь представить, Игорь, как я переживала. Вася, я переживала?

В а с я. Конечно, переживала.

О л я. И тут мне Вася вдруг и говорит: «Слушай, Ольга»... — он меня называет дома полностью — Ольга. «Слушай, говорит, Ольга, парень горит, давай ему сосватаем нашу Алку. Доброе дело сделаем. И ей будет хорошо, и ему будет хорошо, и всем будет хорошо». Верно, Вася?

В а с я. Я именно так и сказал или вроде этого.

О л я. Тогда я сказала: пусть вместе летят в Африку, тем более что если полетят через Копенгаген или Стокгольм, то имеют шанс задержаться на пару дней в Париже. Нет, Игорь, честное слово, я не шучу: ты об этом подумай. Серьезное предложение. И все породнимся — красота!

И г о р ь. Что ж... это, конечно, не лишено... Все равно. Но надо сперва познакомиться...

О л я. Правда? Тогда я ее сейчас позову. Она тут, дожидается на лестнице. Вася, сбегай. А ты, Игорь, не беспокойся. Тебя это ни к чему не обязывает. Только посмотрите друг на друга.

В а с я (*уходит и приходит с Аллой*). Иди, Алла, не стесняйся. Она у нас очень стеснительная. Не бойся. Здесь все свои. Познакомьтесь, товарищи. Это моя сестренка Алла.

Алла очень смущена. Это в полном смысле красавица, хорошо одета, нарядно, но скромно, может быть в длинных черных перчатках, в шляпке с вуалеткой или как оденет ее режиссер, но модно.

О л я. Познакомься, Алла. Это Антонина Алексеевна. Это Игорь, о котором я тебе говорила. Ну, Игорь: ты видел что-нибудь подобное?

А л л а (*знакомится*). Алла.

О л я. Садись, Алла, не стесняйся, здесь все свои.

Пауза.

Ш а р о н о в а. Какое у вас, Аллочка, образование?

А л л а (*преодолевая застенчивость и ломая на груди руки*). Кончила десятилетку. Поступила в педагогический институт. А потом... (*Плачет.*)

Ш а р о н о в а. Зачем же плакать, дитя мое?

В а с я. У нее глаза на мокром месте.

О л я. Не реви, а то ресницы потекут.

А л л а. Я не реву, а только стесняюсь. (*Пауза. Игору.*) Вы врач?

И г о р ь. Да.

А л л а. Хирург?

И г о р ь. Да.

Продолжительная пауза.

О л я. Ну что ж, граждане, как говорится: гости посидят, посидят, да и разбегутся по домам. Пошли, что ли? Заходи, Игорь. Когда зайдешь? Заходи завтра утром.

И г о р ь. Спасибо.

О л я (*шепотом*). Смотри, не упусти девуку!

И г о р ь. Ладно. Не упушу.

В а с я. Послушайте, Игорь. Как мужчина мужчине. Ты мне нравишься. Будем дружить. Независимо ни от чего. Руку? И конечно, милости просим на нашу с Ольгой свадьбу. Будешь у нас первым гостем.

И г о р ь. С удовольствием.

О л я. До свиданья, Игорь.

А л л а. До свиданья.

О л я. Не провожайте. Свои люди, сочтемся. Дорогу сами найдем.

Алла, Оля и Вася уходят.

И г о р ь. Ну, бабушка, что ты скажешь?

Ш а р о н о в а. По-моему, только что произошло настоящее чудо. Я действительно не видела в жизни ничего подобного. Самая настоящая, неподдельная, редчайшая красавица. А как скромна, мила. Ну, дорогой мой сын-внук, тебе, кажется, сегодня действительно повезло. Уж лучше не найдешь. Что же ты молчишь? Или, может быть, она тебе не понравилась?

И г о р ь. Как можно! Даже очень понравилась. Но знаешь, что я тебе скажу? Мне кажется, она не моего романа.

Ш а р о н о в а. Романа? Какого еще тебе нужно романа? Ты с ума сошел.

И г о р ь. Не знаю.

Ш а р о н о в а. Тебе нужен не роман, а хорошая, милая, порядочная девушка, которая могла бы стать твоей женой и поехать за границу. Не забывай, что время не терпит.

И г о р ь. Да, ты права. Но мне кажется, что, может быть, сначала надо еще раз поговорить с Сашей Соболевой. Все-таки мы начали с Саши Соболевой.

Ш а р о н о в а. Да ведь она тебя и знать не хочет.

Стук в дверь.

Кто там? Входите!

С а ш а (*входит*). Извините, что я так поздно.

Ш а р о н о в а. Книжки принесла?

С а ш а. Нет. Я к Игорю. Игорь, вероятно, мне не сле-

довало приходиться, но я ничего не могу с собой поделать. Это выше моих сил.

Шаронова. Может быть, мне уйти?

Саша. Не надо. Лучше при вас. (Игорю.) Ты хотел, чтобы я вышла за тебя замуж. Ты еще не раздумал?

Игорь. Нет.

Саша. Ну, словом, у меня не хватило характера, я тряпка... я согласна.

Игорь. Согласна быть моей женой?

Саша. Согласна. Но вы, Антонина Алексеевна, не думайте. Это вовсе не потому, что ехать за границу. Даже напротив. А просто я его люблю. (Игорю.) Ты понимаешь, что я тебя люблю?

Игорь. Понимаю.

Шаронова. Фу, гора с плеч! Поди сюда, Сашенька. Я ведь тебя знаю совсем маленькой девочкой. Ты ко мне ходила брать Чуковского. А потом ты выросла и ходила брать Аркадия Гайдара. И ты никогда не рвала книжек. Ты мне всегда нравилась больше всех других подруг Игоря. Дай я тебя поцелую. От всей души. Будьте счастливы.

Саша. Я ему постараюсь быть хорошей женой. Я так счастлива, Антонина Алексеевна.

Шаронова. Вот видишь, внучек, а ты сомневался в том, что брак — это лотерея. Я уверена, что ты вытащил счастливый билет.

Игорь. Положим, билет тянул не я, а тянула ты. Вообрази себе, Саша, это бабушка вытянула тебя мне.

Саша. Как вытянула? В каком смысле?

Игорь. В самом прямом. Я положил билетики в эту волшебную шкатулку, а бабушка тянула.

Саша. Не понимаю. Какие билетики?

Игорь. Они еще, наверное, до сих пор лежат здесь. Так и есть. Вот они, можешь убедиться.

Саша (вынимает из шкатулки билетики и читает). «Оля Огородникова», «Ингрид Стуул», «Тамара Лагутинская», «Саша Соболева».

Игорь. И бабушка вытянула для меня именно эту самую Сашу Соболеву, которая завтра уже будет Сашей Шароновой и начнет оформляться на предмет поездки в Аддис-Абебу.

Саша. Я думала, ты меня разыгрываешь.

Игорь. Насчет чего?

Саша. Насчет билетиков.

Шаронова. Он шутит, не верь! Он шутит.

Игорь. Какие уж тут шутки!

С а ш а. Подожди. Значит, ты меня выбрал по жребии?

И г о р ь. Да. А что?

С а ш а *(медленно)*. Ты выбрал меня по жребии?! Вытянул? *(Начинает волноваться.)* Вытянул по лотерейному билету?! Как швейную машину?! Теперь — все. Конечно.

И г о р ь. Куда же ты, Саша?

С а ш а. Извините, Антонина Алексеевна. Ухожу.

Ш а р о н о в а. Сашенька!

С а ш а. Все! Все! *(Игорю.)* Ты больше для меня не существуешь.

И г о р ь. Не уходи. Я должен тебе что-то сказать.

С а ш а. Прощай! *(Уходит.)*

И г о р ь. Вернись!

Ш а р о н о в а. Вот видишь, что ты наделал? Но ты не огорчайся. Может быть, это даже и к лучшему. Кто знает? Слов нет, Саша — девушка хорошая, милая. Но далеко ей до Аллы. Такая красавица!

И г о р ь *(в отчаянии)*. Не надо мне никаких красавиц! Ах, бабушка!

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ШЕСТАЯ, И ПОСЛЕДНЯЯ

Передняя в новой квартире, где в данный момент идет новоселье. В передней никого нет. Стоит шкаф с посудой. На полу блюдо с заливным. Тут же мотороллер и велосипед. Из-за дверей доносится шум новоселья, тосты, музыка, пение, восклицания — по усмотрению режиссера. Автор очень рассчитывает на изобретательность театра, так как для этой сцены, шестой, и последней, текста у него мало, а раздуть надо на целый акт, минут, по крайней мере, на тридцать — сорок. Новоселье устраивают старый мастер Соболев и его супруга, дядя и тетя Саши. У них в гостях пируют много наших знакомых, но мы их пока не видим. Несколько раз в передней звонит звонок, и сам Соболев, возбужденный, нарядный, с орденом Трудового Красного Знамени на темном двубортном пиджаке, выходит встречать гостей. Встретил, между прочим, Ингрид Струул, явившуюся с кубинским парнем Педро, у которого борода и за спиной гитара. Потом Васю, Олю и Аллу. Некоторое время сцена пустая. Затем слышатся несколько продолжительно-нервных настоячивых звонков.

С о б о л е в *(входит, открывает дверь и видит Игоря)*. Что прикажете?

И г о р ь. Извините, может быть, я не сюда попал?

С о б о л е в. Сюда, сюда, милости просим. Только не волнуйтесь.

И г о р ь. Я не волнуюсь. Здесь, кажется, какой-то семейный праздник?

С о б о л е в. Ну да, новоселье. Пожалуйста.

И г о р ь. Нет, по-видимому, произошла ошибка. Я не собирался на новоселье. Мне просто срочно нужно видеть одну девушку — Сашу Соболеву. Она случайно не у вас?

С о б о л е в. Как же, как же. Но не случайно. Да вы не волнуйтесь!

И г о р ь. Я не волнуюсь. Вот еще! Слава богу! Я видел, как она вошла в этот подъезд, а в какую квартиру — не знаю. А тут у вас девять этажей. Пришлось звонить в каждую квартиру.

С о б о л е в. Утомились?

И г о р ь. Ужасно.

С о б о л е в. Так пожалуйста, отдохните. Повеселитесь. Мы всегда рады хорошему человеку. А главное, не волнуйтесь. Успокойтесь.

И г о р ь. Не могу. Тороплюсь. Мерси. Так будьте любезны, вызовите мне на минуточку Сашу Соболеву.

С о б о л е в. А вы, простите, кто такой?

И г о р ь. Я ее старый друг, Игорь Шаронов.

С о б о л е в. Внук Антонины Алексеевны?

И г о р ь. Да, ее.

С о б о л е в. Так тем лучше. Ваша бабушка тоже у нас. У нас сегодня все.

И г о р ь. Извините, но не могу. Тороплюсь.

С о б о л е в. Что ж вы будете сидеть в неблагоустроенной передней, как бедный родственник? Вам будет тоскливо и неудобно. Лучше заходите в комнаты. Посмотрите, как мы разместились. Выпейте стопочку. Потанцуете.

И г о р ь. Покорно благодарю, но у меня на счету каждая минута. Позовите, пожалуйста, Сашу.

С о б о л е в. Ну, как хотите. Пожалуйста. Только, бога ради, не надо так волноваться. (*Уходит.*)

Пауза.

С а ш а (*входит*). Так это ты?

И г о р ь. Я.

С а ш а. Как ты сюда попал?

И г о р ь. Видел, как ты вошла в этот подъезд с каким-то парнем.

С а ш а. Положим, не с парнем, а с одним заслуженным мастером спорта.

Игорь. Вот как!

Саша. Да.

Игорь. Для меня это новость. Как его фамилия?

Саша. Зачем тебе это знать?

Игорь. Я так хочу.

Саша. Мало ли.

Игорь. Почему ты была с ним?

Саша. Какое тебе дело?

Игорь. Я хочу знать.

Саша. Мне не нравится твой тон.

Игорь. А может быть, мне не нравится твое поведение. И вообще я требую, чтобы ты сказала, почему ты была с этим человеком!

Саша. Ты за мной следил?

Игорь. Это не важно.

Саша (*сильно волнуясь*). Ты за мной следил?!

Игорь. А хотя бы.

Саша. Какое же ты имел право? Какая гадость! Игорь, я тебя не узнаю.

Игорь. А я тебя не узнаю. Я хочу знать: какие у тебя отношения с этим человеком?

Саша. С каким человеком?

Игорь. С заслуженным мастером спорта. Интересно, каким родом спорта вы с ним занимаетесь?

Саша. Как ты груб! Дурак.

Игорь. Я тебя прошу ответить на мой вопрос: какое ты имеешь отношение к этому человеку?

Саша. Никакого. Просто это мой знакомый, который зашел за мной, чтобы проводить меня на новоселье к дяде.

Игорь. К дяде?

Саша. Да. Для твоего сведения — человек, который открыл тебе дверь, мой родной дядя. У них сегодня новоселье.

Игорь. Я слышу эти разнузданные звуки.

Саша. Почему именно разнузданные?

Игорь. Ну, не разнузданные.

Саша. Ты удовлетворен моим объяснением?

Игорь. Нисколько.

Саша. Но ведь я сказала тебе чистую правду.

Игорь. А почему я раньше не знал, что у тебя есть какой-то дядя?

Саша. Вероятно, потому, что слишком мало мною интересовался.

Игорь. Он тебя любит?

С а ш а. Конечно.

И г о р ь. А ты его?

С а ш а. Конечно. И тетю.

И г о р ь. Про кого ты говоришь?

С а ш а. Про дядю и тетю.

И г о р ь. Оставь эти неуместные шутки. Я спрашиваю, любит ли тебя этот человек? Мастер спорта?

С а ш а. Не думаю. Во всяком случае, не замечала.

И г о р ь. А ты его?

С а ш а. Это мое личное дело. И вообще — почему ты сюда ворвался и что тебе от меня надо?

И г о р ь. Саша, зачем ты говоришь со мной таким тоном?

С а ш а. А каким же тоном с тобой говорить? Я тебе ясно дала понять, что ты для меня больше не существуешь.

И г о р ь. Но, по крайней мере, можешь ты меня выслушать?

С а ш а. Сейчас не время и не место. До свиданья.

И г о р ь. Подожди! Выслушай.

С а ш а. Хорошо. Говори.

И г о р ь. Завтра последний день. Послезавтра уже будет поздно. Да или нет?

С а ш а. Я не понимаю, о чем ты говоришь?

И г о р ь. Нет, ты отлично понимаешь.

И к о н н и к о в (*вбегает*). Сашенька, где же вы? Я вас ищу повсюду. А оказывается, вы здесь. Извините за грубое вторжение, но вы слышите? Вальс, вальс! Вы забыли?

С а ш а. Помню, помню. Извини, Игорь, я тебя покидаю. Я обещала.

И г о р ь. Остайся.

С а ш а. Не могу. Дала слово. Если хочешь, подожди меня здесь.

И к о н н и к о в. Тысячу извинений. (*Уносится с Сашей в вальсе.*)

Игорь нервно ходит взад-вперед по передней, время от времени задевая велосипед, шкаф с посудой и стараясь не наступить на блюдо с заливным.

Музыка. Пауза.

С о б о л е в а (*входит*). Что же вы, молодой человек сидите в такой неудобной передней? Я Сашина тетя. Здравствуйте. Заходите, пожалуйста. Не стесняйтесь. Здесь много ваших друзей и знакомых.

И г о р ь. Я не одет.

С о б о л е в а. Какие пустяки!

И г о р ь. Я не могу.

С о б о л е в а. Ну, как хотите. *(Кричит в дверь.)*
Иду! Иду! *(Игорю.)* Если надумаете, приходите. Там сейчас будет исполняться кубинская песня. *(Уходит.)*

Возвращаются С а ш а и И к о н н и к о в.

И к о н н и к о в. Извините, что я похитил вашу даму. Возвращаю ее вам в полной неприкосновенности.

С а ш а. Я в восторге. Вы ни разу не наступили мне на ногу.

И к о н н и к о в. И так, за вами еще танго. Не забудьте. *(Уходит.)*

С а ш а. Не забуду.

И г о р ь. Это он?

С а ш а. Кто он?

И г о р ь. Заслуженный мастер спорта.

С а ш а. Он самый.

И г о р ь. Ну что ж, красивый самец. Поздравляю.

С а ш а. Ты ошибаешься. Он здесь не ради меня.

И г о р ь. А ради кого?

С а ш а. Ради одной красивой девушки.

И г о р ь. Не рассказывай мне сказок.

С а ш а. Как угодно. Так что же ты мне хочешь сказать?

И г о р ь. Да или нет?

С а ш а. Нет.

И г о р ь. Но почему же, почему?

С а ш а. Я никогда не подозревала, что ты можешь быть такой занудой. Как Васисуалий Лоханкин.

И г о р ь. Нет, ты мне ответь: почему?

С а ш а. Неужели так до сих пор и не понял? Ты поступил со мной как с вещью. Ты хотел меня выиграть, как мотороллер. Я тебе этого никогда не прощу.

И г о р ь. Сашенька, не придавай этому значения.

С а ш а. То есть как это — не придавай значения? Вот еще! Ты меня унизил. Понимаешь: унизил!

И г о р ь. Понимаю. Больше этого не повторится. Прости.

С а ш а. Не прощу.

И г о р ь. Но ведь ты же меня любишь.

С а ш а. Любила.

И г о р ь. А теперь?

С а ш а. А теперь не люблю.

И г о р ь. Больше не любишь! Тогда мне все ясно. Ты

любишь другого. (Горько.) Сердце красавицы склонно к измене.

С а ш а. Не будь пошляком. Сердце красавицы склонно к свободе и независимости. И не склонно переносить оскорблений.

И г о р ь. Каких же оскорблений?

С а ш а. Думать, что я могу выйти замуж по расчету,— оскорбление.

И г о р ь. Все это слова. Ты любишь другого.

С а ш а. Это мое личное дело.

И к о н н и к о в (появляется, возбужденно.) Извините, я опять похищаю вашу даму. Сашенька, фокстрот.

С а ш а. Иду.

Иконников и Саша в танце исчезают.

И г о р ь. Я ее убью. Ее и его.

С о б о л е в (входит с тарелкой в руке). Ну, если вы предпочитаете пребывание в одиночестве нашему обществу, то хотя бы закусите чем бог послал. Тут селедочка, пирожки и соответствующее сопровождение.

И г о р ь. Благодарю вас. Я не пью.

С о б о л е в. В принципе я тоже не пью, но приходится. Пожалуйста. Иначе вы нас обидите.

И г о р ь. Хорошо. С новосельем!

С о б о л е в. Мерси. И, простите, исчезаю к гостям.

Звучит музыка. Танцуют, Иконников и Алла в вечернем туалете показываются в передней. Они останавливаются, не замечая Игоря.

А л л а. Что вы делаете?

И к о н н и к о в. Я увидел вас и сошел с ума. Я пришел сюда только ради вас.

А л л а. Но я даже не знаю, кто вы такой.

И к о н н и к о в. Я заслуженный мастер спорта, но я еще никогда никого не любил.

А л л а. Наверное, обманываете.

И к о н н и к о в. Клянусь вам. Я вас люблю.

А л л а. Так сразу, с места в карьер?

И к о н н и к о в. С места в карьер! А чего? Неужели я вам ни капли не нравлюсь? В конце концов я еще не такой старый. Если бы вы меня видели на стадионе!

А л л а. Я видела.

И к о н н и к о в. И что же?

А л л а. Блеск.

И к о н н и к о в. Вы за кого болеете?

А л л а. До сих пор за «Крылья».

И к о н н и к о в. Теперь придется болеть за «Космос». Будьте моей женой. Нет, совершенно серьезно. Будьте.

А л л а. А вы часом не пьющий?

И к о н н и к о в. Клянусь вам!

А л л а. Дыхните!

И к о н н и к о в. Святой истинный крест. (*Дышит.*)

А л л а. Что вы делаете?

И к о н н и к о в. То, что надо.

Целуются.

А л л а. Ай, здесь кто-то сидит за шкафом! Это вы, Игорь?

И г о р ь. Это я.

А л л а. Вот видите, не пришли вчера утром к Ольге. Ай-яй-яй!

И к о н н и к о в (*Игорю*). Прошу прощения. (*Алле.*) Так будешь?

А л л а. Буду!

Исчезают в танце.

С а ш а (*входит, возбужденная, раскрасневшаяся, с бокалом в руке*). Ты еще здесь? Ах, как мне жарко!

И г о р ь. Сядь.

С а ш а. Ну, села. Что тебе надо?

И г о р ь. Как же это получается: вчера любила, сегодня уже не любишь. Так не бывает.

С а ш а. Много ты понимаешь.

И г о р ь. Выслушай меня.

С а ш а. Слушаю.

И г о р ь. Прости меня.

С а ш а. Допустим, простила. И что дальше?

И г о р ь. Неужели тебе не хочется увидеть снега Килиманджаро?

С а ш а. Хочется.

И г о р ь. И огни Лиссабона?

С а ш а. Ужасно хочется!

И г о р ь. Так в чем же дело? Неужели я тебе до того противен, что ты даже не можешь выйти за меня замуж?

С а ш а. Напротив. Ты мне совсем не противен. Скажу тебе больше. Я ведь тебе соврала, что я тебя не люблю. Люблю и любила всю жизнь, с самого детства. Мне, конечно, не следовало бы этого говорить. Но это сильнее меня. Ты меня проглотил без остатка. Я люблю тебя. Люблю. Милый ты мой, дорогой.

И г о р ь. Ты не шутишь?

С а ш а. Не до шуток мне.

И г о р ь. Значит, согласна быть моей женой? Вот это умница.

С а ш а (*грустно*). Нет, не согласна.

И г о р ь. Господи боже мой, но почему же, почему?

С а ш а. Потому, что люблю.

И г о р ь. Я уже это слышал.

С а ш а. Именно потому, что люблю, а ты...

И г о р ь. Что я?

С а ш а. Неужели все еще не понимаешь?

И г о р ь. Нет, Саша. Теперь я вижу: ты опасный тип. В последний раз: да или нет? Или я ухожу навсегда, и ты меня больше никогда не увидишь.

С а ш а. Как хочешь.

И г о р ь. Пожалеешь.

И к о н н и к о в (*входит*). Простите, что нарушаю вам фэйфоклок. Разрешите опять похитить вашу даму.

С а ш а. Похищайте.

И к о н н и к о в (*Саше*). Я вам обязан своим счастьем. Вы меня познакомили с лучшей девушкой в мире. Позвольте руку. (*Целует ей руку.*)

И г о р ь. Сашка, не смей.

С а ш а. Ты взбесился. Не смей меня хватать за руку.

И г о р ь. А вы, товарищ, идите отсюда, идите, а то я за себя не ручаюсь.

И к о н н и к о в. Простите, но я не имел в виду... тем более что я, так сказать, люблю другую... (*Саше.*) Прошу вас. (*Уходит.*)

И г о р ь. Сашка, не смей.

С а ш а. Вот еще!

И г о р ь. Вернись!

С а ш а. Даже не подумаю.

И г о р ь. А я говорю: вернись! Ну!

С а ш а. Не кричи, пожалуйста. Ты не у себя дома. Здесь квартира моих дяди и тети. Здесь новоселье, гости. А ты скандалишь. Хоть бы постеснялся.

И г о р ь. Наплевать!

С а ш а. Не выкручивай мне руки.

И г о р ь. Нет, буду, нет, буду выкручивать!

С а ш а. Я закричу.

И г о р ь. Я тебе приказываю. Не смей уходить.

С а ш а. Не командуй. Сию минуту пусти.

И г о р ь. Не пущу.

С а ш а. Сумасшедший, что ты делаешь?

Мотороллер падает в блюдо с заливным.

Теперь погиб заливной поросенок.

И г о р ь. Заливной поросенок — это еще не все. Я разнесу вдребезги это осиное гнездо!

С а ш а. Ты опрокинешь шкаф. Граждане, помогите!

И г о р ь. И опрокину!

Медленно падает шкаф, из которого по частям высыпается новый обеденный сервиз на двенадцать персон.

С а ш а. Ты добился своего.

И г о р ь. Да. И добился. Это ты виновата. Пойми же, пойми, куриная твоя голова, что я тебя люблю!!!

С а ш а. Как ты сказал?

И г о р ь. Оглохла, что ли! Люблю. Я тебя люблю! Понятно тебе это или не понятно?

С а ш а. Повтори.

И г о р ь. Я тебя люблю.

С а ш а. Так с этого и надо было начинать. Милый!
(Бросается ему на шею.)

И г о р ь. Моя?

С а ш а. Твоя!

И г о р ь. Согласна?

С а ш а. Конечно, согласна. Да, да, да!

Вбегают гости, среди них Шаронова.

Ш а р о н о в а. Что здесь происходит? Игорь! Мальчик мой!

И г о р ь. Я ее люблю.

Ш а р о н о в а. Но зачем же с таким грохотом? Ты весь в покойного деда. Тот же почерк.

С о б о л е в а (видя разбитую посуду). Ах! Посуда! На помощь!

В а с я. Товарищи, ничего особенного. Он просто страшно надрался.

А л л а. Хорошо, что я не вышла за него замуж.

В а с я. Страшно надрался.

Ш а р о н о в а. А ведь никогда в рот не брал.

В а с я. Значит, с непривычки.

О д и н и з г о с т е й. Позовите коменданта!

С о б о л е в. Товарищ, как вам не стыдно! Вас пустили в порядочный дом. А еще интеллигентный человек. Начинающий врач.

С о б о л е в а. Что же вы смотрите? Он задушит мою племянницу! Звоните в милицию!

Свистки.

С а ш а. Не надо звонить в милицию. Мы просто любим друг друга.

И г о р ь. В особенности я. Простите, я, кажется, разбил посуду. Я заплачу.

С а ш а. Мы заплатим.

С о б о л е в. Посуда — это что! Поросенка жалко.

С о б о л е в а. Ничего, пожалуйста! Бейте! Это даже к счастью.

И г о р ь. Ты слышишь, солнышко, это даже к счастью.

С о б о л е в. Извините, может быть, мы лишние?

И г о р ь. Откровенно говоря, да.

С о б о л е в. Пойдемте, товарищи.

С о б о л е в а. Пойдемте, пойдемте.

Ш а р о н о в а (*Соболевой*). Мне так перед тобой неудобно, Танька.

С о б о л е в а. Ну, чего там! А нашу молодость помнишь?

Ш а р о н о в а. Наша молодость! «Кирпичики!» Давай, Танька, оторвем «Кирпичики».

С о б о л е в а. Давай, Тонька, оторвем.

Уходят.

И н г р и д. Ну, что я тебе говорила? Ты видишь он уже дозрел.

С а ш а. И даже чересчур. Перезрел. Я всегда знала, что он у меня вулкан. Смотри, как он тут извергался.

И н г р и д. Да, страшные разрушения Помпеи. (*Кубинцу.*) Пойдемте, Педро, надеюсь, вы не такой вулканический.

Гости уходят. Среди груды битой посуды остаются Игорь и Саша. Слышится голос Шароновой, поющей под гитару «Кирпичики»¹.

С а ш а (*воркуя*). Ты меня любишь?

И г о р ь. Люблю.

С а ш а. А почему не хотел говорить?

И г о р ь. Я сам не понимал, что люблю тебя. Люблю с детства. А ты меня?

С а ш а (*очень тихо*). Тоже люблю.

¹ Необязательно «Кирпичики». Можно любую песню 20-х годов, которая нравится артистам. (*Примеч. автора.*)

Игорь. Не слышу.

Саша. Тоже люблю.

Игорь. Почему ты говоришь так тихо?

Саша. Потому, что люблю. Тоже люблю.

Игорь. Почему тоже?

Саша. Ну, не тоже, а просто. Как ты мне надоел!

Игорь. Стало быть, ты теперь согласна быть моей женой?

Саша. Согласна.

Игорь. И мы увидим снега Килиманджаро?

Саша. К сожалению, нет.

Игорь. Почему же?

Саша. Потому, что я не могу с тобой ехать. При всем моем желании. Наша бригада дала обязательство выполнить годовой план на пять месяцев раньше, и до этого я не могу уйти с работы... как бы мне этого ни хотелось... Ты огорчен? Милый, дорогой, пойми, что я просто не имею морального права. Это будет не по-коммунистически. Ты же первый перестанешь меня уважать.

Игорь. Я понимаю.

Саша. И согласен?

Игорь. Согласен. Ты чудная!

Игорь и Саша, обнявшись, проходят через всю квартиру, мимо веселящихся гостей и выходят на балкон, откуда видна панорама строительства и огни комбината.

Саша. Но ты все-таки огорчен?

Игорь. Я огорчен?! Дурочка. Я счастлив, счастлив. На черта мне все эти снега Килиманджаро и огни Лиссабона без тебя?

Саша. Тем более что перед нами вся жизнь, и мы еще многое увидим... многое...

Гости окружают их с бокалами. Шаронова с чувством поет «Кирпичики».

З а н а в е с

СОДЕРЖАНИЕ

ПЬЕСЫ

Растратчики	5
Квадратура круга	83
«Авангард»	139
Миллион терзаний	191
Дорога цветов	247
День отдыха	319
Домик	373
Синий платочек	423
Случай с гением («Понедельник»)	481
Пора любви	533

ВАЛЕНТИН ПЕТРОВИЧ КАТАЕВ

Собрание сочинений
в десяти томах

ТОМ ДЕВЯТЫЙ

Редактор *О. Новикова*. Художественный редактор *Е. Ененко*. Технический редактор *Е. Полонская*. Корректоры *Г. Киселева*, *О. Наренкова*

ИБ № 4195

Сдано в набор 19.02.85. Подписано в печать 27.08.85. А14105. Формат 84×108^{1/32}. Бумага типогр. № 1. Гарнитура «Обыкновенная». Печать высокая. Усл. печ. л. 30,24. Усл. кр.-отт. 30,24. Уч.-изд. л. 29,9. Тираж 150 000 экз. Изд. № III-1968. Заказ № 5-276. Цена 2 р. 30 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Набрано и сматрицировано в ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова» Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 113054, Москва, Валовая, 28

Отпечатано в Киевской книжной фабрике республиканского объединения «Полиграфкнига» Госкомиздата УССР, Киев, ул. Воровского, 24.

